

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ДОЛЖЕНКОВА ЕКАТЕРИНА

**ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Специальность: 23.00.04 – политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

кандидат политических наук, доцент

Д.А. Ланко

Санкт-Петербург

2018 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ.....	22
§ I.1. Политическая коммуникация в международной политике	22
§ I.2. Секьюритизация как разновидность политической коммуникации	39
§ I.3. Условия секьюритизации в постсоветской Латвии	49
ГЛАВА II. УСИЛИЯ ЛАТВИИ ПО УСИЛЕНИЮ ДЕСЕКЬЮРИТИЗАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ	78
§ II.1. Предпосылки к обозначению русскоязычного населения в Латвии в качестве проблемы	78
§ II.2. Различия внутренней и внешней политики Латвии по отношению к русскоязычному населению	93
§ II.3. Внешняя политика Латвии по отношению к России после восстановления независимости	108
ГЛАВА III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И РУССКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЛАТВИИ.....	129
§ III.1. Претензии международных организаций к Латвии, в связи с положением русскоязычного населения	129
§ III.2. Нарушения политических и гражданских прав русскоязычного населения Латвии до и после вступления в Европейский союз	144
§ III.3. Языковые проблемы русскоязычного населения Латвии до и после вступления в Европейский союз	164
ГЛАВА IV. СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЛАТВИИ	186
§ IV.1. Секьюритизация коммунизма	186
§ IV.2. Секьюритизация Российской пропаганды в Латвии	197
§ IV.3. Секьюритизация Российской кибер-угрозы в Латвии	213
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	232
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	243

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Улучшение положения русскоязычного населения за рубежом, включая и Латвийскую Республику, является важнейшей задачей российской внешней политики. За прошедшие двадцать пять лет эта задача была решена лишь частично. Представляется, что эта задача была решена лишь частично, потому что международные институты, целью создания которых является улучшение прав меньшинств в странах Европы и всего мира, не уделили случаю Латвии достаточного внимания. Данное обстоятельство, как представляется, произошло благодаря двум факторам. С одной стороны, сами эти институты не оказались готовы затратить серьезные ресурсы на улучшение положения меньшинств в странах Восточной Европы, а потому в ряде случаев предпочли проигнорировать связанные с этим проблемы. С другой стороны, сами страны Восточной Европы, включая Латвию, приложили значительные усилия к тому, чтобы убедить эти международные институты в отсутствии у них серьезных проблем, связанных с положением меньшинств. Данная работа посвящена детальной характеристике этих усилий на примере Латвии. Актуальность данной работы обуславливается тем, что детальная характеристика усилий Латвии, направленных на убеждение международных институтов в том, что проблемы, связанные с положением русскоязычного населения в этой стране преувеличены на фоне других проблем, связанных с русскоязычным населением и с самой Россией, в первую очередь, проблем безопасности, будет способствовать повышению эффективности российской внешнеполитической деятельности, ориентированной на улучшение положения русскоязычного населения за рубежом и в самой Латвии в частности.

Степень научной разработанности проблемы. Рассматривая проблемы положения русскоязычного населения в странах Балтии, а также отношения стран Балтии и России необходимо отметить работы латышских исследователей международных отношений: Ж. Озолиня¹, А. Странга², А. Леиньш³, Д. Блейере⁴, Д. Бунгс⁵, А. Спрудс⁶, Т.

¹ Ozoliņa Ž. Latvian Security Policy // The Baltic States: Search for Security. 1996. P. 29 – 57. / Ozoliņa Ž. The Impact of EU and NATO Enlargement on Baltic-Nordic Cooperation // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 41 – 101. / Ozoliņa Ž. The Impact of EU and NATO Enlargement on Baltic-Nordic Cooperation // Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 71 – 122.

² Stranga A. The Baltic States in the European Security Architecture // Small States in a Turbulent Environment: The Baltic Perspective. 1996. P. 11 – 59. / Stranga A. Baltic-Russian Relations: 1997 // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 139 – 196. / Stranga A. Baltic-Russian Relations 1998 – 99 // Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 123 – 148.

³ Lejiņš A. The “Twin Enlargements” and Baltic Security // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 8 – 40. / Lejiņš A. Joining the EU and NATO: Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century // Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 9 – 50. / Lejiņš A. The CFSP and the PCA:

Ростокс⁷, К. Буковскис⁸, А. Якобсонс⁹, А. Зелтиньш¹⁰, Я. Берзиньш¹¹, А. Кудорс¹², И. Лиедис¹³, Я. Пойканс¹⁴, А. Чегодаевс¹⁵, А. Бейтане¹⁶, Я. Казоциньш¹⁷, А. Банка¹⁸, У.

Between Realpolitik and Values // The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2006. P. 7 – 24.

⁴ Bleiere D. The Role of Central Europe in Baltic State Policies // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 102 – 138. / Bleiere D. The Role of Central Europe in Baltic State Policies // Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 51 – 70.

⁵ Bungs D. The EU and NATO, Their Policies Toward Neighbouring Countries, Especially Countries of Central Europe, the South Caucasus, and the Russian Federation // An England Europe and Its Neighbourhood Policy: the Eastern Dimension – Research Project – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2004. P. 6 – 28. / Bungs D. Toward a New EU-Russia Partnership and Cooperation Agreement // The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2006. P. 25 – 50. / Bungs D. EU-Russia Relations: Challenges and Perspectives after the Orange Revolution in Ukraine // The European Union's Eastern neighbours after the Orange revolution. Riga, Latvian Institute of international Affairs. 2006. P. 9 – 30.

⁶ Sprūds A. Russia's Policy Towards Europe's "New Neighbours": in Pursuit of Partnership or Domination? // An England Europe and Its Neighbourhood Policy: the Eastern Dimension – Research Project – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2004. P. 29 – 46. / Sprūds A. EU-Russia Energy Dialogue in the Context of the Prospective Partnership and Cooperation Agreement // The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2006. P. 77 – 89. / Sprūds A. Regional Ramifications of Ukraine's Orange Revolution: Transnistrian Conflict Settlement // The European Union's Eastern neighbours after the Orange revolution. Riga, Latvian Institute of international Affairs. 2006. P. 30 – 45. / Sprūds A. Latvijas – Krievijas attiecības un Latvijas enerģētikas politika Krievijas – Gruzijas konflikta kontekstā // Gruzijas – Krievijas karš: secinājumi un mājasdarbi Latvijai un sabiedrotajiem. 2009. Lpp. 26 – 37.

⁷ Rostoks T. Augusta konflikts: izaicinājumi un iespējas ES un Latvijai // Gruzijas – Krievijas karš: secinājumi un mājasdarbi Latvijai un sabiedrotajiem. 2009. Lpp. 7 – 17. / Rostoks T., Potjomkina D. Soft power of the EU and Russia in Eastern Europe: Soft power vs (not so) Soft Manipulation? // The different faces of "soft power": the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU. 2015. P. 243 – 255.

⁸ Bukovskis K. From Diplomacy to Routine Partnership: The Bilateral Relations of Latvia and Germany in the XXI Century // Friendship in the Making: Transforming Relations between Germany and the Baltic-Visegrad Countries. 2012. P. 93 – 115. / Bukovskis K. State Institutions, Interdependence and Perceptions in Latvia's Economic Relations with the Russian Federation and Belarus // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities. 2012. P. 93 – 114.

⁹ Jakobsons A. The Economic Dimension of Bilateral Relationships between Latvia, Russia and Belarus – Past and Present // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities. 2012. P. 11 – 34.

¹⁰ Zeltiņš A. Business Interests in the Latvia – Russia Economic Relationship // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities. 2012. P. 115 – 144.

¹¹ Bērziņš J. NATO: Russia's Main Geopolitical Enemy // Ten Years in the Euro-Atlantic Community: Riga Conference Papers. 2014. P. 21 – 32.

¹² Kudors A. Baltic Security Over the Decade: Political Threats and Russia Factor // Ten Years in the Euro-Atlantic Community: Riga Conference Papers. 2014. P. 41 – 52. / Kudors A., Pelnens G. Diverging Faces of 'Soft Power' in Latvia between the EU and Russia // The different faces of "soft power": the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU. 2015. P. 220 – 242. / Kudors A. A Multipolar World from a Russia View // Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers. 2015. P. 95 – 103. / Kudors A. Latvia-Russia Relations: the Cool Stability // Latvian Foreign and Security. Yearbook. 2017. P. 127 – 140.

¹³ Lieģis I. Latvia's Foreign Policy 2014/2015: Players, Events and Challenges // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 7 – 15. / Lieģis I. Latvia's Foreign Policy in Times of Existential Challenges // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 7 – 18. / Lieģis I. Transatlantic Community and Russia: Elements of Dialogue 2016 // Riga Dialogue Afterthoughts 2016: Building Bridges for Euro-Atlantic Security. P. 17 – 26. / Lieģis I. Latvia's Foreign Policy – Predictable Pragmatism in Unpredictable Times // Latvian Foreign and Security. Yearbook. 2017. P. 51 – 62.

¹⁴ Poikāns J., Zeltiņš A. Latvian Foreign Policy in 2014/2015: The Greater the Challenge the Greater the Incentive // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 16 – 20. / Poikāns J. The Eastern Partnership – Latvia's Contribution // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 36 – 42.

¹⁵ Čegodajevs A. Chances and Challenges for the Latvian Presidency of the Council of the European Union // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 21 – 32.

Романовс¹⁹, М. Даугулис²⁰, Г. Ребока²¹, И. Бруде²², А. Крапане²³, О. Скудра²⁴, М. Варгулис²⁵, А. Аустерс²⁶.

Латвийская Республика участница бывшего Советского союза, ее положение, как постсоветского государства, в международных отношениях рассмотрены в работах таких авторов, как В.А. Смирнов²⁷, М.В. Ильин²⁸, А.Д. Богатуров²⁹. В.А. Смирнов³⁰ отметил, что внешняя политика Прибалтийских государств не утратила характера конфронтации с момента вступления в НАТО и ЕС. В Латвии существует институт неграждан, а также эксплуатируется тема «угрозы со стороны Российской Федерации». Для определения основной политической идеи политические лидеры Латвии используют механизм политико-идеологического характера, а именно выдвигают положения о советской «оккупации» и о «российской угрозе».

¹⁶ Beitāne A. A Reassessment of Latvia's Foreign Policy Strategy Towards Russia After the Ukraine Crisis // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2015. P. 55 – 70.

¹⁷ Kažociņš J. Will Latvia be Putin's Next Victim in 2015? // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2015. P. 71 – 78. / Kažociņš J. Has Russia's Syrian Adventure Made Latvia Safer? // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2016. P. 80 – 88.

¹⁸ Banka A. Saving Distant Lands: From Washington's View // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2015. P. 95 – 103.

¹⁹ Romanovs U. The Means and Ends of Russia's Security Strategy // *Riga Dialogue: Towards a Shared Security Environment. Afterthoughts from the Riga Security Seminar*. 2015. P. 44 – 51. / Romanovs U. Keeping a strong focus on Russia: UK Strategic Defence and Security Review and the Baltic // *Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers*. 2015. P. 175 – 182.

²⁰ Daugulis M. The Challenges of Hybrid-Warfare and Cyber-Threats: The Role of Self-Defense in a Changing Security Environment // *Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers*. 2015. P. 151 – 156. / Daugulis M. The Role of Cyber Defence in Hybrid Warfare Conditions: Proper Way for Latvia in Redefinition of Defence and Educational Policy Areas Under the Changing Security Circumstances // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2016. P. 89 – 96.

²¹ Rēboka G., Ozoliņa Ž. Security Cooperation in the Baltic Sea Region under the Nordic Defense Cooperation (NORDEFECO): A Way Forward? // *Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers*. 2015. P. 167 – 174.

²² Bruģe I. Latvia's Ukraine Policy: the Ukraine Crisis and Bilateral Relations in 2015 // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2016. P. 71 – 79.

²³ Krapāne A. Latvia's Cooperation with Diaspora in 2015 // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2016. P. 107 – 128.

²⁴ Skudra O. Latvian Foreign Policy: Defending National Interests in the World Structured by Politics of Realism // *Latvian Foreign and Security. Yearbook*. 2017. P. 37 – 50.

²⁵ Vargulis M. Importance of Strategic Communication Matters and their Development in the Latvian Security Policy // *Latvian Foreign and Security. Yearbook*. 2017. P. 76 – 85.

²⁶ Austers A. Immigration and Refugees in the European Union and Latvia // *Latvian Foreign and Security. Yearbook*. 2017. P. 112 – 126.

²⁷ Смирнов В.А. К вопросу о роли малых стран в процессах реструктурирования постсоветского пространства (на примере Прибалтики) // *Балтийский регион*. 2014. № 4 (22). С. 48 – 56.

²⁸ Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // *Политическая наука*. 2008. № 4. С. 8 – 41.

²⁹ Богатуров А.Д. Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значительным фактором в политике США на российском направлении // *Независимая газета*. [22.05.2006].

³⁰ Смирнов В.А. К вопросу о кризисных тенденциях в сфере легитимности политических режимов стран Прибалтики // *Балтийский регион*. 2015. № 4 (26). С. 51 – 72.

Существующие понятия образа «Врага» и «Другого» различаются. Е.В. Морозова³¹ отмечает, что «Другой» и его образ является установкой в сознании индивида: «... связанная с самоопределением в социальном и политическом пространстве на основе выделения отдельных личностей, групп или институтов, задающих границы идентичности и обладающих значимыми для него характеристиками». В.А. Смирнов³² отметил образ «Врага» в отношении русскоязычного населения Латвии, и образ «Жертвы» в отношении латышского населения. Также в Латвии существует образ России и образ русскоязычного населения. Они различаются, и к ним применимы вышеуказанные понятия образа «Врага» и «Другого». С 2010 г. в Латвии начался процесс активного развития идеи «Жертвы тоталитарного режима», что привело к приравниванию коммунизма, к наследию Советского союза, и к национализму. Продвижение образа «Жертвы» и образа «Врага» дает возможность получения дополнительных ресурсов от стран ЕС и НАТО на защиту от внешней угрозы. Внешней угрозой здесь выступает «российская угроза».

Для истории Латвии также характерна фальсификация исторических событий, а также мифологизация. Фальсификация необходима, когда необходимо изменить отношение к чему-либо в положительную или отрицательную сторону. Миф при этом не несет какой-либо окраски, а является рассказом об определенном временном промежутке. По определению О.А. Плотниковой³³ «... необходимо разделить понятия «миф» и «историческая фальсификация»». Если под мифом в положительном контексте обычно понимаются героизированные образы прошлого, которые воспринимаются как моральные ориентиры, модели восприятия и поведения, основа для формирования исторической памяти, то под историческими фальсификациями необходимо понимать искажение исторических фактов с определенной целью. О значении мифов в современной политике необходимо отметить работы таких авторов, как Э.А. Коблева³⁴, Е.В. Савелова³⁵, Г.И. Питонова³⁶, С.С. Васильев³⁷.

³¹ Морозова Е.В. Дегуманизация как технология формирования образа другого/чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 121 – 128.

³² Смирнов В.А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2. С. 78 – 97.

³³ Алексеев С.В., Плотникова О.А. Мифы и фальсификации в Российской истории // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 162 – 171.

³⁴ Коблева Э.А. Значение мифа в современном социуме // Теория и практика общественно развития. 2009. № 1. С. 68 – 71.

³⁵ Савелова Е.В. Миф и социальная реальность: социально-коммуникативная парадигма интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 321. С. 80 – 81.

³⁶ Питонова Г.И. Роль мифа в системе коммуникации современного общества // Альманах современной науки и образования. 2007. № 7 – 1. С. 142 – 145.

³⁷ Васильев С.С. Механизмы и уровни внедрения мифа в массовое сознание: масс-медиа как инструмент социального мифотворчества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. № 2. С. 37 – 47.

В.В. Воротников³⁸ отметил, что миф об «оккупации» является основой идеологии во внешней и внутренней политике Латвии и использовался политической элитой при вступлении в Совет Европы, Европейский союз и НАТО. Ю.С. Грекова³⁹ указала, что на отношения между Россией и Латвией оказывают влияние проблемы, связанные с историческими событиями, которые по-разному интерпретируются представителями политических элит Латвии через СМИ, учебное пособие и различные информационные источники. Происходит некая выборка событий и их интерпретация, на основе чего происходит построение национальной идентичности и политических событий. По данной проблематике необходимо отметить работы А.Н. Леонтьева⁴⁰, Т.Е. Строковской⁴¹, О.Ф. Русаковой⁴², К.А. Карнаухова⁴³, А.Н. Сытина⁴⁴, В.И. Гущина⁴⁵, Р.Х. Симоняна⁴⁶.

Народ, нация, или какая-либо социальная группа имеют свою собственную идентификацию, на основе данной идентификации строится их отношение к миру, и к другим членам общества. А.Я. Лившин и А.С. Ложкина⁴⁷ отметили, что наиболее простой моделью идентификации является разделение членов общества, как в плане государства, так и в глобальном смысле на «свой – чужой», «мы – они». Данное разделение присутствует у каждого отдельного члена той или иной социальной группы. В ходе чего каждый самостоятельно, под влиянием собственной группы, выбирает модель поведения, и формирует отношение к так называемым «Чужим». Государственная внешняя и внутренняя политика предполагает наличие образа «Врага», и некоего «Чужого», но его образ чаще всего создается путем пропаганды. О политической пропаганде написаны работы таких авторов, как Н.Б. Зазаевой⁴⁸, А.В. Крестова и Г.С. Петрушиной⁴⁹, Т.С. Мельниковой⁵⁰, В.А. Хоруженко⁵¹, Александра Л. Джорджа⁵², Дж. Цаллера⁵³.

³⁸ Воротников В.В. Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: Поиск консенсуса в условиях экономического кризиса // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6 (33). С. 25 – 33.

³⁹ Грекова Ю.С. Международный научный семинар «Любовь и ненависть: Отношения между Российскими и Балтийскими странами в культурной и коммуникативной памяти» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 12. С. 1 – 2.

⁴⁰ Леонтьев А.Н. Вторая Мировая война в современном идеологическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2015. Т. 20. № 2 (155). С. 40 – 42.

⁴¹ Строковская Т.Е. Вторая мировая война в учебниках истории стран Евросоюза в контексте национальной идентичности // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 21 – 32.

⁴² Русакова О.Ф. Дискурс исторической политики в контексте национальной безопасности // Дискурс-Пи. 2013. Т. 10. № 1-2. С. 187 – 190.

⁴³ Карнаухов К.А. Реакция прибалтийской прессы на введение советских войск в Литву, Эстонию и Латвию в июне 1940 г. // Известия алтайского государственного университета. 2014. № 4 – 1 (84). С. 110 – 114.

⁴⁴ Сытин А.Н. Балтия: двадцать лет независимости // Свободная мысль. 2010. № 12 (1619). С. 35 – 48.

⁴⁵ Гущин В.И. К событиям 1940 года в Латвии // Пространство и время. 2011. № 1. С. 223 – 232.

⁴⁶ Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. Отношения России со странами Балтии в международно-правовом изложении // Международные процессы. 2014. Т.12. № 36-37. С. 93 – 104.

⁴⁷ Лившин А.Я., Ложкина А.С. «Образ власти» и «образ другого» в 1930-е гг.: политические задачи и пропаганда // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 35. С. 17.

⁴⁸ Зазаева Н.Б. Пропаганда как явление политической культуры в инфомационном обществе // Вестник поволжского института управления. 2015. № 5 (50). С. 95 – 101.

Б. Бузан, О. Вевер⁵⁴ отметили, что образ «Врага» в условиях безопасности понимается, как «... представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как о несущем угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию, и формируемые на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия». Наряду с рассмотрением образа «Врага» рассмотрены работы авторов, которые соединяли образ «Врага» и условия безопасности, а именно теории секьюритизации и десекуритизации, а также условия, при которых происходит либо секьюритизация, либо десекуритизация. Здесь необходимо отметить таких авторов, как А.Л. Лукин⁵⁵, С.В. Акопов и Е.М. Прошина⁵⁶, Г. Аксютенко⁵⁷, А.З. Арсенян⁵⁸, Н.Г. Канунникова и З.Л. Шхагапсоева⁵⁹, М. Фуко⁶⁰, А.В. Девятков⁶¹, П.А. Цыганков⁶². А.С. Макарычев⁶³ отмечает также, что секьюритизация одновременно предполагает акт перемещения игнорируемого ранее вопроса в политическую повестку дня и одновременно выходу этого же вопроса из политического, направленного в сферу безопасности.

⁴⁹ Крестов А.В., Петрушина Г.С. Политическая пропаганда и политический PR // Комплексные проблемы развития науки, образования и экономики региона: научно-практический журнал коломенского института (филиала) МГМУ (МАМИ). 2012. № 1. С. 100 – 104.

⁵⁰ Мельникова Т.С. Пропаганда как технология политического манипулирования // Власть. 2010. № 8. С. 47 – 51.

⁵¹ Хоруженко В.А. Формирование мифологизированного образа врага в политической публицистике и пропаганде // Вестник московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 223 – 227.

⁵² Александр Л. Джордж, Кузина Ю.В., Шустрова Е.В. Предсказание политических действий через анализ пропаганды // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 249 – 258.

⁵³ Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М.: Общественное мнение. 2004.

⁵⁴ Buzan B., Waever O., Wilde J., de. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, London: Lynnie Rienner. 1998.

⁵⁵ Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2 (17). С. 7 – 19.

⁵⁶ Акопов С.В., Прошина Е.М. «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до теории «далеких местных» // Власть. 2011. № 01. С. 89 – 92.

⁵⁷ Аксютенко Г. Иммиграция как источник вызовов безопасности // Власть. 2007. № 8. С. 19 – 22.

⁵⁸ Арсенян А.З. Эволюция концепций «национальной безопасности» в современных международных отношениях // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 19 (99). С. 23 – 35.

⁵⁹ Канунникова Н.Г., Шхагапсоев З.Л. Международный опыт административно-правового обеспечения общественной безопасности // Армия и общество. 2014. № 4 (41). С. 1 – 8.

⁶⁰ Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука. 2010.

⁶¹ Девятков А.В. Секьюритизация или десекуритизация в современных общественно-политических процессах // В сборнике: Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации научные редакторы С.А. Панарин, Д.И. Польшвинный. 2013 г. С. 103 – 107.

⁶² Цыганков П.А. Теория человеческой безопасности: политические последствия и уроки для России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 78 – 83.

⁶³ Макарычев А.С. Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе // Индекс безопасности. 2008. Т. 14. № 4 (87). С. 25 – 40.

Особенности концепций личностной, общественной и национальной безопасности рассмотрены в работах таких авторов, как О.А. Колобов⁶⁴, Д.А. Борисов⁶⁵, С.А. Корф⁶⁶, С. Панарин⁶⁷, Д. Эйвазов⁶⁸. Необходимо отметить работы по теме безопасности таких зарубежных авторов, как Д. Болдвин⁶⁹, Б. Бузан⁷⁰, О. Вевер⁷¹.

Во время распада Советского союза в восстановлении независимости Латвийской Республики участвовали не только латыши, но и русские, белорусы, украинцы и другие национальности, объединенные сейчас в русскоязычную группу населения Латвии, так как большинство из них используют в общении русский язык. О событиях 1991 г. и о разделении населения Латвии, впоследствии, на латышей и русских необходимо отметить работы таких авторов, как А.К. Потапов⁷², И. Арена и Д. Дзенюска⁷³. Тема, разделения населения по национальному признаку в Латвии, стала особенно актуальной с 1991 г., так как латвийское правительство начало проводить национальную политику, направленную на разделение общества по национальной принадлежности. По теме национальности, национального государства и национализма, необходимо отметить работы таких авторов, как Б. Андерсон⁷⁴, Э. Геллнер⁷⁵, Э. Хобсбаум⁷⁶, Э. Смит⁷⁷, Х. Сеттон-Уотсон и Дж. Урбан⁷⁸, Дж. Бройи⁷⁹, К.Р. Поппер⁸⁰, Дж. Актон⁸¹. Среди российских исследователей –

⁶⁴ Колобов О.А. Безопасность личности, общества, государства. Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ; Изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара. 2008.

⁶⁵ Борисов Д.А. Безопасности человека в современной теории и практике международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 79 – 82.

⁶⁶ Корф С.А. Национальности и государство // Российская политическая наука в 5 т. Т. I. XIX – начало XX в./ отв. ред. и авт. вступ. ст. Ю.С. Пивоваров. М.: РОССПЭН. 2008.

⁶⁷ Панарин С. Национальное государство перед вызовом трансграничных воздействий: предисловие // Трансграничные вызовы национальному государству. 2015. С. 7 – 36.

⁶⁸ Эйвазов Д. От традиционного государства к постиндустриальному: о взаимосвязи геополитики и безопасности в эпоху глобализации // Кавказ и глобализация. 2007. Т. 1. № 4. С. 6 – 13.

⁶⁹ Baldwin D. The Concept of Security // Review of International Studies, 1997. Vol. 23.

⁷⁰ Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. New York. 2009.

⁷¹ Waever O. Securitization and Desecuritization // On Security / Ed. by R.D. Lipschutz. New York: Columbia University Press. 1995. P. 46 – 86.

⁷² Потапов А.К. Развитие процессов суверенизации в общественно-политической деятельности Верховных советов Прибалтийских Республик (1988 – 1991 гг.) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 1 – 14.

⁷³ Арена И., Дзенюска Д. Делать «народ»: Политическое воображаемое и материальность баррикад в Мексике и Латвии. Резюме // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 2. С. 399 – 402.

⁷⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц КУЧКОВО ПОЛЕ. 2001.

⁷⁵ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс. 1991.

⁷⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года // пер. с англ. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя. 1998.

⁷⁷ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Практикс. 2004.

⁷⁸ Сеттон-Уотсон Х., Урбан Дж. Национализм и его аспекты// Проблемы Восточной Европы. № 5 – 6 // URL: [https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1994-41-42/1994-41-42%20\(7-51\).pdf](https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1994-41-42/1994-41-42%20(7-51).pdf). 1982.

⁷⁹ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм/ Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Практикс. 2002.

⁸⁰ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Межд. фонд «Культурная инициатива». 1992.

В.А. Тишков⁸², Ф.А. Попов⁸³, Е.Э. Ганаева⁸⁴, А.В. Возженников⁸⁵, А.В. Виноградов⁸⁶, И.Г. Филиппова⁸⁷, О.И. Печерских⁸⁸, Н. Еремина⁸⁹. В настоящее время, по мнению латвийских ученых Б. Зепа и И. Супуле⁹⁰, политические элиты способствуют напряженности в обществе: «Они по-прежнему используют этничность для того, чтобы привлекать сторонников на выборах. Таким образом, именно политики становятся основным катализатором этнической напряженности». Е.А. Терешина⁹¹, отметила, что постсоветское пространство характеризуется разрушенной, в связи с распадом Советского союза и единой системы безопасности. Что повлияло на формирование угрозы безопасности, связанной с конфликтами, которые возникали в связи со стремлением к независимости государств. Государства постсоветского пространства после окончания «Холодной войны» выстраивали свои политические программы на основе национальных интересов. Что позволило взять курс развития национального государства, основанного на защите и развитии личности, общества и государства в целом.

В.А. Смирнов⁹² отмечал, что проблема этнического фактора усугубляется институтом негражданства с 1991 г. Данный момент признан дискриминацией и нарушением прав человека. Об этой проблеме сообщали такие организации как ООН, ОБСЕ, Совет Европы, ПАСЕ, Еврокомиссия. Под давлением международных институтов Сейм Латвии в мае 2005 г. ратифицировал Рамочную конвенцию Совета Европы о защите

⁸¹ Лорд Актон. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. М.: Праксис. 2002. С. 26 – 51.

⁸² Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир. 1997.

⁸³ Попов Ф.А. Принцип национального государства как угроза существованию национального государства // В сборнике: Трансграничные вызовы национальному государству Санкт-Петербург. 2015. С. 224 – 243.

⁸⁴ Ганаева Е.Э. Терроризм, национализм и экстремизм как угрозы национальной безопасности и государства // Международное научное издание современные фундаментальные и прикладные исследования. 2016. № 1(20). С. 200 – 204.

⁸⁵ Возженников А.В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России: теория и политика обеспечения: автореф. дисс. докт. полит. наук. – М.: 2002.

⁸⁶ Виноградов А.В. Проблемы национальной безопасности // Право и безопасность. 2003. № 3 – 4 (8 – 9). С. 66.

⁸⁷ Филиппова И.Г., Тоцкая И.В. Историко-правовой аспект развития безопасности // Наука и современность. 2015. № 36. С. 276 – 289.

⁸⁸ Печерских О.И. Национализм как фактор внутренней нестабильности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2007. № 8 (80). С. 53 – 55.

⁸⁹ Еремина Н. Национально-политическая нестабильность современного государства: проблема влияния этнокультурных общностей на государственное развитие (Европейский опыт) // В сборнике: Общество и этнополитика материалы Пятой Международной научно-практической интернет-конференции. СибАГС; под науч. ред. Л.В. Савинова. 2012. С. 60 – 69./ Еремина Н. Национально-политический разлом // Свободная мысль. 2010. № 12 (1619). С. 21 – 34./ Еремина Н.В. Факторы роста европейского этнорадикализма на примере шотландской национальной партии и североирландской партии «Шинн фейн» // Политическая экспертиза: Политэкс. 2010. Т. 6. № 1. С. 179 – 193.

⁹⁰ Зепа Б., Супуле И. Латвийская субмарина // Эксперт Северо-Запад. 2005. № 34. С. 239.

⁹¹ Терешина Е.А. Проблемы безопасности в восточно-европейских государствах постсоветского пространства // Теория международных отношений. Внешняя политика и дипломатия. 2012. №3. С. 123 – 133.

⁹² Смирнов В.А. Рекрутирование политических элит в Прибалтике: Роль этнического фактора // Балтийский регион. 2013. № 4. С. 146 – 159.

национальных меньшинств, с отменой двух положений. А именно пункты, где указывалось обращение к властям на родном языке и использование родного языка в топографических названиях. Неграждане были выведены из действия конвенции дополнительной декларацией. В исследования о национальной политике и национальной идентичности в Латвии важный вклад внесли такие авторы, как М.В. Берендеев⁹³, М.В. Кирчанов⁹⁴, Н.М. Межевич⁹⁵, В.А. Смирнов⁹⁶.

Вступление Латвийской Республики в Европейский Союз означало некоторую потерю национальной идентичности, взамен же было предложена интеграция в единое европейское общество, улучшение положения в экономической сфере и создание нового политического вектора. Как отмечали А.Н. Саликов, И.Н. Тарасов, Е.Е. Уразбаев⁹⁷ для Латвии приоритетом являлось вступление в НАТО, что являлось гарантией безопасности независимости государства. О взаимоотношениях Латвии с европейскими институтами и НАТО отмечено в исследованиях А.И. Серегинной⁹⁸, А.Н. Сытина⁹⁹.

В исследованиях, о дискриминации русскоязычного населения Латвии, отмечены такие проблемы, как то, что русскоязычные жители Латвии не имеют права обращения во властные структуры на русском языке, а также в муниципалитеты. Не имеют возможности получения официальной информации на русском языке. В.М. Скринник¹⁰⁰ писал, что ситуацию с принятием Закона о государственном языке осложнило положение о переходе школьных заведений на латышский язык, как основной язык обучения. Данная реформа спровоцировала в городах Латвии протестное обращение «За свободный выбор языка образования» в мае 2003 г.

⁹³ Берендеев М.В. Развитие националистических идентичностей в странах Балтии: латвийский аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 6. С. 82 – 94./ Берендеев М.В. Современные тренды стран Балтии в дискурсе идентичности: между суверенитетом и евроинтеграцией // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 6. С. 50 – 57.

⁹⁴ Кирчанов М.В. Основные направления и особенности развития историографической ситуации в современной Латвии // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 – 1. С. 1 – 9./ Кирчанов М.В. «Большие нарративы» как универсальная форма воспроизводства исторических мифов в современной латышской историографии // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 – 1. С.1 – 8.

⁹⁵ Межевич Н.М. Россия и государства Прибалтики: некоторые итоги и перспективы межгосударственных отношений // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 7 – 8.

⁹⁶ Смирнов В.А., Сутырин В.В. Россия как фактор-ирритант для политической элиты стран Балтии в контексте электоральных кампаний 2010 – 2011 годов: Экспертный взгляд // Балтийский регион. 2011. № 2. С. 146 – 153.

⁹⁷ Саликов А.Н., Тарасов И.Н., Уразбаев Е.Е. Балтийский вектор внешней политики ФРГ на современном этапе развития международных отношений // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 1. С. 86 – 96.

⁹⁸ Серегина А.И. Внешнеторговая политика ЕС и экономическое развитие Латвии// Потенциал социально-экономического развития Российской Федерации в новых экономических условиях. Материалы II международной научно-практической конференции в 2-х частях. 2016. С. 955 – 964.

⁹⁹ Сытин А.Н. Вступление в Евросоюз и новые внешнеполитические приоритеты стран Балтии // Вестник московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2009. № 2. С. 143 – 149.

¹⁰⁰ Скринник В.М. Российская диаспора в странах Балтии: социально-политический дискурс и проблемы консолидации // Ученые записки Российского социального университета. 2009. № 2. С. 126 – 131.

А.В. Филей¹⁰¹ отметил, что с середины 1940-х гг. до начала 1990-х гг. в Латвии наблюдался рост количества русскоязычного населения. После выхода Латвии из состава Советского союза в стране началось изменение социополитических условий. В Латвийской ССР особое внимание уделялось обучению русскому языку латышей в начальной школе, что обеспечивало, в последствие, хорошее знание русского языка и позволяло продолжить образование в российских вузах. В свою очередь, латышский язык в русских школах преподавался на более низком уровне. Что было обусловлено практической потребностью русского языка. Так русскоязычное население в Латвийской ССР не нуждалось в знании латышского языка по причине отсутствия необходимости его применения. Переход с латышского языка на русский для носителя латышского языка осуществлялся по его инициативе. Процесс государственной языковой политики стал проводиться в Латвии после выхода из состава Советского союза. Латвийское независимое государство, в свою очередь, посредством языковой политики добивалось ослабления влияния русского языка и сужения сферы его влияния во всех общественных сферах. Радикальные изменения языковой политики Латвии после 1991 г. последовали из-за нового политического курса, провозглашенного политической элитой независимой Латвии, которая была крайне недовольна сложившейся ситуацией в сфере национального языка. В.М. Алпатов¹⁰² указал, что при языковой политике целью, которой является смена языка, всегда происходит экономическое, политическое и культурное давление. Национальные меньшинства, которым в данной ситуации, приходится отказаться от родного языка осознают, что вынуждены перейти на другой язык, при этом понимая, что данная смена влечет за собой материальное благополучие. Данная ситуация ставит представителей той или иной национальности перед выбором потери материнского языка или остаться жить в бедности.

Н.М. Межевич¹⁰³ отметил, что в Латвии, как и в других странах Прибалтики, основой национально-государственной идентичности является этническая форма социальной идентичности. В данном случае наблюдается ситуация противостояния, так называемых, не титульных наций государственной национальной политики. В Латвии на протяжении всего периода с 1991 г. происходит борьба с русским языком, что продиктовано восприятием языка, как ключевого признака национальной идентичности. О принципах национальной политики Латвии и положении русскоязычного населения в

¹⁰¹ Филей А.В. Проблемы билингвизма и обзор социолингвистической ситуации в Латвии // Социо- и психоллингвистические исследования. 2014. № 2. С. 69 – 73.

¹⁰² Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5 (17). С. 8 — 28.

¹⁰³ Межевич Н.М. Идентичность и граница: некоторые теоретические вопросы и практики в восточной части Балтийского моря // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 95 – 106.

своих исследованиях писали такие авторы, как Е.В. Бродовская и А. Влодарская¹⁰⁴, Н.В. Каледин¹⁰⁵, А.Я. Бабаджанов¹⁰⁶.

О приоритетах внешней политики Латвии А.А. Наумов¹⁰⁷ отметил, что основу внешней политики Латвии составляет членство государства в НАТО, что является гарантом системы безопасности. В свою очередь, основой надежного и стабильного развития Латвийской Республики является участие в Европейском союзе. Сторону Брюсселя Латвия принимает по вопросам взаимоотношений Европейского союза и Российской Федерации, при этом, что касается взаимоотношений с прибалтийскими республиками, Рига занимает более жесткую позицию, по сравнению с Литвой и Эстонией. Политические элиты Латвии призывают быть более бдительными в отношениях с Москвой по вопросам «Общей политики ЕС в области безопасности и обороны». Взаимоотношения Латвии и России в рамках «Балтийской стратегии ЕС» строятся на транспорте и логистике, диверсификации и либерализации регионального рынка, а также приграничного сотрудничества и экологии бассейна реки Даугавы. В программе «Восточное партнерство» Латвия видит свою роль в повышении репутации в НАТО, как западное присутствие у границ России. В «Северном измерении» латвийское правительство видит следующие приоритетные области сотрудничества: энергетическую безопасность, транспорт и логистику, экологию и здравоохранение. Форматом регионального сотрудничества является Совет государств Балтийского моря, ориентированный на объединяющие подходы прибрежных стран, общие интересы и проблемы. В направлении данной программы Латвия заинтересована в реализации энергетических и транспортных проектов, межрегиональном сотрудничестве, улучшении экологии Балтики, а также в развитии культурных обменов и противодействии преступности. Также в ООН Латвия придерживается линии Евросоюза и НАТО. Здесь также необходимо отметить исследования таких авторов, как Н.М. Межевич¹⁰⁸, Е.Г.

¹⁰⁴ Бродовская Е.В., Влодарская А. Социально-политические факторы посткоммунистической трансформации в странах Прибалтики // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. № 2. С. 152 – 162.

¹⁰⁵ Каледин Н.В. Постсоветское пространство: предпосылка и результаты регионализации // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 1 – 23.

¹⁰⁶ Бабаджанов А.Я. Формирование диалогового пространства «НАТО постсоветские государства» // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 6. С. 42 – 46.

¹⁰⁷ Наумов А.А. Приоритеты Внешней политики Латвии на современном этапе // Власть. 2012. № 10. С. 117 – 120.

¹⁰⁸ Межевич Н.М. Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 1. С. 26 – 47. / Межевич Н.М. Внешняя политика государств Прибалтики и крупные инфраструктурные проекты 2010 – 2014 годов // Балтийский регион. 2014. № 1 (19). С. 7 – 28. / Межевич Н.М., Сазанович Л.С. Современные проблемы Российско-латвийских отношений // Балтийский регион. 2013. № 3 (17). С. 93 – 106.

Болотникова¹⁰⁹, Н.Ю. Маркушина¹¹⁰, И.Н. Новикова¹¹¹, К.К. Худoley¹¹², Л. Шишелина¹¹³, И.Н. Тарасов¹¹⁴.

Объект исследования – внешняя политика Латвии.

Предмет исследования – положение русскоязычного населения во внешней политике Латвии.

Цель исследования – детальная характеристика усилий органов государственной власти Латвийской Республики, направленных на убеждение международных институтов в том, что существующие в Латвии проблемы, связанные с положением русскоязычного населения, являются проблемами безопасности, в то время как сам факт существования в Латвии русскоязычного населения, подверженного влиянию со стороны России, представляет вызов безопасности как для Латвии, так и для всей Европы.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1990-ых гг. по настоящее время, в течение которого латвийское правительство рассматривает русскоязычное население и Россию в рамках вопросов безопасности.

Задачи исследования:

- определить ключевые для данного исследования понятия «секьюритизации» и «десекьюритизации» в качестве видов политической коммуникации, имеющих все возрастающее значение для международной политики;

- охарактеризовать усилия органов государственной власти Латвийской Республики, нацеленные на десекьюритизацию положения русскоязычного населения в Латвии;

¹⁰⁹ Болотникова Е.Г., Межевич Н.М. Политика «Северного измерения»: современное состояние и перспективы развития // Балтийский регион. 2010. № 4 (6). С. 115 – 126. / Болотникова Е. Обновленная политика «Северного Измерения» и ее влияние на международные связи субъектов РФ Северо-Западного Федерального округа // Власть. 2012. № 2. С. 137 – 140. / Болотникова Е.Г., Межевич Н.М. «Северное измерение» и стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 37 – 47.

¹¹⁰ Маркушина Н.Ю. Внешние связи Северо-Западного федерального округа Российской Федерации и концепция «Нового Севера» // Балтийский регион. 2011. № 2 (8). С. 102 – 111. / Маркушина Н.Ю., Церпицкая О.Л. Концепция регионального институционализма // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2010. № 4 (243). С. 7 – 14.

¹¹¹ Новикова И.Н., Межевич Н.М., Тараканова А.Д. Финляндия в НАТО: дискуссия 2015 – 2016 годов и позиции политических партий // В сборнике: Прибалтийские исследования в России. Материалы Международной научной конференции. под. ред. А.П. Клемешева, Н.М. Межевича, Г.М. Федорова. 2016. С. 146 – 154.

¹¹² Худoley К.К., Новикова И.Н., Ланко Д.А. Инновационное образование для Балтийского региона: опыт Российско-Финляндского трансграничного университета // Балтийский регион. 2010. № 3 (5). С. 21 – 28.

¹¹³ Шишелина Л. Европейский выбор государств Балтии: предварительные итоги // Россия и новые государства Евразии. 2009. № 3. С. 50 – 60. / Шишелина Л. Восточная Европа: два десятилетия между Москвой и Брюсселем // Современная Европа. 2008. № 4 (36). С. 73 – 86. / Шишелина Л. Вишеградская четверка и Европейский союз // Современная Европа. 2007. № 4 (32). С. 56 – 69.

¹¹⁴ Ворожеина Я.А., Максимов И.П., Тарасов И.Н. Евро-Атлантическая интеграция стран Балтии в политическом дискурсе Германии // Власть. 2015. № 10. С. 208 – 212.

- охарактеризовать трансформацию подходов международных институтов к проблемам, связанным с положением русскоязычного населения в Латвии, произошедшую а начале XXI века;

- охарактеризовать усилия органов государственной власти Латвийской Республики, нацеленные на секьюритизацию роли Российской Федерации в Европе и мире, включая влияние России на русскоязычное население в Латвии и во всей Европе.

Методологическая основа диссертации опирается на труды основоположников Копенгагенской школы международных исследований, определявших понятия «секьюритизации» и «десекуритизации», а также разработавших методологический инструментарий, позволяющий выявить случаи секьюритизации и десекуритизации отдельных проблем во внешней политике некоторых стран с целью легитимации определенных действий в глазах адресатов секьюритизации и десекуритизации – это виды политической коммуникации, а соответственно для их характеристики можно и нужно использовать созданную Г. Лассуэллом модель политической коммуникации. В качестве источника коммуникации в данной работе рассматриваются органы государственной власти Латвийской Республики. В качестве адресата коммуникации рассматриваются международные институты: ООН, ОБСЕ, Совет Европы, ПАСЕ, Еврокомиссия. В качестве послания в случае десекуритизации рассматривается информация о том, что проблемы, связанные с положением русскоязычного населения в Латвии, во-первых, не представляют угрозы для безопасности Латвии и Европы в целом, а во-вторых, органы государственной власти Латвии предпринимают значительные усилия для скорейшего решения этих проблем. В качестве послания в случае секьюритизации рассматривается информация о том, что Российская Федерация как правовая и идейная преемница Советского союза, представляет угрозу для безопасности Латвии и Европы в целом. А также, что русскоязычное население Латвии, подвергаясь информационному влиянию со стороны России, также может при определенных условиях стать угрозой для безопасности Латвии и Европы в целом. Наконец, в качестве обратной связи рассматривается переориентация внимания вышеупомянутых международных институтов с проблем, связанных с положением русскоязычного населения Латвии, на проблемы, связанные с Россией и ее информационным влиянием на русскоязычное население стран Европы, на соседние с Россией страны, такие как Латвию, и на европейские страны в целом.

Источниковая база работы опирается на источники, доказывающие, что в последние четверть века органы государственной власти Латвийской Республики

стремились убедить международные институты в том, что проблемы связанные с положением русскоязычного населения в Латвии, несущественны и быстро решаются. Сюда относятся внутривнутриполитические документы Латвии, декларируемая цель которых – скорейшая «интеграция» русскоязычного населения в латвийское общество в правовом, политическом, экономическом и языковом планах. А именно, Закон о гражданстве¹¹⁵; Закон о лицах без гражданства¹¹⁶; Закон о статусе неграждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или иного государства¹¹⁷; Закон об иммиграции¹¹⁸; Конституция Латвийской Республики¹¹⁹; Поправки к Закону о гражданстве от 22.06.1998 г.¹²⁰; Поправки к Закону о статусе неграждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства от 18.06.1997 г.¹²¹; Поправки к Закону о статусе неграждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства от 27.08.1998 г.¹²²; Поправки к Закону о статусе неграждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства от 30.03.2000 г.¹²³; Поправки к Закону о статусе неграждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства от 14.09.2000 г.¹²⁴; Поправки к Закону о статусе неграждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства от 20.05.2004 г.¹²⁵. Законодательная база о государственном языке представлена такими законами, как Закон о государственном языке¹²⁶; Закон об образовании¹²⁷; Закон о высшем образовании¹²⁸; Латвийский Кодекс об

¹¹⁵ Latvijas Vēstnesis. Pilsonības likums URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57512> [11.08.1994].

¹¹⁶ Latvijas vēstnesis. Bezvalstnieku likums URL: <https://likumi.lv/ta/id/84393-bezvalstnieku-likums> [17.02.2004].

¹¹⁷ Latvijas vēstnesis. Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības URL: <https://likumi.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> [25.04.1995].

¹¹⁸ Latvijas vēstnesis. Imigrācijas likums URL: <https://likumi.lv/ta/id/68522-imigracijas-likums> [20.11.2002].

¹¹⁹ Latvijas Vēstnesis. Latvijas Republikas Satversme URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57980> [01.07.1993].

¹²⁰ Latvijas vēstnesis. Grozījumi Pilsonības likumā, 315/316 (1376/1377) URL: <https://likumi.lv/ta/id/50382-grozijumi-pilsonibas-likuma> [27.10.1998].

¹²¹ Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 171/174 (886/889) URL: <https://likumi.lv/ta/id/96472-grozijums-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [04.07.1997].

¹²² Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 256/266 (1326/1327) URL: <https://likumi.lv/ta/id/49688-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [11.09.1998].

¹²³ Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 123/124 (2034/2035) URL: <https://likumi.lv/ta/id/4067-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [06.04.2000].

¹²⁴ Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 336/338 (2247/2249) URL: <https://likumi.lv/ta/id/11112-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [27.09.2000].

¹²⁵ Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 90 (3038) URL: <https://likumi.lv/ta/id/89490-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [04.06.2004].

¹²⁶ Latvijas Vēstnesis. Valsts valodas likums. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=14740> [21.12.1999].

¹²⁷ Latvijas Vēstnesis. Izglītības likums. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=50759> [17.11.1998].

¹²⁸ Latvijas Vēstnesis. Augstskolu likums. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=37967> [17.11.1995].

административных правонарушениях¹²⁹; Закон о защите потребителей¹³⁰; Закон о судебной системе¹³¹; Закон о государственной гражданской службе¹³²; Закон о собраниях, шествиях и пикетах¹³³.

Постановления кабинета министров о государственном языке: Порядок, определяющий перевод документов на государственный язык¹³⁴; Правила предоставления переводческой деятельности¹³⁵; Правила, регулирующие язык информации¹³⁶; Правила наименования и использования наименования учреждений, общественных организаций и предприятий¹³⁷; Правила об использовании иностранных марок, печати в тексте¹³⁸; Положение о государственной пошлине за профессиональную аттестацию государственного языка для выполнения должностных обязанностей¹³⁹; Правила правописания личных имен и их использование в латышском языке, а также их идентификация¹⁴⁰. В Латвийской Республике в рамках проведения государственной языковой политики созданы следующие нормативные акты, регулирующие использование латышского языка: Руководство государственной языковой политики на 2005 – 2014 гг.¹⁴¹; Руководство государственной языковой политики на 2015 – 2020 гг.¹⁴².

Языковые требования к профессиям изложены в постановлении Кабинета министров о Положении объема знания государственного языка и процедуры профессионального тестирования для исполнения должностных обязанностей, для получения разрешения постоянного вида на жительство и статуса резидента Европейского союза, и государственной пошлины за прохождение теста по знанию языка¹⁴³.

¹²⁹ Ziņotājs. Latvijas Administratīvo pārkāpumu kodekss. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=89648> [20.12.1984].

¹³⁰ Latvijas Vēstnesis. Patērētāju tiesību aizsardzības likums. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=23309> [01.04.1999].

¹³¹ Ziņotājs. Par tiesu varu. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=62847> [14.01.1993].

¹³² Latvijas Vēstnesis. Valsts civildienesta likums. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=10944> [22.09.2000].

¹³³ Latvijas Vēstnesis. Par sapulcēm, gājieniem un piketiēm. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=42090> [30.01.1997].

¹³⁴ Latvijas Vēstnesis. Kārtība, kādā apliecināmi dokumenti tulkojumi valsts valodā. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=10127> [29.08.2000].

¹³⁵ Noteikumi par tulkojumu nodrošināšanu pasākumos. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=10124> [29.08.2000].

¹³⁶ Latvijas Vēstnesis. Noteikumi par valodu lietošanu informācijā. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=102667> [02.03.2005].

¹³⁷ Latvijas Vēstnesis. Noteikumi par iestāžu, sabiedrisko organizāciju, uzņēmumu (uzņēmējsabiedrību) nosaukumu un pasākumu nosaukumu veidošanu un lietošanu. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=10130> [29.08.2000].

¹³⁸ Latvijas Vēstnesis. Noteikumi par svešvalodu lietošanu zīmogu, spiedogu un veidlapu tekstā. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=10122> [29.08.2000].

¹³⁹ Latvijas Vēstnesis. Noteikumi par valsts nodevu par valsts valodas prasmes atestāciju profesionālo un amata pienākumu veikšanai. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=10125> [29.08.2000].

¹⁴⁰ Latvijas Vēstnesis. Noteikumi par personvārdu rakstību un lietošanu latviešu valodā, kā arī to identifikāciju. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=85209> [05.03.2004].

¹⁴¹ Valsts valodas politikas pamatnostādnes 2005. – 2014. gadam. URL: http://www.valoda.lv/wp-content/uploads/docs/Normativie_dok/IZM_010305_Valsts_valodas_polit_pamatnost_2005-2014.pdf.

¹⁴² Valsts valodas politikas pamatnostādnes 2015.-2020. gadam. URL: http://www.valoda.lv/wp-content/uploads/docs/Normativie_dok/valstsvalodaspolitikaspamatnostadnes2014lidz2020.pdf.

¹⁴³ Latvijas Vēstnesis. Noteikumi par valsts valodas zināšanu apjomu un valsts valodas prasmes pārbaudes kārtību profesionālo un amata pienākumu veikšanai, parstāvēgās uzturēšanās atļaujas saņemšanai un Eiropas Savienības

В диссертации также представлены и проанализированы выступления министров иностранных дел Латвии в Европейском парламенте с момента восстановления независимости: Я. Юркканс¹⁴⁴, А. Пабрикс¹⁴⁵, С. Калниете¹⁴⁶, Г.В. Кристовскис¹⁴⁷, Г. Андреевс¹⁴⁸, Р. Пикс¹⁴⁹.

pstāvīgā iedzīvotāja statusa iegūšanai un valsts nodevu par valsts valodas prasmes pārbaudi // URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=194735> [14.07.2009].

¹⁴⁴ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Jānis Jurkāns // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienestavesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/janis-jurkans> [02.12.2014].

¹⁴⁵ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Artis Pabriks // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienestavesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/artis-pabriks> [02.12.2014]. / Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Artis Pabriks piedalās ANO Ģenerālā asamblejā // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18845-arlietu-ministrs-artis-pabriks-piedalas-ano-generalas-asambleja> [22.09.2004]. / Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Artis Pabriks tiksies ar Okupācijas muzeja vadību // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18740-arlietu-ministrs-artis-pabriks-tiksies-ar-okupacijas-muzeja-vadibu> [10.08.2004]. / Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Artis Pabriks: “Lielais mazākumtautību skaits Latvijā liecina, ka dzīve mūsu valstī ir laba” // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/20575-arlietu-ministrs-artis-pabriks-lielais-mazakumtautibu-skaits-latvija-liecina-ka-dzive-musu-valsti-ir-laba> [25.10.2005].

¹⁴⁶ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Sandra Kalniete // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienestavesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/sandra-kalniete> [02.12.2014]. / European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV (2014) 07-15 (8) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-104-000> [15.07.2014]. / European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV (2014) 07-15 (8) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-102-000> [15.07.2014]. / European Parliament. Situation in Ukraine and state of play of EU-Russia relations (debate). P8_CRE-REV (2014) 09-16 (4) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140916+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-045-000> [16.09.2014]. / European Parliament. Association agreement with Georgia – Conclusion of the Association agreement with Georgia (debate). P8_CRE-PROV (2014)12-17(17) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20141217+ITEM-017+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-742-000> [17.12.2014]. / European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV(2015)01-14(7) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150114+ITEM-007+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-285-000> [14.01.2015]. / European Parliament. Situation in Ukraine. P8_CRE-REV(2015)02-10(11) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150210+ITEM-011+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-355-000> [10.02.2015]. / European Parliament. Murder of the Russian opposition leader Boris Nemtsov and the state of democracy in Russia (debate). P8_CRE-REV(2015)03-11(13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150311+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-387-000> [11.03.2015]. / European Parliament. State of EU-Russia relations (debate). P8_CRE-REV(2015)06-09(3) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150609+ITEM-003+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-061-000> [09.06.2015]. / European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV (2015) 01-14 (7) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150114+ITEM-007+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-310-000> [14.01.2015]. / European Parliament. Strategic military situation in the Black Sea Basin following the illegal annexation of Crimea by Russia (debate). P8_CRE-REV (2015) 06-10 (13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150610+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-551-000> [10.06.2015].

¹⁴⁷ European Parliament. The future of Europe sixty years after the Second World War. P6_CRE (2005) 05-11 (16) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050511+ITEM-016+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-147> [11.05.2005]. / European Parliament. Protection of minorities and anti-discrimination policies in an enlarged Europe. P6-CRE (2005) 07-06 (27) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050607+ITEM-027+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-307> [07.06.2005]. / European Parliament.

Латвия была одной из стран, которая в 2008 году поддержала создание центра в Таллинне NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence¹⁵⁰ и по настоящий момент тесно сотрудничает с ним.¹⁵¹ Центр стратегических коммуникаций в Риге (Strategic Communications Centre of Excellence)¹⁵² работает в различных направлениях, таких как общественная дипломатия, связи с общественностью, а также по направлению информационно-психологических операций. Ведет активную работу по планированию политики на стратегическом и тактическом уровнях. Используется виртуальная сеть для совершенствования коммуникаций.¹⁵³ Центры НАТО в Риге и в Таллинне, на основе исследований делают выводы и создают механизмы, способные противостоять киберугрозе со стороны Российской Федерации.

Усилия органов государственной власти Латвийской Республики по десекьюритизации положения русскоязычного населения в Латвии с одновременной секьюритизацией России и того влияния, которое Россия имеет на русскоязычное население Латвии, имели успех. В диссертации рассмотрены документы¹⁵⁴ анализ,

Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). P6_CRE (2009) 02-03 (15) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-485> [03.02.2009].

¹⁴⁸ European Parliament. Estonia (debate). CRE 22/05/2007 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20070522+ITEM-018+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-360> [22.05.2007]. / European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). CRE 03/02/2009 – 15 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-484> [03.02.2009].

¹⁴⁹ European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). P6_CRE (2009) 02-03 (15) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-482> [03.02.2009].

¹⁵⁰ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence // URL: <https://ccdcoe.org/index.html>.

¹⁵¹ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Latvian Minister of Defence Briefed on Cyber Security // URL: <https://ccdcoe.org/latvian-minister-defence-briefed-cyber-security.html> [19.08.2015]. / NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Angela Merkel Briefed on Cyber Security // URL: <https://ccdcoe.org/AngelaMerkel.html> [24.08.2016]. / NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Experts: Multiple International Law Regimes Apply to Cyber Operations // URL: <https://ccdcoe.org/experts-multiple-international-law-regimes-apply-cyber-operations.html> [11.02.2016]. / NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Tallinn Manual Process // URL: <https://ccdcoe.org/tallinn-manual.html>.

¹⁵² NATO Stratcom Centre of Excellence // URL: <http://www.stratcomcoe.org>.

¹⁵³ NATO STRATCOM. Centre present research to the Latvian Audience // URL: stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/6/17.aspx. / NATO STRATCOM. Centre present preliminary results of the study on internet trolling // URL: stratcomcoe.org/lv/NewsandEvents/News/2015/7/30.aspx. / NATO. Адаптация к изменившимся условиям безопасности // URL: nato.int/cps/ru/natohq/opinions_120166.htm?top. / NATO STRATCOM. Countering propaganda: NATO spearheads use of behavioural change science // URL: stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/5/12.aspx. / NATO STRATCOM. Canada contributes to capabilities of NATO Strategic Communications Centre of Excellence // URL: stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/2/20.aspx. / NATO Strategic Communications Centre of Excellence Riga. Centre's experts speak at international conference 'Russian Soft Power' in Rome // URL: <http://www.stratcomcoe.org/centres-experts-speak-international-conference-russian-soft-power-rome> [09.06.2016].

¹⁵⁴ Публикация Секретариата Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе // Справочник ОБСЕ. 2000. С. 243. / Конгресс местных и региональных властей (Совет Европы). Рекомендация 47 (1998 г.) о демократии на местном и региональном уровнях в Латвии, 28.05.1998. / Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации. Заключительные замечания, CERD/C/304/Add.79, 23.08.1999. / Европейская

которых позволил заключить, что в начале XXI века произошла трансформация подходов международных институтов к проблеме положения русскоязычного населения в Латвии.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в нем:

- показаны усилия латвийского правительства по десекуритизации положения русскоязычного населения;
- показаны усилия латвийского правительства по секьюритизации России и того влияния, которое она оказывает на русскоязычное население Латвии;
- впервые положение русскоязычного населения в Латвии рассматривается в качестве элемента внешней политики Латвии, а не России;
- проведен анализ внутренней и внешней политики Латвии по отношению к русскоязычному населению и Российской Федерации;
- проведен анализ работы латвийского правительства с международными институтами до и после вступления Латвии в Совет Европы, ЕС, НАТО;
- проведен анализ вопросов безопасности Латвии и их изменения.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении теоретико-методологического инструментария, позволяющего идентифицировать случаи секьюритизации и десекуритизации во внешней политике государств.

комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРН). Второй доклад по Латвии, CRI (2002 г.) 21, 14.12.2001. / Бюро по институтам демократии и правам человека ОБСЕ. Итоговый доклад по парламентским выборам в Латвии, 20.11.2001. / Бюро по институтам демократии и правам человека ОБСЕ. Итоговый доклад по парламентским выборам в Латвии, 20.11.2001. / Комитет по правам человека ООН. Заключительные замечания, CCPR/CO/79/LVA, 01.12.2003. / Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации. Заключительные замечания, CERD/C/63/CO/7, 10.12.2003. / Комиссар по правам человека Совета Европы. Доклад по визиту в Латвию, CommDH (2004 г.) 3, 12.02.2004. / Европейский парламент. Резолюция Европейского парламента по поводу доклада Европейской комиссии по всестороннему мониторингу Чехии, Эстонии, Кипра, Латвии, Литвы, Венгрии, Мальты, Польши, Словении и Словакии на предмет готовности к вступлению в Европейский Союз. P5_TA (2004 г.) 0180, 11.03.2004. / Парламентская ассамблея ОБСЕ. Эдинбургская декларация 2004 г., Резолюция о ситуации с национальными меньшинствами в Латвии и Эстонии (05.07.2004 – 09.07.2004). / Парламентская ассамблея Совета Европы. Резолюция 1459 (2005 г.) «Об устранении ограничений на право голоса». / Парламентская ассамблея Совета Европы. Резолюция 1527 (2006 г.) «О правах национальных меньшинств в Латвии». / Бюро по институтам демократии и правам человека ОБСЕ. Латвийская Республика: Парламентские выборы, 08.02.2007. / Комиссар Совета Европы по правам человека. Меморандум правительству Латвии, Страсбург, CommDH (2007 г.) 9, 16.05.2007. / Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРН). Третий доклад по Латвии, CRI (2008 г.) 2, 29.06.2007. / Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Латвия. Заключительные замечания (E/C. 12/LVA/CO/1), 07.01.2008. / Специальный докладчик по современным формам расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. Доклад о миссии в Латвии комитету ООН по правам человека (A/HRC/7/19/Add.3) 05.03.2008. / Конгресс местных и региональных властей Совета Европы; 03.12.2008. / Генеральный секретарь ОБСЕ. Ежегодный доклад за 2001 год о деятельности ОБСЕ (1 ноября 2000 года – 31 октября 2001 года). 2001. / ОБСЕ Латвия Парламентские выборы 2 октября 2010 г. Заключительный отчет // URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/latvia/75205?download=true> [2010]. / Меморандум уполномоченного по правам человека Альваро Хиль-Роблеса по визиту в Латвию 5 – 8 сентября 2003 года для сведения министров и Парламентской ассамблеи. / Меморандум правительству Латвии «Оценка прогресса, достигнутого в реализации рекомендаций комиссара Совета Европы по правам человека от 2003 года». Страсбург. 16 мая 2007 года.

Практическое значение заключается в двух аспектах. Во-первых, материалы диссертации можно использовать для разработки учебных дисциплин, посвященных проблематике внешней политики Латвийской Республики, внутренней политики Латвии, а также охраны прав меньшинств в современной Европе. Во-вторых, материалы диссертации можно использовать для выработки рекомендаций для Министерства иностранных дел Российской Федерации, других органов государственной власти России, а также неправительственных организаций, непосредственно вовлеченных в борьбу за улучшение положения русскоязычного населения в Латвии, других странах Балтии, и шире – во всей Европе и во всем мире.

Степень достоверности и апробации результатов. Степень достоверности достигнутых в работе результатов определяется использованием признанных научных методов исследования, а также тем, что в ходе исследования применялся обширный эмпирический материал, а именно государственные статистические данные, нормативно-правовые акты органов государственной власти, материалы социологических исследований, официальные программы государственных организаций.

Результаты исследования были апробированы автором в ходе выступления докладом на IX Санкт-Петербургской межрегиональной конференции «Информационная безопасность регионов России (ИБРР – 2015), Санкт-Петербург, 2015 г.

А также были опубликованы научные статьи:

- Ланко Д.А., Долженкова Е. Латвия в территориальной системе международных отношений: взгляд изнутри и извне // Балтийский регион. 2015. № 1. С. 73 – 88;

- Долженкова Е. Влияние русскоязычных СМИ Латвии на результаты общественного мнения // Вектор ТГУ. 2015. № 2 (32 – 1). С. 73 – 77;

- Долженкова Е. Роль Латвии в обеспечении информационного превосходства НАТО // Вектор ТГУ. 2016. № 1 (35). С. 73 – 82.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, каждая из которых состоит из трех параграфов, заключения и списка литературы.

ГЛАВА I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

§ I.1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

В общем определении понятие «секьюритизация» - это процесс, при котором на различные сферы жизни общества распространяется проблематика безопасности, при этом сфер распространения становится больше. На сегодняшний день актуальными также являются исследования в области проблем безопасности в информационно-коммуникативном аспекте. Исследования безопасности в данном направлении стали популярными во время «холодной войны» вследствие применения «информационного оружия» при проведении тайных «информационных операций» в ходе «информационной войны». При этом существует мнение, что выражения типа «информационная война», «информационный терроризм», «информационное оружие» и им подобные являются фразеологизмами (идиомами), журналистскими штампами, призванными вызывать соответствующие эмоции на основе ассоциаций, создаваемых словами «война», «террор», «оружие».¹⁵⁵

Определение понятия «коммуникация» важно при рассмотрении секьюритизации, как акта передачи информации или коммуникации. В лингвистике коммуникация – это процесс вербального взаимодействия, обмен сообщениями; коммуникация осуществляется ее участниками посредством коммуникативных актов, ее единиц. Коммуникативная ситуация заключается во взаимодействии адресанта и адресата, и посредством коммуникативных актов осуществляют процесс передачи и обмена сообщениями. Коммуникативная ситуация – это та социальная среда, в которой человек вступает в процесс коммуникации; она вызывает у него определенное коммуникативное поведение, регулирующее его социальные отношения с другими людьми.¹⁵⁶

Говорящие в процессе общения наполняют языковое сообщение информацией, которая у них есть исходя из обстановки в окружающем обществе. Слушающий, по убеждению говорящего, интерпретирует сообщение говорящего, исходя из обстановки. Знания необходимые для понимания речевого сообщения, то есть для его надлежащей

¹⁵⁵ Аветян А.Л. Процесс секьюритизации в сфере использования информационно коммуникационных технологий // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011. № 2. С. 3 – 12.

¹⁵⁶ Кузнецова Л.В. Дискурсивные параметры прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2 (27). С. 293 – 299.

интерпретации, могут быть известны не всем. Необходимые знания зависят от истории, условий жизни, традиций, системы образования и от других факторов. Принадлежность адресата и адресанта к одной культуре во многом обуславливает возможность коммуникации и правильной интерпретации. Коммуникативная компетенция складывается из способности человека к формированию правильных выводов из сообщений на основе происходящего вокруг. Психологическим аспектом коммуникативного действия является задача, мотив, намерение и цель, что в свою очередь говорит о возможности моделирования ситуации общения с помощью постановки коммуникативных задач.¹⁵⁷

В условиях кризиса рычагами управления является возможность управления коммуникациями посредством моделей порождения и блокирования информации. Сам человек может регулировать информационный поток, исходя из психологических механизмов работы с информацией. А именно, человек из окружающей его обстановки берет именно ту информацию, которая соответствует его интерпретации.

Механизмами воздействия являются убеждение, внушение, заражение, при этом все механизмы являются взаимодополняющими. Механизмы учитываются при постановке коммуникативной задачи, которая позволяет сузить аудиторию с учетом ее различных интересов, что ведет к созданию сильного информационного поля. Существующая двухступенчатая модель передачи информации, говорит о том, что на первом этапе передается информация, а на втором влияние. При планировании информационных кампаний через средства массовой информации (СМИ) учитывается, что сообщение, переданное через СМИ, должно быть поддержано в межличностном общении. «Обработка информации человеком естественным образом подчиняется определенным когнитивным механизмам. Записанные в нашем сознании схемы позволяют не производить очередной анализ, давая возможность опереться на выделенные ранее схемы».¹⁵⁸

Проблема воздействия коммуникативного механизма является актуальной в кризисных и экстремальных ситуациях, рекламе, public relations, военных акциях и т.д. Проблемой коммуникативного механизма может являться отставание в сфере информационных технологий, то есть проблема технических средств передачи речевых сообщений. Что может привести к росту кризисных и экстремальных ситуаций. При

¹⁵⁷ Герасимова Н.И. Особенности феномена делового общения как коммуникативного вида деятельности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 2 (18). С. 1 – 5.

¹⁵⁸ Волкова А.И. Особенности функционирования механизмов коммуникативного воздействия и безопасность личности в условиях кризисных ситуаций // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2005. Т. 48. № 4. С. 221 – 224.

разработке систематического коммуникативного воздействия должны учитываться следующие параметры: резкое сокращение числа управляемых параметров; смещение в сторону базисных потребностей по шкале А. Маслоу; возрастание в целом роли информации из-за отсутствия четкой и понятной всем интерпретации происходящих событий; переход от официальных в сторону неофициальных каналов; создание своих собственных систем обеспечения жизнедеятельности и безопасности. Исходя из приведенных условий, создается более простая коммуникативная система. Теряется рациональная и психологическая составляющая аргументации – механизм убеждения становится основой коммуникации.¹⁵⁹

Качество информации определяют такие параметры, как своевременность, оперативность получения, комплексность, передающиеся через каналы социальной и межкультурной среды. Каналы, в свою очередь, влияют на характер принятия политических решений. Для принятия адекватного решения необходимо изучить проблемную ситуацию посредством сбора, обработки и анализа информации.

Механизм сбора информации должен основываться на различных коммуникативных каналах. Также необходимо установить систему сбора и обработки информации исходя из явлений, происходящих в социальной и межкультурной среде.

Механизм обработки разделяет информацию на первичную и вторичную. «Первичная информация – слабо упорядоченный набор фактов, характеризующих определенное явление или событие; сведения, поступающие от непосредственных участников событий или впервые ставшие доступными благодаря целенаправленному поиску». Первичная информация может поступать от участников событий, из СМИ, из внутренних каналов органов государственной власти и из опросов.

«Вторичная информация – это информация, полученная в результате интуитивно-логического осмысления реальных фактов, событий и явлений – первичной информации». Вторичная информация может поступать из консультаций с экспертами и аналитиками, и из справочно-информационных источников.

Полученные сведения имеют формализованную форму – в виде конкретных физических носителей и неформализованную форму – на уровне интуиции. Субъективная информация, во многих случаях, играет важную роль в принятии политических решений, так как лежит в основе психологического состояния политического актора, принимающего то или иное решение. Коммуникация выступает как механизм структурирования и упорядочения политического процесса, создает условия для

¹⁵⁹ Касьянов Л.Ю. Новое слово как результат когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 1 – 8.

коммуникативных каналов и обеспечивает информацией процесс принятия политических решений. Так как разрешение проблемной ситуации невозможно без участия лиц, которых затрагивает сложившаяся ситуация, существует такой механизм получения информации, как опрос общественного мнения. Что позволяет получить наиболее актуальную информацию по сложившейся проблеме. Таким образом, качество коммуникационной системы между населением и органами государственной власти можно оценить посредством рационального разрешения той или иной проблемной ситуации.¹⁶⁰

Е.Н. Гоголева¹⁶¹ приводит некоторые виды деятельности коммуникационных процессов в органах государственной власти:

- коммуникативные усилия по формированию, развитию и мобилизации управленческой деятельности;
- коммуникацию во всех кампаниях, организуемых для получения поддержки в пользу какой-либо партии, достижения цели, проведения конкретной политики органов управления;
- многообразные процессы, в ходе которых осуществляется выражение, измерение, распространение общественного мнения, равно как и управление ими;
- информирование общественности, разъяснение ей сути проводимой политики;
- процесс социализации, формирования и развития общественного сознания.

Таким образом, «коммуникация – это важнейшая составляющая сферы властных отношений в обществе».

Существует процесс политической коммуникации, при котором осуществляется взаимодействие политических структур государственного управления с общественными массами, для дальнейшего управления. Под процессом управления понимается процесс принятия решений: «Управленческое решение – акт, принимаемый легитимным органом управления с целью установления норм поведения в социальной общности для достижения выработанных целей». «Государственное решение – это выбор целенаправленного воздействия субъекта государственного управления на социальную реальность, закрепленный официальным актом». Система государственного управления использует также легитимные формы социальной коммуникации и легальные способы

¹⁶⁰ Войнов А.С. Особенности коммуникации в процессе принятия политических решений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4. С. 1 – 3.

¹⁶¹ Гоголева Е.Н. Особенности коммуникационных отношений власти и общества: теоретико-методологический аспект // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 110 – 120.

взаимодействия с индивидами и группами. В свою очередь, коллективная воля граждан проявляется в официальных решениях государства.¹⁶²

Л.Р. Тухватулина¹⁶³ отметила, что наиболее известной моделью коммуникации является модель Г. Лассуэлла, опубликованная в 1948 г. «Модель Лассуэлла» включает в себя пять элементов: коммуникатор, сообщение, средство (канал сообщения), реципиент, эффект. Модель использовалась для придания структурной организованности дискуссиям о коммуникации. Таким образом, каждый из пяти элементов является областью анализа коммуникативного процесса. Р. Брэддок добавил в модель еще два элемента: цель, условия. Цель, с которой говорит коммуникатор и условия, в которых протекает коммуникативный акт. Г. Гербнер обозначил зависимость модели коммуникативного акта от типа коммуникативной ситуации.

Коммуникация – прямое воздействие на реципиента, который выступает лишь в качестве объекта, реагирующего на воспринимаемую информацию по принципу: стимул – реакция. Структурные элементы модели Г. Лассуэлла¹⁶⁴ также являются вопросами:

1. Кто говорит? – коммуникатор – это инстанция, организующая и контролирующая массовую коммуникацию;
2. Что сообщает? – анализ содержания сообщений;
3. Кому? – анализ аудитории;
4. По какому каналу? – анализ средств;
5. С каким эффектом? – анализ результата, а именно изменилось или не изменилось сознание или поведение реципиента.

Политическая коммуникация по модели Г. Лассуэлла – это побудительный процесс, определяющий зависимость между отправителем и адресатом, как какой запрос такой и ответ. В модели Г. Лассуэлла утверждается, что передаваемое сообщение всегда вызывает ожидаемый эффект, что на практике не всегда возможно. Поэтому так важны дополнения Р. Брэддока, при каких обстоятельствах и с какой целью направляется сообщение. Дополнения Р. Брэддока прерывают прямую зависимость между отправителем и адресатом сообщения, что делает модель применимой к изучению, как политической, так и других видов коммуникации.

¹⁶² Сморгунов Л.В. Государственная политика и управление. Учебник. В 2 ч. Часть II. Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления // М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2007.

¹⁶³ Тухватулина Л.Р. Принципы классификации моделей коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 7. С. 49 – 53.

¹⁶⁴ Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / Ed. L. Bryson. New York: Harper and Brothers. 1948. P. 37 – 51.

К. Шеннон и У. Уивер¹⁶⁵ обозначили пять следующих элементов процесса коммуникации: источник, послание, преобразователь сигнала, получатель сигнала, цель. Работа данной модели выглядит следующим образом: источник информации создает сообщение, которое поступает в передатчик, становясь сигналом, приспособленным для передачи по каналу связи, ведущему к приемнику, который восстанавливает сообщение из полученного сигнала и доставляет его адресату. В данной модели учитываются такие факторы, как помехи при передаче нескольких сообщений вследствие чего полученное адресатом сообщение может отличаться от сообщения отправителя. Таким образом, К. Шеннон и У. Уивер показали, что сообщения, отправленные по каналам связи, не во всех случаях приводят к ожидаемым результатам. Чтобы избежать неожиданных результатов М. Дефлер в 1970 г. дополнил данную модель петлей обратной связи.¹⁶⁶ А именно, дополнил модель соответствием двух смысловых значений исходным и конечным. Таким образом, существо коммуникации выражается в соответствии информации, полученной от отправителя и адресата. Исходя из дополнений М. Дефлера, коммуникация проходит следующие стадии. Источник коммуникационного акта формулирует значение, которое в форме сообщения направляется в передатчик. Сообщение, преобразованное в передатчике в информацию, по каналам (СМИ и т.д.) поступает в приемник. В приемнике происходит расшифровка «информации»: она превращается в «сообщение», которое преобразуется «управляемым адресатом» в значение. Линия обратной связи позволяет решить проблему возможного несоответствия между исходным и восстановленным «значениями».

Если рассматривать коммуникацию политическую, то можно ее представить, как отношение между управляющими и управляемыми. Ж.-М. Коттре¹⁶⁷ выявил между участниками политической коммуникации следующие линии взаимодействия. Все управляющие являются членами политического сообщества, но не все управляемые входят туда. Эти отношения заключают в себе взаимопроникновение и взаимовлияние управляющих и управляемых. В условиях расширения политического сообщества отношения между управляющими и управляемыми становятся отношениями пересечения.

Ж.-М. Коттре утверждает, что обмен политической информацией между управляющими и управляемыми регулируется по средствам социальных институтов (выборы, референдум и т.д.). Сама же политическая коммуникация осуществляется по каналам СМИ, а участниками являются политические и неполитические организации.

¹⁶⁵ Shannon K., Weaver W. *The Mathematical Theory of Communication* // Urbana: University of Illinois Press, 1949.

¹⁶⁶ DeFleur M.L. *Diffusing Information* // Society. 1988. V. 2.

¹⁶⁷ Cotteret J.-M. *Gouvernants et gouvernes: La communication politique*. 1973.

Элиты занимают основное место в системе политической коммуникации, осуществляя свою власть через промежуточные звенья (бюрократический аппарат и т.д.).

В свою очередь, К. Сайнне¹⁶⁸ отмечает тот факт, что между элитой, бюрократией и массами происходит непрерывный обмен информацией, в котором элиты стремятся, посредством передаваемой информации в массы, к собственной легитимности.

Голландские исследователи Й. Бордвик и Б. ванн Каам¹⁶⁹ предложили модели альтернативных видов движения информации. Модель вещания – распространение информации из центра одновременно многим абонентам на периферии. Диалоговая модель – информационные агенты, самостоятельно выбирая время, место и тему сообщения, общаются между собой, игнорируя центр или посредников. Консультационная модель – агент информации, находящийся на периферии коммуникационной цепи, ищет необходимые сведения в центральном информационном хранилище. Регистрационная модель – центр запрашивает и получает информацию от периферийного источника. На практике данные модели дополняют друг друга.

Из модели Г. Лассуэлла следует, что массовая коммуникация – это целеориентированный процесс воздействия коммуникатора на целевую аудиторию сообщениями. Воздействие осуществляется через средства массовой информации. Аудитория, в свою очередь, – это изолированные друг от друга люди, которые не имеют между собой горизонтальных связей и индивидуально потребляют пропагандистскую информацию, направленную по вертикальным каналам односторонней массовой коммуникации. Данное обстоятельство приводит к низкой критичности масс, при этом достигается эффективное информационное воздействие пропагандиста. Воздействие пропагандиста направлено, главным образом, на массовые предпочтения, а инструментами воздействия выступают значимые для объектов воздействия символы.

У. Липпман¹⁷⁰ отметил, что стереотипы подменяют в общественном сознании политическую реальность, а средства массовой информации, в свою очередь, формируют данные стереотипы. Стереотипы основаны на поверхностных знаниях, которые образовались в обществе в результате информации полученной по каналам массовой коммуникации. Так образуется политическая псевдо среда, с которой взаимодействует общественное сознание.

¹⁶⁸ Sinne K. Communication: Mass Political Behavior // Political Communication and Strategies for Research. Ed.: S.H. Chaffee. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications. 1975. Vol.4.

¹⁶⁹ Bordewijk J.L., Kaam B. van. Towards a classification of new teleinformation services // Intermedia. 1986. Vol. 14. P. 16 – 21.

¹⁷⁰ Липпман У. Общественное мнение/ Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. Редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2004.

По Ж.-М. Коттре политическая коммуникация – это отношения симметричного и несимметричного взаимопроникновения и взаимовлияния между управляющими, являющимися членами политического сообщества, и управляемыми. Р. Дейберт¹⁷¹ считал, что главная роль политических коммуникаций – это распределение власти внутри общества и изменение массового сознания.

С.В. Володенков¹⁷² отмечает исследования таких авторов как К. Сиуне, которая указывала, что при росте демократизации внутри гражданского общества растет роль горизонтальных коммуникаций. В таких условиях политическая информация соответствует интересам, потребностям и ценностям граждан. Горизонтальная коммуникация конкурирует с иницируемой и контролируемой государственными органами власти вертикальной коммуникацией. А также Д. Свенсона, который ввел понятие политико-медийной системы, подразумевая под ней, совокупность отношений между СМИ и государственно-политическими институтами в области их взаимодействия с обществом. Основная функция политической коммуникации – смысловая интерпретация сообщений и роль политических лидеров, государственных институтов, СМИ и представителей общественности в политической системе. Таким образом, представители политической системы интерпретируют содержание и результаты политических событий, явлений и процессов исходя из собственных интересов.

С.В. Володенков отмечает, основные характеристики современной политической коммуникации. Несистемное информационно-коммуникационное воздействие не является политической коммуникацией, так как носит случайный и хаотичный характер. Эффективное политическое управление возможно при коммуникационных технологиях интерактивной пропаганды и горизонтального информационно-коммуникационного взаимодействия политических акторов. Коммуникация участников процесса политической коммуникации носит характер конкурентной и проявляется как борьба за доминирование их собственных ценностей, образов, представлений и смыслов. Для реализации процессов политической коммуникации необходима инфраструктура, включающая в себя информационные ресурсы, коммуникационные каналы, генераторы политического контента и технологии. Сутью информационного противоборства является борьба за смещение конструируемой в ходе политической коммуникации псевдо реальности в желаемую актором сторону. Конкурентный характер идеологий, смыслов, символов и

¹⁷¹ Deibert R.J. *Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation* // New-York: Columbia University Press. 1997.

¹⁷² Володенков С.В. *Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления* // ООО «Перспект». 2015.

ценностей, транслируемых в коммуникационном пространстве, обуславливает тенденцию радикализации их политического содержания.

По теории «фрейминга» на интерпретацию информации людьми оказывают влияние сложившиеся структуры значений.¹⁷³ Аудитория при обработке информации опирается на реальность, построенную на основе личного опыта. Существует три варианта обработки новостной информации. «Активная обработка» - индивид ищет дополнительные источники информации, так как информация всегда не полная. «Рефлексивное интегрирование» - индивид обдумывает или обсуждает с другими информацию средств массовой коммуникации (СМК). «Селективное сканирование» - из всего содержания сообщений индивид воспринимает только то, что согласуется с существующими у него представлениями.

Есть два вида фреймов: фреймы СМК и индивидуальные фреймы. «Фреймы – это центральная организующая идея или сюжет, которые приносят значение в последовательность событий... сущность сообщения». «Индивидуальные фреймы – хранящиеся в мозгу индивида кластеры идей, которые направляют процесс обработки информации». В обработке и интерпретации политической информации участвуют такие виды фреймов, как глобальные политические взгляды и кратковременные, зависящие от событий. СМК определяют степень значимости сюжетов для аудитории. Таким образом, заставляют аудиторию считать одни проблемы более важными, чем другие.

Конфликты в информационном обществе являются непременным атрибутом. К.А. Панцеров¹⁷⁴ приводит вывод М. Кастельса «Информационная эпоха знаменует собой появление общества нового типа, для которого характерно развертывание информационно-коммуникационных сетей и, в котором информационные потоки имеют приоритетное значение».

К.А. Панцеров конкретизирует суждение М. Кастельса, что информация и обмен информацией занимали существенное место на протяжении всей истории человечества. А именно, товарный статус информация стала приобретать в XIX веке, когда газеты стали прибыльным предприятием, а уже в настоящее время новой формой распространения информации являются современные информационные технологии, не имеющие ограничений характерных для печатной журналистики, радио и телевидения.

К.А. Панцеров предлагает использовать термин «информационное общество», который, по его мнению, является наиболее емким: «По сути термин «информационное

¹⁷³ Колесникова С.В. Теоретический анализ проблем коммуникации в психологии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 183 – 186.

¹⁷⁴ Панцеров К.А. Информационное общество: Эволюция концепции в исторической перспективе // Вестник СПбГУ. 2010. Серия 6. Выпуск 1. С. 65 – 72.

общество» является синонимом «информационной эры», «информационной эпохи», «информационного века», «постиндустриального общества» и представляет собой синтез таких понятий, как «сетевое общество», «информационный капитализм» и «информационализм», и означает в своей основе переход к экономике и обществу нового типа, в котором информация, благодаря активному использованию новейших информационно-телекоммуникационных систем, приобретает новое глобальное измерение и становится определяющим ресурсом дальнейшего развития человечества».

С.М. Виноградова¹⁷⁵ отмечает, что в XX веке существовало противостояние двух информационных лагерей – западноевропейского, с его колониями, и СССР, со странами социалистического лагеря. «Информационно-политическое деление мира в XX веке, носило полярный и групповой характер, а в каждой группе существовали доминирующие державы, формировавшие информационную политику в регионе в целом». Государственная, коммерческая и общественная системы контроля над СМИ по отдельности не обеспечивают плюрализма доступа к массмедиа.

После распада СССР мир перестал быть биполярным и стал более сложным. Государствами были провозглашены новые принципы свободного доступа к информации. Так Директива Совета Европы о трансграничном телевидении была направлена на обеспечение свободной циркуляции телевизионных программ на территории Европейского Союза и либерализации медиарынка.

Призывом ликвидировать международный разрыв в области информации знаний стала, принятая лидерами «Большой Восьмерки» «Окинавская Хартия Глобального Информационного Общества» (22 июля 2000 г.). В хартии информационно-коммуникативные технологии рассматривались как стимул развития мировой экономики. С этого времени участниками международного взаимодействия становятся также неправительственные организации, межправительственные институты (ООН, НАТО, ОБСЕ), транснациональные организации и национальные СМИ.

Развитие новых информационных и телекоммуникационных технологий способствует не только трансграничному информационному обмену, но и влияет на экономические, социальные изменения, а также на отношения между странами.

С.М. Виноградова приводит следующие положения медиаимпериализма. Глобальные медиа способствуют скорее зависимости, чем представляют возможности экономического роста национальных СМИ. Несбалансированный поток контента СМИ разрушает культурную автономию или задерживает ее развитие. Новостной дисбаланс

¹⁷⁵ Виноградова С.М., Мельник Г.С. Проблемы преодоления неравенства в международном информационном обмене // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 239 – 246.

усиливает мировую мощь крупных и процветающих стран-поставщиков новостей и препятствует укреплению национальной идентичности. Глобальные медиапотoki ведут к культурной гомогенизации и синхронизации культур, выделяя доминирующую форму культуры, которая не имеет связи с реальной жизнью большинства людей.

Также приведем понятие «информационный империализм», который применялся в советской политической теории, для характеристики «политики, которую проводит монополистический капитал, господствующий в СМИ крупных капиталистических государств». Содержание информационного империализма можно охарактеризовать следующим образом: «Для успешного проникновения держава, стремящаяся к господству, должна захватить общественные средства информации». При этом, главная задача информационного империализма заключается в том, чтобы «установить контроль над информационно-коммуникационным сектором развивающихся стран со стороны крупнейших мировых транснациональных медиаконцернов».¹⁷⁶

Далее рассмотрим на основании чего и каким образом ситуация в Латвии, созданная латвийским правительством наглядно показывает действие, модели Г. Лассуэлла, дополненную Р. Брэдкоком. В которой важными являются такие элементы, как кто говорит, что сообщает, кому, по какому каналу, с каким эффектом, при каких обстоятельствах и с какой целью. А сама модель является моделью политической коммуникации наиболее подходящей к понятию секьюритизации.

В.А. Смирнов¹⁷⁷ предлагает оценить роль Прибалтийских республик на постсоветском пространстве. Автор приводит типологию государств М.В. Ильина¹⁷⁸, где малые страны характеризуются небольшой территорией и численностью населения, а также с комплексом зависимости и отсутствием самостоятельной позиции в международных отношениях. Ограничение возможностей функционирования данных стран связано с тем, что их представители являются дипломатическими посредниками, а территория находится в периферийной зоне. Окраинно-транзитное положение, в свою очередь, создает зависимость возможностей малых стран от ведущих государств-участников международных отношений. В связи с чем, автор приводит тезис А.Д. Богатурова¹⁷⁹, где отмечается, что странам Прибалтики не удалось стать заметными

¹⁷⁶ Панцеров К.А. Информационный империализм: Препятствие на пути стран тропической Африки к независимому развитию // Политология. 2009. № 114. С. 355 – 362.

¹⁷⁷ Смирнов В.А. К вопросу о роли малых стран в процессах реструктурирования постсоветского пространства (на примере Прибалтики) // Балтийский регион. 2014. № 4 (22). С. 48 – 56.

¹⁷⁸ Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. 2008. № 4. С. 8 – 41.

¹⁷⁹ Богатуров А.Д. Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значительным фактором в политике США на российском направлении // Независимая газета. [22.05.2006].

участниками глобальной политики, но при этом данные страны создают свой политический, идеологический и финансово-экономический капитал опосредовано. А именно, создавая «конфликтные узлы» в отношениях между Россией и Западом, а также Россией и США. Малые страны не обладают какими-либо значимыми ресурсами для продвижения своих интересов на международной арене, кроме дипломатии.

Латвия, как и Литва, и Эстония, придерживается проамериканской геополитической ориентации, где США является гарантом суверенитета по следующим причинам: США не признали законность присоединения к СССР трех Прибалтийских республик, а также США является противовесом России в Балтийском регионе. По данным причинам поведение политических элит Прибалтийских стран расценивается, как провокационное в отношениях с постсоветским пространством. При этом малые страны обладают необходимой мобильностью и возможностью быстрого реагирования и переориентации в важных вопросах геополитического характера международных отношений.

Внешняя политика Прибалтийских государств не утратила характера конфронтации с момента вступления в НАТО и ЕС. Институт неграждан продолжает действовать в Латвии и Эстонии, в свою очередь, происходит усиление исторической политики и эксплуатация тем угрозы связанная с Россией. Для определения основной политической идеи политические лидеры Латвии используют механизм политико-идеологического характера, а именно выдвигают положения о «советской оккупации» и о «российской угрозе».

Одним из условий функционирования государственных институтов является легитимность. Так как понятие «посткоммунизма» носило проблемный характер в прошлом десятилетии, то сейчас проблематика коммунистического наследия уступает место проблемам институциональной дисфункции «молодых демократий» в Латвии, Литве, Эстонии и других странах Восточной Европы. Источником же легитимности в Латвии служит идеология либеральной демократии, продвигаемая евроатлантическим сообществом.

Внешняя поддержка демократических институтов в странах Восточной Европы, выраженная политической и информационно-пропагандистской работой, является необходимой из-за слабости социальных предпосылок для укрепления данных институтов и формирования партийных систем.

Об уязвимости демократических институтов в Латвии заговорили на фоне Украинского кризиса, в связи с чем, стали подниматься вопросы о предоставлении

негражданам права участвовать в политической жизни государства. При этом существует положение, что защита демократии предполагает наличие внешних и внутренних «Врагов».

Одним из основных факторов легитимности политических режимов в Латвии, Литве и Эстонии был лозунг «возвращения на Запад», что также служит основой политическим конфликтам. В Латвии, как и в других странах Балтии, в правительстве существуют два политических вектора, связанные с отрицанием или принятием тезиса о «советской оккупации». Партии, отрицающие акт «советской оккупации», становятся в оппозицию и носят характер пророссийских. В свою очередь в латвийской партийной системе наблюдается эффект герметизации правящих элит, вследствие раскола партий по этническому характеру. Так, партии, представляющие русскоязычное меньшинство не допускаются к процессу формирования правящей коалиции и правительства. Правящие партии Латвии придерживаются идеологии этнонационализма и ведут конкурентную борьбу с партией «Центр Согласия». Партия «Центр Согласия» является партией, поддерживающей русскоязычное меньшинство по тем или иным вопросам.

Дефицит легитимности политического режима в Латвии, причиной которого является слабость партийной системы и политических институтов, дискриминирующие национальное меньшинство, привел к ситуации, когда вырабатывается оправдательный механизм дискриминации. А именно, оправдание института неграждан. В этой же связи происходил процесс придания легитимности таким политическим группам, как «Народный фронт». Таким образом, участники «Народного фронта» впоследствии, занявшие место правящей политической элиты, создали аппарат государственного управления, опирающийся на идеологию этнонационализма. Так же широкое распространение получила тема «советской оккупации», что оправдывало и придавало положительной характер другой теме – а именно теме, возвращения на Запад. В данном контексте уместно отметить дебаты о дискурсе секьюритизации, где в правящих политических элитах Латвии говорилось о защите государства от «российской угрозы» путем скорейшего включения Латвии в состав НАТО и ЕС.

Слабость легитимности политического режима в Латвии привела к ситуации, в которой существует необходимость искусственно поддерживать консолидацию общества и политических элит. В связи с чем, в Латвии активно продвигаются темы, связанные с

формированием образа «Врага» и «Жертвы», что происходит также с помощью инструментов исторической политики.¹⁸⁰

Образ, так называемого, «Другого» занимает особую роль в политических процессах. Е.В. Морозова отмечает, что «Другой» и его образ является установкой в сознании индивида, «связанная с самоопределением в социальном и политическом пространстве на основе выделения отдельных личностей, групп или институтов, задающих границы идентичности и обладающих значимыми для него характеристиками».¹⁸¹ Политическая идентификация невозможна без образа «Другого», так как только в сравнении и дискурсе субъект сможет понять мир и себя.

Образ «Другого» в политической модели толерантности представлен формулой «я-другой-иной», в модели интолерантности «я-другой-чужой-враг». Данные модели переходные и переход из первой во вторую в периоды социально-политических кризисов сопровождается приобретением собственной идентификации с помощью создания отрицательного «Другого».

Поддержание «комплекса жертвы» помогает приспособиться к кризису. Данная негативная идентичность наблюдается в постсоветских государствах. В свою очередь, тем самым оправдываются действия против «Чужого» или «Врага».

Создание образа «Чужого» строится с помощью таких технологий как мифологизация, стереотипизация, дискредитация, унификация, приписывание антиценностей, клеймение, анонимизация и дегуманизация. Среди перечисленных технологий, самой распространенной является дегуманизация. Дегуманизация – это «комплекс идей и действий, позволяющих представить политических оппонентов как акторов, лишенных человеческих начал, и, следовательно, оправдать практически любые действия в отношении них». Роль технологии дегуманизации определяется ее целями, которые могут быть следующими: «политическая идентификация, легитимация существующего политического порядка, политическая мобилизация, дискредитация политического конкурента, снятие ответственности за политические неудачи, психологическая компенсация, ценностная ориентация и политическая социализация».

В Латвии в работе структур государственного управления часто используется политизация истории, что является идеологическим механизмом в государственном строительстве. Политические элиты стремятся к консолидации общества в своем государстве, прибегая к использованию мифов, памятных дат, символов, которые

¹⁸⁰ Смирнов В.А. К вопросу о кризисных тенденциях в сфере легитимности политических режимов стран Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 51 – 72.

¹⁸¹ Морозова Е.В. Дегуманизация как технология формирования образа другого/чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 121 – 128.

являются памятью о прошлом. Историческая политика – это некий комплекс мер, используемый для продвижения в определенном обществе конкретных интерпретаций событий прошлого, с целью придать конкретным событиям определенный смысл, необходимый политическим элитам, для достижения политических целей. Субъектами исторической политики могут быть как государство в целом, так и политические партии, и влиятельные социальные группы. Историческая политика является механизмом изобретения традиций, которые служат для достижения целей политических элит. Вмешательство политических элит в историю, а затем ее политизация осуществляется по следующим направлениям: «создание и поддержка институтов для проведения исторической политики; принятие законов, затрагивающих тематику прошлого и политику памяти; непосредственное участие или поддержка конкретных мероприятий, прямо воздействующих на политику памяти; участие в дебатах о прошлом и использование тематики прошлого в политической риторике».

Латвия, как и другие страны Восточной Европы, после выхода из СССР для реализации целей во внутренней и внешней политики стали активно использовать механизм политизации истории. Таким образом, многие вопросы стали рассматриваться с позиции жертвы, помимо этого, проведение политизация истории помогло в политической борьбе с оппозицией и в решении вопросов на международной арене.

В период 1990 гг. по 2000 гг. в Латвии происходил процесс формирования нового политического режима, также проводилась политика, направленная на вступление в международные институты. Формирование политических режимов того времени привело к проведению политики национализма в государстве. Таким образом, историческая политика, как механизм, посредством, которого можно добиться массового согласия общества для обоснования идеологической политики и, следовательно, нахождения у власти определенных политических групп, пользовалась большим спросом у политических элит в Латвии. В этот период создается институт неграждан, не допускающий представителей национальных меньшинств участвовать в политической жизни страны. А также, в это же время, создаются различные музеи, комиссии, одна из которых, занимается подсчетом ущерба, полученного Латвией от «советской оккупации». Таким образом, коммунизм также объявили проблемой, названной «наследием коммунизма». Это также являлось способом введения идеологии демократии, с последующим вступлением в международные европейские институты. В свою очередь, политика этнонационализма исключила возможность участия национальных меньшинств

участвовать в политических процессах, что позволило сохранить положение правящих политических элит.

Период вступления Латвии в ЕС и НАТО в 2004 г. характеризуется началом политики продвижения европейской идентичности до границ Российской Федерацией, а также усилением конфронтации в сфере исторической политики.

С 2010 г. в Латвии начался процесс активного развития идеи «Жертвы тоталитарного режима», что привело к приравниванию коммунизма к национализму. Продвижение образа «Жертвы» и образа «Врага» дает возможность получения дополнительных ресурсов от стран ЕС и НАТО на защиту от внешней угрозы. Внешней угрозой здесь выступает «российская угроза». Данная идея получила особое внимание после кризиса в Украине, что дало возможность политическим элитам Латвии указывать на близость к границам Российской Федерации и проживание русскоязычных жителей, как на прямое доказательство опасности для государства в целом.¹⁸² Особую роль в вопросах безопасности Латвии играют этнические меньшинства, а также возможность того, что они могут стать источником угрозы безопасности.¹⁸³ Россия уделяла большое внимание вопросу русскоязычных жителей в контексте внешнеполитической стратегии. Москва стремилась сохранить и увеличить свое влияние в странах Балтии, используя заявления о «нарушении прав человека», дискредитируя страны Прибалтики на международных форумах.¹⁸⁴

Механизм политической коммуникации является важным средством передачи информации, посредством которого происходит общение как в социальной, политической сфере, так и в сфере международных отношений. Политический аппарат одного государства общается с правительствами других государств, влияет на его внутреннюю и внешнюю политику, а также оказывает влияние на гражданское общество своего государства и иного государства благодаря каналам коммуникации. Посредством используемых каналов коммуникации можно оказывать влияние на мнение гражданского общества как внутри государства, так и за его пределами. Если гражданское общество одного государства разделено по тем или иным признакам, например, по национальному признаку в Латвии, то здесь просматривается механизм политической коммуникации, при котором правящая элита Латвии влияет на общественное мнение, т.е. этнических латышей и русскоязычного населения. При использовании тех или иных методов коммуникации,

¹⁸² Смирнов В.А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2. С. 78 – 97.

¹⁸³ Ozoliņa Ž. Latvian Security Policy // The Baltic States: Search for Security. 1996. P. 29 – 57.

¹⁸⁴ Stranga A. The Baltic States in the European Security Architecture // Small States in a Turbulent Environment: The Baltic Perspective. 1996. P. 11 – 59.

правительство создает некую напряженность между двумя этническими группами, проживающими на одной территории. А также влияет на настроения населения, проживающего за пределами Латвии. Данная группа населения, может относиться к латышским эмигрантам, людям, которые проживали на территории Латвии, а также к другим группам, которые каким-либо образом принадлежат к латышскому гражданскому обществу.

Механизм политической коммуникации, при котором затрагиваются интересы, вопросы, темы и проблемы более чем одного государства, а также при котором те или иные вопросы выходят за пределы внутренней политики одного государства, вводит определенные положения в сферу международных отношений. В Латвийской Республике обозначаются проблемы, связанные с русскоязычным населением и институтом неграждан. В данном случае обозначенная проблема является внутренней, но также имеет характер проблемы внешней политики. При взаимодействии Латвии с международными институтами, данная проблема являлась и является одной из главных, и требующих решения проблем. Вторым фактором, который придает международный характер данной проблеме, является принадлежность русскоязычного населения к Российской Федерации. Так русскоязычное население, проживающее на территории Латвии, входит в интересы России.

С помощью каналов механизма коммуникации, происходит процесс информирования различных групп населения по тем или иным вопросам. Относительно Латвии с помощью каналов коммуникации в сферу безопасности введена проблема присутствия на территории государства русскоязычного населения, которое входит в интересы России. Здесь механизм политической коммуникации входит в сферу международных отношений, так как обозначенная проблема затрагивает политическую сферу Латвии, России и Европейского сообщества.

Для введения вопроса в сферу безопасности важными являются условия, при которых происходит данный процесс, а также цель данного процесса. Введение в сферу безопасности «русской угрозы» в Латвии происходило в условиях, когда государство готовилось к выходу из состава Советского союза. Перед выходом из СССР в Латвии происходил процесс воссоздания национальных символов и ценностей. Наряду с этими процессами создавались политические программы, основанные на защите национальных ценностей. Таким образом, «Врагом» или угрозой безопасности являлось русскоязычное население. Латвийское правительство указывало на возможность Российской Федерации прибегнуть к военным действиям, дабы защитить русскоязычное население в Латвии.

Политические элиты в процессе общения с населением и в политических дискурсах наполняли сообщения информацией, исходя из обстановки в окружающем обществе. На тот период времени, на территории Латвийской Республики присутствовали люди, которые прибыли на территорию государства в рамках экономической политики СССР, а именно военные, рабочие и другие группы населения. Сообщения политических элит Латвии содержали национальный характер и были направлены на этнических латышей.

Таким образом, ситуация в Латвии, созданная латвийским правительством наглядно показывает действие, модели Г. Лассуэлла, дополненную Р. Брэдкоком. В которой важными являются такие элементы, как кто говорит, что сообщает, кому, по какому каналу, с каким эффектом, при каких обстоятельствах и с какой целью, является моделью политической коммуникации, наиболее подходящей к понятию секьюритизации. Что также доказывает, что латвийское правительство секьюритизировало русскоязычное население для достижения своих целей, а именно, придание легитимности своим действиям.

§ 1.2. СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Понятию секьюритизации в наибольшей степени соответствует модель политической коммуникации, предложенная Р. Брэдкоком. Таким образом, описание любого акта коммуникации должно включать в себя ответы на семь важнейших вопросов. На вопрос «Кто?» теория секьюритизации отвечает «агент секьюритизации», на вопрос «Что?» - «та или иная проблема является проблемой безопасности». Вопрос о канале коммуникации является для теории секьюритизации второстепенным. На вопрос «Кому?» теория секьюритизации отвечает «участникам того или иного дискурса», на вопрос «С какой целью?» - «с целью легитимации тех или иных чрезвычайных мер», на вопрос «С каким результатом?» - секьюритизация является успешной, если легитимация чрезвычайных мер происходит.

Угрозы безопасности не даны априори, а конструируются субъектами в политическом процессе секьюритизации. Секьюритизация не является спонтанным процессом, а зависит от условий, связанных с продолжительностью исторической вражды между государствами, с соотношением сил между государствами.

В современных международных отношениях большая часть угроз безопасности имеет территориальный характер и зависит от географического расстояния. Так как

государства испытывают озабоченность в связи с потенциалом и намерениями соседних государств. Глобальная игра ведется небольшим количеством могущественных государств, которые в свою очередь проецируют свою мощь в отдаленные регионы. При этом небольшие государства все же ограничены политикой безопасности ближайших соседей.

«Основными игроками на глобальном уровне международной системы выступают «глобальные державы» - сверхдержавы и великие державы. Они определяют общесистемную структуру полярности мировой политики. Полярность региональных подсистем основывается на «региональных державах». Глобальный и региональный уровень безопасности соединяются посредством механизма «проникновения» глобальных держав в региональный комплекс. Проникновение обычно заключается в том, что внешняя держава заключает альянсы с государствами, принадлежащими к тому или иному комплексу. Логика баланса сил заставляет региональных соперников искать внешних союзников и тем самым региональное соперничество сопрягается с уровнем глобальной системы».¹⁸⁵

В условиях безопасности существует некий образ «Врага», под которым понимаются «представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как о несущем угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию. Подобные представления формируются на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия». Безопасность в теории секьюритизации трактуется как дискурсивная практика, при которой происходит изменение иерархии политических приоритетов. При секьюритизации проблемы происходит ситуация, когда на предотвращение угрозы требуются меры противодействия со стороны всего общества.

Безопасность является речевым актом, при котором политические элиты превращают какие-либо события в вопросы безопасности. Б. Бузан и О. Вевер определяют секьюритизацию как «крайний вариант политизации, который оправдывает использование чрезвычайных средств и методов воздействия во имя сохранения безопасности общества».¹⁸⁶ С.В. Акопов, Е.М. Прошина¹⁸⁷ отмечают, что в условиях секьюритизации

¹⁸⁵ Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2 (17). С. 7 – 19.

¹⁸⁶ Buzan B., Waever O., Wilde J., de. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, London: Lynnie Rienner. 1998.

¹⁸⁷ Акопов С.В., Прошина Е.М. «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до теории «далеких местных» // Власть. 2011. № 01. С. 89 – 92.

являются приоритетными такие вопросы как, какие события секьюритизируются, ради кого это делается, почему, с какими последствиями и при каких условиях. Дискурсы об угрозах безопасности, создаваемые политическими акторами, направлены на легитимацию чрезвычайных мер политической мобилизации общества против созданного образа «Врага». С.В. Акопов и Е.М. Прошина цитируют В. Волкана. В. Волкан характеризует «Врага», как образ, в котором находятся собственные нежелательные аспекты, при этом образ не всегда соответствует действительности. В условиях национальной идентичности каждая из наций для завершения своей идентичности нуждается в антигерое. А также приводят понятие «Далекие местные», понятие З. Баумана приведенное Р. Тарасом, «Далекие местные – это люди, живущие в других концах мира, о которых мы узнаем из глобальных СМИ, включая все, что с ними происходит: убийства, эпидемии, мародерство, творящиеся в их странах». При этом, Р. Тарас понятие «Далекие местные» применяет к меньшинствам внутри общества. Таким образом, превращение мигрантов в «Чужих» происходит из-за того, что чувство защищенности большинства местных жителей ослабевает. Изменяются представления местных жителей о далеком и близком, а также о том, что находится внутри общества, а что за его пределами.

Существует модель «секторной безопасности», в которой предлагаются пять основных секторов, являющихся направлениями, по которым государству могут быть нанесены какие-либо угрозы. А именно, военная безопасность, политическая безопасность, экономическая, социальная и природная безопасность.

Угрозы, которые могут быть направлены государству по секторам, также превращаются в угрозу национальной безопасности посредством политического дискурса.¹⁸⁸ Также государства могут, как переоценить, так и недооценить какие-либо угрозы. В случае, когда угрозе уделено повышенное внимание, происходит ситуация, когда целью политики безопасности выступает сокращение не оправданных угроз. В противоположном случае государство, несмотря на противоречивость факторов, рассматривает ситуацию как безопасную. «При помощи лингвистики мы можем определить безопасность как «речевое действие». В этом значении безопасность не означает что-то, что является реальным, произнесенное само по себе является действием».¹⁸⁹

Государства стремятся к взаимному сотрудничеству, охране собственного суверенитета и политико-экономической независимости от внешних угроз, что влияет не

¹⁸⁸ Аксющенко Г. Иммиграция как источник вызовов безопасности // Власть. 2007. № 8. С. 19 – 22.

¹⁸⁹ Арсенян А.З. Эволюция концепций «национальной безопасности» в современных международных отношениях // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 19 (99). С. 23 – 35.

только на отношения между государствами, но и на политику безопасности. В конституциях государств, среди основополагающих норм прописаны нормы, направленные на обеспечение национальной безопасности.¹⁹⁰

Д.А. Борисов¹⁹¹ пишет, что «Наблюдается концептуальный сдвиг в мышлении о безопасности: от национальной безопасности с ее упором на военную защиту государства к более широким концепциям безопасности и вопросам личной безопасности, учитывающим необходимость обеспечения спокойствия и благосостояния граждан, живущих в государстве. Возникает потребность в новых подходах к политике безопасности». От государственной безопасности осуществляется переход к угрозам существования человека. Данный переход связан с рассмотрением других угроз, а именно ухудшение состояния окружающей среды, перенаселенность, массовое перемещение беженцев, национализм и терроризм.

Организация Программа Развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) определяет безопасность развития человека исходя из таких компонентов, как благосостояние, расширение прав и возможностей, а также справедливости.¹⁹²

Из статьи «Безопасности человека в современной теории и практике международных отношений» следует, что «Концепция личной безопасности включает в себя концепцию свободы, которая основывается на «способности и возможности, которые позволяют каждой личности жить, не ограничивая других». Таким образом, личностная безопасность связана с качеством жизни людей, общества, политического процесса. Предполагается, что все, что снижает это качество, является угрозой безопасности». Другое направление безопасности, когда необходимы действия со стороны государства в ущерб государственному суверенитету, это уменьшения последствий конфликтов для населения. В основе этого направления лежит положение, когда безопасность государства и безопасность граждан могут не совпадать.

Д.А. Борисов¹⁹³ отмечает, что личностная безопасность определяется как свобода от угроз жизни отдельного индивида и ее свободного развития и реализации ее прав и возможностей участвовать в общественной жизни.

¹⁹⁰ Канунникова Н.Г., Шагапсоев З.Л. Международный опыт административно-правового обеспечения общественной безопасности // Армия и общество. 2014. № 4 (41). С. 1 – 8.

¹⁹¹ Борисов Д.А. Безопасности человека в современной теории и практике международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 79 – 82.

¹⁹² Программа развития организации объединенных наций// URL: <http://www.un.org/ru/ga/undp/>.

¹⁹³ Колобов О.А. Безопасность личности, общества, государства. Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ; Изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара. 2008.

При рассмотрении концепции национальной безопасности основным объектом анализа является государство, а при рассмотрении личной безопасности – экономические и социальные взаимоотношения граждан.

С.А. Панарин¹⁹⁴ приводит цитату С.А. Корфа: «Основным, не подлежащим ни малейшему сомнению, политическим началом государственности представляется гарантированное народу, составляющему данное государство, полной безопасности извне и мирного развития внутри».¹⁹⁵ В данной статье автор пишет, что повышенный и неудовлетворенный спрос на безопасность создал политику секьюритизации, а также приводит определение понятия секьюритизации: «Секьюритизация – это, по сути, не что иное, как восприятие и истолкование любого события, процесса или феномена в категориях безопасности как выживания». А именно, если государственный актор объявляет, что определенный феномен представляет угрозу безопасности государству или населению, происходит акт секьюритизации. Секьюритизировать какую-либо ситуацию проще в обществе, где понятия безопасность и стабильность идентичны.

Для большинства национальных государств одним из вызовов является не совпадение национальной и этнической идентичностей в пределах государственных границ, а также наличие различных меньшинств на территории государства.

При рассмотрении безопасности исходя из стадийного развития государств С.А. Панарин отмечает, что государства бывают современные, до-современные и пост-современные. Современные государства стремятся обладать исключительным правом на обеспечение безопасности и секьюритизацию. Государства до-современные способны лишь частично обеспечить безопасность. В свою очередь, государства пост-современного типа разделяют права на обеспечение безопасности и секьюритизацию между государством и гражданским обществом. С.А. Панарин приводит высказывание Б. Бузана и О. Вевера о том, что государства, входящие в состав Европейского Союза являются одновременно сплоченными, сильными, национальными и пост-современными.

Современные государства имеют следующие приоритеты развития: суверенитет, независимость, территориальную целостность и самодостаточность. При этом современные государства наиболее склонны к геосекьюритизации. Такие государства образуют регионы, в которые входят подобные им государства. Приоритеты развития, подобных государств, приводят к следующим ситуациям. Укрепление приоритетов развития требует усиления и приводит к обострению проблем безопасности во

¹⁹⁴ Панарин С.А. Национальное государство перед вызовом трансграничных воздействий: предисловие // Трансграничные вызовы национальному государству. Статья в сборнике статей. 2015. С. 7 – 36.

¹⁹⁵ Корф С.А. Национальности и государство // Российская политическая наука в 5 т. Т. I. XIX – начало XX в./ отв. ред. и авт. вступ. ст. Ю.С. Пивоваров. М.: РОССПЭН. 2008.

взаимоотношениях государств. Стратегия экономической безопасности ослабляет экономическую зависимость между государствами региона. Политика усиления национальной идентичности способствует росту конфликтности, как внутри государства, так и между государствами. Таким образом, для современного государства, в условиях доминирования внешних угроз для национальной безопасности, первостепенную важность имеют географические вопросы, такие как с кем граничит государство, достаточная ли территория, есть ли естественные преграды, выход к морю и т.д.

На процесс секьюритизации оказывает влияние также и географическая составляющая, которая является наиболее постоянной внешней политики государства. Таким образом, в обществе образуется устойчивое восприятие того, что является для него угрозой и к каким действиям необходимо прибегнуть, дабы избежать возможных угроз.¹⁹⁶ А также идентичность ценностей. Европейский союз и США придерживаются ценностей Западной цивилизации. При данной социально-ценностной общности наблюдаются общие подходы в оценке той или иной угрозы, а также при решении проблем в области проблем безопасности. Также у США и ЕС существуют общие стандарты секьюритизации внешнего мира и общие механизмы обеспечения безопасности. НАТО имеет статус коллективной безопасности США и ЕС с совместным реагированием на внешние угрозы.

Расширение ЕС в 2004 и 2007 гг. сопровождалось внесением изменений в повестку безопасности. В общеевропейскую повестку безопасности перешли этнотерриториальные проблемы. Политическая нестабильность и конфликты на постсоветском пространстве, а также связанные с этим угрозы стали проблемой ЕС. Изменилась конфигурация геополитической связи ЕС с главным силовым полюсом постсоветского пространства – Россией.¹⁹⁷

А.С. Макарычев отмечает, что «Дебаты о безопасности – это, в более широком плане, дебаты о природе (пост-) современной политической власти».¹⁹⁸ А.С. Макарычев рассматривает безопасность, исходя из теории секьюритизации, в динамике: «Любой конфликт может развиваться как столкновение технических позиций, решаемых в рамках обычного, рутинного переговорного процесса, но как только составной частью ситуации становится культурное либо цивилизованное противопоставление, ведущее к мобилизации общественного мнения и чувства идентичности, начинается стадия

¹⁹⁶ Эйвазов Д. От традиционного государства к постиндустриальному: о взаимосвязи геополитики и безопасности в эпоху глобализации // Кавказ и глобализация. 2007. Т. 1. № 4. С. 6 – 13.

¹⁹⁷ Эйвазов Д. Запад и постсоветская Центральная Азия: некоторые аспекты стратегии безопасности США и ЕС в регионе // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. № 4. С. 7 – 25.

¹⁹⁸ Макарычев А.С. Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе // Индекс безопасности. 2008. Т. 14. № 4 (87). С. 25 – 40.

политизации, а затем конфликт приобретает характер проблемы безопасности». Цитируя Б. Бузана и О. Вевера автор отмечает, что каждое сообщество людей определяет себя как пространство «хорошей жизни», при этом отдельно отмечая «фигуры социального различия и опасности, включая преступников, террористов, врагов, мигрантов...». Из чего следует, что любое различие представляется угрозой. При этом в дискурсе используются следующие обозначения: отклоняющийся, другой, чужак, неорганичный и не естественный для данного пространства. Которые, в свою очередь, не носят внешнего характера, а оказываются среди нас, что усложняет поиски «Врага», а также размывает границы идентификации.

При рассмотрении теории секьюритизации необходимо отметить теорию десекуритизации. Десекуритизация имеет место быть, когда идет поиск точек соприкосновения между конфликтующими сторонами. Чаще всего она применяется для прекращения конфликтов на межрелигиозной и межэтнической почве.

А.С. Макарычев отмечает также, что секьюритизация одновременно предполагает акт перемещения игнорируемого ранее вопроса в политическую повестку дня и одновременно выходу этого же вопроса из политического и направленного в сферу безопасности. Что вызывает неприятие среди посткопенгагенских мыслителей и позволяет говорить о деполитизации секьюритизации.

Безопасность в международных отношениях необходимо также рассматривать с определением Д. Болдвина «безопасность, как низкая вероятность ущерба приобретенным ценностям».¹⁹⁹ Концепция безопасности по данному определению заключается в цели политической деятельности, при которой действия направлены на сохранение ценностей. При рассмотрении безопасности с точки зрения морально-политической направленности необходимо задавать следующие вопросы: «Безопасность для кого?» и «Безопасность каких ценностей?».

Понятия, которыми пользовались политики и ученые во время «Холодной войны», и после ее окончания претерпели некие изменения. Таким образом, объектами безопасности, наряду, с государством, стали индивид, общество и международная система. В свою очередь, военной безопасности, стали уделять меньше внимания, чем экономической безопасности, энергетической безопасности, общественной безопасности и другим видам безопасности. Проблематика безопасности расширилась и вывела на передний план проблемы человека и общества, заменив государство. При этом, права и качество жизни человека заменили такую ценность как физическое выживание.

¹⁹⁹ Baldwin D. The Concept of Security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23.

Речевой акт, необходим для описания объективной реальности, субъекты также необходимо описать с помощью языка, для того, чтобы они могли изменяться, либо же дальше воспроизводить исходя из того, как их описали.

Н.Н. Морозова²⁰⁰ отмечает, что О. Вевер и Б. Бузан пересмотрели традиционную безопасность, а именно, государствоцентричную ее трактовку. Объектом безопасности в современном мире является общество – общественная безопасность, которая заняла место безопасности государственного суверенитета. Общественная безопасность - это способность общества сохранять свои существенные черты, несмотря на меняющиеся условия и возможные или существующие угрозы. Данный термин возник в начале 1990-х гг., когда начали происходить процессы интеграции на Европейском континенте и процессы дезинтеграции в странах бывшего СССР. Тому времени присуще начало таких процессов, как глобализация, культурный империализм, миграционные потоки, европеизация. Обстановка 1990-х гг. и процессы, происходящие в мире, стали рассматриваться как угроза общественной безопасности. Условия глобализации и интеграции создали ситуацию, когда границы общества и государства перестали совпадать, когда национальное законодательство стало терять свою силу. Все эти тенденции заставили говорить о том, что возникла необходимость общества защищать свои культурные и национальные интересы.

В дискурсе безопасности основную роль играют акторы общественной безопасности. С точки зрения лингвистики, «безопасность» является речевым актом, благодаря которому акторы, процессы и события конструируются в качестве экзистенциальной угрозы для государства или общественной группы.

Не маловажным в речевом акте безопасности является человек, который, для успешного речевого акта, должен обладать полномочиями и иметь определенные намерения для проведения данного акта. Таким образом, безопасность как речевой акт, это заявление о том, что уполномоченный актор, процесс или событие является убеждением и условием искренности речевого акта.

В свою очередь акт секьюритизации, как высказывание имеет возможность запуска определенных смыслов и динамики в обществе. При этом успешное представление отдельных событий и условий, как угрозы государственной или общественной безопасности ставит вопрос в область секьюритизации, где, в свою очередь, происходят безотлагательные действия, с нарушением законодательных и социальных норм. При таких обстоятельствах, секьюритизация рассматривается, как процесс, при котором «в

²⁰⁰ Морозова Н.Н. Безопасность как речевой акт и дискурсивная практика: к вопросу о конструировании политической идентичности // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 111 – 120.

политическом сообществе создается intersубъективное понимание необходимости нарушения действующих законов и принятия исключительных мер по борьбе с существующей угрозой».

На успешное проведение акта секьюритизации оказывает влияние специфика предполагаемой угрозы и авторитет агента секьюритизации. Предполагаемая угроза должна быть проста для понимания, чтобы ее было легче представить в качестве угрозы. В свою очередь, агент должен обладать авторитетом у аудитории для того, чтобы его позиция была закреплена и не была оспорена другими политическими акторами.

Под процессом секьюритизации необходимо понимать также, что секьюритизация является процессом «производства смысла, глубоко укоренного в дискурсивном контексте, который превращает индивидуальную пропозицию в коллективный доминирующий нарратив». Критические замечания в адрес теории секьюритизации копенгагентской школы относились к тому, что люди отдают предпочтение идентичности, как возможной угрозе безопасности. В свою очередь, идентичность не является исходной причиной общественной незащищенности, при этом идентичность является результатом политического дискурса. В таком политическом дискурсе социум и государство представляют в качестве «общественной» угрозу своим интересам. «Легитимность секьюритизирующего актора определяется *ex post factum* на основании общественной поддержки акта секьюритизации».

Безопасность может быть также рассмотрена с точки зрения объективности и субъективности. Объективная безопасность – это реальные внешние угрозы. Субъективная безопасность, в свою очередь, является страхом перед возможностью наличия и возникновения угроз.²⁰¹ Что касается субъективной безопасности, то Б. Бузан указывал на ее психологический характер.²⁰² Здесь важными условиями являются предшествующие события, которые повлияли на восприятие населением той или иной возможной ситуации. А также влияние на население принятых государственных стандартов, управляемость и восприятие той или иной информации, будь то ложной или правдивой. Субъективная безопасность зависит от восприятия отдельным человеком, социальной группой той или иной информации о проблеме безопасности, которая не имеет материального воплощения. Данная проблема является речевым актом, целью которого является создание страха перед не существующей угрозой. Введение в жизнь общества данного положения дает возможность программирования общественного

²⁰¹ Чудинов С.И. Проблема объективных и субъективных аспектов безопасности // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 47 – 50.

²⁰² Buzan B., Hansen L. *The Evolution of International Security Studies*. New York. 2009.

сознания для дальнейшего управления обществом с целью создания чувства страха и чувства безопасности. О. Вевер указывал, что безопасность представляет собой речевой акт, с помощью которого государственное правительство создает из объективных угроз проблему безопасности.²⁰³ Данный механизм позволяет ввести в область безопасности любой несуществующий в реальности объект. Целью данного поведения государства является легитимация собственных действий. Безопасность – это также одна из сфер общественной жизни, созданная из представлений социума о своем историческом прошлом. В теории секьюритизации ключевым элементом является речевой акт. Речевой акт, в свою очередь, есть дискурс, посредством которого тот или иной вопрос становится угрозой безопасности. Здесь же речевой акт становится самостоятельным, имеет ценность и определенный характер. Данный вид коммуникации воздействует на восприятие и поведение социума. О. Вевер утверждал, что проблема является проблемой безопасности только потому, что с помощью речевого акта была поставлена в сферу безопасности. Таким образом, важным моментом здесь являются условия секьюритизации, а именно условия при которых общество воспримет данную информацию. Секьюритизацию можно считать успешной, совершенной в условиях, когда речевой акт будет произнесен в стабильных, создавших его социальных условиях.

Копенгагенская школа в своих исследованиях отмечала, что проблема безопасности может быть также деполитизированной, политизированной и секьюритизированной. Когда обсуждаемая проблема становится предметом дебатов государства и общественности, то она приобретает характер политизации. В свою очередь, секьюритизация проблемы происходит в тот момент, когда посредством речевого акта проблема приобретает чрезвычайный характер и требует мер нестандартных политических решений. Десекуритизация, это обратный процесс секьюритизации.

В.Ю. Апрыщенко²⁰⁴ привел этапы секьюритизации Копенгагенской школы. Существует два этапа секьюритизации, при которых проблема воспринимается как угроза. Одним из таких этапов является процесс выявления, какое явление или субъект будет представлен в качестве угрозы объекту, а также объект, которому угрожает явление или субъект, возведенные в ранг угрозы. Вторым этапом является речевой акт, который переносит явление или субъект в область проблемы безопасности. Успех данного этапа зависит от того, удастся ли убедить аудиторию, что референтному объекту реально угрожает объявленная угроза. Если аудиторию удастся убедить, то дальнейшие действия

²⁰³ Waever O. Securitization and Desecuritization // On Security / Ed. by R.D. Lipschutz. New York: Columbia University Press. 1995. P. 46 – 86.

²⁰⁴ Апрыщенко В.Ю. Память как безопасность // Новое прошлое. 2016. № 3. С. 86 – 108.

влекут за собой рассмотрение и применение чрезвычайных мер по защите референтного объекта. Данная ситуация возможна только при удачном речевом акте, который убедил аудиторию в существовании проблемы безопасности. Это означает, что секьюритизация является успешной. Ситуация, при которой не удалось убедить аудиторию, говорит о неуспешной секьюритизации. Успешное проведение секьюритизации дает возможность актерам получать поддержку населения и использовать большое количество ресурсов для достижения цели обеспечения безопасности.

§ 1.3. УСЛОВИЯ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

Исследователь Восточной и Центральной Европы из Университета Глазго А. Ческин²⁰⁵ в начале 2016 г. отметил, что «русские, а также представители других национальностей, которые, возможно, всю свою жизнь провели в Латвии, участвовали в восстановлении ее независимости, резко стали людьми «второго сорта». «Официально, эти люди не стали гражданами ни России, ни Латвии. Они остались где-то посередине».

Исследователем было отмечено, что разделение партий на «латышские» и «русские», также плохо сказывается на сближении двух общин. В его исследовании было отмечено, что сейчас ситуация во взаимоотношениях улучшилась. Был проведен анализ русскоязычных СМИ Латвии, где очень часто указывалось о том, что «русскоязычные, долгое время проживающие в Латвии, являются неотъемлемой частью государства».

Латвия приняла Декларацию о суверенитете 28 июля 1989 г. Где указывается незаконность вхождения Латвии в состав СССР ввиду «... дополнительного тайного протокола к Пакту о ненападении от 23 августа 1939 г., подписанного Германией и Советским Союзом», что стало следствием «... преступной сталинской внешней политики». В результате таких действий, как утверждается в Декларации, со стороны Советского Союза «Латвийская Республика утратила свой государственный суверенитет. Латвийская Республика была включена в состав СССР». В Декларации было провозглашено следующее: «Суверенитет Латвийской ССР един и неделим. Народ Латвии на своей территории самостоятельно осуществляет законодательную, исполнительную и судебную власти...». Кроме этого, как и в случае с эстонской и литовской Декларациями, было объявлено, что «На территории Латвийской ССР признается верховенство законов Латвийской ССР. Законы СССР на территории Латвии вступают в силу только после их ратификации высшим органом государственной власти Латвийской ССР». Хотя в той же

²⁰⁵ Сергеева А. «Исследователь: Латвия обошлась с русскими жестко» // [Telegraf.lv](http://www.telegraf.lv/news/issledovately-latviya-oboshlasy-s-russkimi-zhestko) // URL: <http://www.telegraf.lv/news/issledovately-latviya-oboshlasy-s-russkimi-zhestko> [04.03.2016].

Декларации окончательно не разрывались связи и с Советским Союзом: «Государственный статус Латвийской ССР в составе СССР определяется договорными отношениями; новый правовой статус Латвийской ССР необходимо закрепить законодательным путем в Конституции СССР и Конституции Латвийской ССР».²⁰⁶

В январе 1991 г. в Риге произошли события связанные с распадом СССР – «баррикады». «Баррикады» можно отнести к бесконечным возможностям, за которые в 1991 г. боролись люди разных национальностей. В настоящее время в Латвии и за ее пределами обсуждаются отношения между этническими латышами и русскими, но в контексте «баррикад» обсуждения фокусируются на присутствии там не только латышей, но и русскоязычного населения. Обращение умеренной политической организации «Народный Фронт» к русскоязычному населению с намерением получить поддержку для мирного отделения от СССР, привело к удивительным событиям, а именно выходу на «баррикады» русскоязычного населения. После всех этих событий началось строительство государства-нации. Строительство данного государства начало происходить при разделении на большинство и меньшинство, а именно при разделении по национальному, культурному и языковому принципам. Таким образом, разделение встроено в саму форму современного Латвийского государства.²⁰⁷

Совокупность граждан Латвии была определена постановлением Верховного Совета от 15 октября 1991 г. о восстановлении прав граждан Латвийской Республики и об основных условиях натурализации. В постановлении указано: «Хотя Латвийская Республика была оккупирована 17 июня 1940 г., и государство утратило суверенную власть, совокупность его граждан согласно Закону Латвийской Республики от 23 августа 1919 г. о подданстве продолжает существовать». Постановление предусматривало как порядок определения совокупности граждан Латвийской Республики, так и основные условия натурализации. Принимая во внимание преемственность Латвии как субъекта международного права, имелась основа для восстановления той совокупности граждан Латвии, которая была определена Законом от 1919 г. о подданстве. Таким образом, Латвия не предоставила гражданство лицам, которые ими являлись до «оккупации» Латвии, а восстановила права этих лиц *de facto*.²⁰⁸

²⁰⁶ Потапов А.К. Развитие процессов суверенизации в общественно-политической деятельности Верховных советов Прибалтийских Республик (1988 – 1991 гг.) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 1 – 14.

²⁰⁷ Арена И., Дзеновская Д. Делать «народ»: Политическое воображаемое и материальность баррикад в Мексике и Латвии. Резюме // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2010. № 2. С. 399 – 402.

²⁰⁸ Zimele I. Starptautiskās tiesības un cilvēktiesības Latvijā: abstrakcija vai realitāte. Rīga: Tiesu namu aģentūra. 2005. Lpp. 103.

Как из постановления Верховного Совета о восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации, так и из принятого в 1994 г. Закона о гражданстве²⁰⁹ вытекает, что совокупность граждан была восстановлена, а не вновь установлена. В то же время негражданам была дана возможность приобрести гражданство Латвии в порядке натурализации. Существуют международные стандарты по правам человека, запрещающие увеличивать число лиц без гражданства, которые Латвия соблюдала, принимая Закон о лицах без гражданства. Неграждане не могут считаться лицами без гражданства, поскольку часть вторая статьи 3 Закона о лицах без гражданства²¹⁰ определяет, что лицо, которое является субъектом Закона о статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или иного государства²¹¹, нельзя признать лицом без гражданства. И представители Латвии в международных институтах последовательно отстаивали позицию, что статус негражданина нельзя приравнивать к статусу лица без гражданства.

Неграждане не могут считаться иностранцами, поскольку согласно статье 1 Закона об иммиграции²¹² иностранец – это лицо, которое не является гражданином или негражданином Латвии. В отчете группы, независимых экспертов Европейского Союза по вопросам основных прав, за 2003 г. об основных правах в Европейском Союзе и входящих в него стран-участниц указано, что в Законе о статусе граждан бывшего СССР отмечено, что жители Латвии, не имеющие гражданства Латвии или иного государства, неграждане, не являются ни гражданами, ни иностранцами, ни лицами без гражданства. Группа экспертов указала, что неграждане Латвии принадлежат к ранее неизвестной международному публичному праву категории лиц.²¹³

Неграждане могут стать полноправными гражданами Латвии путем прохождения процедуры натурализации. Сейм указывает, что целью, изложения порядка натурализации в Законе о гражданстве от 1994 г. являлось, чтобы со временем лицо без гражданства приобрело гражданство Латвии или другого государства. В 1998 г. установленные ограничения на натурализацию для неграждан были отменены, чтобы неграждане могли свободно сделать свой выбор. Установленные для неграждан права и международные обязательства, которые Латвия взяла в отношении данных лиц, свидетельствуют, что

²⁰⁹ Latvijas Vēstnesis. Pilsonības likums // URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57512> [11.08.1994].

²¹⁰ Latvijas vēstnesis. Bezvalstnieku likums // URL: <https://likumi.lv/ta/id/84393-bezvalstnieku-likums> [17.02.2004].

²¹¹ Latvijas vēstnesis. Par to bijušas PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības // URL: <https://likumi.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> [25.04.1995].

²¹² Latvijas vēstnesis. Imigrācijas likums // URL: <https://likumi.lv/ta/id/68522-imigracijas-likums> [20.11.2002].

²¹³ Synthesis Report. Conclusions and Recommendations on the Situation of Fundamental Rights in the European Union and its Member States in 2003. P. 90 [04.02.2004].

правовая связь неграждан с Латвией признана, на основании чего возникли взаимные права и обязанности. Из статьи 98 Конституции Латвийской Республики²¹⁴ следует, что каждый имеющий паспорт Латвии имеет право на дипломатическую защиту и свободное возвращение в Латвию. Сейм считает, что Конвенция об апатридах²¹⁵ не распространяется на неграждан Латвии, поскольку она устанавливает только запрет на лишение лица гражданства. В конвенции отмечено, что Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в декабре 1948 г. постановила, что «все люди должны пользоваться основными правами и свободами без какой бы то ни было дискриминации». В статье 1 настоящей конвенции указано определение понятия «Апатрид», где под данным термином «подразумевается лицо, которое не рассматривается гражданином какого-либо государства в силу его закона». Основной целью данной конвенции было сокращение числа апатридов, а также не допущение ситуации, при которой их число могло возрасти.

С ноября 1993 г. в Латвийской Республике начала свою работу миссия ОБСЕ. Мандат миссии заключался в рассмотрении проблем гражданства и других, связанных с этой проблемой вопросов. Миссия следила за ходом подготовки Закона о гражданстве. Таким образом, как было отмечено в ежегодном докладе миссии ОБСЕ от 1994 г.²¹⁶ в Законе о гражданстве от 22 июля 1994 г. были учтены важнейшие положения рекомендаций миссии и верховного комиссара по делам национальных меньшинств.

Изначально в законе была прописана возможность натурализации неграждан по специальным «окнам». Вне очереди могли пройти процедуру натурализации с 1 февраля 1995 г. латыши и ливы; жители дореволюционной или довоенной Латвии и их потомки; лица, насильственно ввезенные в Латвию фашистами; лица, окончившие школу с латышским языком обучения; бывшие граждане Литвы и Эстонии; супруги граждан Латвии. Уроженцы Латвии могли пройти натурализацию в общем порядке в возрасте до 20-ти лет не ранее чем в 1996 г.; до 25-ти лет – не ранее 1997 г.; до 30-ти лет – не ранее 1998 г.; до 40-ка лет – не ранее 1999 г.; остальные – не ранее 2000 г. Приезжие могли пройти натурализацию в общем порядке следующим образом: прибывшие в Латвию до 18-ти лет – не ранее 2001 г.; прибывшие в Латвию до 30-ти лет – не ранее 2002 г.; остальные – не ранее 2003 г. Поправками к Закону о гражданстве от 22.06.1998²¹⁷ г. «окна» натурализации были отменены, а также был введен регистрационный порядок

²¹⁴ Latvijas Vēstnesis. Latvijas Republikas Satversme // URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57980> [01.07.1993].

²¹⁵ ООН. Конвенция о статусе апатридов // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml.

²¹⁶ ОБСЕ. Ежегодный доклад 1994 год. // URL: <http://www.osce.org/ru/secretariat/14573?download=true> [14.11.1994].

²¹⁷ Latvijas vēstnesis. Grozījumi Pilsonības likumā, 315/316 (1376/1377) // URL: <https://likumi.lv/ta/id/50382-grozijumi-pilsonibas-likuma> [27.10.1998].

принятия в гражданство детей неграждан, родившихся в Латвии после восстановления независимости. Дети неграждан, родившиеся на территории Латвии после 21 августа 1991 г., стали регистрироваться в качестве граждан Латвийской Республики по заявлению родителей. Процедура регистрации с того момента регулируется статьей 3 Закона о гражданстве, где установлены требования к детям, родителям и собираемым родителями документами.

Взрослые проходят процедуру натурализации в общем порядке. Натурализуемый должен: иметь непрерывный пятилетний стаж проживания в Латвии, начиная с 4 мая 1990 г.; обладать легальным источником дохода; выдержать натурализационные проверки; дать клятву на верность Латвии; заплатить государственную пошлину. Основные требования к проверкам натурализуемых лиц, касаются знаний: латышского языка; основных положений Конституции; текста государственного гимна и истории Латвии. Уровень требований к знанию языка также установлен законом. Соискатель должен: полностью понимать информацию бытового и официального характера; свободно беседовать и отвечать на вопросы по темам бытового характера; бегло читать и понимать любые инструкции и другие тексты бытового характера; быть способным написать письменную работу на заданную комиссией тему бытового характера. От проверки на знание языка освобождаются лица, получившие основное, среднее или высшее образование на латышском языке. Лица, достигшие 65 лет, освобождаются от письменной проверки по латышскому языку. Для инвалидов особые правила проверки устанавливает Кабинет министров. Дети до 15 лет натурализуются вместе с родителями, а начиная с возраста 15 лет, проходят процедуру натурализации самостоятельно. Никаких льгот местным уроженцам или лицам с длительным стажем проживания в Латвии законом не предусмотрено. Молодые люди, окончившие в Латвии школу, освобождены от натурализационной проверки по латышскому языку при условии, что они сдали централизованный экзамен на одну из категорий языка.

12 апреля 1995 г. правовой статус неграждан был урегулирован принятием Закона о статусе неграждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства.²¹⁸ Субъектами данного закона являются граждане бывшего СССР, а именно, лица и их дети, которые не являются гражданами Латвии; лица и их дети, которые после распада СССР не являлись гражданами третьего государства. Негражданином Латвии является лицо, удовлетворяющее всем вышеприведенным условиям, если оно имело

²¹⁸ Latvijas vēstnesis. Par to bijušas PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības // URL: <https://likumi.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> [25.04.1995].

постоянную прописку в Латвии на 1 июля 1992 г. К совокупности неграждан причисляются также лица, у которых до 1 июля 1992 г. последним местом постоянной прописки была Латвийская республика, а также лица, проживающие на территории Латвии до 1 июля 1992 г. не менее десяти лет в случае, если этот факт констатирован приговором суда. Субъектам Закона о статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или другого государства были гарантированы такие права, как свободно выбирать место жительства в Латвии, выезжать и возвращаться в Латвию, объединяться с живущими за границей супругами, детьми и родителями, а также не быть выдворенными из Латвии. Негражданам предусматривалось выдавать специальные латвийские паспорта. Субъектам закона гарантировались права сохранять свой родной язык и культуру в рамках культурно-национальной автономии, право использования переводчика и выбора языка общения с властями. Поправки к закону от 18.06.1997²¹⁹ и 27.08.1998²²⁰ сузили круг субъектов, находящихся под его защитой. Персонами *pongrata* в Латвии стали лица, получившие компенсацию для выезда из Латвии, но не воспользовавшиеся ею; бывшие граждане стран СНГ, вышедшие из гражданства; лица, постоянно проживающие в Латвии, но имевшие в документах отметку о регистрации по фиктивному месту жительства в странах СНГ, и некоторые другие категории лиц. Таким образом, создалась законодательная база для коллективной высылки из страны значительного количества ее постоянных жителей, легальность пребывания которых в Латвии ранее признавалась законом. К субъектам закона причислили лиц, у которых последним зарегистрированным местом жительства до 1 июля 1992 г. была Латвия, или приговором суда констатирован факт, что до этой даты они не менее 10 лет постоянно проживал в Латвии. Поправки к закону от 30.03.2000 г.²²¹ несколько улучшили положение неграждан, регламентировав процедуру утраты статуса негражданина и установив, что этот статус отнимается лишь решением суда. Впрочем, уже 14.09.2000 г.²²² Сейм передумал, и до сих пор негражданин лишается своего статуса в административном

²¹⁹ Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 171/174 (886/889) // URL: <https://likumi.lv/ta/id/96472-grozijums-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [04.07.1997].

²²⁰ Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 256/266 (1326/1327) // URL: <https://likumi.lv/ta/id/49688-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [11.09.1998].

²²¹ Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 123/124 (2034/2035) // URL: <https://likumi.lv/ta/id/4067-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [06.04.2000].

²²² Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 336/338 (2247/2249) // URL: <https://likumi.lv/ta/id/11112-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [27.09.2000].

порядке, но с правом обжалования в суде. Поправки к закону от 20.05.2004 г.²²³ отобрали у постоянных жителей Латвии еще несколько прав. Во-первых, статус негражданина аннулировался не только у лиц, получивших постоянную прописку в странах СНГ, но и у лиц, получивших постоянный вид на жительство в любой точке планеты. Во-вторых, супруги из смешанных семей (негражданин и иностранец) лишились права регистрировать новорожденного младенца в более высоком статусе, чем в статусе негражданина. В-третьих, льготы, полагающиеся для неграждан, были отобраны у иностранцев, имевших постоянную прописку до 1 июля 1992 г.

Так как Латвия является национальным государством, а ее действия направлены на воссоздание национального общества, следует рассмотреть понятия национального государства, нации и национализма, чтобы понять действия политического руководства Латвии.

Б. Андерсон²²⁴, определял нации, как «воображаемое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное». Данное общество, можно считать воображаемым, поскольку люди любой одной национальности не знают большинство людей своей национальности, но при этом образно ощущают некую общность с ними. Главными символами современного национализма являются монументы и могилы Неизвестного солдата. Тот факт, что могилы и монументы Неизвестного солдата пустые, и происходящие возле них церемонии – являются проявлением национального воображения. Б. Андерсон полагает, что для понимания национализма, его следует связывать не с политическими идеологиями прошлого, а с культурными системами прошлого.

Э. Геллнер определил национализм как политический принцип, основой чего является принцип совпадения политической и национальной единицы.²²⁵ Националистическое чувство может проявляться как негодование или же удовлетворение. Негодование возникает, когда политическая и национальная единицы не совпадают, в свою очередь, удовлетворение вызывает обратная ситуация. Националисты остро реагируют на ситуацию, когда у аппарата государственного управления находятся люди, принадлежащие к другой нации, то есть не к нации, к которой относится большинство жителей государства. Что является результатом присоединения государства к более

²²³ Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 90 (3038) // URL: <https://likumi.lv/ta/id/89490-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [04.06.2004].

²²⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц КУЧКОВО ПОЛЕ. 2001.

²²⁵ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс. 1991.

крупному государству, либо же если в государстве доминировала или доминирует другая национальная группа. Э. Геллнер также утверждал, что «нации – это продукт человеческих убеждений, пристрастий и склонностей» по той причине, что люди могут принадлежать к одной нации, только в случае если они сами признают свою принадлежность к одной нации.

В свою очередь, Э. Хобсбаум, описывает национализм, как искусственно созданный механизм, не имеющий при этом естественной основы. Так, «коммунистический режим принялся сознательно и целенаправленно создавать этнолингвистические территориальные «национально-административные единицы» (т.е. «нации» в современном смысле), - создавать там, где прежде они не существовали или где о них никто не помышлял».²²⁶

Э. Смит утверждал, что национализм является результатом современных политических процессов и берет свое начало с момента прихода к власти националистов. А история, на которую опираются националисты, является мифом, созданным для достижения политических целей сегодня. А сама нация является искусственно созданной единицей, не имеющей исторических корней.²²⁷

Ф.А. Попов²²⁸ приводит следующие определения, относящиеся к теме национального государства. Национальное государство – гипотетическая форма и результат самоопределения некоторой группы, именуемой нацией и полагаемой первичным носителем власти, и источником суверенитета. Политическое пространство, на которое распространяется «национальный суверенитет» – государственная территория. Таким образом, можно сделать вывод, что человечество поделено на определенные группы, а если спроецировать эти группы на политическое пространство, то здесь сформируются границы национальных государств. Принцип национального государства равен национализму. Ф.А. Попов приводит определения одно, из которых принадлежит Х. Сетон-Уотсону: «Национализм удовлетворяется только границами, которые совпадают с национальными».²²⁹

²²⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя. 1998.

²²⁷ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Практикс. 2004.

²²⁸ Попов Ф.А. Принцип национального государства как угроза существованию национального государства // В сборнике: Трансграничные вызовы национальному государству Санкт-Петербург. 2015. С. 224 – 243.

²²⁹ Сеттон-Уотсон Х., Урбан Дж. Национализм и его аспекты// Проблемы Восточной Европы. № 5 – 6 // URL: [https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1994-41-42/1994-41-42%20\(7-51\).pdf](https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1994-41-42/1994-41-42%20(7-51).pdf). 1982.

Также автор приводит понятие нации определенное Дж. Бройи²³⁰ в трех пунктах, а именно нация как конкретная группа, обособленная от всех остальных человеческих существ, нация как объект политической идентификации и лояльности, и нация должна иметь политическую автономию в форме суверенного государства.

Ориентируясь на К. Поппера, автор приводит следующее понятие национализма: «Национализм – феномен в первую очередь психологический, означающий самоидентификацию человека с любой общностью, в которой он может почувствовать себя среди «Своих», защищенным от «Чужих»». ²³¹ Саму же идею национального государства, вследствие ее пустоты, националисты могут наполнять любой конкретикой. Таким образом, сам принцип национального государства дает возможность устанавливать любые критерии определения нации.

Ф.А. Попов приводит два парадокса принципа национального государства. Первый парадокс заключается в том, что «он и легитимирует государственный суверенитет как производный от абстрактного суверенитета нации, и ставит его под сомнение». Данная ситуация происходит, когда суверенной нацией объявляет себя другая группа. Вторым парадоксом – «носители нациеобразующих признаков непрерывно перемещаются, вступают друг с другом в контакт, исчезают и сменяются новыми».

Ф.А. Попов приводит ситуацию Латвии и Эстонии, связанную с существованием официального института неграждан, приводя описание лорда Актона: «Настаивая на национальной независимости, на том, что у всякой нации в принципе должно быть свое государство, она (теория национализма) тем самым ставит в подчиненное положение любую другую нацию, оказывающуюся в границах национального государства. Она в принципе не может допустить равенства национальных меньшинств с основной нацией, образовавшей государство, ибо при этом государство перестает быть национальным, то есть вступает в противоречие с основным началом своего существования». ²³²

Национализм разделяется на «неправый» этнический и «правый» гражданский. «Неправый» рассматривает нацию как закрытую группу, основанную на общих исторических корнях с социально-психологической природой. «Правый» рассматривает нацию как открытую группу, сформированную индивидуумами, имеющими желание быть объединенными, то есть каждый имеет возможность выбора, к какой нации принадлежать.

²³⁰ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм/ Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис. 2002.

²³¹ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Межд. фонд «Культурная инициатива». 1992.

²³² Лорд Актон. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. М.: Праксис. 2002. С. 26 – 51.

В выше перечисленных случаях, нация имела первичный характер, а государство и его границы – вторичный. Ситуация, когда нация определяется как совокупность граждан суверенного государства, государство имеет первичный характер, а нация – вторичный.

Ф.А. Попов утверждает, что мы живем в мире националистических государств с узаконенной дискриминацией под маской свободы и равноправия. Люди продолжают верить в естественность членения мира на национальные государства, при этом политические элиты активно используют веру людей для достижения своих целей. Также автор приводит утверждение В. Тишкова²³³ о том, что «Национализм сродни религии, в нем нельзя разобраться или разочароваться, можно лишь разувериться».

Сегодня помимо образа «Другого» существуют другие формы протекания этнонациональных конфликтов, а именно, изменение характера конфликта, доступность и высокая скорость распространения информации, а также, повышение уровня политического самосознания и образования.²³⁴

В демократических обществах основную ценность составляет свобода личности и ее безопасность. В свою очередь, безопасность государства и общества является функцией безопасности личности и ее свободы.

Исследования темы безопасности в постсоветском пространстве после распада Советского Союза стали включать в себя этику и ценности национальной безопасности, наряду с такими темами как наступательные и оборонительные преимущества в стратегии, влияние внутренней политики государств на международную безопасность и т.д.

Сам термин «национальная безопасность» не использовался наряду с такими терминами, как «военная безопасность» или «государственная безопасность». Впервые понятие «национальная безопасность» было произнесено на политической арене Т. Рузвельтом в 1904 г., обосновывая присоединение Панамского канала. Национальная безопасность есть не что иное, как характеристика состояния социальных институтов, основная деятельность, которых направлена на создание и поддержание условий для существования и развития личности, а также общества в целом.

И.Г. Филиппова и И.В. Троцкая²³⁵ приводят следующие определения национальной безопасности. Так А.В. Возженников²³⁶ определяет понятие «национальной безопасности»

²³³ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир. 1997.

²³⁴ Ганаева Е.Э. Терроризм, национализм и экстремизм как угрозы национальной безопасности и государства // Международное научное издание современные фундаментальные и прикладные исследования. 2016. № 1(20). С. 200 – 204.

²³⁵ Филиппова И.Г., Троцкая И.В. Историко-правовой аспект развития безопасности // Наука и современность. 2015. № 36. С. 276 – 289.

как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства во всех сферах их жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз и опасностей, обеспечивающее их устойчивое развитие». В свою очередь, А.В. Виноградов²³⁷ «определяет национальную безопасность как социально-философскую категорию, в основе которой, с точки зрения ученых, должно находиться устойчивое социальное развитие, обеспечивающее человеку достойную жизнь».

Угрозой национальной безопасности может быть национализм, в качестве механизма создающего внутригосударственную нестабильность. Чувство национальной гордости и патриотизма при их неверной интерпретации превращаются в национализм с принципом «все свое – хорошо, все чужое – плохо». Деление наций на «хороших» и «плохих» у людей может также происходить в ситуации, когда человек подвергается влиянию извне, с нарастанием агрессии к людям не похожим на них. Насилие и агрессия на общество с другой национальной принадлежностью может быть также связано с незнанием истории и культуры других народов и может быть зависимо от уровня образованности личности. Основной целью националистов является утверждение превосходства «своей» нации над «иной» нацией. Таким образом, национализм является одной из основных угроз национальной безопасности с учетом, что национальная безопасность является комплексом мер по обеспечению безопасности проживающих в обществах от различных угроз. При проявлении национализма происходит процесс ущемления прав представителей других национальностей, посредством представления национализма, как возвышения собственной нации над другими. Крайней мерой национализма является экстремизм, а также национализм сопряжен с террором. Так как первый является крайней мерой решения проблемы, а второй, в свою очередь, является физическим насилием над волей человека. Таким образом, национализм обладает следующими крайне негативными характеристиками, такими как отсутствие гуманности, толерантности, общечеловеческих ценностей.

Феномен национализма развивается у человека под влиянием социального окружения и является результатом его социального взаимодействия, способствующего появлению новых взглядов и убеждений. Таким образом, человек под влиянием

²³⁶ Возженников А.В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России: теория и политика обеспечения: автореф. дисс. докт. полит. наук. – М. 2002.

²³⁷ Виноградов А.В. Проблемы национальной безопасности// Право и безопасность. 2003. № 3 – 4 (8 – 9). С. 66.

агрессивно настроенного окружения по отношению к «иной» нации становится человеком с теми же убеждениями, что и большинство.²³⁸

Политическое пространство или государство представляет собой общение культур и политическое взаимодействие. Если рассматривать культуру и политическое взаимодействие вместе, то здесь культура является основополагающим фактором, формирующим политическое поведение этнических, исторических, региональных сообществ и ценности. На формирование того или иного государства оказывает влияние различия культуры в этнокультурных сообществах. А именно, этнокультурное противостояние лежит в основе формирования государства. В свою очередь, сохранению этничностей способствовал процесс нациестроительства. Где статус нации или политический статус предоставлялся титульной или господствующей этнической идентичности. Таким образом, происходил процесс формирования государства-нации. Этнос, который являлся основой государства-нации, составлял большинство и обладал большими возможностями в условиях разделения труда, что в свою очередь позволяло представителям главенствующей этничности называть себя нациями и получить право на собственное национальное государство. Что в свою очередь, послужило началом возникновения проблемы национально-политического характера.

В современном мире, самоидентификация человека с определенной этнической группой определяет его принадлежность к какой-либо культуре. В случае, если этничность приобретает статус доминирующей, она становится мощной политической силой, способствующей мобилизации сообщества. Сам процесс самоидентификации является значимым при сохранении исконной территории или исторической Родины.

В условиях развития политических сторон этнокультурной общности необходим механизм передачи новым поколениям ранее накопленных знаний и ценностей, коим является традиция. Которая влияет также на проводимые в государстве-нации реформы и духовную жизнь общества данного государства. В свою очередь, этнокультурное разнообразие лежит в основе нестабильности государственного формирования и дает основу для постоянного поиска политического баланса в отношениях этнического общества. Также нации разделяются на государство-ищущие и государство-контролирующие этнические группы. Доминирующая нация способна реализовать свой потенциал в рамках нации и государства.²³⁹

²³⁸ Печерских О.И. Национализм как фактор внутренней нестабильности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2007. № 8 (80). С. 53 – 55.

²³⁹ Еремина Н.В. Национально-политическая нестабильность современного государства: проблема влияния этнокультурных общностей на государственное развитие (Европейский опыт) // В сборнике: Общество и

Этнический фактор, с особыми традициями и языком, имел угрожающие последствия политического единства, во времена, когда суверенитет государства являлся коллективным согласием общества, единого политического пространства, на поддержание единства управления. Процесс нациестроительства мог способствовать сохранению этничностей, но при этом этот же процесс способствовал сохранению этнорегиональных различий. Что и стало следствием того, что только главенствующие этничности именовались нациями и имели право на собственное национальное государство. Следовательно, само понятие «нация» несет смысл политического единства. Признание общности различных этнических идентичностей с нацией как политико-территориальным организмом позволяло сообща противостоять внешним угрозам и развивать условия для улучшения коллективного проживания.

Этнические идентичности смогли сохраниться благодаря собственному бережному отношению к языку, культуре и религиозным воззрениям. Оформление этнической идентичности является длительным историческим процессом объединения людей и формирования коллектива с общим признанием собственных традиций.²⁴⁰

Этнический национализм является историческим движением, с опорой в виде идеологии народа и его истории, и имеет как эмоциональную окраску, так и психологическую глубину. Для этнического национализма характерны образы и представления, как населения, так и политической элиты, а также историческая память.²⁴¹

В начале диалога Латвии с Европейским Союзом и НАТО обсуждения вопросов вступления в европейское сообщество и Североатлантический альянс шли отдельно. Для Латвии наравне с Литвой и Эстонией приоритетом являлось вступление в НАТО, что являлось гарантией безопасности независимости данных государств. В свою очередь, ЕС рассматривался, с точки зрения улучшения сферы экономики.²⁴²

В ЕС действует принцип максимальной либерализации торговли, что является основным приоритетом стран, желающих вступить в союз. Экономический рост государства являлся одной из приоритетных задач стран Балтии, достигаемый за счет выхода на рынок стран Западной Европы. И в 2004 г. данная цель была достигнута Латвией. Вступив в ЕС, Латвия наравне с другими странами-участницами обеспечила себе

этнополитика материалы Пятой Международной научно-практической интернет-конференции. СибАГС; под науч. ред. Л.В. Савинова. 2012. С. 60 – 69.

²⁴⁰ Еремина Н.В. Национально-политический разлом // Свободная мысль. 2010. № 12 (1619). С. 21 – 34.

²⁴¹ Еремина Н.В. Факторы роста европейского этнорадикализма на примере шотландской национальной партии и североирландской партии «Шинн фейн» // Политическая экспертиза: Политэкс. 2010. Т. 6. № 1. С. 179 – 193.

²⁴² Саликов А.Н., Тарасов И.Н., Уразбаев Е.Е. Балтийский вектор внешней политики ФРГ на современном этапе развития международных отношений // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 1. С. 86 – 96.

выход на рынки всех стран, но при этом торговое право ЕС внедряет меры по регулированию экспорта и импорта на национальном рынке Латвии. В свою очередь, наблюдается положительная динамика внешней торговли Латвии. Эффективность экспортной политики стран-участниц ЕС является экономической политикой государств, направленной на повышения уровня конкурентоспособности национальной экономики, а именно органы ЕС воздействуют на конкурентоспособность национальных предприятий. «Старые» страны-участницы ЕС занимают положение, при котором отстаивают интересы национальной экономики и ее развитие, но новым странам-участницам, таким как Латвия, данный характер сотрудничества не всегда представляется возможным. Так, при реформах ЕС сахарной отрасли в Латвии закрылись предприятия по производству сахара. А также на Латвию наложено ограничение по производству молока, за превышение которого положены штрафы. Открытие рынка электроэнергии ЕС привело к росту цен на электричество, что в свою очередь, стало одной из причин банкротства металлургического комбината в Лиепае.²⁴³

Вступление Латвии в ЕС и НАТО было также возможностью отдаления от советского прошлого и возможностью создания новых ориентиров в политике. Основная смена ориентиров и создание новых направлений, затрагивала в основном темы идеологии и культуры, и только потом это касалось тем межгосударственных и экономических отношений. С момента вступления в ЕС и НАТО Латвия произвела переход на унифицированный стандарт в военной и гражданской обороне, а также в области средств связи и электроники.

Членство стран Балтии в ЕС было более реалистично и смогло бы принести желаемую «мягкую» гарантию безопасности. В свою очередь, членство в НАТО выглядело более проблематичным и зависело от трех факторов: готовности России к признанию стран Балтии в составе НАТО; стремлении балтийских народов принять политические приоритеты и расходы на членство; готовность государств-членов НАТО принять страны Балтии в альянс.²⁴⁴ Пока существовала напряженность в отношениях между Россией и Латвией, было сложно с уверенностью сказать, что Латвию беспрепятственно пригласят к вступлению как в НАТО, так и в ЕС.²⁴⁵

²⁴³ Серегина А.И. Внешнеторговая политика ЕС и экономическое развитие Латвии // Потенциал социально-экономического развития Российской Федерации в новых экономических условиях. Материалы II международной научно-практической конференции в 2-х частях. 2016. С. 955 – 964.

²⁴⁴ Lejiņš A. The “Twin Enlargements” and Baltic Security // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 8 – 40.

²⁴⁵ Bleiere D. The Role of Central Europe in Baltic State Policies // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 102 – 138.

Стремление Латвии наравне с Литвой и Эстонией как можно быстрее вступить в ЕС и НАТО, было обосновано возможной проблемой зажатости между противостоянием Европы и России. В рамках членства в данных организациях Латвия принимала участие в выработке единой внешнеполитической линии в отношении России и Белоруссии. А также, Латвия не раз проявляла заинтересованность в участии обеспечения международной безопасности и в борьбе с терроризмом. Вектор внешней политики Латвии в общеевропейских структурах направлен на унификацию вопросов безопасности и внешней политики.²⁴⁶

При этнополитическом подходе к рассмотрению политического взаимодействия в Латвии сформировалось мнение, что политическая легитимность процессу формирования государственной независимости была придана с помощью этнонационалистических движений, а именно благодаря «Народному фронту». «Народный фронт» сформировал «идеологию распада», в идеологическом обосновании была создана ситуация с подменой понятия «нация» понятием «этнос». Политическим размежеванием здесь является этническая принадлежность. Далее происходил процесс создания эксклюзивного «жизненного пространства» для титульной группы населения.

В настоящее время, по мнению латвийских ученых Б. Зепа и И. Супуле, политические элиты способствуют напряженности в обществе: «Они по-прежнему используют этничность для того, чтобы привлекать сторонников на выборах. Таким образом, именно политики становятся основным катализатором этнической напряженности».²⁴⁷

Дебаты об участии русских в политической жизни государства продолжаются до сегодняшнего дня. Так, в политических властных структурах Латвии есть только два объединения, называемые русскими партиями, а именно партия «Центр согласия» и партия «За права человека в единой Латвии» («ЗаПЧЕЛ»). Партия «ЗаПЧЕЛ» не имеет большой популярности в Латвии, не представлена в Рижской думе и в Сейме.²⁴⁸

М.В. Берендеев²⁴⁹ приводит описание процесса становления национальной идентичности. «С начала 1985 г. национальный подъем в странах Прибалтики проходил в несколько этапов: инициированная «революция сверху», предложения и деятельность

²⁴⁶ Сытин А.Н. Вступление в Евросоюз и новые внешнеполитические приоритеты стран Балтии // Вестник московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2009. № 2. С. 143 – 149.

²⁴⁷ Зепа Б., Супуле И. Латвийская субмарина // Эксперт Северо-Запад. 2005. № 34. С. 239.

²⁴⁸ Смирнов В.А. Рекрутирование политических элит в Прибалтике: Роль этнического фактора // Балтийский регион. 2013. № 4. С. 146 – 159.

²⁴⁹ Берендеев М.В. Развитие националистических идентичностей в странах Балтии: латвийский аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 6. С. 82 – 94.

интеллигенции, воссоздание национальных символов и появление массовых национальных движений, а затем возникновение новой политической элиты, которая создала специфичные политические режимы». В его статье отмечается, что основными причинами политизации национальных движений в Латвии являются: «Кризис плановой экономики, выраженный в падении темпов экономического развития, снижения уровня жизни, крах официальной идеологии и актуализированная на фоне кризиса идея суверенитета и восстановления утраченной политической независимости, желание сохранения национальной самобытности».

8 октября 1988 г. в Латвии была создана организация «Народный фронт», которая после 1993 г. распалась на самостоятельные организации. Идеи, о поддержке реформ, политики Перестройки и автономии Латвийской ССР, пользовались поддержкой как титульного, так и не титульного населения. Влияние «Народного фронта» сказалось на конструировании этнической нации и идентичности в современной Латвии. Организации, образованные в ходе распада «Народного фронта», создали свои политические программы.

М.В. Кирчанов²⁵⁰ отмечает, что современный латышский национализм характеризуется классическими принципами идеологии о доминировании и приоритете нации, построением государства на этнонациональном принципе, провозглашением особого отношения к русскоязычному сообществу и этническим меньшинствам.

После восстановления независимости Латвийской республики исследования в сфере истории в основном являлись общественным и политическим заказом. Существовала необходимость конструирования новой версии национальной истории. Также М.В. Кирчанов отмечает, что история и раньше «использовалась для легитимации политических процессов и состояний», а в транзитных обществах и вовсе «стала важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности».

История в Латвии стала центром политических дебатов и оказалась подвержена политизации и идеологизации. Так латышская историография наполнилась «большими нарративами». В свою очередь, «большие нарративы – это важные звенья в той цепи, при помощи которой современные общества сохраняют идею гражданства, а с другой, идеализируя свое прошлое, предлагают своему сообществу и будущее».

Политическая мифология после восстановления независимости Латвии обслуживается академическим историческим сообществом и используется историческая

²⁵⁰ Кирчанов М.В. Основные направления и особенности развития историографической ситуации в современной Латвии // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 – 1. С. 1 – 9.

политика, используемая правящими политическими элитами. Что способствует легитимации института неграждан, а также представления латышей, как жертв советской оккупации.

Коммунистическую идеологию в Латвии сменил национализм, гражданской и идеологической направленности. Процесс национализации самосознания породил спрос на исторические тексты, направленные на осмысление мира и роли нации. Так в исторических текстах латыши описываются как «Жертвы», а остальные национальные группы как «Другие». Таким образом, обслуживается национально политический дискурс, где история Латвии является историей латышей, а именно доминирует этноцентризм.

В исторической публицистике, предназначенной для широкой аудитории с 1990 г., центральное место занимают латышские националисты и поэтические описания о легионерах. Размышления исторических деятелей и политиков о соотношении национализма и свободы издаются наравне с научными статьями данной направленности. Данное явление можно объяснить тем, что латвийское общество, является переходным обществом, для которого характерно актуализация уникальности национальной идентичности.

Возвращаясь к теме больших нарративов необходимо отметить, что в настоящее время в Латвии они используются в парадных изданиях, приуроченных к государственным праздникам и дням памяти. Подобные издания содействуют идеологизации и мифологизации истории, имеющие внутреннюю и внешнюю направленность на массового потребителя, то есть издаются на нескольких языках, при этом имеют большое количество иллюстраций и упрощенное изложение событий.²⁵¹ Основы государственной идеологии в Латвии периодически закладываются посредством написания работ по истории специалистами истории и политологии, и представлены в качестве официальных материалов правительства.²⁵²

В свою очередь, идентичность, сегодня, это механизм силы в решении политических вопросов и механизм влияния на социальный и политический климат. «Современная политическая реальность стран Балтии может быть представлена как взаимодействие двух конкурирующих дискурсов» по отношению к идентичности: дискурс суверенитета (национальной идентичности) и интеграции (европейской идентичности). Национальная идентичность рассматривается с точки зрения безопасности при

²⁵¹ Кирчанов М.В. «Большие нарративы» как универсальная форма воспроизводства исторических мифов в современной латышской историографии // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 – 1. С.1 – 8.

²⁵² Межевич Н.М. Россия и государства Прибалтики: некоторые итоги и перспективы межгосударственных отношений // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 7 – 8.

интеграции Запада и ЕС. В свою очередь, европейская идентичность – это место балтийских государств вокруг европейской идентичности. Дискурс идентичности балтийских государств определялся на демонизации России. Направленность информационных потоков до сих пор носит негативный характер, а именно указывается негативное отношение со стороны России к балтийским странам. В западном мире возвращение балтийских государств на карту Европы общество восприняло, как победу в «Холодной войне». Европейская идентичность, таким образом, обреталась с возможностью членства в ЕС. Для стран Восточной Европы более характерна была контриденциальность к советскому, коммунистическому наследию. Проблемы, которые существовали в Балтийских странах до вступления в ЕС, актуальны и сегодня: статус русскоязычных меньшинств, отношение к историческому наследию Второй мировой войны, дискуссии о советской «оккупации».²⁵³ Так, на проводимых в 2010 – 2011 гг. выборах в Сейм Латвии экспертами было отмечено, что политическая система в Латвии построена на антироссийской позиции правящей элиты. Сегодня также наблюдается ситуация, когда происходит апеллирование к советскому прошлому.²⁵⁴ Таким образом, условия, при которых в Латвийской Республике происходил и происходит процесс секьюритизации русскоязычного населения и Российской Федерации, являются прямым наследием Советского союза и последовавшего за ним построения национального государства. Инструментами секьюритизации являются моменты, о которых говорят в общественном и политическом дискурсе, дабы создать образ «Врага» или же представить те или иные события в негативном ключе. В Латвии сложился целый ряд мест и вопросов, которые на протяжении длительного времени национальные элиты поднимают в политическом дискурсе.

Современное сочинение И. Фелдманиса²⁵⁵ вышло на русском языке об истории Латвийской Республике «Крушение надежд. Новый взгляд на события Второй мировой войны в Латвии». В предисловии книги есть следующее обобщение: «Фактически целых два поколения населения следует считать потерянными поколениями, так как они не смогли в полной мере воплотить свои мечты, замыслы и возможности. Они подверглись социалистическому эксперименту, недостойным условиям жизни».

²⁵³ Берендеев М.В. Современные тренды стран Балтии в дискурсе идентичности: между суверенитетом и евроинтеграцией // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 6. С. 50 – 57.

²⁵⁴ Смирнов В.А., Сутурин В.В. Россия как фактор-ирритант для политической элиты стран Балтии в контексте электоральных кампаний 2010 – 2011 годов: Экспертный взгляд // Балтийский регион. 2011. № 2. С. 146 – 153.

²⁵⁵ Вести Сегодня. Версия побежденных, или Краткий курс фелдманизма // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/versiya-pobezhdennyh-ili-kratkii-kurs-feldmanizma> [25.02.2016].

Также И. Фелдманис называет коммунизм и нацизм «двумя парадигмами абсолютного зла». «Это наша историческая память, убеждение многих латышей в том, что в немецкое время они пострадали меньше, чем в русское время, - пишет академик И. Фелдманис. - Недаром многие латыши погибли в легионе, так как в то время считали советских русских своими главными врагами». А также профессором «резко критикуется версия победителей и выдвигается задание искоренить рецидивное влияние...».

Музею оккупации в Латвийской Республике отведена роль памяти дней «оккупации», а именно роль информационного источника об истории Латвии. В. Затлерс отмечал, что «Музей оккупации очень важен — он объясняет исторические вопросы, а также выполняет информативную и исследовательскую функции». Музею оккупации регулярно поступают пожертвования от жителей Латвии, пожертвования такого рода президент назвал «благим делом».²⁵⁶

В 2010 г. в Музее оккупации был представлен документальный фильм «Несломленные» о латышских национальных партизанах. По словам представителя Музея оккупации Я. Эрно, лесных братьев в качестве национальных героев прославляют в Эстонии и Литве. Демонстрацией этого фильма Музей оккупации рассчитывал приподнять завесу тайны со многих, ранее неизвестных, фактов истории — побед, ошибок и предательств, связанных с национальными партизанами.²⁵⁷ В Музее оккупации проходят мероприятия связанные с памятью жертв коммунистического геноцида, а также при музее издаются книги, в которых публикуются научные статьи, дискуссии, обзоры и новые документы, а также рецензии.

В 2012 г. проявился интерес к Музею оккупации со стороны туристов. Было отмечено, что летом ежедневно музей посещают около 400 иностранных туристов. Также частыми гостями музея являются и первые лица государств, посещающие Латвию с официальным визитом.²⁵⁸ Сотрудниками Музея оккупации создана коллекция видеозаписей всех тех, кто так или иначе был обижен советской властью. Резюме всех этих видео-интервью с репрессированными, легионерами, эмигрантами стали девять документальных фильмов. Один из них — трилогия о депортации 25 марта 1949 г. — специально предназначен для школьников. Пять лент переведены на английский.²⁵⁹

²⁵⁶ Telegraf.lv. Валдис Затлерс поможет Музею оккупации: он очень важен // URL: <http://www.telegraf.lv/news/valdis-zatlers-reshil-pomochy-muzeyu-okkupacii> [03.09.2010].

²⁵⁷ Telegraf.lv. Музей оккупации покажет кино про лесных братьев // URL: <http://www.telegraf.lv/news/muzei-okkupacii-reklamiruet-lesnyh-bratyev> [23.05.2010].

²⁵⁸ Telegraf.lv. Музей оккупации набирает популярность среди туристов // URL: <http://www.telegraf.lv/news/muzei-okkupacii-nabiraet-populyarnosty-u-turistov> [17.10.2012].

²⁵⁹ Андреевна Е. Говорит и показывает Музей оккупации // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/govorit-i-pokazyvaet-muzei-okkupacii> [18.02.2015].

В условиях важности Музея оккупации для истории Латвии, он нередко политизируется. Так, в ноябре 2015 г. газета «Вести Сегодня» опубликовала статью о том, что «Профессиональная дискуссия архитекторов об архитектурном качестве проекта пристройки к Музею оккупации и о необходимости возведения этого нового здания в самом центре Старой Риги, начинает переходить в политическую плоскость». И тот, кто считает, что пристройка не нужна, уже практически автоматически причисляется к «агентам влияния Кремля». В статье было отмечено, что 14 лет назад архитектор Г. Биркертс, автор «Замка света» - здание Латвийской Национальной библиотеки, подарил Музею оккупации эскиз пристройки. По замыслу Г. Биркертса, к темному прямоугольнику музея пристраивается белый прямоугольник «Дома будущего», в чем, по мнению зодчего, содержится глубокая идея — белый дом как символ светлого будущего на фоне темного прошлого.

В итоге возникла ситуация, которую СМИ прокомментировали в контексте латвийских традиций как тех, кто покусился на расширение Музея оккупации, немедленно обвинили в связях с Кремлем и личных финансовых интересах. «Дискуссия перешла в область политическую, и уже никого не убеждают аргументы, что «Дом будущего» не впишется в архитектурный облик Ратушной площади, что большую часть пристройки займет не экспозиция музея, а кабинеты сотрудников. Более того, вполне вероятно, что для того, чтобы содержать такое большое здание, часть помещений придется сдавать».²⁶⁰

В соответствии с условиями Тартуского и Рижского договора 1920 г. некоторые территории Псковской области оказались в составе Эстонии и Латвии. При образовании в августе 1944 г. Псковской области были переданы в ее состав. В первоначальный период нахождения данных территорий в составе Псковской области в них сохранялась отличная от области уездно-волостная административно-территориальная система. Из Латвийской ССР выделены и включены в состав Псковской области Вышгородская, Гавровская, Качановская, Линовская, Пурвмаловская и Упмолловская волости с площадью 1.018,5 кв. километра, с 479 населенными пунктами и с населением 33774 человека.

Административно-территориальное деление указанной территории на уезды, волости не соответствовало существующему порядку в РСФСР, и вносило двойственность

²⁶⁰ Вести Сегодня. Кто не с нами, тот «агент Кремля»: разборки // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/kto-ne-s-nami-tot-agent-kremlya> [03.11.2015].

в административное деление Псковской области, что усложняло руководство вопросами хозяйственного и культурно-политического строительства.²⁶¹

Ситуация с территорией Абрене, также часто затрагивается в политическом дискурсе и является инструментом секьюритизации. Условия, в которых Абрене стала частью Псковской области, были следующие. Руководители советских учреждений и районных отделов НКВД, объясняя сложности процесса восстановления советской власти, указывая, что «спецификой ... территорий является их развитие в течение последних десятилетий: в течение двадцати лет районы находились под буржуазным правлением и в них насаждались частнособственнические интересы... власть фашистов подхлестнула национализм и неприятие Советской власти... в районах появились националистические бандповстанческие группы, совершающие теракты против советского актива и мирных жителей». Борьба с «националистическими бандповстанческими террористическими группировками», действующими на территории Псковской области, стала одной из важнейших задач для партийно-советских и правоохранительных органов. От ее решения зависело «встраивание» новых районов в советский образ жизни и восстановление области после войны.²⁶²

В середине 2009 г. кабинетом министров Латвии обсуждались поправки к паспортным правилам, согласно которым в паспортах латвийцев, рожденных в Абрене до октября 1945 г., местом рождения следует указывать Латвию. Согласно поправкам, всем, кто родился до октября 1945 г. в Абрене, Аугшпилсе, Гаврской, Каценской, Линавской, Пурвмальской или Упмальской волостях, в паспорте местом своего рождения придется указывать Латвию. Данные территории сегодня входят в состав Российской Федерации. На 2009 г. в паспорте место рождения указывалось по государственной принадлежности территорий, что не устраивало отдельных жителей Абрене, которые считали себя патриотами Латвии и не желали, чтобы их родиной официально считалась Россия.²⁶³

В 2011 г. Латышским национальным обществом в Канаде был организован конкурс «Помните Абрене». Целью творческого конкурса было желание углубить знания латышской молодежи об истории Абрене, а также выявить их личное мнение о событиях

²⁶¹ Киселева М.А. В новых районах Псковской области (1944 – 1945 гг.) свидетельствуют документы // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2015. № 43. С. 177 – 187.

²⁶² Седунов А.В. «Выселить навечно» (депортация населения из западных районов Псковской области в 1950 г.) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2009. № 31. С. 211 – 217.

²⁶³ Telegraf.lv. Латвия все же присвоила Абрене // URL: <http://www.telegraf.lv/news/latviya-gotova-possoritsya-s-rossiei> [17.06.2009].

прежних времен, исследовать историю края и «оценить последствия потери этой территории для Латвии».²⁶⁴

Территория Абрене была также упомянута в ситуации 2012 г., когда проживающий в США врач А. Слудис разместил в латышских изданиях статью. Где было указано, что «русские (Россия) совершили так много преступлений против маленьких соседей, что их можно назвать главными разжигателями вражды». А. Слудис обвинил русских в «оккупации» стран Балтии, депортациях, изнасилованиях в 1945 г. в Восточной Германии, похищении Абрене и других преступлениях.²⁶⁵

Абрене упоминалась и представителями латышской политической элиты на фоне событий в Украине. Так в 2014 г. мэр Риги Н. Ушаков следующим образом, прокомментировал референдум в Крыму: «Давайте возьмем для примера две ситуации. После войны принимаются необоснованные решения. В одном случае, часть территории Латвийской ССР отдается Российской Федерации (Абрене — Пыталово). Отвечая на вопрос было ли присоединение Абрене к России не легитимным, Нил Ушаков сказал, что «Эта ситуация была настолько же легитимной, насколько была и передача Крыма Украине. В другом случае часть российской территории отдается Украине — Крым. То есть, были изменены границы между Россией и Латвией, и Россией и Украиной. Если мы вспомним, в 2007 г. наши националисты требовали возврата к прежней латвийско-российской границе и возврата Абрене. Тогда почему те же самые латвийские националисты в 2014 г. требуют, чтобы российско-украинская граница не менялась? Ведь ситуация абсолютно аналогичная! Если бы националисты были последовательны, то они тоже требовали бы изменения границы между Россией и Украиной и возвращения Крыма».²⁶⁶

Исходя из определения понятия «Национальное государство – гипотетическая форма и результат самоопределения некоторой группы, именуемой нацией и полагаемой первичным носителем власти, и источником суверенитета» Латвия является национальным государством. Если ориентироваться на К. Поппера, то на примере Латвии, феномен национализма рассматривается как самоидентификация латышского народа, общностью в данном случае выступает латышская общность, в которой каждый

²⁶⁴ Telegraf.lv. Музей оккупации напомнит об Абрене // URL: <http://www.telegraf.lv/news/muzei-okkupacii-napomnit-ob-abrene> [11.11.2011].

²⁶⁵ Telegraf.lv. Скандальный врач Слудис снова обвинил русских // URL: <http://www.telegraf.lv/news/skandalynyi-vrach-slucis-snova-obvinil-russkih> [02.10.2012].

²⁶⁶ Telegraf.lv. Ушаков: знаю, что Латвию спасет от крымского сценария // URL: <http://www.telegraf.lv/news/usakov-garant-bezopasnosti-latvii-edinenie-lyudei> [04.04.2014].

этнический латыш чувствует себя среди «своих», защищенным от русскоязычного населения.

Национализм в Латвии является «неправым» этническим и рассматривает латышскую нацию как закрытую группу, основанную на общих исторических корнях с социально психологической природой. С начала 1985 г. в Латвии стал происходить процесс воссоздания национальных символов и появления национальных движений. Политическая элита в Латвийской Республике создавала политические программы, основанные на защите национальных и этнических идентификациях этнических латышей. Латышский национализм является классической идеологией о доминировании и приоритете латышской нации, при этом провозглашается особое отношение к русскоязычному населению.

Исходя из политики национализма, обеспечение национальной безопасности Латвийской Республики сводилось в основном к тому, что «Врагом» латышского этноса и традиций было объявлено русскоязычное население, а именно народы бывшего СССР, которые во время нахождения Латвии в составе СССР прибыли на ее территорию в рамках экономической программы проводимой союзом. В последствие, латвийские политические деятели стали говорить об «оккупации» территории Латвийской Республики. Здесь возможно привести теорию секьюритизации. Секьюритизации – как восприятие и истолкование любого события, процесса или феномена в категориях безопасности как выживания. Акт секьюритизации в Латвии исходит из того, что вхождение Латвии в состав СССР политическая элита Латвии стала называть оккупацией, а русскоязычное население было объявлено угрозой национальному суверенитету. Так латвийское правительство добилось ситуации секьюритизации, когда составной частью обычного переговорного процесса стало население Латвии, как этнические латыши, так и русскоязычное население. Стал происходить процесс мобилизации общественного мнения и чувства идентичности – конфликт приобрел характер проблемы безопасности.

В ноябре 1993 г. американская правозащитная организация Helsinki Watch назвала серьезными и систематическими нарушениями прав человека в Латвии, выраженные в лишении прав гражданства и даже регистрации в качестве постоянно проживающих в стране лиц целых групп населения тех, кто работал на военные структуры СССР – отставных советских офицеров. Виновником нарушений прав человека правозащитная организация назвала латвийский департамент по делам гражданства и иммиграции. В свою очередь директор департамента М. Плявниекс «не только не скрывал в беседах с американскими правозащитниками, но и гордился произвольным толкованием законов,

поскольку это, по его словам, «идет на пользу суверенной Латвии»». В тот период времени Helsinki Watch призывала Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе немедленно направить в Латвию свою миссию. «В 1992 г. американский журнал Life обвинил латвийские власти в проведении политики «этнического разделения», нацеленной, прежде всего на то, чтобы с помощью дискриминационных мер изгнать из страны русскоязычное население, а также в бездействии в отношении антисемитизма». Неправительственная организация Freedom Forum в начале 1993 г. причислила Латвию и Эстонию в категорию частично свободных государств, вследствие «мер по ограничению гражданства и отказа в праве на него русскоязычным жителям Латвии». В связи с чем, в подготовленном фракцией «Отчизне и Свободе» запросе на имя премьера в президиум Сейма было сказано: «Под влиянием международных лобби российского империализма задумана политическая расправа с патриотически настроенными работниками департамента, которые в рамках существующего законодательства пытаются защитить латвийское государство и национальные интересы латышского народа». Запрос также подписали депутаты от ДННЛ и ХДС.²⁶⁷

22 октября 1993 г. в Ригу приезжал президент Германии Р. фон Вайцзеккер, в тот период времени речь шла о выводе с территории Латвии российской армии и обсуждался вопрос приближения Латвии и других стран Балтии к Европейскому сообществу. «Германия будет своего рода адвокатом Латвии», - пообещал президент Германии.²⁶⁸

В сентябре 1993 г. в Риге на конференции по проблемам переселенческих движений заместитель представителя верховного комиссара ООН по делам беженцев по Северным и Балтийским странам В. Крикен говорил: «Хочется верить, что новый Закон о гражданстве, который будет принят в Латвии, даст людям возможность остаться и внести свой вклад в будущее Латвии. С другой стороны, миграцию, мигрантов не надо рассматривать как какую-то обузу для той страны, в которую они прибывают. Именно мигранты сделали богатыми и сильными государствами Австралию и Канаду. И в случае, когда люди возвращаются обратно, в страну своего этнического происхождения, это также может стать для этой страны благом».

Расширение Евросоюза является итогом исторического объединения Европы. В 1991 году Европейская Комиссия признала независимость стран Балтии. Два года спустя были подписаны первые договора о торговле и экономическом сотрудничестве между Латвией и Европейским Экономическим союзом, а в 1995 г. Латвия подала заявку на

²⁶⁷ Соколова О. Мы в 90-е. Неделя 2 – 8 ноября 1993 года в латвийской прессе // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/my-v-90-e-nedelya-2-8-noyabrya-1993-goda-v-latviiskoi-presse> [03.11.2009].

²⁶⁸ Соколова О. Мы в 90-е. Неделя 19 – 25 октября года в латвийской прессе // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/my-v-90-e-nedelya-19-25-oktyabrya-1993-goda-v-latviiskoi-presse> [18.10.2009].

принятие в Европейский Союз. В том же 1995 г. Латвия стала членом Совета Европы, международной организации, содействующей сотрудничеству между всеми странами Европы в области стандартов права, прав человека, демократического развития, законности и культурного взаимодействия. Через два года после подачи заявления на вступление в Европейский Союз Европейская Комиссия дала первую оценку о готовности страны-кандидата на вступление и началу переговоров. Переговоры о вступлении в Европейский Союз Латвия начала весной 2000 г. 1 мая 2004 г. Латвия стала членом Европейского Союза.

В центре внимания Европейского союза находятся вопросы, связанные с экономикой. По вопросам политики в отношении нацменьшинств страны участницы Европейского союза не имеют единой позиции, вследствие, чего конкретного требования к кандидатам на вступление в союз не было выдвинуто, а рекомендации в ежегодных докладах давались редко.

«В марте 2001 г. парламент Латвии очередное предложение ратифицировать Рамочную конвенцию по защите прав нацменьшинств Совета Европы, а предыдущий отказ (2000 г.) был вызван несоответствием ряда норм законодательства Латвии требованиям этой конвенции. Однако в отличие от экономических вопросов здесь Еврокомиссия лишь ограничивается констатацией фактов, но не дает оценки ситуации».

Еврокомиссия никак не прокомментировала тот факт, что число поданных заявлений на натурализацию в 2000 г. было меньше, чем в 1999 г., при этом одобрило меры принятые для ускорения натурализации, а именно отмену языковых тестов для выпускников латвийских школ, снижение пошлины натурализации, предоставление подготовительных курсов и информационную кампанию.

В тот период времени в Латвии проводилась реформа образования, целью которой был переход обучения на государственный язык. Политолог Б. Колчанов²⁶⁹, приводит следующую позицию Еврокомиссии по данной проблеме: «Поскольку Европейский Союз не имеет четких требований в области защиты меньшинств, вопросы выбора языка образования не являются непосредственным предметом переговоров при вступлении в Европейский Союз, однако при проведении реформы образования необходимо руководствоваться общедемократическими принципами и здравым смыслом. То есть Европу интересует стабильная демократия в нашей стране, которая невозможна без интеграции, но для успеха процесса ликвидации среднего образования на русском языке

²⁶⁹ Игнатъев О. Что ждет неграждан в Евросоюзе // AS DELFI // URL: <http://rus.delfi.lv/archive/chto-zhdet-negrzhdan-v-evrosoyuze.d?id=4838159> [20.02.2003].

не требуется. Вывод далеко не революционный, тем не менее, он явно противоречит заявлениям наших национал радикалов».

Еврокомиссия в 2002 г. воздержалась от оценок по проблемам, вызванным Законом о государственном языке, когда население сталкивалось с проблемами подачи документов в госучреждения и самоуправления только на государственном языке, а также с проблемами изменения латвийских имен и фамилий. Рекомендации были даны в отношении норм Кодекса административных нарушений, а также о нормах штрафа за неуважение к государственному языку.²⁷⁰

За год до вступления в Европейский Союз проблема неграждан Латвии была актуальной проблемой в стране. В латвийском представительстве Еврокомиссии говорили, что «Большое число неграждан – проблема, как для Латвии, так и для Европы в будущем». При этом вопрос о негражданах являлся национальной прерогативой. Основы проблемы в 2003 г. находились в определениях условий въезда неграждан в страны ЕС. «Бесправность неграждан дает возможность странам ЕС по своему усмотрению решать, на каких условиях пускать к себе лиц без европейского гражданства».

В 2009 г. исследование центра «Провидус» «Вызов гражданскому участию» привел вывод, что редакции крупных изданий создают образ «Врага», то есть в 2009 г. большинство негатива было обращено к русскоязычному населению. «Авторы статей и политики навязывают читателям точку зрения, будто бы большинство русскоязычных – не толерантны».²⁷¹

В 2009 г. партия «Все Латвии!» поддержала проект «braucmajas.lv» («езжайдомой.lv»), собирающий подписи за «высылку нелояльных жителей Латвии домой». Председатель партии Р. Дзинтарс заявил, что «речь идет не только о русских, но и о представителях других национальностей... 3085 человек хотят, чтобы Латвию покинули враги...».²⁷²

Депутат сейма от «Союза зеленых и крестьян», бывший министр земледелия М. Розе заявил, что «если говорить о русскоязычных, то у них здесь нет ни своей общей культуры, ни общего происхождения. Это пестрая публика, состоящая из русских,

²⁷⁰ Колчанов Б. Права нацменьшинств не входят в число приоритетов ЕС // AS DELFI // URL: <http://rus.delfi.lv/archive/prava-nacmeshinstv-ne-vhodyat-v-chislo-prioritetov-es.d?id=2479509> [16.01.2002].

²⁷¹ Telegraf.lv. «Телеграф» сохраняет объективность // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/v-latvii-esty-nezavisimaya-pressa> [09.07.2009].

²⁷² Telegraf.lv «Уезжай домой, враг!» // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/uezzhai-domoi-vrag> [20.05.2009].

белорусов, евреев и представителей других народов, которые называют себя русскоязычными».²⁷³

Политическим моментом секьюритизации в Латвии является тот факт, что игнорируемый до 1985 г. вопрос о сохранении этнических ценностей латышей не был сформулирован, но уже в последствие, превратился в вопрос национальной безопасности. В речах и программах политической элиты образ врага в лице русскоязычного населения был распространен на все общество. Таким образом, угроза со стороны русскоязычного населения этническим латышам, о которой говорили в общественно политическом дискурсе, была вербальным феноменом, а применяемая мера в виде института неграждан и Закона о государственном языке – это политические реалии, воздействующие на общество.

Секьюритизация в постсоветской Латвийской Республике происходит в ситуации, когда в ходе политических дискурсов происходит сравнение с советским прошлым, либо же упоминания о негативных событиях и условиях, которые подчеркиваются в коммуникативном механизме тем, что формируется некий образ «Врага», действия которого направлены на угнетение латышского этноса или государства в целом. Благодаря чему меры, которые направлены на то, чтобы прошлой ситуации не повторилось, являются легитимными. Таким образом, рассмотренные выше национальные партии и партии, позиционирующие себя как защитники интересов русскоязычных жителей Латвии, всегда находятся в разных плоскостях политического дискурса. А именно, латышские национальные партии при проведении предвыборных кампаний приводят лозунги против возвращения к советскому прошлому.

В Латвийской Республике основными инструментами секьюритизации является Музей оккупации и территория Абрене. Роль Музея оккупации в данном направлении является не только внутренней, но и внешней, а именно придает современной историографии Латвии наглядный пример, пусть и созданный целенаправленно. Территория Абрене, в свою очередь, используется как механизм, при котором Российская Федерация представляется захватническим государством.

Говоря об европейской идентичности Латвии, необходимо подчеркнуть, что она складывается из неприемлемости советского режима жителями Латвии, а со стороны европейского общества, что Латвийская Республика восстановила свою независимость от Советского союза, то есть победила в «Холодной войне». Это является одной из причин достаточно быстрого принятия Латвии в Совет Европы, так как латвийскому

²⁷³ Latvijās Avīze. Розе: у русскоязычных в Латвии нет общей культуры // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/roze-u-russkoyazychnyh-v-latvii-net-obshtei-kulytury> [02.09.2010].

правительству удалось убедить европейское сообщество, что существует реальная возможность повторения событий «Холодной войны». Необходимо отметить, что в ходе политического дискурса в Латвии на протяжении всего времени перед вступлением в Европейский союз проблемой безопасности были объявлены русскоязычные жители, которые находясь на территории Латвии, представляли угрозу ее суверенитету посредством возможных действий со стороны Российской Федерации, направленных на их защиту.

Русскоязычные жители Латвии наравне с этническими латышами участвовали в восстановлении независимости Латвии. В дальнейшем развитие отношений между двумя общественными группами приостановилось, и взаимоотношения между ними стали ухудшаться. Данная ситуация произошла в ходе проведения национальной политики в государстве. Политические партии, разделенные также по национальным интересам, вовсе не способствуют налаживанию отношений внутри общества. Политика государства склоняет представителей социальных групп, к проявлению негатива друг к другу. Создание условий, при которых одна социальная группа выделяется, ей даются некоторые преференции не сближает общество.

Политическая элита в Латвии постоянно поднимает вопросы, связанные с историческим наследием Советского Союза. А именно, упоминает о преступной внешней политики Сталина, подчеркивая, что Россия является преемницей СССР, следовательно, несет всю ответственность за события прошлого. Латвия оперирует именно к утрате государственного суверенитета во времена СССР.

Государственное строительство Латвии носит характер национального государства. Процесс, который начался с восстановления независимости. Ознаменовал собой начало деления общества по национальному, языковому и культурному признакам. Национальная политика Латвии позволяет разделять общество на «своих» и «чужих», а также выделять возможные угрозы, которые могут повлечь за собой те или иные действия «чужих» в национальном государстве.

Исходя из исторического прошлого, которое характеризуется политической элитой, как «оккупация» Латвии Советским союзом, а также общая граница с наследницей СССР – Россией. И проживание на территории Латвии русскоязычного населения, которое не утратило культурной, исторической, этнической связи с Россией, не прошло интеграцию в латвийское гражданское общество дает возможность вводит в сферу безопасности, а именно обозначать Российскую Федерацию угрозой суверенитету Латвии. Условия секьюритизации, которыми оперирует латвийское правительство, как во внутренней, так и

во внешней политике поддерживается частью гражданского общества, а также частью политических деятелей исходя из национальной политики государства. Так, в Латвии обозначение русскоязычного населения, как не принадлежащих к титульной нации людей, продолжателей «оккупационного режима», возможно создателей в дальнейшем аналогичной ситуации, позволяет латвийскому правительству вводить законы, противоречащие демократии.

ГЛАВА II. УСИЛИЯ ЛАТВИИ ПО УСИЛЕНИЮ ДЕСЕКЬЮРИТИЗАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ

§ II.1. ПРЕДПОСЫЛКИ К ОБОЗНАЧЕНИЮ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЛАТВИИ В КАЧЕСТВЕ ПРОБЛЕМЫ

Процесс десекьюритизации, как было отмечено выше, начинает происходить тогда, когда идет поиск точек соприкосновения между конфликтующими сторонами. И в случае Латвии касается межэтнических вопросов.

Деятельность ЕС основана на демократических ценностях и широком использовании инструментов нормативного воздействия. Суть процесса европеизации заключается в распространении европейской модели управления на соседние страны. Европеизацию можно рассматривать как способ демократизации, так и способ обеспечения собственной безопасности и стабильности Евросоюза. Таким образом, проводимая политика ЕС заключается, главным образом, в наращивании и распространении демократии как глобального мега тренда. Политика внешней европеизации обозначилась на примере демократизации государств Центральной Восточной Европы при присоединении к ЕС в 2004 – 2007 гг.²⁷⁴

А.В. Девятков²⁷⁵ приводит понимание секьюритизации О. Вевера и Б. Бузана «процесс превращения общественных ценностей, экономических и культурных феноменов в объекты безопасности, результатом чего является выработка политическими элитами чрезвычайных мер, применяемых против соответствующих угроз автоматически без дополнительных обсуждений». Политическим моментом в теории секьюритизации является выведение из политического каких-либо мер или вопросов. Таким образом, угрозы, о которых говорят в общественно политическом дискурсе – это вербальные феномены, а применяемые меры – политические реалии, воздействующие на общество. А.В. Девятков пишет следующее, отвечая на вопрос, почему политические элиты инициируют секьюритизацию: «Власти предрасполагающие всегда пытаются использовать секьюритизацию того или иного вопроса как инструмент, чтобы получить контроль над ним».

²⁷⁴ Латкина В.А. Политика Европейского союза в Средиземноморье в контексте арабской весны // Политология. 2014. № 2 (35). С. 139 – 149.

²⁷⁵ Девятков А.В. Секьюритизация или десекьюритизация в современных общественно-политических процессах // В сборнике: Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации научные редакторы С.А. Панарин, Д.И. Польшвинный. 2013 г. С. 103 – 107.

Одним из методологических механизмов в теории является разграничение волн секьюритизации (*securitization waves*) и самой секьюритизации. Волны секьюритизации появляются при попытке проблематизации какого-либо вопроса, тогда о самой секьюритизации можно говорить лишь тогда, когда вопрос закрепился на институциональном уровне и можно применять чрезвычайные меры (*securitization act*).

Не всегда у секьюритизации есть материальные мотивы инициаторов. А.В. Девятков ссылается на М. Фуко в утверждении, что «не только политические акторы, но и сама аудитория, на которую направлены акты секьюритизации, способна проявлять к ним высокую степень чувствительности. Предпочтения аудитории могут быть при этом недолговечными, но даже их вполне хватает для относительной легитимации политических решений».²⁷⁶ При секьюритизации происходящей при инициации политических элит, а также при утверждении общественного большинства может происходить сужение поле общественной свободы.

В теории секьюритизации существует также процесс возвращения к «нормальной политике», а именно может происходить процесс десекуритизации. Процесс десекуритизации может также является предметом политической борьбы, когда происходит дискуссия о том, какой вопрос следует относить к сфере безопасности.

П.А. Цыганков²⁷⁷ приводит понятие «безопасность» вне государственного контекста на основе трех версий теории человеческой безопасности: теория социетальной безопасности, безопасность как «эмансипация», теория, объединяющая социетальную безопасность и безопасность как «эмансипацию».

Теория социетальной безопасности основывается на отсутствии угроз и выживаемости сообществ как групп индивидов, объединяемых различными верованиями и ощущением единой идентичности. Понятие социетальной безопасности основывается на сохранение идентичности, а именно возможность сохранения идентичности в условиях глобализации и связанных с ней миграционных процессов. В данном случае секьюритизацией по О. Веверу будет определение наличия или отсутствия угроз социетальной безопасности путем исследования процесса восприятия социальной группой своей идентичности как находящейся под угрозой, а также изучение последствий ее действий на основе этого восприятия. Данный вопрос становится проблемой безопасности через дискурс социальных агентов, которые секьюритизируют проблему посредством языка.

²⁷⁶ Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука. 2010.

²⁷⁷ Цыганков П.А. Теория человеческой безопасности: политические последствия и уроки для России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 78 – 83.

Вторая теория, определяющая безопасность как «эмансипацию» объясняется следующим: «Эмансипация – это освобождение людей (индивидов и групп) от физических и гуманитарных принуждений, которые мешают им делать то, что они хотели бы делать». Государство препятствует эмансипации, соответственно оно же и не способно обеспечить данную безопасность. П.А. Цыганков приводит вывод критических теоретиков: «безопасность как эмансипацию способно обеспечить только универсальное космополитическое, политико-моральное сообщество вне суверенных наций-государств. Это решает и главный вопрос международной безопасности: дилемма безопасности преодолевается путем устранения ее главного источника – государства».

Третья теория безопасности, которую приводит П.А. Цыганков, объединяющая две предыдущие теории, объясняется Б. Бузаном как парадокс того, что «безопасность человека зависит от государства, и в то же время именно государство создает для нее угрозы». Это касается как внутривнутриполитических процессов (нарушение индивидуальных свобод), так и внешнеполитических процессов государства.

Данные теории были выдвинуты последователями копенгагенской школы с двумя ключевыми понятиями «секьюритизация» и «десекьюритизация». Секьюритизация – дискурсивная конструкция угроз, ведущая к деполитизации референта безопасности. Десекьюритизация – возможность представить объект в терминах, не связанных с безопасностью. «Десекьюритизация, как пишет О. Вевер, может быть достигнута только через дефиницию безопасности как языкового акта, противоположного ее пониманию как объективной угрозы».

Безопасность является основой тех благоприятных условий, в которых могут функционировать социальные институты, организации и в которых может развиваться общество. Безопасность является не чем иным, как состоянием защищенности от угроз жизненно важным интересам и ценностям. Отсюда следует, что общество находится в процессе противодействия возможным и реальным угрозам.

В науке существуют безопасность существования человека, безопасность окружающей среды и национальная безопасность. «Национальная безопасность означает, то состояние или положение объекта безопасности, когда для него нет опасности. Состояние, обеспечивающее достаточную экономическую и военную мощь нации для противления угрозам ее существования, исходящим, как из других стран, так и изнутри собственной страны. Реальную способность быть свободными от внешней опасности. Состояние международных отношений, исключающих нарушение свободного мира или создание угрозы безопасности народов, в какой бы то ни было форме... Жизненно важные

интересы личности, общества и государства в совокупности и составляет содержание национальных интересов страны... С учетом всех определений можно обозначить национальную безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства во всех сферах их жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз и опасностей, обеспечивающее их устойчивое развитие». Постсоветское пространство характеризуется разрушенной, в связи с распадом СССР, единой системы безопасности. Что повлияло на формирование угрозы безопасности, связанной с конфликтами, которые возникали в связи со стремлением к независимости государств. Государства постсоветского пространства после окончания «Холодной войны» выстраивали свои политические программы на основе национальных интересов. Что позволило взять курс развития национального государства, основанного на защите и развитии личности, общества и государства в целом.²⁷⁸

Так как в 1991 г. выходцам из республик СССР не было предоставлено гражданство Латвии, то основной проблемой, которая затрагивает русскоязычное население Латвии, является институт неграждан. Закон о гражданстве в Латвии во многих источниках носит характер дискриминации и дополняется законом о государственном языке. Закон о государственном языке понизил статус русского языка и признал его легитимное вытеснение за рамки официального обращения в общественные и правовые органы. В законах об иностранцах регламентирован правовой статус неграждан, которые лишены права избирать и быть избранными, а также не имеют права работать в государственных органах.

Результаты социологических исследований говорят о национальной и правовой дискриминации русскоязычного населения Латвии, что влияет на его отстранение в участии формирования политики государства, следовательно, и в отстранении от создания правовой и ресурсной базы для отстаивания своих интересов.

В 2003 г. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации выразил обеспокоенность о несоответствии латвийского законодательства и правоприменительной практики Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Такая обеспокоенность возникла по отношению вышеприведенному Закону о государственном языке, а также о невозможности неграждан участвовать в политической жизни Латвийской республики.

²⁷⁸ Терешина Е.А. Проблемы безопасности в восточно-европейских государствах постсоветского пространства // Теория международных отношений. Внешняя политика и дипломатия. 2012. № 3. С. 123 – 133.

Проблемой дискриминации, является отношение к русским как языковому меньшинству. При этом русскоязычные жители Латвии не имеют права обращения во властные структуры на русском языке, а также в муниципалитеты. Не имеют возможности получения официальной информации на русском языке. Ситуацию с принятием Закона о государственном языке осложнило положение о переходе школьных заведений на латышский язык как основной язык обучения. Данная реформа спровоцировала в городах Латвии протестное обращение «За свободный выбор языка образования» в мае 2003 г. Проблемой также является неоконченные судебные процессы по обвинению ветеранов правоохранительных органов бывшего СССР в участии в геноциде, под который подводятся административные высылки 1941 и 1949 гг.²⁷⁹

В Латвии новый этап развития языковой политики начался в 1940 г. после установления советской власти на территории государства. Именно в тот период сложились условия для тесного взаимодействия русского и латышского языков в разных сферах общественной жизни. В послевоенный период в Латвийской ССР наблюдался высокий уровень билингвизма, а именно более половины населения Латвии помимо родного языка владели вторым языком. Государственная языковая политика в СССР осуществлялась на академическом уровне, так как русский язык являлся основным языком межнационального общения в республиках Советского Союза. С середины 1940-х гг. до начала 1990-х гг. в Латвии наблюдался рост количества русскоязычного населения. После выхода Латвии из состава СССР в стране началось изменение социополитических условий.

Увеличению числа носителей русского языка в Латвии способствовало вступление Латвии в СССР. Что повлекло за собой необходимость знания русского языка для этнического населения Латвии. После окончания Второй мировой войны возникла необходимость в квалифицированной рабочей силе во всех республиках СССР. И так как Латвия на тот период уже была в составе СССР, то и на ее территорию, для поднятия уровня экономики, прибыло русскоязычное население. Русскоязычной в большинстве своем была инженерно-техническая интеллигенция. Также переселению в приграничные зоны Латвийской ССР в 1940 – 1950-е гг. способствовала неустроенность жизни в населенных пунктах приграничной зоны. При этом в Латвийской ССР были вузы, образовательные программы, которых позволяли получить образование исключительно на латышском языке.

²⁷⁹ Скринник В.М. Российская диаспора в странах Балтии: социально-политический дискурс и проблемы консолидации // Ученые записки Российского социального университета. 2009. № 2. С. 126 – 131.

Особое внимание уделялось обучению русскому языку латышей в начальной школе, что обеспечивало, в последствие, хорошее знание русского языка и позволяло продолжить образование в российских вузах. В свою очередь, латышский язык в русских школах преподавался на более низком уровне. Что было обусловлено практической потребностью русского языка. Так русскоязычное население в Латвийской ССР не нуждалось в знании латышского языка по причине отсутствия необходимости его применения. Переход с латышского языка на русский для носителя латышского языка осуществлялся по его инициативе. Исключением являлась профессиональная деятельность, связанная с художественным творчеством и спортом. А также желание русскоязычного человека освоить латышский язык. Таким образом, языковая политика в Латвийской ССР носила мягкий и плановый характер, без какого-либо психологического давления. Данная политика позволяла избегать языковых конфликтов, и была достаточно эффективной в многонациональном обществе.

Полный билингвизм, а именно свободное владение двумя языками и способностью мыслить на обоих встречалось крайне редко. В Латвийской ССР наблюдалась ситуация с неполным двуязычием, когда представители одной группы не полностью владела языком второй группы и использовала его по необходимости в определенных сферах. Носители русского языка, который доминировал во всех республиках СССР, являлись монолингвами или же могли понимать язык других национальностей.

В Латвийской ССР наблюдалась ситуация гармоничного взаимодействия естественной и искусственной моделей билингвизма. Латышские дети могли усваивать русский язык, как в школе, так и в общении с русскоязычными детьми. Живое общение на разговорном уровне подкреплялось высоким уровнем академического преподавания русского языка. Контактный билингвизм распространялся за счет общения латышского населения с русскоязычными жителями, а использование русского языка в остальных случаях было обусловлено практическими коммуникативными установками.

В Латвийской ССР билингвизм получил свое развитие по причине желания латышского населения расширить свои социальные контакты и интеграции в общество, а также для повышения уровня читаемости и возможности перевода литературы на другие языки народов СССР.

Процесс репрессированной языковой политики стал проводиться в Латвии после выхода из состава СССР. Языковая политика предполагает под собой меры, которые применяет государство для достижения социально-языковых целей. Языковая политика направлена на изменение языковых норм, усиление или ослабление влияния того или

иногo языка, а также сужения сферы того или иногo языка. Латвийское независимое государство, в свою очередь, посредством языковой политики добивалось ослабления влияния русского языка и сужения сферы его влияния во всех общественных сферах. Радикальные изменения языковой политики Латвийской ССР последовали из-за новой политической элиты независимого государства, которая была крайне недовольна сложившейся ситуацией в сфере национального языка. Меры, которые применила новая политическая власть, носили конфликтный характер, так как обладала психологическим давлением. Принципиальное изменение сложившейся языковой ситуации с изменением взаимодействия языков в рамках государства, в котором оставались проживать представители русскоязычного населения, понесло за собой различные проблемы, как области образования, гражданства, так и в области коммуникации всех слоев населения.

О репрессивном характере языковой политики Латвии говорит тот факт, что латышский язык был наделен статусом государственного языка, а русский язык сохранил статус неофициального языка межнационального общения. В свою очередь, ситуация в современной Латвии доказывает этот факт тем, что востребованными на рынке трудоустройства сегодня являются лица, обладающие знаниями трех языков, а именно латышским, русским и английским. Признаком репрессированной языковой политики является также, постановление Латвийского правительства о запрете приема документов муниципальных учреждений на русском языке, по причине его приравнивания к иностранным языкам. Другие признаки связаны с ограничением распространения публичной информации на русском языке, с ликвидацией официальных публичных надписей информационного и указательного характера. Латвийский Закон об образовании предусматривает преподавание в вузах исключительно на латышском языке, а в общественных средних школах билингвальное обучение.

Центр государственного языка – это государственный орган, учрежденный с целью проверки соблюдения нормативно-правовых актов в сфере функционирования государственного языка. Центр обладает правом применения административных наказаний за нарушение норм языковой политики.²⁸⁰

В основе языковой политики государств лежат потребности идентичности и взаимопонимания. Потребность идентичности заключается в возможности общения на языке, которым человек овладевает впервые годы жизни. В свою очередь, потребность во взаимопонимании заключается в желании людей общаться на одном языке в обществе, в котором они живут и с которым взаимодействуют. Во многих государствах, вследствие

²⁸⁰ Филей А.В. Проблемы билингвизма и обзор социолингвистической ситуации в Латвии // Социо- и психоллингвистические исследования. 2014. № 2. С. 69 – 73.

проводимой языковой политики в целях интеграции общества, угнетению подвергаются языки меньшинств, что в свою очередь приводит к неизбежным конфликтам между представителями национальных меньшинств и титульной нацией.

В государствах, в которых официально не проводится языковая политика, так или иначе, происходит подавление одного и распространения другого языка. Данные типы воздействия на языки происходит через политику в области образования, средств массовой информации и т.д.

Потребность идентичности определяется возможностью общения на языке своего этноса и своей культуры. Использование иного языка в данном случае оставляет ощущение неполноценности, как культурной, так и социальной. Идеальный случай удовлетворения такой потребности – это одноязычное общество. Современные одноязычные общества представляют собой либо обособленные народы, которые не имеют общения с соседями и внешним миром, либо необразованный и угнетенный этнос. В свою очередь, одноязычным может быть и население развитых национальных государств. Так как общение и стирание государственных, общественных и национальных границ предусматривает общения между людьми, родной язык которых разный, то нормой считается двуязычие. Двуязычие для меньшинств и иммигрантов носит негативный характер, так как влечет за собой такие последствия как-либо жить полноценной жизнью, либо жить в замкнутом обществе. В первом случае человек теряет собственную идентичность, во втором же случае, человек теряет возможность быть социально и экономически активным.

Потребность взаимопонимания в пределах одного государства удовлетворяется единым государственным языком или несколькими языками, которые имеют официальный статус государственных языков. Государство же, в свою очередь, проводит политику распространения и поддержания функций государственного языка.

Государственным языком является язык господствующего этноса, таким образом, происходит автоматическое удовлетворение потребности идентичности большинства населения. А двуязычие для населения носит добровольный характер.

Во времена СССР представители национальных элит заявляли о «языковом геноциде» и о вреде двуязычия, тем самым добиваясь не употреблять русский язык.

При языковой политики целью, которой является смена языка, всегда происходит экономическое, политическое и культурное давление. Национальные меньшинства, которым в данной ситуации, приходится отказаться от родного языка осознают, что вынуждены перейти на другой язык, при этом понимая, что данная смена влечет за собой

материальное благополучие. Данная ситуация ставит представителей той или иной национальности перед выбором потери материнского языка или остаться жить в бедности.

Между представителями одноязычного и двуязычного населения из-за неравенства может создаваться конфликтная ситуация, что было характерно во времена СССР. В СССР актуальной проблемой было то, что представителям не национальностей, чей язык был не русский, приходилось жертвовать своей идентичностью или своей потребностью взаимопонимания. Потребность взаимопонимания не удовлетворялась бессознательно, не расширяя социальные связи. Потребность идентичности не удовлетворялась сознательно, но имела ряд положительных последствий, а именно благодаря знанию русского языка можно было продвинуться в социально-экономическом плане.

Государство всегда выступало и выступает в качестве силы поддерживающей господство официального языка. Иная ситуация, вызванная сменной царской политики, характерна для 20-30-х гг. XX века в СССР, когда советским республикам была предоставлена возможность перевода делопроизводства с русского языка на языки меньшинств, создание национальных школ и осуществление других мер, позволяющих сохранить языки меньшинств наравне с русским. Но во второй половине 30-х гг. И.В. Сталин стал проводить политику русификации. При правлении Н.С. Хрущева политика коммунизма боролась с различиями, в том числе и языковыми, что привело, в 60-х гг., к исчезновению школ меньшинств.²⁸¹

В Латвии, как и в других странах Прибалтики, основой национально-государственной идентичности является этническая форма социальной идентичности. В данном случае наблюдается ситуация противостояния не титульных наций государственной национальной политики. В Латвии на протяжении всего периода после восстановления независимости происходит борьба с русским языком, что продиктовано восприятием языка как ключевого признака национальной идентичности. В данном контексте Н.М. Межевич отметил также, что в государствах Прибалтики несбалансированная национальная политики является источником угроз, которые связаны также с такими аспектами, как пересмотр государственных границ.²⁸²

Латвия входит в список прибалтийских государств, которые прошли период демократического транзита и достигли необратимости демократических институтов. Основными условиями для транзита демократии являются такие положения как адекватное восприятие исторического опыта и наличие национального единства. А также

²⁸¹ Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5(17). С. 8 — 28.

²⁸² Межевич Н.М. Идентичность и граница: некоторые теоретические вопросы и практики в восточной части Балтийского моря // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 95 – 106.

соотношение демократии и суверенитета, и институциональное положение для реализации демократических программ.

Стремление государств Балтии к демократическому устройству определяется историческим функционированием института парламентаризма и стремлением противостоять коммунизму. В поздний период существования СССР Латвия, и другие Прибалтийские государства, первая заявила о праве на самоопределение. Попытка же властей СССР насильственно удержать государства в составе союза еще больше усилила стремление Прибалтийских государств к независимости. Этот факт привел к формированию проблем, связанных с обретением национального единства.

Этническая идентичность стала ассоциироваться со свободой и демократией, что привело к консолидации общества. На процесс демократизации в Латвии существенное влияние оказало положение национальной неоднородности в обществе. А также существенные общественные и экономические перемены после обретения независимости послужили дифференциации населения. Таким образом, сложилась ситуация, когда население Латвии разделилось на две группы. Первую группу составляли коренные латыши, которые хотели восстановить независимое государство. Вторую группу составляло русскоязычное население, которое на тот период уже достаточно долго проживало на территории Латвии. Вначале 90-х гг. произошло разделение населения в независимой Латвии по этническому признаку. Что привело к появлению «этнической демократии», а именно реализации прав титульного населения, т.е. одной этнической группы. Приверженцы этнической демократии – доминирующие этнические группы и элиты, выступают за демократизацию общественной и государственной жизни, но против демократизации собственного привилегированного положения.

В свою очередь, этнократия противоречит таким основам демократии, как работа институтов гражданских прав и свобод всего общества, независимо от национальной принадлежности. Для осуществления процесса демократического транзита является не достаточным условием существование оппозиционных политических партий и проведение регулярных выборов. Необходимым условием также является создание системы и институтов, которые представляют интересы граждан независимо от их национальной принадлежности. Соотношение развития демократии и сохранения суверенитета Латвии неоднозначно характеризует процесс демократического транзита государства. Демократия и суверенитет должны взаимно усиливать друг друга при успешном проведении процесса демократического транзита.

Таким образом, происходит процесс, в котором демократия или суверенитет являются проблемой выбора. Так, Латвию можно причислить к государствам с низкой степенью суверенности и близкой к консолидации демократии, что является асимметричной моделью соотношения уровня развития суверенитета и степени демократичности политического режима. Что является результатом этнополитических конфликтов, причины которых связаны с ограничением прав национальных меньшинств в Латвии.²⁸³

Политические элиты Латвии в настоящее время проводят программу интеграции русскоязычного населения. При этом заявления о русскоязычном населении, как о проблеме безопасности, делаются политическими элитами чаще всего при продвижении собственной политической программы.

Латвия, как национальное государство, построила свою внешнюю и внутреннюю политику на защите национальных ценностей, отдав предпочтение титульному населению, при этом создав условия интеграции в латвийское общество для граждан бывшего СССР. Существующие различия в правовом законодательстве между гражданами и негражданами Латвии позволяют говорить на международном уровне о дискриминации, но при этом правительство Латвии создало государственные институты и условия для интеграции неграждан.

Регионализация общественных процессов является геопространственным эффектом глобализации, когда происходит формирование региональных общностей с политическим, историческим, культурным, цивилизационным и экономическим единством. Процессу регионализации сопутствуют как дезинтеграционная, так и интеграционная тенденции. При дезинтеграционной тенденции ключевым может являться распад или его угроза для государств и союзов, что может повлечь за собой формирование новых государств и регионов. В свою очередь, при интеграционной тенденции – формирование региональных общностей в результате объединения территориально-политических субъектов. Данные тенденции также актуальны при рассмотрении процесса формирования как самих независимых государств на постсоветском пространстве, так и их политики. При распаде СССР внешним фактором дезинтеграционной тенденции была «Холодная война» в отношениях социалистической системы в Европе, в свою очередь внутренними факторами являлись социально-экономические и идеологические кризисы советского общества. Что привело к формированию проблем, связанных с социально-

²⁸³ Бродовская Е.В., Влодарская А. Социально-политические факторы посткоммунистической трансформации в странах Прибалтики // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. № 2. С. 152 – 162.

экономической, политической, межнациональной жизнью общества. Дезинтеграционная тенденция повлияла на формирование проблем, связанных с межнациональными конфликтами независимых государств. При этом процесс дезинтеграции СССР перешел в процесс интеграции Европы. А именно, фактором регионализации стал процесс расширения Евросоюза, НАТО и других европейских институтов.

Формированием же постсоветского пространства являлись факторы, связанные с географическим положением государств и их историческое развитие, а также факторы, связанные с политической и культурной общностью народов, единой транспортной системой и экономическими связями. Немало важными также являются и глобальные, региональные вызовы и угрозы, связанные с международным терроризмом, наркоторговлей и нелегальной миграцией.

Постсоветское пространство разделилось на два субрегиона, а именно на Прибалтийский и Евразийский. Субрегиональная общность Прибалтийских государств основывается на их общих тенденциях в формировании внешней и внутренней политики. Так Латвия, Литва и Эстония создали Балтийскую ассамблею, вступили в Центрально Европейскую зону свободной торговли, Европейский союз, ОБСЕ, Совет Европы, НАТО и другие структуры Европы.²⁸⁴

Ж. Озолиня²⁸⁵ отмечала, что страны балтийского региона являются выходом России в Европу. Поэтому Российская Федерация заинтересована в налаживании отношений со странами данного региона. А. Странга²⁸⁶ говоря об отношениях России и стран Балтии к 1997 г. отмечал, что к тому моменту отношения были стабильными. Со стороны России все еще не был решен приграничный вопрос, а также некоторые экономические проекты. А. Странга, с 1991 г. три страны установили нормальные отношения с Россией, которые регулировались десятками соглашений в разных секторах, но в то же время ни одна из сторон не была полностью удовлетворена сложившимися отношениями.

А. Леиньш²⁸⁷ высказывался, что отношение России к странам Балтии тесно связано с необходимостью реформ в России и в необходимости «нового мышления» отличного от сформированного веками «имперского мышления». Россия не сможет добиться успехов в

²⁸⁴ Каледин Н.В. Постсоветское пространство: предпосылка и результаты регионализации // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 1 – 23.

²⁸⁵ Ozoliņa Ž. The Impact of EU and NATO Enlargement on Baltic-Nordic Cooperation // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 41 – 101.

²⁸⁶ Stranga A. Baltic-Russian Relations: 1997 // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 139 – 196.

²⁸⁷ A. Lejiņš Joining the EU and NATO: Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century // Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 9 – 50.

реформах, если по-прежнему будет считать «оккупацию» 1940 г. стран Балтии легитимной, как части Советского союза. А. Леиньш называл идеальной ситуацией, если бы Россия «отпустила страны Балтии» в поисках членства в НАТО.

Д. Блейере²⁸⁸ предположила, что одним из объединяющих факторов Прибалтийских стран является общий опыт коммунистического режима, но он может являться переходным. Таким образом, культурная интеграция возможна только через европеизацию, через создание своих носителей общего европейского культурного наследия, по причине отсутствия исторического прошлого для создания идентичности в Центральной и Восточной Европе.

Расширение ЕС являлось мощным фактором в развитии сотрудничества между странами Балтии и Скандинавии. Одной из причин являлось то, что страны Северной Европы заинтересованы в укреплении Северного измерения с помощью стран Балтии, дабы исключить мнение о том, что они являются небольшими странами с ограниченной властью.²⁸⁹

Из-за привыкших к затяжному межблоковому противостоянию «Холодной войны» лидеров стран НАТО, не было предпосылок к расширению НАТО на Восток. Но так как в странах постсоветского пространства возник так называемый «вакуум безопасности», странами НАТО было принято решение стать «донорами безопасности» для этих государств. При этом правительства стран постсоветских государств не испытывали доверия к военно-политическому блоку СССР, членами которого они были до недавнего времени. Взаимоотношения с НАТО рассматривались, как опора на собственные силы и внутренняя региональная интеграция для обеспечения безопасности республик бывшего СССР. ООН, НАТО, ОБСЕ, Совет Европы и Европейский союз вели на территории Латвии наблюдение и мониторинг конфликтов. Их действия в основном носили рекомендательный характер, и представители данных структур не являлись прямыми участниками урегулирования конфликтов.

Активность НАТО на постсоветском пространстве является следствием кризиса самоидентификации альянса, вследствие исчезновения Организации Варшавского Договора. В свою очередь, Европа имела некоторые опасения в связи с переносом баз НАТО на Восток, так как защищенность стран западной Европы снижалась. При этом страны постсоветского пространства проводили политику интеграции в Европейское (Западное) общество и желание сотрудничества с НАТО играло роль в интеграционных

²⁸⁸ Bleiere D. The Role of Central Europe in Baltic State Policies // *Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century*. 1999. P. 51 – 70.

²⁸⁹ Ozoliņa Ž. The Impact of EU and NATO Enlargement on Baltic-Nordic Cooperation // *Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century*. 1999. P. 71 – 122.

амбициях государств, а также в желании обладать западными технологиями безопасности и быть включенными в мощный геополитический альянс в области обеспечения безопасности. При этом следует отметить, что «... основной причиной установления диалогового поля между НАТО и государствами постсоветского пространства, а в более широком смысле – запуска тенденции построения региональной системы безопасности с опорой на внерегиональные силы является наличие острых конфликтных точек в регионе, вызванных таким явлением, как «вакуум безопасности»».²⁹⁰

Правительство Латвийской Республики делало заявления, что вступление в Европейский союз, НАТО, и ратификация пограничного договора с Российской Федерацией есть не что иное как улучшение обстановки в области безопасности. На политическую обстановку в Латвии влияют статус государства и его деятельность в составе НАТО, ООН, Европейского союза, деятельность в программе «Восточное партнерство», «Северное измерение», Совет государств Балтийского моря, а также внешняя политика государства.

Основа национальной внешней политики Латвии составляет членство государства в НАТО, что является гарантом системы безопасности. В свою очередь, основой надежного и стабильного развития Латвийской Республики является участие в Европейском союзе. Сторону Брюсселя Латвия принимает по вопросам взаимоотношений Европейского союза и Российской Федерации, при этом, что касается взаимоотношений с прибалтийскими республиками, Рига занимает более жесткую позицию, по сравнению с Литвой и Эстонией. Политические элиты Латвии призывают быть более бдительными в отношениях с Москвой по вопросам «Общей политики ЕС в области безопасности и обороны». Взаимоотношения Латвии и России в рамках «Балтийской стратегии ЕС» строятся на транспорте и логистике, диверсификации и либерализации регионального рынка, а также приграничного сотрудничества и экологии бассейна реки Даугавы. В программе «Восточное партнерство» Латвия видит свою роль в повышении репутации в НАТО, как западное присутствие у границ России. В «Северном измерении» латвийское правительство видит следующие приоритетные области сотрудничества: энергобезопасность, транспорт и логистику, экологию и здравоохранение. Форматом регионального сотрудничества является Совет государств Балтийского моря, ориентированный на объединяющие подходы прибрежных стран, общие интересы и проблемы. В направлении данной программы Латвия заинтересована в реализации энергетических и транспортных проектах, межрегиональном сотрудничестве, улучшении

²⁹⁰ Бабаджанов А.Я. Формирование диалогового пространства «НАТО постсоветские государства» // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 6. С. 42 – 46.

экологии Балтики, а также в развитие культурных обменов и противодействию преступности. Также в ООН Латвия придерживается линии Евросоюза и НАТО.²⁹¹

Н.М. Межевич и Л.С. Сазанович²⁹² отметили, что теоретически Латвия воспринимается, как государство не обладающая суверенитетом. Данное представление связано с восприятием Латвии, как государства-члена ЕС. Таким образом, в теории данное положение выглядит, как управление ЕС политическим и экономическим суверенитетом Латвии. Внешняя политика Латвии по отношению к России вне теории носит агрессивный характер, что является выбором правительства Латвии, а также продиктовано обязательствами отношений, в которых Латвия состоит с ЕС, НАТО и ОБСЕ.²⁹³ Н.М. Межевич отметил, следующее: «Все крупные инфраструктурные проекты государств Прибалтики так или иначе несут важную смысловую политическую нагрузку. Все они ориентированы на достижение ложно понимаемой гео-экономической независимости, игнорирование объективных законов рынка и логики международного разделения труда».²⁹⁴

По мнению А. Странга²⁹⁵ Россия никогда не имела логичной политики и определенных целей, которые она хотела бы достичь в Латвии. Различные политические и экономические деятели расходились во мнениях по данному вопросу, но единодушны они были в желании «наказать» Латвию за прозападный курс, за отказ удовлетворить интересы российских олигархов в достаточной степени, а также непримиримость к проблеме русскоязычных жителей в Латвии.

Между Россией и НАТО существовал ряд проблем. Проблемы возникали в основном от взаимного недоверия со времен «Холодной войны». Россия всегда возражала против расширения НАТО, которое она воспринимала как угрозу. Москва также всегда пыталась навязать свою волю и интересы при формировании мирового порядка, безопасности, и поддерживать свой авторитет в странах, ранее являвшихся частью СССР.²⁹⁶

²⁹¹ Наумов А.А. Приоритеты Внешней политики Латвии на современном этапе // Власть. 2012. № 10. С. 117 – 120.

²⁹² Межевич Н.М., Сазанович Л.С. Современные проблемы Российско-латвийских отношений // Балтийский регион. 2013. № 3 (17). С. 93 – 106.

²⁹³ Межевич Н.М. Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 1. С. 26 – 47.

²⁹⁴ Межевич Н.М. Внешняя политика государств Прибалтики и крупные инфраструктурные проекты 2010 – 2014 годов // Балтийский регион. 2014. № 1 (19). С. 7 – 28.

²⁹⁵ Stranga A. Baltic-Russian Relations 1998 – 99 // Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 123 – 148.

²⁹⁶ Bungs D. The EU and NATO, Their Policies Toward Neighbouring Countries, Especially Countries of Central Europe, the South Caucasus, and the Russian Federation // An England Europe and Its Neighbourhood Policy: the Eastern Dimension – Research Project – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2004. P. 6 – 28.

Сегодня проблемами развития и защиты национальных меньшинств занимаются международные организации и институты ООН. Действия международных организаций по защите прав национальных меньшинств, главным образом, направлены на предотвращение возможных конфликтов. В ООН существует целый ряд институтов, занимающихся проблемами национальных меньшинств, таких как Комитет по ликвидации всех форм расовой дискриминации, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, ЮНЕСКО и прочие.

На территории Европы основную поддержку и защиту прав национальных меньшинств оказывает Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В июне 1992 г. ОБСЕ учредила пост Верховного Комиссара по правам национальных меньшинств, что является основным механизмом предотвращения конфликта на ранней стадии. Основная цель Верховного Комиссара по правам национальных меньшинств заключается в обеспечении заблаговременного предупреждения и срочных действий при возникающей напряженности, касающихся проблем национальных меньшинств. Его деятельность основывается на доверии и независимости от сторон, вовлеченных в конфликт.²⁹⁷

§ II.2. РАЗЛИЧИЯ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЛАТВИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РУССКОЯЗЫЧНОМУ НАСЕЛЕНИЮ

Внешнеполитическая стратегия Латвии по вопросам, связанным с периодами, когда государство входило в состав СССР и по положению русскоязычного населения, уже после восстановления независимости, представлена следующим образом. Период с 17 июня 1941 г. по 21 августа 1991 г. в Латвии признан «оккупацией». Латвийское правительство заявляет, что в течение двух месяцев в 1940 г. юридический статус Латвии резко изменился. Советские вооруженные силы «оккупировали» страну 17 июня, а 5 августа процесс аннексии Латвии был полностью завершен, и Латвия была присоединена к СССР. Тем не менее, Латвийская республика продолжала существовать де-юре в качестве субъекта международного права.

Хотя «советский оккупационный» режим уничтожил существующие государственные и общественные учреждения, он не смог уничтожить дипломатическую службу Латвии. В течение последующих 50-ти лет, дипломатические и консульские

²⁹⁷ Немечкин В.Н. Пути совершенствования механизма реализации прав национальных меньшинств в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 122 – 125.

миссии продолжали представлять Латвийскую республику де-юре в остальной части мира. Их деятельность носила правовую и экономическую основы.

17 мая 1940 г. Кабинет Министров Латвии предоставил чрезвычайные полномочия К. Зариньшу, который был послом Латвии в Великобритании. К. Зариньш был уполномочен защищать интересы Латвии, контролировать работу представительств Латвии за рубежом и отвечать за государственные финансы. 23 июля 1940 г. заместитель госсекретаря США С. Уэллс выступил с заявлением, которое определило американскую политику в отношении Эстонии, Латвии и Литвы во время Второй мировой войны и в последующие периоды. Вашингтон не признал ни де-факто, ни де-юре факт «оккупации» трех Балтийских государств и их включения в состав СССР. После смерти латвийского посла К. Зариньша в 1963 г. контроль за дипломатической и консульской службой в Латвии был передан в посольство Латвии в Вашингтоне.

Латвийские золотые резервы в иностранных банках послужили важной гарантией в дальнейшем существовании государственности Латвии. Правительство США позволило перевести часть вкладов в облигации. Доходы от облигаций были использованы для поддержания представительств Латвии, как в США, так и в других государствах.

В зависимости от точки зрения каждой из стран, в которых присутствовали латвийские дипломаты, по признанию «оккупации» Латвии де-факто, латвийские дипломаты работали либо в официальном качестве, либо в пределах личного дипломатического статуса. Статус почетных консулов мог быть также ограничен, так как в большинстве стран (кроме США) могли находиться и работать только действующие консулы.

Латышские организации в изгнании поддержали усилия своих дипломатических представительств по защите государственности Латвии. Используя все доступные законные средства, чтобы убедить политиков, правительства и международные организации, чтобы те не признавали де-юре «оккупацию» и аннексию Латвии.

В период с мая 1946 г. по апрель 1990 г. латвийские дипломатические и консульские представители провели 17 заседаний по разработке стратегий для поддержания юридически независимого статуса Латвии. 4 мая 1990 г. вновь избранные депутаты Верховного Совета заявили в Риге о восстановлении независимой и демократической Латвийской Республики. После формирования нового правительства, обсуждалась возможность сотрудничества между дипломатами в изгнании и министерством иностранных дел. В соответствии с протоколом о встрече в Вашингтоне 14 и 15 апреля 1991 г., сотрудники дипломатической службы в Латвии выразили

готовность сотрудничать с Министерством иностранных дел Латвийской республики. Позиция латвийских дипломатов имела решающее значение в период с 1988 по 1991 гг. – во время национального пробуждения и движения к независимости Латвии. Их позиция, что государство будет де-юре восстановлено вместе с конституцией от 1992 г., была существенным вкладом в сохранение государственности Латвии.²⁹⁸

Латвийское общество всегда было мультикультурным. Латвия уважительно относится к этническому, языковому и религиозному разнообразию. Так как Латвия вновь обрела независимость в 1991 г., политика интеграции стала ключевым внутривнутриполитическим вопросом. Предшествующие пятьдесят лет советской власти оставили сильное влияние на социальное, демографическое и экономическое развитие Латвии. Неотъемлемой частью восстановления независимости было восстановление статуса и прав тех лиц, которые были признаны в качестве граждан Латвии в соответствии с законом от 1919 г. о гражданстве, а также их потомков. Специальный временный статус был создан для граждан бывших республик СССР – а именно, статус для бывших граждан СССР, не имеющих гражданство Латвии или любой другой страны – неграждане.

По информации Министерства иностранных дел Латвии, Латвия успешно справляется с наследием советской эпохи в демократических рамках, и при должном уважении верховенства закона, прав человека и международной практики. Латвия ратифицировала все основные документы по правам человека, проконсультировалась с международными экспертами в области прав человека и следовала рекомендациям различных международных организаций (ООН, ОБСЕ, СЕ и т.д.) в ходе разработки соответствующего законодательства. Это позволило латвийскому законодательству обеспечить полное соответствие законодательных актов международным стандартам.²⁹⁹

Образование на языках национальных меньшинств является необходимым условием для сохранения культурной самобытности национальных меньшинств в Латвии, а также для обеспечения их интеграции в латвийское общество. Финансируемые государством программы образования национальных меньшинств в Латвии доступны на семи языках. Государственная поддержка программ образования на языках меньшинств в Латвии гораздо выше, чем во многих других европейских странах. Представители международных организаций, в ряде случаев, высоко оценили реформу образования

²⁹⁸ Архив Министерства иностранных дел Латвии. ««Внимание государственности Латвии» Иностранные сотрудники службы Латвии в изгнании в годы оккупации 17 июня 1941 – 21 августа 1991 года» // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/about-the-ministry/history-of-the-foreign-service/on-guard-for-latvia-s-statehood-latvia-s-foreign-service-staff-in-exile-during-the-years-of-occupation-june-17-1941-august-21-1991> [02.12.2014].

²⁹⁹ МИД Латвийской Республики. Интеграция общества в Латвии // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration> [05.11.2015].

национальных меньшинств, проведенную Латвией. Опыт Латвии в образовании национальных меньшинств привлек к себе интерес стран-членов Европейского Союза и других стран, таких как Грузия, Молдова, Кыргызстан, Таджикистан и т.д. Различные проекты сотрудничества и визиты организованы так, чтобы Латвия смогла продемонстрировать свой опыт реформ образования национальных меньшинств.³⁰⁰

Государственную финансовую поддержку в Латвии получают программы образования национальных меньшинств на семи языках: русском, польском, еврейском, украинском, эстонском, литовском и белорусском языках. В 2015/2016 учебном году 811 общеобразовательных школ получили государственное финансирование. Из них в 104 школах реализуются образовательные программы для национальных меньшинств. 94 школы, в которых образовательные программы проводятся билингвально, на латышском и на русском языке. 4 школы – на латышском и на польском языке, 1 школа – на латышском и на украинском, 1 школа – на латышском и белорусском, 2 школы – на иврите, 1 школа – на латышском и на литовском, и 1 школа – на латышском и эстонском языках.³⁰¹

До середины 1990-х гг. в Латвии существовали две разные системы школьного обучения – русская и латышская. Когда Закон о государственном языке вступил в силу в 2000 г. – умение говорить на латышском языке стало неотъемлемой частью жизни, как в государственном, так и в частном секторе. По этой причине было необходимо создать систему образования, способную обеспечить равные возможности при трудоустройстве и в получении дальнейшего образования. Необходимо было обеспечить равные возможности для выпускников школ, как с латышских, так и школ, реализующих программы образования национальных меньшинств. Таким образом, удалось достичь результатов, когда 60% обучения проводится на латышском языке, а 40% на языках национальных меньшинств или билингвально.

Новый Закон об образовании был принят в 1998 г. рабочей группой, состоящей из представителей международных экспертов, руководителей школ национальных меньшинств, учителей и экспертов из министерства образования и науки. Их решения были основаны на опыте других европейских государств, в которых были реализованы программы обучения национальных меньшинств. Закон об образовании обеспечивает прочную основу для национальной системы образования. Закон гарантирует, что образовательные программы, национальных меньшинств, включают в себя необходимые

³⁰⁰ МИД Латвийской Республики. Образование меньшинств в Латвии // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia> [19.02.2015].

³⁰¹ МИД Латвийской Республики. Образование меньшинств: статистика и тенденции // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia/minority-education-statistics-and-trends> [21.03.2016].

знания об этническом культурном наследии и для изучения латышского языка. Знания латышского языка впоследствии дает возможность интеграции в гражданское общество Латвии.³⁰²

Результаты централизованных национальных экзаменов показывают, что результаты экзаменов в латвийских школах аналогичны тем, которые проводятся в школах, где проводятся программы образования национальных меньшинств. Учащиеся в школах национальных меньшинств получают более высокие баллы по математике и физике, чем учащиеся школ с латышским языком обучения. Кроме того, число школьников, которые выбирают латышский язык для сдачи экзаменов, увеличивается.

Реформа образования привела к повышению знаний латышского языка среди молодого поколения национальных меньшинств. В свою очередь, результаты централизованных экзаменов показывают, что языковые изменения программ образования национальных меньшинств, не оказали существенного влияния на успеваемость школьников и результаты централизованных экзаменов.³⁰³

Система образования в Латвии ведется на трех уровнях – национальном, муниципальном и институциональном. Сейм, Кабинет министров и Министерство образования и науки являются основными органами принятия решений на национальном уровне. Министерство образования и науки занимается разработкой и реализацией политики в области образования, осуществляет контроль образовательных учреждений, устанавливает образовательные стандарты и определяет требования к профессиональной подготовке учителей.

Право на получение образования в Латвии имеет каждый гражданин Латвийской Республики, обладатели паспортов неграждан, граждане Европейского союза, граждане стран Европейской экономической зоны и Швейцарии, постоянные жители Европейского сообщества, имеющие вид на жительство в Латвии, граждане третьих стран и лица без гражданства, которые имеют вид на жительство в Латвии, лица имеющие статус беженца, а также лица, получившие временную защиту в Латвии.³⁰⁴

В Законе об образовании от 01.06.1999 в статье 41 «Программа образования для меньшинств» указано, что программы образования для меньшинств должны способствовать интеграции в латвийское общество, а также способствовать изучению

³⁰² МИД Латвийской Республики. Почему реформа образования национальных меньшинств была необходима в Латвии // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia/why-national-minority-education-reform-was-needed-in-latvia> [19.02.2015].

³⁰³ МИД Латвийской Республики. Итоги реформ // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia/changes-in-the-educational-content-and-students-exam-performance> [05.11.2015].

³⁰⁴ Izglītības un zinātnes ministrija // URL: <http://www.izm.gov.lv/lv/>.

национальной культуры Латвии.³⁰⁵ Работа Министерства образования и науки Латвийской республики опирается на такие законы, как Всеобщий закон об образовании³⁰⁶, Закон о профессиональном образовании³⁰⁷, Закон о высшей школе³⁰⁸, Закон о государственном языке³⁰⁹ и другие государственные законы³¹⁰.

Центр государственного языка работает под руководством министра образования и науки³¹¹. Основной целью центра является укрепление статуса и устойчивое развитие латышского языка, как государственного языка Латвийской Республики и официального языка Европейского союза. Центр государственного языка анализирует ситуацию латышского языка и динамику социолингвистических процессов, обеспечивает поддержку латышскому языку в Латвии и за рубежом, осуществляет меры по повышению конкурентоспособности латышского языка в Латвии, так и за ее пределами.

Основными задачами центра помимо анализа социолингвистических процессов являются также меры, направленные на приобретения знаний латышского языка как второго и иностранного языка на всех этапах образования. Оказание поддержки национальным меньшинствам в образовании на латышском языке. Планирование, осуществление и контроль за реализацией проектов, связанных с приобретением знаний латышского языка, методики преподавания и межкультурной коммуникации. Поддержка диаспоры в обучении, сохранении и развитии латышского языка, а также оказание содействия для изучения латышского языка в зарубежных университетах. Разработка учебных материалов, словарей, научной литературы и других методических материалов. Разработка терминологии и информационных технологий, в том числе организация конкурсов по проектам развития латышского языка. Организация и поддержка разработки информационных и образовательных ресурсов. Предоставление консультаций по использованию латышского языка, например, помощь при написании иностранных имен лиц на латышском языке.³¹²

Далее рассмотрена проблема государственного языка и то, каким образом языковая политика Латвии влияет на русскоязычное население. В Руководстве государственной

³⁰⁵ Latvijas Vēstnesis. Izglītības likums // URL: <http://likumi.lv/ta/id/50759-izglitibas-likums> [17.11.1998].

³⁰⁶ Latvijas Vēstnesis. Vispārējās izglītības likums // URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=20243> [30.06.1999].

³⁰⁷ Latvijas Vēstnesis. Profesionālās izglītības likums // URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=20244> [30.06.1999].

³⁰⁸ Latvijas Vēstnesis. Augstskolu likums // URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=37967> [17.11.1995].

³⁰⁹ Latvijas Vēstnesis. Valsts valodas likums // URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=14740> [21.12.1999].

³¹⁰ Izglītības un zinātnes ministrija. Likumi // URL: <http://www.izm.gov.lv/lv/normativie-akti/likumi>.

³¹¹ Latviešu valodas aģentūra // URL: http://www.valoda.lv/Agenturas_darbiba/Agenturas_darbiba/653/mid_493.

³¹² Mērķis un uzdevumi. Latviešu valodas aģentūra // URL: http://www.valoda.lv/Agenturas_darbiba/Merkis_un_uzdevumi/758/mid_565.

языковой политики на 2005 – 2014 гг.³¹³ отмечено, что для проведения успешной политики государственного языка, необходимо объединить и скоординировать усилия, исходя из материалов изложенного в руководстве. В руководстве сформулированы следующие проблемы. Языковая конкуренция латышскому языку нежелательна. В возросшей языковой конкуренции латышской лингвистической зоны снизилась активность применения латышского языка. Латышский язык имеет недостаточное и неравномерное использование. Этнодемографическая ситуация в больших городах Латвии показывает необходимость проведения социолингвистических мероприятий, которые ускорят расширение влияния латышского языка.

Неполноценное функционирование государственного языка. Проблематичным является применение государственного языка в полиции, общественном транспорте и производственной сфере, особенно в частных предприятиях, а также при подаче публичных заявлений. Государственный язык необходимо использовать как средство неформальной коммуникации.

Несовпадающие номинальные и фактические социолингвистические функции между государственным языком и русским языком. Такая ситуация показывает коллективную лингвистическую удовлетворенность русским языком, которая затрудняет процесс интеграции и освоение латышского языка.

Низкий уровень латышского языка в профессиональной сфере. Уровень латышского языка не улучшается, постепенно снижается уровень знания физических и юридических лиц, что связано с современными языковыми нормами терминологии, правописания, грамматики и с возможностью выбора разных вариантов языковых стилей.

Угрожающее культурное окружение латышского языка. Условия глобализации угрожают применению государственного языка и его уровню, что угрожает традициям языка и угрожает государственному языку, как основному элементу идентичности.

Недоброжелательность в лингвистическом соответствии. В латышском обществе по-прежнему сохранились стереотипы, мешающие реально воспринимать языковую ситуацию, что показывает несоответствие между официальным статусом языка и лингвистическим поведением говорящих. Наблюдается ситуация, когда язык коммуникации используется по выбору, что усложняет общественную интеграцию государственного языка.

³¹³ Valsts valodas politikas pamatnostādnes 2005. – 2014. gadam // URL: http://www.valoda.lv/images/stories/Guidelines_of_the_State_Language_policy_for_2005-2014.pdf.

Латышские социальные группы в качестве идентификации могут постепенно избрать глобальные субкультуры и информационное поле других государств, что может повлиять на дезинтеграцию в обществе.

Новые эффективные инструментарии языковой политики могут обеспечить статус государственного языка и его перспективное развитие, но в обществе часто игнорируется 4-ый пункт Конституции Латвийской Республики, где отмечено, что государственным языком в Латвийской Республике является латышский язык.

Основными принципами латвийской языковой политики с 1989 г. являются такие положения, как государственным языком в Латвии является латышский язык. А также то, что государство гарантирует возможность сохранения, развития и использования в определенных областях языков меньшинств, проживающих в Латвии. Основные принципы основаны на идее языковой юридической иерархии с приоритетом государственного языка. Таким образом, сохраняются права человека, как латышского населения, так и права меньшинств.

Основными целями государственной языковой политики являются – внедрение основных принципов латышского языка в юридическую, образовательную и лингвистическую сферы. Полноценное юридическое функционирование латышского языка. Повышение уровня знаний латышского языка меньшинств, проживающих на территории Латвии. Внедрение норм и стандартов государственного языка во все сферы общественной жизни. Усиление влияния латышского языка в информационном пространстве. Осуществление развития и популяризации латышского языка с помощью литературы и искусства.

Уровни знания государственного языка. В Латвии установлены три уровня знания государственного языка: базовый уровень – уровень А, средний уровень – уровень В, высший уровень – уровень С. У каждого уровня есть две степени: 1 – низшая степень, 2 – высшая степень.³¹⁴

Разговорный язык (латышский язык): базовый уровень. Базовый уровень первой категории степени (A1) – используя фразы и короткие предложения, персона может общаться на простые повседневные темы, минимально используя профессиональную лексику. Может прочитать и понять короткие и простые тексты (например, объявления, реклама, заявления). Может написать персональную информацию (имя, фамилия, адрес, образование, занятость), а также воспринимать и понимать в медленном темпе произнесенный текст небольшого объема и элементарной структуры на знакомые темы.

³¹⁴ Valsts izglītības satura centrs. Valsts valodas prasmes pārbaudes norise // URL: <http://visc.gov.lv/valval/norise.shtml>.

Основной уровень второй категории степени (A2) – персона может общаться на повседневные темы, а также на определенные профессиональные темы. Может читать и понимать простые тексты про быт и работу, может заполнить типовые документы (например, бланки, счета, квитанции). Может написать небольшие тексты с информацией о себе, воспринимает и понимает в непринужденном темпе сказанную небольшого объема информацию на темы, связанные с работой и бытом.

Разговорный язык (латышский язык): средний уровень. Средний уровень первой степени (B1) – персона может принять участие в диалоге на бытовые темы или знакомые ему профессиональные темы. Коротко сформулировать свое мнение, читать и понимать тексты простого содержания на различную тематику. Может заполнить типовые документы (например, заявления, полномочия, акты), а также простые тексты на бытовые или профессиональные темы. Воспринимает и понимает сказанные в естественном темпе тексты простой структуры на профессиональные или бытовые темы.

Средний уровень второй степени (B2) – персона может общаться на бытовые и профессиональные темы, ясно формулировать и обосновывать свое мнение, читать и понимать тексты различного содержания. Может составить необходимые на работе документы (например, справки, отчеты, протоколы, извещения, акты), а также развернутые тексты на бытовые и профессиональные темы. Воспринимает и понимает сказанные в естественном темпе тексты на различные темы.

Разговорный язык (латышский язык): высший уровень. Высший уровень первой степени (C1) – персона может свободно беседовать. Достаточно развернуто высказать свое мнение на различные темы, читать и понимать тексты различного содержания и степени сложности. Может написать всевозможные деловые письма (например, рекомендации, характеристики, официальные письма), а также другие тексты. Без проблем воспринимает и понимает сказанные в естественном и быстром темпе различной структуры и на всевозможные темы тексты.

Высший уровень второй степени (C2) – персона может абсолютно свободно беседовать, развернуто дискутировать на всевозможные темы (также на менее известные и сложные темы и проблемы). Может сформулировать разговор соответственно ситуации, варьировать средства языковой выразительности. Полностью понимать всевозможного содержания, степени сложности и стиля тексты, а также понимать подтекст и смысловые

нюансы. Может составить различного типа документы, а также другие тексты, воспринимает и понимает в любом темпе тексты различной структуры и тематики.³¹⁵

Основные требования к профессиональной квалификации представлены на сайте центра государственного образования³¹⁶, где также изложены основные требования к категориям знания латышского языка в той или иной профессиональной деятельности. Так, первая категория латышского языка допускается только для лесничего, человека, который будет заниматься сельским, лесным и рыбным хозяйством.³¹⁷ Вторая категория государственного языка необходима для работы в производственной и перерабатывающей отраслях промышленности³¹⁸, для электрослесаря³¹⁹ и электромонтера³²⁰. А также для представителей частных услуг, а именно для гримеров³²¹ и для операторов парфюмерной и косметической отрасли³²². Третьей категорией латышского языка в отрасли инженерных знаний и технологий, должны владеть технологи электромонтажных сетей, технологи завода электротехнического оборудования, технолог в сельском энергетическом хозяйстве, технолог электрических сетей, технолог парфюмерного и косметического производственного процесса. В отрасли частных услуг, третьей категорией латышского языка должны владеть специалисты ресторанных и гостиничных услуг. В отрасли управления и торговли, и администрировании, должны владеть третьей категорией управляющие рекламных услуг, управляющие в розничной торговле и управляющие в туристическом секторе. В инженерно-технической отрасли третьей категорией должны владеть технологи производства химических материалов. Профессиональные требования

³¹⁵ Ventspils augstskola. Государственный язык // URL: <http://venta.lv/ru/neprreryvnoe-obrazovanie/yazykovye-kursy/gosudarstvennyj-yazyk/>.

³¹⁶ Valsts izglītības centrs. Profesionālās kvalifikācijas pamatprasības // URL: <http://visc.gov.lv/profizglitiba/pkp.shtml> [Pēdējās izmaiņas - 09.10.2014].

³¹⁷ Saskaņots. Profesionālās izglītības un nodarbinātības trīspusējās sadarbības apakšpadomes 2013. gada 20. marta sēdē protokols Nr.2. Mežstrādnieka profesionālās kvalifikācijas pamatprasības // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0012.pdf.

³¹⁸ Saskaņots. Profesionālās izglītības un nodarbinātības trīspusējās sadarbības apakšpadomes. 2013. gada 30. janvāra sēdē protokols Nr. 1. Piegriezēja profesionālās kvalifikācijas pamatprasības // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0001.pdf.

³¹⁹ Saskaņots. Profesionālās izglītības un nodarbinātības trīspusējās sadarbības apakšpadomes. 2013. gada 30. janvāra sēdē protokols Nr. 1. Elektroatslēdznieka profesionālās kvalifikācijas pamatprasības // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0004.pdf.

³²⁰ Saskaņots. Profesionālās izglītības un nodarbinātības trīspusējās sadarbības apakšpadomes. 2013. gada 20.marta sēdē protokols Nr. 2. Gaisvadu un kabelīniju elektromontiera profesionālās kvalifikācijas pamatprasības // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0007.pdf.

³²¹ Saskaņots. Profesionālās izglītības un nodarbinātības trīspusējās sadarbības apakšpadomes. 2013. gada 20.marta sēdē protokols Nr. 2. Grimētāja profesionālās kvalifikācijas pamatprasības // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0009.pdf.

³²² Saskaņots. Profesionālās izglītības un nodarbinātības trīspusējās sadarbības apakšpadomes. 2013. gada 20.marta sēdē protokols Nr. 2. Parfimērijas un kosmētikas ražošanas operatora profesionālās kvalifikācijas pamatprasības // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0011.pdf.

к образованию по тем или иным профессиям прописаны в требованиях на сайте Центра государственного образования³²³.

Исходя из, описанных выше, рекомендаций для проведения языковой политики, латвийское правительство осуществляло свою деятельность согласно пунктам, которые приведены в рекомендации на период 2005 – 2014 гг. Следует отметить, что также разработаны рекомендации на период 2015 – 2020 гг.³²⁴ Таким образом, было отмечено, что одной из главных проблем государственного языка, было недостаточное его применение в частной жизни и на рабочих местах. Прецедент, который произошел в начале 2014 г. дает понимание каким образом латвийское правительство боролось с препятствиями, которые, по мнению правительства, затрудняли проведение языковой политики.

В январе 2014 г. Центр государственного языка посчитал недопустимым, чтобы работники, выполняя служебные и профессиональные обязанности, общались между собой на иностранном языке. По заявлению Центра государственного языка: «Закон о государственном языке не распространяется на использование языка в неофициальном общении жителей Латвии, но если общение работников между собой слышат другие люди – пассажиры общественного транспорта, посетители офисов и учреждений, покупатели в магазинах, то такое общение считается официальным».³²⁵ До этого прецедента, в центр были поданы заявления о том, что на предприятиях, где работники выполняют свои служебные обязанности в присутствии других людей (например, в магазинах, общественном транспорте, офисе или других учреждениях), они общаются между собой на иностранном языке (чаще всего на русском).

Также представители Центра отмечали, что жителей Латвии интересует, почему должностные лица дают интервью СМИ на иностранных языках. «Государственные должностные лица, давая интервью в СМИ, особенно зарегистрированным в Латвийской Республике, должны бы пользоваться только латышским языком, выказывая тем самым уважение к Латвийскому государству и государственному языку». В связи с чем, представители Центра заявили, что Латвия является единственным местом в мире, где латышскому языку может быть гарантировано существование и развитие. В свою очередь, сужение сферы использования латышского языка как государственного языка на

³²³ Valsts izglītības satura centrs. Profesiju standarti no 2008. gada // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/stand_registrs.shtml.

³²⁴ Ministru kabineta 2014. gada 3. novembra rīkojums Nr. 630. Valsts valodas politikas pamatnostādnes 2015. – 2020. gadam (informatīvā daļa) текст доступен по ссылке // URL: http://www.valoda.lv/Agenturas_darbiba/Agenturas_darbiba/653/mid_493.

³²⁵ Valsts valodas centrs // URL: <http://www.vvc.gov.lv/advantagecms/LV/aktualitates/index.html>.

территории Латвии считать угрозой для его статуса. Исходя из данного положения, Центр государственного языка призвал каждого работодателя обсудить с работниками значение использования государственного языка при выполнении профессиональных обязанностей. Что касается должностных лиц, то их призвали использовать латышский язык при общении со СМИ.³²⁶

Данное заявление было достаточно остро воспринято общественностью и потребовало комментариев. Представительница центра С. Павулена заявила, что призыв использовать на рабочих местах латышский язык, является рекомендацией, а не требованием. «Центр госязыка решил таким образом призвать работников и должностных лиц уважать нашу страну и наш язык. Если вы на работе используете в общении между собой только иностранный язык, когда клиенты компании, где вы работаете, этого не слышат, то это считается неофициальным общением. Но если иностранный язык используется в присутствии клиентов, то таким образом собеседники не выражают уважения к государственному языку. Так или иначе, ни один нормативный акт не запрещает общение на иностранном языке, это просто призыв, в частности, к государственным должностным лицам давать интервью СМИ на латышском языке. Как известно, в нашей стране один государственный язык – латышский, поэтому официальным лицам страны, давая интервью СМИ, следует использовать только его».³²⁷

В свою очередь, финансовое положение национальных меньшинств в Латвии (русскоязычные жители). Показатели безработицы в Латвии за апрель 2013 г. по возрастным группам свидетельствуют о том, что самый высокий показатель безработицы как среди женщин (15 511 человек), так и среди мужчин (14 051 человек) наблюдался у лиц в возрасте 45 – 54 лет. Следующий высокий показатель среди женщин (12 343) и мужчин (9 881) зафиксирован в возрасте 34 – 44 лет. Количество безработных в возрасте от 24 до 34 лет среди женщин равно 12 350 человек, а среди мужчин, того же возраста, 7 899 человек. В возрасте 55 – 59 лет среди женщин было зафиксирован в апреле 2013 г. – 8 693 человека, среди мужчин – 7 511 человек. Предпоследней была группа лиц в возрасте от 15 до 24 лет, где количество безработных женщин составило 5 812 человек, среди

³²⁶ Mixnews.lv. Центр госязыка призвал говорить на рабочем месте по-латышски // URL: http://www.mixnews.lv/ru/society/news/168347_centrgosyazyka-prizval-govorit-na-rabo4em-meste-po-latyshski/ [18.01.2015].

³²⁷ Mixnews.lv Центр госязыка: использование латышского на работе – призыв, а не требование // URL: http://www.mixnews.lv/ru/exclusive/news/168443_centrgosyazyka-ispolzovanie-latyshskogo-na-rabote-prizyv-a-ne-trebovanie-audio/ [19.01.2015].

мужчин – 4 400 человек. Среди лиц в возрасте от 60 лет и старше количество безработных женщин составило 2 296 человек, среди мужчин – 2 013.³²⁸

Самый высокий показатель среди безработных с дипломом о высшем образовании в апреле 2013 г. был зафиксирован среди экономистов – количество безработных 2 034 человека. Вторыми в данном списке были инженеры – 1 798 человек, третьими учителя – 1 324. Статистика за апрель 2014 г. выявила некоторое снижение уровня безработицы, так количество безработных в возрасте 45 – 54 лет среди женщин составило 13 233 человек, среди мужчин – 12 072 человека. Некоторые изменения, также произошли, и в показателях среди безработных с дипломом о высшем образовании. Так, количество безработных среди экономистов в 2014 г. составило 1 930 человек, инженеров – 1 570, а третье место заняла профессия директора/руководителя – 1 327 человек, четвертая позиция – учителя – 1 188 человек.³²⁹

Министерство благосостояния, комментируя высокий уровень безработицы среди молодежи, отмечало, что причиной данной проблемы является недостаточный уровень образования. По данным статистического бюро “Eurostat” за 2013 г., безработных среди молодежи со средним или основным образованием – в два раза больше, чем среди молодых людей с высшим образованием. В свою очередь, молодым безработным, которые получили образование или профессиональную квалификацию, часто не хватает предыдущего опыта работы, необходимого на рынке труда, навыков коммуникации, знания компьютерных технологий и языков. Также было отмечено, что не у всех молодых людей есть навыки поиска работы и не всем доступна информация о востребованных на рынке труда профессиях и вакансиях. Так как в основной школе молодые люди в основном получают теоретические знания, они часто не имеют ясного представления о работе (работа воспринимается в основном только как возможный источник дохода), трудовых отношениях, трудовом праве и о других вопросах.³³⁰

В свою очередь, проблемы, с которыми сталкиваются безработные русскоязычные жители Латвии, связаны также с сокращением числа русских школ и введением системы билингвального образования, что влияет на их интеллектуальное развитие. По данным переписи населения за 1989 г. и 2000 г. доля имеющих высшее образование, среди русскоязычных жителей была выше, чем у латышей, то перепись населения 2011 г.

³²⁸ Nodarbinātības valsts aģentūra. Pārskats par bezdarba situāciju valstī 2013. gada aprīlī // URL: <http://www.nva.gov.lv/index.php?cid=6&mid=444&txt=451&t=stat> [14.05.2013].

³²⁹ Nodarbinātības valsts aģentūra. Bezdarba rādītāji un NVA aktivitātes 2014. gada aprīlī // URL: <http://www.nva.gov.lv/index.php?cid=6&mid=470&txt=475&t=stat> [16.05.2014].

³³⁰ LETA. 58% молодых безработных в Латвии не имеют среднего образования // URL: <http://www.infotop.lv/article/ru/58-molodih-bezrobotnih-v-latvii-ne-imejut-srednego-obrazovaniya> [13.10.2015].

показала, что количество русскоязычных жителей с высшим образованием, по сравнению с латышами, сократилось. Количество латышей с высшим образованием составляет 24%, количество русскоязычных – 23%. Разница наиболее существенна среди населения в возрасте от 25 до 44 лет, где количество русскоязычных с высшим образованием равно 27%, а латышей – 35%.

Высшее образование повышает шансы на получение высокооплачиваемой работы, в то время как его отсутствие свидетельствует о низком материальном достатке. Что позволяет говорить о существующей разнице между средними доходами латышей и русских. Данная проблема усугубляется также положением русскоязычных неграждан, так как по законам Латвийской Республики³³¹ данная группа населения ограничена в возможности работать на некоторых должностях в политической, государственной, административной и научной сферах. Таким образом, русскоязычных жителей Латвии, работающих в административной сфере, научной, творческой крайне мало. Большое количество неграждан работает в качестве квалифицированных работников физического труда.

Со времени обретения независимости Латвии, доля безработных среди русскоязычного населения была выше, чем у латышей. В середине 1990-х гг. безработных среди русскоязычного населения было 19%, среди латышей – 14%. Экономический кризис 2008 г. увеличил данные расхождения в уровне доходов и занятости населения между двумя группами населения, так как большинство русскоязычных были заняты в наиболее пострадавших от кризиса сферах. Необходимо также отметить, что неграждане лишены возможности работать в странах Европейского союза.

Если в первой половине 1990-х гг. проблема безработицы русскоязычных жителей Латвии в основном была связана с незнанием латышского, то в последующие периоды времени данная проблема была вызвана ужесточением языковой политики. Несмотря на то, что система образования в Латвии практически полностью переведена на латышский язык, сдать государственный экзамен по языку на высшую категорию русскоязычные школьники могут за редким исключением. Что впоследствии является препятствием при поступлении на бюджетные места в вузах Латвии, а это уже ведет к невозможности получить высшее образование, так как не все семьи могут позволить дать высшее образование своим детям на коммерческой основе. Что является, как уже было отмечено

³³¹ Latvijas krievu savienība. Перечень различий в правах граждан и неграждан – постоянных жителей Латвии // URL: <http://www.rusojuz.lv/ru/other/razlichija-v-pravah-grazhdan-i-negrzhdan/15031/> [12.04.2006].

выше, еще одним ограничением на рынке труда к получению более высоко оплачиваемой работы.³³²

Таким образом, в Латвии сложилась ситуация, когда этнические русские имеют статус негражданина и подвергаются дискриминации, а именно их права отличаются от прав граждан Латвии. Этнические русские, как нацменьшинство не имеют права участвовать в выборах, также возможности получения образования на родном языке с каждым годом уменьшаются. При этом Латвийская Республика обозначило правила интеграции, когда после сдачи экзаменов государственного языка и присяги человеку выдается паспорт гражданина. Препятствием к интеграции часто служат следующие факторы не достаточное знание государственного языка (чаще всего это проблема относится к старшему поколению), наряду с этим молодое поколение, которое родилось в Латвии до распада СССР, но считают Латвию свое родиной, полагают что гражданство им должно быть предоставлено автоматически на правах, рожденных в Латвии граждан.

Дискриминация нацменьшинств и проблема неграждан являлись основными причинами длительного рассмотрения Латвии как кандидата на вступление в Совет Европы и Европейский Союз.

Латвийское правительство проводит политику защиты государственного языка, подчеркивая, что Латвия – это единственное государство, где латышский язык имеет возможность существовать и развиваться. Данное положение, а также постоянное упоминание об оккупации Латвии и национальная политика дают возможность правительству вводить законы об образовании и о государственном языке, в которых отсутствуют принципы защиты языков меньшинств. Данное положение не признается латвийским правительством, так как став полноправным членом Евросоюза и вступив в европейское демократическое сообщество, необходимо соблюдать политику мультилингвализма. Таким образом, Латвия находится в положении, когда внутри государства необходимо проводить политику по защите национального языка от угрозы со стороны русского языка, который и является, исходя из заявлений сотрудников Центра государственного языка, основной угрозой существования и развития латышского языка. При этом на внешнеполитической арене при взаимодействии с институтами Европейского Союза необходимо говорить о важности, поддержки и проведении политики мультилингвализма.

³³² Baltnews.lv. Солопенко А. Русские в Латвии. Сколько их было, есть и будет // URL: <http://baltnews.lv/news/20151207/1015123139.html> [07.12.2015].

§ II.3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЛАТВИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ ПОСЛЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

В составе СССР Латвия, наравне с Литвой и Эстонией, воспринималась как единый регион Прибалтийских государств. Во время существования Латвийской ССР, правительство Советского союза вкладывала в государство большие инвестиции, а также проводило различные экономические эксперименты. Данный регион должен был являться показателем высоких достижений Советского союза. Таким образом, экономическое положение Прибалтики в составе СССР было выше, чем экономическое положение других союзных республик. Так как страны Прибалтики имели общие границы со странами Запада, то данный регион служил, главным образом, целью показать странам Запада, как быстро развивается Советский союз. Но Латвия, Литва и Эстония всегда отличались от других стран СССР менталитетом. К началу 1990-х гг. в данном регионе активно развилась идея об их общей системе ценностей с Европой. Но это не говорит о том, что правительства стран региона Прибалтики были инициаторами о выходе из состава СССР. Были выдвинуты лишь требования о передаче полномочий в управлении народным хозяйством и обществом, а также децентрализации элементов рыночной экономики. Подобные требования были выдвинуты и другими союзными республиками. «Практические очертания мечты прибалтов об отделении начали вырисовываться лишь через год, к весне 1990 г., когда стали вполне очевидными провалы центрального руководства в области внутренней и внешней политики и обнаружилось его почти катастрофическое отставание от бурно развивавшихся процессов демократизации общества и государства».³³³

Вступив в Совет Европы, Европейский союз, НАТО, представители Латвии достаточно часто выступают с антироссийскими заявлениями, что вызвано, прежде всего, желанием задеть Россию. Большую роль в обострении отношений Латвии с Россией сыграла идея национал-радикал о построение монокультурного латвийского общества. Также немаловажным является внешнеполитическая ориентация на Запад, что, в свою очередь, провоцирует к более острым высказываниям по отношению к России, чтобы показать свою ориентацию на Вашингтон и Брюссель. Также до сих пор существует негодование правительства Латвии по поводу того, что Латвия все еще является не до конца независимой от энергетики России. Взаимные претензии также существуют. У России к Латвии это, прежде всего, положение русскоязычного населения или неграждан.

³³³ Симонян Р.Х. Страны Балтии и распад СССР // Полис. Политические исследования. 2002. № 6. С. 151 – 154.

У Латвии к России – это «оккупация» Советским союзом. Сама идея об «оккупации» является основой конституции и правового регулирования в Латвии, что говорит о том, что даже в случае признания Россией «оккупации», как того добивается правительство Латвии, ничего не изменится (правовое положение русскоязычного населения Латвии, внешняя политика Латвии по отношению к России).³³⁴ «Оккупационная доктрина, принятая в странах Балтии, служит юридическим основанием для решения целого ряда как практических, так и политико-идеологических проблем. На ее основе происходит дискриминация сотен тысяч постоянных жителей этих стран (ограничения на занятие должностей, лишение права участвовать в парламентских выборах в Эстонии, а в Латвии помимо этого и в местных выборах), выдвигаются финансовые претензии к России».³³⁵

Международное признание восстановления независимости Латвии началось 22 августа 1991 г.³³⁶ В период 22.05.1990 – 10.11.1992 министром иностранных дел Латвии был назначен Я. Юрканс.³³⁷ Я. Юрканс был одним из немногих, кто рассматривал вопрос европейской идентичности, как вопрос безопасности. Усилия политических акторов в Эстонии, Латвии и Литве, подкрепленные взаимными заявлениями представителей Европейского союза, подчеркивающие европейскую идентичность стран Балтии и различия с Россией, создали границу между двумя сторонами и позволили странам Балтии повысить их безопасность, создав иную социальную реальность. В данной реальности страны Балтии представились в глобальном политическом сознании, как европейские государства за пределами сферы влияния России. Попытки повысить свою внешнюю безопасность посредством провозглашения европейской идентичности подорвали внутреннюю социальную сплоченность и социальную безопасность. Постоянно подчеркивая свою европейскую идентичность и различия с российским государством, страны Балтии – особенно Эстония и Латвия – укрепили этнические и культурные границы в своих собственных государствах. По мнению Я. Юрканса, без единого тождества во всех этнических группах Латвии не хватало бы сплоченности, необходимой для обеспечения функционирования общества. Переосмысление общества по этническому признаку может представлять угрозу для дальнейшего существования государства. Он утверждал, что безопасность может быть гарантирована только путем стабилизации

³³⁴ Симонян Р.Х. Россия и ее балтийские соседи: баланс мифов и взаимных обид // Россия и современный мир. 2008. № 3 (60). С. 149 – 167.

³³⁵ Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. События 1939 – 1940 годов в массовом сознании населения стран Балтии // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 19 – 33.

³³⁶ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Latvijas neatkarības atjaunošanas starptautiskā atzīšana 1991. gadā // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/izstades/latvijas-neatkaribas-atjaunosanas-starptautiska-atzisana-1991-gada> [23.11.2015].

³³⁷ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Jānis Jurkāns // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/janis-jurkans> [02.12.2014].

общества, что было бы невозможно без учета интересов некоренного населения. Таким образом, он критиковал националистических политиков за использование в Латвии воспаленного дискурса о России и русскоязычных меньшинствах, поскольку это бы создало в сознании латвийского народа образ «Врагов»: «Если я отношусь к вам как к врагу, вы станете моим врагом».³³⁸

Вторым министром иностранных дел Латвии, после восстановления независимости, в период 10.11.1992 – 07.06.1994 был назначен Г. Андреевс.³³⁹ Г. Андреевс поддерживал взгляды правительства Латвии, и в отличие от Я. Юркенса не критиковал латвийское правительство на международной арене. В апреле 1993 г. Г. Андреевс в ответ на письмо Верховного комиссара ОБСЕ отметил, что ситуация в Латвии является следствием долгих лет, которые Латвия переживала при советской оккупации. На тот момент времени в адрес латвийского правительства были сделаны рекомендации о необходимости создания закона о гражданстве. Латвийское правительство, в свою очередь, утверждало, что примет все рекомендации, а также возлагает большие надежды на плодотворное сотрудничество с ОБСЕ.³⁴⁰ После восстановления независимости латвийское правительство во внешней политике, в основном проводило работу, которая бы вызвала доверие европейских институтов и подтвердила готовность Латвии к евроинтеграции. Латвия должна была доказать, что это демократическая страна, уважающая права и свободы человека. А также, была необходимость в доказательстве того, что Латвия готова провести большую работу внутри государства, чтобы соответствовать общим европейским нормам.

С 1994 по 1999 гг. основными вопросами внешней политики Латвии были интеграция в ЕС, НАТО, вопросы обороны, отношения с Россией и сотрудничество стран Балтии.³⁴¹ Начиная с 1997 года, были определены задачи интеграции стран Балтии в евроатлантические структуры, а также развития сотрудничества всех стран Балтийского региона с США. «Эта инициатива американской администрации была призвана улучшить сотрудничество с семью Северными и Балтийскими странами, в том числе Финляндией, через упрочнение ползучей НАТО-интеграции».³⁴² В 1998 г. обсуждались

³³⁸ Mole R. The Baltic States from the Soviet Union to the European Union: Identity, Discourse and Power in the Post-Communist Transition of Estonia, Latvia and Lithuania. Routledge. 2012.

³³⁹ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Georgs Andrejevs // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/georgs-andrejevs> [02.12.2014].

³⁴⁰ OSCE. REF. No 238/93/L/Rev // URL: <http://www.osce.org/hcnm/30608?download=true>.

³⁴¹ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. V.Birkavs: Latvijai un Lietuvai ir kopēji mērķi // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15265-v-birkavs-latvijai-un-lietuvai-ir-kopeji-merki> [02.02.1999].

³⁴² Новикова И.Н., Межевич Н.М., Тараканова А.Д. Финляндия в НАТО: дискуссия 2015 – 2016 годов и позиции политических партий // В сборнике: Прибалтийские исследования в России Материалы

взаимоотношения России с ЕС и НАТО, а также проблемы регионального сотрудничества.³⁴³ При проведении встречи в 1999 г. с послом США Дж. Холмсом В. Биркавс (министр иностранных дел Латвии с 07.06.1994 по 16.07.1999)³⁴⁴ отмечал начало позитивного практического диалога Латвии с Россией.³⁴⁵ Латвийские экономические отношения с Россией претерпевали изменения.³⁴⁶ Учитывая экономический потенциал России по сравнению с Латвией, важно было определить, где взаимозависимость может трансформироваться в зависимость Латвии от России.³⁴⁷ В ходе дипломатических консультаций в рамках американо-балтийской хартии дипломаты обсуждали вопросы двусторонних отношений, регионального сотрудничества и политики безопасности, уделяя особое внимание дальнейшим аспектам расширения НАТО.³⁴⁸

В тот период времени Латвия взяла на себя роль посредника в отношениях между Россией и международными институтами. Правительства США и стран Европы были заинтересованы в налаживании отношений Латвии с Россией. Но также это было необходимо, чтобы планы латвийского правительства по вступлению Латвии в ЕС и НАТО смогли реализоваться. Западная Европа восприняла желание отдаления от Советского Союза стран Восточной Европы как отказ от прошлых ценностей и полное принятие западных ценностей.³⁴⁹ Целями стран Прибалтики, при вступлении в Европейский союз, были демократизация и рыночные реформы в экономике.³⁵⁰

Вступление стран Прибалтики в Европейский союз характеризуется приданием массовости расширению на Восток границ Европейского союза. Ответ на вопрос, почему Латвия, как и Эстония, и Литва были приняты в состав ЕС, без достижения общеевропейских норм может, скрываться в необходимости территорий данных стран

Международной научной конференции. под. ред. А.П. Клемешева, Н.М. Межевича, Г.М. Федорова. 2016. С. 146 – 154.

³⁴³ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Valdis Birkavs tiekas ar Austrijas un Krievijas ārlietu ministriem // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15326-valdis-birkavs-tiekas-ar-austrijas-un-krievijas-arlietu-ministriem> [02.12.1998].

³⁴⁴ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Valdis Birkavs // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/valdis-birkavs> [02.12.2014].

³⁴⁵ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs tiekas ar ASV vēstnieku // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15178-arlietu-ministrs-tiekas-ar-asv-vestnieku-799-lv> [30.04.1999].

³⁴⁶ Jakobsons A. The Economic Dimension of Bilateral Relationships between Latvia, Russia and Belarus – Past and Present // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities. 2012. P. 11 – 34.

³⁴⁷ Zeltiņš A. Business Interests in the Latvia – Russia Economic Relationship // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities. 2012. P. 115 – 144.

³⁴⁸ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministra tikšanās Vašingtonā // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15160-arlietu-ministra-tiksanas-vasingtona> [20.05.1999].

³⁴⁹ Шишелина Л. Восточная Европа: два десятилетия между Москвой и Брюсселем // Современная Европа. 2008. № 4 (36). С. 73 – 86.

³⁵⁰ Шишелина Л. Вишеградская четверка и Европейский союз // Современная Европа. 2007. № 4 (32). С. 56 – 69.

НАТО. Как отмечает Л. Шишелина³⁵¹ «для скорейшего подтягивания постсоветской Прибалтики до уровня хотя бы видимости благополучия, странами-лоббистами были закачены в три небольшие республики – с населением от полутора до трех миллионов жителей – огромные инвестиции».

Латвия не была готова к вступлению в НАТО, как технически, так и ее внутренняя политика по отношению к национальным меньшинствам не соответствовала всем нормам демократических государств, а также поднималась проблема чествования нацистских военных формирований Второй мировой войны, что носило характер запрещенной пропаганды преступного режима. Здесь необходимо отметить, что правительство Германии обозначало, что сначала необходимо достичь норм, которыми должны обладать страны участницы ЕС и НАТО, а затем уже осуществлять процедуру вхождения и становиться полноправным членом международных институтов. Но ситуация на Балканах в 1999 г. и стремление США расширить влияние НАТО на Восток привели к тому, что страны Прибалтики были приняты в НАТО так и не достигнув необходимых внутригосударственных норм. В конце 1990-х гг. в главе правительства всех трех стран Прибалтики становятся политики имеющие отношение к США.³⁵² Е.С. Мегем, А.Н. Саликов и И.Н. Тарасов³⁵³ отмечали, что страны Прибалтики играют особую роль во внешней политике и политики безопасности Европейского союза, так как имеют общие границы с Российской Федерацией, а следовательно, и межгосударственные связи, усиливающие тем, что ранее были единой территорией СССР. Таким образом, Европейский союз изначально поставил такие цели как евроинтеграция Латвии, Литвы и Эстонии, снижение энергетической зависимости данных стран от энергетики России, обеспечение безопасности в данном регионе, а также снижение напряженности между Россией и странами Прибалтики.

После вступления в состав ЕС Латвия участвовала в подготовке к саммиту ЕС – Россия в 2004 г., а также в преддверии саммита выражала удовлетворение, что были успешно решены вопросы сотрудничества России и Европейского союза с уже новыми членами. Также латвийская сторона выражала благодарность по поводу того, что в мандате ЕС к предстоящим переговорам с Россией были включены вопросы, касающиеся

³⁵¹ Шишелина Л. Европейский выбор государств Балтии: предварительные итоги // Россия и новые государства Евразии. 2009. № 3. С. 50 – 60.

³⁵² Ворожеина Я.А., Максимов И.П., Тарасов И.Н. Евро-Атлантическая интеграция стран Балтии в политическом дискурсе Германии // Власть. 2015. № 10. С. 208 – 212.

³⁵³ Мегем М.Е., Саликов А.Н., Тарасов И.Н. Отношения ФРГ и стран Балтии в рамках ЕС и НАТО // Власть. 2015. № 12. С. 165 – 171.

Латвии, в том числе ратификация латвийско-российского пограничного договора.³⁵⁴ В тот период будущее развитие отношений ЕС и России предполагало сотрудничество в упрощении визового режима, а также сотрудничество в области экономики, внешней безопасности, культуры, науки и образовании.³⁵⁵

Политика России в отношении ЕС и к странам Балтии была фрагментарной, двусмысленной и противоречивой. Со стороны России был продемонстрирован двойной характер России к ЕС в разных случаях. Что касается стран «ближнего зарубежья», то со стороны России наблюдали непрерывные колебания и колебания между односторонними и многосторонними, политическими и экономическими приоритетами. Также наблюдалась риторическая настойчивость и равнодушие. Таким образом, внешнюю политику России характеризовали как непоследовательной и ситуационной.³⁵⁶ ЕС и Россия движутся в совершенно противоположных направлениях, как в толковании демократии и прав человека, так и в энергетической сфере.³⁵⁷ На протяжении долгих лет постоянным фактором была необходимость в поддержании прагматичных отношениях между Россией и странами ЕС. Также важным фактором в отношениях между Россией и ЕС являлась растущая экономическая взаимозависимость. И тот факт, что каждая из сторон подходит к отношениям с разными целями и ожиданиями.³⁵⁸ Городские и государственные власти склонны рассматривать латвийские предприятия и латвийское государство как небольших и не способных отстаивать свои интересы.³⁵⁹ Латвии было важно проявить себя ответственным партнером, способным проявить солидарность, особенно в отношении государств-членов, наиболее подверженных кризису.³⁶⁰

³⁵⁴ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs piedalās Starpvaldību konferencē un ES Vispārējo lietu un ārējo attiecību padomē // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18513-arlietu-ministrs-piedalas-starpvaldibu-konference-un-es-visparejo-lietu-un-arejo-attiecibu-padome> [18.05.2004].

³⁵⁵ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Rihards Pīks piedalās Eiropas Savienības Vispārējo lietu un ārējo attiecību padomē // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18508-arlietu-ministrs-rihards-piks-piedalas-eiropas-savienibas-visparejo-lietu-un-arejo-attiecibu-padome> [17.05.2004].

³⁵⁶ Sprūds A. Russia's Policy Towards Europe's "New Neighbours": in Pursuit of Partnership or Domination? // An England Europe and Its Neighbourhood Policy: the Eastern Dimension – Research Project – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2004. P. 29 – 46.

³⁵⁷ Lejiņš A. The CFSP and the PCA: Between Realpolitik and Values // The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2006. P. 7 – 24.

³⁵⁸ Bungs D. Toward a New EU-Russia Partnership and Cooperation Agreement // The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2006. P. 25 – 50.

³⁵⁹ Bukovskis K. State Institutions, Interdependence and Perceptions in Latvia's Economic Relations with the Russian Federation and Belarus // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities. 2012. P. 93 – 114.

³⁶⁰ Austers A. Immigration and Refugees in the European Union and Latvia // Latvian Foreign and Security. Yearbook. 2017. P. 112 – 126.

А. Спрудс³⁶¹ предполагал, что российское руководство считало, что экономический рост и потенциал станут предпосылкой, чтобы стать влиятельным международным актором. Энергетические ресурсы и компании стали основным инструментом в достижении данной цели. Но ЕС видит Россию как источник нестабильности и проблем, которые могут выйти за ее пределы.³⁶² А. Спрудс³⁶³ отмечал, что в начале 2006 г. ЕС и Российская Федерация стремились утвердить свое положение в качестве глобальных игроков. ЕС хотел основательно строить свои отношения с другими странами и организациями на основе общих интересов союза. Россия, в свою очередь, придерживалась прагматичного, основанного на личных интересах подхода.³⁶⁴

В июне 2004 г. на заседании Совета Россия – НАТО Р. Пикс (09.03.2004 – 19.07.2004 министр иностранных дел)³⁶⁵ заявил, что Латвия поддерживает практическое военное сотрудничество между НАТО и Россией, и заинтересована в совместной деятельности в разминировании, спасении и планировании гражданской защиты. Также Р. Пикс подчеркнул, что подписание соглашения о государственной границе между Латвией и Россией будет способствовать сотрудничеству между странами по вопросам, входящих в компетенцию Совета Россия – НАТО. В ответ на критику России в отношении деятельности НАТО в странах Балтии, Р. Пикс подчеркнул, что после восстановления независимости в Латвии никаких опасных военных действий не произошло. Министр также напомнил, что Латвия неоднократно призывала Россию использовать инструменты ОБСЕ в содействии военной открытости.³⁶⁶

А. Спрудс³⁶⁷ отметил, что с момента вступления в ЕС и НАТО, Латвия затруднилась определить внешнеполитическую систему, согласовать и осуществить внешнеполитические приоритеты. Членство в НАТО обозначило, что необратимость независимости Латвии стала носить менее важный вопрос, так же, как и проблемы

³⁶¹ Sprūds A. EU-Russia Energy Dialogue in the Context of the Prospective Partnership and Cooperation Agreement // The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2006. P. 77 – 89.

³⁶² Bungs D. EU-Russia Relations: Challenges and Perspectives after the Orange Revolution in Ukraine // The European Union's Eastern neighbours after the Orange revolution. Riga, Latvian Institute of international Affairs. 2006. P. 9 – 30.

³⁶³ Sprūds A. Regional Ramifications of Ukraine's Orange Revolution: Transnistrian Conflict Settlement // The European Union's Eastern neighbours after the Orange revolution. Riga, Latvian Institute of international Affairs. 2006. P. 30 – 45.

³⁶⁴ Poikāns J. The Eastern Partnership – Latvia's Contribution // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 36 – 42.

³⁶⁵ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Rihards Pīks // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienestavesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/rihards-piks> [02.12.2014].

³⁶⁶ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Rihards Pīks aicina Krieviju parakstīt robežlīgumu ar Latviju//URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18659-arlietu-ministrs-rihards-piks-aicina-krieviju-parakst-it-robezligumu-ar-latviju> [29.06.2004].

³⁶⁷ Sprūds A. Latvijas – Krievijas attiecības un Latvijas enerģētikas politika Krievijas – Gruzijas konflikta kontekstā // Gruzijas – Krievijas karš: secinājumi un mājadarbi Latvijai un sabiedrotajiem. 2009. Lpp. 26 – 37.

безопасности страны. Членство в ЕС вынудило Латвию искать конструктивные отношения и партнерство с соседними странами, включая Россию.

Начиная с 2004 г. Латвия стала вести свою деятельность, участвуя в работе международных институтов. В сентябре 2004 г. А. Пабрикс (21.07.2004 – 28.10.2007 министр иностранных дел Латвии)³⁶⁸ принимал участие в заседании министров иностранных дел Европейского союза на Генеральной Ассамблее ООН. Он подчеркнул, что Латвия заинтересована в активном сотрудничестве с соседями ЕС, в том числе с Грузией в рамках политики добрососедства ЕС. В ходе встречи министры также обсудили более активное участие ОБСЕ и ЕС в развитии диалога между Грузией и Россией в целях обеспечения региональной стабильности. Также было позитивно воспринято открытие посольства Латвии в Астане, и Латвия была призвана поддержать участие Боснии и Герцеговины в программе НАТО «Партнерство ради мира».³⁶⁹ Латвия позиционирует себя как страну-эксперта, которая заинтересована в содействии изменений в таких странах как Молдова, Украина и Грузия. Латвия заявляет, что очень хорошо знакома с положением данных стран. По мнению Т. Ростокса, подобный самопровозглашенный статус эксперта необходимо будет постоянно подтверждать, как России, так и странам ЕС.³⁷⁰ Латвия оперировала своим опытом вступления в европейские институты, а также своей непростой историей. В 2004 г. А. Пабрикс выступил с заявлением, что обязанность латвийского правительства на международном уровне рассказать об истории Латвии коллегам из других стран. Так как последствия недооцененной «оккупации» на международном уровне являются причиной большинства проблем внешней политики Латвии. Одним из внешнеполитических приоритетов А. Пабрикса являлось объяснение истории Латвии международному сообществу. «Музей оккупации Латвии привносит большой вклад в эту работу, обеспечивая интерпретацию периода оккупации Латвии и нанесенного ущерба».³⁷¹ В октябре 2005 г. А. Пабрикс презентовал передвижную выставку «История латышских национальных меньшинств и современность» иностранным дипломатическим представителям, подчеркнув, что большое количество меньшинств в Латвии демонстрирует высокое качество жизни. А. Пабрикс подчеркнул, что Латвия в области

³⁶⁸ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Artis Pabriks // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienestavesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/artis-pabriks> [02.12.2014].

³⁶⁹ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Artis Pabriks piedalās ANO Ģenerālā asamblejā // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18845-arlietu-ministrs-artis-pabriks-piedalas-ano-generalas-asmbleja> [22.09.2004].

³⁷⁰ Rostoks T. Augusta konflikts: izaicinājumi un iespējas ES un Latvijai // Gruzijas – Krievijas karš: secinājumi un mājasdarbi Latvijai un sabiedrotajiem. 2009. Lpp. 7 – 17.

³⁷¹ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Artis Pabriks tiksies ar Okupācijas muzeja vadību // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18740-arlietu-ministrs-artis-pabriks-tiksies-ar-okupacijas-muzeja-vadibu> [10.08.2004].

интеграции меньшинств является положительным примером для других европейских стран. А также, что Латвия обладает многолетним опытом в формировании многоэтнического общества, а выставка, в свою очередь, поможет развеять недоразумения и стереотипы, связанные с меньшинствами в Латвии. Выставка планировалась выставляться в посольствах и представительствах Латвии за рубежом.³⁷²

После того, как Латвия стала полноправным членом ЕС и НАТО в официальных заявлениях латвийской стороны стали активно использоваться термины «оккупация», «агрессивная советская власть», «преступления коммунистического режима». Что касается термина «оккупация» и «оккупационная доктрина», на которых сегодня выстроены отношения с Российской Федерацией, то они до сих пор являются спорными с двух сторон. Российская сторона отмечает, что СССР не мог поступить иначе, чем увеличить количество военных Красной Армии на территории стран Балтии. Также отмечается, что требования, выдвинутые СССР были слишком жесткими и безальтернативными, но все же правительство всех трех стран Балтии допустило прибытие военных Красной Армии на территории своих государств. По данной проблематике Р.Х. Симонян и Т.М. Кочегарова³⁷³ отметили, что «исторически произошло так, что прибалтийская «оккупация» оказалась в длинном ряду исторических мифов-концепций, которые если и не опираются на реальность, то, несомненно, ее формируют». Подобные высказывания носили практическое значение для Латвии, так как обращали внимание на ее ближайшего соседа – Россию. Россия же была возведена в ранг государства, которое своими агрессивными действиями в прошлом, может нести угрозу безопасности ЕС в настоящем. 11 мая 2005 г. Г.В. Кристовскис (03.11.2010 – 25.10.2011 министр иностранных дел Латвии)³⁷⁴ участвовал в дебатах Европейского парламента, где отметил, что «НАТО был создан для содействия европейской безопасности в атмосфере страха перед вторжением тоталитарной, циничной и агрессивной советской власти. Это подтверждает тот факт, что для Запада, после Второй мировой войны, не было доверия к союзнику, такому как Сталин. Империя, созданная Сталиным, была неприемлема, хотя до этого была успешно отмечена победа над нацистской идеологией... Россия, наследница СССР, все еще делает заявления, отрицающие ее влияние на страны Восточной Европы и

³⁷² Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Artis Pabriks: “Lielais mazākumtautību skaits Latvijā liecina, ka dzīve mūsu valstī ir laba” // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/20575-arlietu-ministrs-artis-pabriks-lielais-mazakumtautibu-skaits-latvija-liecina-ka-dzive-musu-valsti-ir-laba> [25.10.2005].

³⁷³ Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. Отношения России со странами Балтии в международно-правовом изложении // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 36 – 37. С. 93 – 104.

³⁷⁴ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ģirts Valdis Kristovskis // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/ģirts-valdis-kristovskis> [02.12.2014].

оккупацию Латвии, Литвы и Эстонии. Это отрицание исторической правды, преднамеренное отстаивание преступлений коммунистического режима. Это презрение к жертвам режима. Россия пытается удержать возможности манипулировать общественным мнением во всем мире. Россия ставит проблему неграждан в Латвии в глазах общественности и преувеличивает ее, но в то же время продолжает нарушать права человека и жертв тоталитарного советского режима и их семей, отрицая их страдания и потери. Подобное отношение России не способствует примирению России и государств Восточной Европы, которые вернули себе свободу. Подлинное осуждение преступлений коммунизма и разрешение их последствий необходимы во имя будущей стабильности Европы. Такое отношение России не делает ничего, чтобы способствовать примирению России и государств Восточной Европы и Балтии, которые вернули себе свободу. Подлинное осуждение преступлений коммунизма и разрешение их последствий необходимы во имя будущей стабильности Европы».³⁷⁵ По поводу пограничного соглашения между Россией и Латвией Г.В. Кристовскис выступая в Европейском парламенте, отметил, что «Латвия потеряла часть своей территории в результате ее оккупации СССР. Президент В. Путин упрямо называет это демагогией». Г.В. Кристовскис подчеркнул также, что Латвия высоко оценивает призыв Европейского парламента к России справедливо урегулировать вопрос границы с Латвией. Также, относительно данной ситуации, было сказано «не обращать внимания на угрозы и шантаж со стороны России».³⁷⁶

Существование самого статуса «негражданина» не является виной только правительства Латвии, главным образом, он возник по вине Российского правительства. Р.Х. Симонян³⁷⁷ отмечает, что российские руководители «при подписании актов о признании независимости Латвии и Эстонии 24 августа 1991 г. не смогли обеспечить гражданский статус русской диаспоре. В погоне за властью первый президент России забыл о своих соотечественниках в Балтии. Спешка (акт был подписан менее чем через трое суток после путча) и непрофессионализм, проявленные при подписании документов столь высокого значения, привели к острейшим проблемам и с выводом войск, и с демаркацией границ, и со многим другим». При этом национал-радикальные силы в Латвии получили возможность без каких-либо препятствий продвинуть идею о

³⁷⁵ European Parliament. The future of Europe sixty years after the Second World War. P6_CRE (2005) 05-11 (16) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050511+ITEM-016+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-147> [11.05.2005].

³⁷⁶ European Parliament. EU-Russia Relations. P6_CRE (2005) 05-25 (13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050525+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-093> [25.05.2005].

³⁷⁷ Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии: непростые отношения // Мир перемен. 2006. № 4. С. 80 – 95.

восстановлении независимости, а именно о том, что независимость Латвии была вновь восстановлена, то есть произошел возврат к довоенной государственности. Что, в свою очередь, позволило национал-радикальным силам вытеснить русскоязычное население из основных государственных и хозяйственных сфер. А «оккупационная» риторика позволила этим же национал-радикальным силам одержать победу на выборах. Представляя русскоязычное население, как угрозу суверенитету Латвии, гражданскому обществу и культуре. Г.В. Кристовскис в 2005 г. на заседании Европейского парламента отметил, что «репрессии и разрушение коренных балтийских народов и потоки экономических мигрантов являются причинами, по которым во время оккупации Эстонии и Литвы этнический состав жителей этих государств изменился, и, что привело к значительному увеличению числа неграждан. Латвия очень честная страна и на законодательном уровне предоставила лицам, переселенным за время оккупации, права на натурализацию. Тот факт, что многие отказались от натурализации, является выражением их желаний, а не жалобой на страну проживания. Не только количество граждан, но и их лояльность, уважение к стране, к языку и ценностям должны являться критериями для получения гражданства. Предоставление гражданства под воздействием внешних сил будет представлять собой дискриминацию по отношению к коренной нации, а самобытность и существование государства будут подвержены серьезному риску».³⁷⁸ Поднимая вопрос о положении неграждан в Латвии в мае 2007 г. в Страсбурге Г. Андреевс указал, что «Европейский союз должен понимать, что в течение 50 лет советской оккупации, коммунистический режим совершал множество преступлений против населения стран Балтии. Коммунистический режим переместил сотни тысяч работающих мигрантов на территории этих оккупированных, бывших суверенных государств, которые были членами Лиги Наций, и создал реальную угрозу. Угрозой могло быть положение латышей и эстонцев в собственной стране, а именно, они могли стать меньшинствами в своих странах». Это заявление было сделано в ходе событий, произошедших в Северо-восточной части Эстонии с 26 по 28 апреля 2007 г., когда демонстранты протестовали против решения правительства Эстонии о перемещении советского памятника «Освободителям Таллинна» из центра столицы Эстонии на военное кладбище. С 26 по 28 апреля демонстранты нападали на полицию и совершали акты

³⁷⁸ European Parliament. Protection of minorities and anti-discrimination policies in an enlarged Europe. P6-CRE (2005) 07-06 (27) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050607+ITEM-027+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-307> [07.06.2005].

вандализма в самом Таллинне.³⁷⁹ Также Г. Андреевс подчеркнул, не смотря на то, что Латвия и Эстония после событий советской «оккупации» все же согласились принять в свое общество сотни тысяч неграждан, интеграция со стороны неграждан не проходит спокойно, чему свидетельствует демонстрация со стороны русскоязычного населения в Таллинне. Также Г. Андреевс отметил, что советский период в современном мире заменен на империалистический подход России.³⁸⁰

В 2009 г. Г. Андреевс в Страсбурге сделал заявление, где утверждал, что русские получают гражданство Латвии путем натурализации, как гуманитарный акт латвийского правительства, а не как право. Г. Андреевс также добавил, что согласно Уставу ООН, законы о гражданстве относятся к внутренним делам государства, и другие страны не могут вмешиваться в них, даже сама ООН. Поэтому позиция латвийских властей в отношении возможности предоставления права голоса негражданам является твердой и неизменной позицией латвийского правительства: право голоса является неотъемлемой частью гражданства. Данная позиция соответствует международному праву и практике. В то же время Латвия благодаря значительной финансовой помощи из других стран, за исключением России, предприняла значительные усилия для содействия процессу натурализации и интеграции неграждан в Латвии.³⁸¹

Участвуя в дебатах 2009 г. о праве голоса для неграждан Латвии на местных выборах в Европейском парламенте, Г.В. Кристовскис выступил со следующим заявлением: «либеральный закон Латвии показал верность латвийскому государству и западным демократическим ценностям. В результате с 1993 г. число неграждан сократилось на 59%. Большинство предприятий Латвии принадлежат российским предпринимателям. Эти аргументы позволяют отклонить жалобы на латвийское государство. Кроме того, стоит отметить тот факт, что в Латвии есть люди, которые сражались против независимости Латвии, призывали к сохранению империи зла, а именно СССР. Эти люди отрицают факт оккупации Латвии, по-прежнему оправдывают преступления тоталитарного режима в странах Балтии и проголосовали против членства

³⁷⁹ European Parliament. European Parliament resolution on Estonia. RC-B6-0205/2007 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=P6-RC-2007-0205&language=EN> [02.05.2007].

³⁸⁰ European Parliament. Estonia (debate). CRE 22/05/2007 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20070522+ITEM-018+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-360> [22.05.2007].

³⁸¹ European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). CRE 03/02/2009 – 15 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-484> [03.02.2009].

Латвии в ЕС и НАТО. Возможно, эти обвинения препятствуют желаниям неграждан приобрести гражданство Латвии».³⁸²

Обсуждая вопрос о предоставлении права голоса негражданам в 2009 г. на пленарном заседании Европейского парламента, Р. Пикс заявил, что предоставление права голоса негражданам послужило бы первым шагом для введения русского языка в статус второго или официального языка в Латвии. Данная ситуация означала бы сохранение привилегированного статуса для людей, которые приехали из России в Латвию, а также означало бы подписание «смертного приговора» латышскому языку культуре, так как русскоязычным населением в Латвии стоит 140 миллионов российских граждан с националистическими амбициями. Также Р. Пикс отметил, что Латвия присоединилась к ЕС, не для того, чтобы сохранить разделенное общество, созданное советской оккупацией, а целью было сохранить тем самым собственную идентичность и воссоздать латышское общество.³⁸³ В 2009 г. Р. Пикс выступил с заявлением, в котором утверждалось, что тоталитарный режим наравне с нацизмом является преступным режимом. Приведя аргументы, в которых было отмечено, что начало Второй мировой войны 01.09.1939 г. Гитлером с вторжения в Польшу было возможным, потому что 23.08.1939 г. Гитлер и Сталин подписали пакт о ненападении. Также было отмечено, что в течение двух лет Сталин снабжал гитлеровскую армию топливными и промышленными ресурсами, чтобы Гитлер смог завоевать Западную Европу. Армия Сталина была подготовлена лучше, так советская насчитывала в своих рядах 1 миллион парашютистов, в то время как армия Гитлера насчитывала 400 парашютистов. На закрытых заседаниях коммунистической партии были приняты резолюции о том, что страны Западной Европы должны быть побеждены гитлеровской армией, чтобы Советский союз смог их освободить. Также во время советского режима, латыши, которые остались в Советской России, были арестованы и уничтожены. Таким образом, за 2 года 70 тысяч латышей, проживающих в Советском союзе, были убиты исключительно потому, что они были латышами.³⁸⁴

Таким образом, после 2004 г. позиция Латвии по вопросу неграждан носила более жесткий характер, а именно все обвинения по несоблюдению прав неграждан были объявлены не актуальными, созданными в глазах общественности российской стороной.

³⁸² European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). P6_CRE (2009) 02-03 (15) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-485> [03.02.2009].

³⁸³ European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). P6_CRE (2009) 02-03 (15) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-482> [03.02.2009].

³⁸⁴ European Parliament. European conscience and totalitarianism (debate). P6_CRE (2009) 03-25 (10) //URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090325+ITEM-010+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-399> [25.03.2009].

Латвия начала проводить политику, где был четко сформулирован образ «Врага», который в ходе предшествующих событий, а именно в период советской «оккупации» доказал, что представляет опасность. По мнению латвийской стороны, Россия, объявив себя преемницей СССР и действиями в отношении Грузии, Украины и Молдовы доказывает, что несет опасность своим соседям, а с 2004 г. и всей Европе, так как из-за «имперских амбиций» хочет восстановить бывшие границы СССР.

Со стороны Латвии в адрес Российской Федерации были заявления, говорящие о том, что европейскому обществу необходимо развитие независимого от России экономического и энергетического пространства, чтобы российская сторона не могла влиять на принятие решений лидеров ЕС, а также это бы способствовало сохранению безопасности в самой Латвии.

Интерес в развитии региона Балтийского моря со стороны Европейского союза начался со вступления в союз сначала Финляндии и Швеции в 1995 году, а затем в 2004 году и Латвии, Литвы и Эстонии. Так сначала была запущена программа «Северное измерение», а затем в 2008 году Европейским союзом была разработана программа для региона Балтийского моря. Данные программы влияют на региональное развитие, и на отношения между Европейским союзом и Российской Федерацией. Таким образом, регион Балтийского моря стал макрорегионом Европейского союза, где вводился политический уровень, «расположенный между национальным государством и наднациональным обществом». Стратегии ЕС в регионе Балтийского моря проводится без участия России, а только при участии государств-членов Европейского союза. В свою очередь, программа «Северного измерения» включает партнерство стран Европейского союза и России, также данное партнерство было включено в программу и после ее обновления.³⁸⁵ Болотникова Е.Г., и Межевич Н.М.³⁸⁶ отметили, что современное состояние и перспективы развития отметили, что помимо государств участвующих в программе «Северное измерение», основными участниками являются негосударственные акторы.

Проект «Северного измерения» иногда используется для обозначения региона, объединяющего регион Балтийского моря и Баренцева Евро-Арктического региона. Таким образом, данный проект расширяется до проектов, проводимых странами Европейского союза, региональными органами власти и т.д.³⁸⁷

³⁸⁵ Болотникова Е.Г., Межевич Н.М. «Северное измерение» и стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 37 – 47.

³⁸⁶ Болотникова Е.Г., Межевич Н.М. Политика «Северного измерения»: современное состояние и перспективы развития // Балтийский регион. 2010. № 4 (6). С. 115 – 126.

³⁸⁷ Болотникова Е. Обновленная политика «Северного Измерения» и ее влияние на международные связи субъектов РФ Северо-Западного Федерального округа // Власть. 2012. № 2. С. 137 – 140.

Северо-западные регионы России всегда представляли интерес для Европейского союза, как «Северная Европа». Европейский союз финансирует проекты в России за счет стран Северной Европы, а также из фондов европейских институтов. В рамках подобного партнерства получают развитие проекты, связанные с природоохранной деятельностью, безопасностью в регионе и т.д.³⁸⁸ Северо-Западный округ Российской Федерации обладает огромным социально-экономическим потенциалом, а также дает возможности развитию внешнеэкономической и международной деятельности. Таким образом, в Северо-Западном регионе, состоящим из акваторий Баренцева, Белого, Карского и Балтийского морей, определены привлекательные условия для внешних инвестиций, а также для проведения активной внешней политики России.³⁸⁹

С 1990-х гг. «Северное измерение» является инструментом внешней политики Европейского союза. Что является приоритетом развития Европейского союза в рамках разработки новых направлений по сотрудничеству в регионах, а также в проведение различных политических исследований.³⁹⁰ Программа «Северного измерения» работает в таких приоритетных направлениях сотрудничества в Балтийском регионе, как демография, энергетика, логистика и экология. Выбор данных направлений для сотрудничества определен спецификой региона, который характеризует большая площадь и малочисленное население по отношению ко всей площади. А также неблагоприятный климат для экономического развития, и уязвимость окружающей среды.³⁹¹

В отношении России, обсуждая проект «Северное измерение» Г.В. Кристовскис на заседании Европейского парламента в 2005 г. отметил, что Россия в данном направлении действует исходя только из своих интересов, что подтверждается не способностью России отказаться от имперского мышления. А также неспособностью признать независимость, восстановленную балтийскими странами, и их равное членство в международных организациях. Г.В. Кристовскис назвал, разработанные Россией объекты, не соответствующие целям политики «Северного измерения», а именно транспортные и энергетические системы, новые порты в Санкт-Петербурге усложняют экологическую ситуацию, вызывают повышение стоимости природных ресурсов. «Что в итоге приводит к удлинению маршрутов судов, движение судов в Балтийском море постоянно

³⁸⁸ Маркушина Н.Ю. Внешние связи Северо-Западного федерального округа Российской Федерации и концепция «Нового Севера» // Балтийский регион. 2011. № 2 (8). С. 102 – 111.

³⁸⁹ Маркушина Н.Ю., Церпицкая О.Л. Концепция регионального институционализма // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2010. № 4 (243). С. 7 – 14.

³⁹⁰ Маркушина Н.Ю., Церпицкая О.Л., Кузьмин Ю.С. Северное измерение: Россия и ЕС – вопросы актуальности // Успехи современной науки.

³⁹¹ Худолей К.К., Новикова И.Н., Ланко Д.А. Инновационное образование для Балтийского региона: опыт Российско-Финляндского трансграничного университета // Балтийский регион. 2010. № 3 (5). С. 21 – 28.

увеличивается, стоимость сырья повышается, и возрастает риск столкновений при перевозках». Также было отмечено, что «нынешний российский режим игнорирует задачу развития демократии в России. И если российская сторона решит данную проблему, тогда и проект «Северное измерение» достигнет своих целей».³⁹²

В 2006 г. в рамках обсуждения Европейской политики добрососедства Г.В. Кристовских высказался, что Россия вряд ли сможет стать надежным союзником. Назвал смешным приглашение России к демократизации Беларуси, т.к. путинский режим с каждым днем все больше отходит от демократии и становится авторитарным.³⁹³ В это же время Латвия призывала ЕС к скорейшему изменению в энергетической политике ЕС. Свои заявления латвийская сторона сопровождала опасениями, что Россия не является надежным партнером. А. Пабрикс призывал ЕС активно участвовать в разработке общей энергетической политике в 2007 г. и обращал внимание на необходимость устранения изоляционного положения стран Балтии от энергетических сетей ЕС. Министр отмечал, что Латвия готова предложить свои подземные хранилища для газа.³⁹⁴ Р. Пикс говоря об Энергетической хартии, заявлял, что в нее необходимо внести новое соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейским союзом и Россией. Р. Пикс призвал ЕС усердно работать в области энергетики, упомянув об опыте Латвии, в качестве свидетельства, что Россия никогда не уклонялась от применения силы и давления, когда она была в состоянии это сделать. Также Р. Пикс упомянул, что В. Путин на вопрос об Абхазии, Грузии и Южной Осетии ответил, что данные страны являются делом России. Р. Пикс назвал это циничным заявлением, указав, что всем известно о присутствии российской армии в Приднестровье и действующих офицеров, а также что Россия поставляет туда оружие.³⁹⁵ Р. Пикс призвал ЕС к организации безопасности поставок энергии, приводя примеры по сокращению российских поставок газа в Украину, по запрету экспорта вина из Молдавии и рыбных консервов из Латвии. А также напомнил о

³⁹² European Parliament. The Northern Dimension. P6_CRE (2005) 09-08 (4) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050908+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=4-016> [08.09.2005].

³⁹³ European Parliament. European Neighbourhood Policy. P6_CRE (2006) 01-18 (12) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20060118+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-389> [18.01.2006].

³⁹⁴ Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Artis Pabriks aicina EK aktīvi izstrādāt vienotu enerģētikas politiku // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/22518-arlietu-ministrs-artis-pabriks-aicina-ek-aktivi-izstradat-vienotu-energetikas-politiku> [14.11.2006].

³⁹⁵ European Parliament. Results of the informal summit of heads of state and government (Lahti, 20 October 2006) (debate). P6_CRE (2006) 10-25 (4) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20061025+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-071> [25.10.2006].

взрыве газопровода возле границ Грузии после разногласий с Россией.³⁹⁶ Обсуждая торговые отношения ЕС и России в 2007 г. латвийская сторона выступила с заявлением, что «Россия использует инструменты торговой политики для достижения целей внешней политики, таким образом, что не соответствует правилам ВТО». Латвия требовала не отступать от стандартов и требований ЕС. «Россия должна понимать и обеспечивать прозрачные и предсказуемые условия ведения бизнеса, основанные на строгих демократических ценностях и надежности. Без соответствия данным требованиям нет надежды, что Россия прекратит дискриминировать прибалтийские государства в сфере железнодорожных и экспортных тарифов на древесину, в ограничении экспорта рыбы, мяса и молочных продуктов».³⁹⁷

Обсуждая в феврале 2008 г. стратегию ЕС в Центральной Азии, Р. Пикс призвал ЕС уделять больше внимания стратегическим аспектам, указав на то, что 10 октября 2007 г. в Вильнюсе обсуждалось строительство трубопровода через Каспийское море. После чего В. Путин посетил Туркменистан, где договорился о поставках газа по более высокой цене из Туркменистана и Казахстана по российскому трубопроводу. Также Р. Пикс указал на схожесть ситуации, когда после посещения города Андижан В. Путиным, президент Узбекистана потребовал закрытия американской базы.³⁹⁸ При обсуждении в Европейском парламенте подготовки к саммиту ЕС – Россия Г.В. Кристовскис заявил, что «необходимо помнить, что премьер-министр Путин и президент Путин – это один и тот же человек, который проводит политику «разделяй и властвуй», направленную непосредственно на государства-члены ЕС. В соглашении о партнерстве ЕС не должен проявлять слабости. В ходе переговоров ЕС должен продемонстрировать единство государств-членов и солидарности, необходимо требовать от России готовности выполнения требования ВТО. Необходимо укрепить единую позицию ЕС по стратегическим вопросам в отношении государств с недемократическими режимами. ЕС должен подтвердить, что остается оплотом демократии и общих ценностей».³⁹⁹

³⁹⁶ European Parliament. Russia-EU summit (debate). P6_CRE (2006) 11-29 (13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20061129+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-078> [29.11.2006].

³⁹⁷ European Parliament. EU economic and trade relations with Russia. P6_CRE (2007) 06-18 (16) //URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20070618+ITEM-016+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=1-150> [18.06.2007].

³⁹⁸ European Parliament. An EU Strategy for Central Asia (debate). P6_CRE (2008) 02-12 (13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080219+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-366> [19.02.2008].

³⁹⁹ European Parliament. Preparation of the EU/Russia summit (26-27 June 2008) (debate). P6_CRE (2008) 06-18 (13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080618+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-318> [18.06.2008].

Вопросы экономики и энергетики Латвии обсуждались в контексте отношений Россия – Латвия и Россия – ЕС. Латвийская сторона предупреждала европейское сообщество о возможных агрессивных действиях и о возможном манипулировании с российской стороны. Латвия оперировала действиями России по отношению к Грузии, Молдовы и Украины. Тем самым предупреждая ЕС о возможных действиях России и в самой Латвии. Так как Грузия, Молдавия и Украина являются странами бывшего СССР, то и агрессивные действия со стороны России возможны и в Латвии.

Говоря об отношениях между ЕС и Россией в 2008 г. Г.В. Кристовскис назвал эти отношения, «отношениями между западной демократией и русским самодержавием. Они напоминают игру кошки с мышкой. Смешно, что через два месяца после военных действий в Грузии, Медведев предлагает новое соглашение о европейской безопасности... Россия будет успешно использовать западную доверчивость, она жаждет отомстить Западу. Россия ведет борьбу в киберпространстве. Недаром народ России и их СМИ, в том числе и в странах Балтии, поддерживали вторжение России в Грузию. Сейчас нам не надо спешить в возобновлении всесторонних переговоров с Россией. Прежде Россия должна реализовать Кавказский мирный план».⁴⁰⁰ В 2008 г. во время грузинского конфликта Г. Андреевс посещал Тбилиси в качестве члена делегации Европарламента. После чего Г. Андреевс отмечал, что российские вооруженные силы оказывают дестабилизирующее воздействие в этом конфликте. А также выступал за замену российских миротворческих сил на предоставление миссии по поддержанию мира под контролем ЕС. Также было отмечено, что внутренняя нестабильность увеличивает риски дальнейшего разрушительного влияния со стороны соседних государств, особенно со стороны Российской Федерации.⁴⁰¹ С 2014 г. отношения между Латвией и Россией, ЕС и Россией стали еще более напряженными. Латвия придерживается политики ЕС и после конфликта в Украине, высказывания и действия латвийской стороны, такие как поддержка введения санкций против России, призывы к наращиванию уровня безопасности в странах Балтии, говорят о позиции Латвии. В связи с ситуацией в Украине, С. Калниете (07.11.2002 – 09.03.2004 министр иностранных дел)⁴⁰² выступала с заявлениями на пленарных заседаниях Европейского парламента. Действия России С. Калниете назвала растущей

⁴⁰⁰ European Parliament. EU-Russia relations (debate). P6_CRE (2008) 10-21 (12) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20081021+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-313> [21.10.2008].

⁴⁰¹ European Parliament. Deterioration of the situation in Georgia (debate) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080507+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-055> [07.05.2008].

⁴⁰² Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Sandra Kalniete // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/sandra-kalniete> [02.12.2014].

агрессией со стороны России, которая представляет опасность для Латвии, Эстонии, Литвы, Польши и других государств.⁴⁰³ С. Калниете назвала действия России вторжением вооруженных сил в Донецкую область, а действия В. Путина мечтой – восстановить контроль над всей бывшей советской империей. Латвийская сторона выступала за введение санкций третьего уровня в отношении России, чтобы российское правительство отказалось от реваншистских целей. Украина же была обозначена государством, которое имеет право быть преемницей Европы.⁴⁰⁴ Латвийская сторона выступала против продажи кораблей класса «Мистраль» России, указывая, что Российская Федерация долгие годы не будет больше являться стратегическим партнером Европы, а будет ее стратегической задачей. И Европе необходимо будет предпринимать совместные действия перед лицом данной проблемы.⁴⁰⁵ Во время обсуждения ситуации в Грузии, С. Калниете назвала положение Абхазии и Цхинвальского района «оккупацией» со стороны России.⁴⁰⁶ Также были высказывания о российской дезинформации, и призыв к Европейской комиссии о создании коммуникационной стратегии, чтобы защитить Украину и Европу.⁴⁰⁷ «Нерешительность Европы и НАТО способствовали агрессии, так как вооруженные террористы Путина и солдаты российских спецназовцев продолжают завоевывать украинскую землю»⁴⁰⁸ - высказывание С. Калниете в феврале 2014 г. по отношению к Украине. Убийство Б. Немцова было рассмотрено, как «агония путинского режима». В ходе чего были предложены следующие действия, совместные закупки газа в Европейском энергетическом сообществе, а также продолжение диалога с населением в России.⁴⁰⁹ В адрес Российской Федерации С. Калниете в июне 2015 г. высказывалась, что

⁴⁰³ European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV (2014) 07-15 (8) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-104-000> [15.07.2014].

⁴⁰⁴ European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV (2014) 07-15 (8) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-102-000> [15.07.2014].

⁴⁰⁵ European Parliament. Situation in Ukraine and state of play of EU-Russia relations (debate). P8_CRE-REV (2014) 09-16 (4) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140916+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-045-000> [16.09.2014].

⁴⁰⁶ European Parliament. Association agreement with Georgia – Conclusion of the Association agreement with Georgia (debate). P8_CRE-PROV (2014)12-17(17) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20141217+ITEM-017+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-742-000> [17.12.2014].

⁴⁰⁷ European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV(2015)01-14(7) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150114+ITEM-007+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-285-000> [14.01.2015].

⁴⁰⁸ European Parliament. Situation in Ukraine. P8_CRE-REV(2015)02-10(11) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150210+ITEM-011+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-355-000> [10.02.2015].

⁴⁰⁹ European Parliament. Murder of the Russian opposition leader Boris Nemtsov and the state of democracy in Russia (debate). P8_CRE-REV(2015)03-11(13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=->

«В. Путин хочет восстановить сферу влияния в Восточной Европе и создать буферную зону, в которой бы Россия оставила бы за собой право решать национальные судьбы».⁴¹⁰ А. Пабрикс называл Россию агрессором и призывал европейское сообщество к оказанию поддержки украинской стороне,⁴¹¹ а также указывал на «оккупацию» и аннексию Крыма Россией.⁴¹² Таким образом, латвийская сторона⁴¹³ в Европейском Парламенте⁴¹⁴ в своих заявлениях поддерживает тему «оккупации» территорий других государств Россией, а также агрессии со стороны российского правительства.

После восстановления независимости Латвия стала активно использовать политику европейской идентичности. Искать и находить различия между латвийским и российским обществом, причисляя себя к европейскому сообществу. ЕС, в свою очередь, подкреплял данную позицию Латвии. После восстановления независимости латвийское правительство встала на путь, целью которого было вступление в ЕС и НАТО. Для чего Латвии необходимо было доказать свою готовность к сотрудничеству и соответствовать общим требованиям ЕС. Латвии необходимо было разрешить проблему с негражданами, а именно подготовить законодательство, которое бы отвечало требованиям и нормам ЕС. Работу по данной проблеме латвийская сторона выполнила, но без соответствия всем требованиям европейских институтов. Уже после вступления Латвии в ЕС латвийской стороне требовалось отвечать на заявления международного сообщества по положению неграждан. В свою очередь, латвийская сторона делала заявления, в которых говорилось о великодушии латвийского правительства, которое, несмотря на факт советской «оккупации», предоставило русскоязычному населению возможность интеграции в латвийское общество. Также после вступления в ЕС Латвия активно начала проводить работу по объяснению событий времен СССР. А именно, объяснять историю Латвии и добиваться признания факта советской «оккупации».

[//EP//TEXT+CRE+20150311+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-387-000](http://EP//TEXT+CRE+20150311+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-387-000) [11.03.2015].

⁴¹⁰ European Parliament. State of EU-Russia relations (debate). P8_CRE-REV(2015)06-09(3) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150609+ITEM-003+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-061-000> [09.06.2015].

⁴¹¹ European Parliament. Situation in Ukraine (debate) (debate). P8_CRE-REV (2015) 01-14 (7) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150114+ITEM-007+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-310-000> [14.01.2015].

⁴¹² European Parliament. Strategic military situation in the Black Sea Basin following the illegal annexation of Crimea by Russia (debate). P8_CRE-REV (2015) 06-10 (13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150610+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-551-000> [10.06.2015].

⁴¹³ Čegodajevs A. Chances and Challenges for the Latvian Presidency of the Council of the European Union // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 21 – 32.

⁴¹⁴ Lieģis I. Latvia's Foreign Policy in Times of Existential Challenges // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 7 – 18.

Так как изначально, Латвия, заявив о своей европейской идентичности, начала активно искать различия между латвийским и российским обществами, то и стала представлять Российскую Федерацию в образе «Врага». После распада СССР Россия стала его правопреемницей. Что дало повод Латвии обвинить в «оккупации» российское правительство. Данные обвинения латвийская сторона использовала не только по отношению к историческим событиям, но также заявляя о положении неграждан, делая заявления, что дает право интеграции в гражданское общество, лицам, которые во времена Латвийской ССР прибыли на ее территорию, как сила, разрушающая латвийский народ. Таким образом, говоря, что и так пошло на уступки. Латвия на международном уровне призывала Россию к изучению истории, тем самым пытаясь доказать, что хочет справедливой оценки ущерба от «тоталитарного оккупационного режима» СССР.

Подкрепляя свои заявления историческими событиями, связанными с «оккупацией» и тоталитарным режимом, по отношению к России, Латвия отмечала, что российская сторона является опасным, ненадежным и агрессивным партнером. В вопросе об энергетической политике латвийская сторона пыталась убедить европейское сообщество включить территорию Латвии в общие поставки энергии ЕС без участия России. Так как выражала беспокойство, что, в случае, если в отношениях между Россией и Латвией или между Россией и ЕС возникнут разногласия, в ходе, которых вторая сторона не пойдет на, озвученные условия российской стороны, Россия будет блокировать поставки энергии, тем самым оказывая давление на принятие решений государств-членов ЕС. В вопросе о вхождении России в ВТО латвийская сторона также отмечала ненадежность партнера.

Действия России по урегулированию конфликта в Грузии, Молдове и Украине были охарактеризованы Латвией, как действия государства-агрессора с «имперскими амбициями», желающего восстановить бывшие границы СССР, тем самым препятствуя развитию демократии в этих государствах, но и являясь угрозой суверенитету самой Латвии. Делая подобные заявления, Латвия убеждает международное сообщество в том, что для европейского сообщества существует угроза экономической и политической безопасности со стороны России. Тем самым Латвия ставит себя в выгодное положение по достижению политических целей. А именно, Латвия стала полноправным членом ЕС и НАТО. На территории Латвии постоянно присутствует военный контингент НАТО. По положению неграждан со стороны европейских институтов, с каждым годом, все меньше вопросов.

ГЛАВА III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И РУССКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЛАТВИИ

§ III.1. ПРЕТЕНЗИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ К ЛАТВИИ, В СВЯЗИ С ПОЛОЖЕНИЕМ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Основная работа ОБСЕ сопряжена с проведением миссий и мероприятий на местах урегулирования конфликтов и их предупреждения. Посредством проведения миссий и мероприятий, ОБСЕ присутствует в странах, нуждающихся в помощи, и обеспечивает выполнение конкретных политических решений, направленных на урегулирование конфликтных ситуаций. Основная работа миссии ОБСЕ заключается в предупреждении конфликта, в превентивной дипломатии, а также в регулировании конфликта и постконфликтном восстановлении.

Мандаты миссии имеют две основные задачи. А именно, содействовать политическим процессам, нацеленным на предотвращение или урегулирование конфликтов, и снабжать сообщество ОБСЕ информацией о развитии событий в странах, где размещены миссии.

Миссии и другие виды деятельности на местах обычно организуются по решению Постоянного совета с согласия принимающей стороны. Как правило, миссии первоначально развертываются на срок от шести месяцев до одного года, который при необходимости продлевается. Сотрудники в состав миссии чаще всего выделяются странами-участницами из числа гражданских или военных специалистов и работают на основе прикомандирования. Миссию возглавляет руководитель миссии, являющийся гражданином одной из страны-участницы ОБСЕ и назначенный Действующим председателем. Деятельность миссий курирует и обеспечивает Центр по предотвращению конфликтов, Департамент управления и финансов, Секретариата, а также аппарат Действующего председателя.

Сама идея миссий зародилась в начале 1990-х гг. Она была подсказана необходимостью улаживания внутригосударственных конфликтов в посткоммунистический переходный период. В Латвии миссия ОБСЕ действовала с 19 ноября 1993 г. Основная деятельность миссии заключалась в поиске решений вопросов, связанных с гражданством. А также в предоставлении рекомендаций, информации и консультаций учреждениям, организациям и частным лицам, участвующим в диалоге по

теме гражданства. Миссия ОБСЕ также стремилась реализовать в полном объеме принципы, нормы и обязательства, принятые в рамках организации.

Основное внимание миссия уделяла вопросам социальной интеграции неграждан в латвийское общество. Деятельность миссии была направлена на пристальное наблюдение за разработкой соответствующих законов (гражданства, языка, образования, занятости и лиц без гражданства) и на оказание надлежащих консультационных услуг, а также контролировала применение этих законов. Были случаи, когда миссия выступала с инициативами, направленными на улучшение взаимопонимания между общинами в Латвии. Миссия взаимодействовала с правительством Латвии в вопросах стимулирования мирной социальной интеграции в стране и приветствовала результаты состоявшегося 3 октября 1998 г. референдума, на котором население высказывалось за введение в действие поправок к принятому сеймом 22 июня 1998 г. Закону о гражданстве, призванных упростить процедуру приобретения латвийского гражданства не титульным населением.

С момента вывода российского военного персонала из Латвии в 1994 г. руководитель миссии ОБСЕ в Латвии исполнял функции представителя ОБСЕ в совместной латвийско-российской комиссии по военным пенсионерам. Эта комиссия занималась проблемами, касающимися отставных российских военнослужащих, оставшихся в Латвии после вывода из нее в 1994 г. основного контингента российских войск. Еще одним каналом, по которому ОБСЕ оказывала содействие в выполнении двусторонних соглашений в Латвии, являлся представитель ОБСЕ в Объединенной комиссии по РЛС в Скрунде. 30 апреля 1994 г. Латвия и Россия подписали Соглашение о правовом статусе Скрундской радиолокационной станции на период ее временного функционирования и демонтажа. В июне 1994 г. Латвия и Россия обратились к ОБСЕ с просьбой о помощи в выполнении этого соглашения. В мае 1995 г. была создана объединенная латвийско-российская комиссия по выполнению под председательством представителя ОБСЕ. Контроль за выполнением Соглашения осуществлялся дважды в год международными группами. 31 августа 1998 г. Российская Федерация выполнила свое обязательство об отключении Скрундской РЛС. Демонтаж станции начался 1 сентября 1998 г. и был завершен 19 октября 1999 г., на несколько месяцев раньше срока. Соответственно, срок действия мандата представителя ОБСЕ истек 1 февраля 2000 г.

В мандате Комиссара не содержится описания или определения понятия: «национальное меньшинство». Действительно, ни в ОБСЕ, ни где-либо еще нет единого мнения о том, что представляет собой (национальное) меньшинство. В своей вступительной речи при открытии состоявшегося в 1994 г. в Варшаве семинара ОБСЕ по

проблемам национальных меньшинств Верховный комиссар М. ванн дер Стул сказал: «... я не буду предлагать вам свое собственное (определение). Отмечу, однако, что существование того или иного меньшинства – это не вопрос определения, а реальность. В этой связи хотел бы процитировать Копенгагенский документ 1990 г., в котором... говорится, что «принадлежность лица к национальному меньшинству является предметом его личного выбора»... Осмелюсь сказать, что я легко могу определить, когда имею дело с меньшинством. Прежде всего, меньшинство – это группа, характеризующаяся языковыми, этническими и культурными особенностями, которые отличают его от большинства. Во-вторых, меньшинство – это группа, которая обычно стремится не только сохранить свою самобытность, но и ярче проявить ее».⁴¹⁵

Комитеты ООН по ликвидации расовой дискриминации и по правам человека, Европейский парламент, ПАСЕ, Европейская комиссия против расизма и нетерпимости, Бюро по институтам демократии и правам человека ОБСЕ дали Латвии следующие рекомендации по сокращению различий в правах граждан и неграждан⁴¹⁶:

- Принимая во внимание, преамбулу к Европейской Хартии самоуправлений и учитывая, что большое количество латвийских жителей, число которых в некоторых городах, например, в столице, достигает около 50% населения, не имеет политических и гражданских прав. Полагает, что важно интегрировать этих жителей в демократическую систему страны, в свою очередь, местным демократическим структурам необходимо предоставить для этого значительные возможности. А также, рекомендует латвийским властям в парламенте и правительстве признать право людей участвовать в голосовании по вопросам в пределах компетентности самоуправлений, посредством присоединения прав неграждан к Конвенции об участии иностранцев в общественной жизни на местном уровне.⁴¹⁷

- Стране-участнице также рекомендовано пересмотреть различия между гражданами и негражданами, лицами, принадлежащими к этническим группам, с целью устранить различия в соответствии с пятой статьей Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации.⁴¹⁸

⁴¹⁵ Публикация Секретариата Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе // Справочник ОБСЕ. 2000. С. 243.

⁴¹⁶ ООН, Европарламент и ПАСЕ против дискриминации неграждан в Латвии// Конгресс неграждан // URL: <http://www.kongress.lv/ru/material/rospusk-sejma-vruchnuju> [31.12.2012].

⁴¹⁷ Конгресс местных и региональных властей (Совет Европы). Рекомендация 47 (1998 г.) о демократии на местном и региональном уровнях в Латвии, 28.05.1998.

⁴¹⁸ Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации. Заключительные замечания, CERD/C/304/Add.79, 23.08.1999.

- Неграждане не обладают правом избираться и быть избранными, как на парламентских, так и на муниципальных выборах. Учитывая то, что большинство неграждан прожили в стране большую часть жизни или всю жизнь, ЕКРН рекомендует властям Латвии наделить неграждан правом быть избранными и правом избирать на муниципальных выборах. В своем первом докладе ЕКРН указал на то, что правовые нормы исключают для неграждан некоторые права собственности, право работать по определенным профессиям в государственном и частном секторе и право получать определенные социальные пособия. По результатам исследования Государственного Бюро по правам человека (ГБПЧ), определившего, что 10 таких ограничений противоречили международным стандартам, некоторые из этих ограничений устранены. ЕКРН призывает власти Латвии устранить и остальные несправедливые ограничения.⁴¹⁹

- Вопрос о правах избираться и быть избранными для неграждан на муниципальных выборах в Латвии – ОБСЕ/БДИПЧ поддерживает исчерпывающую и открытую дискуссию в вопросе об избирательных правах неграждан на муниципальных выборах. Совет Европы и Совет государств Балтийского моря уже раньше призывали Латвию предоставить право негражданам избираться и быть избранными на муниципальных выборах. Вовлечение неграждан в принятие решений на уровне самоуправлений может стать первым и реальным шагом к устранению имеющегося дефицита демократии, такого, когда 22% населения лишены избирательных прав, как на парламентских, так и на муниципальных выборах.⁴²⁰

- В отношении статуса негражданина, комитет принимает во внимание политику правительства, направленную на интеграцию путем натурализации. Тем не менее, комитет обеспокоен большим удельным весом неграждан в стране-участнице, которые, согласно закону, не являются ни иностранцами, ни апатридами, а особой категорией людей, которые проживают долгое время в Латвии и тесно с ней связаны. К категории людей, которые во многих аспектах приравнены к гражданам, но в других аспектах у них нет всех тех прав, которые предполагают наличие гражданства. Комитет выражает обеспокоенность в связи с продолжением такой исключительной ситуации, в результате которой жителям – негражданам не гарантировано эффективное пользование правами, предусмотренными Международным пактом о гражданских и политических правах. А также, возможностью занимать отдельные государственные и общественные должности, возможностью работать по отдельным профессиям в частном секторе, есть ограничения

⁴¹⁹ Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРН). Второй доклад по Латвии, CRI (2002 г.) 21, 14.12.2001.

⁴²⁰ Бюро по институтам демократии и правам человека ОБСЕ. Итоговый доклад по парламентским выборам в Латвии, 20.11.2001.

на право собственности и на землю, используемую в сельском хозяйстве, а также ограничения на социальные пособия. Стране-участнице следует предотвратить сохранение такой ситуации, когда часть жителей классифицируется как «неграждане». В продолжении стране-участнице следовало бы содействовать процессу интеграции, позволив негражданам, которые уже долгое время являются постоянными жителями Латвии, участвовать в выборах самоуправлений и уменьшить число других ограничений, относящихся к негражданам, с целью обеспечения участия неграждан в общественной жизни Латвии.⁴²¹

- Комитет считает правомерным присвоение политических прав только гражданам. Но, учитывая то, что большая часть неграждан живет в Латвии уже долгое время или всю свою жизнь, Комитет настоятельно рекомендует стране-участнице содействовать процессу интеграции, предоставив возможность участвовать в муниципальных выборах всем тем негражданам, которые долгое время были постоянными жителями. Комитет выразил обеспокоенность в связи с ограничениями, с которыми сталкиваются неграждане в области занятости. Комитет призывает страну-участницу сократить список профессий, доступных только гражданам и пересмотреть его, чтобы гарантировать отсутствие чрезмерных ограничений прав на труд.⁴²²

- В свете предшествующих выводов и с целью помочь Латвии в развитии прав человека, комиссар предлагает следующие рекомендации в соответствии со статьей 8 Резолюции (99) 50: «Чтобы поддержать процесс натурализации и способствовать интеграции неграждан, увеличить их участие в политической жизни страны, следует, среди прочих прав, предоставить им право голосовать на местных выборах».⁴²³

- Европейский парламент приветствует рост темпа натурализации в 2003 г., произошедший главным образом, благодаря кампании по референдуму о вступлении в ЕС, хотя процесс натурализации и остается слишком медленным. Призывает латвийские власти продвигать этот процесс и рассматривает, что минимум языковых требований для пожилых людей может быть вкладом в это продвижение. Призывает латвийские власти преодолеть существующий раскол в обществе и способствовать подлинной интеграции неграждан, обеспечивая равные возможности в образовании и трудоустройстве. А также, предлагает латвийским властям предусмотреть возможность предоставить негражданам,

⁴²¹ Комитет по правам человека ООН. Заключительные замечания, ССРР/СО/79/LVA, 01.12.2003.

⁴²² Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации. Заключительные замечания, CERD/C/63/CO/7, 10.12.2003.

⁴²³ Комиссар по правам человека Совета Европы. Доклад по визиту в Латвию, CommDH (2004 г.) 3, 12.02.2004.

долгое время проживающим в Латвии, принимать участие в выборах в местные самоуправления.⁴²⁴

- Парламентская ассамблея ОБСЕ настоятельно рекомендует латвийским властям создать условия для участия лиц без гражданства в политической жизни страны, а именно дать им право голосовать на местных выборах.⁴²⁵

- Все резиденты обязаны платить местные налоги, а решения местных органов власти напрямую влияют на их жизнь. Поэтому право голосовать и участвовать в качестве кандидатов в местных выборах должно быть предоставлено всем резидентам, независимо от их гражданства или национальности. В этой связи Ассамблея призывает соответствующие страны выполнять рекомендации Комиссара по правам человека о предоставлении данного права резидентам, имеющих особый статус «неграждан» в соответствии с Конвенцией об участии иностранцев в политической жизни на местном уровне. В связи с этим Ассамблея предлагает, соответствующим странам-участницам и странам-наблюдателям Совета Европы, подписать и ратифицировать Конвенцию Совета Европы 1992 г. об участии иностранцев в общественной жизни на местном уровне и предоставить активные и пассивные избирательные права на местных выборах всем лицам, законно проживающим на их территории.⁴²⁶

- Парламентская Ассамблея предлагает властям Латвии вновь рассмотреть вопрос о существующих различиях в правах граждан и неграждан в целях устранения различий, которые не являются обоснованными или абсолютно необходимыми. По крайней мере, путем предоставления негражданам таких же прав, какими пользуются на территории Латвии граждане других государств-членов ЕС.⁴²⁷

- В соответствии с рекомендациями от БДИПЧ/ОБСЕ и других международных организаций, Сейму следует рассмотреть вопрос о предоставлении негражданам Латвии права участвовать в муниципальных выборах. Кроме того правительство должно активизировать свои усилия по поощрению неграждан начать и пройти процедуру натурализации.⁴²⁸

⁴²⁴ Европейский парламент. Резолюция Европейского парламента по поводу доклада Европейской комиссии по всестороннему мониторингу Чехии, Эстонии, Кипра, Латвии, Литвы, Венгрии, Мальты, Польши, Словении и Словакии на предмет готовности к вступлению в Европейский Союз. P5_TA (2004 г.) 0180, 11.03.2004.

⁴²⁵ Парламентская ассамблея ОБСЕ. Эдинбургская декларация 2004 г., Резолюция о ситуации с национальными меньшинствами в Латвии и Эстонии (05.07.2004 – 09.07.2004).

⁴²⁶ Парламентская ассамблея Совета Европы. Резолюция 1459 (2005 г.) «Об устранении ограничений на право голоса».

⁴²⁷ Парламентская ассамблея Совета Европы. Резолюция 1527 (2006 г.) «О правах национальных меньшинств в Латвии».

⁴²⁸ Бюро по институтам демократии и правам человека ОБСЕ. Латвийская Республика: Парламентские выборы, 08.02.2007.

- Исключение неграждан из политической жизни не способствует их интеграции. Комиссар подчеркнул этот момент в предыдущем докладе, рекомендуя Латвии рассмотреть возможность предоставления негражданам, среди прочего, права на участие в местных выборах. Следует отметить, что подавляющее большинство неграждан принадлежит к меньшинствам, и что этот статус исключает их из участия в политической жизни страны. Они не могут ни голосовать, ни быть избранными, даже на местном уровне. Хотя и был подготовлен законопроект, предоставляющий негражданам права голоса на местном уровне, текст еще не был рассмотрен парламентом. Комиссар надеется на то, что парламент вскоре примет закон, улучшающий участие иностранцев в политической и общественной жизни.⁴²⁹

- ЕКРН призывает латвийские власти делать все возможное, чтобы продолжать успехи в процессе натурализации. В этой связи следует определить возможность сделать существующие правила процедуры натурализации более гибкими. Также властям следует продолжать стимулировать желание неграждан для получения латвийского гражданства путем натурализации. ЕКРН призывает латвийские власти углубиться в проблему статуса неграждан с целью найти быстрое и гуманное решение для живущих с этим статусом лиц. В частности, ЕКРН повторно подчеркивает, что следует придать приоритетный статус и решить вопрос о неравноправии латышей и неграждан во многих областях и по отношению ко многим правам. Латвийским властям следует пересмотреть список тех профессий, которые в данный момент недоступны негражданам. Отмечая, что значительная часть неграждан живет в Латвии всю жизнь или значительную часть жизни, ЕКРН призывает власти Латвии присвоить негражданам избирательное право на выборах самоуправлений.⁴³⁰

- Комитет настоятельно призывает обеспечить, чтобы отсутствие гражданства у постоянных жителей не препятствовало бы их равенству в экономических, социальных и культурных правах, в том числе занятости, социальной защите, здравоохранению и образованию. Он также просит страну-участницу представить в своем следующем периодическом докладе подробную и всеобъемлющую информацию о пользовании всеми экономическими, социальными и культурными правами, независимо от статуса граждан/неграждан.⁴³¹

⁴²⁹ Комиссар Совета Европы по правам человека. Меморандум правительству Латвии, Страсбург, CommDH (2007 г.) 9, 16.05.2007.

⁴³⁰ Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРН). Третий доклад по Латвии, CRI (2008 г.) 2, 29.06.2007.

⁴³¹ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Латвия. Заключительные замечания (E/C.12/LVA/CO/1), 07.01.2008.

- Предоставление права голоса на местных выборах для неграждан, являющихся долговременными жителями Латвии, должно быть рассмотрено правительством и стать предметом широкого обсуждения в латвийском обществе.⁴³²

- Рекомендация 257 (2008 г.) «Местная демократия в Латвии: участие неграждан в общественной и политической жизни на местном уровне»: «Рекомендуется латвийским властям принять новое законодательство или поправки к действующим законам, предоставляющие негражданам право голоса с целью способствования их вовлечения в политическую жизнь и интеграции общества Латвии».⁴³³

В конце декабря 2001 г. в Вене Постоянный совет ОБСЕ объявил о закрытии своей миссии в Латвии. В связи, с чем миссия ОБСЕ прекратила свою деятельность в Латвии 1 января 2002 г. На заседании Постоянного совета глава миссии ОБСЕ в Латвии П. Семнеби высказался о достижениях страны в создании демократического и интегрированного общества: «Гладко идет процесс натурализации, успешно действует Государственная программа по обучению латышскому языку, начал действовать Фонд общественной интеграции, улучшилась деятельность Государственного бюро по правам человека».⁴³⁴ В декабре 2001 г. большинство стран-участниц ОБСЕ согласилось с оценкой ситуации в Латвии о том, что работа миссии выполнена.

Миссия ОБСЕ в Латвии открылась в 1993 г., за этот период миссия, согласно своему мандату, помогала Латвии в разработке демократического законодательства о гражданстве и содействовала процессу натурализации, а также развитию интеграции, образования и языковой политики.

МИД Латвии отмечало, что «Успешное завершение работы миссии ОБСЕ еще раз засвидетельствовало соответствие международным стандартам латвийского законодательства и процесса его реализации на практике, а также показало готовность Латвии стать полноправным членом объединений демократических государств – НАТО и Европейского Союза». При этом Латвия продолжила и продолжает участвовать в работе организации, тесно сотрудничает с верховным комиссаром по вопросам национальных меньшинств, с Бюро по демократическим институтам и правам человека, а также другими структурами ОБСЕ.

⁴³² Специальный докладчик по современным формам расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. Доклад о миссии в Латвии комитету ООН по правам человека (A/HRC/7/19/Add.3) 05.03.2008.

⁴³³ Конгресс местных и региональных властей Совета Европы. 03.12.2008.

⁴³⁴ DELFI.LV. ОБСЕ закрывает свою миссию в Латвии // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/obse-zakryvaet-svoyu-missiyu-v-latvii.d?id=2355590> [19.12.2001].

Из отчета ОБСЕ в 2001 г. следует, что миссия в Латвии на тот период продолжала уделять основное внимание вопросам гражданства и натурализации, стремясь оказывать поддержку более чем 500 000 жителей Латвии, которые по-прежнему не имели статуса ее граждан. Деятельность миссии в тот период была больше связана с оказанием поддержки общественным институтам по причине, что ранее стоявшие перед страной задачи в области законодательства к тому времени были уже решены. Так, в целях повышения темпов натурализации и поддержания у неграждан интереса к получению гражданства, миссия ОБСЕ вместе с Программой развития ООН и латвийским Советом по натурализации приступила осенью 2001 г. к осуществлению двух проектов. Один из которых, начался в сентябре 2001 г. и предусматривал бесплатную языковую подготовку кандидатов на натурализацию. Другой проект предполагал проведение информационной и пропагандистской кампании среди населения с использованием рекламы и рассылки писем по домашним адресам жителей. Данные проекты пользовались финансовой поддержкой Германии, Канады, Норвегии, Соединенного Королевства, США и Швеции. Сбор основной части средств на их осуществление в размере около 500 000 долларов США был проведен миссией ОБСЕ.

Кроме того, миссия на тот момент времени добивалась пересмотра процедур натурализации. 5 июня 2001 г. правительством Латвии были приняты два указа, соответствующих рекомендациям миссии. Предусматриваемые ими изменения в процедурах включали снижение общего сбора при приеме ходатайств с 48 до 32 долларов США, а также признание для целей натурализации свидетельств о сдаче экзаменов по языку, выданных школами для меньшинств.

Миссия оказывала содействие в урегулировании индивидуальных случаев, касающихся права на проживание и получение гражданства. Отдельные случаи рассматривались в рамках трехсторонней комиссии по военным пенсионерам, в состав которой входил руководитель миссии ОБСЕ. В предшествующие годы число лиц, испытывающих затруднения в связи со своим правовым статусом в Латвии начало сокращаться.

К концу июня 2001 г. к категории неграждан Латвии относилось около 545 000 жителей, или примерно 23% населения. На момент отчета ОБСЕ за 2001 г. поток поданных заявлений на натурализацию сократился, и миссия поставила новую задачу – принять меры, которые увеличат число ходатайств о предоставлении гражданства.

В ноябре 2000 г. после соответствующих демаршей, предпринятых, в частности, миссией и Верховным комиссаром ОБСЕ по делам национальных меньшинств, в

инструкции по применению закона о государственном языке был внесен ряд изменений. Это было сделано, с целью ограничить применение Закона о языке в частном секторе лишь теми случаями, когда затрагивались законные общественные интересы.

Миссия также наблюдала за выполнением Закона о государственном языке. В связи с переносом акцента в своей деятельности по поддержке общественных институтов миссия ОБСЕ участвовала в проекте по разработке совместно с латвийским Центром государственного языка практического пособия для языковых инспекторов Латвии.

Миссия следила за рассмотрением дел по государственному языку, переданных в учрежденный на основе Международного пакта о гражданских и политических правах Комитета ООН по правам человека, а также в Европейский суд по правам человека.

Что касается вопросов образования, то миссия поддерживала с министерством образования и науки, а также с неправительственными организациями обширные контакты в связи с введением в 2004 г. латышского языка как основного языка преподавания в средних школах. Для того, чтобы проверить обоснованность рекомендаций миссией было проведено исследование по отношению родителей, учителей и учащихся к реформе образования.

По программе социальной интеграции миссия участвовала в работе консультационного совета данной программы. Принятие и осуществление всеобъемлющей Программы социальной интеграции смыкались с другими направлениями работы миссии. Так, подготовленные ею проекты по вопросам гражданства и натурализации были частью программы.

В апреле 2001 г. миссия и отделение Программы развития ООН в Латвии обратились к группе международных и латвийских экспертов с предложением провести оценку имеющихся в стране механизмов защиты прав граждан и обеспечения надлежащей практики государственного управления. Функции секретаря этой группы выполнял заместитель руководителя миссии ОБСЕ в Латвии. Поддержка в этой работе была оказана Канадой, Финляндией и Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ). Эксперты рекомендовали ряд краткосрочных мер по укреплению Национального бюро по правам человека и проведение в более долгосрочной перспективе дальнейших организационно-правовых преобразований. 31 мая 2001г. их доклад был представлен президенту страны, а в начале июня вынесен на открытое обсуждение в ходе соответствующего семинара. Его полный текст был опубликован в официальной правительственной газете «Латвияс Вестнесис». Впоследствии министр юстиции в письме на имя руководителя Миссии одобрительно отозвался о рекомендациях, изложенных в

первой части доклада, как о детальном практическом плане рационализации работы Национального бюро по правам человека.⁴³⁵

18 декабря 2000 г. Постоянный Совет ОБСЕ принял решение не продлевать мандат миссии ОБСЕ в Латвии. Глава миссии в Латвии посол П. Семнеби представил свой отчет Постоянному Совету.⁴³⁶ Посол П. Семнеби проинформировал о шагах, которые Латвией проделала в создании демократического и интегрированного общества. В отчете было указано, что процесс натурализации продолжился, успешно реализовывалась Государственная Программа по обучению латышскому языку, также было указано о начале работы фонда интеграции общества и о модернизации работы Государственного Бюро по правам человека. Посол П. Семнеби высоко оценил инициативу президента Латвии исключить из избирательного законодательства условие для кандидатов в депутаты об определенном уровне знания государственного языка. В заключение было сказано, что в Латвии существует стабильное гражданское общество, которое активно принимает участие в политических процессах.

ОБСЕ и страны-участницы сделали заявление, что присутствие миссии не требует продления и отражает позитивную оценку работы Латвии в области защиты прав человека, проделанной со времени основания миссии ОБСЕ в 1993 г. За это время миссия помогала Латвии развивать демократическое законодательство в области гражданства и способствовала процессу натурализации в соответствии со своим мандатом. Миссия также наблюдала за развитием латвийской политикой интеграции общества, включая политику образования и языковую политику.

Государственный бюджет на 2002 г. предусматривал увеличение финансовой поддержки для интеграции общества. 29 ноября Парламент Латвии принял государственный бюджет на 2002 г., предусматривающий значительное увеличение финансирования в области интеграции общества на 40%.

На тот период планировалось ввести доплаты учителям школ национальных меньшинств, преподающим билингвально на 10%. Также были выделены финансовые ресурсы для Управления натурализации и Государственной Программы по обучению латышскому языку. На 10% планировалось увеличить бюджет для Государственного бюро по правам человека.

⁴³⁵ Генеральный секретарь ОБСЕ. Ежегодный доклад за 2001 год о деятельности ОБСЕ (1 ноября 2000 года – 31 октября 2001 года). 2001.

⁴³⁶ Министерство иностранных дел Латвийской Республики. Интеграция общества в Латвии: от планов к их выполнению N. 20, декабрь 2001 года // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ru/periodicheskie-izdaniya/integraciya-obshchestva-v-latvii-ot-planov-k-ih-vypolneniyu/integraciya-obshchestva-v-latvii-ot-planov-k-ih-vypolneniyu-n-20-dekabr-2001-goda> [02.12.2014].

В связи с принятыми рекомендациями, фонд интеграции общества рассматривал проекты по интеграции общества, а также в рамках своей работы на период 2001 г. поддержал 22 проекта Государственной программы «Интеграции общества в Латвии», выделив из государственного бюджета на 2001 г. 127 000 латов.

В 2001 г. Фонд поддерживал проекты двух направлений: проекты по интеграции общества и проекты по этнической интеграции, которые, в свою очередь, подразделяются на языковые, культурные и другие проекты. Культурные проекты включают проекты, содействующие этническим меньшинствам, и в том числе, знакомящие этнические меньшинства с латышской культурой. Из проектов по этнической интеграции значительное финансирование было выделено проектам по обучению латышскому языку, таким как, обучение языку претендентов на натурализацию, а также переходу средних школ на образование на государственном языке.

7 декабря 2001 г. состоялось официальное открытие Информационного центра Управления натурализации, в рамках разработанного в 1998 г. проекта программы ЕС PHARE и проекта Управления натурализации «Интеграция общества через информацию и образование». Проект предусматривал создание современного информационного центра, служащего интересам общественности, расширяя библиотеку, подготавливая информационные материалы, осуществляя пилотные проекты и повышая квалификацию работников управления.

Перед информационным центром, на тот период, ставились такие цели, как повышение осведомленности и знаний общества в вопросах гражданства и интеграции, а также способствование участию общественности в социальных и политических процессах в Латвии. В свою очередь, основные задачи заключались в сборе, систематизации и анализе информации о вопросах гражданства и интеграции в Латвии и в мире, в том числе подготовка и распространение информационных материалов, и развитие диалога с общественностью.

Статистика Управления натурализации отмечала, что количество желающих пройти натурализацию, чтобы получить гражданство Латвии, в последние месяцы 2001 г. резко возросло благодаря постановлению правительства от 5 июня 2001 г. уменьшить пошлину за натурализацию и упростить процедуру теста по латышскому языку. В июне 2001 г. было подано 386 заявок, тогда как в июле – 636, в августе – 680, в сентябре – 884, в октябре – 1053 и в ноябре – 865. По данным на 1 декабря было подано в общей сложности 7980 заявок на натурализацию, 9839 человек прошли натурализацию и получили латвийское гражданство.

На территории города Алуksне (восточная Латвия) мероприятия по интеграции общества проходили отдельно. В 2001 г. там была проведена конференция по интеграции общества под лозунгом «От разобщения к участию», с участием председателя Управления натурализации, представителей местных самоуправлений Алуксненского района, образовательных институций, общественных групп и Управления натурализации и других заинтересованных лиц. В свою очередь, совет Алуксненского района в 2001 г. создал рабочую группу по интеграции общества и вел работу над разработкой программы интеграции общества для Алуксненского района.

Постоянная миссия Латвии в ООН, ОБСЕ и других международных организациях в Вене предложила Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ (БДИПЧ ОБСЕ) осуществить наблюдение за выборами в национальный парламент 2 октября 2010 г. Следуя рекомендации миссии по оценке потребностей, БДИПЧ ОБСЕ направило в Латвию Ограниченную миссию по наблюдению за выборами (ОМНВ).⁴³⁷ ОМНВ БДИПЧ ОБСЕ оценивала соответствие избирательного процесса обязательствам ОБСЕ и иным международным нормам проведения демократических выборов, а также требованиям латвийского законодательства. В соответствии со стандартной методикой БДИПЧ ОБСЕ в отношении ограниченных миссий по наблюдению за выборами, ОМНВ не осуществляла полномасштабного и систематического наблюдения над процедурами проведения выборов, а посетила ограниченное количество участков для голосования.

Результаты миссии показали следующие сложности, которые присутствовали на 2010 г. в Латвии. Поскольку закон предоставляет право голосовать и быть избранными только гражданам Латвии, то по оценкам миссии, около 321 000 неграждан (достигших избирательного возраста и долгое время проживающие в стране) не имели права участвовать в голосовании на выборах. Хотя наличие гражданства считается допустимым ограничением избирательного права, в частности, в отношении проведения выборов на государственные должности, отсутствие возможности у около 17% жителей избирательного возраста участвовать в выборах оставалось сложной задачей. Ряд международных организаций и институтов, включая БДИПЧ ОБСЕ, неоднократно рекомендовали предоставить избирательные права в местных выборах негражданам.

На период проведения выборов миссия отметила, также, что поскольку политические силы в Латвии разделены по языковому признаку, некоторые партии включили в списки кандидатов представителей как латышского, так и русского населения, и пытались добиться внимания обеих частей населения. Требования Закона о

⁴³⁷ ОБСЕ Латвия Парламентские выборы 2 октября 2010 г. Заключительный отчет // URL: <http://www.osce.org/ru/odhr/elections/latvia/75205?download=true> [2010].

государственном языке были истолкованы как воспрепятствующие печатное просвещение и информирование избирателей на любом языке, кроме латышского, что ущемляло права избирателей, недостаточно хорошо владеющих государственным языком.

Также было отмечено, что права кандидатов подпадают под действие положений о люстрации. Кандидатами не могут быть лица, состоявшие «на жаловании» в советских органах госбезопасности, разведки и контрразведки. В марте 2006 г. по делу «Жданок против Латвии» Европейский суд по правам человека постановил, что «парламент Латвии должен регулярно пересматривать это законодательное ограничение с целью скорейшего завершения этого процесса». В соответствии с этим постановлением, поправки 2009 г. сузили сферу применения этого ограничения, и оно уже не распространяется на лиц, являющихся штатными служащими плановых, финансовых и технических отделов вышеупомянутых организаций.

За период до и после вступления Латвии в Европейский союз в 2004 г. показатели натурализации резко возросли, однако снизились после 2006 г. Неграждане имеют право вступать в политические партии при условии, что они не будут составлять половины всех членов партии, а также делать финансовые пожертвования политическим партиям.

Хотя наличие гражданства считается допустимым ограничением избирательного права, в частности, при проведении выборов на государственные должности, отсутствие возможности у около 17% жителей избирательного возраста участвовать даже в местных выборах и выборах в Европейский парламент остается сложной задачей. Ряд международных организаций и институтов, включая БДИПЧ ОБСЕ, Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств, Парламентскую Ассамблею ОБСЕ и Совет Европы, неоднократно рекомендовали предоставить негражданам избирательные права в местных выборах. После вступления в Европейский союз и в соответствии с его нормами, Латвия предоставила право голосовать в местных выборах и выборах в Европейский парламент всем гражданам ЕС, проживающим в Латвии. Предоставление права на голосование в этих выборах также и другим долговременно проживающим в стране негражданам согласовалось бы с тем же самыми принципами.

Латвия ратифицировала «Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств» в 2005 г. Декларация Сейма о ратификации Рамочной конвенции распространила рамки действия Конвенции на постоянных жителей Латвии, не имеющих латвийского гражданства или гражданства другой страны, которые отождествляют себя с каким-либо национальным меньшинством. Большинство лиц, не имеющих латвийского гражданства, являются русскими.

Закон о государственном языке и постановления Кабинета министров определяют уровень необходимых языковых знаний служащих государственных учреждений, а также специалистов, работающих в частном секторе. В сентябре 2010 г. Сейм внес изменения в Закон о статусе сотрудников местных муниципалитетов, которые обязывают суды аннулировать мандаты избирательных членов местных советов, если те, в свою очередь, не смогут продемонстрировать должный уровень знаний латышского языка, в течение шести месяцев с момента избрания. В отчете миссии за 2010 г. было отмечено, что согласно Закону об электоральных средствах массовой информации, 65% всех программ краевого и государственного телевидения Латвии, транслируемых наземными телевизионными сетями, с января 2011 г. должны быть на латышском языке.

Власти истолковали Закон о государственном языке как запрещающий публикацию информационных материалов для избирателей на других языках, помимо латышского, что могло стать препятствием для избирателей с недостаточным знанием государственного языка. Однако ЦИК опубликовала определенную информацию на русском языке на своем веб-сайте, а в социальной рекламе ЦИК для демонстрации процедуры голосования, в основном, были использованы визуальные элементы. Русскоязычные печатные издания и вещатели распространили информацию о процедуре голосования, а некоторые собеседники ОМНВ БДИПЧ ОБСЕ, включая представителей русскоязычного меньшинства, сказали, что это помогло заполнить информационный пробел для русскоязычных избирателей.

Все официальные сообщения, в том числе жалобы и апелляции, должны были быть составлены на латышском языке, либо сопровождаться официальным переводом. Однако 10 из 21 членов ГКИК, с которыми представители ОМНВ БДИПЧ ОБСЕ встречались в предвыборный период, заявили, что они приняли бы жалобы, составленные на русском языке. Члены некоторых участковых избирательных комиссий, которые представители ОМНВ БДИПЧ ОБСЕ посетили в день выборов, отвечали на вопросы избирателей по процедуре выборов, как на латышском, так и на русском языках.

По итогам миссии Латвии были даны рекомендации, которые предназначены для проведения выборов в соответствии с обязательствами перед ОБСЕ и другими нормами демократических выборов, касательно неграждан. В рекомендации номер один говорилось, что в соответствии с предоставленными ранее рекомендациями БДИПЧ ОБСЕ и других международных организаций, следует рассмотреть вопрос о предоставлении негражданам права на участие в голосовании на местных выборах. Рекомендация номер два гласила следующее: «Правительству следует продолжить усилия по обучению

населения государственному языку, используя более гибкий подход к использованию языков национальных меньшинств в процессе выборов, в том числе, печатая информационные материалы для избирателей на языках национальных меньшинств в соответствии с Замечанием общего порядка № 25, и обеспечивая возможность использования языков национальных меньшинств при общении с представителями избирательной администрации, особенно на местном уровне».

Как показывают отчеты ОБСЕ по ситуации в Латвии, рекомендации данные Латвийской Республике не были выполнены, хотя государство в лице правящих политических элит давало свое согласие на то, что будет придерживаться рекомендаций в разработке политических программ и реализации проектов на законодательном уровне. Отчет миссии ОБСЕ за 2010 г. показал, что после вступления в Европейский союз и международные организации, при вступлении в которые необходимо было доказать свою готовность как демократического государства к европейской интеграции, Латвийская Республика стала более самостоятельной при выборе политического вектора. Ситуация же с замедлением роста натурализации также перестала быть для Латвии серьезной проблемой.

Русскоязычное население, не имеющее гражданства Латвии, носит в заявлениях политических деятелей проблемный характер только при проведении избирательных кампаний. В свою очередь, политическое руководство Латвии после интеграции в европейское общество и вступления в международные организации, стало не так остро реагировать на рекомендации международных организаций по правам человека о том, что в стране происходит дискриминация русскоязычного населения. Одним из основных требований к латвийскому правительству, со стороны международных организаций, было предоставление негражданам возможности участия в политической жизни страны. Данная возможность была бы актуальной, т.к. неграждане Латвии являются налогоплательщиками и должны иметь право голоса на выборах, хотя бы в местное самоуправление, что соответствовало бы нормам демократического государства. Но Латвия не предоставила данного права негражданам ни до, ни после вступления в Европейский союз.

§ III.2. НАРУШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛАТВИИ ДО И ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

В октябре 2003 г. уполномоченным по правам человека А. Хиль-Роблесом Совета Европы был подготовлен меморандум о визите в Латвию, где были отражены проблемы, которые на тот момент являлись актуальными.⁴³⁸

В пункте о защите меньшинств отмечалось, что, как и в большинстве стран-членов Совета Европы, население Латвии включало в себя несколько значительных групп меньшинств. Тем не менее, большая часть людей, принадлежащих к меньшинствам, не имели латвийского гражданства, что представляло собой реальную проблему для латвийского общества в целом.⁴³⁹ В меморандуме правительству Латвии от 16 мая 2007 г. «Оценка прогресса, достигнутого в реализации рекомендаций Комиссара Совета Европы по правам человека от 2003 г.»⁴⁴⁰ было отмечено, что Латвия достигла определенного прогресса в области натурализации. При этом было отмечено, что основная проблема все же оставалась, а именно продолжение существования статуса негражданина, которым обладало в основном представители национальных меньшинств. Что являлось проблемой, с точки зрения, равенства и социальной сплоченности.⁴⁴¹ Таким образом, со стороны латвийского правительства происходил речевой акт, нацеленный на десекуритизацию аспектов, обозначенных в меморандуме от 2003 г. Можно ли считать десекуритизацию, проведенную, латвийским правительством успешной, об этом говорит меморандум от 2007 г.

В меморандуме верховного комиссара от 2003 г. были выделены проблемы, касающиеся вопросов гражданства. Где было отмечено, что стремление Латвии к европейской интеграции после восстановления независимости должно было быть общим для всего общества. Латвия находилась в положении, когда необходимо было избегать ситуации, когда отдельные группы общества исключены из процесса интеграции в европейское сообщество. Верховный комиссар отмечал важность объединения общества, без воспоминаний о болезненном прошлом, при строительстве государства.⁴⁴²

Когда Латвия восстановила свою независимость, то гражданство получили только те лица, которые имели гражданство до 1940 г., и их потомки. Все остальные лица, которые прибыли в Латвию после 1940 г. имели право получить гражданство, только через процедуру натурализации. В тоже время таких людей к 2003 г. насчитывалось около 740 000, что при сравнительно маленькой государственной территории являлось

⁴³⁸ Меморандум уполномоченного по правам человека Альваро Хиль-Роблеса по визиту в Латвию 5 – 8 сентября 2003 года для сведения министров и Парламентской ассамблеи.

⁴³⁹ В меморандуме от 2003 года раздел 23.

⁴⁴⁰ Меморандум правительству Латвии «Оценка прогресса, достигнутого в реализации рекомендаций комиссара Совета Европы по правам человека от 2003 года». Страсбург. 16 мая 2007 года.

⁴⁴¹ В меморандуме от 2003 года раздел 29.

⁴⁴² В меморандуме от 2003 года раздел 24.

серьезной проблемой. Государство не могло игнорировать данную проблему, что привело к внедрению специфического статуса для некоторых групп населения.⁴⁴³

22 апреля 1995 г. был принят Закон о статусе бывших граждан Советского Союза, не обладающих ни латышским гражданством, ни гражданством иного государства. В ходе этого закона, было установлено, что лица, проживающие на территории Латвии без права на гражданство Латвии, могли обменять свой прежний паспорт СССР или иной документ, удостоверяющий, что они проживали в Латвии, на паспорт негражданина. Таким образом, на территории Европы появился паспорт с необычным статусом.⁴⁴⁴

По официальным данным на 1 июля 2003 г., количество неграждан составляло 494 319 человек, или 21% населения. Если бы данная группа лиц проживала в Латвии, как иностранцы, то это бы не было необычным положением в Европе. Тем не менее, ситуация являлась исключительной в том, что все неграждане не имели гражданства, потеряв гражданство Советского Союза.⁴⁴⁵ Следовательно, возник вопрос относительно фактического статуса этой группы населения, а также не являлась ли ситуация с лицами без гражданства классическим случаем международного публичного права. В соответствии с первой статьей конвенции 1954 г. о статусе апатридов, термин «лица без гражданства» - означает лицо, которое не является гражданином какого-либо государства, ведь латвийские неграждане не имели гражданства ни Латвии, ни гражданства иного государства.⁴⁴⁶

В свою очередь, правительство Латвии посчитало не уместным сравнивать статус неграждан и лиц без гражданства. Как отмечено в меморандуме со стороны латвийского правительства, права неграждан были более обширны, чем права лиц без гражданства. Неграждане Латвии пользовались основными правами человека, как и граждане, за исключением прав избирать и быть избранными, а также неграждане имели те же социальные гарантии, имели право на получение международного паспорта, а также находясь за границей, пользовались консульской защитой Латвии. Их правовой статус и права остались закрепленными в законе от 1995 г. При этом на территории Латвии находились лица без гражданства, чей статус определялся другим законом. Количество лиц без гражданства в Латвии 173 000 человек по состоянию на 1 января 2004 г.⁴⁴⁷ Данный вопрос не возник в меморандуме от 2007 г., что является доказательством того, что данный речевой акт десекьюритизации был успешным для латвийского правительства. А

⁴⁴³ В меморандуме от 2003 года раздел 25.

⁴⁴⁴ В меморандуме от 2003 года раздел 26.

⁴⁴⁵ В меморандуме от 2003 года раздел 27.

⁴⁴⁶ В меморандуме от 2003 года раздел 28.

⁴⁴⁷ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2003 года, относительно раздела 28.

именно ОБСЕ принял положение латвийского правительства о том, что правовой статус неграждан не был нарушен, как на законодательном, так и на гражданском уровне.

Проблема статуса негражданина привлекла внимание Совета Европы, как только Латвия вступила в организацию, что повлекло за собой множество рекомендаций в адрес латвийского правительства. В частности, различные органы Совета Европы призвали латвийские власти к упрощению процедуры получения гражданства, с тем, чтобы ускорить интеграцию неграждан в гражданское сообщество. Рекомендации были даны в соответствии с международным правом, главной целью которых было сокращение количества лиц безгражданства.⁴⁴⁸

В меморандуме от 2003 г. отмечалось, что Латвия прилагала большие усилия в этом направлении. После принятия Закона о гражданстве в 1994 г. латвийские власти выражали заинтересованность в том, чтобы неграждане приобретали гражданство Латвии. В акте 1994 г. изложены основные требования к натурализации, как для иностранцев, так и для неграждан. Основными требованиями являлись доказательство законного проживания в течение пяти лет в Латвии, законные источники дохода, знание латышского языка, конституции и истории Латвии. Эти требования соответствовали европейским стандартам, принятым в подавляющем числе стран-участниц Совета Европы.⁴⁴⁹

Тем не менее, эта оценка должна была быть квалифицирована в свете того факта, что ситуация, с которой сталкивалась Латвия имела важную особенность. Заключалась она в том, что подавляющее большинство иностранцев, проживающих в Латвии, относились к особой категории граждан, признанных властями в качестве особой группы, которые не могли рассматриваться в качестве иностранцев, в обычном определении этого понятия. В беседах с представителями властных структур, не однократно оговаривался тот факт, что статус неграждан и статус иностранцев не мог быть приравнен, так как латвийский закон дал им статус, очень похожий на статус гражданина, который включал в себя консульскую защиту за рубежом. Исходя из этого, статус неграждан являлся необычным, и все же принимая во внимание конвенцию 1954 г., основные характеристики статуса негражданина совпадали с лицами без гражданства.⁴⁵⁰

Верховный комиссар согласился с тем, что история Латвии в двадцатом веке была трагична, и ситуация с негражданами являлась прямым результатом этой истории. При этом представитель Совета Европы высказывался о том, что история не должна быть препятствием для латвийского общества на пути создания демократического и

⁴⁴⁸ В меморандуме от 2003 года раздел 30.

⁴⁴⁹ В меморандуме от 2003 года раздел 31.

⁴⁵⁰ В меморандуме от 2003 года раздел 32.

процветающего государства. В свою очередь, такое движение вперед невозможно, если страна постоянно оглядывается на свое прошлое.⁴⁵¹ Советская эпоха в Латвии была жестокой, и многие жители продолжают рассматривать данный период в качестве огромной несправедливости, который ознаменовал себя репрессиями и чистками Сталина, характерными для этого бесчеловечного тоталитарного режима. В этот период коренным образом изменилась демография страны, что усугубило ситуацию, вызванную нацистской «оккупацией», которая привела к уничтожению еврейских и цыганских общин. Все это является частью истории и не должно быть забыто, при этом из этого необходимо извлечь уроки, которые предотвратят повторения подобных событий.⁴⁵²

Как было отмечено Верховным комиссаром, подавляющее большинство неграждан либо имеют латвийское происхождение, либо большую часть жизни прожили на территории Латвии и они не должны нести ответственность за события прошлого, притом, что сами являются жертвами этих же исторических событий.⁴⁵³ Несмотря на прогресс, процесс натурализации в 2003 г. шел по-прежнему довольно медленно. Процесс натурализации являлся довольно сложным и дорогим, что представляло собой препятствия на пути достижения целей, обозначенных в Законе о гражданстве.⁴⁵⁴

Латвийское правительство прокомментировало данное замечание тем, что латвийское законодательство позволяет практически каждому негражданину пройти натурализацию в любой момент. Правительство продолжает стимулировать неграждан для подачи заявлений на получение гражданства путем принятия законодательных мер, способствующих натурализации, а также путем информационных компаний, которые уже дали положительные результаты. Латвийское правительство отметило, что интерес к получению гражданства Латвии в последнее время значительно возрос. С сентября 2003 г. количество заявок на прохождения натурализации значительно возросло по сравнению этого же периода в предыдущие годы. Одной из причин роста является политика открытости и поощрения правительства, а также выделение ресурсов на обучение латышскому языку претендентов на натурализацию. Другая причина заключается в том, что с вступлением в Европейский Союз в Латвии различий в возможностях граждан и неграждан станет больше, а именно граждане Латвии автоматически станут гражданами ЕС.⁴⁵⁵

⁴⁵¹ В меморандуме от 2003 года раздел 33.

⁴⁵² В меморандуме от 2003 года раздел 34.

⁴⁵³ В меморандуме от 2003 года раздел 35.

⁴⁵⁴ В меморандуме от 2003 года раздел 36.

⁴⁵⁵ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2003 года, относительно раздела 36.

С момента начала натурализации, в феврале 1995 г., по статистике, предоставленной властями в 2003 г., число неграждан, проживающих в Латвии снизилось с 740 000 человек до 490 000. Тем не менее, статистика натурализации показывала не все причины сокращения числа неграждан (69 000 человек прошло процедуру натурализации к 2003 г.), другие факторы, влияющие на сокращения числа неграждан, связаны со смертностью и эмиграцией. В ноябре 1998 г. в Латвии были внесены поправки в Закон о гражданстве для упрощения процедуры натурализации. В ходе чего была отменена «система окон», которая позволила негражданам пройти процедуру натурализации в любое время. Также поправки от 1998 г. позволили автоматически получить гражданство детям, родившимся в Латвии после восстановления независимости 21 августа 1991 г., а также были упрощены языковые тесты, уменьшено количество вопросов об истории.⁴⁵⁶ В резолюции 1236 от 23 января 2001 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы одобрила данные изменения.⁴⁵⁷

Другие изменения были связаны с сокращением на треть сборов натурализации, что открыло возможности прохождения натурализации для пожилых людей, безработных, инвалидов и детей школьного возраста. Также были упрощены требования знания латышского языка, а также школьники, которые сдали общий экзамен по латышскому языку в школах национальных меньшинств, освободились от теста по квалификации латышского языка.⁴⁵⁸

При общении с представителями гражданского общества и государственных ведомств в Риге и Даугавпилсе, было отмечено, что общество хорошо восприняло позитивные изменения процедуры натурализации, так как существовала опасность в том, что если бы цели натурализации не были бы достигнуты, то это могло бы усугубить напряженность между представителями национальных меньшинств и латвийского правительства, так как не был бы достигнут результат, несмотря на приложенные усилия.⁴⁵⁹ Поэтому было крайне важно установить откровенный, открытый диалог в интересах социальной гармонии, так как без взаимопонимания не могло быть взаимного уважения и признания. При этом в общении с людьми на улице и в различных учреждениях наблюдались гармоничные отношения между различными слоями населения. В то же время ряд политических лидеров, хотели бы сохранить и укрепить эти отношения внутри нации.⁴⁶⁰

⁴⁵⁶ В меморандуме от 2003 года раздел 37.

⁴⁵⁷ В меморандуме от 2003 года раздел 38.

⁴⁵⁸ В меморандуме от 2003 года раздел 39.

⁴⁵⁹ В меморандуме от 2003 года раздел 40.

⁴⁶⁰ В меморандуме от 2003 года раздел 41.

Существовал целый ряд шагов, которые следовало бы предпринять для улучшения существующей ситуации.⁴⁶¹ Как было видно из статистики в 2003 г., в процессе натурализации не были достигнуты цели, так как число лиц прошедших натурализацию было низким, а тенденция последних двух лет показывала, что показатели процесса снижались. В то время как в 2000 г. натурализацию прошли 14 900 человек, то этот же показатель в 2001 г. составил 10 637, а в 2002 году – 9 844 человек.⁴⁶² На основании исследования выяснилось, что подавляющее большинство респондентов не проходили натурализацию, так как считали, что гражданство должно было быть им предоставлено автоматически, либо потому что боялись экзамена по государственному языку, или потому что имели финансовые затруднения.⁴⁶³

По мнению латвийских властей, низкое количество обращений на прохождение натурализации было связано с тем, что неграждане не верили, что натурализация существенно изменит текущую ситуацию.⁴⁶⁴ Кроме того, одним из основных факторов, по причине которого люди воздерживались проходить процедуру натурализации, являлась возможность неграждан на более выгодных условиях, чем гражданам, совершать поездки в страны СНГ.⁴⁶⁵ Латвийское правительство заявляло, что основным сдерживающим фактором для подачи заявлений на натурализацию являлся тот факт, что Россия представляла собой важное направление для туристических, деловых и семейных поездок для жителей Латвии. Визовый сбор для граждан Латвии был во много раз выше, чем для неграждан. Также латвийское правительство озвучивало, что Российская Федерация в свою очередь могла бы нивелировать визовые сборы, что было бы положительным шагом в содействии натурализации неграждан, которые имели российское происхождение. Для того чтобы получить однократную визу для поездки в Россию неграждане должны были оплатить пошлину в размере 8 долларов США, в свою очередь для граждан размер пошлины составлял 20 долларов США. Для получения многократной визы в Россию, неграждане оплачивали пошлину в размере 12 долларов США, а граждане – в размере 80 долларов США.⁴⁶⁶ Данное положение не было оспорено в меморандуме от 2007 г., что говорит о том, что данные комментарии удовлетворили ОБСЕ.

В меморандуме от 2003 г. латвийскому правительству было рекомендовано ввести дополнительные изменения, чтобы дать новый импульс процессу натурализации. Для

⁴⁶¹ В меморандуме от 2003 года раздел 42.

⁴⁶² В меморандуме от 2003 года раздел 43.

⁴⁶³ В меморандуме от 2003 года раздел 44.

⁴⁶⁴ В меморандуме от 2003 года раздел 45.

⁴⁶⁵ В меморандуме от 2003 года раздел 46.

⁴⁶⁶ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2003 года, относительно раздела 46.

начала следовало упростить тесты по государственному языку для наиболее уязвимых групп населения, что следовало начать делать для лиц пожилого возраста. Несмотря на то, что статья 21 Закона о гражданстве освобождала лица в возрасте от 65 лет от письменного экзамена по латышскому языку.⁴⁶⁷ В ходе посещения Департамента Натурализации в Даугавпилсе, где должностные лица разъяснили порядок натурализации на всех ее этапах, было также выяснено, что тест по государственному языку достаточно сложный. Было согласие, что официальный язык страны необходимо знать всем, но данное заявление не справедливо к старшему поколению, так как требовать от них знания на уровне требований к молодым людям и школьникам являлось не уместным. Властям было рекомендовано придти к пониманию того, что некоторые группы населения испытывают трудности в изучении нового языка, особенно в определенном возрасте.⁴⁶⁸

Аналогичные трудности вызывала оплата прохождения натурализации. По мнению некоторых групп населения, стоимость натурализации представляла для них значительную сумму, что являлось одной из причин, которая препятствовала их подачи заявления на прохождение процедуры. Положительно было принято снижение стоимости процедуры для пенсионеров, но при этом были пожелания об отмене платы для пенсионеров и детей.⁴⁶⁹ Данная проблема была отмечена и в меморандуме от 2007 г., где было отмечено, что в меморандуме от 2003 г., латвийским властям было рекомендовано сделать прохождение процедуры натурализации бесплатной для всех неграждан. Хотя данная рекомендация не была соблюдена полностью, были внесены некоторые существенные изменения. А именно, уменьшение платы за данную процедуру, которая подразумевала уменьшение стоимости до 20 латов и отмену сборов в случае пересдачи. Пенсионерам, инвалидам 2 и 3 группы, а также обездоленным людям, проживающим в одиночку, было позволено оплатить сбор в размере 3 лат. Прохождение процедуры натурализации осуществлялось бесплатно для признанных жертв политических репрессий во время советской власти, инвалидов первой группы, сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.⁴⁷⁰

Таким образом, десекьюритизация проблемы сложности языковых тестов от 2003 г. не была успешной для латвийского правительства. Вновь отмеченная проблема в 2007 г., показывала, что латвийскому не удалось закрыть вопрос о сложности экзаменов натурализации. При этом комментарии со стороны латвийского правительства в 2007 г. отмечали лишь проблему стоимости. Латвийское правительство, прокомментировало, что

⁴⁶⁷ В меморандуме от 2003 года раздел 47.

⁴⁶⁸ В меморандуме от 2003 года раздел 48.

⁴⁶⁹ В меморандуме от 2003 года раздел 49.

⁴⁷⁰ В меморандуме от 2007 года раздел 39.

согласно данным, предоставленным управлением натурализации, более 41 % претендентов на натурализацию платят либо по сниженным тарифам, либо же освобождаются от уплаты за прохождение процедуры натурализации.⁴⁷¹

Процесс прохождения натурализации перед вступлением Латвии в ЕС и в первые годы после вступления был успешным, так как было большое количество заявлений на натурализацию со стороны неграждан. Данная положительная тенденция была отмечена в меморандуме от 2007 г., где также было отмечено, что латвийское правительство активно проводило информационные кампании, которые оказывали положительное воздействие на увеличение количества лиц, прошедших натурализацию. 1 апреля 2006 г. в Латвии насчитывалось 1 836 609 граждан и 411 054 неграждан. Последняя цифра составляла почти 18 % населения, и 66,5 % из них принадлежало к русскому меньшинству, согласно данным, предоставленным неправительственными организациями. Процесс натурализации значительно ускорился с 2004 г., после вступления Латвии в Европейский Союз. 16 064 человек прошли натурализацию в 2004 г. по сравнению с 10 046 человек в 2003 г., в свою очередь, в 2005 г. натурализовалось 19 169 человек, а в 2006 г. – 15 794 человека.⁴⁷²

Правительство Латвии ссылалось на данные, предоставленные управлением по делам гражданства и миграции за 12 апреля 2007 г., в Латвии проживало 386 632 неграждан, что составляло менее 17 % населения Латвии.

Несмотря на то, что русское меньшинство являлось крупнейшим национальным меньшинством в Латвии, в докладе игнорировались другие представители национальных меньшинств, проживающие в Латвии. По официальным данным, только 28,2 % населения принадлежало к этническим русским и 56,6 % из них являлись гражданами Латвии. Правительство Латвии предпринимало значительные усилия в укреплении самобытности меньшинств по всей Латвии, в том числе и для тех меньшинств, которые больше всего пострадали во время политики русификации при советской «оккупации», к таким меньшинствам относятся украинцы и белорусы.

Согласно данным, предоставленным советом по натурализации, 16 439 неграждан прошли процедуру натурализации в 2006 г., что являлось самым высоким показателем с 2005 г. Латвийское законодательство позволяло практически каждому негражданину стать гражданином Латвии, а это в свою очередь личное решение для каждого члена общества.⁴⁷³

⁴⁷¹ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 39.

⁴⁷² В меморандуме от 2007 года раздел 30.

⁴⁷³ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 30.

В меморандуме от 2007 г. было отмечено, что департамент, отвечающий за натурализацию, который работал под руководством министерства юстиции, получал от 1 200 до 1 400 заявок на натурализацию в месяц. Департамент проводил ряд мероприятий по информированию неграждан о формальностях, которые необходимо было выполнить для прохождения процедуры натурализации. Были проведены дни информации и информационно просветительские кампании, организованные в сотрудничестве с общественными организациями. А также на сайте было организовано получение информации в онлайн режиме на веб-сайте департамента, и были опубликованы буклеты с информацией. Бюджет мероприятий постоянно увеличивался, начиная с 2004 г., дополнительные 180 000 латов планировалось выделить в 2007 г. для проведения языкового теста у жителей, подавших заявление на прохождение натурализации. Что было одной из рекомендаций уполномоченного комиссара и частично было соблюдено. Комиссар призывал власти Латвии продолжать предпринимать усилия, начатые в 2004 г. в области натурализации.⁴⁷⁴

Правительство Латвии указывало, что процесс натурализации проходил под надзором министерства юстиции, и в 2005 г. министерство принимало в среднем 1 650 заявлений в месяц. Бюджет натурализации постоянно увеличивался с 2004 г., планировалось, что дополнительные 180 000 латов будут предоставлены в 2007 г., в том числе 7 000 латов для проведения проверки языкового теста.

Вывод в меморандуме, что в 2005 г. произошло уменьшение количества людей, прошедших процедуру натурализации, по заявлению латвийских властей, не соответствовал действительности. Так в 2004 г. – 16 064 человек прошли натурализацию, в 2005 г. – 19 169 человек, а в 2006 г. – 16 439 человек. Следовательно, в 2005 г. был достигнут рекорд в отношении лиц, которые приобрели гражданство. В 2006 г., хотя число лиц прошедших натурализацию лиц, было ниже, чем в 2005 г., по сравнению с 2004 г. был достигнут второй самый высокий показатель с момента начала натурализации.⁴⁷⁵

Десекуритизация Латвийской Республики не была успешной по проблеме предоставления гражданства уязвимым группам населения. Латвийскому правительству не удалось убедить ОБСЕ в отсутствии данной проблемы в 2003 г., так и не удалось провести реформу, которая бы создала упрощенные условия натурализации для данной группы населения, что повлекло за собой рекомендации Латвии в меморандуме от 2007 г. В меморандуме от 2003 г. рекомендовалось содействовать процедуре натурализации

⁴⁷⁴ В меморандуме от 2007 года раздел 31.

⁴⁷⁵ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 31.

особо уязвимых групп населения таких, как пожилые люди, инвалиды и молодежь.⁴⁷⁶ Согласно официальной статистике, 38,1 % неграждан – это люди в возрасте от 41 до 60 лет, и 28,9 % - люди в возрасте старше 60 лет. Информационные и пропагандистские кампании были проведены для пожилых людей, которые составляют большой процент среди неграждан. Тем не менее, тесты языка и истории, так и не были упрощены к 2006 г. Проблема заключается в том, что вместе с отсутствием информации и инициативы у некоторых групп населения, тесты языка и истории являлись серьезным препятствием для людей, которые плохо или вообще не говорили на латышском языке. Делегация была проинформирована о том, что кабинет министров собирался в ближайшее время рассмотреть предложение по упрощению тестов государственного языка и истории для пожилых людей и людей с ограниченными возможностями. Данное предложение, по-видимому, имело поддержку некоторых министерств. Комиссар, в свою очередь надеялся, что меры будут приняты и реализованы в ближайшее время, что позволяло бы тем, кто хотел интегрироваться в латвийское общество, но при этом считал себя слишком старым или не находил в себе силы участвовать в новом процессе обучения, все же это сделать.⁴⁷⁷

Латвийское правительство привело следующие данные, 8 августа 2006 г. были внесены поправки к правилам кабинета министра относительно лиц, желающих пройти процесс натурализации, которые вступили в силу с 15 августа 2006 г. Поправки предусматривали условия для сдачи экзамена по латышскому языку, проверки знаний основных принципов конституции Латвии, а также проверки знаний национального гимна и истории Латвии. Поправки предусматривали, что от экзаменов будут освобождены, следующие категории граждан: инвалиды первой группы с афазией; инвалиды с психическими заболеваниями; инвалиды с двойной глухотой и глухонемые; инвалиды первой категории, которые не упомянуты выше, а также лица с ограниченными физическими возможностями, имеющие зрение, могли пройти тест на знание языка в устной форме; инвалиды второй и третьей группы, которые не имеют правой руки или правой ладони (для левшей соответственно – левой руки или левой ладони), освобождаются от сдачи письменного экзамена по латышскому языку; инвалиды второй и третьей группы с нарушением артикуляции и слуха, освобождаются от части экзамена по языку, а именно от прослушивания и интервью.

Руководитель управления натурализации имел право устанавливать облегченный порядок экзаменов по государственному языку для лиц, которые признаны инвалидами, и

⁴⁷⁶ В меморандуме от 2007 года раздел 32.

⁴⁷⁷ В меморандуме от 2007 года раздел 33.

освобождать их от экзаменов, принимая во внимание заявления от врачей государственной комиссии по вопросам здравоохранения и трудовой экспертизы.⁴⁷⁸

Другой обозначенной проблемой в меморандуме от 2003 г., было положение детей в семьях неграждан. Дети неграждан, которые родились после восстановления независимости Латвии, также получали статус неграждан. Данное положение способствовало увеличению числа лиц неграждан, что противоречило основным требованиям Европейских институтов к Латвии, а именно уменьшения числа лиц, обладающих статусом негражданина.⁴⁷⁹ Латвийская сторона в 1998 г. приняла поправки к Закону о гражданстве. Данные поправки предоставили право детям неграждан получить гражданство автоматически. Это был важный шаг, который был положительно воспринят Советом Европы. Но в то же время, на момент написания отчета в 2003г., статистика показала, что из более, чем 20 000 детей, попадающих под данные поправки к Закону о гражданстве, более 16 000 не имели гражданства.⁴⁸⁰

В меморандуме от 2003 г. отмечалось, что в соответствии со статьей 3.1 Закона о гражданстве, родители детей до наступления 15-летия ребенка могли подать заявление на получение им гражданства, после 15 лет ребенок вправе сделать это самостоятельно. Но в последнем случае, ребенок должен был продемонстрировать знание государственного языка путем предоставления доказательств об учебе на латышском языке или путем сдачи государственного экзамена.⁴⁸¹ То есть дети до 15 лет имели право, без соответствия определенным требованиям, получить гражданство. Кроме того, после наступления 18-летия, дети не попадали под статью 3.1 и на них начинали распространяться правила общей процедуры натурализации.⁴⁸² Статья 3.1 являлась прогрессом в вопросе о гражданстве. Но, тем не менее, тот факт, что более 80% детей в соответствии со статьей 3.1 не использовали данные преимущества, носило проблемный характер. Существование большого числа неграждан в любой демократической стране не являлось нормальным, и данная проблема вошла в перечень первоочередных. Одним из шагов на пути решения данной проблемы, необходимо было создать условия, при которых число неграждан уменьшилось бы. Избежать роста численности неграждан – было основной целью поправок к Закону о гражданстве в 1998 г., но по прошествии 5-ти лет данная проблема оставалась актуальной.⁴⁸³

⁴⁷⁸ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 33.

⁴⁷⁹ В меморандуме от 2003 года раздел 50.

⁴⁸⁰ В меморандуме от 2003 года раздел 51.

⁴⁸¹ В меморандуме от 2003 года раздел 52.

⁴⁸² В меморандуме от 2003 года раздел 53.

⁴⁸³ В меморандуме от 2003 года раздел 54.

Данная статистика могла являться показателем низкой активности родителей в использовании права детей на получение гражданства, что было удивительным, так как родители должны были действовать в интересах детей, для которых необходимо стать полноправными гражданами того общества, в котором они живут. В то же время, исходя из опросов, выяснилось, что многие родители не имели достаточной информации о том, что именно необходимо было сделать. Что было недопустимым и подлежало незамедлительному исправлению.⁴⁸⁴

Государству было необходимо отслеживать случаи, когда дети не имели гражданства, под какую бы классификацию они не попадали, лица без гражданства или же неграждане. С этой целью государству необходимо было создать стимул на законодательном уровне.⁴⁸⁵ Идеальным условием было бы предоставление возможности одному из родителей ребенка получить гражданство применительно со статьей 3.1.⁴⁸⁶ При этом, если другая интерпретация статьи 3.1 не принималась, то следовало бы ввести форму заявки, в которой родители новорожденного могли бы указывать хотели бы они или нет, чтобы их новорожденный получил латвийское гражданство. Сам по себе момент указания их желания был бы эквивалентным ходатайству о предоставлении гражданства.⁴⁸⁷ Некоторые люди не желали, чтобы их ребенок получил латвийское гражданство, так как хотели бы подать заявку на получения ребенком гражданства другого государства. Но целью государства должно было быть положение, когда на его территории в конечном итоге не было бы лиц без гражданства. Соответственно, те родители, которые не желали, чтобы их ребенок получил латвийское гражданство, должны были быть обязаны указывать в заявке гражданство той страны, гражданином которой будет их ребенок. В данном случае им следовало бы предоставить доказательства национальных регистрационных органов о том, что они прошли соответствующие процедуры в консульстве иностранного государства, гражданином которого в будущем стал бы их ребенок. Данное положение гарантировало бы, что ребенок при рождении зарегистрирован как гражданин того или иного государства, что впоследствии гарантировало бы, что число лиц без гражданства не будет увеличиваться.⁴⁸⁸

Так как дети – это будущее страны, то Латвии надлежало уделить особое внимание в вопросе предоставления гражданства детям. В случае детей, находящихся на попечении

⁴⁸⁴ В меморандуме от 2003 года раздел 55.

⁴⁸⁵ В меморандуме от 2003 года раздел 56.

⁴⁸⁶ В меморандуме от 2003 года раздел 57.

⁴⁸⁷ В меморандуме от 2003 года раздел 58.

⁴⁸⁸ В меморандуме от 2003 года раздел 59.

государства, обязанность предоставить гражданство таким детям возрастало.⁴⁸⁹ Латвийских властей призвали решить данный вопрос как можно скорее, так как сложившаяся ситуация, с огромным количеством неграждан, являлась неприемлемой для строительства гражданского общества Европы.⁴⁹⁰

Таким образом, на период 2003 г. в Латвии была ситуация, когда на протяжении 5-ти дети неграждан, рожденные после восстановления независимости республики имели право получить гражданство вне общих правил натурализации, но, несмотря на это положение, количество детей неграждан росло. Данное положение, показало, что Латвия не достигла целей, обозначенных Советом Европы по уменьшению количества лиц неграждан, что было причиной не достаточного информирования и стимулирования родителей в регистрации детей в статусе граждан.

Латвийское правительство утверждало обратное, а именно, что совет по натурализации опубликовал перечни о натурализации. Перечни содержали основную информацию о натурализации, тесты натурализации, регистрации статуса гражданина Латвии, признании лицом без гражданства и негражданином ребенка, который родился после 21 августа 1991 г., а также информацию о том, как ребенку стать гражданином Латвии и европейского союза. Это было сделано для содействия регистрации детей неграждан, родившихся после 21 августа 1991 г., таким образом, количество детей достигло 16 000, чьи родители обратились с заявлением о гражданстве.⁴⁹¹ Исходя из комментариев правительства Латвии следует, что Латвия отрицала ситуацию, когда правительство не предпринимала необходимых действий, направленных на уменьшение количества неграждан среди детей. Данный акт десекуритизации не был успешным в 2003 г., что показали комментарии ОБСЕ в меморандуме 2007 г. Так, снова были отмечены проблемы, связанные с гражданством детей, рожденных после 21 августа 1991 г. Говорилось о том, что в 2003 г. Латвии рекомендовали изменить регистрационную форму при рождении детей. А именно, изменить регистрационную форму, в которой отмечалось требование к родителям о присвоении ребенку гражданства Латвии или иного государства.⁴⁹² Но данное положение не было принято на законодательном уровне, хотя дискуссии по данному вопросу продолжались и на момент составления меморандума. Латвийские власти подчеркивали уважение к выбору родителей, чтобы оправдать свой подход в решении данного вопроса. Опрошенные среди политиков и государственных

⁴⁸⁹ В меморандуме от 2003 года раздел 60.

⁴⁹⁰ В меморандуме от 2003 года раздел 61.

⁴⁹¹ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2003 года, относительно раздела 51.

⁴⁹² В меморандуме от 2007 года раздел 35.

служащих полагали, что некоторые из родителей не хотели, чтобы их дети автоматически получили гражданство Латвии при рождении.⁴⁹³

Несмотря на заявления латвийской стороной в 2003 г. о проведении кампании по информированию родителей детей неграждан, в 2004 г. Латвия была вынуждена проводить информационные мероприятия, то есть речевой акт десекьюритизации данного положения не был успешен со стороны латвийского правительства. Информационные мероприятия проводились министерством по вопросам интеграции и министерством по делам семьи. В ходе, которой официальные письма от обоих министерств с объяснением процедуры натурализации для детей, рожденных после 21 августа 1991 г., были разосланы всем заинтересованным родителям. Высоких результатов данная кампания не принесла, хотя привело к регистрации 5 000 детей. При этом, развитие получило другое положение. С 21 августа 2006 г., все дети, рожденные после 21 августа 1991 г., с наступлением пятнадцатилетия могли предоставить самостоятельно заявления на натурализацию. По данным заявлениям была принята упрощенная процедура рассмотрения.⁴⁹⁴

На период 2006 г., насчитывалось 13 000 детей неграждан, в свою очередь, продолжение рождения детей неграждан, являлось проблемой, которая так и не была решена. Данное положение говорило о том, что латвийские власти не уделяли достаточного внимания в решении данного вопроса. Уполномоченный комиссар не призывал к систематической регистрации против воли родителей. Было рекомендовано проведение интенсивных информационных кампаний, ориентированных на молодых родителей, в целях развития диалога. Законодательство требовалось изменить таким образом, чтобы родители имели возможность присвоить какой-либо статус своему ребенку при рождении.⁴⁹⁵

Сравнение рекомендаций ОБСЕ и комментариев Латвии в 2003 г. и в 2007 г. показывают, что в 2003 г. латвийское правительство не убедило представителей комиссии о неактуальности проблемы по детскому статусу неграждан. И на момент написания меморандума в 2007 г. хотя латвийской стороной были проведены информационные и мотивирующие кампании, но они оказались недостаточными, по мнению ОБСЕ.

К проблеме предоставления гражданства детям, также относится проблема гражданства детей, рожденных до 21 августа 1991 г. В меморандуме от 2007 г. было отмечено, что молодые люди, посещающие школу, в которой преподавались предметы на латышском языке и те, кто учился в школе национальных меньшинств, при сдаче

⁴⁹³ В меморандуме от 2007 года раздел 36.

⁴⁹⁴ В меморандуме от 2007 года раздел 37.

⁴⁹⁵ В меморандуме от 2007 года раздел 38.

централизованного экзамена по латышскому языку в конце девятого класса, освобождались от теста по языку при натурализации. В свою очередь, учащиеся школ национальных меньшинств, могли сдать централизованный экзамен в конце двенадцатого класса. Несмотря на то, что данные положения облегчали процедуру натурализации, в ходе опросов, некоторые из опрошенных детей отмечали проблемы, связанные с обучением и информированием.⁴⁹⁶ Исходя из того, что данные комментарии следовали без рекомендаций и действий со стороны Латвийской Республики в дальнейшем по проведенной реформе образования, следует, что данная проблема была решена положительно посредством десекьюритизации проблемы латвийской стороной.

В меморандумах от 2003 г. и от 2007 г. была отмечена проблема, связанная с лишением неграждан политических прав, а именно права голоса и права баллотироваться на выборах. Для представителей ОБСЕ в 2003 г. ряд вопросов представляло положение, при котором неграждане не имели права участвовать в местных выборах.⁴⁹⁷ Представители ОБСЕ в 2003 г. указывали на то, что местные выборы не были связаны с работой государственного суверенитета и относились к работе муниципальных организаций. Таким образом, для ОБСЕ представлялось разумным, что люди, которые на протяжении многих лет проживали в определенном месте, платили налоги, воспитывали детей, должны были бы иметь право участвовать в вопросах организации работы местных самоуправлений. За предоставление таких прав лицам без гражданства в 2003 г. выступали, как Совет Европы, так и Европейский Союз.⁴⁹⁸

Так как данный вопрос был поднят до принятия Латвии в ЕС, латвийское правительство заявило, что с 1 мая 2004 г., при вступлении Латвии в Европейский Союз, все граждане Европейского Союза будут иметь право участвовать в местных выборах. Наряду с чем, латвийским властям было рекомендовано, предпринять действия в отношении всех жителей Латвии, чтобы предоставить им право участвовать в местных выборах.⁴⁹⁹ В меморандуме от 2003 г. было отмечено, что в разных слоях общества много говорилось о том, что необходимо ускорить процесс интеграции неграждан в национальное общество. В связи с чем, было необходимо предоставить негражданам больше оснований для прохождения процедуры натурализации, и право на участие в местных выборах, было бы первым шагом на пути к данной цели. Это было бы показателем того, что к их мнению прислушиваются в обществе.⁵⁰⁰

⁴⁹⁶ В меморандуме от 2007 года раздел 34.

⁴⁹⁷ В меморандуме от 2003 года раздел 62.

⁴⁹⁸ В меморандуме от 2003 года раздел 63.

⁴⁹⁹ В меморандуме от 2003 года раздел 64.

⁵⁰⁰ В меморандуме от 2003 года раздел 65.

В 2003 г. латвийское правительство, несмотря на обещания предоставить всем негражданам право участвовать в местных выборах после вступления в ЕС, заявляло, что предоставление права голоса негражданам Латвии не являлось бы стимулом для натурализации, ситуация, по их мнению, скорее всего, была бы обратной. В качестве доказательства своей позиции в Латвии в 2003 г. министерством натурализации был проведен обширный исследовательский проект под названием «Влияние региональных аспектов в решении вопросов гражданства». По результатам, которого было выявлено, что одним из основных препятствий для подачи заявления на гражданство Латвии являлось отсутствие мотивации, а также незначительные различия в правах между гражданами и негражданами. В свою очередь, Латвия желала бы иметь больше полноправных граждан, нежели неграждан с большим количеством прав, при этом для ввода любых ограничений должны быть соответствующие серьезные обоснования в соответствии с международными стандартами. Кроме того, латвийское правительство указало, на отсутствие каких-либо международных стандартов в области прав голоса для неграждан, а также на то, что подобные права не являлись широко распространенными среди стран-членов европейского союза.⁵⁰¹ Такими были комментарии латвийской стороны, на замечания ОБСЕ в 2003 г., о проблеме отсутствия права неграждан участвовать в политической жизни страны. Но данная проблема была также отмечена и в меморандуме от 2007 года, что говорит о несостоявшемся речевом акте десекуритизации латвийского правительства по данному вопросу.

Со стороны ОБСЕ в меморандуме от 2007 г. было отмечено, что исключение неграждан из политической жизни Латвийского государства не способствовало их интеграции. Верховный комиссар подчеркивал данное положение в своем докладе, а также рекомендовал латвийскому правительству рассмотреть возможность предоставления негражданам права голоса на местных выборах. Было подчеркнуто, что подавляющее большинство неграждан принадлежало к меньшинствам, и данный статус отстранял их от участия в политической жизни страны проживания. Данная группа населения не имела права голосовать, и быть избранными. В 2007 г. латвийским правительством был подготовлен законопроект, где негражданам была предоставлена возможность голосовать на выборах в местные самоуправления, но на тот момент текст документа еще не был рассмотрен парламентом.⁵⁰² Эти действия со стороны латвийского правительства были результатом, не состоявшимся актом десекуритизации в 2003 г. по данному вопросу. Исходя из данного положения, на момент 2007 г. латвийское

⁵⁰¹ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2003 года, относительно раздела 65.

⁵⁰² В меморандуме от 2007 года раздел 43.

правительство было вынуждено работать над организацией мероприятий по вовлечению общественности в разработку политики и в законодательный процесс. Каждый член общества и неправительственные организации могли принять участие в политических процессах Латвии. Важно, что представители национальных меньшинств, как граждане, так и неграждане, а также представительства латышских общин могли принять участие в процессе формирования неправительственных организаций. Для этого была предоставлена обширная законодательная основа. Основными формами политического участия граждан и неграждан в Латвии являлись: активное участие в деятельности политических партий; активное участие в деятельности неправительственных организаций; участие в политических демонстрациях и рабочих забастовках; участие в консультативных советах и комитетах правительства; участие в потребительских союзах государственного сектора; участие представителей той или иной группы населения в реализации социальной политики; различные формы общественной деятельности. Также о неубедительности заявления латвийских властей в 2003 г. говорит то положение, которое стал занимать к 2007 г. секретариат специального назначения при министерстве интеграции общества. Секретариат специального назначения при министре интеграции общества содействовал участию национальных меньшинств Латвии в гражданском обществе, а также обеспечивал их участие в областях, непосредственно затрагивающих интересы национальных меньшинств. В секретариате работал консультативный совет по вопросам этноса и социальной интеграции основными задачами, которого являлись проведение консультаций и информирование специального министра о положении социальной интеграции, анализ и подготовка рекомендаций по вопросам, связанным с этнической политикой и с правами национальных меньшинств в Латвии. Из 109 существовавших в 2007 г. консультативных советов, данный совет являлся единственным, в котором были представлены общины меньшинств. Был подготовлен проект, который регулировал устав общества неправительственных организаций национальных меньшинств. Задача общества заключалась в оказании поддержки секретариату в координации осуществления стандартов, закрепленных в рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. Граждане и неграждане Латвии, а также общества представителей национальных меньшинств неправительственных организаций пользовались равными возможностями для участия в консультативном совете национальностей и социальной интеграции.

Секретариат специального назначения при министре интеграции общества обеспечивал интенсивный обмен информацией и работу образовательных проектов в

повышении осведомленности о национальной культуре меньшинств и этнической идентичности, а также осуществлял регулярные проекты для информирования неправительственных организаций национальных меньшинств о законодательных поправках, касающихся структуры и основных принципов деятельности организаций национальных меньшинств.

Консультативная поддержка была обеспечена неправительственным организациям национальных меньшинств. В свою очередь, принимая во внимание предложения, сделанные общественными организациями, сотрудники секретариата регулярно проводили консультацию посетителей. Каждый месяц проводилось около 40 – 68 консультаций и была обеспечена информационная поддержка более чем 500 человек в месяц, также были организованы выездные консультативные совещания с местными органами власти.⁵⁰³

Таким образом, акт десекуритизации по проблеме отсутствия политических прав у неграждан Латвии в 2003 г. не был успешным, что доказывают рекомендации, приведенные меморандуме ОБСЕ от 2007 г., а также комментарии латвийской стороны в 2007 г., с предоставлением информации об уже проведенной работе для решения данной проблемы. То есть латвийское правительство было вынуждено работать над вовлечением неграждан в политическую жизнь страны и разрабатывать законопроекты, которые позволяли хотя бы частично участвовать негражданам в проводимой Латвией политике.

Основополагающим положительным речевым актом десекуритизации, является то, что комиссия ОБСЕ приняла аргументы латвийской стороны о соответствии основным правам человека и социальным гарантиям статуса негражданина.

В меморандуме от 2003 г. ОБСЕ была отмечена положительная тенденция в решении проблемы с сокращением числа лиц неграждан, при этом были отмечены проблемы, связанные с отсутствием диалога между правительством и негражданами, что способствовало бы выявлению препятствий для натурализации. Латвийское правительство же отметило, что основным препятствием для прохождения натурализации негражданами являлся тот факт, что Россия предоставила упрощенный режим для въезда неграждан на свою территорию. Данное положение соответствовало также тому, что для неграждан данное направление было основным для туристических, деловых и семейных поездок. Тот факт, что в меморандуме от 2007 г. не было оспорено данное положение со стороны ОБСЕ, показал, что речевой акт десекуритизации данной проблемы являлся успешным.

⁵⁰³ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 43.

Другой проблемой, которая была актуальна для Латвии, как до вступления в ЕС, так и после это стоимость прохождения процедуры натурализации и сложность тестов. Особое внимание было уделено тому, что данные проблемы актуальны именно для пожилого населения и для лиц с ограниченными возможностями. Этот вопрос не был решен ни до, ни после 2003 г. Таким образом, данная ситуация показывает, что латвийскому правительству все же удалось убедить европейские институты в том, что действий Латвии достаточно для того, чтобы быть полноправным членом ЕС, несмотря на не исполнение рекомендаций ОБСЕ. Десекуритизация проблемы, связанная со сложностью языковых тестов, проводимая в Латвийской республике в 2003 г. не была успешной, так в меморандуме от 2007 г. данная проблема была обозначена вновь.

Ситуация, при которой наблюдался рост числа граждан Латвии в 2004 г. и в 2005 г., прошедших натурализацию был воспринят положительно со стороны ОБСЕ. Что говорило, о создании стимула латвийским правительством и предоставлении информации негражданам для прохождения процедуры натурализации. Данную положительную тенденцию характеризует, не речевой акт десекуритизации, а возможность свободного посещения граждан Латвии стран Евросоюза с любой целью. Таким образом, это являлось основным стимулом для прохождения процедуры натурализации негражданами.

Латвии не удалось провести реформы, удовлетворяющие ОБСЕ по упрощению правил прохождения натурализации для уязвимой группы населения. Данное положение говорит о несостоявшейся десекуритизации с латвийской стороны в 2003 г., а также о бездействии по решению данной проблеме к 2007 г.

Десекуритизация не принесла положительных успехов для латвийского правительства по вопросу предоставления информации в полном объеме и на должном уровне родителям детей, рожденных после восстановления независимости. Латвии в 2007 г. рекомендовали проводить интенсивные информационные кампании для родителей и изменить законодательство так, чтобы родители имели возможность присвоить какой-либо статус своему ребенку при рождении.

Успешным актом десекуритизации латвийского правительства является решение проблемы с проведением централизованных экзаменов в школах национальных меньшинств и соответствия результатов экзаменов по государственному языку в школе при натурализации. Данное положение было принято представителями комиссии ОБСЕ без каких-либо рекомендаций.

Латвийскому правительству не удалось провести успешный речевой акт десекуритизации по проблеме вытеснения неграждан из политической жизни

Латвийской Республики в 2003 г., что повлекло за собой рекомендации от верховного комиссара в 2007 г., правительству рекомендовалось проводить работу, направленную на привлечение неграждан к политической жизни республики.

§ III.3. ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛАТВИИ ДО И ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Как уже было отмечено выше, Латвия является страной, население которой в значительной степени состоит из национальных меньшинств – русские, поляки, белорусы, украинцы и другие. Большинство лиц, принадлежащих к данным меньшинствам, знают русский язык, как родной. Что является, результатом исторического процесса последних 60 лет и наследием Советского Союза.⁵⁰⁴

Из-за большого числа меньшинств в Европе, Совет Европы разработал специальный инструмент для защиты меньшинств, проживающих на территориях государств-членов Европейского Союза. Данным инструментом является Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. Но на период 2003 г. Латвия еще не ратифицировала рамочную конвенцию, которая бы смогла обеспечить защиту национальных меньшинств. В этой связи, Латвии было рекомендовано ратифицировать данный документ.⁵⁰⁵

Латвийское правительство отметило, что парламент и правительство продолжит свою работу в направлении ратификации рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. 22 января 2004 г. комиссией по правам человека в парламенте Латвии было принято решение о создании комиссии по интеграции общества. Одной из главных задач комиссии было рассмотрение вопроса о ратификации рамочной конвенции. Министерство юстиции и секретариат министра по интеграции общества готовили всесторонний анализ соответствия национального законодательства в соответствии с конвенцией.

13 февраля 2004 г. должен был пройти семинар по ратификации рамочной конвенции в Латвии. Семинар организовывал латвийский центр по правам человека и этнических исследований в сотрудничестве с Советом Европы. В семинаре планировали принять участие представители латвийского парламента и соответствующих министерств, а также представители из консультативного комитета Совета Европы по рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, а также верховный комиссар ОБСЕ по

⁵⁰⁴ В меморандуме от 2003 года раздел 66.

⁵⁰⁵ В меморандуме от 2003 года раздел 67.

делам национальных меньшинств.⁵⁰⁶ Но данных действий было не достаточно для того, чтобы убедить представителей комиссии ОБСЕ в выполнении данной рекомендации. В 2007 г. в меморандуме было отмечено, что конвенция была принята 26 мая 2005 г., вступила в силу в октябре 2005 г., но ратификация сопровождалась тремя декларациями. Первая декларация определяла сферу применения конвенции, вторая и третья относились к статьям 10 (2) и 11 (3) конвенции. Первая декларация определяет, что понятие «национальные меньшинства», применимо к гражданам Латвии, которые отличаются от латышей с точки зрения их культуры, религии или языка, которые традиционно жили в Латвии в течении нескольких поколений, и считают себя принадлежащими к государству и обществу, а также для тех, кто желает сохранять и развивать свою культуру, религию или язык. Кроме того, лица, которые не являются гражданами Латвии или иного государства, но которые постоянно и легально проживают в Латвии, а также идентифицируют себя с национальным меньшинством исходя из определения, данного в конвенции, должны пользоваться правами, предусмотренными в рамочной конвенции.⁵⁰⁷

Вторая и третья декларации предусматривали, что Латвия будет применять положения, изложенные в статье 10 (2) и в статье 11 (3), без ущерба Сатверсме (Конституции) Латвийской Республики и законодательным актам, регулирующим использование государственного языка, которые действовали на момент принятия рамочной конвенции. В статье 10 (2) говорилось, что язык меньшинств должен использоваться в районе их проживания в традиционной форме или в значительном количестве. В свою очередь, в статье 11 (3) было отмечено, что указание традиционных местных названий, названий улиц и других топографических указателей для населения должны быть на языке меньшинств. Принятые латвийским правительством декларации подтверждали их позицию, что латышский язык является единственным языком, который может быть использован в официальных документах. Декларации были подвергнуты резкой критике со стороны представителей русского меньшинства и неправительственных организаций.⁵⁰⁸

Некоторые представители неправительственных организаций в 2006 г. отмечали, что конвенция так и не дала никакого положительного эффекта. Более того, некоторые представители общества полагали, что не было предпринято никаких шагов для поддержки русского меньшинства, как в культурной, политической, так и в экономической областях. Многие характеризовали политику латвийских властей по

⁵⁰⁶ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2003 года, относительно раздела 67.

⁵⁰⁷ В меморандуме от 2007 года раздел 40.

⁵⁰⁸ В меморандуме от 2007 года раздел 41.

отношению к русскоязычному меньшинству как дискриминационную. Причины этих заявлений носили как политический характер, так и причины вызванные проблемами в области прав человека.⁵⁰⁹

В свою очередь, правительство Латвии отметило, что 2002 г. был создан пост министра особых поручений по делам интеграции общества и пост его секретариата. Вопрос о правах национальных меньшинств, сохранения и развития их этнической идентичности был принят во внимание совместно с созданием поста секретариата по интеграции. В рамках секретариата были созданы: департамент по делам этнических меньшинств, отдел культуры и информации национальных меньшинств, а также консультативный совет.

Основными целями в работе секретариата являлись: разработка законодательных проектов и иных нормативных актов в области интеграции общества и прав этнических меньшинств; осуществление и координирование таких государственных программ, как «интеграция в общество Латвии» и «ливы в Латвии»; осуществление и координирование деятельности, направленной на уменьшение случаев дискриминации; содействие развитию гражданского общества; осуществление и координирование государственной поддержки культурных объединений этнических меньшинств; обеспечение выполнения международных договоров, подписанных Латвией, а также обеспечения участия государства в деятельности международных программ и организаций; информирование и просвещение общества.

В 2006 г. 99 неправительственных организаций национальных меньшинств из 17 этнических групп получили 336 субсидий из государственного бюджета на общую сумму 144 600 латов в целях сохранения национальной идентичности, таким образом, был показан рост значения межэтнического диалога и продвижения потенциала неправительственных организаций. Организации российских меньшинств получили 20 % от общей суммы субсидий в течение года. Существовало около 15 активных неправительственных организаций российских этнических меньшинств, которые сотрудничали с секретариатом и представляли ему проектные заявки, вследствие, чего получали финансовую поддержку со стороны секретариата.

Указанная выше информация являлась подтверждением того, что латвийское правительство не было согласно с тем, что ратификация Латвией рамочной конвенции о защите национальных меньшинств может «надолго сохранить впечатление узаконенной маргинализации среди представителей меньшинств», поскольку Латвия относилась ко

⁵⁰⁹ В меморандуме от 2007 года раздел 42.

всем меньшинствам, проживающим на ее территории, на равных условиях. Кроме того, Латвия расширила сферу применения рамочной конвенции и включила в нее защиту прав лиц, не являющимися ни гражданами Латвии, ни иного другого государства, но постоянно и на законных основаниях, проживающих в Латвии и идентифицирующие себя с национальным меньшинством. В октябре 2006 г. Латвия представила первый государственный доклад об осуществлении конвенции, соответствие работы целям и принципам конвенции оценивается независимым органом – консультативным комитетом.⁵¹⁰

Таким образом, латвийское правительство в 2003 г. провело успешный акт десекьюритизации, который позволил стать ей полноправным участником ЕС, а вопросы, возникшие уже 2007 г. были прокомментированы Латвией как не обоснованные, так цели и принципы конвенции были соблюдены в ходе ее работы.

На период 2003 г., в Риге и Даугавпилсе отмечалось, что Латвия прилагала усилия по сохранению самобытности и культуры национальных меньшинств. Отмечалось, что существовали школы для детей меньшинств, где некоторые учебные программы проходили на русском, польском, эстонском, литовском, белорусском и иврите, или предоставлены специальные классы для таких детей. В Даугавпилсе отмечалось, что муниципальные власти участвовали в культурной жизни меньшинств и оказывали им безвозмездную помощь.⁵¹¹ В то же время, гражданское общество ждало решения властей по многим вопросам.⁵¹²

Одним из принципов Закона об официальном языке в Латвии являлось то, что латышский язык являлся обязательным при обращениях в государственные учреждения. Закон предусматривал использование латышского языка частными предприятиями, занимающимися вопросами общественных интересов, а именно вопросами общественной безопасности, здравоохранения, государственной политики, медицины, охраной труда и вопросами потребителей.⁵¹³

Закон об официальном языке запрещал муниципальным организациям и судам принимать документы от физических лиц на языке помимо латышского. Документы на других языках не принимались, если они не предоставлялись вместе с нотариально заверенным переводом на латышский язык. В то же время разрешено было принимать

⁵¹⁰ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 42.

⁵¹¹ В меморандуме от 2003 года раздел 68.

⁵¹² В меморандуме от 2003 года раздел 69.

⁵¹³ В меморандуме от 2003 года раздел 70.

заявления в экстремальных случаях, которые могли быть связаны с вызовом скорой помощи или же в случае пожара.⁵¹⁴

В некоторых частях Латвии, где русскоязычные меньшинства проживали в большом количестве (Латгалия), запрет на использования языка меньшинства в обращениях в государственные органы, создавал проблемы. Данная проблема особенно была характера для лиц пожилого возраста, которые не достаточно хорошо владели латышским языком для того, чтобы составить официальную заявку или вести официальную переписку с властями.⁵¹⁵ В свою очередь, мэрия Даугавпилса признавала, что использование русского языка вызывало проблемы у меньшинств. Исходя из чего, мэрия при помощи переводчиков принимала и отвечала на заявления от меньшинств на русском и латышском языках. Но услуг переводчиков было не достаточно с населением города более 100 000 человек – 85%, из которых русскоязычные меньшинства.⁵¹⁶ Кроме того, в небольших, в основном сельских поселениях, населению не помогали переводчики муниципальных учреждений. Данная проблема была обозначена верховным комиссаром в 2003 г. первоочередной для разрешения.⁵¹⁷

Латвийскому правительству было рекомендовано обеспечить более широкую поддержку языковым меньшинствам, с предоставлением им возможности обращения в государственные учреждения на родном языке, что совпадало бы с 10 статьей рамочной конвенции. Данная поддержка от государства будет также способствовать укреплению национального единства. Кроме того, это может стать мотивацией для меньшинств в улучшении знаний латышского языка.⁵¹⁸ В свою очередь, правительство Латвии отметило, что расширение использования языков национальных меньшинств, при обращениях в административные органы, а также разрешение использование языков меньшинств, для официальной регистрации бизнеса не является обоснованным для улучшения ситуации с обучением латышского языка национальных меньшинств. Опыт во время советской «оккупации» показал, что население не стимулировало к изучению латышского языка отсутствие необходимости использовать латышский язык.⁵¹⁹

Такая интерпретация положения Латвией не была принята ОБСЕ безоговорочно, что повлекло за собой поднятие данной проблемы в меморандуме от 2007 г., где было отмечено, что ситуация в Латвии с использованием языков меньшинств в данной области

⁵¹⁴ В меморандуме от 2003 года раздел 71.

⁵¹⁵ В меморандуме от 2003 года раздел 72.

⁵¹⁶ В меморандуме от 2003 года раздел 73.

⁵¹⁷ В меморандуме от 2003 года раздел 74.

⁵¹⁸ В меморандуме от 2003 года раздел 75.

⁵¹⁹ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2003 года, относительно раздела 75.

оказалась не изменой и не подлежала рассмотрению. В официальных заявлениях латвийских властей было отмечено, что только латышский язык может быть использован в общении с государственной властью и административными ведомствами. Такое жесткое правовое положение являлось препятствием для интеграции меньшинств. Существовали некоторые отступления от официальных заявлений в практической жизни. Некоторые местные органы власти и государственные учреждения соглашались рассматривать заявления на языках меньшинств. Таким образом, более половины жалоб в Национальное бюро по правам человека были поданы на русском языке. Некоторые учреждения в Даугавпилсе в 2007 г. предоставляли услуги переводчиков для работы с меньшинствами. Верховный комиссар в 2007 г. снова подтвердил свою рекомендацию по данной проблеме.⁵²⁰ Но несмотря на рекомендации верховного комиссара латвийская сторона отстаивала свою позицию по данному вопросу.

Правительство Латвии в 2007 г. по данному пункту отметило, что латышский язык является единственным официальным государственным языком и Латвия является единственной страной в мире, где латышский язык может развиваться и выполнять свои функции. Принимая во внимание, политические и демографические процессы в регионе, Латвия является одной из стран, где последовательная реализация разумных принципов языковой политики имела бы важное значение для поддержания языка. Основными целями Закона о государственном языке были приняты: сохранение, защита и развитие латышского языка, интеграция национальных меньшинств в латвийское общество при соблюдении прав на использование родного и другого языков.⁵²¹

Является ли в данном случае десекуритизация Латвийской Республики успешной, говорит тот факт, что Латвия не изменила после 2007 г. положения о языках национальных меньшинств. Данная позиция, а также дальнейшее развитие Закона о государственном языке, направленное на его распространение и популяризацию, показывает, что десекуритизация данной проблемы в 2003 г. не была успешной, но в 2007 г. неизменность ситуации говорила о непринятии латвийской стороной иной позиции по данному вопросу.

В 2003 г. также существовали вопросы об использовании языков меньшинств в теле- и радиовещании. Представители меньшинств жаловались на дискриминацию в отношении вещания на русском и других языках, которые не являлись официальными. Закон о радио и телевидении предусматривает систему разрешенного процентного

⁵²⁰ В меморандуме от 2007 года раздел 44.

⁵²¹ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 44.

соотношения вещания на языках меньшинств и на официальном языке.⁵²² Данная проблема была решена решением Конституционного суда Латвии от 6 июня 2003 г.⁵²³ Решение было принято в соответствии со статьей 19.3 Закона о теле- и радиовещания. Суд постановил, что желание увеличить влияние латышского языка являлось положительным, но, тем не менее, принятая законодательством система квот на язык вещания являлась не уместной. Национальный совет по телерадиовещанию должен был взвесить последствия решения и принять соответствующие меры.⁵²⁴ Совет по вещанию обязался довести информацию до соответствующих органов об изменениях в системе квот и об языковых требованиях, регулирующих телерадиовещание.⁵²⁵

В связи с чем, Латвия дала следующие комментарии. После решения конституционного суда о том, что норма в Законе о радио и телевидении, который ограничивал использование языков меньшинств в вещании, до 25% от общего эфирного времени не соответствовало конституции, национальный совет по телерадиовещанию позволил многим радиостанциям и телевидению изменить процент использования языков меньшинств в вещании. В ходе чего, некоторые станции увеличили использование языков меньшинств в своих программах, некоторые вещали исключительно на языке меньшинств.⁵²⁶ Данная ситуация была урегулирована и к вопросу по ее рушению ОБСЕ более не возвращалось. Что является положительным моментом акта десекуритизации со стороны Латвии.

В 2003 г. верховным комиссаром была обозначена цель мотивировать национальные меньшинства изучать латышский язык.⁵²⁷ Изучение государственного языка, как было отмечено в меморандуме, должно было проходить через самоуважение, уважение к стране проживания, через уважение к своему и будущему своих детей.⁵²⁸ Даугавпилс всегда был многонациональным и много-этническим городом. Из истории города известно, что население города говорило на трех и более языках, что являлось проявлением добрососедских отношений.⁵²⁹ В связи с чем, целесообразным было бы мотивация меньшинств к изучению латышского языка и владению русским языком.⁵³⁰

⁵²² В меморандуме от 2003 года раздел 76.

⁵²³ В меморандуме от 2003 года раздел 77.

⁵²⁴ В меморандуме от 2003 года раздел 78.

⁵²⁵ В меморандуме от 2003 года раздел 79.

⁵²⁶ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2003 года, относительно раздела 79.

⁵²⁷ В меморандуме от 2003 года раздел 80.

⁵²⁸ В меморандуме от 2003 года раздел 81.

⁵²⁹ В меморандуме от 2003 года раздел 82.

⁵³⁰ В меморандуме от 2003 года раздел 83.

Латвийских властей призвали оказывать максимальную помощь тем, кто желал учить латышский язык или улучшить свои знания о нем.⁵³¹

Основная проблема гражданского общества в изучении латышского языка заключалась в стоимости языковых курсов. Согласно предоставленной информации, государственный бюджет на изучение латышского языка был сокращен, в то время как дополнительное финансирование было предоставлено из фондов ЕС. Однако, если государство поставило перед собой цель улучшить знания государственного языка у население, оно должно предоставить для достижения этой цели необходимые ресурсы.⁵³² В связи с чем, латвийским властям рекомендовали особое внимание уделить поддержке населения в изучении латышского языка. В свою очередь, введение с 2002 г. поста министра интеграции говорило о решимости властей сделать все возможное для достижения этих целей.⁵³³

Проблемы программ обучения на латышском языке были отмечены и в меморандуме от 2007 г. Изучение латышского языка являлось одним из наиболее эффективных инструментов для интеграции, но при этом данный инструмент не должен был притеснять языки национальных меньшинств. Напротив, официальный государственный язык и языки меньшинств должны были гармонично сосуществовать в рамках одного государства. С целью содействия интеграции, в докладе от 2003 г., была отмечена рекомендация увеличить финансирование для обеспечения возможности бесплатного прохождения курсов латышского языка для всех, заинтересованных лиц в изучении языка или улучшений своих языковых знаний.⁵³⁴ Решение данной проблемы было проведено латвийским правительством совместно с европейскими фондами. Положительной была работа национального агентства по обучению латышскому языку. Несколько программ агентства финансировались европейским социальным фондом и программой Phare. Дополнительно были созданы профессиональные курсы государственного языка (для врачей, сотрудников полиции и т.д.) по трем основным категориям, а именно для учителей начальной школы, для родителей, чьи дети посещают школы меньшинств и для лиц пожилого возраста.⁵³⁵

В 2005 г. национальное агентство по обучению латышскому языку разработало учебную программу для учителей средней школы. Целью данной программы было позволить учителям, принадлежащих к национальным меньшинствам, совершенствовать

⁵³¹ В меморандуме от 2003 года раздел 84.

⁵³² В меморандуме от 2003 года раздел 85.

⁵³³ В меморандуме от 2003 года раздел 86.

⁵³⁴ В меморандуме от 2007 года раздел 45.

⁵³⁵ В меморандуме от 2007 года раздел 46.

свои знания латышского языка, помочь им в организации системы обучения для учащихся, а также помочь в оказании подготовки проведения экзаменов и установить отношения между школами меньшинств и латышскими школами. Так же проводилась кампания для родителей, чьи дети посещают школы меньшинств. Вследствие чего в 2005 г. было проведено 100 курсов для родителей на территории школ. Что позволило родителям улучшить свои знания латышского языка, но и изменить отношение к латышскому языку и школе в положительную сторону. Благодаря программе Phare был проведен ряд курсов по языку и истории, в рамках которых дети смогли посетить летний лагерь с изучением курсов, соответствующих требованиям натурализации.⁵³⁶

Латвийское правительство дало следующие комментарии. В 2005 г. национальное агентство по вопросам обучения латышскому языку разработало программу обучения на два года (2006 – 2008 гг.) для учителей средней школы. Основной целью было повысить профессиональную мобильность учителей средних школ, а также оказание методической поддержки учителей средних школ меньшинств и преподавателей, которые работали со студентами, выпускниками школ меньшинств; позволить учителям совершенствовать свои знания латышского языка; помочь учителям в осуществлении методики образования; оказать поддержку в подготовке к экзаменам и установить сотрудничество между школами меньшинств и латышскими школами.⁵³⁷

Пожилым людям было предоставлено право прохождения курсов латышского языка за год. Также был создан двуязычный журнал «Ключи», с публикацией два раза в месяц и распространением в почтовых отделениях. В журнале была представлена информация, объясняющая новые законы и европейские директивы, имеющие влияние на повседневную жизнь населения, а также интервью с представителями правительства с объяснением используемой терминологии.⁵³⁸

Правительство Латвии заявляло, что журнал под названием «Ключи» выходил два раза в месяц и распространялся бесплатно в почтовых отделениях. Целевой аудиторией данного издания являлись пожилые люди, которые не подходили под иные программы мотивации для прохождения процедуры натурализации, они испытывали трудности в получении и понимании официальной публичной информации. Двуязычный журнал объяснял новые законы и европейские директивы, имеющие влияние на повседневную жизнь людей. А также, включал в себя интервью с чиновниками и объяснял используемую

⁵³⁶ В меморандуме от 2007 года раздел 47.

⁵³⁷ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 47.

⁵³⁸ В меморандуме от 2007 года раздел 48.

ими терминологию. Тираж журнала составлял 50 000 экземпляров одного издания, в год же выходило 25 изданий.⁵³⁹

Данные проекты находились под угрозой недофинансирования. Деньги, предоставляемые Латвией и Европейским Союзом, были не достаточными для поддержания проектов в дальнейшей перспективе. В 2007 г. бюджет агентства по изучению латышского языка позволял провести не более семидесяти курсов для родителей и учителей. Финансирование летнего лагеря не позволяло провести его в 2007 г. Публикация журнала планировалась только до июля того же года. Проблема, связанная с финансированием, имела серьезные последствия для проведения мероприятий, оказывающих положительное влияние на целевую группу населения. Те же учителя нуждались в постоянном усовершенствовании знаний латышского языка. В связи с чем, верховный комиссар в 2007 г. призывал латвийские власти выделить финансирование на проведение программ агентства.⁵⁴⁰

Латвийское правительство отмечало, что по данным информации о государственном бюджете на 2007 г., национальное агентство по вопросам обучения латышскому языку получило дополнительное финансирование на сумму 235 000 латов, что позволило агентству продолжить реализацию своих проектов, а именно, обеспечить курсы латышского языка для родителей детей школьного возраста, подготовку преподавателей по учебной методике, разработку учебно-методических материалов для взрослых, разработку программы для поддержки латышской диаспоры за рубежом, а также продолжение публикации двуязычного журнала «Ключи».⁵⁴¹

Другие программы финансировались департаментом, ответственным за натурализацию и за счет учреждений, финансирование, которых было обеспечено за счет третьих государств или международных организаций. При этом, данные организации также нуждались в дополнительном финансировании. Что указывало на пересмотр системы финансирования программ обучения латышскому языку. Верховный комиссар выражал желание, чтобы Европейский Союз, в свою очередь, оказал поддержку в организации мероприятий проведения подобных программ.⁵⁴²

Латвийские власти заявили, что в 2000 г. управление натурализации в сотрудничестве с ПРООН разработало проект под названием «внедрение интенсивного обучения латышскому языку для содействия процессу натурализации в Латвии». В рамках данного проекта в 2001 г. – 1 692 человека узнали о гражданстве Латвии и начали

⁵³⁹ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 48.

⁵⁴⁰ В меморандуме от 2007 года раздел 49.

⁵⁴¹ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 49.

⁵⁴² В меморандуме от 2007 года раздел 50.

процедуру натурализации; в 2002 г. – 532 человека. В ходе реализации проекта был реализован сбор пособий на проведение учебной программы. В 2002 г. фонд интеграции в латвийское общество выделил 32 000 латов на обучение 250 претендентов на гражданство, которые ранее не знали латышский язык. В 2003 г. Сейм выделил 50 000 латов на организацию языковых курсов для лиц, которые желали получить гражданство Латвии. В крупнейших городах Латвии были организованы курсы латышского языка. Данное финансирование было использовано для обучения 77 групп по 15 человек каждая. В 2003 г. было получено иностранное финансирование в размере 238 454 долларов США. Данные средства были использованы для обучения 125 групп по 15 человек каждая.

В 2004 г. было организовано 191 группа благодаря иностранному финансированию. В 2005 г. – 133 группы, в которых 1 995 претендентов на гражданство Латвии усовершенствовали свои знания латышского языка.

В 2004 г. фонд интеграции в латвийское общество, финансируемое государством, выделил 217 000 латов на обучение латышскому языку взрослых. В 2005 г. сумма увеличилась до 261 000 латов. В 2005 г. фонд интеграции в латвийское общество объявил конкурс проектов, в ходе которого было поддержано 32 проекта, направленных на обучение взрослых людей. Поддержка проектов неправительственных организаций в области этнической интеграции, в том числе содействие натурализации, является одним из приоритетов работы фонда интеграции в общество Латвии. В 2007 г. финансирование курсов латышского языка могло быть получено в рамках проектов, представленных в фонд интеграции общества.⁵⁴³

Закон об образовании от 1998 г. предусматривал переход к образованию на латышском языке. С сентября 2004 г. планировалось, что 60 % обучения будет проходить на латышском языке и 40 % на языке меньшинств. К 2007 г. планировалось осуществлять сдачу выпускных экзаменов на латышском языке.⁵⁴⁴

Комментарии Латвийского правительства состояли в следующем. 5 февраля 2004 г. парламент принял в окончательном чтении поправки к Закону об образовании, что юридически закрепило нормы, которые ранее были предусмотрены в нормативных актах правительства. Поправки предусматривали долгосрочные гарантии для образования национальных меньшинств. Для преподавателей средних школ было предусмотрено значительное количество времени для того, чтобы подготовиться к реформе и начать реализовывать учебные программы для меньшинств с увеличением использования латышского языка с сентября 2004 г. Это означало, что в 10 – 12 классах государственных

⁵⁴³ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 50.

⁵⁴⁴ В меморандуме от 2003 года раздел 92.

и муниципальных общеобразовательных учебных заведений, количество предметов, преподаваемых на латышском языке должно было увеличиться с трех до пяти. До 40% предметов от общего числа по-прежнему планировалось преподавать на языке меньшинства. Школам предоставлялась возможность выбирать себе предметы, которые они бы преподавали на латышском, и которые на языке этнического меньшинства. Это увеличение планировалось осуществлять поэтапно, начиная с 10-го класса в 2004 г., а затем 11-го класса в 2005 г. и 12ый класс в 2006 г. Министерство образования планировало установить индивидуальные планы для школ, для поддержания высокого уровня преподавания, с учетом достаточных навыков учителей.⁵⁴⁵

В меморандуме от 2003 г. отмечалось, что родители детей были обеспокоены данной ситуацией. По мнению, заинтересованных лиц, система не была готова к такому переходу. На тот момент в школах не хватало учителей, знания латышского языка, которых позволили бы преподавать свои предметы на латышском языке. Данные изменения могли бы привести к более низкому уровню преподавания.⁵⁴⁶

Латвия, в свою очередь, заявляла, что вопросы диалога между государственными учреждениями и родителями по организации реформы решались по нескольким каналам. Существовали механизмы школьного совета, посредством которого руководители могли общаться с учителями, учениками и их родителями. А также был еще один важный механизм для диалога – консультативный совет под эгидой министерства образования, в котором принимали участие представители из школ национальных меньшинств, неправительственные организации, организации родителей и независимых экспертов. В 2004 г. планировалось расширение совета новыми участниками, такими как меньшинствами из некоммерческих организаций в целях содействия более широкому и эффективному диалогу. Вопрос о предоставлении адекватной информации должен был решаться за счет информационной компании по реформе образования. С этой целью фонд интеграции общества профинансировал 18 проектов стоимостью около 50 000 евро из государственного бюджета.⁵⁴⁷

Министр образования Латвии объяснял причины ввода языка преподавания 60/40 тем, что это позволило бы ученикам лучше и быстрее освоить латышский язык, что было бы гарантией достойного места в обществе и позволит получить высшее образование, где все предметы изучались на государственном языке.⁵⁴⁸

⁵⁴⁵ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2003 года, относительно раздела 92.

⁵⁴⁶ В меморандуме от 2003 года раздел 93.

⁵⁴⁷ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2003 года, относительно раздела 93.

⁵⁴⁸ В меморандуме от 2003 года раздел 96.

В меморандуме от 2003 г. было отмечено, что с одной стороны предоставление возможности получения высшего образования на государственном языке при подготовке в школе было положительным моментом. В то же время были опасения по снижению уровня образования.⁵⁴⁹ Опасения также вызывали будущие стандарты обучения родному языку меньшинств, так как большинство учебных заведений не осуществляло обучение на языке меньшинств. Аналогичная проблема, состояла и в учебниках, которые не были переведены на русский язык.⁵⁵⁰

Правительство Латвии отметило, что на период 2004 г. не было недостатка преподавателей русского языка как родного, которые проходили подготовку в двух высших учебных заведениях – Латвийский университет и университет Даугавпилса. Также было отмечено, что данные учебные заведения признавали, что существовал низкий спрос на этих учителей, так как по причине демографической ситуации количество учащихся сократилось. В тот момент существовало 559 учителей, которые учили русский язык как родной язык в Латвии. Ежегодно около 15 преподавателей русского языка как родного языка проходят подготовку в университете Латвии на кафедре славянских языков и в университете города Даугавпилса на кафедрах русской литературы и культуры, и лингвистике русского языка. Преподаватели других языков меньшинств, как правило, имели происхождение «родственных стран».⁵⁵¹

Властям было рекомендовано проявить осторожность в планируемых изменениях, для сохранения комфорта и уважения среди национальных меньшинств в обществе.⁵⁵²

По реформе образования в меморандуме было отмечено об осуществлении образовательной реформы, которая обсуждалась в 1998 г., началось в сентябре 2004 г. Данная реформа предполагала, что латышский язык станет основным языком преподавания в школах. С 2004 г. 60% всех занятий в школах должны были проводиться на латышском языке. Реформа, в первую очередь, оказывала свое влияние на школы национальных меньшинств. Учащиеся школ национальных меньшинств, в основном учащиеся русскоязычных школ проводили акции протеста против реформы образования, а также по причине отсутствия диалога во время разработки и реализации закона об образовании.⁵⁵³

Правительство Латвии отметило, что образование на языках национальных меньшинств являлось необходимым условием для сохранения культурной самобытности

⁵⁴⁹ В меморандуме от 2003 года раздел 97.

⁵⁵⁰ В меморандуме от 2003 года раздел 98.

⁵⁵¹ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2003 года, относительно раздела 98.

⁵⁵² В меморандуме от 2003 года раздел 99.

⁵⁵³ В меморандуме от 2007 года раздел 51.

национальных меньшинств в Латвии. Латвийское правительство в 2007 г. продолжало предоставлять оплачиваемое государством образование на восьми языках национальных меньшинств, даже в тех случаях, когда количество детей национальных меньшинств было малым.

Знание латышского языка являлось необходимым условием для успешной карьеры как в государственном, так и в частном секторе. Целью реформы образования национальных меньшинств является создание системы образования, способной обеспечить равные возможности на рынке труда и в вузах для выпускников, как латышских школ, так и для выпускников школ национальных меньшинств.

Правительство Латвии прилагало постоянные усилия по содействию диалога с представителями национальных меньшинств, с целью улучшения существующих программ обучения и программ реформы образования. Поправки к Закону об образовании в 2004 г. обсуждались до их вступления в силу. А также были согласованы с образованием национальных меньшинств консультативного совета при министерстве образования и науки, куда входят представители неправительственных организаций, обществ, университетов, образования национальных меньшинств и родители учащихся. Министерство образования и науки способствовало развитию диалога с преподавателями, студентами и родителями, представителями неправительственных организаций и общественности в вопросах о внесении изменений в структуру образования.

Правительство Латвии обратило внимание и отметило тот факт, что окончательный меморандум управления уполномоченного по правам человека Совета Европы не включал информацию о процессе реформы образования после сентября 2004 г.⁵⁵⁴

В докладе 2003 г. верховный комиссар рекомендовал установить диалог и провести консультации между министерством образования и учителями, а также родителями учащихся школ национальных меньшинств, с целью определения наилучшей модели реформы и временные рамки проведения реформы. Но в итоге реформа была проведена без какого-либо диалога.⁵⁵⁵

В 2007 г. насчитывалось около 280 средних школ, которые к тому моменту уже осуществляли процесс обучения на двух языках, латышском и русском. Реформа характеризовалась такими проблемами, как отсутствие учебников по некоторым предметам, качеством учебных материалов, а также отсутствием подготовки русскоязычных учителей. Проблемы касались и самого процесса обучения, когда учитель не мог объяснить на латышском языке учебный материал, а также в ходе проводимых

⁵⁵⁴ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 51.

⁵⁵⁵ В меморандуме от 2007 года раздел 52.

проверок, были случаи, когда при инспекторе урок проводился на латышском языке, но после его ухода, снова преподавался на языке национальных меньшинств. Таким образом, обозначенная проблема представителями национальных меньшинств, связанная с качеством преподавания на латышском языке стала актуальной.⁵⁵⁶

Латвия заявила, что экзаменационный центр утверждал содержание учебников и учебно-методических пособий для общеобразовательных учреждений, а также работал с авторами и рецензентами учебников. И нет никаких оснований утверждать, что образовательные учреждения национальных меньшинств не были обеспечены учебным материалом на языках национальных меньшинств.

Что касается подготовки учителей на латышском языке, правительство Латвии ссылается на свои замечания в соответствии со статьей 47.

Кроме того, следует отметить, что в 2007 г. в течение последних десяти лет национальное агентство по вопросам латышского языка, проводило для учителей школ национальных меньшинств непрерывные учебные курсы по образованию на двух языках. Приоритетами агентства в проведении педагогических программ являлись: обучение двуязычной методологии образования учителей для школ национальных меньшинств; латышский язык в качестве второго языка в разработке методологии и подготовки учителей; разработка методологии двуязычного образования в подготовке учителей для начальной школы. Агентство обеспечило возможность, всем преподавателям средних школ национальных меньшинств, прохождения курсов латышского языка бесплатно. Соответствующие учебники и методологические материалы, для 1 – 12 классов, были изданы, как на латышском, так и на русском языках.

Участие государства в обеспечении учебным материалом регулировалось положением кабинета министров № 97 от 6 марта 2001 г. «порядок организации, распределении средств и приобретении учебного материала государством». После поправок, внесенных к положению от 23 мая 2006 г. правила предусматривали, что министерство образования и науки должно было выделить средства школьным региональным советам в размере 10% от средств, предусмотренных законом о государственном бюджете на текущий год, с целью закупки учебной литературы, которая затем должна быть направлена в образовательные учреждения. Образовательные учреждения, в свою очередь, определялись местными органами власти, которые осуществляли национальные программы начального и среднего образования для меньшинств.

⁵⁵⁶ В меморандуме от 2007 года раздел 53.

Росло число учащихся школ, обучающихся латышскому языку как второму. Национальное агентство по вопросам латышского языка разработало методологические курсы для учителей латышских школ. Таким образом, учителя благодаря соответствующей методологии и опыту будут иметь высокое качество.⁵⁵⁷

Данные комментарии латвийского правительства, являются десекуритизацией обозначенных проблем. Данный речевой акт десекуритизации являлся успешным по той причине, что Латвия не изменила подход к данной проблеме и не отклонилась от запланированной политики проведения реформы образования, несмотря на то, что приведенные выше проблемы в действительности были актуальны. В 2003 г. позиция латвийского правительства отрицать возможные проблемы реформы образования, не помешала будущему вступлению в ЕС, а отрицание в 2007 г. позволило убедить представителей ОБСЕ в том, что ситуация находилась под контролем, а некоторые проблемы не соответствовали действительности.

В меморандуме от 2007 г. были также отмечены случаи подачи жалоб в Конституционный суд в 2005 г. против закона о реформе системы образования, которые были отклонены. В то же время, в своем решении суд постановил, что отсутствие механизма проверки качества образования приведет к проблемам. В октябре 2005 г., исходя из решения суда, латвийские власти создали агентство по качеству образования. Основной задачей агентства были аккредитация школ, оценка качества образования, а также обеспечение учебными материалами и проверка качества, предоставленных материалов.⁵⁵⁸

Латвия отметила, что государственное агентство обеспечения качества в вопросах общего образования не оценивало учебники. При проведении аккредитации или оценки качества работы школ государственное агентство по общественному контролю качества образования оценивало работу преподавателей и учащихся. Аккредитация включала в себя также и оценку ресурсов, имеющихся в школах, включая предоставление учебников. Качество содержания учебников и их соответствие стандартам образования оценивалось другим учреждением министерства образования и науки, а именно центром содержания образования и экзаменационным центром (ISEC). В ISEC два эксперта оценивали текст учебников и подготовку издателей. Как правило, один из них являлся практикующим преподавателем, а другой доцент университета. Таким образом, соответствие теории и практики сохранялось. В Латвии во всех учебниках, кроме учебников по языку, публиковалась информация на латышском и русском языках. Перевод обычно

⁵⁵⁷ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 53.

⁵⁵⁸ В меморандуме от 2007 года раздел 54.

соответствовал. При этом также были доступны и учебники на русском языке.⁵⁵⁹ В приведенном комментарии латвийского правительства отмечен речевой акт десекьюритизации с помощью, которого латвийская сторона отрицала наличие данных проблем. Это способствовало Латвии проводить запланированную политику, несмотря на претензии со стороны европейских институтов.

Акт десекьюритизации был также проведен по отношению агентства ISEC. В меморандуме от 2007 г. было отмечено, что впервые месяцы работы, агентство ISEC проинспектировало 165 школ, особое внимание, уделяя четырем областям. А именно, административной области, помощи, которую оказывали школы учащимся, качеству работы учителей и самому процессу обучения. В ходе проверки было выявлено, что одной из главных проблем являлся, недостаток учебников, на что жаловались сами ученики. Предварительные выводы агентства показывали, что качество образования было выше в школах с преподаванием на языках национальных меньшинств. Учащиеся школ российских меньшинств желали достичь наилучших результатов по таким предметам, как история и география.⁵⁶⁰

Латвия заявила, что для того, чтобы учащиеся школ национальных меньшинств могли иметь возможность получать образование на государственном языке и языках национальных меньшинств, школам необходимо приобрести учебник на двух языках на средства государства, местных самоуправлений или основателей школ. Начальные школы с 1999 г. и средние школы с 2004 г. пользовались пополненной библиотекой, благодаря субсидиям из государственного бюджета и финансовой поддержке местных органов власти.⁵⁶¹

Тем не менее, в ходе проверки было выявлено, что и школы меньшинств сталкивались с проблемой качества учебников. Причиной этой проблемы являлось то, что некоторые книги на латышском языке и переводы произведений, первоначально были опубликованы на русском или других языках. Это относилось к таким предметам как биология, химия и физика. Некоторые учителя и ученики сообщали о серьезных неточностях в учебной литературе на латышском языке. Латвийские переводы учебников требовали предварительного одобрения со стороны министерства образования, так как по всей видимости, данная проблема возникла вследствие недостаточного контроля и проверки. Подобные проблемы обнаруживались и в рабочих тетрадях на латышском языке, предназначенных для школьников национальных меньшинств. Несмотря на то, что

⁵⁵⁹ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 54.

⁵⁶⁰ В меморандуме от 2007 года раздел 55.

⁵⁶¹ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 55.

в течении первых нескольких лет могла быть разница между учебным материалом для латышских детей и для детей национальных меньшинств, но качество образования для детей, говорящих как на русском, так и на украинском и татарском языках должно быть гарантировано также и учебниками, которые не должны содержать ошибок. В меморандуме было отмечено, что дети, принадлежащие к меньшинствам, должны были пользоваться тем же качеством образования, что и латышские дети.⁵⁶²

Латвия, в свою очередь, отмечала, что при реализации реформы начального образования значительное внимание уделялось подготовке и предоставлению учебников. Об оценке качества содержания учебников, правительство Латвии ссылалось на свои замечания в разделе 54.⁵⁶³

Решить данную проблему, было основной целью агентства по качеству образования. По словам, представителей агентства, основной функцией агентства являлось проверка учебников на латышском языке, которые должны быть стандартизированы, а не проверка учебников на языках меньшинств, часть из которых были опубликованы за пределами Латвии. В 2007 г. существовало соглашение о сотрудничестве между Латвией и Польшей, согласно которому можно было оценить учебники, используемые в школах польского меньшинства. Но такое соглашение, было исключением, а не правилом. Не было разработано механизма для проверки учебных пособий на русском языке, так как они рассматривались в качестве дополнительной информации, а не в качестве учебников. Таким образом, сложилась такая ситуация, когда книги на русском языке классифицировались как дополнительные ресурсы, использовались в качестве учебных пособий в 40% уроков в школах российских меньшинств. Что в свою очередь, было показателем низкой надзорной культурой.⁵⁶⁴ По данному вопросу латвийское правительство также дало комментарии, в которых не признавало наличие данной проблемы. Несмотря на то, что государственное агентство по общему контролю качества образования не оценивало качество учебников, во время аккредитации школ 2006/2007 гг., была собрана дополнительная информация в школьных библиотеках, как об одном из ресурсов, а также была оценена возможность доступа к компьютерам.⁵⁶⁵

Верховный комиссар, выражал сожаление о том, что по данным вопросам отсутствовал диалог между министерством образования и учителями, а также

⁵⁶² В меморандуме от 2007 года раздел 56.

⁵⁶³ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 56.

⁵⁶⁴ В меморандуме от 2007 года раздел 57.

⁵⁶⁵ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 57.

родительскими комитетами и школьниками.⁵⁶⁶ Кроме того, существовала острая нехватка учителей по преподаванию языков меньшинств, в детских садах.⁵⁶⁷

Комментарии Латвии звучали, следующим образом. Латвийское правительство в 2007 г. сообщало, что центр по содержанию и контролю образования разработал стандарты по школьным предметам на русском и польском языках. Типовые программы были утверждены для изучения иврита и идиша, литовского, эстонского, белорусского, украинского и цыганского языков в общеобразовательных учебных заведениях.⁵⁶⁸

В целом ситуация в 2007 г. показывала, что с трудом можно было найти преподавателей, которые смогли бы преподавать языки меньшинств. Одной из причин было то, что образование в университете в основном осуществлялось на латышском языке. Таким образом, те, кто хотел выбрать специализацию по обучению языка меньшинств, должны были это сделать в первый год обучения, или же изначально пройти обучение в школах национальных меньшинств. Но при этом, первый вариант, не гарантировал надлежащую подготовку для преподавания не двух языках, а второй вариант, предполагал узкую подготовку и ограничивал кандидатов на обучение исключительно в школах национальных меньшинств.⁵⁶⁹ Верховный комиссар в 2007 г. напоминал, что государственная защита и поддержка функционирования средних школ, с преподаванием на языках национальных меньшинств, требует проведения политики подготовки учителей на языках меньшинств.⁵⁷⁰

По итогам меморандума от 2007 г. Латвии рекомендовалось разрешить использовать языки меньшинств в письменных обращениях между людьми, принадлежащими к национальным меньшинствам, и администрации. Обеспечить работу агентства, занимающегося оценкой качества образования таким образом, чтобы качеству образования и качеству учебников на языках меньшинств было уделено такое же внимание, как и на латышском языке. Обеспечить подготовку учителей по языкам национальных меньшинств, в целях поддержки функционирования средних школ, осуществляющих процесс образования на языках меньшинств.⁵⁷¹

Ратификация Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств в Латвии не прошла гладко. Данный вопрос поднимался как в 2003 г., так и в 2007 г. Тот факт, что латвийское правительство ратифицировало конвенцию с определенными поправками,

⁵⁶⁶ В меморандуме от 2007 года раздел 58.

⁵⁶⁷ В меморандуме от 2007 года раздел 59.

⁵⁶⁸ Комментарии правительства Латвии в меморандуме от 2007 года, относительно раздела 59.

⁵⁶⁹ В меморандуме от 2007 года раздел 60.

⁵⁷⁰ В меморандуме от 2007 года раздел 61.

⁵⁷¹ Выводы и рекомендации в меморандуме от 2007 года.

которые носили дискриминационный характер, показал, что латвийская сторона в 2003 г. перед вступлением в ЕС провела успешный речевой акт десекьюритизации, а уже в 2007 г. оперировало тем, что конвенция осуществлялась в соответствии поставленным целям.

В 2003 г. ОБСЕ отметило в качестве проблемы ограничение использования русского языка при обращениях национальных меньшинств в государственные учреждения. Латвии было рекомендовано оказывать поддержку языковым меньшинствам и соблюдать 10 статью конвенции. В свою очередь, латвийское правительство привело ситуацию, связанную с советской «оккупацией», где населению было разрешено обращаться во все государственные структуры на русском языке. Данный опыт, по мнению латвийского правительства, показал, что такое положение не являлось бы стимулом к изучению латышского языка. По мнению ОБСЕ, в 2007 г. данное положение являлось препятствием интеграции меньшинств. Таким образом, речевой акт десекьюритизации по данному вопросу не был успешным. Латвия оперировало Законом о государственном языке, где основными целями являлись: сохранение, защита и развитие латышского языка, интеграция национальных меньшинств в латвийское общество при соблюдении прав на использование родного и другого языков.

В 2003 г. также существовали вопросы об использовании языков меньшинств в теле- и радиовещании. Где были обозначены проблемы с низким количеством времени вещания на языках меньшинств. Латвийское правительство отметило, что проведет изменения по увеличению процента вещания на языках меньшинств. Далее обсуждения данной проблемы не возникало, что является успешным актом десекьюритизации латвийского правительства.

Другой проблемой в 2003 г. была отмечена проблема, связанная с недостаточной мотивацией общества в улучшении знаний латышского языка. Здесь же была отмечена проблема недостаточного финансирования со стороны государства в организации обучения меньшинств государственному языку, а также высокая стоимость курсов латышского языка. Данная проблема была отмечена и в 2007 г., так как ее решение являлось эффективным инструментом для интеграции. Решение данной проблемы было проведено латвийским правительством совместно с европейскими фондами. Таким образом, работа Латвии по данному вопросу не была лишь речевым актом, а носила характер плодотворной совместной работы. Также была проведена работа по повышению знаний государственного языка у учителей. Данное положение, является также продолжением того, что ОБСЕ изначально положительно восприняло идею о введении обучения в школах и иных учебных заведениях на государственном языке.

По вопросу обучения государственному языку, а также об информировании различных групп населения о правилах и возможностях латвийским правительством совместно с европейскими фондами проводились программы для обеспечения необходимых условий для реализации данной программы. Здесь не возникало акта десекуритизации, вместо этого велась реальная работа.

В 2003 г. реформа образования была только в планах, но уже тогда занимала особое место в меморандуме. Данный вопрос не носил рекомендательного характера, а обозначал лишь только возможные проблемы. Было отмечено, что не был налажен диалог между родителями и поддерживающими организациями, а также отмечалось, что по мнению родителей и учителей система не была готова к реформам. В 2003 г. основные опасения вызывали возможное снижение уровня образования, отсутствие новых стандартов и соответствующих учебников. В проведении реформы образовании Латвия обозначала цель не только введение обучения на государственном языке, также и предоставить возможность образования на языках национальных меньшинств, для обеспечения равных возможностей на рынке труда и в вузах для выпускников, как латышских школ, так и для выпускников школ национальных меньшинств. Данное положение не было соблюдено, так как изначально противоречило целям латвийского правительства о создании условий для латышского языка, где не было бы конкуренции со стороны других языков. В докладе 2003 г. верховный комиссар рекомендовал установить диалог и провести консультации между министерством образования и учителями, а также родителями учащихся школ национальных меньшинств, с целью определения наилучшей модели реформы и временные рамки проведения реформы. Но в итоге реформа была проведена без какого-либо диалога.

В 2007 г. были обозначены проблемы, которые в 2003 г. являлись только лишь опасениями, так возникли проблемы с недостаточным знанием учителей латышского языка, отсутствие необходимого методического материала. В целом проведенная латвийским правительством десекуритизация проблем неграждан и русскоязычного меньшинства в Латвии была успешной. Так как была достигнута цель вступления в ЕС и проведения национальной политики, исходя из целей, обозначенных правительством, несмотря на не соответствия требованиям со стороны международных институтов.

Данная ситуация показывает, что Латвия в своем стремлении к европейской интеграции преуспела, благодаря тому, что обещала решить все выше приведенные проблемы без ущемления той или иной группы населения. Но как оказалось Латвия начала процесс строительства национального государства. Обещания, которые были даны

Европейскому Союзу, не были выполнены. Те меры, которые были введены перед вступлением в ЕС, в действительности не принесли тех результатов, целью которых они являлись. Институт неграждан продолжает существовать, а также продолжают существовать различия в правовом положении между гражданами и негражданами Латвии, языковые проблемы являются препятствием для меньшинств в получении, как образования, так и в улучшении материального положения.

ГЛАВА IV. СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЛАТВИИ

§ IV.1. СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ КОММУНИЗМА

В данной главе рассмотрено как происходит секьюритизация Российской Федерации в Латвии, а именно каким образом темы, связанные с Россией становятся вопросами безопасности. Процесс становления таких политизированных тем, как история (коммунизм), русскоязычное население, СМИ, информация (гибридная война), в область безопасности происходит достаточно долгое время и на сегодняшний день имеет свое влияние, как во внутренней, так и во внешней политике Латвии.

История сегодня часто политизируется и используется политическими элитами в их политических программах и направлениях. Факты и исторические события переписывались и раньше для дальнейшего их использования в политике и идеологии. Таким образом, очень часто необходим пересмотр и справедливая оценка исторического знания, наряду, с чем возникает проблема мифотворчества и фальсификации.

Одним из способов фальсификации исторического знания сегодня является передача подделанной информации через интернет. Информационный поток, направленный для быстрого восприятия и запоминания является наиболее продуктивным тем, что прост для усвоения и запоминания. Фальсификация необходима, когда необходимо изменить отношение к чему-либо в положительную или отрицательную сторону. Миф при этом не несет какой-либо окраски, а является рассказом об определенном временном промежутке. По определению О.А. Плотниковой «... необходимо разделить понятия «миф» и «историческая фальсификация». Если под мифом в положительном контексте обычно понимаются героизированные образы прошлого, которые воспринимаются как моральные ориентиры, модели восприятия и поведения, основа для формирования исторической памяти, то под историческими фальсификациями необходимо понимать искажение исторических фактов с определенной целью».⁵⁷²

Приход к власти новых политических элит влечет за собой создание и пропаганду новых мифов. Одной из функций мифа является создание ориентиров для организации общества и общественного сознания, в ходе чего формируются ценностные ориентации и социальное поведение. Мифы могут быть различных видов, одним из видов мифов являются мифы политической и общественной жизни, созданные политическими элитами

⁵⁷² Алексеев С.В., Плотникова О.А. Мифы и фальсификации в Российской истории // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 162 – 171.

и СМИ, а также этнические мифы, связанные с этнической самоидентификацией. Основной целью современного мифа является создание определенного образа реальности. Способность мифов проникать в общественное сознание без какой-либо критичности, говорит о приеме определенного мифа без каких-либо обоснований. Мифотворчество сегодня имеет политико-правовой характер и имеет такие формы как телевидение, кино, фотография, реклама.⁵⁷³

Современное общество можно представить, как систему коммуникаций, социальное действие является коммуникативным действием, человека – коммуникативной личностью, речевой акт – коммуникативным актом, знание – коммуникативной рациональностью. Таким образом, миф можно рассматривать с точки зрения коммуникативного механизма. Миф и идеология социальной жизни являются частью политической системы. Политическая система, в свою очередь, направлена на манипулирование массовым сознанием. Роль мифа заключается в регулировании жизни общества, где идеология является завершающим этапом мифа.⁵⁷⁴ Роль и характер мифа в обществе задает менталитет и предшествующие исторические события. Мифы создаются после изменений, связанных с переоценкой общественных ценностей, что может быть следствием смены политического режима и других глобальных изменений в социуме. Массовые коммуникации способствуют быстрому и качественному распространению мифа в обществе, что происходит благодаря безграничному интернет пространству и механизму действия информационных потоков направленных на массовое сознание.⁵⁷⁵

При образовании политической системы в государстве для привлечения поддержки со стороны общества программ политических элит, используется модель, в которой основу составляет идеология или миф. Таким образом, национальные идеи в государстве поддерживаются политическими программами, основанными на идеологии, созданной различными мифами национальной направленности. При восстановлении независимости в Латвии в создании мифов основой являлась этнократия. «Этнократия» определяется «как форма политической власти, при которой осуществляется управление экономическими, политическими, социальными и духовными процессами с позиций примата национальных интересов доминирующей этнической группы в ущерб представителям других наций, народностей и национальностей». Так миф об «оккупации» является основой идеологии

⁵⁷³ Коблева Э.А. Значение мифа в современном социуме // Теория и практика общественно развития. 2009. № 1. С. 68 – 71.

⁵⁷⁴ Савелова Е.В. Миф и социальная реальность: социально-коммуникативная парадигма интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 321. С. 80 – 81.

⁵⁷⁵ Питонова Г.И. Роль мифа в системе коммуникации современного общества // Альманах современной науки и образования. 2007. № 7 – 1. С. 142 – 145.

во внешней и внутренней политике Латвии и использовался политической элитой при вступлении в Совет Европы, Европейский союз и НАТО.⁵⁷⁶ В дальнейшем мифологизации исторических событий использовалась в отношениях с ЕС также при получении финансирования. В 2006 г. депутат Европарламента от «ТБ/ДННЛ» Г.-В. Кристовскис высказывался о том, что Латвия является беднейшей страной Евросоюза, по причине насильственного включения в тоталитарную систему, которая разрушила страну и на полвека исключила из европейской экономической структуры. По мнению депутата, такое разъяснение помогает получить финансирование из европейских фондов на ликвидацию советского военного наследия, реновации территорий военных баз и на другие подобные программы.⁵⁷⁷

На отношения между Россией и Латвией оказывают влияние проблемы связанные с историческими событиями, которые по-разному интерпретируются представителями политических элит Латвии через СМИ, учебное пособие и т.д. Происходит некая выборка событий и их изменение, на основе чего происходит построение национальной идентичности политических событий.⁵⁷⁸ В октябре 2013 г. депутат Европарламента С. Калниете от партии «Единство» заявляла о подготовке ряда предложений к резолюции Европарламента «Об исторической памяти в образовании и культуре ЕС». Предложения сводятся к тому, чтобы в учебных заведениях Западной Европы более серьезно изучали историю Восточной Европы, пострадавшей от коммунистической диктатуры. Также было выдвинуто предложение о финансировании проектов по истории в СМИ, для понимания преступлений тоталитарного коммунизма было столь же глубоким, как и понимание преступлений нацизма. Критический анализ должен проводиться для всех тоталитарных режимов.⁵⁷⁹

В построении идеологии на основе мифа используются не сами исторические события, а определенная их трактовка и то, как те или иные события освещаются в СМИ, а именно наряду с какими событиями настоящего времени упоминаются исторические моменты. В Латвии после окончания «Холодной войны» в основу программы

⁵⁷⁶ Воронников В.В. Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: Поиск консенсуса в условиях экономического кризиса // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6 (33). С. 25 – 33.

⁵⁷⁷ Час. Гирт Валдис Кристовскис: «Мы хотим изменить мнение Европы о Латвии» // URL: <http://rus.delfi.lv/archive/girt-valdis-kristovskis-my-hotim-izmenit-mnenie-evropy-o-latvii.d?id=14967882> [17.08.2006].

⁵⁷⁸ Грекова Ю.С. Международный научный семинар «Любовь и ненависть: Отношения между Российскими и Балтийскими странами в культурной и коммуникативной памяти» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 12. С. 1 – 2.

⁵⁷⁹ DELFI.LV. Калниете: Европа слишком мало знает о преступлениях коммунистов // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/kalniete-evropa-slishkom-malo-znaet-o-prestupleniyah-kommunistov.d?id=43761540> [26.10.2013].

национальных политических элит легло противостояние коммунизму и наследию СССР.⁵⁸⁰

Тема Второй мировой войны в Латвии стала политизированной и используется в национальной идентичности с 1991 г. Политическими элитами Латвии проложен знак равенства между фашистским и советским тоталитарными режимами. В современных учебниках истории имеется ряд фальсификаций направленных на создание негативного отношения к обоим режимам.⁵⁸¹ В феврале 2007 г. в Латвии поднимался вопрос осуждения на мировом уровне преступлений, совершенных коммунистическим режимом. Министр юстиции Г. Берзиньш отмечал следующее: «Латвия считает, что наряду с осуждением нацизма надо осудить и преступления коммунистического режима». Данное заявление было сделано, когда Эстония выступила с предложением, присоединить к рамочной конвенции о борьбе с расизмом и ксенофобией политическую декларацию об осуждении преступлений нацизма и коммунизма.⁵⁸² В феврале 2008 г. президент Латвии В. Затлерс призвал страны Европы осудить преступления коммунизма. Приравняв нацизм и коммунизм, президент отметил, что «Одна идеология получила осуждение, другая – нет».⁵⁸³ В октябре 2009 г. спикер сейма Г. Даудзе призвал Европарламент ввести ответственность за отрицание преступлений тоталитарного коммунизма наряду с осуждением деяний нацистов. Была подчеркнута важность Музея оккупации тем, что музей является напоминанием о: «Страданиях, которые создают тоталитарные, агрессивные режимы».⁵⁸⁴ По систематическим заявлениям представителей политических структур Латвии можно судить о том, что тема, связанная с исторической политизацией и мифологизацией исторических событий не теряла и не теряет своей актуальности в политическом коммуникативном механизме.

В Латвии наряду с другими государствами Восточной Европы в политизированной истории СССР рассматривается, как преступный тоталитарный режим при этом Россия сегодня очень часто упоминается как преемница этого режима. Заявления представителей политических элит носят риторику «оккупации» Латвии, а также преступлений советской власти против латышского народа. Столь активную политизацию истории в постсоветских

⁵⁸⁰ Леонтьев А.Н. Вторая Мировая война в современном идеологическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2015. Т. 20. № 2 (155). С. 40 – 42.

⁵⁸¹ Строковская Т.Е. Вторая мировая война в учебниках истории стран Евросоюза в контексте национальной идентичности // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 21 – 32.

⁵⁸² DELFI.LV. Латвия просит Германию поддержать осуждение преступлений коммунизма // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/latviya-prosit-germaniyu-podderzhat-osuzhdenie-prestuplenij-kommunizma.d?id=16811809> [07.02.2007].

⁵⁸³ DELFI.LV. Президент: Европа должна осудить коммунизм // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/prezident-evropa-dolzha-osudit-kommunizm.d?id=20197996> [07.02.2008].

⁵⁸⁴ Telegraf.lv. Даудзе призвал приравнять нацизм и коммунизм // URL: <http://www.telegraf.lv/news/daudze-prizval-priravnyaty-nacizm-i-kommunizm> [14.10.2009].

государствах можно рассмотреть, как проблему вызванную кризисом идентичности, который произошел в ходе распада СССР и социалистической системы. Стратегии же исторической политики имеют важное значение в вопросах национальной безопасности, так как сами стратегии заключаются в следующем: «легитимация современного политического режима посредством исторических аргументов и новых подходов к пониманию прошлого; консолидация общества на основе символов славного исторического прошлого, общей исторической судьбы; конструирование новых исторических символов и мифов в целях укрепления национальной идентичности (новые праздники, новые символы и предметы национальной гордости, создание нового пантеона национальных героев); деконструкция старых мифов об историческом прошлом под лозунгом восстановления исторической справедливости; контроль за системой исторического образования нации (музейная и мемориальная политика, программы историко-политического образования); противодействие фальсификациям истории и выработка активной позиции в «войнах памяти»».⁵⁸⁵ Признание преступлений коммунизма, а также введение в проблему безопасности коммунистического режима сегодня в Латвии происходит путем призыва европейского сообщества к осуждению коммунистического режима. Заявления о необходимости осуждения действий коммунистического режима актуальны и сегодня, несмотря на то, что в 2010 году были отклонены еврокомиссаром по причине разобщенности мнений у представителей европейского сообщества. В декабре 2010 г. Еврокомиссия, сославшись на отсутствие необходимых условий для создания закона об отрицании преступлений коммунистического режима, отказала прошению стран Центральной и Восточной Европы. Еврокомиссар по праву М. Ньюмен отметил, что «По этому вопросу нет договоренности. Отношение разных стран сильно различается».⁵⁸⁶ Но уже в 2015 г. заявления со стороны Восточной Европы прозвучали вновь. В августе 2015 г. представители Министерств юстиции Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии и Грузии выступили с совместным заявлением о необходимости расследовать преступления коммунизма и создания для этого специального международного суда.⁵⁸⁷ Таким образом, создание мифов участвует в процессе введения в проблемы безопасности каких-либо вопросов.

⁵⁸⁵ Русакова О.Ф. Дискурс исторической политики в контексте национальной безопасности // Дискурс-Пи. 2013. Т. 10. № 1-2. С. 187 – 190.

⁵⁸⁶ Telegraf.lv. Еврокомиссия отказалась наказывать за отрицание преступлений коммунизма // URL: <http://www.telegraf.lv/news/evrokommisiya-otkazalasy-nakazyvaty-za-otricanie-prestuplenii-kommunizma> [22.12.2010].

⁵⁸⁷ Тарасов А. Латвия будет судить коммунистов // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/latviya-budet-sudity-kommunistov> [23.08.2015].

Секьюритизация коммунизма в Латвии является уже не новой темой, но правящие круги до сих пор, с целью легитимации своей власти, легитимации тех или иных действий, как во внутренней политике, так и во внешней озвучивают именно его. В отношении России Латвия также добивается признание и осуждение факта «оккупации» коммунистическим режимом. Если говорить, об изучении тоталитарного режима, то правительство Латвии просит о финансировании таких проектов из фондов ЕС. В свою очередь, Латвия сегодня является частью европейской системы безопасности. Ее вхождение в институты безопасности Европы стало неким гарантом, что не будет повторения тоталитарного режима на ее территории. Территориальная целостность страны была в опасности, главным образом, потому что на ее территории постоянно проживало большое количество русскоязычного населения, на якобы защиту, которого могла придти Россия. Соответственно Латвия поставила основной угрозой своей безопасности повторение коммунистического режима.

К.А. Карнаухов⁵⁸⁸ отметил, что начало Второй мировой войны и потеря независимости трех Прибалтийских стран, связаны между собой. Прежде всего тем, что для обеспечения безопасности союзных республик СССР необходимо было защитить как можно большую часть границ. Латвия, наряду с Литвой и Эстонией попала в зону влияния СССР после подписания договора о ненападении с Германией от 23 августа 1939 г. Далее договор о взаимопомощи от 28 сентября 1939 года позволил СССР разместить на территории Латвии военный контингент.

В условиях напряжения военной угрозы СССР было необходимо усилить свои границы и расширить возможность действия красной армии. Предполагая, что добровольно Латвия не согласится расширить военной гарнизон красной армии на своей территории, Москва выдвинула ультиматум о назначении руководством стран Балтии, в том числе и Латвии, людей готовых выполнять условия договора о взаимопомощи. Также было необходимо не только расширить гарнизоны армии, но и предотвратить провокации против них же. Таким образом, опасаясь силовых мер ультиматума К. Ульманис согласился на выполнения требуемых условий.

Тогда стала играть свою роль политическая пропаганда, а именно в прессе стала появляться информация о том, что данные события имеют характер положительных преобразований. В 1937 г. в Латвии был создан отдел цензуры, что также подтверждает, что информация в прессе была продиктована правительством.

⁵⁸⁸ Карнаухов К.А. Реакция прибалтийской прессы на введение советских войск в Литву, Эстонию и Латвию в июне 1940 г. // Известия алтайского государственного университета. 2014. № 4 – 1 (84). С. 110 – 114.

Часто пресса Латвии, Литвы и Эстонии делали репортажи о якобы разделении положительного мнения на то или иное событие. Переговоры и действия СССР преподносились как закономерные и в рамках права. При этом газеты призывали бороться со слухами негативного характера. Что касается самой армии СССР, то печаталась информация о том, как гладко проходит вхождение контингента с иллюстрацией встречи народом армии. Ни о какой потере независимости информации не было, напротив, было чувство восторга и спокойствия.

Существует мнение, что если бы не был принят ультиматум, то красная армия вошла бы на территорию Латвии силой. Но и то, что страны Балтии реализовали условия ультиматума, имело последствия для ограничения власти политической элиты этих стран. Присутствие на их территории сил красной армии был весомым аргументом того, что не следует идти против политики СССР.

А.Н. Сытин⁵⁸⁹ отметил, что в октябре 1986 г. в Юрмале советник Белого дома США по вопросам отношений с СССР заявил, что США не признавала и не признает инкорпорацию Латвии в состав СССР. США и Канада с 1980-х гг. использовали вопрос об инкорпорации Латвии в своей внешней политике против СССР. США активно использовали данный вопрос на международных встречах. На встрече ОБСЕ в марте 1982 г. М. Калтельман призывал к предоставлению независимости трем прибалтийским республикам, оперируя Резолюцией 147 палаты представителей конгресса от 26 июня 1979 г. исходя из хельсинского заключительного акта о незаконности и нарушении норм международного права приобретения территорий. 14 июля 1982 г. в США был объявлен днем независимости балтийских народов. В США был также создан так называемый Балтийский комитет, в свою очередь конгресс США принял резолюцию с требованием предоставления прибалтийским странам независимость.

Государства Западной Европы подняли Балтийский вопрос, в следствии чего в январе 1985 г. Генеральная ассамблея Совета Европы выступила с требованием к СССР восстановить свободу Латвии, Литвы и Эстонии. Был также проведен Балтийский трибунал в Копенгагене, где проходили слушания о русификации, милитаризации и нарушении прав человека. В ходе чего Международный суд осудил «оккупацию» и аннексию прибалтийских стран СССР.

Внутри Латвии с 1980-х гг. сложилась ситуация, характеризующаяся протестами против власти СССР, а именно недовольство притоком новых рабочих, диктатом по экономическим и политическим вопросам. Противоборствующие против СССР силы в

⁵⁸⁹ Сытин А.Н. Балтия: двадцать лет независимости // Свободная мысль. 2010. № 12 (1619). С. 35 – 48.

Латвии историческая, культурная, духовная, политическая интеллигенция, при поддержке государств Европы и США вместе представляли некую силу.

Общество и власть, придерживающиеся курса М. Горбачева, ориентированного на демократию и перестройку, объединялись в народные фронты. На первоначальном этапе участниками народных фронтов были как русскоязычные жители Латвии, так титульное население, но по прошествии времени антисоветское настроение возымело большую силу и приобрело национальный характер, что привело к разделению населения по национальному признаку. Так же существовали комитеты граждан, которые в последствии объединились с «Народным фронтом». Консолидация национального населения Латвии и его сплоченность против СССР заставила говорить о национальной ненависти в Латвии по отношению к русскоговорящим жителям. В то время стали звучать заявления о несправедливых поощрениях пребывающих новых граждан СССР из других республик, а также речи о депортации русскоязычного населения.

Сплоченность народа против видимого «Врага» и своевременные действия политических элит с поддержкой соотечественников в США и Европе, а также помощь от данных государств также являются одними из положений, которые обеспечили восстановление независимости Латвии.

В.И. Гущин⁵⁹⁰ придерживается точки зрения, что оценка США и странами Европы положения Латвии в 1940 г. «оккупированной» является политической, а не правовой. Здесь же В.И. Гущин отмечает, что целью именно такой оценки было идеологическое противостояние СССР капиталистического мира, с целью уничтожения Советского Союза. В свою очередь с прекращением существования СССР данная точка зрения стала объяснением политики после 1991 г., проводимой странами Прибалтики в отношении русскоязычных жителей.

Также В.И. Гущин произвел анализ Декларации об оккупации Латвии, где отметил, два основных вывода. Первый вывод гласит, что «в событиях 1940 г. в Латвии виновны исключительно внешние силы». Во втором выводе обозначено, что «действия СССР в отношении Латвии привели сначала к оккупации, а затем и к ликвидации независимого Латвийского государства». В целом это должно было оправдать создание института гражданства Латвии, с разделением общества на граждан и не граждан.

Тезис об «оккупации» Латвии можно отнести и к созданию политических мифов, для легитимации правительства и действий с его стороны. Если подходить к данному вопросу чтобы поддержать какую-либо точку зрения, то возникают некоторые трудности,

⁵⁹⁰ Гущин В.И. К событиям 1940 года в Латвии // Пространство и время. 2011. № 1. С. 223 – 232.

связанные, прежде всего, с анализом информации. Представители стран США и Европы указывают на то, что Латвия была «оккупирована» СССР, так как был незаконный ввод войск на территории трех стран Балтии. Если рассматривать точку зрения представителей России, преемницы СССР, то здесь основная идея в том, что никакой «оккупации» Латвии, Литвы и Эстонии не было. Автор данной работы придерживается мнения, что введение войск на территорию Латвии возможно и имел насильственные действия, но они были необходимы для СССР, дабы обеспечить безопасность. Коммунистический строй Советского Союза определил дальнейшую судьбу Латвии, где были созданы промышленные объекты. В свою очередь необходимо отметить, что русификация Латвии тоже имела место быть. Но русификации здесь было не избежать, не только из-за политики СССР, но и в следствии того, что необходимо было внедрить один язык для большинства населения, чтобы общаться на тех же самых производственных предприятиях. Соответственно для обеспечения в будущем рабочими на предприятиях необходимо было, чтобы русским языком владели все без исключения жители Латвии. Данные процессы являются необратимыми для любого государства, которое входит в тот или иной экономический союз. То, что в последствии, после восстановления независимости Латвии, правящая элита стала использовать в своих политических программах заявления и лозунги об «оккупации» и о коммунистическом режиме является механизмом национальной политике и способом удержания власти, признании ее легитимности большинством населения.

Вхождение Латвии в состав СССР называют не только «оккупацией», противоположные мнения также имеют место быть. Так существует концепция выживания малых государств, в условиях которой малым государствам необходимо присоединяться к крупным союзам, чтобы приобрести преимущества безопасности, развития и экономики при потере некоторой части суверенитета. Такие условия можно отнести и назвать причиной вхождения Латвии в СССР. Специалисты по международному праву оперируют также и терминами, а именно отмечают, что принудительное вхождение Латвии в состав Советского Союза нельзя сопоставить с формулировкой насильственного вхождения. Также разделяют понятия применения «военных действий» и «угрозы использования военной силы». Из этого следует, что угроза действия и само действие не могут быть тождественны. Оперирование данными терминами при общении с аудиторией усиливает эмоциональную подачу информации. Сам процесс вхождения Латвии в состав СССР не является тем предметом, который политическая элита стремится обсудить с

населением. Чаще он является начальной точкой после, которой на территории Латвии стали происходить сталинские репрессии.

Советский Союз – в понимании населения Латвии – это, прежде всего, коммунизм и массовый террор. Латвия требует, чтобы преступным был признан не только фашистский режим, но, наряду с ним, также коммунистический режим. В 2005 г. Литва выступала на заседании Генеральной Ассамблеи от трех прибалтийских государств – Эстонии, Латвии и Литвы. Представитель Литвы Г. Шеркшнис отметил, что «Отмечая окончание Второй мировой войны, мы также вспоминаем наследие этой войны и восстанавливаем историческую правду. Конец Второй мировой войны ознаменовал собой и конец одной тоталитарной идеологии – фашизма. Однако другая идеология – тоталитарного коммунизма – расширила сферу своего господства. Прекращение войны привело к оккупации и новой аннексии Советским Союзом трех прибалтийских государств. Поэтому борьба за национальную свободу и справедливость в наших странах продолжалась. Вспоминая о тех, кто погиб во время Второй мировой войны, мы не должны забывать и о преступлениях против человечности, совершенных обоими тоталитарными режимами».⁵⁹¹

В Декларации Сейма Латвийской республики об оккупации Латвии от 22 августа 1996 г. отмечено, что «все время оккупации СССР целенаправленно осуществлял геноцид против народа Латвии». А также, что латвийские национальные партизаны уже после окончания Второй мировой войны, в течении десяти лет, вели вооруженное сопротивление против «оккупационных» действий со стороны Советского Союза.⁵⁹²

В свою очередь, 12 мая 2005 г. была принята Декларация об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР. В Декларации подчеркивается, что СССР после подписания договора о ненападении с Германией, а также «секретных дополнительных протоколов к нему, СССР оккупировал и аннексировал Латвийскую Республику, разрушил ее государственное устройство, убивал, пытал и депортировал сотни тысяч ее жителей, противоправно отнял их собственность и осуществил принудительную коллективизацию, преследовал людей из-за их политических взглядов, религиозных убеждений и национальной принадлежности, пытался разрушить и русифицировать национальную культуру Латвии, направив в Латвию сотни тысяч жителей СССР». Также отмечено, что Российская Федерация не только, не произвела никаких действий для устранения последствий

⁵⁹¹ ООН. Выступление Литвы – Специальное торжественное заседание Генеральной Ассамблеи // URL: <http://www.un.org/ru/events/remembranceday/ref/reconciliation/lithuania.pdf> [09.05.2005].

⁵⁹² Председатель Сейма И. Крейтусе, Рига, 22 августа 1996 года. Опубликовано: “Latvijas Vēstnesis” 27.08.1996 № 143 (628).

«оккупации», но и не осудила «оккупационные» действия Советского Союза. Текст Декларации гласит, что преступления «коммунистического оккупационного» режима СССР в Латвии не имеют срока давности.⁵⁹³

«Российский фактор» угрожает хорошим политическим отношениям между Латвией и Россией. Так как в результате почти 50-ти лет коммунизма изменили перспективы сотрудничества и сосредоточились на исторических обидах, связанных с опытом в отношении России.⁵⁹⁴

Я. Берзиньш⁵⁹⁵ отмечал, что Россия считает любой процесс демократизации атакой НАТО против себя. Российские военные открыто рассматривают трансатлантические сообщества, особенно США, как главный геополитический противник России. Кроме того, Россия оставляет за собой право использовать ядерное оружие в обычной агрессии, в том числе на региональном уровне. Я. Берзиньш назвал это причиной, по которой НАТО необходимо разработать прагматичный подход в отношениях с Россией. А также быть готовым к повышенной нестабильности на границах Европы. Именно по данной причине существует необходимость в увеличении присутствия НАТО на территории пограничных государств, таких как страны Балтии. До событий в Украине, Латвия и Россия пытались снизить противоречия в отношении, избегали спорных исторических фактов, отношения стали более прагматичными и основывались на принципах взаимного интереса и уважения, что помогло в содействии сотрудничества в политических и экономических областях. Но события в Украине, вновь призвали страны Балтии к пересмотру внешней политики по отношению к России.⁵⁹⁶ Вторжение России в Украину и аннексия территории суверенной страны, а также последующее военное нападение на восточную территорию Украины оказали сильное влияние на внешнюю политику Латвии. Фальсификация истории, предлог по принятию мер в целях защиты российских граждан, организация поддельных референдумов и выборов, все это оказало влияние на население Латвии, как о возможном повторении событий советских времен. Главными политическими целями Латвии стали обеспечение безопасности населения и увеличение расходов, выделяемых на

⁵⁹³ Председатель Сейма И. Удре, Рига, 12 мая 2005 года. Опубликовано: "Latvijas Vēstnesis". 17.05.2005. № 77 (3235).

⁵⁹⁴ Bukovskis K. From Diplomacy to Routine Partnership: The Bilateral Relations of Latvia and Germany in the XXI Century // Friendship in the Making: Transforming Relations between Germany and the Baltic-Visegrad Countries. 2012. P. 93 – 115.

⁵⁹⁵ Bērziņš J. NATO: Russia's Main Geopolitical Enemy // Ten Years in the Euro-Atlantic Community: Riga Conference Papers. 2014. P. 21 – 32.

⁵⁹⁶ Beitāne A. A Reassessment of Latvia's Foreign Policy Strategy Towards Russia After the Ukraine Crisis // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 55 – 70.

защиту государства.⁵⁹⁷ После событий в Украине, политологи Латвии сходились во мнении, что Россия продолжит дестабилизировать ситуацию в Латвии и в других странах Балтии.⁵⁹⁸

После событий в Украине страны Балтии обратили наибольшее внимание к обеспечению безопасности, как в отдельных странах, так и во всем регионе стран Балтии. Первоочередной задачей для всех стран Балтии стала необходимость в увеличении государственного финансирования, чтобы повысить уровень безопасности и реализовать те или иные программы по обеспечению защиты.⁵⁹⁹

Тот факт, что Латвия во время вступления в институты Европы оперировала главным образом событиями Второй мировой войны, а именно говорила о недопущении повторения «оккупации» коммунистическим режимом вновь, стало одной из причин, по которой Латвия стала участником ОБСЕ, НАТО и Европейского Союза не до конца исполнив рекомендации сторон. Опасаясь повторения событий второй четверти XX в., западноевропейские страны намеренно отказались от значительной части государственного суверенитета в пользу наднациональных институтов европейской интеграции.

§ IV.2. СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ЛАТВИИ

Российская пропаганда в Латвии стала одной из угроз безопасности, по причине большого числа русскоязычных жителей. Информационный поток, который формируется в России в адрес русскоязычного населения Латвии, по мнению латвийского правительства, не может быть положительным или нейтральным. Предполагая, что российская пропаганда имеет цель создания у русскоязычного населения Латвии положительного отношения к России и отрицательного к Латвии, правительство Латвии стало с большей серьезностью относиться к информационному потоку из соседнего государства. Тот факт, что о происходящем внутри страны, население узнает из местных СМИ, а о происходящем в другой стране из иностранных СМИ, концентрирует внимание на данной проблеме. В латвийских СМИ освещаются события, происходящие в России, но

⁵⁹⁷ Lieģis I. Latvia's Foreign Policy 2014/2015: Players, Events and Challenges // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 7 – 15.

⁵⁹⁸ Kažociņš J. Will Latvia be Putin's Next Victim in 2015? // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 71 – 78.

⁵⁹⁹ Poikāns J., Zeltiņš A. Latvian Foreign Policy in 2014/2015: The Greater the Challenge the Greater the Incentive // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 16 – 20.

они не носят главного характера, так как в приоритете местных изданий всегда преобладает внутренняя составляющая государства, которому они принадлежат.

Население любого государства относится к определенным социальным группам, из которых каждая отдельная личность принимает для себя некоторые убеждения и ценности. С развитием средств коммуникации пропаганда стала носить характер самой распространенной формой психологического влияния на общество.

В современном обществе возрастает роль информации, что оказывает влияние и на усиление роли и изменения характера пропаганды. Сегодня прослеживается тенденция появления пропаганды на глобальном уровне, а также тенденция к изменению нравственных и правовых требований к пропаганде. В свою очередь информационное пространство стало поликультурным, многоуровневым и надгосударственным.

Современная пропаганда носит характер преднамеренно созданного факта, который потом транслируется и воспринимается как общемировое событие. Далее национальные СМИ перенимают данный факт и интерпретируют его согласно политическим интересам того или иного государства. Таким образом, происходит манипулирование массовым сознанием через сконструированную реальность.⁶⁰⁰

Во времена СССР все политические функции выполняла политическая пропаганда. Пропаганда – это инструмент, распространения идеологии. Адресатом пропаганды является массовое сознание. Таким образом, пропаганда является методом воздействия на массовое сознание.

В 1930 – 1940 гг. советские власти использовали приемы политической пропаганды такие, как «приклеивание ярлыков»; использование эмоциональных, положительных характеристик; применение чужих лозунгов и символов в своих интересах; отвлечение внимания общества от собственных проблем в экономике или политике; освещение некоторой информации, одновременно скрывая другую; создание положительных или негативных ассоциаций; приведение цитат известного общественного или политического деятеля, пользующегося в зависимости от поставленной задачи положительной или отрицательной репутацией; преподнесение информации, которую якобы одобряет большинство населения; использование слов, которые можно отнести к «простонародным».⁶⁰¹

⁶⁰⁰ Зазаева Н.Б. Пропаганда как явление политической культуры в информационном обществе // Вестник поволжского института управления. 2015. № 5 (50). С. 95 – 101.

⁶⁰¹ Крестов А.В., Петрушина Г.С. Политическая пропаганда и политический PR // Комплексные проблемы развития науки, образования и экономики региона: научно-практический журнал коломенского института (филиала) МГМУ (МАМИ). 2012. № 1. С. 100 – 104.

А.Я. Лившин, А.С. Ложкина⁶⁰² отметили, что народ, нация, какая-либо социальная группа имеют свою собственную идентификацию, на основе данной идентификации строится также их отношение к миру, к другим членам общества. Наиболее простой моделью идентификации является разделение членов общества, как в плане государства, так и в глобальном смысле на «свой – чужой», «мы – они». Данное разделение присутствует у каждого отдельного члена той или иной социальной группы. В ходе чего каждый самостоятельно, под влиянием собственной группы, выбирает модель поведения, отношения к так называемым «Чужим».

Государственная внешняя и внутренняя политика предполагает наличие образа «Врага», тоже некоего «Чужого», но его образ чаще всего создается путем пропаганды. Методы пропаганды с созданием лозунгов, агитационных призывов и давлением на чувства использовались для создания образа «Врага» в 1930 гг. Была также затронута историческая и культурная память народа. Наибольший успех от пропаганды отмечали, при использовании символов, к которым народ был готов.

С раскрытием архивов Второй мировой войны, а также предшествующего периода, появился новый междисциплинарный подход к изучению пропаганды «Новая история пропаганды». Таким образом, специалисты в области пропаганды оперируют материалами из архивов, что говорит о некоей подлинности информации.

С 1960 – 1970-х гг. также стали говорить о диалогическом подходе к пропаганде. На основе данного подхода строилась также советская пропаганда. А именно на взаимодействии между государственным актором, который пропагандирует и людьми, которые потребляют данный информационный поток. Форма диалога присутствующая на различных собраниях, парадах и других мероприятиях, где собирались массы народа перед речью вождя, являлась одним из методов пропаганды. Информация преподносилась четко, с ориентацией на чувства людей. Основной целью пропаганды было обеспечение легитимности власти и ее положительного образа у народа.

В Советском союзе одним из главных средств пропаганды была пресса. Посредством, которой можно было влиять на массовое сознание, оперируя, как фактической информацией, так и некими чувственными образами. Радио также создавало некие художественные образы, которые воспринимались населением, как нравственные, этические и моральные критерии поведения. Благодаря радиовещанию можно было преодолеть размеры страны и достучаться до необразованного населения. Политическое

⁶⁰² Лившин А.Я., Ложкина А.С. «Образ власти» и «образ другого» в 1930-е гг.: политические задачи и пропаганда // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 35. С. 17.

вещание продвигало военно-патриотическое воспитание и готовило население к защите страны. Данные идеи были как в политических, так и в художественных передачах.

1930-е гг. можно назвать революционными годами пропаганды, так как развитие средств коммуникаций, позволило преодолеть барьеры, связанные с малообразованностью населения, скоростью передачи и размерами распространения.

Кино, музыкальная культура и литература также использовались как средства передачи нужной информации пропагандистского толка. Создавались «образ врага» и «образ защитника». Данные средства отличаются от вышеприведенных тем, что являлись художественными произведениями, следовательно, и более сложным механизмом манипулирования. Сложность данного механизма заключается в том, что здесь трудно разграничить художественные видения и идеи от политически продиктованных.

Посредством кино, литературы, песен населению передавались некие символы, которые, в свою очередь, формировали новые идеалы, стандарты и стереотипы поведения. Эмоционально-чувственное восприятие было одним из главных средств пропаганды того времени. Кино же помогло усилить влияние необходимого образа, благодаря киногерою, таким образом, создать иллюзию и представить ее как реальность. Кинематограф в те времена был новым видом искусства и пользовался популярностью пропагандистов и населения. Идеологические установки посредством кино воспринимались населением в период просмотра фильма, так как переживались во время просмотра. Созданный с помощью кинематографа «образ врага» гораздо быстрее усваивался в памяти человека, не зависимо от его грамотности.

Народные песни, распространенные в массовой культуре, а также политико-идеологическое воспитание являлись средством пропаганды, которые играли важную роль в формировании советского сознания.

В войнах XXI века большие потери несет гражданское население. В конфликтах активно участвует население, что сопровождается выходом на демонстрации и протестные акции гражданского населения. Для примера, в годы второй мировой войны потери вооруженных сил Италии и Австрии составляли 560 000 человек, гражданских 190 000 человек.⁶⁰³ По данным британского медицинского журнала The Lancet во время войны в Ираке с 2003 по 2011 гг. погибли 4 800 солдат коалиции, а количество жертв, среди мирного населения, по меньшей мере, составляет 116 000.⁶⁰⁴ Точной информации о численности погибших среди мирного населения и ополченцев в Донбассе еще нет, но

⁶⁰³ Арнтц Г. Людские потери во Второй мировой войне // Военная литература // URL: <http://militera.lib.ru/h/ergos/27.html>.

⁶⁰⁴ NEWSru.com. Итоги войны в Ираке: погибли 120 тысяч человек, а США грозит удар силой в три триллиона долларов // URL: <http://newsru.com/world/15mar2013/iraq.html> [15.03.2013].

источники информации подтверждают, что численность погибших среди мирного населения превышает потери среди ополченцев. Приводятся данные, что среди мирного населения потери могут составлять от 6 000 до 10 000 человек, при этом среди вооруженных формирований численность погибших меньше.⁶⁰⁵ К началу Второй мировой войны уже сформировалось мнение, что пропаганда будет играть в войне решающую роль, исходя из успеха пропаганды Антанты в первую мировую войну, а также вследствие технического прогресса, с развитием средств связи (радио) и опыта идеологического руководства массами.

Пропаганду можно обозначить как ложь, которая является оружием войны. Ложь, как оружие войны страны используют сознательно для введения в заблуждение собственного народа, призвать на свою сторону нейтральные страны и обмануть противника. Открытая пропаганда была больше распространена в годы первой мировой войны, в дальнейшем в годы второй мировой войны с развитием технического прогресса страны отошли от открытой пропаганды и стали использовать методы с извращением понятий и открытой брани. Данный метод мы можем наблюдать и в современных условиях.

Во Вторую мировую войну воюющие страны обладали равными техническими возможностями, основной из которых было использование радио. Существовали два вида пропаганды, одна направлена на поднятие морального духа собственного народа, другая на ослабление противника к сопротивлению. Для этого необходимо знание образа мышления своего народа и то, как к нему обращаться. Для чужого народа необходимы дополнительные знания, опыт и искусство.

Целью военной пропаганды было убеждение народа в необходимости военных действий и на его ожесточение. Именно после войны пропаганда стала нести на себе большую нагрузку. В Первую мировую войну пропаганда являлась оружием с помощью, которого была сломлена сила сопротивления центральных держав Европы и ускорено окончание войны. Во Второй мировой войне новые методы пропаганды только затянули окончание войны. То есть пропаганда превратилась из оружия, ускоряющего ход войны, в оружие обороны и затягиванию окончания войны.⁶⁰⁶

Т.С. Мельникова⁶⁰⁷ приводит следующее определение: манипуляция – это психологическое воздействие, основной целью которого является управление людьми, их

⁶⁰⁵ Российская газета. В Донбассе подсчитали число жертв конфликта среди мирного населения // URL: <http://rg.ru/2015/05/10/purgin-anons.html> [10.05.2015].

⁶⁰⁶ Пропаганда как оружие в войне // Военная литература // URL: <http://militera.lib.ru/h/ergos/24.html>.

⁶⁰⁷ Мельникова Т.С. Пропаганда как технология политического манипулирования // Власть. 2010. № 8. С. 47 – 51.

мыслями и действиями. Основой данного процесса является доверие людей, к той или иной информации. В свою очередь, успех манипуляции общественным сознанием зависит от того, насколько, сам процесс манипуляции является незаметным. Одним из приемов манипуляции в вопросах политики является создание положительного образа. Это может касаться любой политической сферы, участников, а также действий со стороны правительства. Практикуется также метод подбора и изменения информационного потока, а именно искажение, подборка определенных фактов и, при необходимости, их замалчивание. Обозначение некоторой информации, как секретной, чтобы в дальнейшем была возможность усилить ее влияние в ходе ее преднамеренной утечке. Также используется метод вбрасывания информации, которая создала бы некий информационный шум, дабы затруднить анализ происходящего. Приемы манипулирования общественным сознанием используются при ведении политической пропаганды. Отсюда следует, что пропаганда является, прежде всего, средством манипуляции массовым сознанием. В свою очередь цель манипуляции может изменяться в зависимости от поставленных политических задач.

Отношение человека к тем или иным событиям, строится из тех идеологических, эмоциональных и чувственных убеждений, которые могли сформироваться под действием пропаганды, направленной как на него лично, так и на ту социальную группу частью, которой он является. Идеология отдельного человека является его эмоциональным отношением к идеологии государства. Помимо идеологических установок, каждое государство стремится создать также и политическую установку, которая будет выражаться отношением граждан к его внешней и внутренней политике. В свою очередь, отношение граждан к общественным нормам и стандартам формируется посредством социальных установок.

Психологическое воздействие пропаганды направлено, прежде всего, на эмоции, далее идет разделение характер пропаганды, а именно положительный или отрицательный. Функции позитивной пропаганды носят информационный характер, что способствует гармонии в обществе. В свою очередь, отрицательная пропаганда создает некую параллельную реальность, главной целью, которой является создание убеждений и взглядов социума, выгодных определенной группе политических лиц. Данная пропаганда способствует разобщению общества, что ведет к созданию и эскалации конфликтов.

Пропаганда может использовать такой прием как «эффект ореола», данному методу способствует склонность человека применять ложные аналогии. Пропагандой также используется восприятие человеком первичной информации, как достоверной. С

помощью контраста, который создается благодаря восприятию определенной личности или группы на конкретном социальном фоне. Также нельзя исключать и контрпропаганду. При подаче информации учитывают также влияние на общественное сознание мнения известных, популярных личностей. В зависимости от того, какая известная личность предпочтительна в тех или иных социальных кругах, ее мнение используют как доказательное предшествующей информации в СМИ. Простота и повторение определенной информации являются наиболее эффективным приемом пропаганды. СМИ нередко преподносят ту или иную информацию как уже произошедшее действие или принятый факт, а вместе с предоставлением данных социологических опросов, это снижает критичность восприятия масс. Убеждение населения в существовании угрозы реальной или создание мнимой угрозы является действием пропаганды, направленной на эмоции социума. Помимо выше указанных, существуют и другие виды пропаганды, но все они носят стратегический характер, а именно служат для создания необходимого восприятия обществом той или иной политической группы.

Суть стратегии пропаганды – это сгруппировать индивидов с последующим вовлечением уже созданные группы в нужную деятельность. Для проведения массовой пропаганды необходимы пространство, время и слово. На ограниченной территории возможно собрать массы, сплотить их и воздействовать на них. При этом каждый присутствующий будет чувствовать себя объединенным с окружающими, что заставляет почувствовать некую поддержку и силу. Создание или популяризация уже существующих символов также усиливает влияние на общественные массы. Также важен авторитет того, кто спускает информацию в массы.

Основное условие пропаганды – это утверждение без возможности возражения. Степень решительности и точности суждения прямо пропорционально убеждению. В свою очередь аудитория принимает подобные заявления без каких-либо возражений, таким образом, и правильность действий определенного человека не подвергается сомнению. В свою очередь, повторение информации является барьером, через который не будет восприниматься иная точка зрения.⁶⁰⁸

Одной из популярных политических технологии является создание мифологизированного образа «Врага». Обязательное условие при данной работе – это то, что созданный «Враг» должен своим статусом удовлетворять интересы как можно большего числа людей. Он может являться не только внешним, но и внутренним. Образ «Врага» преподносится обществу посредством тех же самых механизмов

⁶⁰⁸ Московичи. С. Век толп. Текст из хрестоматии Райгородского Д.Я. «Психология масс» М.: 1996.

манипулирования общественным сознанием, но имеет собой цель также и соединить общество вокруг лидера, который представлен, как «Борец» с «Врагом». Также мифологизированный образ «Врага» отвлекает общественность от каких-либо внутренних проблем государства.⁶⁰⁹

Пропаганда, используемая в средствах массовой информации направлена на широкую аудиторию. В свою очередь, специализированные средства массовой информации используются для меньшей группы населения. Пропаганда может быть направлена как на внутреннюю аудиторию, так и дружественную. В случае, если последующие политические действия могут повлечь лишения для населения государства, цели пропаганды могут быть следующими: уменьшение возможного напряжения у населения; создание модели определенной реакции у населения; склонение общества к требованиям государства; создание морального оправдания предстоящим событиям со стороны государства; подготовка к пониманию происходящего, используя предварительные оценки и ожидания, для последующего одобрения населением тех или иных действий государства.

В случае, если последующие политические действия будут носить одобряющий эффект у населения, цели пропаганды будут следующими: контроль силы ликования общества; контроль ожиданий общества, чтобы не допустить распространение нереалистичных надежд; контроль ожиданий общества к мягкому характеру предстоящих событий, с целью получения обществом большего удовлетворения; повышение авторитета структур имеющих отношение к предстоящим событиям; повышение морального духа у населения, обещаниями о положительных результатах того или иного действия; манипулирование чувством благодарности на какое-либо предстоящее действие; использование чувства благодарности для поддержки политического режима; подготовка населения к возможной ответной реакции другого государства. В случае, если конечная цель пропаганды не определена, то целью пропаганды является не допустить разочарования населения в действиях собственного правительства.

Пропаганда также может быть направлена и на государства или социальные группы, которые находятся на противоположной стороне дружественных групп. В таком случае, при планируемых действиях, которые должны оказать подавляющий эффект на данные группы, цели пропаганды следующие: скрыть время, место и характер действия, для создания неожиданности действия; деморализовать противника, используя при этом

⁶⁰⁹ Хоруженко В.А. Формирование мифологизированного образа врага в политической публицистике и пропаганде // Вестник московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 223 – 227.

термины, подчеркивающие его бессилие; заверить группу противника в тщетности контрмер; одобрить настроения деморализации; подготовить недружественную группу к максимально разрушительному эффекту дабы избежать ее сплочение; подготовить оправдание своим действиям противника и нейтральной стороны.

Если же пропаганда планируется для создания одобряющего эффекта у недружественной группы, то ее цель будет следующая: разрешение подачи информации о нереальной оценке преимуществ нападающей стороны, а также одобрение излишне оптимистической реакции у контр группы на действие, которое в конечном итоге будет иметь разрушительный характер.⁶¹⁰

С учетом актуальности проблематики становления общественного мнения цель данного материала заключается в анализе положения русскоязычных печатных СМИ в Латвии и их влияния на общественное мнение по вопросам внешней политики Латвии. Современное общество зависит от мнения политических элит, а именно от политиков, государственных деятелей, экспертов (политологов), журналистов, а также от людей, находящихся в окружении определенного человека, формирующего общество. Так Дж. Цаллер⁶¹¹, указывал на то, что граждане зависят от невидимых и зачастую не известных «Других», предоставляющих им большую часть информации о мире, в котором они живут.

Информация предназначенная для широкой общественности проходит множество институтов, подвергается цензуре и является избирательной, таким образом все, что представлено в СМИ как в печатных, так и в радио-, теле-, видео-, кинохроникальных программах не отображает полноту, точность и реальность происходящего в мире.⁶¹²

Каждая политическая элита имеет определенный политический вектор, которого придерживается в ходе всей своей работы (в данном случае под политической элитой понимается представители государственной власти). Политический вектор также влияет на то, как и какую информацию в СМИ предоставляет та или иная элита. Общественность может как иметь, так и не иметь выбора между решением того или иного вопроса. Возможность выбора заключается в его предоставлении, если политические элиты его не предоставляют, то население следует уже предоставленному решению.⁶¹³

⁶¹⁰ Александр Л. Джордж, Кузина Ю. В., Шустрова Е. В. Предсказание политических действий через анализ пропаганды // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 249 – 258.

⁶¹¹ Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М.: Общественное мнение. 2004.

⁶¹² Конечкая В.П. Социология коммуникации. М.: Международный университет Бизнеса и Управления. 1997.

⁶¹³ Бобнева М.И., Шорохова Е.В. Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука. 1979.

В случае, когда политические элиты разделяются во взглядах, общественности также предоставляется выбор позиции той или иной элитной группы, чьи убеждения ей наиболее близки. Информация, предоставленная политическими элитами, никогда не бывает нейтральной, и по подаче является простой для понимания всех слоев населения.⁶¹⁴ В виду этого такое предоставление информации является выражением происходящего в реальности, но при этом является выгодной политической группе, так как наиболее простое выражение происходящего с определенным решением проблемы означает политику, проводимую отдельной элитой. В связи с этим, общественности проще сделать выбор в пользу той политической единицы, информация, которой является более простой к пониманию, так как выражает только суть происходящего.⁶¹⁵

Общественное мнение является не самым лучшим механизмом, отображающим реакцию населения, на проводимую политику в государстве. Так как общественное мнение подразумевает равную политическую осведомленность всего общества, с учетом расхождения политических взглядов, подвергающихся изменениям.⁶¹⁶ При этом исследователи общественного мнения проводят опросы, отталкиваясь от убеждения, что все участники опроса осведомлены в равной степени. На сегодняшний день опросы общественного мнения на территории Латвийской Республики объединяют людей в социальные группы, основным фактором объединения являются такие характеристики как гражданин и негражданин, возраст и район проживания, что влияет на результаты общественного мнения.

Реакция населения на проводимую политику в государстве выявляется через опросы общественного мнения, проводимые независимыми исследовательскими центрами. Ведущей исследовательской компанией в Латвии является исследовательский центр “SKDS”. На реакцию определенной группы людей, при общественном мнении, влияет их вовлеченность в политическую жизнь страны, осведомленность, предрасположенность к той или иной политической элите (политическая партия и политический лидер), социальный уровень, уровень образования, окружающее их общество, уровень благосостояния.⁶¹⁷ Как пишет П. Бурдые, французский социолог, предлагаемая исследованиями общественного мнения, проблематика подчинена политическим интересам, и это очень сильно сказывается одновременно и на значении ответов, и на значении, которое придается публикации результатов. Зондаж

⁶¹⁴ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет. 1995.

⁶¹⁵ Гришин Н.В. Основы проведения избирательных кампаний. М.: РИП-холдинг. 2003.

⁶¹⁶ Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. М.: Росспэн. 1997.

⁶¹⁷ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. М.: Наука.1972.

общественного мнения в сегодняшнем виде — это инструмент политического действия; его, возможно, самая важная функция состоит во внушении иллюзии, что существует общественное мнение как императив, получаемый исключительно путем сложения индивидуальных мнений: и во внедрении идеи, что существует нечто вроде среднего арифметического мнений или среднее мнение.⁶¹⁸

Индивидуальное и общественное мнение является результатом работы СМИ, как основного инструмента донесения информации населению.⁶¹⁹ СМИ объединяются как особый тип коммуникации (дискурса), который можно охарактеризовать как дистантный, ретинальный (передача сообщения неизвестному и не определенному количественно получателю информации), с индивидуально-коллективным субъектом (под этим подразумевается не только соавторство, но и, например, общая позиция газеты, теле- или радиоканала) и массовым рассредоточенным адресатом. Необходимо отметить и такую особенность коммуникации в СМИ, как ее обусловленность социокультурной ситуацией, с одной стороны, и способность (в определенных пределах) вызывать изменение этой ситуации — с другой.⁶²⁰

М.Б. Боков⁶²¹ отмечает, что коммуникация как вид связи — это непременно субъектно-объектные отношения с обратной связью.⁶²² В данном исследовании коммуникатором и реципиентом выступают политические элиты и население. Результатом их взаимодействия является общественное мнение. Эффективность выполнения СМИ коммуникативной функции исходит из обеспечения диалога, открытости и предоставлении независимой, наиболее полной информации.⁶²³

СМИ обеспечивает, также и диалог на своих страницах, медиа пространстве и на других информационных площадках, при этом всегда существуют определенные границы. Границы, в данном случае, обусловлены политическим вектором. Роль СМИ заключается также в доведении общественного мнения до политически элит, после проведения коммуникации и дискуссии. Информативность общества СМИ о политической жизни государства зависит от всей системы в целом, то есть, на сколько, открыты политические элиты обществу, на сколько, высок уровень публичности и уровень доверия между представителями политики и общественности. Уровень доверия к СМИ общества

⁶¹⁸ Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos. 1993.

⁶¹⁹ Корконосенко С.Г. Основы журналистики. М.: Аспект Пресс. 2004.

⁶²⁰ Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. М.: НОРМА-ИНФРА. 1999.

⁶²¹ Ионин Л.Г. Основания социокультурного анализа. М.: РГГУ. 1995.

⁶²² Боков М.Б. Коммуникативная функция СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 5. С. 31 – 52.

⁶²³ Лосенков В.А. Социальная информация в жизни городского населения. Л.: Наука. 1983.

складывается из предпочтения общества к тому или иному изданию, исходя из их интересов, также включающих их политические предпочтения.

В современном мире испытываемые нами эмоции в значительной степени есть результат индукции, вызываемой средствами массовой коммуникации. Создание эмоционального резонанса – одна из главных задач большинства информационных сообщений и развлекательных шоу. СМИ всегда пытаются вызвать у широкой аудитории сильные эмоции, и если необходимо, то эти эмоции они доводят до судорог.⁶²⁴ Таким образом, СМИ играют активную роль в формировании общественного мнения, особенно по вопросам внешней политики, поскольку если внутривнутриполитические вопросы знакомы большинству населения на практике, а не только из СМИ, то о проблемах международных отношений люди узнают, главным образом, а иногда – исключительно из СМИ. Это обуславливает важность исследования принадлежности СМИ, в Латвии, поскольку результаты такого исследования позволят сделать выводы о внешнеполитических интересах заинтересованных групп, владеющими отдельными СМИ, интересы которых и отражаются в соответствующих СМИ.

Политическая психология во внешней политике и международных отношениях исходит из того, что психологическая наука имеет хотя и ограниченное, но достаточно важное значение в теории и практике международных отношений. Поскольку в наше время невозможно игнорировать или принижать роль в политике лидеров государств, общественного мнения разных стран, пропаганды, ситуативных факторов и вызываемых ими психологических последствий, все они в большей или меньшей степени стали объектами политико-психологического анализа.⁶²⁵

Основные направления внешней политики любого государства формируются под воздействием двух групп факторов. Первая относится к политической, экономической и военной обстановке на международной арене в целом, и особенно в тех зонах, где сосредоточиваются стратегические, жизненные интересы данного государства. Она, в свою очередь, складывается в результате действий правительств других стран, прежде всего важнейших партнеров или противников данного государства; определяется соотношением экономических, политических и военных сил основных субъектов мировой политики, а также механизмами и принципами функционирования системы международных отношений, как на глобальном, так и на региональных уровнях. Вторая группа факторов, как представляется, не менее, а может быть, и более важная -

⁶²⁴ Сороченко В.А. Энциклопедия методов пропаганды // URL: <http://psyfactor.org/propaganda.htm>. 2002.

⁶²⁵ Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. М.: Деловая Книга. 2001.

внутренние движущие силы и мотивы, обуславливающие действия государства за пределами его национальных границ.⁶²⁶

По мнению правительства Латвии, угрозой безопасности Латвии является российская пропаганда. Данная проблема для государства имеет особый характер, по причине проживания на его территории русскоязычного населения. Географическая близость и этнические меньшинства делают положение Латвии уязвимым к возможным намерениям России.⁶²⁷ Русскоязычное население обладает не только языковой способностью, но и на ментальном уровне разбирать информационный поток со стороны РФ. Говоря о российской пропаганде в Латвии, подразумевают негативное влияние информационного потока на население. Пропаганда проявлялась по разному – начиная с исторических ссылок на высокий уровень жизни в странах Балтии при СССР по сравнению с настоящей позицией Латвии в ЕС и продвижением России, а точнее ее рынка, как жизнеспособный способ решения экономических проблем.⁶²⁸ М. Варгулис⁶²⁹ отмечал, что долгосрочное присутствие союзных войск было одним из ключевых интересов в сфере обороны после вступления НАТО. Главным образом, этому способствовало агрессивное поведение России на международной арене, в частности ее деятельность вблизи границ Латвии. В контексте этих исторических событий в сфере политики безопасности важна роль стратегического общения, чтобы сообщить обществу о влиянии и важности этого решения в отношении национальной безопасности. А также в целях пропаганды и распространения сообщений потенциальному агрессору, тем самым сдерживая его от любого вида деятельности против государства и уменьшая возможную эскалацию.

Также были опасения, что политика «мягкой силы», осуществляемая Россией может изменить идентичность на направленные сообщества.⁶³⁰ А. Кудорс⁶³¹ отмечал, что риторика России о православной цивилизации не помешала в войне с православными украинцами и грузинами. Это является доказательством того, что тема цивилизаций является еще одним идеологическим камуфляжем для достижения целей Кремля в

⁶²⁶ Торкунов А.В. Современные международные отношения. М.: РОССПЭН. 1999.

⁶²⁷ Banka A. Saving Distant Lands: From Washington's View // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook.* 2015. P. 95 – 103.

⁶²⁸ Kudors A., Pelnens G. Diverging Faces of 'Soft Power' in Latvia between the EU and Russia // *The different faces of "soft power": the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU.* 2015. P. 220 – 242.

⁶²⁹ Vargulis M. Importance of Strategic Communication Matters and their Development in the Latvian Security Policy // *Latvian Foreign and Security. Yearbook.* 2017. P. 76 – 85.

⁶³⁰ Rostoks T., Potjomkina D. Soft power of the EU and Russia in Eastern Europe: Soft power vs (not so) Soft Manipulation? // *The different faces of "soft power": the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU.* 2015. P. 243 – 255.

⁶³¹ Kudors A. A Multipolar World from a Russia View // *Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers.* 2015. P. 95 – 103.

realpolitik. Возведение российской пропаганды в ранг угроз безопасности, дает возможность требований к закрытию информационных каналов со стороны России, снижению потока на русском языке внутри страны. Россия желает консолидировать мир своих соотечественников, проживающих за рубежом, и это напрямую затрагивает Латвию и значительную часть ее жителей. Использование СМИ России для достижения целей внешней политики является одним из важнейших внешнеполитическим аспектом, который оказывает значительное влияние на процессы в Латвии.⁶³² Россия, продемонстрирует, что у нее есть амбиции в восстановлении ее «правильного места в мире», а также утверждая, что «как великая держава, она имеет зону своих законных интересов».⁶³³

Ни одно печатное СМИ, выходящее в Латвии на русском языке, не является государственным. Собственниками выступают частные издательские дома. Основными русскоязычными печатными СМИ, до недавнего времени, в Латвии являлись «Вести Сегодня», «Час» и «Телеграф», которые принадлежали издательским домам (ИД), таким как «Fenster» и «Petits».

Положение ИД «Petits» на 2007 г.: Главным назначением ИД «Petits» является улучшение общества путем создания, сбора и распространения высококачественных новостей, информации и развлекательных материалов. Миссией Издательского дома «Petits» является производство высококачественной периодической печати и оказание рекламных услуг широкому кругу потребителей для удовлетворения их потребности в информации и рекламе, что позволит «Petits» преуспевать как прибыльному бизнесу.

Кризис изменил ситуацию в русскоязычных СМИ Латвии. В 2009 г. В. Белоконь отдал газету «Телеграф» за долги оффшорной компании, вентспилского предпринимателя О. Степанова. После чего Степанов из-за долгов передал газету российскому банкиру В. Антонову. В 2011 г. в издательстве доход упал на 80%. Газеты «Час», «Вести Сегодня» и «Бизнес&Балтия» стали приносить убытки. А «Телеграф» лишился олигарха-спонсора. Владимир Антонов потерял все свои активы в странах Балтии. В Латвию через оффшоры пришел другой российский капитал.⁶³⁴ Латвийский издательский дом «Petits» контролировали структуры, члена Совета Федерации фигуранта списка “Forbes” А. Молчанова, который возглавил в 2013 г. одну из крупнейших строительных компаний

⁶³² Kudors A. Latvia-Russia Relations: the Cool Stability // *Latvian Foreign and Security. Yearbook.* 2017. P. 127 – 140.

⁶³³ Rēboka G., Ozoliņa Ž. Security Cooperation in the Baltic Sea Region under the Nordic Defense Cooperation (NORDEFECO): A Way Forward? // *Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers.* 2015. P. 167 – 174.

⁶³⁴ Бернштам Б.Е. Особенности «бегства капитала» из России // *Вестник Томского государственного университета. Экономика.* 2013. № 3. С. 113 – 119.

России – группу «ЛСР». А. Молчанов основал группу «ЛСР» и возглавлял компанию с 1993 по 2007 гг. В верхнюю палату российского парламента сенатор был избран от Ленинградской области и представлял партию «Единая Россия».⁶³⁵ Структуры Молчанова совместно с бизнесменами Э. Янаковым и А. Ерьсько контролировали латвийский издательский дом «Petits».

Слияние русскоязычной прессы Латвии в 2012 г. называли концом русской прессы. Слияние редакций стало поглощением изданий. В ноябре 2013 г. вышел последний номер газеты «Час». В марте 2014 г. – последний номер, превратившегося к тому времени в еженедельник, «Телеграфа», а 27 августа последний номер газеты «Бизнес&Балтия». Бывший хозяин издательского дома «Fenster» А. Козлов сегодня работает менеджером в типографии. Бывший главный редактор газеты «Телеграф», успевший ранее поработать и в «Часе», и в «Бизнес&Балтии», А. Краснитский считает, что проблемы русской прессы кроются не только в финансовых обстоятельствах. Большинство русских газет в Латвии просто перестали считать качественной прессой. И дело не только в частой смене владельцев, которые порой пополняли списки политических партий, не только в практике продажи газетных полос под заказные интервью, но в потере влияния. Оставшиеся «Вести сегодня», предположительно, контролирует Э. Янаков. На месте за делами следит все тот же А. Шейнин – экс-владелец издательского дома «Petits».

Рассматривая русскоязычные СМИ в Латвии, как внешнеполитическую составляющую, то выше представленное положение о принадлежности издательских домов «Fenster» и «Petits» российским представителям бизнес элит, позволяет сделать вывод о том, что проблемы международных отношений Латвия – Россия, отображались и отображаются исходя из внешнеполитических интересов заинтересованных лиц.⁶³⁶ Из-за отсутствия финансирования СМИ государством, зависимость от политических и бизнес элит возрастает, что ведет к отсутствию свободы слова журналистов, по данным международной неправительственной организации «Репортеры без границ» Всемирный индекс свободы прессы в Латвии за 2010 г. составлял 8,50, а за 2014 – 2015 гг. – 18,12.

Средства массовой информации оказывают существенное влияние на формирование общественного мнения по вопросам внешней политики. Вопросы внутренней политики государства знакомы большинству его жителям из повседневной жизни, и они имеют возможность сопоставлять информацию из средств массовой информации с собственными наблюдениями. Влияние средств массовой информации

⁶³⁵ Шилов В.Н. Партия «Единая Россия» и идеология консерватизма // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Т. 1. № 13. С. 210 – 218.

⁶³⁶ Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М.: Прогресс. 1981.

велико и здесь, однако в вопросах внешней политики это влияние сильнее. Ведь в условиях, когда у большинства населения Латвии отсутствуют возможности и мотивация для частых выездов за рубеж, за исключением соседних Эстонии и Литвы, у них отсутствуют и собственные наблюдения за теми политическими процессами, которые происходят в других странах.

Принципиально важным фактором для формирования мнения о международной политике для русскоязычного населения Латвии является то, как международные события освещает русскоязычная пресса Латвии. До начала мирового финансового кризиса 2008 г. русскоязычная пресса Латвии контролировалась, главным образом, двумя издательскими домами: «Fenster» и «Petits», – которые проводили независимую друг от друга издательскую политику. Соответственно, можно было говорить о плюрализме мнений, когда представители русскоязычного населения Латвии могли получать зачастую различные оценки одних и тех же международных событий, обращаясь к разным источникам.

Кризис 2008 г. и его последствия нанесли болезненный удар по экономике Латвии, включая и издательский бизнес. В результате реструктуризации этого сектора латвийской экономики практически все русскоязычные средства массовой информации страны оказались сосредоточены в одних руках. Это не могло не сказаться на разнообразии публикуемых оценок международных событий. Когда же в 2014 г. разразился кризис в отношениях между Россией и Европейским союзом, включая и Латвию, это стало основной причиной одностороннего освещения в русскоязычной прессе Латвии важнейших вопросов отношений между Россией и остальной Европой. В свою очередь, однобокие оценки основных спорных моментов в отношениях между Россией и Европейским союзом в условиях острой фазы конфликта повлияли и на соответствующие изменения в общественном мнении русскоязычного населения Латвии по вопросам внешней политики. О причине беспокойства со стороны правительства Латвии, в отношении русскоязычных СМИ говорит и тот факт, что ни одно русскоязычное печатное СМИ в Латвии не являлось государственным, а финансировалось российскими частными лицами. Данная ситуация говорит о том, что они не являются независимыми. Русскоязычная пресса также информирует население Латвии и о происходящем в мире. Следовательно, всегда существует вероятность того, что русскоязычные СМИ будут предоставлять информационный поток как целенаправленную пропаганду. Пропаганда со стороны России, в Латвии является стратегической угрозой не только в отношении русскоязычного населения, с целью разделения общества. Но и угрозой в кибер-

пространстве. Латвия видит в угрозе российской пропаганды призыв русскоязычного населения к борьбе против государственной политики внутри страны. Тем самым латвийское правительство объясняет свои действия на сокращение вещания на русском языке, закрытии печатных изданий и сокращении информационного потока со стороны России.

§ IV.3. СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ КИБЕР-УГРОЗЫ В ЛАТВИИ

Государственная и региональная безопасность, и защита в XXI веке приходит с новыми проблемами безопасности. Помимо геополитических проблем, которые могут быть связаны с амбициями отдельных государств, и регионов, где происходят проблемы с переходной экономикой, существует Challenge umbrella, который объединяет всю планету в один конкретный момент – это гибридная война и кибер-проблемы. Западное общество сталкивается с кибер- и гибридными угрозами изо дня в день. Более широкое обсуждение гибридных угроз является обязательным. Для поддержания безопасности и защиты государств не достаточно иметь вооруженные силы и разведку, необходимо учитывать общественность, образование и СМИ.⁶³⁷

Вопросы европейской безопасности и будущего НАТО заключались в том, что страны Балтии являлись наиболее уязвимыми в рамках Североатлантического союза. Предполагались различные сценарии, начиная от полномасштабной атаки до применения методов гибридной боевой борьбы, разработанными военными планировщиками Кремля для Балтийского региона. Русскоязычные меньшинства в Латвии и Эстонии являлись одним из обсуждаемых инструментов, которые Россия могла использовать для дестабилизации положения в странах Балтии.⁶³⁸

В настоящее время термин «гибридная война» широко используется для описания стратегии России в Украине, как правило, как сочетание регулярных методов военной разведки и утечки, а также информационной и кибер-войной.⁶³⁹ В современных условиях происходит борьба за информационное пространство внутри государства, региона и союза. По причине того, что современные технологии позволяют стирать границы

⁶³⁷ Daugulis M. The Challenges of Hybrid-Warfare and Cyber-Threats: The Role of Self-Defense in a Changing Security Environment // Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers. 2015. P. 151 – 156.

⁶³⁸ Romanovs U. Keeping a strong focus on Russia: UK Strategic Defence and Security Review and the Baltic // Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers. 2015. P. 175 – 182.

⁶³⁹ Daugulis M. The Role of Cyber Defence in Hybrid Warfare Conditions: Proper Way for Latvia in Redefinition of Defence and Educational Policy Areas Under the Changing Security Circumstances // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 89 – 96.

воздействия информации посредством сети интернет, международными акторами создаются различные программы и механизмы изучения и защиты информационного воздействия. Так НАТО разрабатывает и внедряет различные методы изучения информационной составляющей современного противоборства. В Латвии для реализации данных методов создан центр стратегических коммуникаций НАТО. В рамках работы центра проводятся исследования всех составляющих информационного воздействия и разработка защиты от информации противника. Центр передового опыта НАТО по стратегическим коммуникациям в Риге, благодаря функции мониторинга извлек значительные уроки из кампании дезинформации, используемой Россией во время присоединения Крыма и в последующем военном участии в Восточной Украине.⁶⁴⁰

Латвия в своих заявлениях не раз говорила о том, что новой угрозой безопасности со стороны Российской Федерации являются кибер-угрозы. Деятельность центра стратегических коммуникаций НАТО в Риге является показателем того, насколько серьезно воспринята данная угроза. Также необходимо отметить, что правительство Латвийской Республики выступала с инициативой создания подобных центров в Эстонии и в Литве. Таким образом, государства Прибалтики определили общую угрозу безопасности, которая заключается в кибер-действиях со стороны России, направленные на распространение российского информационного потока, а также всех форм кибер-операций. А. Кудорс⁶⁴¹ подчеркнул, что необходимо помнить, что страны Балтии находятся на переднем крае информационного поля России, а также Россия на примере Украины показала, что готова использовать не только информационную войну, но и аннексировать территории независимых стран. Все это повлияло на латышское общество в целом.⁶⁴² Были опасения, что Россия может выбрать Балтийский регион как поле битвы, чтобы противостоять Западу и США в военном отношении.⁶⁴³ Ситуация сложившаяся в Украине была воспринята как вызов.⁶⁴⁴ Американские организации латышской диаспоры вместе с другими организациями Балтии, Центральной и Восточной Европы в США высказались за обеспечение безопасности в Балтийском регионе правительству США,

⁶⁴⁰ Lieģis I. Transatlantic Community and Russia: Elements of Dialogue 2016 // Riga Dialogue Afterthoughts 2016: Building Bridges for Euro-Atlantic Security. P. 17 – 26.

⁶⁴¹ Kudors A. Baltic Security Over the Decade: Political Threats and Russia Factor // Ten Years in the Euro-Atlantic Community: Riga Conference Papers. 2014. P. 41 – 52.

⁶⁴² Kažociņš J. Has Russia's Syrian Adventure Made Latvia Safer? // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 80 – 88.

⁶⁴³ Romanovs U. The Means and Ends of Russia's Security Strategy // Riga Dialogue: Towards a Shared Security Environment. Afterthoughts from the Riga Security Seminar. 2015. P. 44 – 51.

⁶⁴⁴ Bruģe I. Latvia's Ukraine Policy: the Ukraine Crisis and Bilateral Relations in 2015 // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 71 – 79.

поддерживая тем самым цели политики безопасности.⁶⁴⁵ Прогнозы в 2016 г. были связаны с возможной российской агрессией, а также возможными опасностями гибридной войны на Латвию и страны Балтии.⁶⁴⁶ Вопросы безопасности стран Балтии в контексте отношений между НАТО и Россией в течение всего 2016 г. оставались в центре внимания аналитиков и исследователей международных отношений, делая негативные выводы в отношении способности НАТО гарантировать защиту территорий государств, наиболее подверженных возможной агрессии России.⁶⁴⁷

Л.Н. Кунакова⁶⁴⁸ отмечает, что кибер-угрозы, связанные с информационным потоком, относятся также и к информационным войнам. Когда заранее подготовленный информационный поток одного государства, с определенными целями, внедряется в информационный поток другого государства. В рамках психологической парадигмы информационная война понимается как латентное воздействие информации на индивидуальное, групповое и массовое сознание при помощи методов пропаганды, дезинформации, манипулирования с целью формирования новых взглядов на социально-политическую организацию общества через изменение ценностных ориентаций и базовых установок личности. В психологическом контексте ее объектом выступает когнитивно-эмоциональная сфера индивидов, а целью – управление интеллектуально-психологическими и социокультурными процессами, обязательным элементом которого выступает неосознанность данного воздействия лицами, подверженными завуалированному влиянию и следующими линии запрограммированного поведения. Исследователи психологических теорий информационного превосходства, разделяются во взглядах. Одни оценивают ее в качестве системы подрывных идеологических воздействий империализма, направленных на сознание людей, преимущественно через сферу общественной психологии. Другие - в качестве психологических акций, осуществляемых на межгосударственном или на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях в мирное и военное время, в информационной и в духовной сфере, среди своих военнослужащих, либо среди войск противника.

Информационное превосходство – это особая форма отношений между двумя государствами, когда одно из них совершает действие, которое оно не совершало бы в

⁶⁴⁵ Krapāne A. Latvia's Cooperation with Diaspora in 2015 // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook.* 2016. P. 107 – 128.

⁶⁴⁶ Lieģis I. Latvia's Foreign Policy – Predictable Pragmatism in Unpredictable Times // *Latvian Foreign and Security. Yearbook.* 2017. P. 51 – 62.

⁶⁴⁷ Skudra O. *Latvian Foreign Policy: Defending National Interests in the World Structured by Politics of Realism* // *Latvian Foreign and Security. Yearbook.* 2017. P. 37 – 50.

⁶⁴⁸ Кунакова Л.Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // *Альманах современной науки и образования.* 2002. № 6. С. 93 – 96.

противном случае, благодаря распространению специально подготовленной информации. Современные ученые рассматривают информационное превосходство на социально-коммуникативном уровне, где в основном исследуется сама информация, оказывающая влияние в интерактивной реальности и формирующая когнитивные ориентации. Л.Н. Кунакова отметила ряд ученых, таких как М.Ю. Павлютенкова и Д.А. Швец, которые представляют информационную войну как коммуникативную технологию, основной целью которой является достижение информационного превосходства в интересах национальной стратегии. Придерживающиеся аналогичных взглядов ученые видят информационную войну как форму борьбы с использованием социальных средств и методов влияния на чужие информационные ресурсы с защитой собственных, а также с ведением разведывательных и политико-психологических действий противника. Г.Г. Почепцов рассматривает информационную войну как *public relations* с несанкционированной работой в чужом информационном пространстве. В его работе основное внимание уделяется разработке методов влияния на поведение социальных групп. Субъектом информационных войн в данном аспекте являются – нации, государства, компании, а объектом – массовое сознание.

Ученые, которые рассматривают информационное превосходство в рамках глобализации, проводят связь с геополитическими отношениями, когда одни акторы международного процесса с помощью активного воздействия на информационное пространство других стремятся получить превосходство в экономической, военной, политической и других областях. Ряд ученых рассматривают информационную войну через призму военно-стратегического направления, где информационное превосходство выступает в виде военного конфликта, который может выступать как в самостоятельной форме, либо в форме военных действий с образованием сетевой и кибер-войной. Доминирование в данном контексте достигается за счет компьютеризации военной техники и формирования сетевой организации вооруженных сил, с применением собственных электронных технологий, а также с разрушением информационных систем противника. Сторонники данной теории основной причиной данного процесса называют приращение властного капитала и защиту собственных интересов. Каналами здесь являются масс-медиа, а политическими субъектами – отдельные социальные группы (элиты региона и федерального центра), аудитории СМИ, так и массовый социальный субъект.

Приведенные выше понятия формировались исходя из направленности действия информации. Изначально информационное превосходство или информационная война,

использовалась в военных действиях и была направлена в основном на военнослужащих. В современном мире произошли некоторые изменения, когда информация направлена на массовое сознание. Понятие «масса» – это группы индивидов, среди которых преобладает количество людей с неясной социальной ориентацией, без осознания собственных интересов и, следовательно, их реализации, по этим причинам масса не имеет внутреннюю структуру. В виду чего масса сама по себе деструктивна и разрушительна. Индивид вне массы, благодаря своему социальному опыту может отвергнуть стереотипные суждения массы, но при попадании в массу, растворяется в ней, руководствуясь суждениями массы.⁶⁴⁹

В современном мире человеку не хватает способов освоения действительности, привычные ориентиры, социальные идеалы, которые были направлены на создание мировоззренческой целостности человека, отсутствуют. Важно отметить тот факт, что отсутствие достоверной информации о процессах, происходящих в мировом сообществе, также дезориентирует человека, что позволяет политическим элитам, государственным и негосударственным акторам манипулировать массовым сознанием. Манипулирование, в свою очередь, - это способ воздействия на человека, целью которого является определение направлений представлений, вкусов и поведения человека.⁶⁵⁰ Сама суть манипулирования определяется как тайно осуществляемое психическое воздействие на сознание человека и групп людей без учета их интересов.⁶⁵¹ Манипуляция общественным сознанием также тесно связаны с функцией власти, придерживающейся цели сохранения стабильности, социального порядка и социокультурной идентичности системы.⁶⁵² Регуляторная функция общественного сознания связана с функцией оценки, которая позволяет создать связный образ мира.⁶⁵³ Контроль массового сознания граждан проявляется в виде общественного мнения, стереотипов поведения, норм и ценностей общественного сознания.⁶⁵⁴

⁶⁴⁹ Вольвач В.Г. Массовое сознание и социальная структура // Инновационное образование и экономика. 2011. Т. 1. № 8. С. 37 – 40.

⁶⁵⁰ Васильев С.С. Механизмы и уровни внедрения мифа в массовое сознание: масс-медиа как инструмент социального мифотворчества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. № 2. С. 37 – 47.

⁶⁵¹ Колесникова Г.И., Аствацатуров А.Е. Социальный механизм манипуляции сознанием личности в современном российском обществе // Вестник Донского государственного технического университета. 2012. Т. 12. № 1 – 2. С. 150 – 155.

⁶⁵² Князева И.В. К вопросу о социальном основании возникновения манипуляции общественным сознанием // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 6. С. 175 – 180.

⁶⁵³ Белкин А.И. Роль регулярно-управленческого сознания в психологическом измерении социального пространства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15. № 1. С. 78 – 84.

⁶⁵⁴ Рустамов А.О. Социальный контроль как средство воздействия на массовое сознание в системе управления // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2011. № 2. С. 28 – 30.

Основной формой общения молодых и активных людей являются социальные сети, которые играют роль не только средства общения, но и роль инструмента, с помощью которого можно выразить жизненную позицию, собственное мнение, мнение групп людей, организовать группу «давления» или «лоббирования» и таким способом повлиять на политические решения.⁶⁵⁵ Массовые интерактивные коммуникации, а именно интернет и социальные сети используются политическими элитами в организации и координации движений, направленных на смену власти революционным путем.⁶⁵⁶ Социальная сеть – это сложная социальная система, состоящая из множества агентов (субъектов) и множества связей (отношений) между агентами.⁶⁵⁷ В зоне риска влияния социальных сетей выделяют молодежь, так как данная социальная группа обладает неустойчивой системой ценностей, максимализмом, неустойчивым социальным положением и отсутствием социального опыта, а также молодежь является мало защищенной группой населения, при этом самым активным пользователем интернета.⁶⁵⁸ Одним из главных преимуществ социальных сетей является массовость их участников, высокая скорость распространения информации, наличие обратной связи дает возможность корректировать информационные вбрасывания для создания у пользователей определенного настроения. Интернет ресурсы сегодня – это инструмент, позволяющий революционным группам снизить расходы на участие, организацию, набор и обучение.⁶⁵⁹ Основными «корректорами» являются надправительственные организации, транснациональные корпорации и отдельные люди, обладающие властью.⁶⁶⁰

Следует отметить, что место СМИ в социальной системе общества связано с организованной системой коммуникации, также взаимосвязанной с социальными сетями и интернет ресурсами. В современном мире наблюдается тенденция, когда информационное пространство разделено на территории, которые контролируются определенными

⁶⁵⁵ Шелест В.С. Методы воздействия на общественное мнение и политическое сознание молодежи с помощью социальных сетей и сети «интернет» // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2012. № 5 – 6. С. 138 – 142.

⁶⁵⁶ Минаев В.А., Овчинский А.С., Скрыль С.В., Тростянский С.Н. Социальная безопасность и управление массовым сознанием в чрезвычайных ситуациях // Ежегодная международная научно-техническая конференция системы безопасности. 2013. № 22. С. 299 – 303.

⁶⁵⁷ Корнев П.А. Технологии мониторинга ситуаций управления сознанием участников социальных сетей // Перспективы развития информационных технологий. 2013. № 15. С. 47 – 51.

⁶⁵⁸ Панфилова Ю.С. Экстремизм в виртуальной среде как социальная проблема: отражение в сознании молодежи // Альманах современной науки и образования. 2014. № 9. С. 101 – 104.

⁶⁵⁹ Ананьева А.Г., Брянцев И.Н. Социальные сети и их влияние на формирование общественного сознания // Безопасность информационных технологий. 2011. № 3. С. 109 – 115.

⁶⁶⁰ Чашин Е.В. Феномен неустойчивого сознания как понятие современной социальной гносеологии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2013. Т. 11. № 3. С. 11 – 15.

группами. Данные группы препятствуют тому, чтобы в подконтрольных им средствах информации не были представлены позиции, не отвечающей их собственной.⁶⁶¹

Управление массовым сознанием может иметь разные последствия, так по мнению Дж. Майерса, усилия, предпринимаемые для того, чтобы убедить людей в чем-либо могут быть – благородными, эффективными и тщетными. Дж. Майерс говорит об убеждении в виде пропаганды или просвещения, как в политике, так и в маркетинге, действиях родственников, торговле. При этом люди могут просто черпать свои мнения из источников информации, либо же вообще не воспринимать информацию. Исследования, на которые ссылается Дж. Майерс⁶⁶², показывают, что люди признают влияние СМИ на окружающих, но не на самих себя. Также необходимо отметить тот факт, что личностные качества людей не всегда позволяют точно предсказать их реакцию на происходящее в обществе. Дж. Майерс отмечает, что определенная черта может одновременно благоприятствовать одной стадии процесса убеждения и отрицательно влиять на другую. Информирование об определенных фактах и всевозможная пропаганда проводится многими государствами (или акторами), однако нет точных гарантий, что управление массовым сознанием проведено успешно. На индивидуальное и массовое сознание воздействует множество социальных и психологических факторов, и остаются варианты, что информирование об отдельных фактах и пропаганда в результате будут иметь другие последствия, нежели было запланировано.

С развитием технологий, с приобретенным опытом, информация стала использоваться в виде манипулятивного механизма массового сознания, формируя определенные мнения и общие настроения обществ. Массовое сознание в современном мире стало объектом завоевания. Современные геополитические информационные операции развились в ходе межгосударственной конфронтации СССР и США, которая основывалась на идеологической и государственно-политической основе с отлаженными механизмами. Со стороны Америки под информационным инструментом обозначалось информационное противоборство. Позднее данное понятие стало обозначаться как воздействие на информационные ресурсы и системы или на стратегические ресурсы государства.

Идеи современного противоборства сформированы с развитием глобальной информационной среды и информационной сферы общества при участии высших должностных лиц государства, а также при участии правительственных и

⁶⁶¹ Крылов Г.О. Доктринально-нормативное обеспечение информационного превосходства в геополитических информационных операциях // Безопасность информационных технологий. 2007. № 1. С. 20 – 22.

⁶⁶² Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер. 2003.

неправительственных структур. Информационное противоборство в современных условиях рассматривается совместно с вооруженной борьбой, политико-дипломатическим противоборством, экономической конкуренцией, межгосударственным научно-техническим соперничеством. Где объектами информационного воздействия являются высшее политическое и военное руководство, общественное мнение, информационные и телекоммуникационные системы, средства и системы связи противоборствующих государств, информационные ресурсы, средства информатизации вооружения и военной техники, информационные системы органов государственной власти, банковская и хозяйственная сфера. Информационное превосходство сейчас – это, прежде всего, способность органов управления к сбору, обработке и распространению непрерывного потока информации. Психологическая готовность войск с одновременным затруднением управления и управляемости противника, что стало возможно благодаря технологиям современного мира, расширяющим места конфликта, с помощью социальных сетей, электронных баз данных и телевизионных экранов.⁶⁶³

Современные технологии позволили создать новые способы ведения военных действий. Одним из таких способов является гибридная война. Гибридная война – современный способ ведения военных действий, сочетающий в себе классические методы военных операций с партизанской войной, терроризмом, информационной (кибервойной), биологической войной.⁶⁶⁴ В.А. Романова отмечает, что увеличение роли информации привело к увеличению роста информационных противоборств. Политические и военные элиты осознали тот факт, что в современном мире общество зависит от информационно-телекоммуникационных систем, что учитывается при разработке технологий воздействия на сознание людей. Американские аналитики достаточно давно приняли тот факт, что информация может быть оружием, как массовое воздействие на умы людей.

В настоящее время введены в работу различные методы информационной войны, одним из которых можно считать создание ложной информации для дезинформации общества. Это можно наблюдать не только в странах ведущих гибридную войну напрямую, но и косвенно к ним относящихся, что позволяет сформировать ложное мнение общества по тем или иным вопросам, а также сформировать сознание мирового сообщества в нужном направлении. В информационной войне достигаются, такие цели, как дезинформация общественного сознания, распространение идеологии, привлечение сторонников, доступ к информационным ресурсам, снижение или увеличение роли

⁶⁶³ Комлева Е.В. Социальная роль ядерных технологий и общественное сознание // Философия науки. 2003. № 2. С. 9.

⁶⁶⁴ Романова В.А. Информационная составляющая гибридных войн современности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 2. С. 293 – 299.

государства, создание негативного отношения общества к определенным вопросам, распространение ложных мнений. В интернет ресурсах активно развивается сектор агитационного и пропагандистского характера. Средства массовой информации также активно ведут работу с интернет ресурсами, как с источниками информации. Информация в интернет сети с каждым днем набирает силу в воздействии на общество, формируя мнение население по тем или иным вопросам. Этому способствует общедоступность и быстрое распространение информации без каких-либо ограничений. Все это позволяет достигать целей информационной войны, таких как, изменение сознания общества, формирования его мировоззрения и отношения к определенным вопросам.

Необходимо отметить, что информационная составляющая гибридной войны может быть опасной и иметь разрушающий характер. А.В. Манойло⁶⁶⁵ отмечено, что «в гибридной войне именно информационные операции могут иметь решающее значение для принуждения противника к капитуляции, а боевые операции вооруженных сил могут играть сервисную роль, обеспечивая организаторов информационных войн пиар-материалом, необходимым для информационных атак на сознание и подсознание противника в целях нанесения ему прямого урона (информационным оружием), так и с целью скрытого управления его сознанием и поведением».

Информационная составляющая гибридной войны имеет всеобъемлющий характер, а именно ведется в различных странах, которые становятся косвенными участниками военных действий. Так приведем понятие «лимитроф» Н.А. Комлевой⁶⁶⁶, где «лимитроф» - это совокупность государств и негосударственных акторов, геополитические пространства которых прочно контролируются мощным актором, выступающим в данном случае в роли геополитического тьютора. Тьютор, в свою очередь, это тот, кто руководит занятиями, обучает. Тьютором может выступать как государство, так и актор негосударственной природы.

Латвийская правящая элита, наряду с представителями власти Литвы и Эстонии, определила способность Российской Федерации к ведению на своей территории кибервойны. Результатом чего стало создание на территории Латвии и Эстонии противоборствующих данной угрозе центров НАТО. Латвия была одной из стран, которая в 2008 году поддержала создание центра в Таллинне NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence⁶⁶⁷ и по настоящий момент тесно сотрудничает с ним.⁶⁶⁸ Он является

⁶⁶⁵ Манойло А.В. Роль цветных революций в современных гибридных войнах // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 8. С. 13 – 18.

⁶⁶⁶ Комлева Н.А. Войны в лимитрофах: эволюция технологий // Пространство и время. 2015. № 1 – 2. С. 32 – 42.

⁶⁶⁷ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence // URL: <https://ccdcoc.org/index.html>.

совместной работой в данной области трех прибалтийских республик на базе НАТО. Центр кибернетической обороны НАТО в Эстонии (Таллинн) является международной военной организацией с миссией укрепления потенциала, сотрудничества и обмена информацией между государствами-членами НАТО. Центр работает в области киберзащиты, научных исследований и разработок. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence аккредитован на международном уровне, и является мозговым и учебным центром. Международная военная организация фокусируется на междисциплинарных прикладных исследованиях и разработках, тренингах и упражнениях в области кибербезопасности. В работе центра принимают участие международные эксперты, ученые-юристы, политики, специалисты по стратегии, а также специалисты в области военной, правительственной и промышленной технологий. В качестве спонсоров выступают страны-участники НАТО: Чешская Республика, Эстония, Франция, Германия, Венгрия, Италия, Латвия, Литва, Нидерланды, Польша, Словакия, Испания, Турция, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты. Участниками являются страны не входящие в НАТО – Австрия и Финляндия.⁶⁶⁹

Термины и определения, которые приведены на сайте Таллиннского центра, являются базой к пониманию кибер-пространства, а также возможных угроз в данной области. Основной угрозой в области международной информационной безопасности является использование коммуникационных технологий в качестве информационного оружия для политических и военных целей, противодействие международному праву, национальному суверенитету государств, нарушения территориальной целостности государств и угрозы международному миру, безопасности и стратегической стабильности; использование информационного оружия в террористических целях; и вмешательство в дела суверенных государств, нарушение общественного порядка, разжигание национальной, расовой и религиозной ненависти, пропаганды расистских и ксенофобских идей или теорий для подстрекания к насилию; совершать преступления, в том числе, связанные с несанкционированным доступом к компьютерной информации, с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ.

Информация – это любое сообщение или представление знаний, таких как факты, данные или мнения в средствах массовой информации, в том числе в текстовой, числовой, графической, картографической, описательной или аудиовизуальной форме. Исходя из определения Оксфордского университета, информация – это все, что способно заставить

⁶⁶⁸ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Latvian Minister of Defence Briefed on Cyber Security // URL: <https://ccdcoe.org/latvian-minister-defence-briefed-cyber-security.html> [19.08.2015].

⁶⁶⁹ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Angela Merkel Briefed on Cyber Security // URL: <https://ccdcoe.org/AngelaMerkel.html> [24.08.2016].

человеческий разум изменить свое мнение о текущем состоянии реального мира. В области науки и техники, информацией является все, что способствует уменьшению неопределенности состояния системы. Обеспечение информации – это меры, которые защищают и отстаивают информацию и информационные системы путем обеспечения их доступности, целостности, аутентификации, конфиденциальности и безотказности. Эти меры включают в себя обеспечение для восстановления информационных систем путем включения защиты, обнаружения и возможности реагирования.

Информационная безопасность, определение, которое принято в США и в России, - это свойство информационного пространства, способность противостоять угрозам, а также способность реагирования на угрозы и способность к восстановлению. Определение информационной безопасности, принятое в России, - состояние защищенности национальных интересов в информационном пространстве, определяется сбалансированным сочетанием интересов личности, общества и государства.

Информационное пространство, для США и России, - это любая среда, с помощью которой создается информация, передаются и принимаются данные, а также хранятся, обрабатываются или удаляются. Определение, принятое в России, гласит, что это деятельность, связанная с формированием, созданием, преобразованием, передачей, использованием, хранением информации, оказывающая влияние на информационную инфраструктуру, саму информацию, а также на индивидуальное и общественное сознание.

Информационная война в рамках исследований в США и в России, - это эскалация информационного конфликта между государствами, в которых информационные операции осуществляются государственными субъектами для военно-политических целей. Российское определение заключается в том, что информационная война – это противостояние между двумя или более правительствами в информационном пространстве с целью повредить системы, процессы и ресурсы, критически важные для контрагента. В свою очередь, определение информационного оружия, принятое в ООН и РФ, - это средства и методы, используемые с целью повредить информационные ресурсы, процессы и системы другого государства; использование информации в ущерб обороне того или иного государства, административных, политических, социальных, экономических или других жизненно важных систем, а также средства массовой манипуляции населения того или иного государства с целью дестабилизации общества и государства.⁶⁷⁰ Исходя из того, что большинство приведенных терминов и определений в глоссарии выдвинуты и определены в России, основной кибер-угрозой для изучения

⁶⁷⁰ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Terms and Definition // URL: <https://ccdcoe.org/cyber-definitions.html>.

является деятельность и механизмы действия РФ. Центры НАТО в Риге и в Таллинне, на основе исследований делают выводы и создают механизмы, способные противостоять кибер-угрозе со стороны Российской Федерации.

В рамках работы центра было разработано руководство в области международного права и кибер-безопасности. Данное руководство одобрили представители 50 стран в Гааге.⁶⁷¹ Руководство доступно на сайте центра.⁶⁷² Руководство, созданное в Таллинне, является наиболее влиятельным пособием для юридических консультантов, занимающихся вопросами в сфере кибер. Также планируется создание второго руководства, более расширенного варианта, где будут указаны наиболее распространенные случаи кибер-преступлений, с которыми государства сталкиваются ежедневно вне поля боя.⁶⁷³

На фоне военных действий на территории Украины центром была опубликована книга «Кибер-войны в перспективе: русская агрессия против Украины». В книге представлена информация о том, что проводимые Россией кибер-операции являлись частью информационной войны и служили сбору разведанных в войне между Россией и Украиной. Директор центра в Таллинне С. Сакков указывал, что в настоящее время компьютерные технологии неотделимы от военных действий, данные технологии интегрируются в военные действия и являются средством достижения власти. Профессор кибер-безопасности в университете А.Я. Лимнелл, один из авторов книги подчеркнул, что «Мир движется к стратегическому использованию кибер-возможностей для убеждения противников изменить свое поведение». Данное исследование было проведено в целях изучения кибер-измерения в геополитическом конфликте между Россией и Украиной для установления как кибер-атаки могут влиять на международные кризисы в эпоху интернета. В книге «Кибер-войны в перспективе: русская агрессия против Украины» представлено 18 глав, где есть информация о последствиях кибер-операций в политике и праве. Исследование кризиса в Украине в 2013 – 2015 гг. затрагивает цифровую пропаганду, утечку информации, ультрасовременный кибер-шпионаж, атаки на интернет инфраструктуру и попытку вмешаться в выборы президента Украины.⁶⁷⁴

⁶⁷¹ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Experts: Multiple International Law Regimes Apply to Cyber Operations // URL: <https://ccdcoe.org/experts-multiple-international-law-regimes-apply-cyber-operations.html> [11.02.2016].

⁶⁷² NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Tallinn Manual Process // URL: <https://ccdcoe.org/tallinn-manual.html>.

⁶⁷³ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Over 50 States Consult Tallinn Manual 2.0 // URL: <https://ccdcoe.org/over-50-states-consult-tallinn-manual-20.html> [02.02.2016].

⁶⁷⁴ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Cyber Warfare Integral Part of Modern Politics, New Analysis Reaffirms // URL: <https://ccdcoe.org/cyber-warfare-integral-part-modern-politics-new-analysis-reaffirms.html> [01.12.2015].

В книге отмечено, что несмотря на то, что известные кибер-атаки приписываются определенным странам, они также являются и горячо оспариваемыми. Но есть некоторые свидетельства, которые показывают, что стратегическая культура и организационные предпочтения США, Китая и России заставляют использовать эти страны свою кибер-силу. США использовали кибер-операции в Иране. Китай, в свою очередь, ведет работу по защите своих жителей внутри страны. Российские кибер-операции наиболее наглядно были представлены в ходе конфликта в Украине и аннексии Крыма, что позволило российским властям сформировать полный политический курс.

В России понятие информационной войны содержит широкое определение, куда включены разведка, контрразведка, обман, дезинформация, радиоэлектронная война, ухудшение коммуникаций, ухудшение навигационной поддержки, психологическое давление, ухудшение информационных систем и пропаганда. Компьютеры являются инструментом российской информационной войны. Атаки на информационные и разведывательные службы, технические методы и телевидение «Russia Today» – все это является инструментами информационной войны. Россия является международным актором в кибер-пространстве, который создал способ интеграции кибер-войны в великую стратегию, способную привести к достижению политических целей. В книге отмечено, что советский шпионаж во время «Холодной войны» в основном был связан с кражей научной, технической и военной информации с Запада. Но в конечном итоге закончился неудачей для Советского союза, по причине отставания от более прогрессивных противников. Так во время «Холодной войны» Америка сосредотачивалась на технологиях и их интеграции, а Россия, в свою очередь, рассматривала стратегические последствия появления нового вида оружия.

Природу политики Россия видит в войне. Война – это политический акт. Целью которого является изменение политического суждения противников, для удовлетворения собственных интересов. Таким образом, чтобы добиться стратегического эффекта, кибер-сила должна являться способом, который сформирует политический результат войны. Так Россия благодаря связи между технологиями, военными действиями, стратегией добивается конечных политических результатов. В советское время российские чиновники, как и сегодня, имели возможность обсуждения на специальных площадках стратегических последствий новых технологий. Это также является одной из причин, по которой сегодня Россия занимает ведущее место в использовании кибер-силы при проведении военных операций. Во времена существования Советского Союза, именно им были произведены технологии применимые в информационной войне.

Как отмечено в книге, в свою очередь, цель работы НАТО в стратегическом направлении является уменьшение и устранение возможности войны. Россия сегодня имеет цель не военной победы над НАТО, но победы над НАТО в стратегическом плане. Таким образом, Россия поняла, что в силах одержать победу в стратегии с НАТО на начальном этапе конфронтации и изменить политическое восприятие. НАТО оказалось уязвимым в информационной войне и кибер-атаках со стороны России. Кибер-атаки могут создать беспорядок в сетях командования и управления, как было во время войны в Украине, где было множество кибер-атак со стороны России.

Таким образом, для России война – это политическая деятельность, а кибер-сила является стратегическим эффектом, посредством которого можно влиять на формирование политических результатов. А также для достижения своих интересов менять политическое восприятие противников. При аннексии Крыма и давлении против Украины был использован кибер-потенциал, как в виде прямых атак, так и в виде информационных кампаний, что позволило России стратегически победить противника не применяя силы.⁶⁷⁵

Центр стратегических коммуникаций в Риге (Strategic Communications Centre of Excellence)⁶⁷⁶ работает в различных направлениях, таких как общественная дипломатия, связи с общественностью, а также по направлению информационно-психологических операций. Ведет активную работу по планированию политики на стратегическом и тактическом уровнях. Используется виртуальная сеть для совершенствования коммуникаций.

Главной особенностью центра является его сотрудничество с различными секторами, как военными, так и гражданскими, академическими с использованием современных технологий, в том числе и виртуальных. Совет Европы сотрудничает с центром в целях разработки общей политики с НАТО, а также содействует работе центра, создавая виртуальную рабочую среду для привлечения международных экспертов и увеличения гибкости и доступности при современных условиях. Совет Европы использует передовую технологию и интернет системы для сбора, обработки и распространения информации, а также поддерживает цели НАТО по разработке среды обучения в online режиме. Ультрасовременный научно-исследовательский центр и лаборатория является площадкой для принятия, изучения и понимания процесса принятия решений в кризисных и конфликтных условиях.

⁶⁷⁵ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. James J. Wirtz Cyber War and Strategic Culture: The Russian Integration of Cyber Power into Grand Strategy // URL: https://ccdcoe.org/sites/default/files/multimedia/pdf/CyberWarinPerspective_Wirtz_03.pdf.

⁶⁷⁶ NATO Stratcom Centre of Excellence // URL: <http://www.stratcomcoe.org>.

Создание данного центра и его направленность может являться доказательством того, что в настоящий период времени ведется гибридная война на территориях государств не являющимися прямыми участниками военных действий гибридной войны. Одной из ее основных составляющих является информационная технология, которая в свою очередь не имеет границ и постоянно модернизируется. Информационные операции ведутся специализированными военными и гражданскими структурами, и включают в себя все виды информации и информационных систем.⁶⁷⁷

Центр является международной организацией, объединяющую Латвию, Литву, Эстонию, Великобританию, Италию, Германию и Польшу. США в проекте не участвуют, но его открытие посетил сенатор Дж. Маккейн. По словам Дж. Маккейна, работа центра стратегической коммуникации НАТО направлена на распространение правды, что было сказано в контексте с тем, что президент России В.В. Путин осуществляет программу пропаганды и дезинформации, особенно в Балтийских странах, а также на Украине и в странах НАТО. Также было отмечено, что в первую очередь дезинформации подвержена русскоязычная аудитория. При этом, по словам Дж. Маккейна русскоязычные жители Прибалтийских стран лояльны своим странам и не представляют угрозы для безопасности. Так в августе 2015 г. центр исследовательской журналистики «Re:Baltica» обнаружил около 40 организаций на территории Латвии, которые за три года получили 1,5 млн. евро из фондов Российской Федерации. В ходе чего начальник полиции безопасности Н. Межвиетс пояснил, что данные организации используются Россией в качестве агентов информационного влияния, а их основной задачей является формирование общественного мнения, выгодного России для продвижения своих интересов.⁶⁷⁸

В июне 2015 г. центр проводил исследования на применение России манипулятивных техник в информационной кампании против Украины.⁶⁷⁹ 16 июля 2015 г. центр представил предварительные результаты исследования «Интернет-троллинг как гибридный инструмент ведения войны: случай Латвии». Исследование, по заказу центра, проводилось Латвийским институтом международных дел в сотрудничестве с Рижским университетом Страдыня. Исследование фокусируется на выявлении организованного троллинга в интернет-СМИ и измерении его влияния на общественный дискурс, используя Латвию в качестве примера. Анализируя троллинг как манипулятивный

⁶⁷⁷ Балабин В.И. О некоторых аспектах завоевания информационного превосходства над потенциальным противником // Проблемы безопасности российского общества. 2013. № 2 – 3. С. 76 – 84.

⁶⁷⁸ Rus.TVNET. Исследование: семь латвийских организаций могли получать от России более 680 тыс. евро // URL: http://rus.tvnet.lv/novosti/obschjestvo/300932-issledovaniye_sjem_latviyskih_organizacij_mogli_poluchit_ot_rossii_boljeje_680_tis_jevro.

⁶⁷⁹ NATO STRATCOM. Centre present research to the Latvian Audience // URL: <http://stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/6/17.aspx>.

инструмент в контексте гибридной войны, в ходе исследования Центр Стратегических коммуникаций НАТО обнаружил несколько новых углов, что позволит ответить на вопрос об уязвимости, которая вызвана использованием интернета, социальных сетей и интернет-СМИ. Как интернет троллинг используется в контексте гибридной войны; какие манипулятивные методы троллинга используются для влияния на общественное мнение; какие группы общества наиболее уязвимы к троллингу; как определить «гибридного тролля», и какие его отличительные черты; каковы возможные стратегии защиты для смягчения деятельности троллинга.

Чтобы понять явление троллинга и его влияние на общественное восприятие был использован междисциплинарный подход – в том числе науки связи, социальной антропологии, политологии и опыт информационных технологий. Исследователи проанализировали комментарии на наиболее популярных латвийских интернет-порталах (Delfi, TVnet, Apollo), тесты которых проходят в фокус группах на латышском и русском языках. Научные результаты являются возможностью оценки потенциала троллинга, а также возможность разработки рекомендации о том, как смягчит его последствия, при его использовании как гибридного инструмента ведения войны.⁶⁸⁰

По заявлению руководителя центра стратегических и международных исследований Дж. Хамра весной 2015 г., НАТО усиливает свою кибер-защиту и четко указывает, что кибернетическое нападение могло бы повлечь за собой коллективные ответные меры. НАТО также активно прорабатывает вопрос о том, как отражать гибридные угрозы, в том числе с помощью более тесной работы с ЕС, ускоряет процесс принятия решений и углубляет обмен информацией.⁶⁸¹

Посол Канады в Латвии А. Хаусер и государственный секретарь по вопросам обороны Латвии Я. Сарты 8 мая 2015 г. открыли программу подготовки при центре стратегических коммуникаций НАТО в Риге по преподаванию контр-пропаганды, чтобы помочь государствам членам НАТО и странам Восточной Европы оценить действия в области контр-пропаганды Российской Федерации. Аналитики, психологи, военные, сотрудники разведывательных и оборонных структур будут проходить обучение в области анализа целевой аудитории, изучения групп и формирования мероприятий, направленных на изменения отношений и поведения. Данная методология позволяет также выдерживать эффект контр-пропаганды. Программа будет финансироваться правительством Канады через вклад в центр стратегических коммуникаций в Риге. Канадская поддержка, по

⁶⁸⁰ NATO STRATCOM. Centre present preliminary results of the study on internet trolling // URL: <http://stratcomcoe.org/lv/NewsandEvents/News/2015/7/30.aspx>.

⁶⁸¹ NATO. Адаптация к изменившимся условиям безопасности // URL: http://nato.int/cps/ru/natohq/opinions_120166.htm?#top.

словам премьер-министра С. Харпера, поможет украинцам лучше защитить себя от российской угрозы и укрепить способность центров НАТО противостоять проблемам региональной безопасности в области энергетики, связи и кибер-обороны.

По заявлению посла Канады А. Хаусера, Канада признает угрозу, исходящую от нового типа войны с Россией и в связи с этим финансирует данный проект. Программа будет поставляться находящейся в Великобритании лабораторией стратегических коммуникаций, которая на протяжении долгих лет работает для министерства обороны Великобритании и департамента обороны США. Данная программа является единственной лицензированной и состоит из экспертов в области информационной войны из семи стран и носит название JOTA GLOBAL.

По словам М. Лэйти, начальника стратегических коммуникаций НАТО, угроза обычной войны изменилась, и информация может быть оружием. И вне зависимости от того как она используется, как дезинформация, обман или как ложный рассказ, НАТО необходимо быть в состоянии ответить на данный вызов. Вследствие чего, данный курс улучшит способность действовать в информационном пространстве эффективно и в соответствии с ценностями свободного и открытого общества. Так же, по словам М. Лэйти, Россия продолжает распространять дезинформацию среди русскоязычных о предполагаемой угрозе ЕС, что является подтверждением для членов НАТО в необходимости создания новых инструментов противостояния.

К. Джайлс, который писал об операциях российской информационной войны для Chatham House в Лондоне сказал: «Многие люди на Западе теперь знакомы с некоторой возмутительной пропагандой, которая приходит из Москвы и выглядит не правдоподобной. Но проблема заключается в том, что это является только частью многослойного и многогранного наступления России. В то же время существуют и более тонкие работы распространительных компаний, направленные на население прифронтовой зоны Эстонии, Латвии и Литвы, что является важным для эффективного противостояния НАТО».⁶⁸²

Канада сотрудничает с центром, оказывая поддержку Украине и союзникам НАТО противостоять российской угрозе в регионе, а именно поддерживает центр в эффективном решении проблем региональной безопасности, связанных с информационной и кибер-защитой. Центр стратегических коммуникаций при поддержке Канады призван укреплять безопасность союзников и партнеров НАТО в Восточной Европе. Данный проект способствует укреплению потенциала НАТО в стратегических коммуникациях,

⁶⁸² NATO STRATCOM. Countering propaganda: NATO spearheads use of behavioural change science // URL: <http://stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/5/12.aspx>.

применимых ко всем сценариям, которые формируют информационную среду и управляют восприятием. Стратегические коммуникации имеют решающее значение в урегулировании конфликтов, повышении уровня общественной дипломатии, сокращении насилия, борьбе с терроризмом и поддержании мира.⁶⁸³

На сайте центра стратегических коммуникаций НАТО в Риге в 2016 году была опубликована информация о конференции под названием: «Русская мягкая сила: борьба Москвы за влияние в Европе и, как ЕС должен реагировать». Главной темой мероприятия была мягкая стратегия России, которая обеспечивается посредством невоенных инструментов. Главной целью, которых является влияние на восприятие элиты и на общественное мнение в европейских странах. Российская «мягкая сила» в ЕС проявляется путем поддержки Москвы популистских право- и левых политических партий, и движений, усиление анти-ЕС, и анти Западных, информационных кампаний, усиление влияние России в стратегических секторах экономики некоторых стран ЕС.

По мнению некоторых экспертов, Москва воспринимает «мягкую» западную силу как форму «нелинейной войны», что представляется угрозой для России. В Кремле бытует мнение, что Запад стремится дестабилизировать Россию, путем разжигания прозападных движений в государствах, составляющих сферу интересов России, так и в самой России. Такое восприятие угрозы, способно побудить Кремль активизировать собственную мягкую силу.

С начала украинского кризиса, который привел к растущей напряженности между Россией и Западом, Россия активизировала различные мероприятия с использованием мягкой силы, для установления своего влияния в ЕС. Некоторые из этих мероприятий вызвали беспокойство на Западе из-за возможных негативных последствий для стабильности европейских демократий и сплоченности ЕС. Направленные против ЕС и против Запада коммуникационные кампании осуществляются посредством использования дезинформации, как в традиционных, так и в социальных медиа. Россия также оказывает финансовую, политическую и идеологическую поддержку популистским правым и левым политическим партиям.

Россия увеличила свое влияние с помощью финансовых инструментов, в том числе с помощью инвестиций в области, имеющие стратегическое значение в некоторых странах ЕС. А также с помощью установления деловых отношений с некоторыми членами политической и экономической элиты. Россия также финансирует научно-

⁶⁸³ NATO STRATCOM. Canada contributes to capabilities of NATO Strategic Communications Centre of Excellence // URL: <http://stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/2/20.aspx>.

исследовательские институты и неправительственные организации, объединяющие русские диаспоры в Европе.

Согласно мнению некоторых аналитиков, Москва стремится использовать глубокий и многомерный кризис в Европе для проведения операций с использованием мягкой силы. Таким образом, Россия стремится достичь следующих стратегических целей внешней политики: подорвать авторитет и доверие к европейским институтам и европейскому правительству, подорвать эффективность процессов принятия решений НАТО и ЕС, ослабить трансатлантические отношения, а также способствовать нарастанию общественного недоверия к западной либеральной модели.⁶⁸⁴

НАТО и участниками альянса ведется работа по защите собственного информационного пространства. Деятельность центров в Риге и Таллинне показывает, что основные работы ведутся в области информационного поля Российской Федерации. Где особое внимание уделяется информации со стороны России в СМИ и интернет пространстве на территории других стран. Территория Латвийской Республики была выбрана не случайно, как и территории других стран Прибалтики, где созданы центры НАТО, а по историческому наследию (страны бывшего СССР), геополитической составляющей и по составу населения (русскоязычное население). Все эти составляющие дают возможность изучения информационного воздействия в Латвии и других странах со стороны Российской Федерации более точно и качественно, чем на территориях других стран, расположенных удаленно от границ России. Немаловажное значение имеет русскоязычное население, проживающее в Латвии, способное воспринимать информационные атаки со стороны России не только без языкового барьера, но и с идеологической точки зрения. Таким образом, территория и население Латвии является активным участником в процессе не только самого достижения информационного превосходства НАТО, но и является объектом исследований, который может находиться под действием информационного превосходства со стороны другого государства, имеющего иную информационную составляющую. Признание структурами безопасности Латвии и Европейского Союза того факта, что в настоящее время Российская Федерация ведет гибридную войну, повлекло за собой создание противоборствующих институтов, основной целью которых, исходя из заявлений представителей политических элит Латвии и Европейского союза, является предотвращение угрозы со стороны России.

⁶⁸⁴ NATO Strategic Communications Centre of Excellence Riga. Centre's experts speak at international conference 'Russian Soft Power' in Rome // URL: <http://www.stratcomcoe.org/centres-experts-speak-international-conference-russian-soft-power-rome> [09.06.2016].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Используя каналы коммуникации, латвийское правительство постепенно вводило в вопрос безопасности русскоязычное население. При введении русскоязычного населения в вопрос безопасности, латвийское правительство использовало механизм политической коммуникации, тем самым, влияя на общественное мнение и создавая напряженность между двумя этническими группами. Механизм политической коммуникации, при котором затрагиваются интересы, вопросы, темы и проблемы более чем одного государства, а также при котором те или иные вопросы выходят за пределы внутренней политики одного государства, вводит определенные положения в сферу международных отношений. В Латвийской Республике обозначаются проблемы, связанные с русскоязычным населением и институтом неграждан. В данном случае обозначенная проблема является внутренней, но также имеет характер проблемы внешней политики. При взаимодействии Латвии с международными институтами, данная проблема являлась и является одной из главных, и требующих решения проблем. Вторым фактором, который придает международный характер данной проблеме, является принадлежность русскоязычного населения к Российской Федерации. Так русскоязычное население, проживающее на территории Латвии, входит в интересы России.

В рамках теории секьюритизации необходимо отметить, что моделью политической коммуникации, наиболее подходящей к понятию секьюритизации является модель Г. Лассуэлла, дополнения Р. Брэдкоком. На примере Латвийской Республики модель выглядит следующим образом. Действия латвийского правительства, при которых происходила секьюритизация русскоязычного населения, введения его в образ «Врага», а латышского общества в образ «Жертвы», имели под собой цель придания легитимности действиям латвийского правительства. В указанной выше модели важными элементами являются такие вопросы, как: кто говорит, что сообщает, кому, по какому каналу, с каким эффектом, при каких обстоятельствах и с какой целью. Относительно данной модели латвийское правительство осуществила следующие действия. Национально настроенные политические элиты Латвии создавали политические программы, основанные на защите национальных ценностей. Указывая, что режим Советского союза являлся «оккупационным режимом», а русскоязычное население на территории современной Латвии его следствием, а так как Российская Федерация объявила себя преемницей СССР, то существует угроза повторной «оккупации» со стороны России для того, чтобы восстановить границы СССР и защитить русскоязычное население на территории

независимой Латвийской Республики. Данная информация сообщалась всему гражданскому обществу посредством СМИ, проведения национальных праздников, культурных мероприятий в Латвии, а также в выступлениях латвийских политиков в международных институтах. Что также придавало двойственность данному явлению, а именно русскоязычное население Латвии являлось вопросом внутренней и внешней политики. Тем самым изменялись настроения в гражданском обществе, росла напряженность между двумя национальными группами в Латвии. На международной арене, политические лидеры ЕС и США стали говорить о том, к каким изменениям необходимо прибегнуть латвийскому правительству, для скорейшего вхождения в Совет Европы, ЕС и НАТО, дабы обеспечить безопасность Латвии со стороны Российской Федерации. Данный дискурс происходил в условиях, когда правительство Латвии возглавили национально настроенные политики. Также было провозглашено о европейской идентичности латвийского общества, и о том, что латвийский народ до восстановления независимости был «оккупирован». Целью данных действий латвийского правительства было скорейшее вхождение в международные институты. Правительству Латвии было необходимо убедить международное сообщество, что существует реальная угроза со стороны России, а также, что все гражданское общество хочет видеть свое государство членом Совета Европы, Европейского союза и НАТО.

Латвия стремилась вступить в ЕС и НАТО, так как вступление в Североатлантический альянс означало достижение гарантий безопасности. Вступление в ЕС позволяло улучшить экономическое благосостояние государства. Но также это означало возможность отдаления от советского прошлого и возможность создания новых ориентиров в политике. Основная смена ориентиров и создание новых направлений, затрагивала в основном темы идеологии и культуры, и только потом это касалось тем межгосударственных и экономических отношений.

Исходя из поставленных целей, латвийское правительство стала активно работать над созданием инструментов, посредством которых было возможно объяснить то или иное положение. После восстановления независимости Латвийской республики исследования в сфере истории в основном являлись общественным и политическим заказом. Существовала необходимость конструирования новой версии национальной истории. История в Латвии стала центром политических дебатов и оказалась подвержена политизации и идеологизации. Политическая мифология после восстановления независимости Латвии обслуживается академическим и историческим сообществом, и используется правящими политическими элитами в качестве исторической политики. Что

способствует легитимации института неграждан, а также представления латышей, как «Жертв советской оккупации».

Условия, при которых в Латвийской Республике происходил и происходит процесс секьюритизации русскоязычного населения и Российской Федерации, являются прямым наследием Советского союза и последовавшего за ним построения национального государства. Инструментами секьюритизации являются моменты, о которых говорят в общественном и политическом дискурсе, дабы создать образ «Врага» или же представить те или иные события в негативном ключе. В Латвии сложился целый ряд мест и вопросов, которые на протяжении длительного времени национальные элиты поднимают в политическом дискурсе. А именно, вопрос приравнивания коммунизма к нацизму, а также роль Музея оккупации – в качестве информационного источника об истории Латвии. Ситуация с территорией Абрене, также часто затрагивается в политическом дискурсе и является инструментом секьюритизации. Факт «оккупации» Латвии дал право Сейму регулировать последствия «оккупации» таким образом, чтобы лицам, которые въехали в Латвию в советское время, не был автоматически присвоен статус гражданина. Акт секьюритизации в Латвии исходит из того, что вхождение Латвии в состав СССР политическая элита Латвии стала называть «оккупацией», а русскоязычное население, как наследие Советского союза, было объявлено угрозой национальному суверенитету. Так латвийское правительство добилось ситуации секьюритизации, когда составной частью обычного переговорного процесса стало население Латвии, как этнические латыши, так и русскоязычное население. Стал происходить процесс мобилизации общественного мнения и чувства идентичности – конфликт приобрел характер проблемы безопасности. В рамках данной проблемы безопасности политические элиты Латвии позволяют себе вводить законы, которые нарушают международные права человека. На примере политики о государственном языке, подобные действия политических элит выглядят следующим образом. Латвийское правительство проводит политику защиты государственного языка, подчеркивая, что Латвия – это единственное государство, где латышский язык имеет возможность существовать и развиваться. Данное положение, а также постоянное упоминание об «оккупации» Латвии и национальная политика дают возможность правительству вводить законы об образовании и о государственном языке, в которых отсутствуют принципы защиты языков национальных меньшинств. Данное положение не признается латвийским правительством.

Также после восстановления независимости Латвия стала активно использовать политику европейской идентичности. Искать и находить различия между латвийским и

российским обществом, причисляя себя к европейскому сообществу. ЕС, в свою очередь, подкреплял данную позицию Латвии. После восстановления независимости латвийское правительство встало на путь, целью которого было вступление в ЕС и НАТО. Для чего Латвии необходимо было доказать свою готовность к сотрудничеству и соответствовать общим требованиям ЕС. Латвии необходимо было разрешить проблему с негражданами, а именно подготовить законодательство, которое бы отвечало требованиям и нормам ЕС. Работу по данной проблеме латвийская сторона выполнила, но без соответствия всем требованиям европейских институтов. Уже после вступления Латвии в ЕС латвийской стороне требовалось отвечать на заявления международного сообщества по положению неграждан. В свою очередь, латвийская сторона делала заявления, в которых говорилось о великодушии латвийского правительства, которое, несмотря на факт советской «оккупации», предоставило русскоязычному населению возможность интеграции в латвийское общество. Также после вступления в ЕС Латвия активно начала проводить работу по объяснению событий времен СССР. А именно, объяснять историю Латвии и добиваться признания факта советской «оккупации».

Так как изначально, Латвия, заявив о своей европейской идентичности, начала активно искать различия между латвийским и российским обществами, то и стала представлять Российскую Федерацию в образе «Врага». После распада СССР Россия стала его правопреемницей. Что дало повод Латвии обвинить в «оккупации» уже современное российское правительство. Данные обвинения латвийская сторона использовала не только по отношению к историческим событиям, но также заявляя о положении неграждан, делая заявления о том, что дает право интеграции в гражданское общество, лицам, которые во времена Латвийской ССР прибыли на ее территорию, как сила, разрушающая латвийский народ. Таким образом, говоря, что и так пошло на уступки. Латвия на международном уровне призывала Россию к совместному изучению истории, тем самым пытаясь доказать, что хочет справедливой оценки ущерба от «тоталитарного оккупационного режима» СССР.

Необходимо отметить, что латвийское правительство делает громкие заявления не только для защиты своих внутренних интересов, но также озвучивает свою позицию по отношению к Российской Федерации и на общеевропейском уровне касательно международных проблем. Подкрепляя свои заявления историческими событиями, связанными с «оккупацией» и тоталитарным режимом, по отношению к России, Латвия отмечала, что российская сторона является опасным, ненадежным и агрессивным партнером. В вопросе об энергетической политике латвийская сторона пыталась убедить

европейское сообщество включить территорию Латвии в общие поставки энергии ЕС без участия России. Так как выражала беспокойство, что в случае, если в отношениях между Россией и Латвией или между Россией и ЕС возникнут разногласия, в ходе которых вторая сторона не пойдет на озвученные условия с российской стороны, Россия будет блокировать поставки энергии, тем самым оказывая давление на принятие решений государств-членов ЕС. В вопросе о вхождении России в ВТО латвийская сторона также отмечала ненадежность партнера.

Действия России по урегулированию конфликта в Грузии, Молдове и Украине были охарактеризованы Латвией, как действия государства-агрессора с «имперскими амбициями», желающего восстановить бывшие границы СССР, тем самым препятствуя развитию демократии в этих государствах, а также являясь угрозой суверенитету самой Латвии. Делая подобные заявления, Латвия убеждает международное сообщество в том, что для европейского сообщества существует угроза экономической и политической безопасности со стороны России. Тем самым Латвия ставит себя в выгодное положение по достижению политических целей. А именно, Латвия стала полноправным членом в международных институтах. На территории Латвии постоянно присутствует военный контингент НАТО, проходят постоянные военные учения, происходит расширение военного контингента. По положению неграждан со стороны европейских институтов, с каждым годом, возникает все меньше вопросов, несмотря на ряд не решенных проблем. Нельзя сказать, что европейские институты приняли Латвию безоговорочно, и те или иные проблемы были не замечены. Здесь необходимо отметить, что латвийское правительство наряду с актом секьюритизации, также использовала десекуритизацию того или иного вопроса, и давая обещания, что предпримет действия для урегулирования проблем.

Как показывают отчеты ОБСЕ по ситуации в Латвии, рекомендации данные Латвийской Республике не были выполнены, хотя государство в лице правящих политических элит давало свое согласие на то, что будет придерживаться рекомендаций в разработке политических программ и реализации проектов на законодательном уровне. Отчет миссии ОБСЕ за 2010 г. показал, что после вступления в Европейский союз и международные организации, Латвийская Республика стала более самостоятельной при выборе политического вектора.

Русскоязычное население, не имеющее гражданства Латвии, носило в заявлениях политических деятелей проблемный характер только при проведении избирательных кампаний. В свою очередь, политическое руководство Латвии после интеграции в

европейское общество и вступления в международные организации, стало не так остро реагировать на рекомендации международных организаций по правам человека о том, что в стране происходит дискриминация русскоязычного населения. Одним из основных требований к латвийскому правительству, со стороны международных организаций, было предоставление неграждан возможности участия в политической жизни страны. По мнению представителей ОБСЕ, данная возможность была бы актуальной, т.к. неграждане Латвии являются налогоплательщиками и должны иметь право голоса на выборах, хотя бы в местное самоуправление, что соответствовало бы нормам демократического государства. Но Латвия не предоставила данного права негражданам ни до, ни после вступления в Европейский союз.

Латвийское правительство проводило акт десекуритизации, а именно отрицало определенные проблемы, связанные с положением русскоязычного населения, хотя и не всегда успешно. Акт десекуритизации по проблеме отсутствия политических прав у неграждан Латвии в 2003 г. не был успешным, что доказывают рекомендации, приведенные в меморандуме ОБСЕ от 2007 г., а также комментарии латвийской стороны в 2007 г., с предоставлением информации об уже проведенной работе для решения данной проблемы. То есть латвийское правительство было вынуждено работать над вовлечением неграждан в политическую жизнь страны и разрабатывать законопроекты, которые позволяли хотя бы частично участвовать негражданам в проводимой Латвией политике.

Основополагающим положительным результатом речевого акта десекуритизации, является то, что комиссия ОБСЕ приняла аргументы латвийской стороны о соответствии основным правам человека и социальным гарантиям статуса негражданина.

В меморандуме от 2003 г. ОБСЕ была отмечена положительная тенденция в решении проблемы с сокращением числа лиц неграждан, при этом были отмечены проблемы, связанные с отсутствием диалога между правительством и негражданами, что способствовало бы выявлению препятствий для натурализации. Латвийское правительство же отметило, что основным препятствием для прохождения натурализации негражданами являлся тот факт, что Россия предоставила упрощенный режим для въезда неграждан на свою территорию. Данное положение соответствовало также тому, что для неграждан данное направление было основным в качестве туристических, деловых и семейных поездок. Тот факт, что в меморандуме от 2007 г. не было оспорено данное положение со стороны ОБСЕ, показал, что речевой акт десекуритизации данной проблемы являлся успешным.

Другой проблемой, которая была актуальна для Латвии, как до вступления в ЕС, так и после это стоимость прохождения процедуры натурализации и сложность тестов. Особое внимание было уделено тому, что данные проблемы актуальны именно для пожилого населения и для лиц с ограниченными возможностями. Этот вопрос не был решен ни до, ни после 2003 г. Таким образом, данная ситуация показывает, что латвийскому правительству все же удалось убедить европейские институты в том, что действий Латвии достаточно для того, чтобы быть полноправным членом ЕС, несмотря на не исполнение рекомендаций ОБСЕ. Десекуритизация проблемы, связанная со сложностью языковых тестов, проводимая в Латвийской республике в 2003 г. не была успешной, так в меморандуме от 2007 г. данная проблема была обозначена вновь.

Ситуация, при которой наблюдался рост числа граждан Латвии в 2004 г. и в 2005 г., прошедших натурализацию был воспринят положительно со стороны ОБСЕ. Что говорило, о создании стимула латвийским правительством и предоставлении информации негражданам для прохождения процедуры натурализации. Данную положительную тенденцию характеризует, не речевой акт десекуритизации, а возможность свободного посещения граждан Латвии стран Евросоюза с любой целью. Таким образом, это являлось основным стимулом для прохождения процедуры натурализации негражданами.

Латвии не удалось провести реформы, удовлетворяющие ОБСЕ по упрощению правил прохождения натурализации для уязвимой группы населения (лица с ограниченными возможностями, лица пожилого возраста). Данное положение говорит о несостоявшемся акте десекуритизации с латвийской стороны в 2003 г., а также о бездействии латвийского правительства по решению данной проблеме к 2007 г.

Десекуритизация не принесла положительных успехов для латвийского правительства по вопросу предоставления информации в полном объеме и на должном уровне родителям детей, рожденных после восстановления независимости. Латвии в 2007 г. рекомендовали проводить интенсивные информационные кампании для родителей и изменить законодательство так, чтобы родители имели возможность присвоить какой-либо статус своему ребенку при рождении.

Успешным актом десекуритизации латвийского правительства является решение проблемы с проведением централизованных экзаменов в школах национальных меньшинств и соответствия результатов экзаменов по государственному языку в школе при натурализации. Данное положение было принято представителями комиссии ОБСЕ без каких-либо рекомендаций.

Ратификация Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств в Латвии не прошла гладко. Данный вопрос поднимался как в 2003 г., так и в 2007 г. Тот факт, что латвийское правительство ратифицировало конвенцию с определенными поправками, которые носили дискриминационный характер, показал, что латвийская сторона в 2003 г. перед вступлением в ЕС провела успешный речевой акт десекуритизации, а уже в 2007 г. оперировало тем, что принятие конвенции осуществлялось в соответствии с поставленными целями.

В 2003 г. ОБСЕ отметило в качестве проблемы ограничение использования русского языка при обращениях национальных меньшинств в государственные учреждения. Латвии было рекомендовано оказывать поддержку языковым меньшинствам и соблюдать 10 статью конвенции. В свою очередь, латвийское правительство привело ситуацию, связанную с советской «оккупацией», где населению было разрешено обращаться во все государственные структуры на русском языке. Данный опыт, по мнению латвийского правительства, показал, что такое положение не являлось бы стимулом к изучению латышского языка. По мнению ОБСЕ, в 2007 г. данное положение являлось препятствием интеграции меньшинств. Таким образом, речевой акт десекуритизации по данному вопросу не был успешным. Латвия оперировала Законом о государственном языке, где основными целями являлись: сохранение, защита и развитие латышского языка, интеграция национальных меньшинств в латвийское общество при соблюдении прав на использование родного и другого языков.

В 2003 г. также существовали вопросы об использовании языков меньшинств в теле- и радиовещании. Где были обозначены проблемы с низким количеством времени вещания на языках меньшинств. Латвийское правительство отметило, что проведет изменения по увеличению процента вещания на языках меньшинств. Далее обсуждения данной проблемы не возникало, что является успешным актом десекуритизации латвийского правительства.

В целом, проведенная латвийским правительством десекуритизация проблем неграждан и русскоязычного меньшинства в Латвии была успешной. Так как была достигнута цель вступления в ЕС и проведения национальной политики, исходя из целей, обозначенных правительством, несмотря на не соответствия требованиям со стороны международных институтов.

Данная ситуация показывает, что Латвия в своем стремлении к европейской интеграции преуспела, благодаря тому, что обещала решить все выше приведенные проблемы без ущемления той или иной группы населения. Обещания, которые были даны

международным институтам, не были выполнены. Те меры, которые были введены перед вступлением в ЕС, для решения проблем в действительности не принесли тех результатов, целью которых они являлись. Институт неграждан продолжает существовать, а также продолжают существовать различия в правовом положении между гражданами и негражданами Латвии, языковые проблемы являются препятствием для национальных меньшинств в получении образования, так и в улучшении материального положения.

Помимо политизации таких тем, связанных с положением русскоязычного населения, происходит процесс политизации и введения в вопросы безопасности тем, связанных с историей (коммунизм), СМИ и информацией (гибридная война). Данный процесс происходит уже достаточно долгое время и на сегодняшний день имеет свое влияние, как во внутренней, так и во внешней политике Латвии. Все эти темы связаны между собой. Связующим фактором является русскоязычное население и Российская Федерация.

На отношения между Россией и Латвией оказывают влияние проблемы, связанные с историческими событиями, которые по-разному интерпретируются представителями политических элит Латвии через СМИ, учебное пособие и т.д. В построении идеологии на основе мифа используются не сами исторические события, а определенная их трактовка и то, как те или иные события освещаются в СМИ, а именно наряду с какими событиями настоящего времени упоминаются исторические моменты. В Латвии после окончания «Холодной войны» в основу программы национальных политических элит легло противостояние коммунизму и наследию СССР.

В Латвии наряду с другими государствами Восточной Европы в политизированной истории СССР рассматривается, как преступный тоталитарный режим при этом Россия сегодня очень часто упоминается как преемница этого режима. Заявления представителей политических элит говорят об «оккупации» Латвии, а также о преступлениях советской власти против латышского народа. Столь активную политизацию истории в постсоветских государствах можно рассмотреть, как проблему, вызванную кризисом идентичности, который произошел в ходе распада СССР и социалистической системы. Признание преступлений коммунизма, а также введение в проблему безопасности коммунистического режима сегодня в Латвии происходит путем призыва европейского сообщества к осуждению коммунистического режима.

Секьюритизация коммунизма в Латвии является уже не новой темой, но правящие круги до сих пор, с целью легитимации своей власти, легитимации тех или иных действий, как во внутренней политике, так и во внешней озвучивают именно его. В

отношении России Латвия также добивается признания и осуждения факта «оккупации» коммунистическим режимом. В свою очередь, Латвия сегодня является частью европейской системы безопасности. Ее вхождение в институты безопасности Европы стало неким гарантом, что не будет повторения тоталитарного режима на ее территории. Территориальная целостность страны была в опасности, главным образом, потому что на ее территории постоянно проживало большое количество русскоязычного населения, на якобы защиту, которого могла придти Россия. Соответственно Латвия поставила основной угрозой своей безопасности повторение коммунистического режима.

Также по мнению латвийского правительства российская пропаганда в Латвии стала одной из угроз безопасности, по причине большого числа русскоязычных жителей. Информационный поток, который формируется в России в адрес русскоязычного населения Латвии, по мнению латвийского правительства, не может быть положительным или нейтральным. Предполагая, что российская пропаганда имеет цель создания у русскоязычного населения Латвии положительного отношения к России и отрицательного к Латвии, правительство Латвии стало с большей серьезностью относиться к информационному потоку из соседнего государства. Тот факт, что о происходящем внутри страны, население узнает из местных СМИ, а о происходящем в другой стране из иностранных СМИ, концентрирует внимание на данной проблеме.

Русскоязычное население обладает не только языковой способностью, но и на ментальном уровне способно разбирать информационный поток со стороны России. Говоря о российской пропаганде в Латвии, подразумевают негативное влияние информационного потока на население. Возведение российской пропаганды в ранг угроз безопасности, дает возможность латвийскому правительству требовать закрытия информационных каналов со стороны России, снижения потока информации на русском языке внутри страны. Латвия видит в угрозе российской пропаганды призыв русскоязычного населения к борьбе против государственной политики внутри страны. Тем самым латвийское правительство объясняет свои действия на сокращение вещания на русском языке, закрытие печатных изданий и сокращение информационного потока со стороны России.

Латвия в своих заявлениях не раз говорила о том, что новой угрозой безопасности со стороны Российской Федерации являются кибер-угрозы. Деятельность центра стратегических коммуникаций НАТО в Риге является показателем того, насколько серьезно воспринята данная угроза. Также необходимо отметить, что правительство Латвийской Республики выступала с инициативой создания подобных центров в Эстонии

и в Литве. Таким образом, государства Прибалтики определили общую угрозу безопасности, которая заключается в кибер-действиях со стороны России, направленных на распространение российского информационного потока, а также всех форм кибер-операций. Латвийская правящая элита, наряду с представителями власти Литвы и Эстонии, определила способность Российской Федерации к ведению на своей территории кибер-войны. Результатом чего стало создание на территории Латвии и Эстонии противоборствующих данной угрозе центров НАТО.

НАТО и участниками альянса ведется работа по защите собственного информационного пространства. Деятельность центров в Риге и Таллинне показывает, что основные работы ведутся в области информационного поля Российской Федерации. Где особое внимание уделяется информации со стороны России в СМИ и интернет пространстве на территории других стран. Территория Латвийской Республики была выбрана не случайно, как и территории других стран Прибалтики, где созданы центры НАТО, а по историческому наследию (страны бывшего СССР), геополитической составляющей и по составу населения (русскоязычное население). Все эти составляющие дают возможность изучения информационного воздействия в Латвии и других странах со стороны Российской Федерации более точно и качественно, чем на территориях других стран, расположенных удаленно от границ России. Немаловажное значение имеет русскоязычное население, проживающее в Латвии, способное воспринимать информационные атаки со стороны России не только без языкового барьера, но и с идеологической точки зрения. Признание структурами безопасности Латвии и Европейского Союза того факта, что в настоящее время Российская Федерация ведет гибридную войну, повлекло за собой создание противоборствующих институтов, основной целью которых, исходя из заявлений представителей политических элит Латвии и Европейского союза, является предотвращение угрозы со стороны России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Статьи в периодических изданиях и сборниках**

1. Аветян А.Л. Процесс секьюритизации в сфере использования информационно коммуникационных технологий // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011. № 2. С. 3 – 12.
2. Акопов С.В., Прошина Е.М. «Неоконченное приключение» образа врага: от теории секьюритизации до теории «далеких местных» // Власть. 2011. № 01. С. 89 – 92.
3. Аксютенко Г. Иммиграция как источник вызовов безопасности // Власть. 2007. № 8. С. 19 – 22.
4. Арсенян А.З. Эволюция концепций «национальной безопасности» в современных международных отношениях // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 19 (99). С. 23 – 35.
5. Апрыщенко В.Ю. Память как безопасность // Новое прошлое. 2016. № 3. С. 86 – 108.
6. Аренас И., Дзеновская Д. Делать «народ»: Политическое воображаемое и материальность баррикад в Мексике и Латвии. Резюме // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 2. С. 399 – 402.
7. Алексеев С.В., Плотникова О.А. Мифы и фальсификации в Российской истории // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 162 – 171.
8. Александр Л. Джордж, Кузина Ю. В., Шустрова Е. В. Предсказание политических действий через анализ пропаганды // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 249 – 258.
9. Ананьева А.Г., Брянцев И.Н. Социальные сети и их влияние на формирование общественного сознания // Безопасность информационных технологий. 2011. №3. С. 109 – 115.
10. Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5(17). С. 8 — 28.
11. Борисов Д.А. Безопасности человека в современной теории и практике международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 79 – 82.

12. Берендеев М.В. Развитие националистических идентичностей в странах Балтии: латвийский аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 6. С. 82 – 94.

13. Берендеев М.В. Современные тренды стран Балтии в дискурсе идентичности: между суверенитетом и евроинтеграцией // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 6. С. 50 – 57.

14. Бродовская Е.В., Влодарская А. Социально-политические факторы посткоммунистической трансформации в странах Прибалтики // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. № 2. С. 152 – 162.

15. Бабаджанов А.Я. Формирование диалогового пространства «НАТО постсоветские государства» // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 6. С. 42 – 46.

16. Болотникова Е.Г., Межевич Н.М. «Северное измерение» и стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 37 – 47.

17. Болотникова Е.Г., Межевич Н.М. Политика «Северного измерения»: современное состояние и перспективы развития // Балтийский регион. 2010. № 4 (6). С. 115 – 126.

18. Болотникова Е.Г. Обновленная политика «Северного Измерения» и ее влияние на международные связи субъектов РФ Северо-Западного Федерального округа // Власть. 2012. № 2. С. 137 – 140.

19. Боков М.Б. Коммуникативная функция СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 5. С. 31 – 52.

20. Бернштам Б.Е. Особенности «бегства капитала» из России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 3. С. 113 – 119.

21. Белкин А.И. Роль регулярно-управленческого сознания в психологическом измерении социального пространства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15. № 1. С. 78 – 84.

22. Богатуров А.Д. Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значительным фактором в политике США на российском направлении // Независимая газета. [22.05.2006].

23. Балабин В.И. О некоторых аспектах завоевания информационного превосходства над потенциальным противником // Проблемы безопасности российского общества. 2013. № 2 – 3. С. 76 – 84.

24. Волкова А.И. Особенности функционирования механизмов коммуникативного воздействия и безопасность личности в условиях кризисных ситуаций // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2005. Т. 48. № 4. С. 221 – 224.

25. Войнов А.С. Особенности коммуникации в процессе принятия политических решений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4. С. 1 – 3.

26. Виноградова С.М., Мельник Г.С. Проблемы преодоления неравенства в международном информационном обмене // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 239 – 246.

27. Виноградов А.В. Проблемы национальной безопасности // Право и безопасность. 2003. № 3 – 4 (8 – 9). С. 66.

28. Вольвач В.Г. Массовое сознание и социальная структура // Инновационное образование и экономика. 2011. Т. 1. № 8. С. 37 – 40.

29. Васильев С.С. Механизмы и уровни внедрения мифа в массовое сознание: масс-медиа как инструмент социального мифотворчества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. № 2. С. 37 – 47.

30. Ворожеина Я.А., Максимов И.П., Тарасов И.Н. Евро-Атлантическая интеграция стран Балтии в политическом дискурсе Германии // Власть. 2015. № 10. С. 208 – 212.

31. Воротников В.В. Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: Поиск консенсуса в условиях экономического кризиса // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6 (33). С. 25 – 33.

32. Герасимова Н.И. Особенности феномена делового общения как коммуникативного вида деятельности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 2 (18). С. 1 – 5.

33. Гоголева Е.Н. Особенности коммуникационных отношений власти и общества: теоретико-методологический аспект // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 110 – 120.

34. Ганаева Е.Э. Терроризм, национализм и экстремизм как угрозы национальной безопасности и государства // Международное научное издание современные фундаментальные и прикладные исследования. 2016. № 1 (20). С. 200 – 204.

35. Гуцин В.И. К событиям 1940 года в Латвии // Пространство и время. 2011. № 1. С. 223 – 232.

36. Грекова Ю.С. Международный научный семинар «Любовь и ненависть: Отношения между Российскими и Балтийскими странами в культурной и коммуникативной памяти» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. № 12. С. 1 – 2.

37. Девятков А.В. Секьюритизация или десекуритизация в современных общественно-политических процессах // В сборнике: Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации. Научные редакторы С.А. Панарин, Д.И. Польшванский. 2013 г. С. 103 – 107.

38. Еремина Н.В. Национально-политическая нестабильность современного государства: проблема влияния этнокультурных общностей на государственное развитие (Европейский опыт) // В сборнике: Общество и этнополитика материалы Пятой Международной научно-практической интернет-конференции. СибАГС; под науч. ред. Л.В. Савинова. 2012. С. 60 – 69.

39. Еремина Н.В. Национально-политический разлом // Свободная мысль. 2010. № 12 (1619). С. 21 – 34.

40. Еремина Н.В. Факторы роста европейского этнорадикализма на примере шотландской национальной партии и североирландской партии «Шинн фейн» // Политическая экспертиза: Политэкс. 2010. Т. 6. № 1. С. 179 – 193.

41. Зепа Б., Супуле И. Латвийская субмарина // Эксперт Северо-Запад. 2005. № 34. С. 239.

42. Зазаева Н.Б. Пропаганда как явление политической культуры в инфомационном обществе // Вестник поволжского института управления. 2015. № 5 (50). С. 95 – 101.

43. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. 2008. № 4. С. 8 – 41.

44. Кузнецова Л.В. Дискурсивные параметры прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2 (27). С. 293 – 299.

45. Касьянов Л.Ю. Новое слово как результат когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 1 – 8.

46. Колесникова С.В. Теоретический анализ проблем коммуникации в психологии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 183 – 186.
47. Канунникова Н.Г., Шхагапсоев З.Л. Международный опыт административно-правового обеспечения общественной безопасности // Армия и общество. 2014. № 4 (41). С. 1 – 8.
48. Кирчанов М.В. Основные направления и особенности развития историографической ситуации в современной Латвии // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 – 1. С. 1 – 9.
49. Кирчанов М.В. «Большие нарративы» как универсальная форма воспроизводства исторических мифов в современной латышской историографии // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 – 1. С.1 – 8.
50. Киселева М.А. В новых районах Псковской области (1944 – 1945 гг.) свидетельствуют документы // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2015. № 43. С. 177 – 187.
51. Каледин Н.В. Постсоветское пространство: предпосылка и результаты регионализации // Балтийский регион. 2009. № 1. С. 1 – 23.
52. Коблева Э.А. Значение мифа в современном социуме// Теория и практика общественно развития. 2009. № 1. С. 68 – 71.
53. Карнаухов К.А. Реакция прибалтийской прессы на введение советских войск в Литву, Эстонию и Латвию в июне 1940 г. // Известия алтайского государственного университета. 2014. № 4 – 1 (84). С. 110 – 114.
54. Крестов А.В., Петрушина Г.С. Политическая пропаганда и политический PR // Комплексные проблемы развития науки, образования и экономики региона: научно-практический журнал коломенского института (филиала) МГМУ (МАМИ). 2012. № 1. С. 100 – 104.
55. Кунакова Л.Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования. 2002. № 6. С. 93 – 96.
56. Колесникова Г.И., Аствацатуров А.Е. Социальный механизм манипуляции сознанием личности в современном российском обществе // Вестник Донского государственного технического университета. 2012. Т. 12. № 1 – 2. С. 150 – 155.

57. Князева И.В. К вопросу о социальном основании возникновения манипуляции общественным сознанием // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 6. С. 175 – 180.

58. Корнев П.А. Технологии мониторинга ситуаций управления сознанием участников социальных сетей // Перспективы развития информационных технологий. 2013. № 15. С. 47 – 51.

59. Крылов Г.О. Доктринально-нормативное обеспечение информационного превосходства в геополитических информационных операциях // Безопасность информационных технологий. 2007. № 1. С. 20 – 22.

60. Комлева Е.В. Социальная роль ядерных технологий и общественное сознание // Философия науки. 2003. № 2. С. 9.

61. Комлева Н.А. Войны в лимитрофах: эволюция технологий // Пространство и время. 2015. № 1 – 2. С. 32 – 42.

62. Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2 (17). С. 7 – 19.

63. Латкина В.А. Политика Европейского союза в Средиземноморье в контексте арабской весны // Политология. 2014. № 2 (35). С. 139 – 149.

64. Лорд Актон. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. М.: Праксис. 2002. С. 26 – 51.

65. Леонтьев А.Н. Вторая Мировая война в современном идеологическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2015. Т. 20. № 2 (155). С. 40 – 42.

66. Лившин А.Я., Ложкина А.С. «Образ власти» и «образ другого» в 1930-е гг.: политические задачи и пропаганда // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 35. С. 17.

67. Морозова Е.В. Дегуманизация как технология формирования образа другого/чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 121 – 128.

68. Морозова Н.Н. Безопасность как речевой акт и дискурсивная практика: к вопросу о конструировании политической идентичности // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 111 – 120.

69. Макарычев А.С. Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе // Индекс безопасности. 2008. Т. 14. № 4 (87). С. 25 – 40.

70. Межевич Н.М. Россия и государства Прибалтики: некоторые итоги и перспективы межгосударственных отношений // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 7 – 8.

71. Межевич Н.М. Идентичность и граница: некоторые теоретические вопросы и практики в восточной части Балтийского моря // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 95 – 106.

72. Межевич Н.М., Сазанович Л.С. Современные проблемы Российско-латвийских отношений // Балтийский регион. 2013. № 3 (17). С. 93 – 106.

73. Межевич Н.М. Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 1. С. 26 – 47.

74. Межевич Н.М. Внешняя политика государств Прибалтики и крупные инфраструктурные проекты 2010 – 2014 годов // Балтийский регион. 2014. № 1 (19). С. 7 – 28.

75. Мегем М.Е., Саликов А.Н., Тарасов И.Н. Отношения ФРГ и стран Балтии в рамках ЕС и НАТО // Власть. 2015. № 12. С. 165 – 171.

76. Маркушина Н.Ю. Внешние связи Северо-Западного федерального округа Российской Федерации и концепция «Нового Севера» // Балтийский регион. 2011. № 2 (8). С. 102 – 111.

77. Маркушина Н.Ю., Церпицкая О.Л. Концепция регионального институционализма // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2010. № 4 (243). С. 7 – 14.

78. Маркушина Н.Ю., Церпицкая О.Л., Кузьмин Ю.С. Северное измерение: Россия и ЕС – вопросы актуальности // Успехи современной науки. 2016. Т. 9. № 12. С. 182 – 185.

79. Мельникова Т.С. Пропаганда как технология политического манипулирования // Власть. 2010. № 8. С. 47 – 51.

80. Минаев В.А., Овчинский А.С., Скрыль С.В., Тростянский С.Н. Социальная безопасность и управление массовым сознанием в чрезвычайных ситуациях // Ежегодная международная научно-техническая конференция системы безопасности. 2013. № 22. С. 299 – 303.

81. Манойло А.В. Роль цветных революций в современных гибридных войнах // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 8. С. 13 – 18.

82. Наумов А.А. Приоритеты Внешней политики Латвии на современном этапе // Власть. 2012. № 10. С. 117 – 120.

83. Немечкин В.Н. Пути совершенствования механизма реализации прав национальных меньшинств в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 122 – 125.

84. Новикова И.Н., Межевич Н.М., Тараканова А.Д. Финляндия в НАТО: дискуссия 2015 – 2016 годов и позиции политических партий // В сборнике: Прибалтийские исследования в России Материалы Международной научной конференции. под. ред. А.П. Клемешева, Н.М. Межевича, Г.М. Федорова. 2016. С. 146 – 154.

85. Панцеров К.А. Информационное общество: Эволюция концепции в исторической перспективе // Вестник СПбГУ. 2010. Серия 6. Выпуск 1. С. 65 – 72.

86. Панцеров К.А. Информационный империализм: Препятствие на пути стран тропической Африки к независимому развитию // Политология. 2009. № 114. С. 355 – 362.

87. Панарин С.А. Национальное государство перед вызовом трансграничных воздействий: предисловие // Трансграничные вызовы национальному государству. Статья в сборнике статей. 2015. С. 7 – 36.

88. Потапов А.К. Развитие процессов суверенизации в общественно-политической деятельности Верховных советов Прибалтийских Республик (1988 – 1991 гг.) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 1 – 14.

89. Попов Ф.А. Принцип национального государства как угроза существованию национального государства // В сборнике: Трансграничные вызовы национальному государству Санкт-Петербург. 2015. С. 224 – 243.

90. Печерских О.И. Национализм как фактор внутренней нестабильности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2007. № 8 (80). С. 53 – 55.

91. Питонова Г.И. Роль мифа в системе коммуникации современного общества // Альманах современной науки и образования. 2007. № 7 – 1. С. 142 – 145.

92. Панфилова Ю.С. Экстремизм в виртуальной среде как социальная проблема: отражение в сознании молодежи // Альманах современной науки и образования. 2014. № 9. С. 101 – 104.

93. Рустамов А.О. Социальный контроль как средство воздействия на массовое сознание в системе управления // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2011. № 2. С. 28 – 30.

94. Романова В.А. Информационная составляющая гибридных войн современности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 2. С. 293 – 299.

95. Русакова О.Ф. Дискурс исторической политики в контексте национальной безопасности // Дискурс-Пи. 2013. Т. 10. № 1-2. С. 187 – 190.

96. Смирнов В.А. К вопросу о роли малых стран в процессах реструктурирования постсоветского пространства (на примере Прибалтики) // Балтийский регион. 2014. № 4 (22). С. 48 – 56.

97. Смирнов В.А. К вопросу о кризисных тенденциях в сфере легитимности политических режимов стран Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 51 – 72.

98. Смирнов В.А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2. С. 78 – 97.

99. Смирнов В.А. Рекрутирование политических элит в Прибалтике: Роль этнического фактора // Балтийский регион. 2013. № 4. С. 146 – 159.

100. Смирнов В.А., Сутырин В.В. Россия как фактор-ирритант для политической элиты стран Балтии в контексте электоральных кампаний 2010 – 2011 годов: Экспертный взгляд // Балтийский регион. 2011. № 2. С. 146 – 153.

101. Саликов А.Н., Тарасов И.Н., Уразбаев Е.Е. Балтийский вектор внешней политики ФРГ на современном этапе развития международных отношений // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 1. С. 86 – 96.

102. Серегина А.И. Внешнеторговая политика ЕС и экономическое развитие Латвии // Потенциал социально-экономического развития Российской Федерации в новых экономических условиях. Материалы II международной научно-практической конференции в 2-х частях. 2016. С. 955 – 964.

103. Сытин А.Н. Вступление в Евросоюз и новые внешнеполитические приоритеты стран Балтии // Вестник московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2009. № 2. С. 143 – 149.

104. Седунов А.В. «Выселить навечно» (депортация населения из западных районов Псковской области в 1950 г.) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2009. № 31. С. 211 – 217.

105. Скринник В.М. Российская диаспора в странах Балтии: социально-политический дискурс и проблемы консолидации // Ученые записки Российского социального университета. 2009. № 2. С. 126 – 131.
106. Симонян Р.Х. Страны Балтии и распад СССР // Полис. Политические исследования. 2002. № 6. С. 151 – 154.
107. Симонян Р.Х. Россия и ее балтийские соседи: баланс мифов и взаимных обид // Россия и современный мир. 2008. № 3 (60). С. 149 – 167.
108. Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. События 1939 – 1940 годов в массовом сознании населения стран Балтии // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 19 – 33.
109. Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. Отношения России со странами Балтии в международно-правовом изложении // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 36 – 37. С. 93 – 104.
110. Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии: непростые отношения // Мир перемен. 2006. № 4. С. 80 – 95.
111. Савелова Е.В. Миф и социальная реальность: социально-коммуникативная парадигма интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 321. С. 80 – 81.
112. Сытин А.Н. Балтия: двадцать лет независимости // Свободная мысль. 2010. № 12 (1619). С. 35 – 48.
113. Строковская Т.Е. Вторая мировая война в учебниках истории стран Евросоюза в контексте национальной идентичности // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 21 – 32.
114. Тухватулина Л.Р. Принципы классификации моделей коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 7. С. 49 – 53.
115. Терешина Е.А. Проблемы безопасности в восточно-европейских государствах постсоветского пространства // Теория международных отношений. Внешняя политика и дипломатия. 2012. № 3. С. 123 – 133.
116. Филиппова И.Г., Тоцкая И.В. Историко-правовой аспект развития безопасности // Наука и современность. 2015. № 36. С. 276 – 289.
117. Филей А.В. Проблемы билингвизма и обзор социолингвистической ситуации в Латвии // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. № 2. С. 69 – 73.

118. Худолей К.К., Новикова И.Н., Ланко Д.А. Инновационное образование для Балтийского региона: опыт Российско-Финляндского трансграничного университета // Балтийский регион. 2010. № 3 (5). С. 21 – 28.
119. Хоруженко В.А. Формирование мифологизированного образа врага в политической публицистике и пропаганде // Вестник московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 223 – 227.
120. Цыганков П.А. Теория человеческой безопасности: политические последствия и уроки для России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 78 – 83.
121. Чудинов С.И. Проблема объективных и субъективных аспектов безопасности // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 47 – 50.
122. Чащин Е.В. Феномен неустойчивого сознания как понятие современной социальной гносеологии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2013. Т. 11. № 3. С. 11 – 15.
123. Шишелина Л. Восточная Европа: два десятилетия между Москвой и Брюсселем // Современная Европа. 2008. № 4 (36). С. 73 – 86.
124. Шишелина Л. Вишеградская четверка и Европейский союз // Современная Европа. 2007. № 4 (32). С. 56 – 69.
125. Шишелина Л. Европейский выбор государств Балтии: предварительные итоги // Россия и новые государства Евразии. 2009. № 3. С. 50 – 60.
126. Шелест В.С. Методы воздействия на общественное мнение и политическое сознание молодежи с помощью социальных сетей и сети «интернет» // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2012. № 5 – 6. С. 138 – 142.
127. Шилов В.Н. Партия «Единая Россия» и идеология консерватизма // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Т. 1. № 13. С. 210 – 218.
128. Эйвазов Д. Запад и постсоветская Центральная Азия: некоторые аспекты стратегии безопасности США и ЕС в регионе // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т. 14. № 4. С. 7 – 25.
129. Эйвазов Д. От традиционного государства к постиндустриальному: о взаимосвязи геополитики и безопасности в эпоху глобализации // Кавказ и глобализация. 2007. Т. 1. № 4. С. 6 – 13.

130. Bordewijk J.L., Kaam B. van. Towards a classification of new teleinformation services // *Intermedia*. 1986. Vol. 14. P. 16 – 21.
131. Baldwin D. The Concept of Security // *Review of International Studies*. 1997. Vol. 23.
132. DeFleur M.L. *Diffusing Information // Society*. 1988. V. 2.
133. Lasswell H.D. *The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / Ed. L. Bryson*. New York: Harper and Brothers. 1948. P. 37 – 51.
134. Sinne K. *Communication: Mass Political Behavior // Political Communication and Strategies for Research*. Ed.: S.H. Chaffee. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications. 1975. Vol.4.
135. Waever O. *Securitization and Desecuritization // On Security / Ed. by R.D. Lipschutz*. New York: Columbia University Press. 1995. P. 46 – 86.
136. Austers A. *Immigration and Refugees in the European Union and Latvia // Latvian Foreign and Security. Yearbook*. 2017. P. 112 – 126.
137. Brūge I. *Latvia's Ukraine Policy: the Ukraine Crisis and Bilateral Relations in 2015 // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2016. P. 71 – 79.
138. Banka A. *Saving Distant Lands: From Washington's View // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2015. P. 95 – 103.
139. Beitāne A. *A Reassessment of Latvia's Foreign Policy Strategy Towards Russia After the Ukraine Crisis // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2015. P. 55 – 70.
140. Bērziņš J. *NATO: Russia's Main Geopolitical Enemy // Ten Years in the Euro-Atlantic Community: Riga Conference Papers*. 2014. P. 21 – 32.
141. Bukovskis K. *From Diplomacy to Routine Partnership: The Bilateral Relations of Latvia and Germany in the XXI Century // Friendship in the Making: Transforming Relations between Germany and the Baltic-Visegrad Countries*. 2012. P. 93 – 115.
142. Bukovskis K. *State Institutions, Interdependence and Perceptions in Latvia's Economic Relations with the Russian Federation and Belarus // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities*. 2012. P. 93 – 114.
143. Bungs D. *The EU and NATO, Their Policies Toward Neighbouring Countries, Especially Countries of Central Europe, the South Caucasus, and the Russian*

Federation // An England Europe and Its Neighbourhood Policy: the Eastern Dimension – Research Project – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2004. P. 6 – 28.

144. Bungs D. Toward a New EU-Russia Partnership and Cooperation Agreement // The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2006. P. 25 – 50.

145. Bungs D. EU-Russia Relations: Challenges and Perspectives after the Orange Revolution in Ukraine // The European Union's Eastern neighbours after the Orange revolution. Riga, Latvian Institute of international Affairs. 2006. P. 9 – 30.

146. Bleiere D. The Role of Central Europe in Baltic State Policies // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 102 – 138.

147. Bleiere D. The Role of Central Europe in Baltic State Policies // Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 51 – 70.

148. Čegodajevs A. Chances and Challenges for the Latvian Presidency of the Council of the European Union // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 21 – 32.

149. Daugulis M. The Challenges of Hybrid-Warfare and Cyber-Threats: The Role of Self-Defense in a Changing Security Environment // Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers. 2015. P. 151 – 156.

150. Daugulis M. The Role of Cyber Defence in Hybrid Warfare Conditions: Proper Way for Latvia in Redefinition of Defence and Educational Policy Areas Under the Changing Security Circumstances // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 89 – 96.

151. Jakobsons A. The Economic Dimension of Bilateral Relationships between Latvia, Russia and Belarus – Past and Present // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities. 2012. P. 11 – 34.

152. Kudors A. Baltic Security Over the Decade: Political Threats and Russia Factor // Ten Years in the Euro-Atlantic Community: Riga Conference Papers. 2014. P. 41 – 52.

153. Kudors A., Pelnens G. Diverging Faces of 'Soft Power' in Latvia between the EU and Russia // The different faces of "soft power": the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU. 2015. P. 220 – 242.

154. Kudors A. A Multipolar World from a Russia View // Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers. 2015. P. 95 – 103.
155. Kudors A. Latvia-Russia Relations: the Cool Stability // Latvian Foreign and Security. Yearbook. 2017. P. 127 – 140.
156. Kažociņš J. Will Latvia be Putin's Next Victim in 2015? // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 71 – 78.
157. Kažociņš J. Has Russia's Syrian Adventure Made Latvia Safer? // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 80 – 88.
158. Krapāne A. Latvia's Cooperation with Diaspora in 2015 // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 107 – 128.
159. Lejiņš A. The "Twin Enlargements" and Baltic Security // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 8 – 40.
160. Lejiņš A. Joining the EU and NATO: Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century // Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 9 – 50.
161. Lejiņš A. The CFSP and the PCA: Between Realpolitik and Values // The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2006. P. 7 – 24.
162. Lieģis I. Latvia's Foreign Policy 2014/2015: Players, Events and Challenges // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 7 – 15.
163. Lieģis I. Latvia's Foreign Policy in Times of Existential Challenges // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 7 – 18.
164. Lieģis I. Transatlantic Community and Russia: Elements of Dialogue 2016 // Riga Dialogue Afterthoughts 2016: Building Bridges for Euro-Atlantic Security. P. 17 – 26.
165. Lieģis I. Latvia's Foreign Policy – Predictable Pragmatism in Unpredictable Times // Latvian Foreign and Security. Yearbook. 2017. P. 51 – 62.
166. Ozoliņa Ž. Latvian Security Policy // The Baltic States: Search for Security. 1996. P. 29 – 57.
167. Ozoliņa Ž. The Impact of EU and NATO Enlargement on Baltic-Nordic Cooperation // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 41 – 101.
168. Ozoliņa Ž. The Impact of EU and NATO Enlargement on Baltic-Nordic Cooperation // Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 71 – 122.

169. Poikāns J., Zeltiņš A. Latvian Foreign Policy in 2014/2015: The Greater the Challenge the Greater the Incentive // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook.* 2015. P. 16 – 20.
170. Poikāns J. The Eastern Partnership – Latvia's Contribution // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook.* 2016. P. 36 – 42.
171. Rostoks T. Augusta konflikts: izaicinājumi un iespējas ES un Latvijai // *Gruzijas – Krievijas karš: secinājumi un mājasdarbi Latvijai un sabiedrotajiem.* 2009. Lpp. 7 – 17.
172. Rostoks T., Potjomkina D. Soft power of the EU and Russia in Eastern Europe: Soft power vs (not so) Soft Manipulation? // *The different faces of “soft power”: the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU.* 2015. P. 243 – 255.
173. Romanovs U. The Means and Ends of Russia's Security Strategy // *Riga Dialogue: Towards a Shared Security Environment. Afterthoughts from the Riga Security Seminar.* 2015. P. 44 – 51.
174. Romanovs U. Keeping a strong focus on Russia: UK Strategic Defence and Security Review and the Baltic // *Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers.* 2015. P. 175 – 182.
175. Rēboka G., Ozoliņa Ž. Security Cooperation in the Baltic Sea Region under the Nordic Defense Cooperation (NORDEFECO): A Way Forward? // *Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers.* 2015. P. 167 – 174.
176. Stranga A. The Baltic States in the European Security Architecture // *Small States in a Turbulent Environment: The Baltic Perspective.* 1996. P. 11 – 59.
177. Stranga A. Baltic-Russian Relations: 1997 // *The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security.* 2 (19)/3 (20). P. 139 – 196.
178. Stranga A. Baltic-Russian Relations 1998 – 99 // *Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century.* 1999. P. 123 – 148.
179. Sprūds A. Russia's Policy Towards Europe's “New Neighbours”: in Pursuit of Partnership or Domination? // *An England Europe and Its Neighbourhood Policy: the Eastern Dimension – Research Project – Riga, Latvian Institute of International Affairs.* 2004. P. 29 – 46.
180. Sprūds A. EU-Russia Energy Dialogue in the Context of the Prospective Partnership and Cooperation Agreement // *The EU Common Foreign and Security Policy*

Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2006. P. 77 – 89.

181. Sprūds A. Regional Ramifications of Ukraine's Orange Revolution: Transnistrian Conflict Settlement // The European Union's Eastern neighbours after the Orange revolution. Riga, Latvian Institute of international Affairs. 2006. P. 30 – 45.

182. Sprūds A. Latvijas – Krievijas attiecības un Latvijas enerģētikas politika Krievijas – Gruzijas konflikta kontekstā // Gruzijas – Krievijas karš: secinājumi un mājasdarbi Latvijai un sabiedrotajiem. 2009. Lpp. 26 – 37.

183. Skudra O. Latvian Foreign Policy: Defending National Interests in the World Structured by Politics of Realism // Latvian Foreign and Security. Yearbook. 2017. P. 37 – 50.

184. Vargulis M. Importance of Strategic Communication Matters and their Development in the Latvian Security Policy // Latvian Foreign and Security. Yearbook. 2017. P. 76 – 85.

185. Zeltiņš A. Business Interests in the Latvia – Russia Economic Relationship // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities. 2012. P. 115 – 144.

Авторефераты диссертаций

186. Возженников А.В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России: теория и политика обеспечения: автореф. дисс. докт. полит. наук. – М. 2002.

Монографии, учебные издания, сборники и отдельные издания

187. Арнтц Г. Людские потери во Второй мировой войне // Военная литература // URL: <http://militera.lib.ru/h/ergos/27.html>.

188. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц КУЧКОВО ПОЛЕ. 2001.

189. Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм/ Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис. 2002.

190. Бобнева М.И., Шорохова Е.В. Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука. 1979.

191. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos. 1993.
192. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления // ООО «Проспект». 2015.
193. Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М.: Прогресс. 1981.
194. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс. 1991.
195. Гришин Н.В. Основы проведения избирательных кампаний. М.: РИП-холдинг. 2003.
196. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. М.: НОРМА-ИНФРА. 1999.
197. Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. М.: Росспэн. 1997.
198. Ионин Л.Г. Основания социокультурного анализа. М.: РГГУ. 1995.
199. Колобов О.А. Безопасность личности, общества, государства. Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ; Изд-во АГПИ им. А.П. Гайдара. 2008 г.
200. Корф С.А. Национальности и государство// Российская политическая наука в 5 т. Т. I. XIX – начало XX в./ отв. ред. и авт. вступ. ст. Ю.С. Пивоваров. М.: РОССПЭН. 2008.
201. Конецкая В.П. Социология коммуникации. М.: Международный университет Бизнеса и Управления. 1997.
202. Корконосенко С.Г. Основы журналистики. М.: Аспект Пресс. 2004.
203. Липпман У. Общественное мнение/ Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. Редакторы перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2004.
204. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет. 1995.
205. Лосенков В.А. Социальная информация в жизни городского населения. Л.: Наука. 1983.
206. Московичи. С. Век толп. Текст из хрестоматии Райгородского Д.Я. «Психология масс» М.: 1996.
207. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер. 2003.
208. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. М.: Деловая Книга. 2001.
209. Пропаганда как оружие в войне // Военная литература // URL: <http://militera.lib.ru/h/ergos/24.html>.

210. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Межд. фонд «Культурная инициатива». 1992.
211. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис. 2004.
212. Сороченко В.А. Энциклопедия методов пропаганды // URL: <http://psyfactor.org/propaganda.htm>. 2002.
213. Сморгунов Л.В. Государственная политика и управление. Учебник. В 2 ч. Часть II. Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления // М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2007.
214. Сеттон-Уотсон Х., Урбан Дж. Национализм и его аспекты// Проблемы Восточной Европы. № 5 – 6 // URL: [https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1994-41-42/1994-41-42%20\(7-51\).pdf](https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1994-41-42/1994-41-42%20(7-51).pdf). 1982.
215. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир. 1997.
216. Торкунов А.В. Современные международные отношения. М.: РОССПЭН. 1999.
217. Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука. 2010.
218. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя. 1998.
219. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. М.: Общественное мнение. 2004.
220. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. М.: Наука. 1972.
221. Buzan B., Waever O., Wilde J., de. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, London: Lynnie Rienner. 1998.
222. Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. New York. 2009.
223. Cotteret J.-M. Gouvernants et gouvernes: La communication politique. 1973.
224. Deibert R.J. Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation // New-York: Columbia University Press. 1997.

225. Mole R. The Baltic States from the Soviet Union to the European Union: Identity, Discourse and Power in the Post-Communist Transition of Estonia, Latvia and Lithuania. Routledge. 2012.
226. Shannon K., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication // Urbana: University of Illinois Press. 1949.
227. Zimele I. Starptautiskās tiesības un cilvēktiesības Latvijā: abstrakcija vai realitāte. Rīga: Tiesu namu aģentura. 2005.

Нормативно-правовые акты Латвии

228. Latvijas Vēstnesis. Izglītības likums // URL: <http://likumi.lv/ta/id/50759-izglitibas-likums> [17.11.1998].
229. Latvijas Vēstnesis. Pilsonības likums // URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57512> [11.08.1994].
230. Latvijas vēstnesis. Bezvalstnieku likums // URL: <https://likumi.lv/ta/id/84393-bezvalstnieku-likums> [17.02.2004].
231. Latvijas vēstnesis. Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības // URL: <https://likumi.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> [25.04.1995].
232. Latvijas vēstnesis. Imigrācijas likums // URL: <https://likumi.lv/ta/id/68522-imigracijas-likums> [20.11.2002].
233. Latvijas Vēstnesis. Latvijas Republikas Satversme // URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57980> [01.07.1993].
234. Latvijas vēstnesis. Grozījumi Pilsonības likumā, 315/316 (1376/1377) // URL: <https://likumi.lv/ta/id/50382-grozijumi-pilsonibas-likuma> [27.10.1998].
235. Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 171/174 (886/889) // URL: <https://likumi.lv/ta/id/96472-grozijums-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [04.07.1997].
236. Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 256/266 (1326/1327) // URL: <https://likumi.lv/ta/id/49688-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [11.09.1998].

237. Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 123/124 (2034/2035) // URL: <https://likumi.lv/ta/id/4067-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [06.04.2000].

238. Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 336/338 (2247/2249) // URL: <https://likumi.lv/ta/id/11112-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [27.09.2000].

239. Latvijas Vēstnesis. Grozījums likumā “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 90 (3038) // URL: <https://likumi.lv/ta/id/89490-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [04.06.2004].

240. Latvijas Vēstnesis. Vispārējās izglītības likums // URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=20243> [30.06.1999].

241. Latvijas Vēstnesis. Profesionālās izglītības likums // URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=20244> [30.06.1999].

242. Latvijas Vēstnesis. Augstskolu likums // URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=37967> [17.11.1995].

243. Latvijas Vēstnesis. Valsts valodas likums // URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=14740> [21.12.1999].

244. Ministru kabineta 2014. gada 3. novembra rīkojums Nr. 630. Valsts valodas politikas pamatnostādnes 2015. – 2020. gadam (informatīvā daļa) // URL: http://www.valoda.lv/Agenturas_darbiba/Agenturas_darbiba/653/mid_493.

245. Saskaņots. Profesionālās izglītības un nodarbinātības trīspusējās sadarbības apakšpadomes 2013. gada 20. marta sēdē protocols Nr.2. Mežstrādnieka profesionālās kvalifikācijas pamatprasības // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0012.pdf.

246. Saskaņots. Profesionālās izglītības un nodarbinātības trīspusējās sadarbības apakšpadomes. 2013. gada 30. janvāra sēdē protocols Nr. 1. Piegriezēja profesionālās kvalifikācijas pamatprasības // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0001.pdf.

247. Saskaņots. Profesionālās izglītības un nodarbinātības trīspusējās sadarbības apakšpadomes. 2013. gada 30. janvāra sēdē protocols Nr. 1. Elektroatslēdznieka

profesionālās kvalifikācijas pamatprasības // URL:
http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0004.pdf.

248. Saskaņots. Profesionālās izglītības un nodarbinātības trīspusējās sadarbības apakšpadomes. 2013. gada 20.marta sēdē protokols Nr. 2. Gaisvadu un kabeļlīniju elektromontiera profesionālās kvalifikācijas pamatprasības // URL:
http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0007.pdf.

249. Saskaņots. Profesionālās izglītības un nodarbinātības trīspusējās sadarbības apakšpadomes. 2013. gada 20.marta sēdē protokols Nr. 2. Grimētāja profesionālās kvalifikācijas pamatprasības // URL:
http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0009.pdf.

250. Saskaņots. Profesionālās izglītības un nodarbinātības trīspusējās sadarbības apakšpadomes. 2013. gada 20.marta sēdē protokols Nr. 2. Parfīmērijas un kosmētikas ražošanas operatora profesionālās kvalifikācijas pamatprasības // URL:
http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0011.pdf.

251. Valsts izglītības satura centrs. Profesiju standarti no 2008. gada // URL:
http://visc.gov.lv/profizglitiba/stand_registrs.shtml.

252. Valsts izglītības satura centrs. Valsts valodas prasmes pārbaudes norise // URL:
<http://visc.gov.lv/valval/norise.shtml>.

253. Valsts izglītības centrs. Profesionālas kvalifikācijas pamatprasības // URL:
<http://visc.gov.lv/profizglitiba/pkp.shtml>.

254. Valsts valodas politikas pamatnostādnes 2005. – 2014. gadam // URL:
http://www.valoda.lv/images/stories/Guidelines_of_the_State_Language_policy_for_2005-2014.pdf.

Прочие документы

255. Генеральный секретарь ОБСЕ. Ежегодный доклад за 2001 год о деятельности ОБСЕ (1 ноября 2000 года – 31 октября 2001 года). 2001.

256. Меморандум уполномоченного по правам человека Альваро Хиль-Роблеса по визиту в Латвию 5 – 8 сентября 2003 года для сведения министров и Парламентской ассамблее.

257. Меморандум правительству Латвии «Оценка прогресса, достигнутого в реализации рекомендаций комиссара Совета Европы по правам человека от 2003 года». Страсбург. 16 мая 2007 года.

258. ОБСЕ. Латвия Парламентские выборы 2 октября 2010 г. Заключительный отчет // URL: <http://www.osce.org/ru/odhr/elections/latvia/75205?download=true> [2010].
259. ООН. Конвенция о статусе апатридов // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml.
260. ОБСЕ. Ежегодный доклад 1994 год. // URL: <http://www.osce.org/ru/secretariat/14573?download=true> [14.11.1994].
261. Программа развития организации объединенных наций // URL: <http://www.un.org/ru/ga/undp/>.
262. Публикация Секретариата Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе // Справочник ОБСЕ. 2000. С. 243.
263. Конгресс местных и региональных властей (Совет Европы). Рекомендация 47 (1998 г.) о демократии на местном и региональном уровнях в Латвии, 28.05.1998.
264. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации. Заключительные замечания, CERD/C/304/Add.79, 23.08.1999.
265. Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРН). Второй доклад по Латвии, CRI (2002 г.) 21, 14.12.2001.
266. Бюро по институтам демократии и правам человека ОБСЕ. Итоговый доклад по парламентским выборам в Латвии, 20.11.2001.
267. Комитет по правам человека ООН. Заключительные замечания, CCPR/CO/79/LVA, 01.12.2003.
268. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации. Заключительные замечания, CERD/C/63/CO/7, 10.12.2003.
269. Комиссар по правам человека Совета Европы. Доклад по визиту в Латвию, CommDH (2004 г.) 3, 12.02.2004.
270. Европейский парламент. Резолюция Европейского парламента по поводу доклада Европейской комиссии по всестороннему мониторингу Чехии, Эстонии, Кипра, Латвии, Литвы, Венгрии, Мальты, Польши, Словении и Словакии на предмет готовности к вступлению в Европейский Союз. P5_TA (2004 г.) 0180, 11.03.2004.
271. Парламентская ассамблея ОБСЕ. Эдинбургская декларация 2004 г., Резолюция о ситуации с национальными меньшинствами в Латвии и Эстонии (05.07.2004 – 09.07.2004).

272. Парламентская ассамблея Совета Европы. Резолюция 1459 (2005 г.) «Об устранении ограничений на право голоса». / Парламентская ассамблея Совета Европы. Резолюция 1527 (2006 г.) «О правах национальных меньшинств в Латвии».
273. Бюро по институтам демократии и правам человека ОБСЕ. Латвийская Республика: Парламентские выборы, 08.02.2007.
274. Комиссар Совета Европы по правам человека. Меморандум правительству Латвии, Страсбург, CommDH (2007 г.) 9, 16.05.2007.
275. Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРН). Третий доклад по Латвии, CRI (2008 г.) 2, 29.06.2007.
276. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Латвия. Заключительные замечания (E/C. 12/LVA/CO/1), 07.01.2008.
277. Специальный докладчик по современным формам расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. Доклад о миссии в Латвии комитету ООН по правам человека (A/HRC/7/19/Add.3) 05.03.2008.
278. Конгресс местных и региональных властей Совета Европы; 03.12.2008.

Выступления политических деятелей Латвии

279. European Parliament. The future of Europe sixty years after the Second World War. P6_CRE (2005) 05-11 (16) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050511+ITEM-016+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-147> [11.05.2005].
280. European Parliament. EU-Russia Relations. P6_CRE (2005) 05-25 (13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050525+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-093> [25.05.2005].
281. European Parliament. Protection of minorities and anti-discrimination policies in an enlarged Europe. P6-CRE (2005) 07-06 (27) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050607+ITEM-027+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-307> [07.06.2005].

282. European Parliament. European Parliament resolution on Estonia. RC-B6-0205/2007 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=P6-RC-2007-0205&language=EN> [02.05.2007].
283. European Parliament. Estonia (debate). CRE 22/05/2007 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20070522+ITEM-018+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-360> [22.05.2007].
284. European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). CRE 03/02/2009 – 15 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-484> [03.02.2009].
285. European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). P6_CRE (2009) 02-03 (15) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-485> [03.02.2009].
286. European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). P6_CRE (2009) 02-03 (15) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-482> [03.02.2009].
287. European Parliament. European conscience and totalitarianism (debate). P6_CRE (2009) 03-25 (10) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090325+ITEM-010+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-399> [25.03.2009].
288. European Parliament. The Northern Dimension. P6_CRE (2005) 09-08 (4) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050908+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=4-016> [08.09.2005].
289. European Parliament. European Neighbourhood Policy. P6_CRE (2006) 01-18 (12) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=->

[//EP//TEXT+CRE+20060118+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-389](#) [18.01.2006].

290. European Parliament. Results of the informal summit of heads of state and government (Lahti, 20 October 2006) (debate). P6_CRE (2006) 10-25 (4) // URL: [http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20061025+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-071)

[//EP//TEXT+CRE+20061025+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-071](#) [25.10.2006].

291. European Parliament. Russia-EU summit (debate). P6_CRE (2006) 11-29 (13) // URL: [http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20061129+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-078)

[//EP//TEXT+CRE+20061129+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-078](#) [29.11.2006].

292. European Parliament. EU economic and trade relations with Russia. P6_CRE (2007) 06-18 (16) //URL: [http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20070618+ITEM-016+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=1-150)

[//EP//TEXT+CRE+20070618+ITEM-016+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=1-150](#) [18.06.2007].

293. European Parliament. An EU Strategy for Central Asia (debate). P6_CRE (2008) 02-12 (13) // URL: [http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080219+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-366)

[//EP//TEXT+CRE+20080219+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-366](#) [19.02.2008].

294. European Parliament. Preparation of the EU/Russia summit (26-27 June 2008) (debate). P6_CRE (2008) 06-18 (13) // URL: [http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080618+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-318)

[//EP//TEXT+CRE+20080618+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-318](#) [18.06.2008].

295. European Parliament. EU-Russia relations (debate). P6_CRE (2008) 10-21 (12) // URL: [http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20081021+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-313)

[//EP//TEXT+CRE+20081021+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-313](#) [21.10.2008].

296. European Parliament. Deterioration of the situation in Georgia (debate) // URL: [http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080507+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-055)

[//EP//TEXT+CRE+20080507+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-055](#) [07.05.2008].

297. European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV (2014) 07-15 (8) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-104-000> [15.07.2014].
298. European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV (2014) 07-15 (8) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-102-000> [15.07.2014].
299. European Parliament. Situation in Ukraine and state of play of EU-Russia relations (debate). P8_CRE-REV (2014) 09-16 (4) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140916+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-045-000> [16.09.2014].
300. European Parliament. Association agreement with Georgia – Conclusion of the Association agreement with Georgia (debate). P8_CRE-PROV (2014)12-17(17) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20141217+ITEM-017+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-742-000> [17.12.2014].
301. European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV(2015)01-14(7) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150114+ITEM-007+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-285-000> [14.01.2015].
302. European Parliament. Situation in Ukraine. P8_CRE-REV(2015)02-10(11) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150210+ITEM-011+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-355-000> [10.02.2015].
303. European Parliament. Murder of the Russian opposition leader Boris Nemtsov and the state of democracy in Russia (debate). P8_CRE-REV(2015)03-11(13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150311+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-387-000> [11.03.2015].
304. European Parliament. State of EU-Russia relations (debate). P8_CRE-REV(2015)06-09(3) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=->

[//EP//TEXT+CRE+20150609+ITEM-](#)

[003+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-061-000](#) [09.06.2015].

305. European Parliament. Situation in Ukraine (debate) (debate). P8_CRE-REV (2015) 01-14 (7) // URL: [\[007+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-310-000\]\(#\) \[14.01.2015\].](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150114+ITEM-</p>
</div>
<div data-bbox=)

306. European Parliament. Strategic military situation in the Black Sea Basin following the illegal annexation of Crimea by Russia (debate). P8_CRE-REV (2015) 06-10 (13) // URL: [\[013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-551-000\]\(#\) \[10.06.2015\].](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150610+ITEM-</p>
</div>
<div data-bbox=)

307. Synthesis Report. Conclusions and Recommendations on the Situation of Fundamental Rights in the European Union and its Member States in 2003. P. 90 [04.02.2004].

308. Председатель Сейма И. Крейтусе, Рига, 22 августа 1996 года. Опубликовано: “Latvijas Vēstnesis” 27.08.1996 № 143 (628).

309. Председатель Сейма И. Удре, Рига, 12 мая 2005 года. Опубликовано: “Latvijas Vēstnesis”. 17.05.2005. № 77 (3235).

Интернет-ресурсы

310. Андреевна Е. «Говорит и показывает Музей оккупации» // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/govorit-i-pokazyvaet-muzei-okkupacii> [18.02.2015].

311. Архив Министерства иностранных дел Латвии. ««Внимание государственности Латвии» Иностранные сотрудники службы Латвии в изгнании в годы оккупации 17 июня 1941 – 21 августа 1991 года» // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/about-the-ministry/history-of-the-foreign-service/on-guard-for-latvia-s-statehood-latvia-s-foreign-service-staff-in-exile-during-the-years-of-occupation-june-17-1941-august-21-1991> [02.12.2014].

312. Вести Сегодня. «Версия побежденных, или Краткий курс фелдманизма» // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/versiya-pobezhdennyh-ili-kratkii-kurs-feldmanizma> [25.02.2016].

313. Вести Сегодня. «Кто не с нами, тот «агент Кремля»: разборки» // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/kto-ne-s-nami-tot-agent-kremlya> [03.11.2015].
314. Игнатьев О. Что ждет неграждан в Евросоюзе // AS DELFI // URL: <http://rus.delfi.lv/archive/chto-zhdet-negrazhdan-v-evrosoyuze.d?id=4838159> [20.02.2003].
315. Колчанов Б. Права нацменьшинств не входят в число приоритетов ЕС // AS DELFI // URL: <http://rus.delfi.lv/archive/prava-nacmeshinstv-ne-vhodyat-v-chislo-prioritetov-es.d?id=2479509> [16.01.2002].
316. МИД Латвийской Республики. Интеграция общества в Латвии // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration> [05.11.2015].
317. МИД Латвийской Республики. Образование меньшинств в Латвии // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia> [19.02.2015].
318. МИД Латвийской Республики. Образование меньшинств: статистика и тенденции // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia/minority-education-statistics-and-trends> [21.03.2016].
319. МИД Латвийской Республики. Почему реформа образования национальных меньшинств была необходима в Латвии // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia/why-national-minority-education-reform-was-needed-in-latvia> [19.02.2015].
320. МИД Латвийской Республики. Итоги реформ // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia/changes-in-the-educational-content-and-students-exam-performance> [05.11.2015].
321. Министерство иностранных дел Латвийской Республики. Интеграция общества в Латвии: от планов к их выполнению N. 20, декабрь 2001 года. // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ru/periodicheskie-izdaniya/integraciya-obshchestva-v-latvii-ot-planov-k-ih-vypolneniyu/integraciya-obshchestva-v-latvii-ot-planov-k-ih-vypolneniyu-n-20-dekabr-2001-goda> [02.12.2014].
322. ООН. Выступление Литвы – Специальное торжественное заседание Генеральной Ассамблеи // URL: <http://www.un.org/ru/events/remembranceday/ref/reconciliation/lithuania.pdf> [09.05.2005].
323. ООН. Европарламент и ПАСЕ против дискриминации неграждан в Латвии// Конгресс неграждан // URL: <http://www.kongress.lv/ru/material/rospusk-sejma-vruchnuju> [31.12.2012].

324. Российская газета. В Донбассе подсчитали число жертв конфликта среди мирного населения // URL: <http://rg.ru/2015/05/10/purgin-anons.html> [10.05.2015].
325. Сергеева А. «Исследователь: Латвия обошлась с русскими жестко» // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/issledovately-latviya-oboshlasy-s-russkimi-zhestko> [04.03.2016].
326. Соколова О. Мы в 90-е. Неделя 2 – 8 ноября 1993 года в латвийской прессе // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/my-v-90-e-nedelya-2-8-noyabrya-1993-goda-v-latviiskoi-presse> [03.11.2009].
327. Соколова О. Мы в 90-е. Неделя 19 – 25 октября года в латвийской прессе // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/my-v-90-e-nedelya-19-25-oktyabrya-1993-goda-v-latviiskoi-presse> [18.10.2009].
328. Тарасов А. Латвия будет судить коммунистов // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/latviya-budet-sudity-kommunistov> [23.08.2015].
329. Час. Гирт Валдис Кристовскис: «Мы хотим изменить мнение Европы о Латвии» // URL: <http://rus.delfi.lv/archive/girt-valdis-kristovskis-my-hotim-izmenit-mnenie-evropy-o-latvii.d?id=14967882> [17.08.2006].
330. Baltnews.lv. Солопенко А. Русские в Латвии. Сколько их было, есть и будет // URL: <http://baltnews.lv/news/20151207/1015123139.html> [07.12.2015].
331. DELFI.LV. ОБСЕ закрывает свою миссию в Латвии // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/obse-zakryvaet-svoyu-missiyu-v-latvii.d?id=2355590> [19.12.2001].
332. DELFI.LV. Калниете: Европа слишком мало знает о преступлениях коммунистов // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/kalniete-evropa-slishkom-malo-znaet-o-prestupleniyah-kommunistov.d?id=43761540> [26.10.2013].
333. DELFI.LV. Латвия просит Германию поддержать осуждение преступлений коммунизма // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/latviya-prosit-germaniyu-podderzhat-osuzhdenie-prestuplenij-kommunizma.d?id=16811809> [07.02.2007].
334. DELFI.LV. Президент: Европа должна осудить коммунизм // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/prezident-evropa-dolzhna-osudit-kommunizm.d?id=20197996> [07.02.2008].
335. Izglītības un zinātnes ministrija. Likumi // URL: <http://www.izm.gov.lv/lv/normativie-akti/likumi>.
336. Izglītības un zinātnes ministrija // URL: <http://www.izm.gov.lv/lv/>.

337. Latviešu valodas aģentūra // URL: http://www.valoda.lv/Agenturas_darbiba/Agenturas_darbiba/653/mid_493.
338. Latviešu valodas aģentūra. Mērķis un uzdevumi // URL: http://www.valoda.lv/Agenturas_darbiba/Merkis_un_uzdevumi/758/mid_565.
339. Latvijas Avīze. Розе: у русскоязычных в Латвии нет общей культуры // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/roze-u-russkoyazychnyh-v-latvii-net-obshteikulytury> [02.09.2010].
340. Latvijas krievu savienība. Перечень различий в правах граждан и неграждан – постоянных жителей Латвии // URL: [http://www.rusojuz.lv/ru/other/razlichija-v-pravah-grazhdan-i-negrazhdan/15031/-/](http://www.rusojuz.lv/ru/other/razlichija-v-pravah-grazhdan-i-negrazhdan/15031/) [12.04.2006].
341. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Latvijas neatkarības atjaunošanas starptautiskā atzīšana 1991. Gadā // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienestavesture/izstades/latvijas-neatkaribas-atjaunosanas-starptautiska-atzisana-1991-gada> [23.11.2015].
342. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Jānis Jurkāns // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienestavesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/janis-jurkans> [02.12.2014].
343. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Georgs Andrejevs // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienestavesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/georgs-andrejevs> [02.12.2014].
344. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Sandra Kalniete // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienestavesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/sandra-kalniete> [02.12.2014].
345. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Valdis Birkavs tiekas ar Austrijas un Krievijas ārlietu ministriem // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15326-valdis-birkavs-tiekas-ar-austrijas-un-krievijas-arlietu-ministriem> [02.12.1998].
346. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Valdis Birkavs // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienestavesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/valdis-birkavs> [02.12.2014].
347. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs tiekas ar ASV vēstnieku // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15178-arlietu-ministrs-tiekas-ar-asv-vestnieku-799-lv> [30.04.1999].

348. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministra tikšanās Vašingtonā // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15160-arlietu-ministra-tiksanas-vasingtona> [20.05.1999].
349. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs piedalās Starpvaldību konferencē un ES Vispārējo lietu un ārējo attiecību padomē // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18513-arlietu-ministrs-piedalas-starpvaldibu-konference-un-es-visparejo-lietu-un-arejo-attiecibu-padome> [18.05.2004].
350. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Rihards Pīks piedalās Eiropas Savienības Vispārējo lietu un ārējo attiecību padomē // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18508-arlietu-ministrs-rihards-piks-piedalas-eiropas-savienibas-visparejo-lietu-un-arejo-attiecibu-padome> [17.05.2004].
351. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Rihards Pīks // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/rihards-piks> [02.12.2014].
352. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Rihards Pīks aicina Krieviju parakstīt robežlīgumu ar Latviju//URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18659-arlietu-ministrs-rihards-piks-aicina-krieviju-parakstit-robezligumu-ar-latviju> [29.06.2004].
353. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Artis Pabriks // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/artis-pabriks> [02.12.2014].
354. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Artis Pabriks piedalās ANO Ģenerālā asamblejā//URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18845-arlietu-ministrs-artis-pabriks-piedalas-ano-generalas-asambleja> [22.09.2004].
355. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Artis Pabriks tiksies ar Okupācijas muzeja vadību // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18740-arlietu-ministrs-artis-pabriks-tiksies-ar-okupacijas-muzeja-vadibu> [10.08.2004].
356. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Artis Pabriks: “Lielais mazākumtautību skaits Latvijā liecina, ka dzīve mūsu valstī ir laba” // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/20575-arlietu-ministrs-artis-pabriks-lielais-mazakumtautibu-skaits-latvija-liecina-ka-dzive-musu-valsti-ir-laba> [25.10.2005].

357. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ģirts Valdis Kristovskis // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/girts-valdis-kristovskis> [02.12.2014].
358. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. Ārlietu ministrs Artis Pabriks aicina EK aktīvi izstrādāt vienotu enerģētikas politiku // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/22518-arlietu-minstrs-artis-pabriks-aicina-ek-aktivi-izstradat-vienotu-energetikas-politiku> [14.11.2006].
359. Latvijas Republikas Ārlietu Ministrija. V.Birkavs: Latvijai un Lietuvai ir kopēji mērķi // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15265-v-birkavs-latvijai-un-lietuvai-ir-kopeji-merki> [02.02.1999].
360. Latvijas Republikas Saeima. Par Ziemeļatlantijas līgumu (2. lasījums. Steidzams). 26.02.2004. 09:36:48 bal013 // URL: http://www.saeima.lv/steno/2002_8/st_040226/Balsoj/013.htm [09.11.2014].
361. LETA. 58% молодых безработных в Латвии не имеют среднего образования // URL: <http://www.infotop.lv/article/ru/58-molodih-bezrabortnih-v-latvii-ne-imejut-srednego-obrazovaniya> [13.10.2015].
362. Mixnews.lv. Центр госязыка призвал говорить на рабочем месте по латышски // URL:http://www.mixnews.lv/ru/society/news/168347_centr-gosyazyka-prizval-govorit-na-rabo4em-meste-po-latyshski/ [18.01.2015].
363. Mixnews.lv. Центр госязыка: использование латышского на работе – призыв, а не требование // URL:http://www.mixnews.lv/ru/exclusive/news/168443_centr-gosyazyka-ispolzovanie-latyshskogo-na-rabote-prizyv-a-ne-trebovanie-audio/ [19.01.2015].
364. Nodarbinātības valsts aģentūra. Pārskats par bezdarba situāciju valstī 2013. gada aprīlī // URL: <http://www.nva.gov.lv/index.php?cid=6&mid=444&txt=451&t=stat> [14.05.2013].
365. Nodarbinātības valsts aģentūra. Bezdarba rādītāji un NVA aktivitātes 2014. gada aprīlī // URL: <http://www.nva.gov.lv/index.php?cid=6&mid=470&txt=475&t=stat> [16.05.2014].
366. NEWSru.com. Итоги войны в Ираке: погибли 120 тысяч человек, а США грозит удар силой в три триллиона долларов // URL: <http://newsru.com/world/15mar2013/iraq.html> [15.03.2013].
367. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence URL:<http://ccdcoe.org/index.html>.

368. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Latvian Minister of Defence Briefed on Cyber Security // URL: <http://ccdcoe.org/latvian-minister-defence-briefed-cyber-security.html> [19.08.2015].
369. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Angela Merkel Briefed on Cyber Security // URL: <https://ccdcoe.org/AngelaMerkel.html> [24.08.2016].
370. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Terms and Definition // URL: <https://ccdcoe.org/cyber-definitions.html>.
371. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Experts: Multiple International Law Regimes Apply to Cyber Operations // URL: <https://ccdcoe.org/experts-multiple-international-law-regimes-apply-cyber-operations.html> [11.02.2016].
372. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Over 50 States Consult Tallinn Manual 2.0 // URL: <https://ccdcoe.org/over-50-states-consult-tallinn-manual-20.html> [02.02.2016].
373. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Cyber Warfare Integral Part of Modern Politics, New Analysis Reaffirms // URL: <https://ccdcoe.org/cyber-warfare-integral-part-modern-politics-new-analysis-reaffirms.html> [01.12.2015].
374. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. James J. Wirtz Cyber War and Strategic Culture: The Russian Integration of Cyber Power into Grand Strategy // URL: https://ccdcoe.org/sites/default/files/multimedia/pdf/CyberWarinPerspective_Wirtz_03.pdf.
375. NATO Stratcom Centre of Excellence // URL: <http://www.stratcomcoe.org>.
376. NATO STRATCOM. Centre present research to the Latvian Audience // URL: <http://stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/6/17.aspx>.
377. NATO STRATCOM. Centre present preliminary results of the study on internet trolling // URL: <http://stratcomcoe.org/lv/NewsandEvents/News/2015/7/30.aspx>.
378. NATO STRATCOM. Countering propaganda: NATO spearheads use of behavioural change science // URL: <http://stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/5/12.aspx>.
379. NATO STRATCOM. Canada contributes to capabilities of NATO Strategic Communications Centre of Excellence // URL: <http://stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/2/20.aspx>.

380. NATO Strategic Communications Centre of Excellence Riga. Centre's experts speak at international conference 'Russian Soft Power' in Rome // URL: <http://www.stratcomcoe.org/centres-experts-speak-international-conference-russian-soft-power-rome> [09.06.2016].
381. NATO. Адаптация к изменившимся условиям безопасности // URL: http://nato.int/cps/ru/natohq/opinions_120166.htm?#top.
382. OSCE. REF. No 238/93/L/Rev // URL: <http://www.osce.org/hcnm/30608?download=true>.
383. Rus.TVNET. Исследование: семь латвийских организаций могли получать от России более 680 тыс. евро // URL: http://rus.tvnet.lv/novosti/obschjestvo/300932-issledovaniye_sjem_latviyskih_organizacij_mogli_poluchit_ot_rossii_boljeje_680_tis_jevro [27.08.2015].
384. Telegraf.lv. Валдис Затлерс поможет Музею оккупации: он очень важен // URL: <http://www.telegraf.lv/news/valdis-zatlers-reshil-pomochy-muzeyu-okkupacii> [03.09.2010].
385. Telegraf.lv. Музей оккупации покажет кино про лесных братьев // URL: <http://www.telegraf.lv/news/muzei-okkupacii-reklamiruet-lesnyh-bratyev> [23.05.2010].
386. Telegraf.lv. Музей оккупации набирает популярность среди туристов // URL: <http://www.telegraf.lv/news/muzei-okkupacii-nabiraet-populyarnosty-u-turistov> [17.10.2012].
387. Telegraf.lv. Латвия все же присвоила Абрене // URL: <http://www.telegraf.lv/news/latviya-gotova-possoritsya-s-rossiei> [17.06.2009].
388. Telegraf.lv. Музей оккупации напомнит об Абрене // URL: <http://www.telegraf.lv/news/muzei-okkupacii-napomnit-ob-abrene> [11.11.2011].
389. Telegraf.lv. Скандальный врач Слуцис снова обвинил русских // URL: <http://www.telegraf.lv/news/skandalynyi-vrach-slucis-snova-obvinil-russkih> [02.10.2012].
390. Telegraf.lv. Ушаков: знаю, что Латвию спасет от крымского сценария // URL: <http://www.telegraf.lv/news/ushakov-garant-bezopasnosti-latvii-edinenie-lyudei> [04.04.2014].
391. Telegraf.lv. «Телеграф» сохраняет объективность // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/v-latvii-est-nezavisimaya-pressa> [09.07.2009].

392. Telegraf.lv. «Уезжай домой, враг!» // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/uezzhai-domoi-vrag> [20.05.2009].
393. Telegraf.lv. Даудзе призвал приравнять нацизм и коммунизм // URL: <http://www.telegraf.lv/news/daudze-prizval-priravnyaty-nacizm-i-kommunizm> [14.10.2009].
394. Телеграф.lv. Еврокомиссия отказалась наказывать за отрицание преступлений коммунизма // URL: <http://www.telegraf.lv/news/evrokomissiya-otkazalasy-nakazyvaty-za-otricanie-prestuplenii-kommunizma> [22.12.2010].
395. Tallinn Manual Process // URL: <https://ccdcoe.org/tallinn-manual.html>.
396. Ventpils augstskola. Государственный язык // URL: <http://venta.lv/ru/nepreryvnoe-obrazovanie/yazykovye-kursy/gosudarstvennyj-yazyk/>.
397. Valsts valodas centrs // URL: <http://www.vvc.gov.lv/advantagecms/LV/aktualitates/index.html>.

SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Manuscript copy

DOLZHENKOVA EKATERINA

**SITUATION WITH THE RUSSIAN-SPEAKING MINORITY IN THE FOREIGN
POLICY OF THE REPUBLIC OF LATVIA**

Specialization: 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional
development
(political science)

Dissertation in submitted for degree of candidate in Political Science

Scientific supervisor:

Candidate of political science, associate professor

D.A. Lanko

Saint-Petersburg

2018

CONTENS

INTRODUCTION	281
CHAPTER I. POLITICAL COMMUNICATION AS AN EXTERNAL POLICY INSTRUMENT	299
§ I.1. Political communication in international politics	299
§ I.2. Securitization as a form of political communication	314
§ I.3. Securitization conditions in post-Soviet Latvia	322
CHAPTER II. THE EFFORTS OF LATVIA FOR STRENGTHENING THE DECEKYURIZATION OF THE RUSSIAN-SPEAKING MINORITY.....	347
§ II.1. Prerequisites to the designation of the Russian-speaking minority in Latvia as a problem	347
§ II.2. Differences between Latvia's domestic and foreign policies in relation to the Russian-speaking minority	360
§ II.3. Latvia's foreign policy towards Russia after the restoration of independence.....	373
CHAPTER III. INTERNATIONAL ORGANIZATIONS AND RUSSIAN-SPEAKING MINORITY OF LATVIA	393
§ III.1. Claims of international organizations to Latvia, in connection with the situation of the Russian-speaking minority	393
§ III.2. Violations of political and civil rights of the Russian-speaking minority of Latvia before and after joining the European Union	407
§ III.3. Language problems of the Russian-speaking minority of Latvia before and after accession to the European Union	424
CHAPTER IV. SECURIZATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LATVIA'S FOREIGN POLICY	443
§ IV.1. Securitization of communism	443
§ IV.2. Securitization of Russian propaganda in Latvia	453
§ IV.3. Securitization of the Russian cyber threat in Latvia	466
CONCLUSION	483
REFERENCES	493

INTRODUCTION

The relevance of research. The improvement of the situation of the Russian-speaking minority abroad, including the Republic of Latvia, is the most important task of Russian foreign policy. Over the past twenty-five years, this task was only partially resolved. It seems that this task was partially solved, because the international institutions aimed at improving the rights of minorities in the countries of Europe and the whole world did not pay enough attention to the case of Latvia. This circumstance seems to have been due to two factors. On the one hand, these institutions themselves were not ready to spend serious resources on improving the situation of minorities in Eastern Europe, and therefore in some cases chose to ignore the related problems. On the other hand, the countries of Eastern Europe themselves, including Latvia, have made significant efforts to convince these international institutions that they have no serious problems with the situation of minorities. This paper is devoted to a detailed description of these efforts on the example of Latvia. The relevance of this work is due to the fact that a detailed description of Latvia's efforts aimed at convincing international institutions that the problems associated with the situation of the Russian-speaking minority in this country are exaggerated against the backdrop of other problems associated with the Russian-speaking minority and with Russia itself, problems of security, will contribute to increasing the effectiveness of Russian foreign policy activities, aimed at improving the situation of the Russian-speaking minority abroad and in Latvia itself in particular.

The degree of scientific elaboration of the problem. Considering the problems of the situation of the Russian-speaking minority in the Baltic countries, as well as relations between the Baltic States and Russia, it is necessary to mention the works of Latvian researchers in international relations: J. Ozolinya⁶⁸⁵, A. Stranga⁶⁸⁶, A. Leinsh⁶⁸⁷, D. Bleiere⁶⁸⁸, D. Bungš⁶⁸⁹, A.

⁶⁸⁵ Ozolinya J. Latvian Security Policy // *The Baltic States: Search for Security*. 1996. P. 29 – 57. / Ozolinya J. The Impact of EU and NATO Enlargement on Baltic-Nordic Cooperation // *The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security*. 2 (19)/3 (20). P. 41 – 101. / Ozolinya J. The Impact of EU and NATO Enlargement on Baltic-Nordic Cooperation // *Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century*. 1999. P. 71 – 122.

⁶⁸⁶ Stranga A. The Baltic States in the European Security Architecture // *Small States in a Turbulent Environment: The Baltic Perspective*. 1996. P. 11 – 59. / Stranga A. Baltic-Russian Relations: 1997 // *The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security*. 2 (19)/3 (20). P. 139 – 196. / Stranga A. Baltic-Russian Relations 1998 – 99 // *Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century*. 1999. P. 123 – 148.

⁶⁸⁷ Leinsh A. The “Twin Enlargements” and Baltic Security // *The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security*. 2 (19)/3 (20). P. 8 – 40. / Leinsh A. Joining the EU and NATO: Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century // *Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century*. 1999. P. 9 – 50. / Leinsh A. The CFSP and the PCA: Between Realpolitik and Values // *The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs*. 2006. P. 7 – 24.

⁶⁸⁸ Bleiere D. The Role of Central Europe in Baltic State Policies // *The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security*. 2 (19)/3 (20). P. 102 – 138. / Bleiere D. The Role of Central Europe in Baltic State Policies // *Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century*. 1999. P. 51 – 70.

Spruds⁶⁹⁰, T. Rostoks⁶⁹¹, K. Bukovskis⁶⁹², A. Yakobsons⁶⁹³, A. Zeltinsh⁶⁹⁴, Y. Berzinsh⁶⁹⁵, A. Kudors⁶⁹⁶, I. Liedis⁶⁹⁷, Y. Poikans⁶⁹⁸, A. Chegodaevs⁶⁹⁹, A. Beitane⁷⁰⁰, Y. Kazhocinsh⁷⁰¹, A.

⁶⁸⁹ Bungs D. The EU and NATO, Their Policies Toward Neighbouring Countries, Especially Countries of Central Europe, the South Caucasus, and the Russian Federation // *An England Europe and Its Neighbourhood Policy: the Eastern Dimension – Research Project – Riga, Latvian Institute of International Affairs*. 2004. P. 6 – 28. / Bungs D. Toward a New EU-Russia Partnership and Cooperation Agreement // *The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs*. 2006. P. 25 – 50. / Bungs D. EU-Russia Relations: Challenges and Perspectives after the Orange Revolution in Ukraine // *The European Union's Eastern neighbours after the Orange revolution*. Riga, Latvian Institute of international Affairs. 2006. P. 9 – 30.

⁶⁹⁰ Spruds A. Russia's Policy Towards Europe's "New Neighbours": in Pursuit of Partnership or Domination? // *An England Europe and Its Neighbourhood Policy: the Eastern Dimension – Research Project – Riga, Latvian Institute of International Affairs*. 2004. P. 29 – 46. / Spruds A. EU-Russia Energy Dialogue in the Context of the Prospective Partnership and Cooperation Agreement // *The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs*. 2006. P. 77 – 89. / Spruds A. Regional Ramifications of Ukraine's Orange Revolution: Transnistrian Conflict Settlement // *The European Union's Eastern neighbours after the Orange revolution*. Riga, Latvian Institute of international Affairs. 2006. P. 30 – 45. / Spruds A. Latvian-Russian Relations and Latvian Energy Policy in the Context of the Russian-Georgian Conflict // *Georgian-Russian War: Conclusions and Homework for Latvia and Allies*. 2009. P. 26 – 37.

⁶⁹¹ Rostoks T. Augusta conflict: challenges and opportunities for the EU and Latvia // *Georgian-Russian War: Conclusions and Homework for Latvia and Allies*. 2009. P. 7 – 17. / Rostoks T., Potjomkina D. Soft power of the EU and Russia in Eastern Europe: Soft power vs (not so) Soft Manipulation? // *The different faces of "soft power": the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU*. 2015. P. 243 – 255.

⁶⁹² Bukovskis K. From Diplomacy to Routine Partnership: The Bilateral Relations of Latvia and Germany in the XXI Century // *Friendship in the Making: Transforming Relations between Germany and the Baltic-Visegrad Countries*. 2012. P. 93 – 115. / Bukovskis K. State Institutions, Interdependence and Perceptions in Latvia's Economic Relations with the Russian Federation and Belarus // *The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities*. 2012. P. 93 – 114.

⁶⁹³ Yakobsons A. The Economic Dimension of Bilateral Relationships between Latvia, Russia and Belarus – Past and Present // *The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities*. 2012. P. 11 – 34.

⁶⁹⁴ Zeltinsh A. Business Interests in the Latvia – Russia Economic Relationship // *The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities*. 2012. P. 115 – 144.

⁶⁹⁵ Berzinsh Y. NATO: Russia's Main Geopolitical Enemy // *Ten Years in the Euro-Atlantic Community: Riga Conference Papers*. 2014. P. 21 – 32.

⁶⁹⁶ Kudors A. Baltic Security Over the Decade: Political Threats and Russia Factor // *Ten Years in the Euro-Atlantic Community: Riga Conference Papers*. 2014. P. 41 – 52. / Kudors A., Pelnens G. Diverging Faces of 'Soft Power' in Latvia between the EU and Russia // *The different faces of "soft power": the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU*. 2015. P. 220 – 242. / Kudors A. A Multipolar World from a Russia View // *Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community*. Riga Conference Papers. 2015. P. 95 – 103. / Kudors A. Latvia-Russia Relations: the Cool Stability // *Latvian Foreign and Security*. Yearbook. 2017. P. 127 – 140.

⁶⁹⁷ Liedis I. Latvia's Foreign Policy 2014/2015: Players, Events and Challenges // *Latvian Foreign and Security Policy*. Yearbook. 2015. P. 7 – 15. / Liedis I. Latvia's Foreign Policy in Times of Existential Challenges // *Latvian Foreign and Security Policy*. Yearbook. 2016. P. 7 – 18. / Liedis I. Transatlantic Community and Russia: Elements of Dialogue 2016 // *Riga Dialogue Afterthoughts 2016: Building Bridges for Euro-Atlantic Security*. P. 17 – 26. / Liedis I. Latvia's Foreign Policy – Predictable Pragmatism in Unpredictable Times // *Latvian Foreign and Security*. Yearbook. 2017. P. 51 – 62.

⁶⁹⁸ Poikans Y., Zeltinsh A. Latvian Foreign Policy in 2014/2015: The Greater the Challenge the Greater the Incentive // *Latvian Foreign and Security Policy*. Yearbook. 2015. P. 16 – 20. / Poikans Y. The Eastern Partnership – Latvia's Contribution // *Latvian Foreign and Security Policy*. Yearbook. 2016. P. 36 – 42.

⁶⁹⁹ Chegodaevs A. Chances and Challenges for the Latvian Presidency of the Council of the European Union // *Latvian Foreign and Security Policy*. Yearbook. 2015. P. 21 – 32.

⁷⁰⁰ Beitane A. A Reassessment of Latvia's Foreign Policy Strategy Towards Russia After the Ukraine Crisis // *Latvian Foreign and Security Policy*. Yearbook. 2015. P. 55 – 70.

⁷⁰¹ Kazhocinsh Y. Will Latvia be Putin's Next Victim in 2015? // *Latvian Foreign and Security Policy*. Yearbook. 2015. P. 71 – 78. / Kazhocinsh Y. Has Russia's Syrian Adventure Made Latvia Safer? // *Latvian Foreign and Security Policy*. Yearbook. 2016. P. 80 – 88.

Banka⁷⁰², U. Romanovs⁷⁰³, M. Daugulis⁷⁰⁴, G. Reboka⁷⁰⁵, I. Brude⁷⁰⁶, A. Krapane⁷⁰⁷, O. Skudra⁷⁰⁸, M. Vargulis⁷⁰⁹, A. Austers⁷¹⁰.

The Republic of Latvia, a member of the former Soviet Union, its position as a post-Soviet state in international relations is considered in the works of such authors as V.A. Smirnov⁷¹¹, M.V. Ilyin⁷¹², A.D. Bogaturov⁷¹³. V.A. Smirnov⁷¹⁴ noted that the foreign policy of the Baltic states has not lost the character of confrontation since joining NATO and the EU. In Latvia there is an institute of aliens, and also the theme of "threat from the side of the Russian Federation" is exploited. To determine the basic political idea, Latvia's political leaders use a mechanism of a political-ideological nature, namely, they put forward provisions on the Soviet "occupation" and on the "Russian threat".

The existing concepts of the image of the "Enemy" and "The Other" differ. E.V. Morozova⁷¹⁵ notes that the "Other" and its image is an instinct in the individual's mind: "... associated with self-determination in the social and political space on the basis of singling out individual individuals, groups or institutions that define boundaries of identity and possess

⁷⁰² Banka A. Saving Distant Lands: From Washington's View // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook.* 2015. P. 95 – 103.

⁷⁰³ Romanovs U. The Means and Ends of Russia's Security Strategy // *Riga Dialogue: Towards a Shared Security Environment. Afterthoughts from the Riga Security Seminar.* 2015. P. 44 – 51. / Romanovs U. Keeping a strong focus on Russia: UK Strategic Defence and Security Review and the Baltic // *Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers.* 2015. P. 175 – 182.

⁷⁰⁴ Daugulis M. The Challenges of Hybrid-Warfare and Cyber-Threats: The Role of Self-Defense in a Changing Security Environment // *Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers.* 2015. P. 151 – 156. / Daugulis M. The Role of Cyber Defence in Hybrid Warfare Conditions: Proper Way for Latvia in Redefinition of Defence and Educational Policy Areas Under the Changing Security Circumstances // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook.* 2016. P. 89 – 96.

⁷⁰⁵ Reboka G., Ozolinya J. Security Cooperation in the Baltic Sea Region under the Nordic Defense Cooperation (NORDEFECO): A Way Forward? // *Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers.* 2015. P. 167 – 174.

⁷⁰⁶ Brude I. Latvia's Ukraine Policy: the Ukraine Crisis and Bilateral Relations in 2015 // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook.* 2016. P. 71 – 79.

⁷⁰⁷ Krapane A. Latvia's Cooperation with Diaspora in 2015 // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook.* 2016. P. 107 – 128.

⁷⁰⁸ Skudra O. Latvian Foreign Policy: Defending National Interests in the World Structured by Politics of Realism // *Latvian Foreign and Security. Yearbook.* 2017. P. 37 – 50.

⁷⁰⁹ Vargulis M. Importance of Strategic Communication Matters and their Development in the Latvian Security Policy // *Latvian Foreign and Security. Yearbook.* 2017. P. 76 – 85.

⁷¹⁰ Austers A. Immigration and Refugees in the European Union and Latvia // *Latvian Foreign and Security. Yearbook.* 2017. P. 112 – 126.

⁷¹¹ Smirnov V.A. On the role of small countries in the restructuring of the post-Soviet space (on the example of the Baltic region) // *The Baltic region.* 2014. № 4 (22). P. 48 – 56.

⁷¹² Ilyin M.V. Is a universal typology of states possible? // *Political Science.* 2008. № 4. P. 8 – 41.

⁷¹³ Bogaturov A.D. The temptation is Reagan. Limitrophs become a significant factor in US policy on the Russian direction // *Nezavisimaya gazeta.* [22.05.2006].

⁷¹⁴ Smirnov V.A. On the issue of crisis trends in the sphere of legitimacy of political regimes in the Baltic countries // *The Baltic region.* 2015. № 4 (26). P. 51 – 72.

⁷¹⁵ Morozova E.V. Dehumanization as a technology for forming the image of another / foreign in politics // *Srednerussky Vestnik Social Sciences.* 2015. T. 10. № 6. P. 121 – 128.

characteristics relevant to it". V.A. Smirnov⁷¹⁶ noted the image of the "Enemy" in relation to the Russian-speaking population of Latvia, and the image of "Victim" in relation to the Latvian population. Also in Latvia there is the image of Russia and the image of the Russian-speaking population. They differ, and the above-mentioned concepts of the image of the "Enemy" and "The Other" apply to them. Since 2010, the process of active development of the idea of "Victims of the totalitarian regime" began in Latvia, which led to the equating of communism, to the legacy of the Soviet Union, and to nationalism. Promotion of the image of "Victim" and the image of "Enemy" gives an opportunity to obtain additional resources from the EU and NATO countries to protect themselves from external threats. The external threat is the "Russian threat".

For the history of Latvia is also characteristic falsification of historical events, as well as mythologization. Falsification is necessary when it is necessary to change attitudes towards something positive or negative. Myth does not bear any coloring, but is a story about a certain time interval. By definition, O.A. Plotnikova⁷¹⁷ "... it is necessary to divide the concepts of" myth "and" historical falsification". If under the myth in a positive context is usually understood the heroic images of the past, which are perceived as moral guidelines, patterns of perception and behavior, the basis for the formation of historical memory, then under historical falsifications, it is necessary to understand the distortion of historical facts for a specific purpose. The importance of myths in contemporary politics should be noted works of such authors as E.A. Kobleva⁷¹⁸, E.V. Savelova⁷¹⁹, G.I. Pitonova⁷²⁰, S.S. Vasiliev⁷²¹.

V.V. Vorotnikov⁷²² noted that the myth of "occupation" is the basis of ideology in Latvia's foreign and domestic policy and was used by the political elite when joining the Council of Europe, the European Union and NATO. Y.S. Grekova⁷²³ pointed out that the relations between Russia and Latvia are affected by problems related to historical events, which are interpreted differently by representatives of Latvia's political elites through the media, a training

⁷¹⁶ Smirnov V.A. The Role of Political Elites in the Formation of Historical Politics in the Baltic Countries // *The Baltic Region*. 2015. № 2. P. 78 – 97.

⁷¹⁷ Alekseev S.V., Plotnikova O.A. Myths and Falsifications in Russian History // *Knowledge. Understanding. Skill*. 2015. № 1. P. 162 – 171.

⁷¹⁸ Kobleva E.A. The Meaning of the Myth in Modern Socium // *Theory and Practice of Public Development*. 2009. № 1. P. 68 – 71.

⁷¹⁹ Savelova E.V. Myth and Social Reality: a Socio-Communicative Paradigm of Interpretation // *Bulletin of Tomsk State University*. 2009. № 321. P. 80 – 81.

⁷²⁰ Pitonova G.I. The Role of Myth in the Communication System of Modern Society // *Almanac of Modern Science and Education*. 2007. № 7 – 1. P. 142 – 145.

⁷²¹ Vasiliev S.S. Mechanisms and levels of the introduction of myth into mass consciousness: the media as an instrument of social mythmaking // *Historical and socio-educational thought*. 2009. № 2. P. 37 – 47.

⁷²² Vorotnikov V.V. Baltic ethnocracies between Russia and Europe: A search for consensus in an economic crisis // *Bulletin of the University of Moscow State University of International Relations*. 2013. № 6 (33). P. 25 – 33.

⁷²³ Grekova Y.S. International scientific seminar "Love and hatred: Relations between the Russian and Baltic countries in cultural and communicative memory" // *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant*. 2010. № 12. P. 1 – 2.

manual and various information sources. There is a certain sample of events and their interpretation, on the basis of which the construction of national identity and political events takes place. On this issue it is necessary to mention the work of A.N. Leontief⁷²⁴, T.E. Strokowska⁷²⁵, O.F. Rusakova⁷²⁶, K.A. Karnaukhova⁷²⁷, A.N. Sytin⁷²⁸, V.I. Gushchin⁷²⁹, R.H. Simonyan⁷³⁰.

The people, the nation, or any social group have their own identification, on the basis of this identification their attitude to the world and to other members of society is built. A.Y. Livshin and A.S. Lozhkina⁷³¹ noted that the simplest model of identification is the division of members of society, both in terms of the state, and in the global sense, to "one's own", "another's", "we are they". This division is present for each individual member of a social group. In the course of which everyone independently, under the influence of his own group, chooses a behavior model, and forms an attitude to the so-called "Alien". State external and internal policy presupposes the presence of the image of the "Enemy", and of some "Alien", but its image is most often created through propaganda. About political propaganda written works of such authors as N.B. Zazaeva⁷³², A.V. Krestova and G.S. Petrushina⁷³³, T.S. Melnikova⁷³⁴, V.A. Horuzhenko⁷³⁵, Alexander L. George⁷³⁶, J. Zaller⁷³⁷.

Buzan B., Waever O.⁷³⁸ noted that the image of the "Enemy" in terms of security is understood as "... representations arising from a social (mass or individual) subject about another subject perceived as threatening his interests, values or the social and physical existence, and

⁷²⁴ Leontief A.N. The Second World War in Contemporary Ideological Discourse // *Izvestiya Volgograd State Technical University*. 2015. T. 20. № 2 (155). P. 40 – 42.

⁷²⁵ Strokovskaya T.E. World War II in history textbooks of EU countries in the context of national identity // *Historical psychology and sociology of history*. 2015. T. 8. № 1. P. 21 – 32.

⁷²⁶ Rusakova O.F. Discourse of Historical Politics in the Context of National Security // *Discourse-Pi*. 2013. T. 10. № 1-2. P. 187 – 190.

⁷²⁷ Karnaukhov K.A. The reaction of the Baltic press to the introduction of Soviet troops into Lithuania, Estonia and Latvia in June 1940. // *Izvestiya Altai State University*. 2014. № 4 – 1 (84). P. 110 – 114.

⁷²⁸ Sytin A.N. The Baltics: twenty years of independence // *Free thought*. 2010. № 12 (1619). P. 35 – 48.

⁷²⁹ Gushchin V.I. To the events of 1940 in Latvia // *Space and time*. 2011. № 1. P. 223 – 232.

⁷³⁰ Simonyan R.H., Kochegarova T.M. Relations of Russia with the Baltic States in the international legal context // *International processes*. 2014. T.12. № 36-37. P. 93 – 104.

⁷³¹ Livshin A.Y., Lozhkina A.S. "The image of power" and "the image of another" in the 1930s: political tasks and propaganda // *Public administration. Electronic Herald*. 2012. № 35. P. 17.

⁷³² Zazaeva N.B. Propaganda as a phenomenon of political culture in the information society // *Bulletin of the Volga Institute of Management*. 2015. № 5 (50). P. 95 – 101.

⁷³³ Krestov A.V., Petrushina G.S. Political propaganda and political PR // *Complex problems of the development of science, education and economy of the region: scientific and practical journal of the Kolomna Institute (branch) MGMI (MAMI)*. 2012. № 1. P. 100 – 104.

⁷³⁴ Melnikova T.S. Propaganda as a technology of political manipulation // *Power*. 2010. № 8. P. 47 – 51.

⁷³⁵ Khoruzhenko V.A. Formation of the mythologized image of the enemy in political journalism and propaganda // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2010. № 2. P. 223 – 227.

⁷³⁶ Alexander L. George, Kuzina Y.V., Shustrova E.V. Prediction of political actions through analysis of propaganda // *Political Linguistics*. 2012. № 4 (42). P. 249 – 258.

⁷³⁷ Zaller J. *Origin and nature of public opinion*. M.: Public opinion. 2004.

⁷³⁸ Buzan B., Waever O., Wilde J., de. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, London: Lynnie Rienner. 1998.

formed on a cumulative basis of socio-historical and individual experience, stereotypes and advocacy". Along with the consideration of the image of the "Enemy", the author's works were considered that combined the image of the Enemy and the security conditions, namely the theory of securitization and desecuritization, as well as the conditions under which either securitization or desecuritization takes place. Here it is necessary to note such authors as A.L. Lukin⁷³⁹, S.V. Akopov and E.M. Proshina⁷⁴⁰, G. Aksyuchenko⁷⁴¹, A.Z. Arsenyan⁷⁴², N.G. Kanunnikova and Z.L. Shkhagapsoeva⁷⁴³, M. Fucko⁷⁴⁴, A.V. Devyatkov⁷⁴⁵, P.A. Tsygankov⁷⁴⁶. A.S. Makarychev⁷⁴⁷ also notes that securitization simultaneously assumes the act of moving the previously ignored issue into the political agenda and at the same time the same issue is being withdrawn from the political one directed to the security sphere.

Peculiarities of the concepts of personal, public and national security are considered in the works of such authors as O.A. Kolobov⁷⁴⁸, D.A. Borisov⁷⁴⁹, S.A. Korf⁷⁵⁰, S. Panarin⁷⁵¹, D. Eyvazov⁷⁵². It is worth mentioning the work on the topic of security of such foreign authors as D. Baldwin⁷⁵³, B. Buzan⁷⁵⁴, O. Waever⁷⁵⁵.

During the break-up of the Soviet Union, not only Latvians, but also Russians, Byelorussians, Ukrainians and other nationalities, now united in the Russian-speaking population of Latvia, participated in the restoration of the independence of the Republic of Latvia, as most

⁷³⁹ Lukin A.L. Theory of Regional Security Complexes and East Asia // *Oikumena. Regional studies*. 2011. № 2 (17). P. 7 – 19.

⁷⁴⁰ Akopov S.V., Proshina E.M. "An unfinished adventure" of the enemy's image: from the theory of securitization to the theory of "distant local" // *Power*. 2011. № 01. P. 89 – 92.

⁷⁴¹ Aksyuchenko G. Immigration as a source of security challenges // *Power*. 2007. № 8. P. 19 – 22.

⁷⁴² Arsenyan A.Z. Evolution of the concepts of "national security" in contemporary international relations // *Bulletin of the Russian State Humanitarian University*. 2012. № 19 (99). P. 23 – 35.

⁷⁴³ Kanunnikova NG, Shkhagapsoev Z.L. International experience of administrative and legal support of public security // *Army and society*. 2014. № 4 (41). P. 1 – 8.

⁷⁴⁴ Fucko M. The birth of biopolitics. SPb.: Science. 2010.

⁷⁴⁵ Devyatkov A.V. Securitization or desecuritization in modern socio-political processes // In the collection: *Security in the West, in the East and in Russia: representations, concepts, situations*, scientific editors S.A. Panarin, D.I. Polivyanniy. 2013 г. P. 103 – 107.

⁷⁴⁶ Tsygankov P.A. The theory of human security: political consequences and lessons for Russia // *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science*. 2010. № 4. P. 78 – 83.

⁷⁴⁷ Makarychev A.S. Security and the Return of Political: Critical Debates in Europe // *Security Index*. 2008. T. 14. № 4 (87). P. 25 – 40.

⁷⁴⁸ Kolobov O.A. Security of the individual, society, state. Nizhny Novgorod: FMO / ISI UNN; Publishing house AGPI them. A.P. Gaidar. 2008.

⁷⁴⁹ Borisov D.A. Human Security in the Modern Theory and Practice of International Relations // *Bulletin of Tomsk State University*. 2011. № 343. P. 79 – 82.

⁷⁵⁰ Korf S.A. Nationalities and the state // *Russian political science in 5 volumes. I. I. XIX - the beginning of the XX century.* / Otv. Ed. and aut. entry. Art. Yu.S. The Brewers. Moscow: ROSSPEN. 2008.

⁷⁵¹ Panarin S. National state before the challenge of transboundary impacts: preface // *Cross-border challenges to the national state*. 2015. P. 7 – 36.

⁷⁵² Eyvazov D. From the traditional state to the postindustrial: on the interrelation between geopolitics and security in the era of globalization // *Caucasus and globalization*. 2007. T. 1. № 4. P. 6 – 13.

⁷⁵³ Baldwin D. The Concept of Security // *Review of International Studies*, 1997. Vol. 23.

⁷⁵⁴ Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. New York. 2009.

⁷⁵⁵ Waever O. Securitization and Desecuritization // *On Security* / Ed. by R.D. Lipschutz. New York: Columbia University Press. 1995. P. 46 – 86.

of them use Russian in communication. About events of 1991 and about division of the population of Latvia, subsequently, on Latvians and Russian it is necessary to note works of such authors, as A.K. Potapov⁷⁵⁶, I. Arenas and D. Dzenovskaya⁷⁵⁷.

The topic, the division of the population by nationality in Latvia, has become particularly relevant since 1991, as the Latvian government began to pursue a national policy aimed at dividing the society according to nationality. On the topic of nationality, national state and nationalism, it is necessary to note the works of such authors as B. Anderson⁷⁵⁸, E. Gellner⁷⁵⁹, E. Hobsbawm⁷⁶⁰, E. Smith⁷⁶¹, H. Setton-Watson and J. Urban⁷⁶², J. Broy⁷⁶³, K.R. Popper⁷⁶⁴, J. Acton⁷⁶⁵. Among Russian researchers – V.A. Tishkov⁷⁶⁶, F.A. Popov⁷⁶⁷, E.E. Ganaeva⁷⁶⁸, A.V. Vozhennikov⁷⁶⁹, A.V. Vinogradov⁷⁷⁰, I.G. Philippova⁷⁷¹, O.I. Pecherskih⁷⁷², N.V. Eremina⁷⁷³. At present, according to the opinion of Latvian scientists B. Zepa and I. Supule⁷⁷⁴, political elites contribute to tension in society: "They still use ethnicity in order to attract supporters in elections. Thus, it is politicians who become the main catalyst for ethnic tension". E.A.

⁷⁵⁶ Potapov A.K. Development of the processes of sovereignization in the socio-political activities of the Supreme Councils of the Baltic Republics (1988-1991) // The Political Network Electronic Journal of the Kuban State Agrarian University. 2015. № 111. P. 1 – 14.

⁷⁵⁷ Arenas I., Dzenovskaya D. To make "people": Political imaginary and materiality of barricades in Mexico and Latvia. Summary // Laboratorium. Journal of Social Research. 2010. № 2. P. 399 – 402.

⁷⁵⁸ Anderson B. Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. Moscow: KANON-PRESS-C KUCHKOVO FIELD. 2001.

⁷⁵⁹ Gellner E. Nation and Nationalism. M.: Progress. 1991.

⁷⁶⁰ Hobsbawm E. Nation and Nationalism after 1780 // Trans. with English. A.A. Vasilyeva. St. Petersburg: Aletya. 1998.

⁷⁶¹ Smith E. Nationalism and Modernism. A critical review of modern theories of nations and nationalism. M.: Praxis. 2004.

⁷⁶² Setton-Watson H., Urban J. Nationalism and its aspects // Problems of Eastern Europe. № 5 – 6 // URL: [https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1994-41-42/1994-41-42%20\(7-51\).pdf](https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1994-41-42/1994-41-42%20(7-51).pdf). 1982.

⁷⁶³ Broy J. Approaches to the study of nationalism // Nation and nationalism / B. Anderson, O. Bauer, M. Hroch et al. M.: Praxis. 2002.

⁷⁶⁴ Popper K.R. Open society and its enemies. T. 2: Time of the false prophets: Hegel, Marx and other oracles. Moscow: Phoenix, Int. Fund "Cultural Initiative". 1992.

⁷⁶⁵ Lord Acton. The principle of national self-determination // Nation and nationalism. M.: Praxis. 2002. P. 26 – 51.

⁷⁶⁶ Tishkov V.A. Essays on the theory and policy of ethnicity in Russia. M.: Russian world. 1997.

⁷⁶⁷ Popov F.A. The principle of the national state as a threat to the existence of a national state // In the collection: Cross-border Challenges to the National State St. Petersburg. 2015. P. 224 – 243.

⁷⁶⁸ Ganaeva E.E. Terrorism, nationalism and extremism as threats to national security and the state // International scientific publication modern fundamental and applied research. 2016. № 1(20). P. 200 – 204.

⁷⁶⁹ Vozhennikov A.V. National security in the context of the current political process in Russia: the theory and policy of ensuring: avtoref. diss. Doct. polit. sciences. - M.: 2002.

⁷⁷⁰ Vinogradov A.V. Problems of national security // Law and safety. 2003. № 3 – 4 (8 – 9). P. 66.

⁷⁷¹ Philippova I.G., Totkaya I.V. Istoriko-legal aspect of development of safety // Science and the present. 2015. № 36. P. 276 – 289.

⁷⁷² Pecherskih O.I. Nationalism as a factor of internal instability // Vestnik of the South Ural State University. Series: Social and Human Sciences. 2007. № 8 (80). P. 53 – 55.

⁷⁷³ Eremina N.V. National-political instability of the modern state: the problem of the influence of ethno-cultural communities on state development (European experience) // In the collection: Society and Ethnopolitics materials of the Fifth International Scientific and Practical Internet Conference. SibAgs; under the scientific. Ed. L.V. Savinova. 2012. P. 60 – 69./ Eremina N.V. National-political rift // Free thought. 2010. № 12 (1619). P. 21 – 34./ Eremina N.V. Growth factors of European ethnoradicalism on the example of the Scottish National Party and the Northern Ireland Party "Shinn Feyn" // Political Expertise: Politex. 2010. T. 6. № 1. P. 179 – 193.

⁷⁷⁴ Zepa B., Supule I. Latvian Submarine // Expert North-West. 2005. № 34. P. 239.

Tereshina⁷⁷⁵ noted that the post-Soviet space is characterized by the destroyed, in connection with the collapse of the Soviet Union and a unified security system. What influenced the formation of the security threat associated with the conflicts that arose in connection with the desire for the independence of states. After the end of the Cold War, post-Soviet states built their political programs on the basis of national interests. That allowed to take the course of development of a nation-state based on the protection and development of the individual, society and the state as a whole.

V.A. Smirnov⁷⁷⁶ noted that the problem of ethnicity has been exacerbated by the institution of non-citizenship since 1991. This moment is recognized as discrimination and violation of human rights. This problem was reported by such organizations as the UN, the OSCE, the Council of Europe, the PACE, the European Commission. Under the pressure of international institutions, the Seima of Latvia ratified the Council of Europe Framework Convention on the Protection of National Minorities in May 2005, with the repeal of the two provisions. Namely, the points where reference was made to the authorities in their native language and the use of their native language in topographical names. Non-citizens were excluded from the Convention by an additional declaration. In studies on national politics and national identity in Latvia, an important contribution was made by such authors as M.V. Berendeyev⁷⁷⁷, M.V. Kirchanov⁷⁷⁸, N.M. Mezhevich⁷⁷⁹, V.A. Smirnov⁷⁸⁰.

The entry of the Republic of Latvia into the European Union meant some loss of national identity, instead, integration into a single European society, improvement of the economic situation and the creation of a new political vector were proposed. As A.N. Salikov, I.N. Tarasov, E.E. Urazbaev⁷⁸¹ for Latvia the priority was to join NATO, which was a guarantee of

⁷⁷⁵ Tereshina E.A. Security problems in the Eastern European states of the post-Soviet space // *Theory of International Relations. Foreign Policy and Diplomacy*. 2012. №3. P. 123 – 133.

⁷⁷⁶ Smirnov V.A. Recruiting political elites in the Baltics: The role of ethnic factor // *The Baltic region*. 2013. № 4. P. 146 – 159.

⁷⁷⁷ Berendeev M.V. Development of nationalistic identities in the Baltic countries: the Latvian aspect // *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant*. 2014. № 6. P. 82 – 94./ Berendeev M.V. Modern trends of the Baltic States in the discourse of identity: between sovereignty and eurointegration // *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant*. 2013. № 6. P. 50 – 57.

⁷⁷⁸ Kirchanov M.V. The main directions and features of the development of the historiographic situation in modern Latvia // *Modern problems of science and education*. 2015. № 1 – 1. P. 1 – 9./ Kirchanov M.V. "Great narratives" as a universal form of reproduction of historical myths in modern Latvian historiography // *Modern problems of science and education*. 2015. № 1 – 1. P.1 – 8.

⁷⁷⁹ Mezhevich N.M. Russia and the Baltic states: some results and prospects of interstate relations // *The Baltic region*. 2015. № 2 (24). P. 7 – 8.

⁷⁸⁰ Smirnov V.A., Sutyryn V.V. Russia as an Irritant Factor for the Political Elite of the Baltic States in the Context of Electoral Campaigns 2010-2011: Expert View // *The Baltic Region*. 2011. № 2. P. 146 – 153.

⁷⁸¹ Salikov A.N., Tarasov I.N., Urazbayev E.E. Baltic vector of FRG foreign policy at the present stage of development of international relations // *The Baltic region*. 2016. T. 8. № 1. P. 86 – 96.

the security of the state's independence. On the relationship of Latvia with European institutions and NATO noted in the studies of A.I. Seregina⁷⁸², A.N. Sytin⁷⁸³.

In studies on the discrimination of the Russian-speaking population of Latvia, problems are noted, such as the fact that Russian-speaking residents of Latvia do not have the right to appeal to authorities in the Russian language, as well as to municipalities. They can not receive official information in Russian. V.M. Screannick⁷⁸⁴ wrote that the situation with the adoption of the Law on the state language was complicated by the provision on the transition of school institutions to the Latvian language, as the main language of instruction. This reform provoked a protest in the cities of Latvia "For the free choice of the language of education" in May 2003.

A.V. Filey⁷⁸⁵ noted that since the mid-1940's before the early 1990s in Latvia there was an increase in the number of Russian-speaking population. After the withdrawal of Latvia from the Soviet Union in the country, the socio-political conditions began to change. In the Latvian SSR special attention was paid to teaching the Russian language of Latvians in primary school, which ensured, in consequence, a good knowledge of the Russian language and allowed to continue education in Russian universities. In turn, the Latvian language in Russian schools was taught at a lower level. What was due to the practical need of the Russian language. So the Russian-speaking population in the Latvian SSR did not need to know the Latvian language because it was not necessary to use it. The transition from Latvian into Russian for a native speaker of the Latvian language was carried out on his initiative. The process of state language policy began to be held in Latvia after secession from the Soviet Union. The Latvian independent state in turn, through language policy, sought to weaken the influence of the Russian language and narrow its sphere of influence in all public spheres. Radical changes in Latvia's language policy after 1991 were followed by a new political course proclaimed by the political elite of independent Latvia, which was extremely unhappy with the current situation in the national language sphere. V.M. Alpatov⁷⁸⁶ pointed out that with language policy, the goal, which is language change, is always economic, political and cultural pressure. National minorities, who in this situation have to give up their native language, realize that they are forced to switch to another language, while understanding that this change entails material prosperity.

⁷⁸² Seregina A.I. Foreign trade policy of the EU and economic development of Latvia // Potential of socio-economic development of the Russian Federation in the new economic conditions. Materials of the II International Scientific and Practical Conference in 2 parts. 2016. P. 955 – 964.

⁷⁸³ Sytin A.N. Accession to the European Union and new foreign policy priorities of the Baltic States // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2009. № 2. P. 143 – 149.

⁷⁸⁴ Scrinnik V.M. Russian Diaspora in the Baltic States: Socio-Political Discourse and Problems of Consolidation // Uchenye zapiski Rossiyskogo Social'nogo Universiteta. 2009. № 2. P. 126 – 131.

⁷⁸⁵ Filey A.V. Problems of bilingualism and a survey of the sociolinguistic situation in Latvia // Socio- and psycholinguistic studies. 2014. № 2. P. 69 – 73.

⁷⁸⁶ Alpatov V.M. Language Policy in the Modern World // Scientific Dialogue. 2013. № 5 (17). P. 8 — 28.

This situation puts the representatives of one or another nationality before the choice of losing the mother tongue or remain in poverty.

N.M. Mezhevich⁷⁸⁷ noted that in Latvia, as in other Baltic countries, the basis of national-state identity is the ethnic form of social identity. In this case, there is a situation of confrontation, the so-called non-titular nations of state national policy. In Latvia, throughout the period since 1991, there has been a struggle with the Russian language, which is dictated by the perception of language as a key feature of national identity. On the principles of the national policy of Latvia and the situation of the Russian-speaking population, such authors as E.V. Brodovskaya and A. Vlodarskaya⁷⁸⁸, N.V. Kaledin⁷⁸⁹, A.Y. Babadjanov⁷⁹⁰.

On the Priorities of Latvia's Foreign Policy A.A. Naumov⁷⁹¹ noted that the basis of Latvia's foreign policy is the state's membership in NATO, which is the guarantor of the security system. In turn, the basis for a reliable and stable development of the Republic of Latvia is participation in the European Union. The side of Brussels Latvia accepts on the issues of relations between the European Union and the Russian Federation, while regarding relations with the Baltic republics, Riga takes a tougher stance compared to Lithuania and Estonia. The political elites of Latvia call for more vigilant relations with Moscow on the issues of the EU's Common Security and Defense Policy. The relations between Latvia and Russia within the framework of the "Baltic EU Strategy" are built on transport and logistics, diversification and liberalization of the regional market, as well as cross-border cooperation and ecology of the Daugava river basin. In the Eastern Partnership program, Latvia sees its role in enhancing its reputation in NATO as a Western presence at the borders of Russia. In the Northern Dimension, the Latvian government sees the following priority areas of cooperation: energy security, transport and logistics, ecology and health. The format of regional cooperation is the Council of the Baltic Sea States, which is oriented towards uniting approaches of coastal countries, common interests and problems. In the direction of this program, Latvia is interested in implementing energy and transport projects, interregional cooperation, improving the Baltic ecology, as well as in the development of cultural exchanges and countering crime. Also in the UN Latvia adheres to the line of the European Union and NATO. Here it is also necessary to note the studies of such

⁷⁸⁷ Mezhevich N.M. Identity and Boundary: Some Theoretical Questions and Practices in the Eastern Part of the Baltic Sea // *The Baltic Region*. 2014. № 3 (21). P. 95 – 106.

⁷⁸⁸ Brodovskaya E.V., Vlodarskaya A. Socio-political factors of post-communist transformation in the Baltic countries // *Izvestiya of Tula State University. Humanitarian sciences*. 2009. № 2. P. 152 – 162.

⁷⁸⁹ Kaledin N.V. Post-Soviet space: the premise and results of regionalization // *The Baltic region*. 2009. № 1. P. 1 – 23.

⁷⁹⁰ Babadjanov A.Y. Formation of the dialogue space "NATO post-Soviet states" // *Bulletin of MGIMO University*. 2011. № 6. P. 42 – 46.

⁷⁹¹ Naumov A.A. Priorities of the Foreign Policy of Latvia at the Present Stage // *Power*. 2012. № 10. P. 117 – 120.

authors as N.M. Mezhevich⁷⁹², E.G. Bolotnikova⁷⁹³, N.Y. Markushina⁷⁹⁴, I.N. Novikova⁷⁹⁵, K.K. Khudoley⁷⁹⁶, L. Shishelina⁷⁹⁷, I.N. Tarasov⁷⁹⁸.

The object of research is the foreign policy of Latvia.

The subject of the research is the position of the Russian-speaking population in the foreign policy of Latvia.

The purpose of the study is a detailed description of the efforts of the state authorities of the Republic of Latvia aimed at convincing international institutions that the problems existing in Latvia related to the situation of the Russian-speaking population are security problems, while the fact of the existence of a Russian-speaking population, from Russia, represents a security challenge for both Latvia and the whole of Europe.

The chronological scope of the work covers the period from the 1990s. to the present, during which the Latvian government considers the Russian-speaking population and Russia within the framework of security issues.

Objectives of the study:

- to define the key concepts for this research "securitization" and "desecuritization" as the types of political communication that are of increasing importance for international politics;

- describe the efforts of the state authorities of the Republic of Latvia, aimed at desecuritization of the position of the Russian-speaking population in Latvia;

⁷⁹² Mezhevich N.M. Eastern Europe. To the 100th Anniversary of the Political Project // The Baltic Region. 2016. T. 8. № 1. P. 26 – 47. / Mezhevich N.M. Foreign policy of the Baltic States and major infrastructure projects 2010 - 2014 // The Baltic region. 2014. № 1 (19). P. 7 – 28. / Mezhevich N.M., Sazanovich L.S. Modern Problems of Russian-Latvian Relations // The Baltic Region. 2013. № 3 (17). P. 93 – 106.

⁷⁹³ Bolotnikova E.G., Mezhevich N.M. The policy of the Northern Dimension: the current state and development prospects // The Baltic region. 2010. № 4 (6). P. 115 – 126. / Bolotnikova E.G. The renewed policy of the Northern Dimension and its impact on international relations of the subjects of the Russian Federation of the North-West Federal District // Vlast. 2012. № 2. P. 137 – 140. / Bolotnikova E.G., Mezhevich N.M. "Northern Dimension" and the European Union Strategy for the Baltic Sea Region // Pskov Regionological Journal. 2012. № 13. P. 37 – 47.

⁷⁹⁴ Markushina N.Y. External relations of the North-West Federal District of the Russian Federation and the concept of the "New North" // The Baltic Region. 2011. № 2 (8). P. 102 – 111. / Markushina N.Y., Cerpitskaya O.L. The concept of regional institutionalism // Scientific and analytical journal Observer – Observer. 2010. № 4 (243). P. 7 – 14.

⁷⁹⁵ Novikova I.N., Mezhevich N.M., Tarakanova A.D. Finland in NATO: the discussion of 2015 - 2016 and the position of political parties // In the collection: Baltic Studies in Russia Materials of the International Scientific Conference. under. Ed. A.P. Klemesheva, N.M. Mezhevich, G.M. Fedorova. 2016. P. 146 – 154.

⁷⁹⁶ Khudoley K.K., Novikova I.N., Lanko D.A. Innovative Education for the Baltic Region: the Experience of the Russian-Finland Cross-Border University // The Baltic Region. 2010. № 3 (5). P. 21 – 28.

⁷⁹⁷ Shishelina L. European choice of the Baltic states: preliminary results // Russia and the new states of Eurasia. 2009. № 3. P. 50 – 60. / Shishelina L. Eastern Europe: two decades between Moscow and Brussels // Modern Europe. 2008. № 4 (36). P. 73 – 86. / Shishelina L. The Visegrad Four and the European Union // Modern Europe. 2007. № 4 (32). P. 56 – 69.

⁷⁹⁸ Vorozheina Y.A., Maksimov I.P., Tarasov I.N. Euro-Atlantic Integration of the Baltic States in the Political Discourse of Germany // Power. 2015. № 10. P. 208 – 212.

- describe the transformation of the approaches of international institutions to the problems associated with the situation of the Russian-speaking population in Latvia, which occurred at the beginning of the 21st century;

- describe the efforts of the state authorities of the Republic of Latvia aimed at securitizing the role of the Russian Federation in Europe and the world, including Russia's influence on the Russian-speaking population in Latvia and throughout Europe.

The methodological basis of the dissertation is based on the works of the founders of the Copenhagen School of International Studies, which defined the concepts of "securitization" and "desecuritization", and also developed a methodological toolkit that identifies cases of securitization and desecuritization of certain problems in foreign policy of some countries with the goal of legitimizing certain actions in the eyes of securitization recipients and desecuritization are types of political communication, and accordingly for their characterization it is possible you need to use the created H. Lasswell model of political communication. As a source of communication, the authorities of the Republic of Latvia are considered in this work. As an addressee of the communication, international institutions are considered: the UN, the OSCE, the Council of Europe, the PACE, the European Commission. As a message in the case of desecuritizations, information is considered that problems related to the situation of the Russian-speaking population in Latvia, firstly, do not pose a threat to the security of Latvia and Europe as a whole, and secondly, the Latvian state authorities make considerable efforts to prompt solution of these problems. As a message in the case of securitization, information is considered that the Russian Federation as the legal and ideological successor to the Soviet Union poses a threat to the security of Latvia and Europe as a whole. And also, that the Russian-speaking population of Latvia, subject to informational influence from Russia, can also under certain conditions become a threat to the security of Latvia and Europe as a whole. Finally, as a feedback, the reorientation of the attention of the aforementioned international institutions to problems related to the situation of the Russian-speaking population of Latvia, to problems related to Russia and its information impact on the Russian-speaking population of Europe, to neighboring countries such as Latvia, and to European countries as a whole.

The source base of the work is based on sources proving that in the last quarter of a century the state authorities of the Republic of Latvia have been trying to convince international institutions that the problems associated with the situation of the Russian-speaking population in Latvia are insignificant and are quickly resolved. This includes the internal political documents of Latvia, the declared goal of which is the prompt "integration" of the Russian-speaking population into Latvian society in legal, political, economic and linguistic plans. Namely,

Citizenship Law⁷⁹⁹; Law On Stateless Persons⁸⁰⁰; On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State⁸⁰¹; Immigration Law⁸⁰²; The Constitution of the Republic of Latvia⁸⁰³; Amendments to the Citizenship Law 22.06.1998⁸⁰⁴; Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State 18.06.1997⁸⁰⁵/27.08.1998⁸⁰⁶/30.03.2000⁸⁰⁷/14.09.2000⁸⁰⁸/20.05.2004⁸⁰⁹. The legislative framework on the state language is represented by such laws as Official Language Law⁸¹⁰; Education Law⁸¹¹; Law On Institutions of Higher Education⁸¹²; Latvian Administrative Violations Code⁸¹³; Consumer Rights Protection Law⁸¹⁴; On Judicial Power⁸¹⁵; State Civil Service Law⁸¹⁶; On Meetings, Processions, and Pickets⁸¹⁷.

⁷⁹⁹ Legal acts of the Republic of Latvia. Citizenship Law. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57512> [11.08.1994].

⁸⁰⁰ Legal acts of the Republic of Latvia. Law On Stateless Persons. URL: <https://likumi.lv/ta/id/84393-bezvalstnieku-likums> [17.02.2004].

⁸⁰¹ Legal acts of the Republic of Latvia. On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State. URL: <https://likumi.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> [25.04.1995].

⁸⁰² Legal acts of the Republic of Latvia. Immigration Law. URL: <https://likumi.lv/ta/id/68522-imigracijas-likums> [20.11.2002].

⁸⁰³ Legal acts of the Republic of Latvia. The Constitution of the Republic of Latvia. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57980> [01.07.1993].

⁸⁰⁴ Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the Citizenship Law, 315/316 (1376/1377) URL: <https://likumi.lv/ta/id/50382-grozijumi-pilsonibas-likuma> [27.10.1998].

⁸⁰⁵ Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State, 171/174 (886/889) URL: <https://likumi.lv/ta/id/96472-grozijums-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [04.07.1997].

⁸⁰⁶ Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State, 256/266 (1326/1327) URL: <https://likumi.lv/ta/id/49688-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [11.09.1998].

⁸⁰⁷ Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State, 123/124 (2034/2035) URL: <https://likumi.lv/ta/id/4067-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [06.04.2000].

⁸⁰⁸ Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State, 336/338 (2247/2249) URL: <https://likumi.lv/ta/id/11112-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [27.09.2000].

⁸⁰⁹ Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State, 90 (3038) URL: <https://likumi.lv/ta/id/89490-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [04.06.2004].

⁸¹⁰ Legal acts of the Republic of Latvia. Official Language Law. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=14740> [21.12.1999].

⁸¹¹ Legal acts of the Republic of Latvia. Education Law. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=50759> [17.11.1998].

⁸¹² Legal acts of the Republic of Latvia. Law On Institutions of Higher Education. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=37967> [17.11.1995].

⁸¹³ Legal acts of the Republic of Latvia. Latvian Administrative Violations Code. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=89648> [20.12.1984].

⁸¹⁴ Legal acts of the Republic of Latvia. Consumer Rights Protection Law. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=23309> [01.04.1999].

⁸¹⁵ Legal acts of the Republic of Latvia. On Judicial Power. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=62847> [14.01.1993].

⁸¹⁶ Legal acts of the Republic of Latvia. State Civil Service Law. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=10944> [22.09.2000].

Decisions of the Cabinet of Ministers on the state language: Procedures for the Certification of Document Translations in the Official Language⁸¹⁸; Regulations regarding the Ensuring of Interpreting at Events⁸¹⁹; Regulations regarding Use of Languages in Information⁸²⁰; Regulations regarding Creation and Use of Place Names, Names of Institutions, Public Organisations, Undertaking (Companies) and Names of Events⁸²¹; Regulations regarding Usage of Foreign Languages in Seals, Stamps and Printed Forms⁸²²; Regulations on the State fee for the certification of the state language proficiency for professional and professional duties⁸²³; Regulations on the spelling and use of personal names in the Latvian language, as well as their identification⁸²⁴. In the Republic of Latvia, within the framework of the state language policy, the following regulatory acts have been established that regulate the use of the Latvian language: Guidelines for the State Language Policy 2005-2014⁸²⁵; Guidelines for the state language policy 2015-2020⁸²⁶.

The language requirements for professions are set out in Regulations Regarding the Amount of the Knowledge of the Official Language and the Procedures for Examination of Knowledge of the Official Language for the Performance of Professional Duties and Duties of Office, Receipt of the Permanent Residence Permit and Obtaining of the Status of a Long-term Resident of the European Union and the State Fee for Examination of the Fluency in the Official Language⁸²⁷.

⁸¹⁷ Legal acts of the Republic of Latvia. On Meetings, Processions, and Pickets. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=42090> [30.01.1997].

⁸¹⁸ Legal acts of the Republic of Latvia. Procedures for the Certification of Document Translations in the Official Language. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=10127> [29.08.2000].

⁸¹⁹ Legal acts of the Republic of Latvia. Regulations regarding the Ensuring of Interpreting at Events. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=10124> [29.08.2000].

⁸²⁰ Legal acts of the Republic of Latvia. Regulations regarding Use of Languages in Information. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=102667> [02.03.2005].

⁸²¹ Legal acts of the Republic of Latvia. Regulations regarding Creation and Use of Place Names, Names of Institutions, Public Organisations, Undertaking (Companies) and Names of Events. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=10130> [29.08.2000].

⁸²² Legal acts of the Republic of Latvia. Regulations regarding Usage of Foreign Languages in Seals, Stamps and Printed Forms. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=10122> [29.08.2000].

⁸²³ Legal acts of the Republic of Latvia. Regulations on the State fee for the certification of the state language proficiency for professional and professional duties. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=10125> [29.08.2000].

⁸²⁴ Legal acts of the Republic of Latvia. Regulations on the spelling and use of personal names in the Latvian language, as well as their identification. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=85209> [05.03.2004].

⁸²⁵ Guidelines for the State Language Policy 2005-2014. URL: http://www.valoda.lv/wp-content/uploads/docs/Normativie_dok/IZM_010305_Valsts_valodas_polit_pamatnost_2005-2014.pdf.

⁸²⁶ Guidelines for the state language policy 2015-2020. URL: http://www.valoda.lv/wp-content/uploads/docs/Normativie_dok/valstsvalodaspolitikaspamatnostadnes2014lidz2020.pdf.

⁸²⁷ Legal acts of the Republic of Latvia. Regulations Regarding the Amount of the Knowledge of the Official Language and the Procedures for Examination of Knowledge of the Official Language for the Performance of Professional Duties and Duties of Office, Receipt of the Permanent Residence Permit and Obtaining of the Status of a Long-term Resident of the European Union and the State Fee for Examination of the Fluency in the Official Language. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=194735> [14.07.2009].

The thesis also presents and analyzes the speeches of Latvian foreign ministers in the European Parliament since the restoration of independence: Y. Yurkans⁸²⁸, A. Pabriks⁸²⁹, S. Kalniete⁸³⁰, G.V. Kristovskis⁸³¹, G. Andreevs⁸³², R. Pīks⁸³³.

⁸²⁸ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Y. Yurkans // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/janis-jurkans> [02.12.2014].

⁸²⁹ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Artis Pabriks // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/artis-pabriks> [02.12.2014]. / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Artis Pabriks participates in the UN General Assembly // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18845-arlietu-ministrs-artis-pabriks-piedalas-ano-generalas-asambleja> [22.09.2004]. / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Artis Pabriks will meet with the Occupation Council Museum // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18740-arlietu-ministrs-artis-pabriks-tiksies-ar-okupacijas-muzeja-vadibu> [10.08.2004]. / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Artis Pabriks: "The large number of ethnic minorities in Latvia shows that life in our country is good" // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/20575-arlietu-ministrs-artis-pabriks-lielais-mazakumtautibu-skaitis-latvija-licina-ka-dzive-musu-valsti-ir-laba> [25.10.2005].

⁸³⁰ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Sandra Kalniete // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/sandra-kalniete> [02.12.2014]. / European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV (2014) 07-15 (8) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-104-000> [15.07.2014]. / European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV (2014) 07-15 (8) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-102-000> [15.07.2014]. / European Parliament. Situation in Ukraine and state of play of EU-Russia relations (debate). P8_CRE-REV (2014) 09-16 (4) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140916+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-045-000> [16.09.2014]. / European Parliament. Association agreement with Georgia – Conclusion of the Association agreement with Georgia (debate). P8_CRE-PROV (2014)12-17(17) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20141217+ITEM-017+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-742-000> [17.12.2014]. / European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV(2015)01-14(7) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150114+ITEM-007+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-285-000> [14.01.2015]. / European Parliament. Situation in Ukraine. P8_CRE-REV(2015)02-10(11) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150210+ITEM-011+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-355-000> [10.02.2015]. / European Parliament. Murder of the Russian opposition leader Boris Nemtsov and the state of democracy in Russia (debate). P8_CRE-REV(2015)03-11(13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150311+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-387-000> [11.03.2015]. / European Parliament. State of EU-Russia relations (debate). P8_CRE-REV(2015)06-09(3) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150609+ITEM-003+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-061-000> [09.06.2015]. / European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV (2015) 01-14 (7) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150114+ITEM-007+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-310-000> [14.01.2015]. / European Parliament. Strategic military situation in the Black Sea Basin following the illegal annexation of Crimea by Russia (debate). P8_CRE-REV (2015) 06-10 (13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150610+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-551-000> [10.06.2015].

⁸³¹ European Parliament. The future of Europe sixty years after the Second World War. P6_CRE (2005) 05-11 (16) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050511+ITEM-016+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-147> [11.05.2005]. / European Parliament. Protection of minorities and anti-discrimination policies in an enlarged Europe. P6_CRE (2005) 07-06 (27) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050607+ITEM-027+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-307> [07.06.2005]. / European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). P6_CRE (2009) 02-03 (15) // URL:

Latvia was one of the countries that in 2008 supported the establishment of a center in Tallinn NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence⁸³⁴ and is currently working closely with him.⁸³⁵ Strategic Communications Centre of Excellence⁸³⁶ in Riga works in various areas, such as public diplomacy, public relations, as well as information and psychological operations. He is actively working on strategic planning at the strategic and tactical levels. A virtual network is used to improve communications.⁸³⁷ NATO centers in Riga and Tallinn, based on research, draw conclusions and create mechanisms capable of countering the cyber threat from the Russian Federation.

Efforts by the state authorities of the Republic of Latvia to desecuritize the position of the Russian-speaking population in Latvia with the simultaneous securitization of Russia and the influence that Russia has on the Russian-speaking population of Latvia have been successful. In the thesis, the analysis of documents⁸³⁸ analyzed, which allowed to conclude that at the

<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-485> [03.02.2009].

⁸³² European Parliament. Estonia (debate). CRE 22/05/2007 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20070522+ITEM-018+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-360> [22.05.2007]. / European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). CRE 03/02/2009 – 15 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-484> [03.02.2009].

⁸³³ European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). P6_CRE (2009) 02-03 (15) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-482> [03.02.2009].

⁸³⁴ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence // URL: <https://ccdcoe.org/index.html>.

⁸³⁵ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Latvian Minister of Defence Briefed on Cyber Security // URL: <https://ccdcoe.org/latvian-minister-defence-briefed-cyber-security.html> [19.08.2015]. / NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Angela Merkel Briefed on Cyber Security // URL: <https://ccdcoe.org/AngelaMerkel.html> [24.08.2016]. / NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Experts: Multiple International Law Regimes Apply to Cyber Operations // URL: <https://ccdcoe.org/experts-multiple-international-law-regimes-apply-cyber-operations.html> [11.02.2016]. / NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Tallinn Manual Process // URL: <https://ccdcoe.org/tallinn-manual.html>.

⁸³⁶ NATO Stratcom Centre of Excellence // URL: <http://www.stratcomcoe.org>.

⁸³⁷ NATO STRATCOM. Centre present research to the Latvian Audience // URL: stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/6/17.aspx. / NATO STRATCOM. Centre present preliminary results of the study on internet trolling // URL: <http://stratcomcoe.org/lv/NewsandEvents/News/2015/7/30.aspx>. / NATO. Adapting to changed security conditions // URL: http://nato.int/cps/ru/natohq/opinions_120166.htm?#top. / NATO STRATCOM. Countering propaganda: NATO spearheads use of behavioural change science // URL: <http://stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/5/12.aspx>. / NATO STRATCOM. Canada contributes to capabilities of NATO Strategic Communications Centre of Excellence // URL: <http://stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/2/20.aspx>. / NATO Strategic Communications Centre of Excellence Riga. Centre's experts speak at international conference 'Russian Soft Power' in Rome // URL: <http://www.stratcomcoe.org/centres-experts-speak-international-conference-russian-soft-power-rome> [09.06.2016].

⁸³⁸ Publication of the Secretariat of the Organization for Security and Cooperation in Europe // OSCE Handbook. 2000. P. 243. / Congress of Local and Regional Authorities (Council of Europe). Recommendation 47 (1998) on democracy at the local and regional levels in Latvia, 28.05.1998. / UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination. Concluding remarks, CERD/C/304/Add.79, 23.08.1999. / European Commission against Racism and Intolerance (ECRI). Second report on Latvia, CRI (2002) 21, 14.12.2001. / Bureau for Institutions of Democracy and Human Rights of the OSCE. Final report on the parliamentary elections in Latvia, 20.11.2001. / Bureau for Institutions of Democracy and Human Rights of the OSCE. Final report on the parliamentary elections in Latvia, 20.11.2001. / UN Human Rights Committee. Concluding remarks, CCPR/CO/79/LVA, 01.12.2003. / UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination. Concluding remarks, CERD/C/63/CO/7, 10.12.2003. /

beginning of the XXI century there was a transformation of the approaches of international institutions to the problem of the situation of the Russian-speaking population in Latvia.

The scientific novelty of the study is due to the fact that in it:

- shows the efforts of the Latvian government to desecuritize the situation of the Russian-speaking population;
- shows the efforts of the Latvian government to securitize Russia and the impact it has on the Russian-speaking population of Latvia;
- for the first time the position of the Russian-speaking population in Latvia is viewed as an element of Latvia's foreign policy, not Russia;
- an analysis of Latvia's domestic and foreign policies vis-à-vis the Russian-speaking population and the Russian Federation;
- the analysis of the work of the Latvian government with international institutions was carried out before and after Latvia's accession to the Council of Europe, the EU, NATO;
- an analysis of Latvia's security issues and their changes has been conducted.

The theoretical significance of the work lies in the refinement of the theoretical and methodological toolkit, which makes it possible to identify cases of securitization and desecurization in the foreign policy of states.

Practical significance lies in two aspects. First, the materials of the thesis can be used to develop educational disciplines on the foreign policy problems of the Republic of Latvia, the domestic policy of Latvia, and the protection of minority rights in modern Europe. Secondly, the materials of the thesis can be used to develop recommendations for the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, other government bodies of Russia, as well as non-

Commissioner for Human Rights of the Council of Europe. Report on the visit to Latvia, CommDH (2004) 3, 12.02.2004. / The European Parliament. Resolution of the European Parliament on the report of the European Commission on the comprehensive monitoring of the Czech Republic, Estonia, Cyprus, Latvia, Lithuania, Hungary, Malta, Poland, Slovenia and Slovakia for their readiness to join the European Union. P5_TA (2004) 0180, 11.03.2004. / OSCE Parliamentary Assembly. Edinburgh Declaration 2004, Resolution on the Situation of National Minorities in Latvia and Estonia (05.07.2004 – 09.07.2004). / Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Resolution 1459 (2005) on the Elimination of Restrictions on the Right to Vote. / Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Resolution 1527 (2006) "On the Rights of National Minorities in Latvia". / Bureau for Institutions of Democracy and Human Rights of the OSCE. Republic of Latvia: Parliamentary elections, 08.02.2007. / Council of Europe Commissioner for Human Rights. Memorandum to the Government of Latvia, Strasbourg, CommDH (2007 г.) 9, 16.05.2007. / European Commission against Racism and Intolerance (ECRI). Third report on Latvia, CRI (2008) 2, 29.06.2007. / UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights. Latvia. Concluding remarks (E/C. 12/LVA/CO/1), 07.01.2008. / Special Rapporteur on contemporary forms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance. Report on the mission in Latvia to the UN Committee on Human Rights (A/HRC/7/19/Add.3) 05.03.2008. / Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europe; 03.12.2008. / Secretary General of the OSCE. Annual report 2001 on OSCE activities (1 November 2000 to 31 October 2001). 2001. / OSCE Latvia Parliamentary elections October 2, 2010 Final report // URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/latvia/75205?download=true> [2010]. / Memorandum of the Human Rights Commissioner, Alvaro Gil-Robles, on his visit to Latvia from 5 to 8 September 2003 for the attention of Ministers and the Parliamentary Assembly. / Memorandum to the Government of Latvia "Assessment of progress achieved in implementing the recommendations of the Council of Europe Commissioner for Human Rights from 2003". Strasbourg, May 16, 2007.

governmental organizations directly involved in the struggle to improve the situation of the Russian-speaking population in Latvia and other Baltic countries, and more broadly Europe and the whole world.

The degree of reliability and validation of the results. The degree of reliability of the results achieved in the work is determined by the use of recognized scientific research methods, and also by the fact that extensive empirical material was used during the study, namely state statistical data, regulatory legal acts of public authorities, materials of sociological research, official programs of state organizations.

The results of the research were approved by the author during the presentation at the IX St. Petersburg Interregional Conference "Information Security of Russian Regions (ISRR-2015), St. Petersburg, 2015.

And also scientific articles were published:

- Lanko D.A., Dolzhenkova E. Latvia in the Territorial System of International Relations: A View from Within and Outside // The Baltic Region. 2015. № 1. P. 73 – 88;

- Dolzhenkova E. The influence of Russian-speaking Latvian mass media on the results of public opinion // Vector TSU. 2015. № 2 (32 – 1). P. 73 – 77;

- Dolzhenkova E. The role of Latvia in ensuring the information superiority of NATO // Vector TSU. 2016. № 1 (35). P. 73 – 82.

Structure of the work. The work consists of an introduction, four chapters, each of which consists of three paragraphs, a conclusion and a list of literature.

CHAPTER I. POLITICAL COMMUNICATION AS AN EXTERNAL POLICY INSTRUMENT

§ I.1. POLITICAL COMMUNICATION IN INTERNATIONAL POLITICS

In the general definition, the term "securitization" is a process in which security issues are spreading to various spheres of society's life, while the spheres of distribution become more numerous. To date, research is also relevant in the field of security problems in the information and communication aspect. Security research in this direction became popular during the Cold War as a result of the use of "information weapons" in conducting secret "information operations" during the "information war". At the same time, there is an opinion that expressions such as "information war", "information terrorism", "information weapons" and the like are phraseological units (idioms), journalistic clichés designed to evoke corresponding emotions on the basis of associations created by the words "war", "terror" ", " Weapons ".⁸³⁹

The definition of "communication" is important when considering securitization, as an act of communication or information transfer. In linguistics, communication is the process of verbal interaction, the exchange of messages; communication is carried out by its participants through communicative acts, its units. Communicative situation is the interaction of the addressee and the addressee, and through the communicative acts carry out the process of transmission and exchange of messages. A communicative situation is that social environment in which a person enters the process of communication; it causes him certain communicative behavior that regulates his social relationships with other people.⁸⁴⁰

Speakers in the process of communication fill the language message with information that they have based on the situation in the surrounding society. The listener, according to the speaker's conviction, interprets the speaker's message based on the situation. The knowledge necessary to understand the speech message, that is, for its proper interpretation, may not be known to everyone. The necessary knowledge depends on history, living conditions, traditions, the education system and other factors. The belonging of the addressee and addressee to the same culture in many respects causes the possibility of communication and correct interpretation. Communicative competence consists of a person's ability to form correct conclusions from messages based on what is happening around. The psychological aspect of communicative action

⁸³⁹ Avetyan. A.L The process of securitization in the use of information and communication technologies // *Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace*. 2011. № 2. P. 3 – 12.

⁸⁴⁰ Kuznetsova L.V. Discursive parameters of a pragmatic decision-making situation in political communication // *Vestnik of the Irkutsk State Linguistic University*. 2014. № 2 (27). P. 293 – 299.

is the task, the motive, the intention and the goal, which in turn speaks about the possibility of modeling the situation of communication through the setting of communicative tasks.⁸⁴¹

In times of crisis, management levers are the ability to manage communications through models for generating and blocking information. The person himself can regulate the information flow, proceeding from the psychological mechanisms of working with information. Namely, a person from the surrounding environment takes exactly the information that corresponds to his interpretation.

The mechanisms of influence are persuasion, suggestion, infection, and all mechanisms are complementary. Mechanisms are taken into account when setting a communicative task that allows to narrow the audience taking into account its various interests, which leads to the creation of a strong information field. The existing two-stage model of information transfer, says that at the first stage information is transmitted, and on the second stage it is influenced. When planning information campaigns through the media (mass media) it is taken into account that the message transmitted through the media should be supported in interpersonal communication. "The processing of information by a person naturally follows certain cognitive mechanisms. The diagrams recorded in our minds allow us not to make the next analysis, giving an opportunity to rely on the previously outlined schemes".⁸⁴²

The problem of the impact of the communicative mechanism is relevant in crisis and extreme situations, advertising, public relations, military actions, etc. The problem of the communicative mechanism may be the backlog in the field of information technology, that is, the problem of technical means of voice communication. That can lead to an increase in crisis and extreme situations. When developing a systematic communicative impact, the following parameters should be taken into account: a sharp reduction in the number of controlled parameters; shift towards basic needs according to the Maslow scale; an increase in the overall role of information due to the lack of a clear and understandable interpretation of the events; transition from official to unofficial channels; creation of their own systems for life support and safety. Based on the above conditions, a simpler communicative system is created. The rational and psychological component of argumentation is lost - the mechanism of persuasion becomes the basis of communication.⁸⁴³

⁸⁴¹ Gerasimova N.I. Peculiarities of the phenomenon of business communication as a communicative type of activity // *Uchenye zapiski. Electronic scientific journal of the Kursk State University*. 2011. № 2 (18). P. 1 – 5.

⁸⁴² Volkova A.I. Features of the functioning of the mechanisms of communicative impact and personal safety in crisis situations // *Izvestia Southern Federal University. Technical science*. 2005. T. 48. № 4. P. 221 – 224.

⁸⁴³ Kasyanov L.Y. A new word as a result of cognitive-discursive mastery and interpretation of reality // *Modern problems of science and education*. 2012. № 3. P. 1 – 8.

The quality of information is determined by such parameters as timeliness, efficiency of reception, complexity, transmitted through the channels of social and intercultural environment. The channels, in turn, influence the nature of political decision-making. To make an adequate decision, it is necessary to study the problem situation through the collection, processing and analysis of information.

The mechanism for collecting information should be based on various communication channels. It is also necessary to establish a system for collecting and processing information based on phenomena occurring in the social and intercultural environment.

The processing engine divides the information into primary and secondary. "Primary information is a poorly ordered set of facts that characterize a particular phenomenon or event; information coming from direct participants in the events or for the first time made available through targeted search ". Primary information can come from participants in events, from the media, from internal channels of government bodies and from surveys.

"Secondary information is information obtained as a result of an intuitive-logical comprehension of real facts, events and phenomena - primary information". Secondary information can come from consultations with experts and analysts, and from reference and information sources.

The received information has a formalized form - in the form of specific physical media and an unformalized form - at the level of intuition. Subjective information, in many cases, plays an important role in making political decisions, because it underlies the psychological state of the political actor who takes a decision. Communication acts as a mechanism for structuring and streamlining the political process, creates conditions for communication channels and provides information to the process of making political decisions. Since the resolution of the problem situation is impossible without the participation of persons affected by the situation, there is such a mechanism for obtaining information, as a public opinion poll. That allows to receive the most actual information on the developed problem. Thus, the quality of the communication system between the population and public authorities can be assessed through the rational resolution of a particular problem situation.⁸⁴⁴

E.N. Gogoleva⁸⁴⁵ leads some of the activities of communication processes in public authorities:

- communicative efforts to form, develop and mobilize management activities;

⁸⁴⁴ Voinov A.S. Features of communication in the process of political decision-making // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2013. № 4. P. 1 – 3.

⁸⁴⁵ Gogoleva E.N. Peculiarities of communication relations between government and society: theoretical and methodological aspect // Izvestiya of Tula State University. Humanitarian sciences. 2008. № 1. P. 110 – 120.

- communication in all campaigns organized to gain support in favor of any party, the achievement of the goal, the implementation of a specific policy of government bodies;
- a variety of processes in the course of which the expression, measurement, dissemination of public opinion is carried out, as well as their management;
- informing the public, explaining the essence of the policy;
- the process of socialization, formation and development of social consciousness.

Thus, "communication is the most important component of the sphere of power relations in the society".

There is a process of political communication, in which the interaction of political structures of public administration with the public masses, for further management. The process of management is understood as the decision-making process: "A management decision is an act adopted by a legitimate management body with the goal of establishing norms of behavior in the social community in order to achieve the goals that have been worked out." "The state decision is the choice of the purposeful influence of the subject of state administration on the social reality, fixed by an official act". The system of state administration also uses legitimate forms of social communication and legal means of interaction with individuals and groups. In turn, the collective will of citizens is manifested in the official decisions of the state.⁸⁴⁶

L.R. Tukhvatulina⁸⁴⁷ noted that the most famous model of communication is the H. Lasswell model, published in 1948. The "Lasswell model" includes five elements: communicator, message, medium (channel of communication), recipient, effect. The model was used to provide structural organization to discussions about communication. Thus, each of the five elements is the area of analysis of the communicative process. R. Braddock added two more elements to the model: goal, conditions. The purpose, with which the communicator speaks and the conditions in which the communicative act proceeds. G. Gerbner marked the dependence of the model of the communicative act on the type of communicative situation.

Communication - a direct impact on the recipient, which acts only as an object that reacts to perceived information on the principle: stimulus - reaction. Structural Elements of the Model H. Lasswell⁸⁴⁸ are also questions:

1. Who is speaking? - a communicator is an instance that organizes and controls mass communication;

⁸⁴⁶ Smorgunov L.V. Government policy and management. Textbook. At 2 o'clock Part II. Levels, technologies, foreign experience of state policy and management // Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2007.

⁸⁴⁷ Tukhvatulina L.R. Principles of classification of communication models // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2006. № 7. P. 49 – 53.

⁸⁴⁸ Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / Ed. L. Bryson. New York: Harper and Brothers. 1948. P. 37 – 51.

2. What does it say? - analysis of message content;
3. To whom? - analysis of the audience;
4. What channel? - analysis of funds;
5. With what effect? - analysis of the result, namely, the consciousness or behavior of the recipient has changed or not changed.

Political communication by the model of H. Lasswell is an incentive process that determines the relationship between the sender and the addressee, what kind of inquiry is this and the answer. In H. Lasswell's model it is asserted that the transmitted message always causes the expected effect, which in practice is not always possible. Therefore, so important are the additions of R. Braddock, under what circumstances and for what purpose the message is sent. The additions of R. Braddock interrupt the direct relationship between the sender and the addressee of the message, which makes the model applicable to the study of both political and other types of communication.

K. Shannon and W. Weaver⁸⁴⁹ denoted the following five elements of the communication process: the source, the message, the signal converter, the receiver of the signal, the target. The work of this model is as follows: the information source creates a message that arrives at the transmitter, becoming a signal adapted for transmission on the communication channel leading to the receiver, which restores the message from the received signal and delivers it to the addressee. This model takes into account factors such as interference with the transmission of several messages, so that the message received by the recipient may be different from the sender's message. Thus, K. Shannon and W. Weaver have shown that messages sent via communication channels do not in all cases lead to the expected results. To avoid unexpected results, M. DeFleur in 1970 supplemented this model with a feedback loop.⁸⁵⁰ Namely, he supplemented the model with the correspondence of two semantic values to the initial and final semantic values. Thus, the essence of communication is expressed in accordance with the information received from the sender and the addressee. Based on the additions of M. DeFleur, communication passes through the following stages. The source of the communication act formulates a value which, in the form of a message, is sent to the transmitter. The message, converted in the transmitter into information, is sent to the receiver via channels (media, etc.). At the receiver there is a decoding of "information": it turns into a "message", which is transformed by a "controlled destination" into a value. The feedback line allows to solve the problem of possible discrepancy between the initial and restored "values".

⁸⁴⁹ Shannon K., Weaver W. *The Mathematical Theory of Communication* // Urbana: University of Illinois Press, 1949.

⁸⁵⁰ DeFleur M.L. *Diffusing Information* // Society. 1988. V. 2.

If we consider communication political, then it can be represented as a relationship between managers and managed. J.-M. Cotteret⁸⁵¹ revealed the following lines of interaction between the participants of political communication. All managers are members of the political community, but not all managed are included there. These relations include the interpenetration and mutual influence of managers and administrators. In the context of the expansion of the political community, the relationship between managers and managers becomes intersectional.

J.-M. Cotteret argues that the exchange of political information between managers and administrators is regulated by the means of social institutions (elections, referendums, etc.). The very same political communication is carried out through the media, and political and non-political organizations are participants. Elites occupy the main place in the system of political communication, exercising their power through intermediary links (bureaucratic apparatus, etc.).

In its turn, K. Sinne⁸⁵² notes the fact that there is a continuous exchange of information between the elite, the bureaucracy and the masses, in which the elites seek, through transmitted information to the masses, to their own legitimacy.

Dutch researchers J.L. Bordwick and B. van Kaam⁸⁵³ suggested models of alternative types of information movement. The broadcasting model is the dissemination of information from the center simultaneously to many subscribers on the periphery. Dialogue model - information agents, independently choosing the time, place and subject of the message, communicate among themselves, ignoring the center or intermediaries. The consulting model - the information agent, located on the periphery of the communication chain, is looking for the necessary information in the central information store. Registration model - the center requests and receives information from a peripheral source. In practice, these models complement each other.

From the model of H. Lasswell it follows that mass communication is a goal-oriented process of communicator's impact on the target audience by messages. The impact is carried out through the media. The audience, in turn, is isolated from each other people who do not have horizontal links among themselves and individually consume propaganda information directed along vertical channels of unilateral mass communication. This circumstance leads to a low criticality of the masses, while an effective informational influence of the propagandist is achieved. The influence of the propagandist is mainly directed toward mass preferences, and the instruments of influence are symbols that are significant for objects of influence.

⁸⁵¹ Cotteret J.-M. *Gouvernants et gouvernés: La communication politique*. 1973.

⁸⁵² Sinne K. *Communication: Mass Political Behavior // Political Communication and Strategies for Research*. Ed.: S.H. Chaffee. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications. 1975. Vol.4.

⁸⁵³ Bordewijk J.L., Kaam B. van. *Towards a classification of new teleinformation services // Intermedia*. 1986. Vol. 14. P. 16 – 21.

U. Lippman⁸⁵⁴ noted that stereotypes substitute for political consciousness in the public consciousness, and the mass media, in turn, form these stereotypes. Stereotypes are based on superficial knowledge, which were formed in society as a result of information received through the channels of mass communication. Thus, a political pseudo-environment is formed, with which public consciousness interacts.

J.-M. Cotteret – Political communication is a relationship of symmetrical and asymmetrical interpenetration and mutual influence between managers who are members of the political community and are managed. R.J. Deibert⁸⁵⁵ believed that the main role of political communications is the distribution of power within society and the change in mass consciousness.

S.V. Volodenkov⁸⁵⁶ notes studies by such authors as K. Sinne, which pointed out that with the growth of democratization within civil society, the role of horizontal communications grows. In such conditions, political information corresponds to the interests, needs and values of citizens. Horizontal communication competes with vertical communication initiated and controlled by state authorities. And also D. Svenson, who introduced the concept of the political-media system, implying under it, the set of relations between the media and state-political institutions in the field of their interaction with society. The main function of political communication is a semantic interpretation of the messages and the role of political leaders, state institutions, the media and members of the public in the political system. Thus, representatives of the political system interpret the content and results of political events, phenomena and processes based on their own interests.

S.V. Volodenkov notes the main characteristics of modern political communication. Non-systematic information and communication impact is not political communication, as it is random and chaotic. Effective political management is possible with the communication technologies of interactive propaganda and horizontal information and communication interaction of political actors. Communication of participants in the process of political communication has a competitive character and is manifested as a struggle for the dominance of their own values, images, perceptions and meanings. To implement the processes of political communication, an infrastructure is needed that includes information resources, communication channels, generators of political content and technology. The essence of information

⁸⁵⁴ Lippman U. Public opinion / Trans. with English. T.V. Barchanova. Translation editors K.A. Levinson, K.V. Petrenko. - Moscow: Institute of the Foundation "Public Opinion". 2004.

⁸⁵⁵ Deibert R.J. *Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation* // New-York: Columbia University Press. 1997.

⁸⁵⁶ Volodenkov S.V. *Internet communications in the global space of modern political management* // Prospect LLC. 2015.

confrontation is the struggle for the displacement of the pseudo-reality constructed in the course of political communication in the direction desired by the actor. The competitive nature of ideologies, meanings, symbols and values broadcast in the communication space, causes the tendency of radicalization of their political content.

According to the theory of "framing" the interpretation of information by people is influenced by the existing value structures.⁸⁵⁷ The audience when processing information relies on a reality built on the basis of personal experience. There are three options for processing news information. "Active processing" - the individual is looking for additional sources of information, since information is always incomplete. "Reflexive integration" - the individual ponders or discusses with others the information of the mass media (QMS). "Selective Scanning" - from the whole content of messages the individual perceives only that which is consistent with his existing representations.

There are two types of frames: QMS frames and individual frames. "Frames are the central organizing idea or story that bring meaning to the sequence of events ... the essence of the message." "Individual frames are clusters of ideas stored in the brain of an individual and which guide the process of processing information." In the processing and interpretation of political information, such types of frames as global political views and short-term events are involved. QMS determine the significance of the stories for the audience. Thus, they make the audience consider some problems more important than others.

Conflicts in the information society are an indispensable attribute. K.A. Pantserev⁸⁵⁸ leads the conclusion of M. Castells "Information age marks the emergence of a new type of society, which is characterized by the deployment of information and communication networks and in which information flows have priority".

K.A. Pantserev concretizes the judgment of M. Castells that information and exchange of information occupied a significant place throughout the history of mankind. Namely, the information status began to acquire in the XIX century, when the newspapers became a profitable enterprise, and at the present time the modern information technologies, which do not have limitations for printed journalism, radio and television, are a new form of information dissemination.

K.A. Pantserev suggests using the term "information society", which, in his opinion, is the most capacious: "In fact, the term" information society "is synonymous with" information age "," information age "," information age "," postindustrial society "and represents a synthesis

⁸⁵⁷ Kolesnikova S.V. Theoretical analysis of communication problems in psychology // Bulletin of Tomsk State University. 2011. № 352. P. 183 – 186.

⁸⁵⁸ Pantserev K.A. Information society: Evolution of the concept in the historical perspective // Bulletin of St. Petersburg State University. 2010. Series 6. Issue 1. P. 65 – 72.

of such concepts as "networked society", "information capitalism" and "informationalism", and means basically a transition to an economy and a new type of society in which information, thanks to the active use of the latest information telecommunication systems, acquires a new global dimension and becomes the determining resource for the further development of mankind".

S.M. Vinogradova⁸⁵⁹ notes that in the twentieth century there was a confrontation between two information camps - Western European, with its colonies, and the USSR, with the countries of the socialist camp. "The information and political division of the world in the twentieth century was of a polar and group nature, and in each group there were dominant powers that formed information policy in the region as a whole." State, commercial and public media control systems, individually, do not ensure pluralism of access to the mass media.

After the collapse of the USSR, the world ceased to be bipolar and became more complex. States have promulgated new principles of free access to information. So the Council of Europe's Council of Europe Directive on cross-border television was aimed at ensuring the free circulation of television programs in the territory of the European Union and the liberalization of the media market.

The Okinawa Charter of the Global Information Society (July 22, 2000), adopted by the leaders of the G8, was called upon to eliminate the international gap in information knowledge. In the charter, information and communication technologies were seen as a stimulus for the development of the world economy. Since that time, non-governmental organizations, intergovernmental institutions (UN, NATO, OSCE), transnational organizations and national media are also becoming parties to international cooperation.

The development of new information and telecommunication technologies contributes not only to cross-border information exchange, but also affects economic, social changes, as well as relations between countries.

S. M. Vinogradova cites the following provisions of media imperialism. Global media contributes more to dependency than to the opportunities for economic growth of national media. An unbalanced flow of media content destroys cultural autonomy or delays its development. News imbalance enhances the world's power of large and prosperous news-sending countries and impedes the strengthening of national identity. Global media flows lead to cultural homogenization and synchronization of cultures, highlighting the dominant form of culture that has no connection with the real life of most people.

⁸⁵⁹ Vinogradova S.M., Melnik G.S. Problems of overcoming inequality in international information exchange // Humanitarian vector. 2012. № 2 (30). P. 239 – 246.

Also, let us cite the notion of "information imperialism", which was used in Soviet political theory, to characterize "the policy pursued by monopoly capital dominating the media of the major capitalist states." The content of information imperialism can be characterized as follows: "For successful penetration, a power striving for domination must seize public media". At the same time, the main task of information imperialism is to "establish control over the information and communication sector of developing countries by the world's largest transnational media concerns".⁸⁶⁰

Further we will consider on the basis of what and how the situation in Latvia, created by the Latvian government visually demonstrates the action, the model of H. Lasswell, supplemented by R. Braddock. In which the important are such elements as who says what informs, to whom, by what channel, with what effect, under what circumstances and for what purpose. And the model itself is the model of political communication most suitable to the concept of securitization.

V.A. Smirnov⁸⁶¹ proposes to assess the role of the Baltic republics in the post-Soviet space. The author cites the typology of the states of M.V. Ilyin⁸⁶², where small countries are characterized by a small territory and population, as well as a complex of dependence and the lack of an independent position in international relations. The limitation of the possibilities for the functioning of these countries is due to the fact that their representatives are diplomatic intermediaries, and the territory is in the peripheral zone. The border-transit situation, in turn, creates the dependence of the possibilities of small countries on the leading states-participants in international relations. In this connection, the author cites the thesis of A.D. Bogaturov⁸⁶³, where it is noted that the Baltic countries have not been able to become prominent participants in global politics, but at the same time these countries create their political, ideological and financial-economic capital indirectly. Namely, creating "conflicting knots" in relations between Russia and the West, as well as Russia and the United States. Small countries do not have any significant resources to promote their interests in the international arena, except diplomacy.

Latvia, like Lithuania and Estonia, adheres to a pro-American geopolitical orientation, where the United States is the guarantor of sovereignty for the following reasons: The United States did not recognize the legality of the accession to the USSR of the three Baltic republics, and the United States is a counterbalance to Russia in the Baltic region. For these reasons, the

⁸⁶⁰ Pantserov K.A. Information Imperialism: The Obstacle to Independent Development in the Tropical African Countries // *Political Science*. 2009. № 114. P. 355 – 362.

⁸⁶¹ Smirnov V.A. On the role of small countries in the restructuring of the post-Soviet space (on the example of the Baltic) // *The Baltic region*. 2014. № 4 (22). P. 48 – 56.

⁸⁶² Ilyin M.V. Is a universal typology of states possible? // *Political Science*. 2008. № 4. P. 8 – 41.

⁸⁶³ Bogaturov A.D. The temptation is Reagan. Limitrophs become a significant factor in US policy on the Russian direction // *Nezavisimaya gazeta*. [22.05.2006].

behavior of the political elites of the Baltic countries is regarded as provocative in relations with the post-Soviet space. At the same time, small countries have the necessary mobility and the ability to quickly respond and reorient in important geopolitical issues of international relations.

The foreign policy of the Baltic states has not lost its character of confrontation since joining NATO and the EU. The Institute of Non-citizens continues to operate in Latvia and Estonia, in turn, there is an intensification of historical politics and exploitation of the threats associated with Russia. To determine the basic political idea, Latvia's political leaders use a mechanism of a political-ideological nature, namely, they put forward provisions on "Soviet occupation" and "Russian threat".

One of the conditions for the functioning of state institutions is legitimacy. Since the concept of "postcommunism" was problematic in the last decade, now the problems of the communist heritage give way to problems of institutional dysfunction of "young democracies" in Latvia, Lithuania, Estonia and other countries of Eastern Europe. The source of the same legitimacy in Latvia is the ideology of liberal democracy promoted by the Euro-Atlantic community.

External support for democratic institutions in Eastern Europe, expressed by political and advocacy work, is necessary because of the weakness of social prerequisites for strengthening these institutions and the formation of party systems.

The vulnerability of democratic institutions in Latvia began to be discussed against the backdrop of the Ukrainian crisis, which raised the issue of granting non-citizens the right to participate in the political life of the state. At the same time, there is a provision that the defense of democracy presupposes the existence of external and internal "Enemies".

One of the main factors of the legitimacy of political regimes in Latvia, Lithuania and Estonia was the slogan "return to the West", which also serves as the basis for political conflicts. In Latvia, as in other Baltic countries, the government has two political vectors associated with the denial or acceptance of the thesis of "Soviet occupation." Parties that deny the act of "Soviet occupation", become in opposition and have a pro-Russian character. In turn, in the Latvian party system, there is an effect of sealing the ruling elites, due to the split of parties according to their ethnic character. Thus, parties representing a Russian-speaking minority are not allowed to form the governing coalition and the government. The ruling parties of Latvia adhere to the ideology of ethno-nationalism and are competing with the "Concorde Center" party. The "Concorde Center" party is the party supporting the Russian-speaking minority on certain issues.

The lack of legitimacy of the political regime in Latvia, caused by the weakness of the party system and political institutions discriminating against the national minority, led to a

situation where a justification mechanism for discrimination is being developed. Namely, the justification of the institution of non-citizens. In the same connection, there was a process of giving legitimacy to such political groups as the "Popular Front". Thus, the members of the "Popular Front" subsequently took the place of the ruling political elite and created a government apparatus based on the ideology of ethno-nationalism. The topic of "Soviet occupation" was also widely spread, which justified and gave a positive character to another topic - namely, the topic of returning to the West. In this context, it is appropriate to note the debate about the securitization discourse, where the ruling political elites of Latvia talked about protecting the state from the "Russian threat" through the early incorporation of Latvia into NATO and the EU.

The weakness of the legitimacy of the political regime in Latvia has led to a situation in which there is a need to artificially support the consolidation of society and political elites. In this connection, in Latvia the topics related to the formation of the image of the "Enemy" and "Victims" are actively promoted, which also happens with the help of historical policy instruments.⁸⁶⁴

The image of the so-called "Other" takes a special role in political processes. E.V. Morozova notes that the "Other" and its image is an instinct in the individual's mind, "associated with self-determination in the social and political space on the basis of singling out individuals, groups or institutions that define boundaries of identity and possess characteristics relevant to it"⁸⁶⁵. Political identification is impossible without the image of the "Other", since only in comparison and discourse the subject will be able to understand the world and himself.

The image of the "Other" in the political model of tolerance is represented by the formula "I-another-another", in the model of intolerance "I-another-alien-enemy". These transitional models and the transition from the first to the second in periods of socio-political crises are accompanied by the acquisition of one's own identification by creating a negative "Other".

Maintaining a "victim complex" helps to adapt to the crisis. This negative identity is observed in the post-Soviet states. In turn, this justifies the actions against "Alien" or "Enemy".

Creation of the image of "Alien" is built with the help of such technologies as mythologization, stereotyping, discrediting, unification, attribution of antivalues, branding, anonymization and dehumanization. Among the listed technologies, the most common is dehumanization. Dehumanization is "a complex of ideas and actions allowing to present political opponents as actors deprived of human principles and, therefore, to justify almost any actions against them". The role of dehumanization technology is determined by its goals, which can be

⁸⁶⁴ Smirnov V.A. On the issue of crisis trends in the sphere of legitimacy of political regimes in the Baltic countries // *The Baltic region*. 2015. № 4 (26). P. 51 – 72.

⁸⁶⁵ Morozova E.V. Dehumanization as a technology for forming the image of another / foreign in politics // *Srednerussky Vestnik Social Sciences*. 2015. T. 10. № 6. P. 121 – 128.

the following: "political identification, legitimation of the existing political order, political mobilization, discrediting of a political competitor, removal of responsibility for political failures, psychological compensation, value orientation and political socialization".

In Latvia, in the work of government structures, politicization of history is often used, which is an ideological mechanism in state building. Political elites seek to consolidate society in their state, resorting to the use of myths, memorable dates, symbols that are a memory of the past. Historical politics is a set of measures used to promote specific interpretations of past events in a certain society with the aim of giving specific events a certain meaning necessary for political elites to achieve political goals. Subjects of historical politics can be both the state as a whole, and political parties, and influential social groups. Historical politics is a mechanism for the invention of traditions that serve to achieve the goals of political elites. Interference of political elites in history, and then its politicization is carried out in the following directions: "creation and support of institutions for the conduct of historical politics; adoption of laws affecting the subject of the past and the policy of memory; direct participation or support of specific activities directly affecting the policy of memory; Participation in debates about the past and use of the past in political rhetoric ".

Latvia, like the other countries of Eastern Europe, after the withdrawal from the USSR for the implementation of the goals in domestic and foreign policy began to actively use the mechanism of politicization of history. Thus, many issues began to be considered from the standpoint of the victim, in addition, the politicization of history helped in the political struggle against the opposition and in solving issues on the international arena.

During the 1990s, to 2000s in Latvia there was a process of formation of a new political regime, as well as a policy aimed at joining international institutions. Formation of political regimes of that time led to the implementation of the policy of nationalism in the state. Thus, historical politics, as a mechanism, by means of which it is possible to achieve a mass agreement of the society to justify ideological policy and, therefore, the existence of certain political groups in power, was in great demand among political elites in Latvia. During this period, an institution of non-citizens is created that does not allow members of national minorities to participate in the political life of the country. And also, at the same time, various museums and commissions are being created, one of which is engaged in counting the damage received by Latvia from the "Soviet occupation". Thus, communism was also declared a problem called "the legacy of communism". This was also a way to introduce the ideology of democracy, with the subsequent entry into international European institutions. In turn, the policy of ethno-nationalism excluded

the possibility of participation of national minorities to participate in political processes, which allowed to preserve the position of the ruling political elites.

The period of Latvia's accession to the EU and NATO in 2004 is characterized by the beginning of the policy of promoting European identity to the borders of the Russian Federation, as well as the intensification of confrontation in the sphere of historical politics.

Since 2010, the process of active development of the idea of "Victims of the totalitarian regime" began in Latvia, which led to the equating of communism with nationalism. Promotion of the image of "Victim" and the image of "Enemy" gives an opportunity to obtain additional resources from the EU and NATO countries to protect themselves from external threats. The external threat is the "Russian threat". This idea received special attention after the crisis in Ukraine, which enabled the political elites of Latvia to point out the proximity to the borders of the Russian Federation and the residence of Russian-speaking residents as a direct proof of the danger to the state as a whole.⁸⁶⁶ A special role in the security of Latvia is played by ethnic minorities, as well as the possibility that they can become a source of security threats.⁸⁶⁷ Russia paid much attention to the issue of Russian-speaking residents in the context of foreign policy strategy. Moscow sought to maintain and increase its influence in the Baltic States, using statements about "human rights violations", discrediting the Baltic countries in international forums.⁸⁶⁸

The mechanism of political communication is an important means of communication, through which communication takes place both in the social, political sphere, and in the sphere of international relations. The political apparatus of one state communicates with the governments of other states, influences its internal and foreign policy, and also influences the civil society of its state and other state through communication channels. Through the channels of communication used, one can influence the opinion of civil society both within the state and outside it. If the civil society of one state is divided according to one or another characteristic, for example, according to nationality in Latvia, then the mechanism of political communication is visible, under which the ruling elite of Latvia influences public opinion, i.e. ethnic Latvians and the Russian-speaking population. When using certain methods of communication, the government creates a certain tension between the two ethnic groups living in the same territory. And it also influences the mood of the population living outside of Latvia. This population group

⁸⁶⁶ Smirnov V.A. The Role of Political Elites in the Formation of Historical Politics in the Baltic Countries // *The Baltic Region*. 2015. № 2. P. 78 – 97.

⁸⁶⁷ Ozolinya J. Latvian Security Policy // *The Baltic States: Search for Security*. 1996. P. 29 – 57.

⁸⁶⁸ Stranga A. The Baltic States in the European Security Architecture // *Small States in a Turbulent Environment: The Baltic Perspective*. 1996. P. 11 – 59.

may refer to Latvian emigrants, people who lived in Latvia, as well as to other groups that somehow belong to the Latvian civil society.

The mechanism of political communication, which affects the interests, questions, topics and problems of more than one state, and also when certain issues go beyond the domestic policy of one state, introduces certain provisions into the sphere of international relations. In the Republic of Latvia, problems associated with the Russian-speaking population and the institution of non-citizens are identified. In this case, the indicated problem is internal, but also has the nature of the problem of foreign policy. In the interaction of Latvia with international institutions, this problem was and is one of the main and requiring problems. The second factor that gives the international character to this problem is the belonging of the Russian-speaking population to the Russian Federation. So the Russian-speaking population residing in the territory of Latvia is in the interests of Russia.

Through the channels of the mechanism of communication, there is a process of informing different population groups on various issues. Regarding Latvia through the channels of communication in the sphere of security, the problem of the presence of the Russian-speaking population on the territory of the state, which is in the interests of Russia, is introduced. Here, the mechanism of political communication enters the sphere of international relations, since the mentioned problem affects the political sphere of Latvia, Russia and the European Community.

To introduce the issue into the security sphere, the conditions under which this process takes place and the purpose of this process are important. The introduction into the security sphere of the "Russian threat" in Latvia took place in conditions when the state was preparing to withdraw from the Soviet Union. Before leaving the USSR in Latvia, the process of recreating national symbols and values was underway. Along with these processes, political programs were created, based on the protection of national values. Thus, the "Russian" population was the "Enemy" or threat to security. The Latvian government pointed to the possibility of the Russian Federation to resort to military action in order to protect the Russian-speaking population in Latvia. Political elites, in the process of communicating with the public and in political discourses, filled messages with information based on the situation in the surrounding society. At that time, there were people in the territory of the Republic of Latvia who came to the territory of the state within the framework of the economic policy of the USSR, namely the military, workers and other groups of the population. The reports of the political elites of Latvia contained a national character and were aimed at ethnic Latvians.

Thus, the situation in Latvia, created by the Latvian government visually demonstrates the action, the model of H. Lasswell, supplemented by R. Braddock. In which the important are

such elements as who says what informs whom, by what channel, with what effect, under what circumstances and for what purpose, is the model of political communication most suitable to the notion of securitization. What also proves that the Latvian government has securitized the Russian-speaking population to achieve their goals, namely, giving legitimacy to their actions.

§ I.2. SECURITIZATION AS A FORM OF POLITICAL COMMUNICATION

The notion of securitization is most consistent with the model of political communication proposed by R. Braddock. Thus, the description of any act of communication should include answers to seven critical questions. To the question "Who?" The securitization theory is answered by the "securitization agent", to the question "What?" - "this or that problem is a security problem". The question of the communication channel is secondary to the theory of securitization. To the question "To whom?" The securitization theory answers "to the participants of one or another discourse", to the question "For what purpose?" - "for the purpose of legitimizing certain emergency measures", to the question "With what result?" - securitization is successful, if legitimization of emergency measures occurs.

Security threats are not given a priori, but are constructed by subjects in the political process of securitization. Securitization is not a spontaneous process, but depends on the conditions associated with the duration of historical hostility between states, with the balance of forces between states.

In modern international relations, most of the security threats are of a territorial nature and depend on geographical distance. Since states are concerned about the potential and intentions of neighboring states. The global game is conducted by a small number of powerful states, which in turn project their power into remote regions. At the same time, small states are nevertheless limited by the security policy of their nearest neighbors.

"The main players at the global level of the international system are the" global powers "- superpowers and great powers. They define the system-wide structure of the polarity of world politics. The polarity of regional subsystems is based on "regional powers". The global and regional level of security is connected through a mechanism of "penetration" of global powers into a regional complex. Penetration usually consists in the fact that the external power enters into alliances with the states belonging to this or that complex. The logic of the balance of power

forces regional rivals to seek external allies, and thus regional rivalry is linked to the level of the global system".⁸⁶⁹

Under security conditions, there is a certain image of the "Enemy", which refers to "the representations that arise from a social (mass or individual) subject about another subject perceived as threatening his interests, values or the very social and physical existence. Such representations are formed on a cumulative basis of socio-historical and individual experience, stereotypes and advocacy". Security in the theory of securitization is treated as a discursive practice, under which the hierarchy of political priorities changes. With securitization of the problem, a situation occurs when the prevention of a threat requires measures of opposition from the whole society.

Security is a speech act, in which political elites turn any events into security issues. B. Buzan and O. Waever define securitization as "an extreme version of politicization that justifies the use of extraordinary means and methods of influence in the name of preserving the security of society".⁸⁷⁰ S.V. Akopov, E.M. Proshina⁸⁷¹ note that in the context of securitization, priority issues such as which events are securitized, for whom it is being done, why, with what consequences and under what conditions. Discourses about security threats created by political actors are aimed at legitimizing extraordinary measures of political mobilization of society against the created image of the "Enemy". S.V. Akopov and E.M. Proshina peak is quoted by V. Volkan. V. Volkan characterizes the "Enemy" as an image in which there are their own undesirable aspects, while the image does not always correspond to reality. In a national identity, each of the nations needs an antihero to complete their identity. They also cite the notion of "Faraway locals", the concept of Z. Bauman cited by R. Taras, "Far local people are people living in other parts of the world, which we learn about from the global media, including everything that happens to them: murders, epidemics, looting, doing in their countries. " At the same time, R. Taras uses the term "Far local" to the minorities within the society. Thus, the transformation of migrants into "Aliens" is due to the fact that the sense of security of the majority of local residents is weakening. Local people's perceptions of the far and near, and also what is inside the society, and what is beyond it.

⁸⁶⁹ Lukin A.L. Theory of Regional Security Complexes and East Asia // *Oikumena. Regional studies*. 2011. № 2 (17). P. 7 – 19.

⁸⁷⁰ Buzan B., Waever O., Wilde J., de. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, London: Lynnie Rienner. 1998.

⁸⁷¹ Akopov S.V., Proshina E.M. "An unfinished adventure" of the enemy's image: from the theory of securitization to the theory of "distant local" // *Power*. 2011. № 01. P. 89 – 92.

There is a model of "sectoral security", in which five main sectors are proposed, which are directions for which the state can be threatened. Namely, military security, political security, economic, social and natural security.

Threats that can be directed to the state by sector also turn into a threat to national security through political discourse.⁸⁷² Also, states can, how to overestimate, underestimate any threats. In the event that the threat is given increased attention, the situation occurs when the goal of the security policy is to reduce unjustified threats. In the opposite case, the state, in spite of the contradictory factors, views the situation as safe. "With the help of linguistics, we can define security as a "speech action". In this sense, security does not mean something that is real, pronounced in itself is an action".⁸⁷³

States strive for mutual cooperation, protection of their sovereignty and political and economic independence from external threats, which affects not only relations between states, but also security policy. In the constitutions of states, among the basic norms are prescribed norms aimed at ensuring national security.⁸⁷⁴

D.A. Borisov⁸⁷⁵ writes: "There is a conceptual shift in thinking about security: from national security with its emphasis on the military protection of the state to broader concepts of security and personal security issues, taking into account the need to ensure the tranquility and well-being of citizens living in the state. There is a need for new approaches to security policy". From state security, a transition to threats to human existence is carried out. This transition is connected with consideration of other threats, namely deterioration of the state of the environment, overpopulation, mass migration of refugees, nationalism and terrorism.

Organization The United Nations Development Program (UNDP) determines the safety of human development based on such components as well-being, empowerment, and equity.⁸⁷⁶

From the article "Human Security in the Modern Theory and Practice of International Relations" it follows that "The concept of personal security includes the concept of freedom, which is based on" the ability and capabilities that allow each person to live without limiting others". Thus, personal security is related to the quality of life of people, society, and the political process. It is assumed that anything that reduces this quality is a threat to security. " Another direction of security, when actions on the part of the state are necessary to the detriment

⁸⁷² Aksyuchenko G. Immigration as a source of security challenges // Power. 2007. № 8. P. 19 – 22.

⁸⁷³ Arsenyan A.Z. Evolution of the concepts of "national security" in contemporary international relations // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. 2012. № 19 (99). P. 23 – 35.

⁸⁷⁴ Kanunnikova N.G., Shkhagapsoev Z.L. International experience of administrative and legal support of public security // Army and society. 2014. № 4 (41). P. 1 – 8.

⁸⁷⁵ Borisov D.A. Human Security in the Modern Theory and Practice of International Relations // Bulletin of Tomsk State University. 2011. № 343. P. 79 – 82.

⁸⁷⁶ United Nations Development Program // URL: <http://www.un.org/ru/ga/undp/>.

of state sovereignty, is to reduce the consequences of conflicts for the population. At the heart of this direction lies the situation when the security of the state and the security of citizens may not coincide.

D.A. Borisov⁸⁷⁷ notes that personal security is defined as freedom from threats to the life of an individual and its free development and the realization of her rights and opportunities to participate in public life.

When considering the concept of national security, the main object of analysis is the state, and when considering personal security - the economic and social relations of citizens.

S.A. Panarin⁸⁷⁸ quotes S.A. Korf: "The basic, not subject to the slightest doubt, political state of statehood is guaranteed to the people making up this state, complete security from outside and peaceful development within".⁸⁷⁹ In this article the author writes that the increased and unsatisfied demand for security has created a policy of securitization, and also leads to the definition of the concept of securitization: "Securitization is, in fact, nothing more than the perception and interpretation of any event, process or phenomenon in security categories like survival". Namely, if the state actor declares that a certain phenomenon represents a threat to the security of the state or population, an act of securitization takes place. Securitizing a situation is easier in a society where the concepts of security and stability are identical.

For most national states, one of the challenges is not the coincidence of national and ethnic identities within state borders, as well as the existence of various minorities in the territory of the state.

When considering security based on the state development of states, S.A. Panarin notes that states are modern, pre-modern and post-modern. Modern states seek to have the exclusive right to security and securitization. Pre-modern states can only partially ensure security. In turn, states of a post-modern type share the rights to ensure security and securitization between the state and civil society. S.A. Panarin quotes B. Buzan and O. Waever saying that the states that are part of the European Union are both cohesive, strong, national and post-modern.

Modern states have the following development priorities: sovereignty, independence, territorial integrity and self-sufficiency. At the same time, modern states are most prone to geosecurity. Such states form regions into which similar states enter. The development priorities of similar states lead to the following situations. Strengthening development priorities requires

⁸⁷⁷ Kolobov O.A. Security of the individual, society, state. Nizhny Novgorod: FMO / ISI UNN; Publishing house AGPI them. A.P. Gaidar. 2008.

⁸⁷⁸ Panarin S.A. National state before the challenge of transboundary impacts: preface // Cross-border challenges to the national state. Article in the collection of articles. 2015. P. 7 – 36.

⁸⁷⁹ Korf S.A. Nationalities and the state // Russian political science in 5 volumes. I. I. XIX - the beginning of the XX century. / Otv. Ed. and aut. entry. Art. Y.S. Pivovarov. Moscow: ROSSPEN. 2008.

strengthening and leads to aggravation of security problems in the relations of states. The strategy of economic security weakens the economic dependence between the states of the region. The policy of strengthening the national identity promotes the growth of conflict, both within the state and between states. Thus, for the modern state, in the conditions of domination of external threats to national security, geographical issues, such as with whom the state borders, sufficient territory, whether there are natural barriers, access to the sea, are of paramount importance.

The securitization process is also influenced by the geographical component, which is the most constant foreign policy of the state. Thus, in society there is a stable perception of what is a threat to him and what actions need to be taken to avoid possible threats.⁸⁸⁰ And also the identity of values. The European Union and the United States adhere to the values of Western civilization. With this social value community, there are common approaches to assessing a particular threat, as well as solving problems in the field of security problems. Also, the US and the EU have common standards for securitization of the external world and common security mechanisms. NATO has the status of collective security of the United States and the EU with a joint response to external threats.

Expansion of the EU in 2004 and 2007 was accompanied by changes in the security agenda. Ethnoterritorial problems have moved to the pan-European agenda of security. Political instability and conflicts in the post-Soviet space, as well as related threats, have become a problem for the EU. The configuration of the geopolitical connection between the EU and the main power pole of the post-Soviet space has changed-Russia.⁸⁸¹

A.S. Makarychev notes that "The debate on security is, more broadly, a debate about the nature (post-) of modern political power".⁸⁸² A.S. Makarychev considers security based on the theory of securitization, in the dynamics: "Any conflict can develop as a clash of technical positions that are solved within the framework of a routine, routine negotiation process, but as soon as an integral part of the situation becomes a cultural or civilized opposition leading to the mobilization of public opinion and feelings identity, the stage of politicization begins, and then the conflict acquires the character of a security problem". Quoting B. Buzan and O. Weaver, the author notes that each community of people defines itself as a "good life" space, while separately noting "the figures of social difference and danger, including criminals, terrorists, enemies,

⁸⁸⁰ Eyvazov D. From the traditional state to the postindustrial: on the interrelation between geopolitics and security in the era of globalization // *Caucasus and globalization*. 2007. T. 1. № 4. P. 6 – 13.

⁸⁸¹ Eyvazov D. The West and Post-Soviet Central Asia: Some Aspects of US and EU Security Strategy in the Region // *Central Asia and the Caucasus*. 2011. T. 14. № 4. P. 7 – 25.

⁸⁸² Makarychev A.S. Security and the Return of Political: Critical Debates in Europe // *Security Index*. 2008. T. 14. № 4 (87). P. 25 – 40.

migrants ...". From which it follows that any difference is a threat. In this discourse, the following notation is used: deviant, other, alien, inorganic and not unnatural for a given space. Which, in turn, are not external in appearance, but are among us, which complicates the search for the "Enemy", and also erodes the boundaries of identification.

When considering the theory of securitization, it is necessary to note the theory of desecuritization. Desecuritization takes place when there is a search for common ground between the conflicting parties. Most often it is used to end conflicts on interreligious and interethnic grounds.

A.S. Makarychev also notes that securitization simultaneously assumes the act of moving the previously ignored issue to the political agenda and at the same time to the same issue coming out of the political and directed to the security sphere. What causes rejection among post-Copenhagen thinkers and allows talking about depoliticization of securitization.

Security in international relations must also be considered with the definition of D. Baldwin "security as a low probability of damage to acquired values"⁸⁸³. The concept of security in this definition is the goal of political activity, in which actions are aimed at preserving values. When considering security from the moral and political point of view, it is necessary to ask the following questions: "Security for whom?" And "The security of what values?".

The concepts used by politicians and scientists during the Cold War and after its termination have undergone some changes. Thus, the individual, society and international system became objects of security, on a number, with the state. In turn, military security, began to pay less attention than economic security, energy security, public security and other types of security. The problem of security expanded and brought to the forefront the problems of man and society, replacing the state. At the same time, human rights and quality of life replaced such a value as physical survival.

The speech act is necessary for describing the objective reality, the subjects also need to be described with the help of the language, so that they can change, or else be reproduced based on how they were described.

N.N. Morozova⁸⁸⁴ notes that O. Waever and B. Buzan have revised the traditional security, namely, the state-centered interpretation of it. The object of security in the modern world is society - public security, which has taken the place of security of state sovereignty. Public safety is the ability of society to maintain its essential features, despite changing conditions and possible or existing threats. This term arose in the early 1990s, when integration

⁸⁸³ Baldwin D. The Concept of Security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23.

⁸⁸⁴ Morozova N.N. Security as a speech act and discursive practice: to the question of constructing a political identity // Political Linguistics. 2016. № 1 (55). P. 111 – 120.

processes began on the European continent and processes of disintegration in the countries of the former USSR. The beginning of such processes as globalization, cultural imperialism, migration flows, and Europeanization are inherent in the time. The situation in the 1990s. and the processes taking place in the world began to be seen as a threat to public security. The conditions of globalization and integration created a situation when the borders of society and the state ceased to coincide when national legislation began to lose its force. All these trends made us say that there was a need for society to protect its cultural and national interests.

In the discourse of security, the main role is played by public security actors. From the point of view of linguistics, "security" is a speech act, through which actors, processes and events are constructed as an existential threat to a state or a social group.

Not unimportant in the speech act of security is a person who, for a successful speech act, must have the authority and have certain intentions for carrying out this act. Thus, security as a speech act is a statement that an authorized actor, process or event is a conviction and a condition for the sincerity of a speech act.

In turn, the act of securitization, as a statement has the ability to launch certain meanings and dynamics in society. At the same time, the successful presentation of individual events and conditions as a threat to state or public security raises the issue to the securitization field, where in turn urgent actions take place, in violation of legislative and social norms. In such circumstances, securitization is viewed as a process in which "an intersubjective understanding of the need to violate existing laws and take exceptional measures to combat the existing threat is created in the political community".

The success of the securitization act is influenced by the specificity of the alleged threat and the authority of the securitization agent. The alleged threat must be simple to understand, so that it can be more easily portrayed as a threat. In turn, the agent must have the authority of the audience to ensure that his position has been fixed and has not been challenged by other political actors.

Under the securitization process, it is also necessary to understand that securitization is a process of "producing a meaning deeply rooted in a discursive context that turns an individual proposition into a collective dominant narrative." Critical remarks about the theory of securitization of the Copenhagen school related to the fact that people prefer identity as a possible threat to security. In turn, identity is not the initial cause of social insecurity, while identity is the result of political discourse. In such political discourse *socium* and the state are presented as a "public" threat to their interests. "The legitimacy of a securitizing actor is determined *ex post factum* on the basis of public support for the securitization act".

Security can also be considered in terms of objectivity and subjectivity. Objective security is a real external threat. Subjective security, in turn, is a fear of the possibility of the existence and emergence of threats.⁸⁸⁵ As for subjective security, B. Buzan pointed to its psychological nature.⁸⁸⁶ Here, important events are the events that preceded the perception of the population by a given situation. And also the impact on the population of the adopted state standards, the manageability and perception of this or that information, whether false or truthful. Subjective security depends on the perception by an individual, the social group, of some information about a security problem that does not have a material embodiment. This problem is a speech act, the purpose of which is to create fear of a non-existent threat. The introduction of this provision into the life of society enables the programming of public consciousness for the further management of society with the aim of creating a sense of fear and a sense of security. O. Weaver pointed out that security is a speech act by means of which the state government creates from the objective threats the security problem.⁸⁸⁷ This mechanism allows you to enter any non-existent object into the security area. The goal of this state behavior is the legitimization of one's own actions. Security is also one of the spheres of social life, created from the ideas of society about its historical past. In the theory of securitization, the key element is the speech act. The speech act, in turn, is a discourse through which one or another question becomes a threat to security. Here, the speech act becomes independent, has value and a certain character. This type of communication affects the perception and behavior of society. O. Waever argued that the problem is a security issue only because with the help of a speech act was placed in the security sphere. Thus, the important point here are the terms of securitization, namely the conditions under which the society will take this information. Securitization can be considered successful, committed in conditions when the speech act will be pronounced in stable, created its social conditions.

The Copenhagen school in its studies noted that the security problem can also be depoliticized, politicized and securitized. When the discussed problem becomes the subject of debate between the state and the public, it acquires the character of politicization. In turn, securitization of the problem occurs at a time when, through a speech act, the problem becomes extraordinary and requires measures of non-standard political decisions. Desecuritization is the reverse process of securitization.

⁸⁸⁵ Chudinov S.I. The problem of objective and subjective aspects of security // *Society: Philosophy, History, Culture*. 2015. № 6. P. 47 – 50.

⁸⁸⁶ Buzan B., Hansen L. *The Evolution of International Security Studies*. New York. 2009.

⁸⁸⁷ Waever O. *Securitization and Desecuritization // On Security / Ed. by R.D. Lipschutz*. New York: Columbia University Press. 1995. P. 46 – 86.

V.Y. Apryshchenko⁸⁸⁸ led stages of securitization of the Copenhagen school. There are two stages of securitization, in which the problem is perceived as a threat. One of these stages is the process of identifying which phenomenon or entity will be presented as a threat to the object, as well as an object that is threatened by a phenomenon or subject elevated to the rank of threat. The second stage is a speech act, which transfers the phenomenon or subject to the area of the security problem. The success of this stage depends on whether it will be possible to convince the audience that the declared object is really threatened by the declared threat. If the audience succeeds in convincing, then further actions entail consideration and application of extraordinary measures to protect the reference object. This situation is possible only with a successful speech act, which convinced the audience of the existence of a security problem. This means that securitization is successful. The situation in which the audience failed to convince, speaks of unsuccessful securitization. Successful securitization enables actors to receive public support and use a large number of resources to achieve the security objective.

§ I.3. SECURITIZATION CONDITIONS IN POST-SOVIET LATVIA

The researcher of Eastern and Central Europe from the University of Glasgow A. Cheskin⁸⁸⁹ in early 2016 noted that "the Russians, as well as representatives of other nationalities who may have spent their entire lives in Latvia, participated in the restoration of its independence, sharply became people of" second class"". "Officially, these people did not become citizens of either Russia or Latvia. They stayed somewhere in the middle".

The researcher noted that the division of parties into "Latvian" and "Russian" also affects poorly the rapprochement of the two communities. In his study, it was noted that the situation in relations has now improved. An analysis was made of the Russian-language media in Latvia, where it was often pointed out that "Russian-speaking people who live in Latvia for a long time are an integral part of the state".

Latvia adopted the Declaration of Sovereignty on July 28, 1989. Where the illegality of Latvia's membership in the USSR is indicated in view of "... an additional secret protocol to the Non-Aggression Pact of August 23, 1939, signed by Germany and the Soviet Union," which resulted from "... the criminal Stalinist external politicians". As a result of such actions, as stated in the Declaration, on the part of the Soviet Union, "the Republic of Latvia lost its state sovereignty. The Republic of Latvia was included in the USSR ". The Declaration proclaimed

⁸⁸⁸ Apryshchenko V.Y. Memory as security // New past. 2016. № 3. P. 86 – 108.

⁸⁸⁹ Sergeeva A. Researcher: Latvia has treated the Russians hard // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/issledovately-latviya-oboshlasy-s-russkimi-zhestko> [04.03.2016].

the following: "The sovereignty of the Latvian SSR is one and indivisible. The people of Latvia on their territory independently carry out legislative, executive and judicial authorities ... ". In addition, as in the case of the Estonian and Lithuanian Declarations, it was announced that "The supremacy of the laws of the Latvian SSR is recognized on the territory of the Latvian SSR. The laws of the USSR in the territory of Latvia enter into force only after their ratification by the supreme state authority of the Latvian SSR. "Although the same Declaration did not completely break ties with the Soviet Union: "The state status of the Latvian SSR within the USSR is determined by contractual relations; the new legal status of the Latvian SSR must be secured by legislative means in the Constitution of the USSR and the Constitution of the Latvian SSR".⁸⁹⁰

In January 1991, events occurred in Riga connected with the collapse of the USSR - the "barricades". "Barricades" can be attributed to the endless opportunities for which in 1991 people of different nationalities fought. Currently, relations between ethnic Latvians and Russians are discussed in Latvia and abroad, but in the context of "barricades" discussions focus on the presence there not only of Latvians, but also of the Russian-speaking population. The appeal of the moderate political organization "Narodniy Front" to the Russian-speaking population with the intention of gaining support for a peaceful separation from the USSR led to surprising events, namely, the entrance to the "barricades" of the Russian-speaking population. After all these events, the construction of a nation-state began. The construction of this state began to occur when dividing into the majority and minority, namely, in the division according to national, cultural and linguistic principles. Thus, the division is built into the very form of the modern Latvian state.⁸⁹¹

The totality of Latvian citizens was determined by the decision of the Supreme Council of October 15, 1991 on the restoration of the rights of citizens of the Republic of Latvia and the basic conditions of naturalization. The resolution reads: "Although the Republic of Latvia was occupied on June 17, 1940, and the state lost its sovereign power, the totality of its citizens, according to the Law of the Republic of Latvia of August 23, 1919, continues to exist." The resolution provided for both the procedure for determining the aggregate of citizens of the Republic of Latvia and the basic conditions for naturalization. Taking into account the continuity of Latvia as a subject of international law, there was a basis for the restoration of that set of citizens of Latvia, which was defined by the Law of 1919 on citizenship. Thus, Latvia did not

⁸⁹⁰ Potapov A.K. Development of the processes of sovereinization in the socio-political activities of the Supreme Councils of the Baltic Republics (1988-1991) // The Political Network Electronic Journal of the Kuban State Agrarian University. 2015. № 111. P. 1 – 14.

⁸⁹¹ Arenas I., Dzenovskaya D. To make "people": Political imaginary and materiality of barricades in Mexico and Latvia. Summary // Laboratorium. Journal of Social Research. 2010. № 2. P. 399 – 402.

grant citizenship to persons who were before the "occupation" of Latvia, but restored the rights of these persons de facto.⁸⁹²

As from the decision of the Supreme Council on the restoration of the rights of citizens of the Republic of Latvia and the basic conditions of naturalization, as well as from the Law on Citizenship, adopted in 1994⁸⁹³ it follows that the population has been restored and not re-established. At the same time, non-citizens were given the opportunity to acquire Latvian citizenship in the order of naturalization. There are international human rights standards prohibiting the increase in the number of stateless persons that Latvia complied with when it passed the Law on Stateless Persons. Non-citizens can not be considered as stateless persons, since part two of Article 3 of the Law on Stateless Persons⁸⁹⁴ determines that a person who is a subject of the Law on the Status of Citizens of the Former USSR who do not have the citizenship of Latvia or another state⁸⁹⁵, can not be recognized as a stateless person. And representatives of Latvia in international institutions consistently defended the position that the status of a non-citizen can not be equated with the status of a stateless person.

Non-citizens can not be considered foreigners, since under section 1 of the Immigration Act⁸⁹⁶ a foreigner is a person who is not a citizen or non-citizen of Latvia. In the report of the group, independent experts of the European Union on fundamental rights, in 2003, on the fundamental rights in the European Union and its member states, it was stated that the Law on the Status of Citizens of the Former USSR noted that Latvian citizens who did not have Latvian citizenship or other state, non-citizens, are neither citizens, nor foreigners, nor stateless persons. The group of experts indicated that non-citizens of Latvia belong to the previously unknown international public law of the category of persons.⁸⁹⁷

Non-citizens can become full citizens of Latvia through the procedure of naturalization. The Saeima points out that the purpose of the naturalization order in the Citizenship Act of 1994 was that, in time, a stateless person should acquire the citizenship of Latvia or another state. In 1998, the established restrictions on naturalization for non-citizens were abolished so that non-citizens could freely make their choice. The rights and international obligations established for non-citizens, which Latvia has taken with respect to these persons, show that the legal

⁸⁹² Zimele I. International law and human rights in Latvia: abstraction or reality. Riga: Court House Agency. 2005.

⁸⁹³ Legal acts of the Republic of Latvia. Citizenship Law. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57512> [11.08.1994].

⁸⁹⁴ Legal acts of the Republic of Latvia. Law On Stateless Persons. URL: <https://likumi.lv/ta/id/84393-bezvalstnieku-likums> [17.02.2004].

⁸⁹⁵ Legal acts of the Republic of Latvia. On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State. URL: <https://likumi.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> [25.04.1995].

⁸⁹⁶ Legal acts of the Republic of Latvia. Immigration Law. URL: <https://likumi.lv/ta/id/68522-imigracijas-likums> [20.11.2002].

⁸⁹⁷ Synthesis Report. Conclusions and Recommendations on the Situation of Fundamental Rights in the European Union and its Member States in 2003. P. 90 [04.02.2004].

relationship of non-citizens with Latvia is recognized, on the basis of which mutual rights and obligations arose. From Article 98 of the Constitution of the Republic of Latvia⁸⁹⁸ it follows that everyone with a Latvian passport has the right to diplomatic protection and free return to Latvia. The Seima consider that the Convention on Stateless Persons⁸⁹⁹ does not apply to non-citizens of Latvia, since it establishes only a ban on depriving a person of citizenship. The convention noted that the United Nations General Assembly in December 1948 decided that "all people should enjoy fundamental rights and freedoms without any discrimination". Article 1 of this Convention specifies the definition of the term "Stateless", where by this term "means a person who is not considered a citizen of a State by virtue of his law". The main purpose of this convention was to reduce the number of stateless persons, as well as not to allow a situation in which their number could increase.

Since November 1993, the OSCE mission began its work in the Republic of Latvia. The mandate of the mission was to examine the problems of citizenship and other issues related to this issue. The Mission followed the preparation of the Citizenship Law. Thus, as noted in the annual report of the OSCE mission of 1994⁹⁰⁰ The Citizenship Act of July 22, 1994 took into account the most important provisions of the recommendations of the mission and the High Commissioner on National Minorities.

Initially, the law prescribes the possibility of naturalization of non-citizens by special "windows". Out of turn, the procedure of naturalization from 1 February 1995 onwards Latvians and Livs; inhabitants of pre-revolutionary or pre-war Latvia and their descendants; persons who were forcibly brought to Latvia by the fascists; persons who have graduated from the school with the Latvian language of instruction; former citizens of Lithuania and Estonia; spouses of citizens of Latvia. The natives of Latvia could undergo naturalization in the general order at the age of up to 20 years not earlier than in 1996; up to 25 years - not earlier than 1997; up to 30 years - not earlier than 1998; up to 40 years - not earlier than 1999; the rest - not earlier than 2000. The visitors could undergo naturalization in the general order as follows: those who arrived in Latvia before the age of 18 did not before 2001; Arrived in Latvia before 30 years - no earlier than 2002; the rest - not earlier than 2003. Amendments to the Law on Citizenship of 22.06.1998⁹⁰¹ "Windows" of naturalization were abolished, and the registration procedure for the adoption of citizenship of children of non-citizens born in Latvia after the restoration of independence was

⁸⁹⁸ Legal acts of the Republic of Latvia. The Constitution of the Republic of Latvia. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57980> [01.07.1993].

⁸⁹⁹ UN. Convention on the Status of Stateless Persons // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml .

⁹⁰⁰ OSCE. Annual report 1994. // URL: <http://www.osce.org/ru/secretariat/14573?download=true> [14.11.1994].

⁹⁰¹ Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the Citizenship Law, 315/316 (1376/1377) URL: <https://likumi.lv/ta/id/50382-grozijumi-pilsonibas-likuma> [27.10.1998].

introduced. Children of non-citizens born in Latvia after August 21, 1991, began to register as citizens of the Republic of Latvia at the request of their parents. The procedure for registration from that moment is regulated by Article 3 of the Citizenship Law, where the requirements for children, parents and documents collected by parents are established.

Adults undergo naturalization in the general order. The naturalized must: have a continuous five-year experience of living in Latvia, starting from May 4, 1990; have a legal source of income; to withstand naturalization checks; to swear an oath on loyalty of Latvia; pay a state fee. The basic requirements for inspections of naturalized persons relate to knowledge: the Latvian language; the main provisions of the Constitution; the text of the national anthem and the history of Latvia. The level of requirements for knowledge of the language is also established by law. The applicant must: fully understand information of a domestic and official nature; freely talk and answer questions on topics of domestic character; fluently read and understand any instructions and other texts of a domestic character; be able to write a written work on a topic of a household nature, set by the commission. From the test for knowledge of the language, persons who have received basic, secondary or higher education in the Latvian language are released. Persons who have reached the age of 65 are exempted from a written test in the Latvian language. For the disabled, the Cabinet of Ministers establishes special rules for verification. Children under 15 years old are naturalized with their parents, and starting from the age of 15, they undergo the naturalization procedure themselves. There are no benefits to local natives or persons with long-term residence in Latvia. Young people who graduated from the school in Latvia are exempt from naturalization testing in the Latvian language, provided that they have passed a centralized examination for one of the categories of the language.

On April 12, 1995, the legal status of non-citizens was regulated by the adoption of the Law on the Status of Non-citizens of the Former USSR, who do not have the citizenship of Latvia or another state.⁹⁰² The subjects of this law are citizens of the former USSR, namely persons and their children who are not Latvian citizens; persons and their children who, after the collapse of the USSR, were not citizens of a third state. A non-citizen of Latvia is a person who satisfies all the above conditions if he had a permanent residence permit in Latvia on July 1, 1992. The list of non-citizens also includes persons who, before July 1, 1992, the last place of permanent residence was the Republic of Latvia, Prior to July 1, 1992, residents residing in the territory of Latvia for at least ten years in the event that this fact is established by a court verdict. Subjects of the Law on the status of citizens of the former USSR who do not have citizenship of

⁹⁰² Legal acts of the Republic of Latvia. On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State. URL: <https://likumi.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> [25.04.1995].

Latvia or another state have been guaranteed such rights as freely choose their place of residence in Latvia, to leave and return to Latvia, to unite with spouses, children and parents living abroad, and not to be deported from Latvia. Non-citizens were required to issue special Latvian passports. Subjects of the law were guaranteed the right to preserve their native language and culture within the framework of cultural-national autonomy, the right to use an interpreter and choose the language of communication with the authorities. Amendments to the law from 18.06.1997⁹⁰³ and 27.08.1998⁹⁰⁴ narrowed the circle of subjects under his protection. The persons nongrata in Latvia were persons who received compensation for leaving Latvia, but did not use it; former citizens of the CIS countries who have withdrawn from citizenship; Persons permanently residing in Latvia, but having a record of registration in a dummy place of residence in the CIS countries, and some other categories of persons. Thus, a legislative base was created for the collective expulsion of a significant number of its permanent residents from the country, whose legality was previously recognized by law in Latvia. The subjects of the law included persons whose last registered residence before July 1, 1992 was Latvia, or a verdict of the court established the fact that before that date they had been permanently residing in Latvia for at least 10 years. Amendments to the law from 30.03.2000 r.⁹⁰⁵ slightly improved the situation of non-citizens, regulating the procedure for the loss of non-citizen status and establishing that this status is taken away only by a court decision. However, already on September 14, 2000⁹⁰⁶ The Saeima has changed his mind, and until now a non-citizen is deprived of his status in the administrative order, but with the right to appeal in court. Amendments to the law of 20.05.2004⁹⁰⁷ took away several rights from the permanent residents of Latvia. First, the status of a non-citizen was annulled not only among those who received a permanent residence permit in the CIS countries, but also those who received a permanent residence permit anywhere in the world. Secondly, spouses from mixed families (non-citizen and foreigner) have lost the right to

⁹⁰³ Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State, 171/174 (886/889) URL: <https://likumi.lv/ta/id/96472-grozijums-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> [04.07.1997].

⁹⁰⁴ Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State, 256/266 (1326/1327) URL: <https://likumi.lv/ta/id/49688-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> [11.09.1998].

⁹⁰⁵ Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State, 123/124 (2034/2035) URL: <https://likumi.lv/ta/id/4067-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> [06.04.2000].

⁹⁰⁶ Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State, 336/338 (2247/2249) URL: <https://likumi.lv/ta/id/11112-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> [27.09.2000].

⁹⁰⁷ Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State, 90 (3038) URL: <https://likumi.lv/ta/id/89490-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> [04.06.2004].

register a newborn baby in a higher status than in the status of a non-citizen. Thirdly, the privileges relying on non-citizens were selected from foreigners who had a permanent residence permit before July 1, 1992.

Since Latvia is a national state, and its actions are aimed at the reconstruction of the national society, it is necessary to consider the notions of the national state, the nation and nationalism in order to understand the actions of the political leadership of Latvia.

B. Anderson⁹⁰⁸, defined the nation as "an imaginary political community, and imagined it as something inevitably limited, but at the same time sovereign." This society can be considered imaginary, since people of any one nationality do not know the majority of people of their nationality, but at the same time they feel a certain generality with them. The main symbols of modern nationalism are the monuments and graves of the Unknown Soldier. The fact that the graves and monuments of the Unknown Soldier are empty, and the ceremonies taking place around them are a manifestation of the national imagination. B. Anderson believes that in order to understand nationalism, it should be connected not with the political ideologies of the past, but with the cultural systems of the past.

E. Gellner defined nationalism as a political principle, the basis of which is the principle of coincidence of the political and national unit.⁹⁰⁹ Nationalistic feeling can be manifested as indignation or satisfaction. Resentment arises when the political and national units do not coincide, in turn, the opposite situation provokes satisfaction. Nationalists sharply react to the situation when the apparatus of state administration has people belonging to another nation, that is, not to the nation to which the majority of the inhabitants of the state belong. What is the result of the accession of the state to a larger state, or if another national group dominates or dominates in the state. E. Gellner also argued that "nations are a product of human beliefs, attachments and inclinations" for the reason that people can belong to one nation only if they themselves recognize their belonging to one nation.

In turn, E. Hobsbaum, describes nationalism as an artificially created mechanism that does not have a natural basis. Thus, "the communist regime has deliberately and purposefully created ethnolinguistic territorial" national-administrative units "(that is," nations "in the modern sense) - to create where they did not previously exist or where no one thought about them".⁹¹⁰

E. Smith argued that nationalism is the result of modern political processes and begins with the coming to power of nationalists. And the history on which nationalists rely is a myth

⁹⁰⁸ Anderson B. *Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism*. Moscow: KANON-PRESS-C KUCHKOVO FIELD. 2001.

⁹⁰⁹ Gellner E. *Nation and Nationalism*. M.: Progress. 1991.

⁹¹⁰ Hobsbaum E. *Nations and nationalism after 1780 / trans. with English*. A.A. Vasilyeva. St. Petersburg: Aletya. 1998.

created to achieve political goals today. And the nation itself is an artificially created unit that does not have historical roots.⁹¹¹

F.A. Popov⁹¹² gives the following definitions relating to the topic of the national state. The national state is a hypothetical form and the result of the self-determination of some group, called a nation and believed to be the primary bearer of power and the source of sovereignty. The political space to which "national sovereignty" extends is the state territory. Thus, it can be concluded that humanity is divided into certain groups, and if these groups are projected onto the political space, then the borders of national states will be formed. The principle of a national state is equal to nationalism. F.A. Popov cites definitions one of which belongs to H. Seton-Watson: "Nationalism is satisfied only by borders that coincide with national ones".⁹¹³

The author also cites the notion of a nation defined by J. Bruyi⁹¹⁴ in three points, namely the nation as a specific group, detached from all other human beings, the nation as an object of political identification and loyalty, and the nation must have political autonomy in the form of a sovereign state.

Focusing on K. Popper, the author gives the following notion of nationalism: "Nationalism is primarily a psychological phenomenon, meaning the self-identification of a person with any commonality in which he can feel himself among "his own", protected from "Aliens"". ⁹¹⁵ The very idea of a national state, due to its emptiness, nationalists can fill with any specifics. Thus, the principle of the nation-state itself makes it possible to establish any criteria for determining a nation.

F.A. Popov cites two paradoxes of the principle of the national state. The first paradox is that "he legitimizes state sovereignty as a derivative of the abstract sovereignty of the nation, and puts it in doubt." This situation occurs when a sovereign group is declared by another group. The second paradox is that "the bearers of the nation-forming characters move continuously, come into contact with one another, disappear and are replaced by new ones".

F.A. Popov cites the situation of Latvia and Estonia connected with the existence of the official institution of non-citizens, citing the description of Lord Acton: "Insisting on national independence, on the principle that every nation should have its own state, it (the theory of

⁹¹¹ Smith E. Nationalism and Modernism. A critical review of modern theories of nations and nationalism. M.: Praxis. 2004.

⁹¹² Popov F.A. The principle of the national state as a threat to the existence of a national state // In the collection: Cross-border Challenges to the National State St. Petersburg. 2015. P. 224 – 243.

⁹¹³ Setton-Watson H., Urban J. Nationalism and its aspects // Problems of Eastern Europe. № 5 – 6 // URL: [https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1994-41-42/1994-41-42%20\(7-51\).pdf](https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1994-41-42/1994-41-42%20(7-51).pdf). 1982.

⁹¹⁴ Broyi J. Approaches to the study of nationalism // Nation and nationalism / B. Anderson, O. Bauer, M. Hroch et al. M.: Praxis. 2002.

⁹¹⁵ Popper K.R. Open society and its enemies. T. 2: Time of the false prophets: Hegel, Marx and other oracles. Moscow: Phoenix, Int. Fund "Cultural Initiative". 1992.

nationalism) thus subordinates any Another nation that finds itself within the boundaries of the nation-state. In principle, it can not allow the equality of national minorities with the main nation that formed the state, for at the same time the state ceases to be national, that is, it contradicts the main principle of its existence".⁹¹⁶

Nationalism is divided into "wrong" ethnic and "right" civil. The "wrong" regards the nation as a closed group based on common historical roots with a socio-psychological nature. "Right" views the nation as an open group formed by individuals who want to be united, that is, each has the choice of which nation to belong to.

In the above cases, the nation had a primary character, and the state and its borders are secondary. The situation when a nation is defined as the aggregate of citizens of a sovereign state, the state is primary, and the nation is secondary.

F.A. Popov asserts that we live in a world of nationalist states with legalized discrimination under the guise of freedom and equality. People continue to believe in the naturalness of the world's division into national states, while political elites actively use the faith of people to achieve their goals. The author also cites V. Tishkov's statement⁹¹⁷ that "Nationalism is akin to religion, it can not be understood or disappointed, one can only lose faith".

Today, in addition to the image of the "Other", there are other forms of ethno-national conflicts, namely, a change in the nature of the conflict, accessibility and high speed of information dissemination, as well as an increase in the level of political self-awareness and education.⁹¹⁸

In democratic societies, the main value is the freedom of the individual and its security. In turn, the security of the state and society is a function of the security of the individual and her freedom.

Investigations into the security issues in the post-Soviet space after the collapse of the Soviet Union began to include ethics and national security values, along with topics such as offensive and defensive advantages in strategy, the impact of domestic states' policies on international security, and so on.

The term "national security" itself was not used along with terms such as "military security" or "state security". For the first time the concept of "national security" was pronounced in the political arena by T. Roosevelt in 1904, justifying the accession of the Panama Canal. National security is nothing but a characteristic of the state of social institutions, the main

⁹¹⁶ Lord Acton. The principle of national self-determination // Nation and nationalism. M.: Praxis. 2002. P. 26 – 51.

⁹¹⁷ Tishkov V.A. Essays on the theory and policy of ethnicity in Russia. M.: Russian world. 1997.

⁹¹⁸ Ganaeva E.E. Terrorism, nationalism and extremism as threats to national security and the state // International scientific publication modern fundamental and applied research. 2016. № 1 (20). P. 200 – 204.

activity, which is aimed at creating and maintaining conditions for the existence and development of the individual, as well as society as a whole.

I.G. Filippova and I.V. Trotskaya⁹¹⁹ the following definitions of national security. So A.V. Vozzhennikov⁹²⁰ defines the concept of "national security" as "a state of protection of the vital interests of the individual, society and the state in all spheres of their life from internal and external threats and dangers, ensuring their sustainable development". In turn, A.V. Vinogradov⁹²¹ "Defines national security as a social and philosophical category, which, from the point of view of scientists, must be based on sustainable social development that provides a decent life for a person".

Nationalism can be a threat to national security, as a mechanism creating internal instability. The sense of national pride and patriotism, if misinterpreted, turns into nationalism with the principle "everything is good - everything is alien - it's bad." The division of nations into "good" and "bad" in people can also occur in a situation where a person is exposed to outside influences, with an increase in aggression toward people not resembling them. Violence and aggression on a society with a different national identity may also be due to ignorance of the history and culture of other peoples and may be dependent on the level of education of the individual. The main goal of the nationalists is to affirm the superiority of their "own" nation over the "other" nation. Thus, nationalism is one of the main threats to national security, given that national security is a set of measures to ensure the safety of people living in societies from various threats. With the manifestation of nationalism, the process of infringement of the rights of representatives of other nationalities occurs, through the representation of nationalism, as the elevation of one's own nation over others. The extreme measure of nationalism is extremism, and nationalism is associated with terror. Since the first is an extreme measure of solving the problem, and the second, in turn, is physical violence over the will of man. Thus, nationalism has the following extremely negative characteristics, such as lack of humanity, tolerance, universal values.

The phenomenon of nationalism develops in a person under the influence of the social environment and is the result of his social interaction, contributing to the emergence of new views and beliefs. Thus, a person under the influence of an aggressive environment with respect to a "different" nation becomes a person with the same convictions as the majority.⁹²²

⁹¹⁹ Filippova I.G., Trotskaya I.V. Istoriko-legal aspect of development of safety // Science and the present. 2015. № 36. P. 276 – 289.

⁹²⁰ Vozzhennikov A.V. National security in the context of the current political process in Russia: the theory and policy of ensuring: avtoref. diss. Doct. polit. science. – M. 2002.

⁹²¹ Vinogradov A.V. Problems of national security // Law and safety. 2003. № 3 – 4 (8 – 9). P. 66.

⁹²² Pecherskikh O.I. Nationalism as a factor of internal instability // Vestnik of the South Ural State University. Series: Social and Human Sciences. 2007. № 8 (80). P. 53 – 55.

A political space or state is a communication of cultures and political interaction. If we consider culture and political interaction together, then culture is the fundamental factor shaping the political behavior of ethnic, historical, regional communities and values. The formation of a state is influenced by cultural differences in ethno-cultural communities. Namely, ethno-cultural confrontation lies at the basis of state formation. In turn, the preservation of ethnicity contributed to the process of nation building. Where the status of a nation or political status was granted to a titular or dominant ethnic identity. Thus, there was a process of formation of the nation-state. Ethnos, which was the basis of the nation-state, was the majority and had great opportunities in the conditions of the division of labor, which in turn allowed representatives of the predominant ethnicity to call themselves nations and obtain the right to their own national state. That, in turn, served as the beginning of the emergence of a national-political problem.

In the modern world, the self-identification of a person with a particular ethnic group determines his belonging to a particular culture. In the event that ethnicity assumes the status of dominant, it becomes a powerful political force conducive to the mobilization of the community. The very process of self-identification is significant while preserving the original territory or historical homeland.

In the conditions of the development of political aspects of the ethno-cultural community, a mechanism is needed to transfer to the new generations the previously accumulated knowledge and values, which is the tradition. Which also affects the reforms carried out in the state-nation and the spiritual life of the society of the given state. In turn, ethno-cultural diversity underlies the instability of state formation and provides the basis for a permanent search for a political balance in the relations of ethnic society. Also, nations are divided into state-seeking and state-controlling ethnic groups. The dominant nation is able to realize its potential within the nation and the state.⁹²³

The ethnic factor, with its special traditions and language, had the menacing consequences of political unity, at a time when the sovereignty of the state was a collective agreement of society, of a single political space, to maintain unity of government. The process of nation building could contribute to the preservation of ethnicity, but the same process contributed to the preservation of ethno-regional differences. This was the result of the fact that only the dominant ethnic groups were called nations and had the right to their own national state. Consequently, the very concept of "nation" carries the meaning of political unity. Recognition of the commonality of different ethnic identities with the nation as a political and territorial

⁹²³ Eremina N.V. National-political instability of the modern state: the problem of the influence of ethno-cultural communities on state development (European experience) // In the collection: Society and Ethnopolitics materials of the Fifth International Scientific and Practical Internet Conference. SibAgs; under the scientific. Ed. L.V. Savinova. 2012. P. 60 – 69.

organism allowed to jointly resist external threats and develop conditions for improving collective living.

Ethnic identities were preserved due to their own careful attitude to language, culture and religious beliefs. The registration of ethnic identity is a long historical process of uniting people and forming a collective with a common recognition of their own traditions.⁹²⁴

Ethnic nationalism is a historical movement, with support in the form of the ideology of the people and its history, and has both emotional coloring and psychological depth. Ethnic nationalism is characterized by images and representations of both the population and the political elite, as well as historical memory.⁹²⁵

At the beginning of the dialogue between Latvia and the European Union and NATO, the issues of accession to the European community and the North Atlantic Alliance were discussed separately. For Latvia, along with Lithuania and Estonia, the priority was to join NATO, which was a guarantee of the security of the independence of these states. In turn, the EU was considered, in terms of improving the economic sphere.⁹²⁶

The principle of maximum trade liberalization operates in the EU, which is the main priority of countries wishing to join the union. Economic growth of the state was one of the priority tasks of the Baltic countries, achieved through the entry of Western European countries. And in 2004 this goal was achieved by Latvia. Having entered the EU, Latvia, along with other participating countries, has secured entry to the markets of all countries, but at the same time EU trade law introduces measures to regulate exports and imports in the national market of Latvia. In turn, there is a positive dynamics of Latvia's foreign trade. The effectiveness of the export policy of the member countries of the EU is the economic policy of states aimed at increasing the level of competitiveness of the national economy, namely, the EU bodies influence the competitiveness of national enterprises. The "old" EU member states occupy a position in which they defend the interests of the national economy and its development, but this kind of cooperation is not always possible for new member countries, such as Latvia. So, at reforms of EU of sugar branch in Latvia the enterprises on manufacture of sugar were closed. And also to Latvia the restriction on manufacture of milk is imposed, for which excess fines are put. The

⁹²⁴ Eremina N.V. National-political rift // Free thought. 2010. № 12 (1619). P. 21 – 34.

⁹²⁵ Eremina N.V. Growth factors of European ethnoradicalism on the example of the Scottish National Party and the Northern Ireland Party "Shinn Feyn" // Political Expertise: Politex. 2010. T. 6. № 1. P. 179 – 193.

⁹²⁶ Salikov A.N., Tarasov I.N., Urazbayev E.E. Baltic vector of FRG foreign policy at the present stage of development of international relations // The Baltic region. 2016. T. 8. № 1. P. 86 – 96.

opening of the EU electricity market led to an increase in electricity prices, which in turn became one of the reasons for the bankruptcy of the metallurgical plant in Liepaja.⁹²⁷

Latvia's accession to the EU and NATO was also a possibility of a distance from the Soviet past and the possibility of creating new benchmarks in politics. The main change of landmarks and the creation of new directions touched mainly on the themes of ideology and culture, and only then it concerned the themes of interstate and economic relations. Since joining the EU and NATO, Latvia has moved to a unified standard in military and civil defense, as well as in communications and electronics.

Membership of the Baltic States in the EU was more realistic and could bring the desired "soft" security guarantee. In turn, membership in NATO looked more problematic and depended on three factors: Russia's readiness to recognize the Baltic countries within NATO; the desire of the Baltic peoples to accept political priorities and the costs of membership; readiness of NATO member states to accept the Baltic countries into an alliance.⁹²⁸ While there was tension in the relations between Russia and Latvia, it was difficult to say with certainty that Latvia would be freely invited to join both NATO and the EU.⁹²⁹

Latvia's aspiration to join the EU and NATO as soon as possible with Lithuania and Estonia was justified by the possible problem of squeeze between the confrontation between Europe and Russia. As part of membership in these organizations, Latvia participated in the development of a common foreign policy line with respect to Russia and Belarus. And also, Latvia has repeatedly shown an interest in the participation of ensuring international security and in the fight against terrorism. The vector of Latvia's foreign policy in pan-European structures is aimed at the unification of security and foreign policy issues.⁹³⁰

With the ethnopolitical approach to the consideration of political interaction in Latvia, an opinion has been formed that the political legitimacy of the process of forming state independence was given by means of ethno-nationalist movements, namely thanks to the "Popular Front". The "Popular Front" formed the "ideology of disintegration", and in the ideological justification a situation was created with the substitution of the concept "nation" for the concept "ethnos". Political demarcation here is ethnicity. Then the process of creating an exclusive "living space" for the title group of the population took place.

⁹²⁷ Seregina A.I. Foreign trade policy of the EU and economic development of Latvia // Potential of socio-economic development of the Russian Federation in the new economic conditions. Materials of the II International Scientific and Practical Conference in 2 parts. 2016. P. 955 – 964.

⁹²⁸ Leinsh A. The "Twin Enlargements" and Baltic Security // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 8 – 40.

⁹²⁹ Bleiere D. The Role of Central Europe in Baltic State Policies // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 102 – 138.

⁹³⁰ Sytin A.N. Accession to the European Union and new foreign policy priorities of the Baltic States // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2009. № 2. P. 143 – 149.

Currently, according to Latvian scientists B. Zepa and I. Supule, political elites contribute to tension in society: "They still use ethnicity in order to attract supporters in elections. Thus, it is politicians who become the main catalyst for ethnic tension".⁹³¹

The debate about the participation of Russians in the political life of the state continues to this day. So, in political power structures of Latvia there are only two associations called Russian parties, namely the party "Center of consent" and the party "For human rights in one Latvia" ("ZaPhyol"). Party "ZaPhyol" has no big popularity in Latvia, is not presented in the Riga thought and in the Diet.⁹³²

M.V. Berendeyev⁹³³ gives a description of the process of the formation of national identity. "Since the beginning of 1985, the national upsurge in the Baltic countries has taken place in several stages: the initiated "revolution from above", the proposals and activities of the intelligentsia, the re-creation of national symbols and the emergence of mass national movements, and then the emergence of a new political elite that created specific political regimes." In his article it is noted that the main reasons for the politicization of national movements in Latvia are: "The crisis of the planned economy, expressed in the fall of the rates of economic development, the decline in the standard of living, the collapse of official ideology and the idea of sovereignty and restoration of lost political independence actualized against the crisis, the desire to preserve the national identity".

On October 8, 1988, the People's Front organization was established in Latvia, which after 1993 was divided into independent organizations. Ideas, support for reforms, the policies of Perestroika and the autonomy of the Latvian SSR, enjoyed the support of both the titular and non-titular populations. The influence of the "Popular Front" affected the construction of an ethnic nation and identity in modern Latvia. Organizations formed during the collapse of the Popular Front created their own political programs.

M.V. Kirchanov⁹³⁴ notes that modern Latvian nationalism is characterized by the classical principles of ideology about the domination and priority of the nation, the construction of the state on the ethno-national principle, the proclamation of a special attitude to the Russian-speaking community and ethnic minorities.

After the restoration of the independence of the Republic of Latvia, research in the field of history was mainly a public and political order. There was a need to construct a new version

⁹³¹ Zepa B., Supule I. Latvian Submarine // Expert North-West. 2005. № 34. P. 239.

⁹³² Smirnov V.A. Recruiting political elites in the Baltics: The role of ethnic factor // The Baltic region. 2013. № 4. P. 146 – 159.

⁹³³ Berendeev M.V. Development of nationalistic identities in the Baltic countries: the Latvian aspect // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. 2014. № 6. P. 82 – 94.

⁹³⁴ Kirchanov M.V. The main directions and features of the development of the historiographic situation in modern Latvia // Modern problems of science and education. 2015. № 1 – 1. P. 1 – 9.

of the national history. Also M.V. Kirchanov notes that history was used before to legitimize political processes and states, and in transit societies it "became an important element of various national projects, fulfilling its functions in creating an identity".

History in Latvia became the center of political debate and was subject to politicization and ideologization. So the Latvian historiography was filled with "big narratives". In turn, "large narratives are important links in the chain by which modern societies retain the idea of citizenship, and on the other, idealizing their past, offer their community and the future".

Political mythology after the restoration of Latvia's independence is served by the academic historical community and the historical policy used by the ruling political elites is used. What contributes to the legitimization of the institution of non-citizens, as well as the representation of Latvians as victims of the Soviet occupation.

The communist ideology in Latvia was replaced by nationalism, civil and ideological orientation. The process of nationalization of self-consciousness has generated a demand for historical texts aimed at understanding the world and the role of the nation. So in historical texts Latvians are described as "Victims", and other national groups as "Others". Thus, the national political discourse is serviced, where the history of Latvia is the history of Latvians, namely ethnocentrism dominates.

In historical journalism, intended for a wide audience since 1990, the central place is occupied by Latvian nationalists and poetic opuses about legionaries. Reflections of historical figures and politicians on the correlation of nationalism and freedom are published on a par with scientific articles of this direction. This phenomenon can be explained by the fact that Latvian society is a transitional society characterized by the actualization of the uniqueness of the national identity.

Returning to the topic of large narratives, it should be noted that at present in Latvia they are used in ceremonial publications timed to public holidays and memory days. Such publications contribute to the ideologization and mythologization of history, having an internal and external focus on the mass consumer, that is, they are published in several languages, while they have a large number of illustrations and a simplified exposition of events.⁹³⁵ The foundations of state ideology in Latvia are periodically laid by writing history works by history and political science specialists and presented as official government materials.⁹³⁶

In turn, identity, today, is a mechanism of power in resolving political issues and a mechanism for influencing the social and political climate. "The modern political reality of the

⁹³⁵ Kirchanov M.V. "Great narratives" as a universal form of reproduction of historical myths in modern Latvian historiography // *Modern problems of science and education*. 2015. № 1 – 1. P. 1 – 8.

⁹³⁶ Mezhevich N.M. Russia and the Baltic states: some results and prospects of interstate relations // *The Baltic region*. 2015. № 2 (24). P. 7 – 8.

Baltic states can be represented as the interaction of two competing discourses" in relation to identity: the discourse of sovereignty (national identity) and integration (European identity). National identity is considered from the point of view of security in the integration of the West and the EU. In turn, European identity is the place of the Baltic states around European identity. The discourse of the identity of the Baltic states was determined by the demonization of Russia. The direction of information flows is still negative, indicating the negative attitude of Russia towards the Baltic countries. In the Western world, the return of the Baltic states to the map of Europe was perceived by society as a victory in the Cold War. European identity, thus, was acquired with the possibility of membership in the EU. For the countries of Eastern Europe, it was more characteristic that the Soviet, communist heritage was controversial. The problems that existed in the Baltic States before joining the EU are still relevant today: the status of Russian-speaking minorities, attitudes toward the historical legacy of the Second World War, discussions about the Soviet "occupation".⁹³⁷ So, at the events held in 2010 - 2011 elections to the Saeima of Latvia, experts noted that the political system in Latvia is built on the anti-Russian position of the ruling elite. Today, there is also a situation when there is an appeal to the Soviet past.⁹³⁸ Thus, the conditions under which the securitization of the Russian-speaking population and the Russian Federation took place in the Republic of Latvia is a direct legacy of the Soviet Union and the subsequent construction of a nation-state. Securitization instruments are moments that are spoken about in public and political discourse, in order to create an image of the "Enemy" or to present those or other events in a negative manner. In Latvia there are a number of places and issues that national elites have been raising in political discourse for a long time.

Contemporary composition of I. Feldmanis⁹³⁹ came out in Russian about the history of the Republic of Latvia "The collapse of hopes. A new look at the events of the Second World War in Latvia. "In the preface of the book there is the following generalization: "In fact, two generations of the population should be considered lost generations, because they could not fully realize their dreams, plans and opportunities. They were subjected to a socialist experiment, unworthy of living conditions".

Also I. Feldmanis calls communism and Nazism "the two paradigms of absolute evil." "This is our historical memory, the conviction of many Latvians is that in the German time they suffered less than in the Russian time," writes Academician I. Feldmanis. "It's not for nothing

⁹³⁷ Berendejev M.V. Modern trends of the Baltic States in the discourse of identity: between sovereignty and eurointegration // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. 2013. № 6. P. 50 – 57.

⁹³⁸ Smirnov V.A., Sutyryn V.V. Russia as an Irritant Factor for the Political Elite of the Baltic States in the Context of Electoral Campaigns 2010-2011: Expert View // The Baltic Region. 2011. № 2. P. 146 – 153.

⁹³⁹ Vesti segodnya. The version of the defeated, or Short course Feldmanism // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/versiya-pobezhdennyh-ili-kratkii-kurs-feldmanizma> [25.02.2016].

that many Latvians died in the Legion, because at that time they considered the Soviet Russians their main enemies." And also the professor "sharply criticized the version of the winners and put forward the task to eradicate the recurrent influence ...".

The Museum of Occupation in the Republic of Latvia has the role of commemorating the days of "occupation", namely the role of an information source on the history of Latvia. V. Zatlers noted that "the Museum of occupation is very important - it explains historical issues, and also performs informative and research functions". The Museum of occupation regularly receives donations from the inhabitants of Latvia, the president called donations of this kind "good deed".⁹⁴⁰

In 2010, the documentary film "Unshaken" was presented in the Museum of Occupation about Latvian national partisans. According to the representative of the Museum of the Occupation J. Erno, forest brothers as national heroes are glorified in Estonia and Lithuania. Demonstration of this film, the Museum of Occupation expected to lift the veil of mystery from many previously unknown facts of history - victories, mistakes and betrayals associated with national guerrillas.⁹⁴¹ In the Museum of Occupation, events are held related to the memory of the victims of the communist genocide, and also books published in the museum publishing scientific articles, discussions, reviews and new documents, as well as reviews.

In 2012, there was an interest in the Museum of Occupation from tourists. It was noted that about 400 foreign tourists visit the museum every summer. Also, frequent visitors to the museum are the first persons of states visiting Latvia on an official visit.⁹⁴² Employees of the Museum of Occupation created a collection of video recordings of all those who, in one way or another, were offended by the Soviet authorities. A summary of all these video interviews with repressed, legionnaires, emigrants became nine documentary films. One of them - the trilogy about deportation on March 25, 1949 - is specially designed for schoolchildren. Five tapes translated into English.⁹⁴³

In the context of the importance of the Museum of Occupation for the history of Latvia, it is often politicized. So, in November 2015, Vesti Segodnya published an article stating that "The professional discussion of architects about the architectural quality of the annex to the Museum of Occupation and the need to erect this new building in the very center of Old Riga is beginning

⁹⁴⁰ Telegraf.lv. Valdis Zatlers will help the Museum of the Occupation: it is very important // URL: <http://www.telegraf.lv/news/valdis-zatlers-reshil-pomochy-muzeyu-okkupacii> [03.09.2010].

⁹⁴¹ Telegraf.lv. Museum of occupation will show a movie about forest brothers // URL: <http://www.telegraf.lv/news/muzei-okkupacii-reklamiruet-lesnyh-bratyev> [23.05.2010].

⁹⁴² Telegraf.lv. Museum of occupation is gaining popularity among tourists // URL: <http://www.telegraf.lv/news/muzei-okkupacii-nabiraet-populyarnosty-u-turistov> [17.10.2012].

⁹⁴³ Andreevna E. Says and shows the Museum of Occupation // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/govorit-i-pokazyvaet-muzei-okkupacii> [18.02.2015].

to shift to the political plane." And those who believe that the extension is not needed, is almost automatically ranked as "agents of the Kremlin's influence." In the article it was noted that 14 years ago the architect G. Birkerts, the author of the "Castle of Light" - the building of the National Library of Latvia, presented the Museum of Occupation with a sketch of the extension. According to the plan of G. Birkerts, a white rectangle of "House of the Future" is attached to the dark rectangle of the museum, in which, according to the architect, there is a deep idea - the white house as a symbol of a bright future against the backdrop of the dark past.

As a result, a situation arose that the media commented in the context of Latvian traditions as those who encroached on the expansion of the Museum of Occupation, were immediately accused of having links with the Kremlin and personal financial interests. "The discussion moved to the political sphere, and no one is convinced by any arguments that the" House of the Future "does not fit into the architectural appearance of the Town Hall Square, that most of the annex will be occupied not by the museum exposition, but by the staff offices. Moreover, it is likely that in order to maintain such a large building, part of the premises will have to be rented out".⁹⁴⁴

In accordance with the terms of the Tartu and Riga Treaty of 1920, some territories of the Pskov region were included in Estonia and Latvia. With the formation in August 1944 of the Pskov region were transferred to its composition. In the initial period of finding these territories as part of the Pskov region, they retained an administrative and territorial system that was different from the region. From the Latvian SSR, Vyshgorodskaya, Gavrovskaya, Kachanovskaya, Linovskaya, Purvmalovskaya and Upmolvskaya volosts with an area of 1.018.5 sq. M. Were allocated and included in the composition of the Pskov region kilometer, with 479 settlements and a population of 33774 people.

The administrative-territorial division of this territory into counties and volosts did not correspond to the existing order in the RSFSR, and introduced a duality in the administrative division of the Pskov region, which complicated the management of issues of economic and cultural-political construction.⁹⁴⁵

The situation with the territory of Abrene is also often touched upon in political discourse and is a tool of securitization. The conditions in which Abrene became part of the Pskov region were as follows. The leaders of the Soviet institutions and district departments of the NKVD, explaining the complexity of the process of restoring Soviet power, pointing out that "the specifics of ... the territories is their development over the past decades: for twenty years the

⁹⁴⁴ Vesti segodnya. Who is not with us, that "agent of the Kremlin": disassembly // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/kto-ne-s-nami-tot-agent-kremlya> [03.11.2015].

⁹⁴⁵ Kiseleva M.A. Documents in the new districts of the Pskov region (1944 - 1945), Pskov. Scientific and Practical, Historical and Local History Magazine. 2015. № 43. P. 177 – 187.

regions have been under bourgeois rule and privately owned interests have been implanted ... the fascists' power was spurred by nationalism and the rejection of Soviet power ... in the regions there were nationalist gangsters who commit terrorist attacks against the Soviet asset and civilians. " The fight against "nationalist bandhpaststan terrorist groups" operating in the territory of the Pskov region became one of the most important tasks for the party-Soviet and law enforcement bodies. From its solution depended on the "embedding" of new areas in the Soviet way of life and the restoration of the area after the war.⁹⁴⁶

In the middle of 2009, the cabinet of ministers of Latvia discussed amendments to passport rules, according to which in the passports of Latvians born in Abrene until October 1945, Latvia should be the place of birth. According to the amendments, all those who were born before October 1945 in Abrene, Augspils, Havre, Katsen, Linava, Purvmalskaya or Upmala volosts, Latvia will have to indicate in their passports the place of their birth. These territories are now part of the Russian Federation. In 2009, the birthplace was indicated in the passport on the basis of the nationality of the territories, which did not suit the individual residents of Abrene who considered themselves to be patriots of Latvia and did not want their homeland to be officially considered to be Russia.⁹⁴⁷

In 2011, the Latvian National Society in Canada organized a competition "Remember Abrene". The aim of the creative contest was to deepen the knowledge of the Latvian youth about the history of Abrene, as well as to reveal their personal opinion about the events of the past, to explore the history of the region and "to assess the consequences of the loss of this territory for Latvia".⁹⁴⁸

The territory of Abrene was also mentioned in the situation in 2012, when the resident doctor A. Slucis placed an article in Latvian publications. Where it was stated that "the Russians (Russia) committed so many crimes against small neighbors that they can be called the main incendiaries of hostility". A. Slucis accused the Russians of "occupation" of the Baltic countries, deportations, rapes in 1945 in East Germany, abduction of Abrene and other crimes.⁹⁴⁹

Abrene was also mentioned by representatives of the Latvian political elite against the backdrop of events in Ukraine. So in 2014, the mayor of Riga N. Ushakov as follows, commented on the referendum in the Crimea: "Let's take for example two situations. After the

⁹⁴⁶ Sedunov A.V. "To evict forever" (deportation of the population from the western regions of the Pskov region in 1950) // Pskov. Scientific and Practical, Historical and Local History Magazine. 2009. № 31. P. 211 – 217.

⁹⁴⁷ Telegraf.lv. Latvia nevertheless has appropriated Abrene // URL: <http://www.telegraf.lv/news/latviya-gotova-possoritsya-s-rossiei> [17.06.2009].

⁹⁴⁸ Telegraf.lv. Museum of the occupation will remind of Abrene // URL: <http://www.telegraf.lv/news/muzei-okkupacii-napomnit-ob-abrene> [11.11.2011].

⁹⁴⁹ Telegraf.lv. Scandalous doctor Slutsis again accused the Russians // URL: <http://www.telegraf.lv/news/skandalynyi-vrach-slucis-snova-obvinil-russkih> [02.10.2012].

war unreasonable decisions are made. In one case, part of the territory of the Latvian SSR is given to the Russian Federation (Abrene-Pytalovo). Answering the question whether Abrene's accession to Russia was not legitimate, Nil Ushakov said, "This situation was just as legitimate as the Crimea's transfer to Ukraine. In another case, part of the Russian territory is given to Ukraine - the Crimea. That is, the borders between Russia and Latvia, Russia and Ukraine were changed. If we recall, in 2007 our nationalists demanded a return to the former Latvian-Russian border and the return of Abrene. Then why do the same Latvian nationalists in 2014 require that the Russian-Ukrainian border remain unchanged? After all, the situation is absolutely similar! If the nationalists were consistent, they would also demand a change in the border between Russia and Ukraine and the return of the Crimea".⁹⁵⁰

Proceeding from the definition of the concept "The national state is a hypothetical form and the result of self-determination of some group, called a nation and believed to be the primary bearer of power and a source of sovereignty", Latvia is a national state. If you focus on K. Popper, then on the example of Latvia, the phenomenon of nationalism is seen as a self-identification of the Latvian people, in general the Latvian community acts in common, in which every ethnic Latvian feels himself among "his own", protected from the Russian-speaking population.

Nationalism in Latvia is "wrong" ethnic and considers the Latvian nation as a closed group based on common historical roots with a socially psychological nature. Since the beginning of 1985, the process of recreating national symbols and the emergence of national movements has begun to take place in Latvia. The political elite in the Republic of Latvia created political programs based on the protection of ethnic and ethnic identities of ethnic Latvians. Latvian nationalism is a classical ideology about the domination and priority of the Latvian nation, while a special attitude towards the Russian-speaking population is proclaimed.

Proceeding from the policy of nationalism, ensuring the national security of the Republic of Latvia was basically due to the fact that the "Russian Enemy" of the Latvian ethnos and traditions was declared to be the Russian-speaking population, namely the peoples of the former USSR who, during Latvia's stay in the USSR, arrived in its territory within the framework of the economic program conducted by the union. In consequence, Latvian politicians began to talk about the "occupation" of the territory of the Republic of Latvia. Here it is possible to bring the theory of securitization. Securitization - as the perception and interpretation of any event, process or phenomenon in the categories of security as survival. The act of securitization in Latvia proceeds from the fact that Latvia's entry into the USSR political elite of Latvia was called the

⁹⁵⁰ Telegraf.lv. Ushakov: I know that Latvia will be saved from the Crimean scenario // URL: <http://www.telegraf.lv/news/ushakov-garant-bezopasnosti-latvii-edinenie-lyudei> [04.04.2014].

occupation, and the Russian-speaking population was declared a threat to national sovereignty. So the Latvian government has achieved a situation of securitization, when the population of Latvia, both ethnic Latvians, and the Russian-speaking population became an integral part of the usual negotiation process. A process of mobilizing public opinion and a sense of identity has begun to happen - the conflict has become a security issue.

In November 1993, the American human rights organization Helsinki Watch described as serious and systematic human rights violations in Latvia, expressed in the denial of citizenship rights and even registration as permanent residents of whole groups of people who worked for the Soviet military structures - retired Soviet officers. The human rights organization was named by the Latvian department on affairs of citizenship and immigration as the culprit of infringements of human rights. In turn, the director of the department M. Plavnieks "not only did not hide in conversations with American human rights activists, but he was also proud of the arbitrary interpretation of the laws, since this, he said, "is beneficial to sovereign Latvia". At that time, Helsinki Watch called on the Organization for Security and Cooperation in Europe to immediately send its mission to Latvia. "In 1992, the American Life magazine accused the Latvian authorities of carrying out a policy of" ethnic division, "aimed primarily at using discriminatory measures to expel the Russian-speaking population from the country, as well as in inaction with regard to anti-Semitism." In early 1993, the non-governmental organization Freedom Forum ranked Latvia and Estonia in the category of partially free states, due to "measures to restrict citizenship and deny the right to it to Russian-speaking residents of Latvia." In connection with this, the request to the Prime Minister to the Presidium of the Saeima prepared by the faction to the Prime Minister stated: "Under the influence of the international lobby of Russian imperialism, political reprisals are planned with patriotic workers of the department who, in the framework of existing legislation, are trying to protect the Latvian state and the national interests of the Latvian people". The request was also signed by deputies from DNNL and CDU.⁹⁵¹

On October 22, 1993, the President of Germany, R. von Weizsacker, arrived in Riga, at that time it was a question of withdrawing the Russian army from Latvia and discussing the approach of Latvia and other Baltic countries to the European Community. "Germany will be a kind of Latvian lawyer," the German president promised.⁹⁵²

In September 1993, in Riga, at a conference on the problems of resettlement movements, V. Criken, Deputy Representative of the United Nations High Commissioner for Refugees for

⁹⁵¹ Sokolova O. We are in the 90's. Week 2 - November 8, 1993 in the Latvian press // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/my-v-90-e-nedelya-2-8-noyabrya-1993-goda-v-latviiskoi-presse> [03.11.2009].

⁹⁵² Sokolova O. We are in the 90's. Week of 19 - 25 October in the Latvian press // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/my-v-90-e-nedelya-19-25-oktyabrya-1993-goda-v-latviiskoi-presse> [18.10.2009].

the Northern and Baltic States, said: "I want to believe that the new Law on Citizenship, which will be adopted in Latvia, stay and contribute to the future of Latvia. On the other hand, migration, migrants should not be seen as a burden for the country in which they come. It was the migrants who made Australia and Canada rich and strong. And in the case when people come back to their country of ethnic origin, it can also become a blessing for this country".

The enlargement of the European Union is the result of the historic unification of Europe. In 1991, the European Commission recognized the independence of the Baltic States. Two years later, the first agreements on trade and economic cooperation between Latvia and the European Economic Union were signed, and in 1995 Latvia applied for admission to the European Union. In the same year 1995, Latvia became a member of the Council of Europe, an international organization promoting cooperation among all European countries in the field of standards of law, human rights, democratic development, legality and cultural interaction. Two years after applying for membership in the European Union, the European Commission gave the first assessment of the willingness of the candidate country to join and the start of negotiations. Negotiations on accession to the European Union Latvia began in the spring of 2000. On 1 May 2004 Latvia became a member of the European Union.

The focus of the European Union is on issues related to the economy. On the issues of national minority policy, the countries of the European Union do not have a unified position, due to the fact that the specific requirement for candidates for membership was not put forward, and recommendations in the annual reports were rarely given.

"In March 2001, the Latvian Parliament has yet another proposal to ratify the Framework Convention for the Protection of the Rights of National Minorities of the Council of Europe, and the previous refusal (2000) was caused by the inconsistency of a number of Latvian legislation requirements of this Convention. However, unlike economic issues, the European Commission is only limited to stating the facts, but does not give an assessment of the situation".

The European Commission did not comment on the fact that the number of applications for naturalization in 2000 was less than in 1999, while it approved the measures taken to accelerate naturalization, namely the abolition of language tests for graduates of Latvian schools, the reduction of the naturalization fee, the provision of preparatory courses and information campaign.

At that time in Latvia, the reform of education was conducted, the purpose of which was the transition of instruction to the state language. Political scientist B. Kolchanov⁹⁵³, gives the following position of the European Commission on this issue: "Since the European Union does

⁹⁵³ Ignatiev O. What awaits non-citizens in the European Union // AS DELFI // URL: <http://rus.delfi.lv/archive/chtoshdet-negrazhdan-v-evrosoyuze.d?id=4838159> [20.02.2003].

not have clear requirements for the protection of minorities, the choice of the language of education is not a direct subject of negotiations on accession to the European Union, but in carrying out the education reform, it is necessary to be guided by general democratic principles and common sense. That is, Europe is interested in a stable democracy in our country that is impossible without integration, but for the success of the process of eliminating secondary education in Russian is not required. The conclusion is far from revolutionary, however, it clearly contradicts the claims of our national radicals".

The European Commission in 2002 abstained from assessing the problems caused by the Law on the State Language, when the population faced problems of filing documents with state institutions and self-government only in the state language, as well as with the problems of changing non-Latvian names and surnames. The recommendations were given in relation to the norms of the Code of Administrative Violations, as well as on the fine for contempt for the state language.⁹⁵⁴

A year before joining the European Union, the problem of non-citizens of Latvia was an urgent problem in the country. The Latvian representation of the European Commission said that "A large number of non-citizens - a problem, both for Latvia and for Europe in the future". The issue of non-citizens was a national prerogative. The basis of the problem in 2003 was in the definition of the conditions for entry of non-citizens into EU countries. "The rights of non-citizens allow the EU countries, at their own discretion, to decide on what conditions to allow persons without European citizenship to enter their homes".

In 2009, the research of the "Providence" center "Calling for civic participation" led to the conclusion that the editorial offices of major publications create the image of the "Enemy", that is, in 2009 the majority of the negative was addressed to the Russian-speaking population. "The authors of articles and politics impose on the readers the view that the majority of Russian-speaking people are not tolerant".⁹⁵⁵

In 2009, the party "All Latvia!" Supported the project "braucmajas.lv" ("ezhidomoy.lv"), collecting signatures for "expelling disloyal inhabitants of Latvia home." Chairman of the party R. Dzintars said that "it is not only about Russians, but about representatives of other nationalities ... 3085 people want Latvia to be abandoned by the enemies ...".⁹⁵⁶

⁹⁵⁴ Kolchanov B. The rights of national minorities are not among the priorities of the EU // AS DELFI // URL: <http://rus.delfi.lv/archive/prava-nacmenshinstv-ne-vhodyat-v-chislo-prioritetov-es.d?id=2479509> [16.01.2002].

⁹⁵⁵ Telegraf.lv. Telegraph preserves objectivity // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/v-latvii-esty-nezavisimaya-pressa> [09.07.2009].

⁹⁵⁶ Telegraf.lv. "Go home, enemy!" // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/uezzhai-domoi-vrag> [20.05.2009].

The deputy of the Seima from the Union of Greens and Peasants, former Minister of Agriculture M. Rose stated that "speaking of Russian-speaking people, they do not have their own common culture or common origin here. This is a motley audience, consisting of Russians, Belarusians, Jews and representatives of other peoples who call themselves Russian speakers".⁹⁵⁷

The political moment of securitization in Latvia is the fact that the question about the preservation of the ethnic values of Latvians ignored until 1985 was not formulated, but in the aftermath, turned into a matter of national security. In the speeches and programs of the political elite, the image of the enemy in the person of the Russian-speaking population was extended to the whole of society. Thus, the threat posed by the Russian-speaking population to ethnic Latvians mentioned in the public political discourse was a verbal phenomenon, and the measure applied in the form of an institution of non-citizens and the Law on the State Language is a political reality that affects society.

Securitization in the post-Soviet Republic of Latvia occurs when political discourses compare with the Soviet past, or mention negative events and conditions that are emphasized in the communicative mechanism by the fact that a certain image of the "Enemy" is formed, whose actions are aimed at oppressing the Latvian ethnos or the state as a whole. Thanks to this, measures that are aimed at ensuring that the past situation does not happen again are legitimate. Thus, the above-mentioned national parties and parties that position themselves as defenders of the interests of Russian-speaking residents of Latvia are always in different planes of political discourse. Namely, the Latvian national parties lead slogans against the return to the Soviet past during the election campaigns.

In the Republic of Latvia, the main instruments of securitization are the Museum of Occupation and the territory of Abrene. The role of the Museum of Occupation in this direction is not only internal, but also external, and it gives the modern historiography of Latvia an illustrative example, albeit created purposefully. The territory of Abrene, in turn, is used as a mechanism in which the Russian Federation appears to be an aggressive state.

Speaking about the European identity of Latvia, it is necessary to emphasize that it consists of the inadmissibility of the Soviet regime by the inhabitants of Latvia, and from the European society, that the Republic of Latvia has restored its independence from the Soviet Union, that is, it won the Cold War. This is one of the reasons for Latvia's relatively quick acceptance of the Council of Europe, as the Latvian government managed to convince the European community that there is a real possibility of repeating the events of the Cold War. It should be noted that in the course of the political discourse in Latvia, throughout the entire

⁹⁵⁷ Latvijas Avīze. Rose: Russians do not have a common culture in Latvia // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/roze-u-russkoyazychnyh-v-latvii-net-obshtei-kulytury> [02.09.2010].

period before the accession to the European Union, Russian-speaking residents were declared a security problem, being in the territory of Latvia posed a threat to its sovereignty through possible actions on the part of the Russian Federation aimed at protecting them.

Russian-speaking residents of Latvia along with ethnic Latvians participated in the restoration of Latvia's independence. In the future, the development of relations between the two social groups was suspended, and the relationship between them began to deteriorate. This situation occurred during the national policy in the state. Political parties, also divided by national interests, do not contribute to the establishment of relations within society. The policy of the state inclines the representatives of social groups, to the manifestation of a negative to each other. Creating conditions under which one social group stands out, it is given some preferences does not bring society closer.

The political elite in Latvia constantly raises questions connected with the historical heritage of the Soviet Union. Namely, he mentions Stalin's criminal foreign policy, emphasizing that Russia is the successor of the USSR, therefore, bears full responsibility for the events of the past. Latvia operates precisely to the loss of state sovereignty in the times of the USSR.

State building of Latvia is a national state. The process that began with the restoration of independence. He marked the beginning of the division of society on national, linguistic and cultural grounds. The national policy of Latvia allows to divide the society into "one's own" and "others", and also to allocate possible threats that may entail certain actions of "strangers" in the national state.

Proceeding from the historical past, which is characterized by the political elite, as the "occupation" of Latvia by the Soviet Union, as well as the common border with the heiress of the USSR - Russia. And residence in the territory of the Russian-speaking population, which has not lost its cultural, historical, ethnic ties with Russia, has not been integrated into Latvian civil society, which makes it possible to introduce into the security sphere, namely, to label the Russian Federation as a threat to the sovereignty of Latvia. The securitization conditions operated by the Latvian government, both in domestic and foreign policy, are supported by a part of civil society, as well as part of politicians based on the national policy of the state. So, in Latvia, the designation of the Russian-speaking population, as people who do not belong to the titular nation, the successors of the "occupation regime", perhaps the creators of a similar situation in the future, allows the Latvian government to introduce laws that are contrary to democracy.

CHAPTER II. THE EFFORTS OF LATVIA FOR STRENGTHENING THE DECEKYURIZATION OF THE RUSSIAN-SPEAKING MINORITY

§ II.1. PREREQUISITES TO THE DESIGNATION OF THE RUSSIAN-SPEAKING MINORITY IN LATVIA AS A PROBLEM

The process of desecuritization, as noted above, begins to occur when the points of contact between the conflicting parties are being sought. And in the case of Latvia concerns interethnic issues.

The activities of the EU are based on democratic values and the widespread use of regulatory tools. The essence of the process of Europeanization is to extend the European model of governance to neighboring countries. Europeanization can be viewed as a way of democratization, as well as a way to ensure our own security and stability of the European Union. Thus, the EU's ongoing policy is mainly to build and spread democracy as a global mega trend. The policy of external Europeanization was marked by the example of the democratization of the states of Central Eastern Europe with accession to the EU in 2004-2007.⁹⁵⁸

A.V. Devyatkov⁹⁵⁹ gives an understanding of the securitization of O. Waever and B. Buzan "the process of transforming social values, economic and cultural phenomena into security objects, resulting in the development by the political elites of extraordinary measures that are applied against the corresponding threats automatically without additional discussions". The political moment in the theory of securitization is the removal of political measures or questions from the political. Thus, the threats mentioned in the social and political discourse are verbal phenomena, and the measures applied are political realities affecting society. A.V. Devyatkov writes the following, answering the question why political elites initiate securitization: "The powers that be are always trying to use securitization of this or that issue as an instrument to gain control over it".

One of the methodological mechanisms in theory is the delineation of securitization waves and securitization itself. Waves of securitization appear when trying to problematize any issue, then you can speak about securitization only when the issue is institutionalized and you can apply emergency measures (securitization act).

⁹⁵⁸ Latkina V.A. Politics of the European Union in the Mediterranean in the context of the Arab Spring // Political Science. 2014. № 2 (35). P. 139 – 149.

⁹⁵⁹ Devyatkov A.V. Securitization or desecuritization in modern socio-political processes // In the collection: Security in the West, in the East and in Russia: representations, concepts, situations, scientific editors S.A. Panarin, D.I. Polivyanniy. 2013 г. P. 103 – 107.

Not always securitization has material motives of the initiators. A.V. Devyatkov refer to M. Fuco in the assertion that "not only political actors, but also the audience itself, to which the acts of securitization are directed, is capable of showing them a high degree of sensitivity. The audience's preferences may be short-lived, but even they are quite sufficient for the relative legitimization of political decisions".⁹⁶⁰ With the securitization of the political elites that take place during the initiation, as well as with the approval of the public majority, there may be a narrowing of the field of public freedom.

In the theory of securitization, there is also a process of returning to "normal policy," namely, desecuritization can occur. The desecuritization process can also be a matter of political struggle when there is a discussion about which issue should be referred to the security sphere.

P.A. Tsygankov⁹⁶¹ leads the notion of "security" outside the state context on the basis of three versions of the theory of human security: the theory of societal security, security as "emancipation," a theory combining social security and security as "emancipation".

The theory of societal security is based on the absence of threats and the survival of communities as groups of individuals, united by different beliefs and a sense of a single identity. The concept of societal security is based on the preservation of identity, namely the possibility of preserving identity in the context of globalization and the associated migration processes. In this case securitization according to O. Waever will be the determination of the presence or absence of threats to societal security by examining the process of the perception by the social group of its identity as being under threat, as well as studying the consequences of its actions on the basis of this perception. This issue becomes a security issue through the discourse of social agents who securitize the problem through language.

The second theory that defines security as "emancipation" is explained by the following: "Emancipation is the release of people (individuals and groups) from physical and humanitarian coercion that prevents them from doing what they would like to do." The state hinders emancipation, and accordingly it is not capable of providing this security. P.A. Tsygankov cites the conclusion of critical theorists: "Security as emancipation is able to provide only a universal cosmopolitan, political and moral community outside of sovereign nation-states. This is decided by the main issue of international security: the security dilemma is overcome by eliminating its main source - the state".

The third theory of security, which leads P.A. Tsygankov, uniting the two previous theories, is explained by B. Buzan as a paradox of the fact that "human security depends on the

⁹⁶⁰ Fuco M. The birth of biopolitics. SPb.: Science. 2010.

⁹⁶¹ Tsygankov P.A. The theory of human security: political consequences and lessons for Russia // Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science. 2010. № 4. P. 78 – 83.

state, and at the same time it is the state that creates threats for it." This concerns both internal political processes (violation of individual freedoms) and the foreign political processes of the state.

These theories were put forward by the followers of the Copenhagen school with two key concepts of "securitization" and "desecuritization." Securitization is a discursive design of threats leading to the depoliticization of the security reviewer. Desecuritization is the ability to represent an object in terms not related to security. "Desecuritization, as O. Waever writes, can be achieved only through the definition of security as a linguistic act, contrary to its understanding as an objective threat".

Security is the foundation of those favorable conditions in which social institutions, organizations can operate and in which society can develop. Security is nothing more than a state of protection against threats to vital interests and values. It follows that society is in the process of countering possible and real threats.

In science, there are security of human existence, environmental security and national security. "National security means the state or position of the security object when there is no danger for it. A state that provides sufficient economic and military power for the nation to resist the threats to its existence, coming from both other countries and from within its own country. The real ability to be free from external danger. The state of international relations that exclude the violation of the free world or the creation of a threat to the security of peoples in any form ... The vital interests of the individual, society and the state together constitute the content of national interests of the country ... With all definitions, national security can be designated as a state of security vital interests of the individual, society and the state in all spheres of their life activity from internal and external threats and dangers, ensuring their stability development". The post-Soviet space is characterized by a unified security system, destroyed in connection with the collapse of the USSR. What influenced the formation of the security threat associated with the conflicts that arose in connection with the desire for the independence of states. After the end of the Cold War, post-Soviet states built their political programs on the basis of national interests. That allowed to take the course of development of a nation-state based on the protection and development of the individual, society and the state as a whole.⁹⁶²

Since in 1991 immigrants from the republics of the USSR were not granted Latvian citizenship, the main problem that affects the Russian-speaking population of Latvia is the institution of non-citizens. The law on citizenship in Latvia is discriminatory in many sources and is supplemented by the law on the state language. The law on the state language lowered the

⁹⁶² Tereshina E.A. Security problems in the Eastern European states of the post-Soviet space // Theory of International Relations. Foreign Policy and Diplomacy. 2012. № 3. P. 123 – 133.

status of the Russian language and recognized its legitimate ousting beyond the formal appeal to the public and legal bodies. The laws on foreigners regulate the legal status of non-citizens who are deprived of the right to vote and be elected, and also do not have the right to work in state bodies.

The results of sociological research speak of the national and legal discrimination of the Russian-speaking population of Latvia, which influences his exclusion from the participation in the formation of state policy, and consequently in the removal from the creation of a legal and resource base for defending his interests.

In 2003, the UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination expressed concern about the discrepancy between the Latvian legislation and the law enforcement practice of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. Such concern arose in relation to the above-mentioned Law on the state language, as well as on the impossibility of non-citizens to participate in the political life of the Republic of Latvia.

The problem of discrimination is the attitude towards the Russian as a linguistic minority. At the same time, Russian-speaking residents of Latvia do not have the right to appeal to authorities in the Russian language, as well as to municipalities. They can not receive official information in Russian. The situation with the adoption of the Law on the State Language was complicated by the provision on the transition of school institutions to the Latvian language as the main language of instruction. This reform provoked a protest in the cities of Latvia "For the free choice of the language of education" in May 2003. The problem is also unfinished lawsuits on charges of veterans of law enforcement agencies of the former USSR in participation in the genocide, under which the administrative expulsions of 1941 and 1949 are brought.⁹⁶³

In Latvia, a new stage in the development of language policy began in 1940 after the establishment of Soviet power in the territory of the state. It was at that time that conditions were created for a close interaction of Russian and Latvian languages in various spheres of public life. In the post-war period, a high level of bilingualism was observed in the Latvian SSR, namely, more than half of Latvia's population had a second language besides their mother tongue. State language policy in the USSR was carried out at the academic level, since Russian was the main language of interethnic communication in the republics of the Soviet Union. Since the mid-1940's. before the early 1990s. in Latvia there was an increase in the number of Russian-speaking population. After the withdrawal of Latvia from the USSR, a change in sociopolitical conditions began in the country.

⁹⁶³ Scrinnik V.M. Russian Diaspora in the Baltic States: Socio-Political Discourse and Problems of Consolidation // *Uchenye zapiski Rossiyskogo Social'nogo Universiteta*. 2009. № 2. P. 126 – 131.

The increase in the number of Russian speakers in Latvia was facilitated by Latvia's accession to the USSR. That entailed the need for knowledge of the Russian language for the ethnic population of Latvia. After the end of the Second World War, there was a need for skilled labor in all the republics of the USSR. And since Latvia at that time was already part of the USSR, then the Russian-speaking population came to its territory to raise the level of the economy. The majority of Russian speakers were engineering and technical intelligentsia. Also, the resettlement in the border zones of the Latvian SSR in the 1940s-1950s contributed to the unsettled life in the settlements of the border zone. At the same time, there were universities and educational programs in the Latvian SSR, which were allowed to be educated exclusively in Latvian.

Particular attention was paid to teaching the Russian language of Latvians in the primary school, which ensured, in consequence, a good knowledge of the Russian language and allowed to continue education in Russian universities. In turn, the Latvian language in Russian schools was taught at a lower level. What was due to the practical need of the Russian language. So the Russian-speaking population in the Latvian SSR did not need to know the Latvian language because it was not necessary to use it. The transition from Latvian into Russian for a native speaker of the Latvian language was carried out on his initiative. Exceptions were professional activities related to artistic creativity and sports. And also the desire of a Russian-speaking person to master the Latvian language. Thus, the language policy in the Latvian SSR was of a mild and planned nature, without any psychological pressure. This policy made it possible to avoid language conflicts, and was sufficiently effective in a multinational society.

Full bilingualism, namely, fluency in two languages and the ability to think in both of them was extremely rare. In the Latvian SSR, there was a situation of incomplete bilingualism, when representatives of one group did not fully know the language of the second group and used it, if necessary, in certain areas. The speakers of the Russian language, which dominated in all the republics of the USSR, were monolingua or could understand the language of other nationalities.

In the Latvian SSR, the situation of harmonious interaction of natural and artificial models of bilingualism was observed. Latvian children could learn Russian, both at school and in communication with Russian-speaking children. Live communication on a conversational level was supported by a high level of academic teaching of the Russian language. Contact bilingualism was spread at the expense of communication of the Latvian population with Russian-speaking residents, and the use of the Russian language in other cases was conditioned by practical communicative attitudes.

In the Latvian SSR, bilingualism has developed because of the desire of the Latvian population to expand their social contacts and integration into society, and to increase the level of readability and the possibility of translating literature into other languages of the peoples of the USSR.

The process of repressed language policy began to be carried out in Latvia after leaving the USSR. Language policy presupposes measures that the state uses to achieve social and linguistic goals. Language policy is aimed at changing linguistic norms, strengthening or weakening the influence of a particular language, as well as narrowing the scope of a particular language. The Latvian independent state in turn, through language policy, sought to weaken the influence of the Russian language and narrow its sphere of influence in all public spheres. Radical changes in the language policy of the Latvian SSR were followed by a new political elite of the independent state, which was extremely unhappy with the situation in the national language. The measures that the new political power applied were of a conflict nature, since it had psychological pressure. A fundamental change in the existing linguistic situation with a change in the interaction of languages within the state in which the representatives of the Russian-speaking population remained to live, suffered various problems, both in the areas of education, citizenship, and in the communication of all sections of the population.

The repressive nature of Latvian language policy is evidenced by the fact that the Latvian language was endowed with the status of a state language, and the Russian language retained the status of an unofficial language of interethnic communication. In turn, the situation in modern Latvia proves this fact by the fact that people in demand on the job market today are those who possess the knowledge of three languages, namely Latvian, Russian and English. The sign of the repressed language policy is also the decree of the Latvian government prohibiting the reception of documents of municipal institutions in the Russian language, because of its equating to foreign languages. Other signs are connected with restriction of distribution of the public information in Russian, with liquidation of official public inscriptions of informational and indicative character. The Latvian Law on Education provides for teaching in high schools exclusively in Latvian, and in public secondary schools, bilingual education.

The State Language Center is a state body established to check compliance with regulations in the field of the functioning of the state language. The Center has the right to impose administrative penalties for violating the rules of language policy.⁹⁶⁴

The language policy of states is based on the needs of identity and mutual understanding. The need for identity lies in the possibility of communication in the language that a person takes

⁹⁶⁴ Filey A.V. Problems of bilingualism and a survey of the sociolinguistic situation in Latvia // Socio- and psycholinguistic studies. 2014. № 2. P. 69 – 73.

for the first time in his life. In turn, the need for mutual understanding lies in the desire of people to communicate in one language in the society in which they live and with whom they interact. In many states, due to the ongoing language policy for the integration of society, minority languages are being oppressed, which in turn leads to inevitable conflicts between representatives of national minorities and the titular nation.

In states that do not officially pursue a language policy, one way or another, the suppression of one and the spread of another language occurs. These types of impact on languages occur through policies in the fields of education, the media, and so on.

The need for identity is determined by the possibility of communication in the language of its ethnos and its culture. The use of a different language in this case leaves a feeling of inferiority, both cultural and social. The ideal case of meeting this need is a monolingual society. Modern monolingual societies are either isolated peoples who do not have contact with neighbors and the outside world, or an uneducated and oppressed ethnos. In turn, the population of developed national states can also be monolingual. Since communication and erasure of state, public and national borders provides for communication between people whose mother tongue is different, the norm is bilingualism. Bilingualism for minorities and immigrants is negative, since it entails such consequences as either living a full life, or living in a closed society. In the first case, a person loses his own identity, in the second case, a person loses the opportunity to be socially and economically active.

The need for mutual understanding within one state is satisfied by a single state language or several languages that have the official status of state languages. The state, in turn, pursues a policy of dissemination and maintenance of the functions of the state language.

The state language is the language of the ruling ethnos, thus, automatic satisfaction of the identity needs of the majority of the population occurs. And bilingualism for the population is voluntary.

During the Soviet times, representatives of national elites declared about "linguistic genocide" and about the dangers of bilingualism, thereby seeking not to use the Russian language.

With language policy, the goal, which is the language change, is always economic, political and cultural pressure. National minorities, who in this situation have to give up their native language, realize that they are forced to switch to another language, while understanding that this change entails material prosperity. This situation puts representatives of a nationality before choosing the loss of the mother tongue or remaining in poverty.

Between the representatives of the monolingual and bilingual population, due to inequality, a conflict situation can be created, which was characteristic of the times of the USSR. In the USSR, the actual problem was that representatives of non-nationalities whose language was not Russian had to sacrifice their identity or their need for mutual understanding. The need for mutual understanding was not satisfied unconsciously, without expanding social ties. The need for identity was not satisfied consciously, but had a number of positive consequences, and it was due to the knowledge of the Russian language that socio-economic progress could be made.

The state has always acted and acts as a force supporting the dominance of the official language. A different situation, caused by replaceable tsarist policies, is typical for the 1920s and 1930s. XX century in the USSR, when the Soviet republics were given the opportunity to translate office work from the Russian language into minority languages, the creation of national schools and the implementation of other measures to preserve minority languages on a par with Russian. But in the second half of the 30's I.V. Stalin began to pursue the policy of Russification. Under the government of N.S. Khrushchev's policy of communism struggled with differences, including linguistic ones, which led, in the 1960s, to the disappearance of minority schools.⁹⁶⁵

In Latvia, as in other Baltic countries, the basis of national-state identity is the ethnic form of social identity. In this case, there is a situation of confrontation not of the titular nations of state national policy. In Latvia, throughout the entire period after the restoration of independence, there is a struggle with the Russian language, which is dictated by the perception of language as a key sign of national identity. In this context N.M. Mezhevich also noted that in the Baltic States an unbalanced national policy is a source of threats that are also related to such aspects as the revision of state borders.⁹⁶⁶

Latvia is included in the list of the Baltic states, which passed the period of democratic transit and reached the irreversibility of democratic institutions. The main conditions for the transit of democracy are such provisions as an adequate perception of historical experience and the existence of national unity. And also the ratio of democracy and sovereignty, and the institutional position for the implementation of democratic programs.

The desire of the Baltic states for a democratic system is determined by the historical functioning of the institution of parliamentarism and by the desire to oppose communism. In the late period of the existence of the USSR, Latvia, and other Baltic states, the first declared its right to self-determination. An attempt by the authorities of the USSR to forcibly keep the state

⁹⁶⁵ Alpatov V.M. Language Policy in the Modern World // Scientific Dialogue. 2013. № 5 (17). P. 8 — 28.

⁹⁶⁶ Mezhevich N.M. Identity and Boundary: Some Theoretical Questions and Practices in the Eastern Part of the Baltic Sea // The Baltic Region. 2014. № 3 (21). P. 95 – 106.

in the union further strengthened the desire of the Baltic States for independence. This fact led to the formation of problems related to the acquisition of national unity.

Ethnic identity became associated with freedom and democracy, which led to the consolidation of society. The process of democratization in Latvia was significantly influenced by the position of the national heterogeneity in society. As well as significant social and economic changes after independence, the population was differentiated. Thus, there was a situation when the population of Latvia was divided into two groups. The first group consisted of native Latvians, who wanted to restore an independent state. The second group was the Russian-speaking population, which for a long time already lived in Latvia for a long time. In the early 90's. there was a division of the population in independent Latvia on ethnic grounds. What led to the emergence of "ethnic democracy", namely, the realization of the rights of the titular population, i.e. one ethnic group. Adherents of ethnic democracy - the dominant ethnic groups and elites, advocate the democratization of public and state life, but against the democratization of their own privileged position.

In turn, ethnocracy is contrary to such fundamentals of democracy as the work of institutions of civil rights and freedoms of the whole society, regardless of nationality. For the implementation of the process of democratic transit, the existence of opposition political parties and the holding of regular elections is not sufficient. A prerequisite is also the creation of a system and institutions that represent the interests of citizens regardless of their nationality. The ratio of the development of democracy and the preservation of Latvia's sovereignty is ambiguous characterizing the process of democratic state transit. Democracy and sovereignty should mutually reinforce each other with the successful conduct of the process of democratic transit.

Thus, there is a process in which democracy or sovereignty are a problem of choice. So, Latvia can be ranked among states with a low degree of sovereignty and close to the consolidation of democracy, which is an asymmetric model of the relationship between the level of development of sovereignty and the degree of democracy in the political regime. What is the result of ethnopolitical conflicts, the reasons of which are connected with the restriction of the rights of national minorities in Latvia.⁹⁶⁷

The political elites of Latvia are currently carrying out a program to integrate the Russian-speaking population. At the same time, statements about the Russian-speaking population as a security issue are made by political elites more often when promoting their own political program.

⁹⁶⁷ Brodovskaya E.V., Vlodka A. Socio-political factors of post-communist transformation in the Baltic countries // *Izvestiya of Tula State University. Humanitarian sciences*. 2009. № 2. P. 152 – 162.

Latvia, as a national state, has built its foreign and domestic policies to protect national values, preferring the titular population, while creating conditions for integration into Latvian society for the citizens of the former USSR. Existing differences in the legal legislation between citizens and non-citizens of Latvia allow speaking at the international level of discrimination, but the government of Latvia has created state institutions and conditions for the integration of non-citizens.

The regionalization of social processes is a geospatial effect of globalization, when the formation of regional communities with political, historical, cultural, civilizational and economic unity is taking place. The process of regionalization is accompanied by both a disintegration and an integration trend. In the case of a disintegration trend, the key factor may be the disintegration or its threat to states and unions, which may entail the formation of new states and regions. In turn, with the integration trend - the formation of regional communities as a result of the merger of territorial and political actors. These trends are also relevant when considering the process of forming both the independent states in the post-Soviet space and their policies. In the collapse of the Soviet Union, the external factor of the disintegration trend was the Cold War in the relations of the socialist system in Europe, in turn the internal factors were the socioeconomic and ideological crises of Soviet society. What led to the formation of problems associated with the socio-economic, political, interethnic life of society. The disintegration trend affected the formation of problems related to interethnic conflicts of independent states. At the same time, the disintegration of the USSR has moved into the process of European integration. Namely, the factor of regionalization was the process of expansion of the European Union, NATO and other European institutions.

Formation of the post-Soviet space was the factors associated with the geographical location of states and their historical development, as well as factors related to the political and cultural community of peoples, a single transport system and economic ties. Also important are global and regional challenges and threats related to international terrorism, drug trafficking and illegal migration.

The post-Soviet space was divided into two subregions, namely the Baltic and Eurasian ones. The subregional community of the Baltic states is based on their general trends in the formation of foreign and domestic policies. So Latvia, Lithuania and Estonia created the Baltic Assembly, joined the Central European Free Trade Area, the European Union, the OSCE, the Council of Europe, NATO and other European structures.⁹⁶⁸

⁹⁶⁸ Kaledin N.V. Post-Soviet space: the premise and results of regionalization // The Baltic region. 2009. № 1. P. 1 – 23.

J. Ozolinya⁹⁶⁹ noted that the countries of the Baltic region are Russia's access to Europe. Therefore, the Russian Federation is interested in establishing relations with the countries of the region. A. Stranga⁹⁷⁰ speaking about the relations between Russia and the Baltic States by 1997 noted that by that time the relations were stable. From the Russian side, the border issue, as well as some economic projects, has not yet been resolved. A. Stranga, since 1991, three countries have established normal relations with Russia, which were governed by dozens of agreements in different sectors, but at the same time, neither side was completely satisfied with the existing relations.

A. Leinsh⁹⁷¹ he said that Russia's attitude towards the Baltic states is closely connected with the need for reforms in Russia and the need for a "new thinking" different from the "imperial thinking" formed over the centuries. Russia will not be able to achieve success in the reforms if it continues to consider the "occupation" of the 1940 Baltic states legitimate, as part of the Soviet Union. A. Leinsh called the situation ideal if Russia "let the Baltic countries" in search of membership in NATO.

D. Bleiere⁹⁷² suggested that one of the unifying factors of the Baltic countries is the common experience of the communist regime, but it can be a transitional one. Thus, cultural integration is possible only through Europeanization, through the creation of its bearers of a common European cultural heritage, due to the lack of a historical past for the creation of an identity in Central and Eastern Europe.

The enlargement of the EU was a powerful factor in the development of cooperation between the Baltic States and Scandinavia. One of the reasons was that the Nordic countries are interested in strengthening the Northern Dimension with the help of the Baltic States in order to exclude the view that they are small countries with limited power.⁹⁷³

Due to the leaders of the NATO countries, accustomed to the prolonged inter-bloc confrontation of the Cold War, there were no prerequisites for NATO's expansion to the East. But since the so-called "security vacuum" arose in the post-Soviet countries, the NATO countries decided to become "security donors" for these states. At the same time, the governments of the countries of the post-Soviet states did not have confidence in the military-political bloc of the

⁹⁶⁹ Ozolinya J. The Impact of EU and NATO Enlargement on Baltic-Nordic Cooperation // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 41 – 101.

⁹⁷⁰ Stranga A. Baltic-Russian Relations: 1997 // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 139 – 196.

⁹⁷¹ A. Leinsh Joining the EU and NATO: Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century // Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 9 – 50.

⁹⁷² Bleiere D. The Role of Central Europe in Baltic State Policies // Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 51 – 70.

⁹⁷³ Ozolinya J. The Impact of EU and NATO Enlargement on Baltic-Nordic Cooperation // Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 71 – 122.

USSR, of which they were members until recently. Relations with NATO were seen as a reliance on their own forces and internal regional integration to ensure the security of the republics of the former USSR. The UN, NATO, the OSCE, the Council of Europe and the European Union conducted conflict monitoring and monitoring in the territory of Latvia. Their actions were mostly of a recommendatory character, and representatives of these structures were not direct participants in the settlement of conflicts.

NATO's activity in the post-Soviet space is a consequence of the crisis of self-identification of the alliance, due to the disappearance of the Warsaw Treaty Organization. In turn, Europe had some concerns about the transfer of NATO bases to the East, as the security of Western European countries was declining. At the same time, the post-Soviet countries pursued a policy of integration into the European (Western) society and the desire for cooperation with NATO played a role in the integration ambitions of states, as well as in the desire to possess western security technologies and be included in a powerful geopolitical alliance in the field of security. At the same time, it should be noted that "... the main reason for establishing a dialogue field between NATO and the states of the post-Soviet space, and more broadly, the launching of a tendency to build a regional security system with reliance on extra-regional forces is the presence of sharp conflict points in the region caused by a phenomenon such as "Safety vacuum".⁹⁷⁴

The Government of the Republic of Latvia made statements that accession to the European Union, NATO, and ratification of the border treaty with the Russian Federation is nothing more than an improvement in the security situation. The political situation in Latvia is influenced by the status of the state and its activities within NATO, the UN, the European Union, activities in the Eastern Partnership program, the Northern Dimension, the Council of the Baltic Sea States, and the foreign policy of the state.

The basis of the national foreign policy of Latvia is the membership of the state in NATO, which is the guarantor of the security system. In turn, the basis for a reliable and stable development of the Republic of Latvia is participation in the European Union. The side of Brussels Latvia accepts on the issues of relations between the European Union and the Russian Federation, while regarding relations with the Baltic republics, Riga takes a tougher stance compared to Lithuania and Estonia. The political elites of Latvia call for more vigilant relations with Moscow on the issues of the EU's Common Security and Defense Policy. The relations between Latvia and Russia within the framework of the "Baltic EU Strategy" are built on transport and logistics, diversification and liberalization of the regional market, as well as cross-

⁹⁷⁴ Babadzhanov A.Y. Formation of the dialogue space "NATO post-Soviet states" // Bulletin of MGIMO University. 2011. № 6. P. 42 – 46.

border cooperation and ecology of the Daugava river basin. In the Eastern Partnership program, Latvia sees its role in enhancing its reputation in NATO as a Western presence at the borders of Russia. In the Northern Dimension, the Latvian government sees the following priority areas of cooperation: energy security, transport and logistics, ecology and health. The format of regional cooperation is the Council of the Baltic Sea States, which is oriented towards uniting approaches of coastal countries, common interests and problems. In the direction of this program, Latvia is interested in implementing energy and transport projects, interregional cooperation, improving the Baltic ecology, as well as in the development of cultural exchanges and countering crime. Also in the UN Latvia adheres to the line of the European Union and NATO.⁹⁷⁵

N.M. Mezhevich and L.S. Sazanovich⁹⁷⁶ noted that theoretically Latvia is perceived as a state that does not have sovereignty. This view is related to the perception of Latvia as an EU member state. Thus, in theory, this situation looks like the management of the EU by the political and economic sovereignty of Latvia. Latvia's foreign policy towards Russia outside the theory is aggressive, which is the choice of the Latvian government, and is also dictated by the obligations of the relations in which Latvia is a member of the EU, NATO and the OSCE.⁹⁷⁷ N.M. Mezhevich noted the following: "All the major infrastructure projects of the Baltic States somehow bear an important political burden. All of them are oriented towards achieving a falsely understood geo-economic independence, ignoring the objective laws of the market and the logic of the international division of labor".⁹⁷⁸

According to A. Stranga⁹⁷⁹ Russia has never had a logical policy and certain goals that it would like to achieve in Latvia. Various political and economic figures disagreed on this issue, but they were unanimous in their desire to "punish" Latvia for the pro-Western course, for refusing to satisfy the interests of Russian oligarchs to a sufficient degree, as well as their intransigence to the problem of Russian-speaking residents in Latvia.

There were a number of problems between Russia and NATO. Problems arose mainly from mutual mistrust since the Cold War. Russia has always objected to the expansion of NATO, which it perceived as a threat. Moscow has also always tried to impose its will and interests in

⁹⁷⁵ Naumov A.A. Priorities of the Foreign Policy of Latvia at the Present Stage // *Power*. 2012. № 10. P. 117 – 120.

⁹⁷⁶ Mezhevich N.M., Sazanovich L.S. Modern Problems of Russian-Latvian Relations // *The Baltic Region*. 2013. № 3 (17). P. 93 – 106.

⁹⁷⁷ Mezhevich N.M. Eastern Europe. To the 100th Anniversary of the Political Project // *The Baltic Region*. 2016. T. 8. № 1. P. 26 – 47.

⁹⁷⁸ Mezhevich N.M. Foreign policy of the Baltic States and major infrastructure projects 2010 - 2014 // *The Baltic region*. 2014. № 1 (19). P. 7 – 28.

⁹⁷⁹ Stranga A. Baltic-Russian Relations 1998 – 99 // *Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century*. 1999. P. 123 – 148.

the formation of world order, security, and maintain its authority in countries that have been wounded as part of the USSR.⁹⁸⁰

Today, international organizations and UN institutions are involved in the development and protection of national minorities. The actions of international organizations to protect the rights of national minorities are mainly aimed at preventing possible conflicts. In the UN, there are a number of institutions dealing with issues of national minorities, such as the Committee on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination, the Committee on Economic, Social and Cultural Rights, UNESCO and others.

In Europe, the main support and protection of the rights of national minorities is provided by the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE). In June 1992, the OSCE established the post of High Commissioner for the Rights of National Minorities, which is the main mechanism for preventing conflict at an early stage. The main goal of the High Commissioner for the Rights of National Minorities is to provide early warning and urgent action with the emerging tensions regarding the problems of national minorities. His activities are based on trust and independence from the parties involved in the conflict.⁹⁸¹

§ II.2. DIFFERENCES BETWEEN LATVIA'S DOMESTIC AND FOREIGN POLICIES IN RELATION TO THE RUSSIAN-SPEAKING MINORITY

Latvia's foreign policy strategy on issues related to the periods when the state was part of the USSR and the position of the Russian-speaking population, after the restoration of independence, is as follows. The period from June 17, 1941 to August 21, 1991 in Latvia is recognized as an "occupation". The Latvian government declares that within two months in 1940 the legal status of Latvia has changed dramatically. The Soviet armed forces "occupied" the country on June 17, and on August 5 the process of annexing Latvia was completely completed, and Latvia was annexed to the USSR. Nevertheless, the Republic of Latvia continued to exist de jure as a subject of international law.

Although the "Soviet occupation" regime destroyed existing state and public institutions, it could not destroy the diplomatic service of Latvia. Over the next 50 years, diplomatic and consular missions continued to represent the Republic of Latvia de jure in the rest of the world. Their activities bore legal and economic foundations.

⁹⁸⁰ Bungs D. The EU and NATO, Their Policies Toward Neighbouring Countries, Especially Countries of Central Europe, the South Caucasus, and the Russian Federation // *An England Europe and Its Neighbourhood Policy: the Eastern Dimension – Research Project – Riga, Latvian Institute of International Affairs*. 2004. P. 6 – 28.

⁹⁸¹ Nemechkin V.N. Ways to improve the mechanism for realizing the rights of national minorities in the Russian Federation // *Socio-political sciences*. 2011. № 1. P. 122 – 125.

On May 17, 1940, the Cabinet of Ministers of Latvia granted extraordinary powers to K. Zarinsh, who was the Ambassador of Latvia to Great Britain. K. Zarinsh has been authorized to protect interests of Latvia, to supervise work of representations of Latvia abroad and to be responsible for the state finance. On July 23, 1940, US Deputy Secretary of State S. Wells issued a statement that defined American policy towards Estonia, Latvia and Lithuania during World War II and in subsequent periods. Washington did not recognize de facto or de jure the fact of the "occupation" of the three Baltic states and their inclusion in the USSR. After the death of Latvian Ambassador K. Zarinsh in 1963, control over the diplomatic and consular service in Latvia was transferred to the Latvian Embassy in Washington.

The Latvian gold reserves in foreign banks served as an important guarantee in the further existence of the statehood of Latvia. The US government allowed to transfer part of the deposits in bonds. The income from the bonds was used to support the representations of Latvia, both in the US and in other countries.

Depending on the point of view of each of the countries in which the Latvian diplomats were present, in recognition of the "occupation" of Latvia de facto, Latvian diplomats worked either in an official capacity or within the limits of their personal diplomatic status. The status of honorary consuls could also be limited, since in most countries (except the US) only acting consuls could be and work.

The Latvian organizations in exile supported the efforts of their diplomatic missions to protect the statehood of Latvia. Using all available legal means to convince politicians, governments and international organizations that they do not recognize de jure "occupation" and annexation of Latvia.

Between May 1946 and April 1990, Latvian diplomatic and consular representatives held 17 meetings to develop strategies for maintaining Latvia's legally independent status. On May 4, 1990 the newly elected deputies of the Supreme Council declared in Riga about the restoration of the independent and democratic Republic of Latvia. After the formation of the new government, the possibility of cooperation between diplomats in exile and the Ministry of Foreign Affairs was discussed. In accordance with the protocol of the meeting in Washington on April 14 and 15, 1991, the diplomatic service officers in Latvia expressed their readiness to cooperate with the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. The position of Latvian diplomats was decisive in the period from 1988 to 1991. - during the national awakening and movement towards independence of Latvia. Their position that the state will be de jure restored together

with the constitution of 1992, was a significant contribution to the preservation of the statehood of Latvia.⁹⁸²

Latvian society has always been multicultural. Latvia respects ethnic, linguistic and religious diversity. As Latvia regained its independence in 1991, the integration policy became a key domestic issue. The previous fifty years of Soviet power left a strong influence on the social, demographic and economic development of Latvia. An integral part of the restoration of independence was the restoration of the status and rights of those persons who were recognized as citizens of Latvia in accordance with the law of 1919 on citizenship, as well as their descendants. A special temporary status was created for citizens of the former Soviet republics - namely, the status for non-citizens of the former USSR citizens who do not have the citizenship of Latvia or any other country - non-citizens.

According to the Ministry of Foreign Affairs of Latvia, Latvia successfully copes with the legacy of the Soviet era in a democratic framework, and with due respect for the rule of law, human rights and international practice. Latvia has ratified all the basic documents on human rights, consulted international experts in the field of human rights and followed the recommendations of various international organizations (UN, OSCE, SE, etc.) in drafting relevant legislation. This allowed the Latvian legislation to ensure full compliance of legislative acts with international standards.⁹⁸³

Education in the languages of national minorities is a prerequisite for preserving the cultural identity of national minorities in Latvia, as well as for ensuring their integration into Latvian society. State-financed education programs for national minorities in Latvia are available in seven languages. State support for education programs in minority languages in Latvia is much higher than in many other European countries. Representatives of international organizations, in some cases, highly appreciated the reform of education of national minorities, conducted by Latvia. The experience of Latvia in the formation of national minorities attracted the interest of the member countries of the European Union and other countries, such as Georgia, Moldova, Kyrgyzstan, Tajikistan, etc. Various cooperation projects and visits are organized in such a way that Latvia can demonstrate its experience in reforming the education of national minorities.⁹⁸⁴

⁹⁸² Archive of the Ministry of Foreign Affairs of Latvia. "" Attention to the statehood of Latvia "Foreign employees of the service of Latvia in exile during the years of occupation June 17, 1941 - August 21, 1991" // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/about-the-ministry/history-of-the-foreign-service/on-guard-for-latvia-s-statehood-latvia-s-foreign-service-staff-in-exile-during-the-years-of-occupation-june-17-1941-august-21-1991>. [02.12.2014].

⁹⁸³ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Integration of society in Latvia // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration> [05.11.2015].

⁹⁸⁴ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Education of minorities in Latvia // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia> [19.02.2015].

State financial support in Latvia is provided to programs for the formation of national minorities in seven languages: Russian, Polish, Jewish, Ukrainian, Estonian, Lithuanian and Belarusian. In 2015/2016 academic year 811 schools have received state funding. Of these, 104 schools implement educational programs for national minorities. 94 schools, in which educational programs are conducted bilingually, in Latvian and in Russian. 4 schools - in Latvian and Polish, 1 school in Latvian and Ukrainian, one in Latvian and Belarusian, two in Hebrew, one in Latvian and one in Lithuania, and one in Latvian and Estonian languages.⁹⁸⁵

Until the mid-1990s in Latvia there were two different systems of school education - Russian and Latvian. When the Law on the State Language came into force in 2000, the ability to speak the Latvian language became an integral part of life, both in the public and private sectors. For this reason, it was necessary to create an education system that could provide equal opportunities for employment and for further education. It was necessary to ensure equal opportunities for school leavers, from both Latvian and schools implementing minority education programs. Thus, it was possible to achieve results when 60% of the training is conducted in the Latvian language, and 40% in the languages of national minorities or bilingual.

The new Law on Education was adopted in 1998 by a working group consisting of representatives of international experts, heads of schools of national minorities, teachers and experts from the Ministry of Education and Science. Their decisions were based on the experience of other European states, in which programs for the education of national minorities were implemented. The Education Act provides a solid foundation for the national education system. The law guarantees that the educational programs of the national minorities include the necessary knowledge of the ethnic cultural heritage and the study of the Latvian language. The knowledge of the Latvian language subsequently gives an opportunity for integration into the civil society of Latvia.⁹⁸⁶

The results of centralized national examinations show that the results of examinations in Latvian schools are similar to those in schools where minority education programs are conducted. Students in minority schools receive higher scores in mathematics and physics than students in schools with Latvian language of instruction. In addition, the number of schoolchildren who choose the Latvian language for passing exams is increasing.

⁹⁸⁵ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Minority education: statistics and trends // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia/minority-education-statistics-and-trends> [21.03.2016].

⁹⁸⁶ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Why the reform of education of national minorities was necessary in Latvia // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia/why-national-minority-education-reform-was-needed-in-latvia> [19.02.2015].

The reform of education led to an increase in the knowledge of the Latvian language among the younger generation of national minorities. In turn, the results of centralized examinations show that the language changes in minority education programs did not have a significant impact on the performance of students and the results of centralized examinations.⁹⁸⁷

The education system in Latvia is conducted at three levels - national, municipal and institutional. The Saeima, the Cabinet of Ministers and the Ministry of Education and Science are the main decision-making bodies at the national level. The Ministry of Education and Science is engaged in the development and implementation of educational policies, monitors educational institutions, sets educational standards and determines the requirements for the professional training of teachers.

Every citizen of the Republic of Latvia, holders of passports of non-citizens, citizens of the European Union, citizens of the countries of the European Economic Area and Switzerland, permanent residents of the European Community who have a residence permit in Latvia, third-country nationals and stateless persons who have the right to receive education in Latvia residence permit in Latvia, persons with refugee status, as well as persons who have received temporary protection in Latvia.⁹⁸⁸

The Education Act of 01.06.1999, in Article 41 of the Education for Minorities Program, stipulates that minority education programs should promote integration into Latvian society and promote the study of Latvian national culture.⁹⁸⁹ The work of the Ministry of Education and Science of the Republic of Latvia is based on such laws as the Universal Law on Education⁹⁹⁰, Vocational Education Law⁹⁹¹, Law On Institutions of Higher Education⁹⁹², Official Language Law⁹⁹³ and other state laws⁹⁹⁴.

The State Language Center is run by the Minister of Education and Science.⁹⁹⁵ The main goal of the center is to strengthen the status and sustainable development of the Latvian language as the state language of the Republic of Latvia and the official language of the European Union.

⁹⁸⁷ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Results of reforms // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia/changes-in-the-educational-content-and-students-exam-performance> [05.11.2015].

⁹⁸⁸ Ministry of Education and Science // URL: <http://www.izm.gov.lv/lv/>.

⁹⁸⁹ Legal acts of the Republic of Latvia. Education Law // URL: <http://likumi.lv/ta/id/50759-izglitiba-likums> [17.11.1998].

⁹⁹⁰ Legal acts of the Republic of Latvia. General Education Law // URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=20243> [30.06.1999].

⁹⁹¹ Legal acts of the Republic of Latvia. Vocational Education Law // URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=20244> [30.06.1999].

⁹⁹² Legal acts of the Republic of Latvia. Law On Institutions of Higher Education // URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=37967> [17.11.1995].

⁹⁹³ Legal acts of the Republic of Latvia. Official Language Law // URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=14740> [21.12.1999].

⁹⁹⁴ Ministry of Education and Science. Laws // URL: <http://www.izm.gov.lv/lv/normative-akti/likumi>.

⁹⁹⁵ Latvian language agency // URL: http://www.valoda.lv/Agenturas_darbiba/Agenturas_darbiba/653/mid_493.

The State Language Center analyzes the situation of the Latvian language and the dynamics of sociolinguistic processes, provides support to the Latvian language in Latvia and abroad, implements measures to increase the competitiveness of the Latvian language in Latvia and beyond.

Besides the analysis of sociolinguistic processes, the center's main objectives are measures aimed at acquiring knowledge of the Latvian language as a second and foreign language at all stages of education. Supporting minorities in education in the Latvian language. Planning, implementing and monitoring the implementation of projects related to acquiring knowledge of the Latvian language, teaching methods and intercultural communication. Supporting the Diaspora in teaching, preserving and developing the Latvian language, as well as providing assistance for studying the Latvian language at foreign universities. Development of educational material, dictionaries, scientific literature and other methodological materials. Development of terminology and information technologies, including the organization of competitions on projects for the development of the Latvian language. Organization and support of the development of information and educational resources. Providing advice on the use of the Latvian language, for example, assistance in writing foreign names of persons in the Latvian language.⁹⁹⁶

Further, the problem of the state language and the way in which the language policy of Latvia affects the Russian-speaking population is considered. In the Handbook of the State Language Policy for 2005-2014⁹⁹⁷ It is noted that for the successful policy of the state language, it is necessary to unite and coordinate efforts, based on the materials outlined in the manual. The manual poses the following problems. Language competition in the Latvian language is undesirable. In the increased language competition of the Latvian linguistic zone, the activity of using the Latvian language has decreased. The Latvian language has insufficient and uneven use. The ethno-demographic situation in the big cities of Latvia shows the need for sociolinguistic activities that will accelerate the expansion of the influence of the Latvian language.

Inadequate functioning of the state language. It is problematic to use the state language in the police, public transport and the production sector, especially in private enterprises, as well as when making public statements. The state language should be used as a means of informal communication.

⁹⁹⁶ Latvian language agency. Goal and tasks // URL: http://www.valoda.lv/Agenturas_darbiba/Merkis_un_uzdevumi/758/mid_565.

⁹⁹⁷ Guidelines for the State Language Policy 2005-2014 // URL: http://www.valoda.lv/images/stories/Guidelines_of_the_State_Language_policy_for_2005-2014.pdf.

Unmatched nominal and actual sociolinguistic functions between the state language and the Russian language. This situation shows collective linguistic satisfaction with the Russian language, which hinders the process of integration and development of the Latvian language.

Low level of the Latvian language in the professional sphere. The level of the Latvian language does not improve, the level of knowledge of individuals and legal entities is gradually decreasing, which is associated with modern language norms of terminology, spelling, grammar and the choice of different language styles.

The threatening cultural environment of the Latvian language. The conditions of globalization threaten the use of the state language and its level, which threatens the traditions of the language and threatens the state language as the main element of identity.

Malignancy in linguistic conformity. In Latvian society, stereotypes still remain that prevent real perception of the language situation, which shows a discrepancy between the official status of the language and the linguistic behavior of the speakers. There is a situation where the language of communication is used by choice, which complicates the public integration of the state language.

Latvian social groups as an identification can gradually select global subcultures and information field of other states, which can affect the disintegration in society.

New effective tools of language policy can ensure the status of the state language and its long-term development, but the society often ignores the fourth paragraph of the Constitution of the Republic of Latvia, where it is noted that the Latvian language is the official language in the Republic of Latvia.

The main principles of the Latvian language policy since 1989 are such provisions as the Latvian language is the state language in Latvia. And also that the state guarantees the possibility of preserving, developing and using in certain areas the languages of minorities living in Latvia. The basic principles are based on the idea of a language legal hierarchy with the priority of the state language. Thus, the human rights of both the Latvian population and the rights of minorities are preserved.

The main objectives of the state language policy are the implementation of the basic principles of the Latvian language in the legal, educational and linguistic spheres. Full legal functioning of the Latvian language. Raising the level of knowledge of the Latvian minority language living in Latvia. Introduction of norms and standards of the state language in all spheres of public life. Strengthening the influence of the Latvian language in the information space. Implementation of the development and popularization of the Latvian language through literature and art.

Levels of knowledge of the state language. In Latvia, three levels of knowledge of the state language are established: the basic level is level A, the middle level is level B, the highest level is level C. Each level has two degrees: one is the lowest degree, and two is the highest degree.⁹⁹⁸

Spoken language (Latvian): the basic level. The basic level of the first category of the degree (A1) - using phrases and short sentences, a person can communicate on simple everyday topics, minimally using professional vocabulary. Can read and understand short and simple texts (for example, ads, ads, applications). Can write personal information (name, surname, address, education, employment), and also perceive and understand at a slow pace the spoken text of a small volume and elementary structure on familiar topics.

The basic level of the second category of the degree (A2) - the person can communicate on everyday topics, as well as on certain professional topics. Can read and understand simple texts about life and work, can fill out standard documents (for example, forms, invoices, receipts). Can write small texts with information about themselves, perceives and understands at a casual pace told a small amount of information on topics related to work and life.

Spoken language (Latvian): intermediate level. The average level of the first degree (B1) - a person can take part in a dialogue on everyday topics or familiar professional topics. Briefly formulate your opinion, read and understand texts of simple content on different topics. Can fill out standard documents (for example, applications, authorities, acts), as well as simple texts on household or professional topics. Perceives and understands the texts of a simple structure spoken at a natural pace on professional or household topics.

The average level of the second degree (B2) - a person can communicate on everyday and professional topics, clearly formulate and substantiate their opinions, read and understand texts of different content. Can compile the documents necessary at work (for example, references, reports, protocols, notifications, acts), as well as detailed texts on everyday and professional topics. Perceives and understands the texts spoken at a natural pace on various topics.

Spoken language (Latvian): the highest level. The highest level of the first degree (C1) - a person can freely talk. It's enough to express your opinion on various topics, to read and understand texts of different content and degree of complexity. Can write all sorts of business letters (for example, recommendations, characteristics, official letters), as well as other texts. Without any problems, he perceives and understands the texts spoken in the natural and rapid tempo of various structures and on all sorts of topics.

⁹⁹⁸ National Center for Educational Content. State language proficiency test // URL: <http://visc.gov.lv/valval/norise.shtml>.

The highest level of the second degree (C2) - a person can freely talk, expand on various topics (also on less known and complex topics and problems). Can formulate a conversation according to the situation, vary the means of linguistic expressiveness. To fully understand all kinds of content, complexity and style texts, as well as to understand the subtext and semantic nuances. Can make different types of documents, as well as other texts, perceives and understands at any rate texts of different structure and subject matter.⁹⁹⁹

The basic requirements for professional qualifications are available on the website of the Center for Public Education¹⁰⁰⁰, which also outlines the basic requirements for the categories of knowledge of the Latvian language in a particular professional activity. Thus, the first category of the Latvian language is allowed only for the forest ranger, the person who will engage in agriculture, forestry and fisheries.¹⁰⁰¹ The second category of the state language is necessary for work in the industrial and processing industries¹⁰⁰², for electrician¹⁰⁰³ and the electrician¹⁰⁰⁴. And also for representatives of private services, namely for make-up artists¹⁰⁰⁵ and for operators of the perfume and cosmetic industry¹⁰⁰⁶. The third category of the Latvian language in the field of engineering knowledge and technologies is to be owned by the technologists of electrical installation networks, the technologists of the electrical equipment plant, the technologist in the rural energy sector, the technologist of electrical networks, and the technologist of the perfumery and cosmetic production process. In the sector of private services, the third category of the

⁹⁹⁹ Ventspils University College. Official language // URL: <http://venta.lv/ru/nepreryvnoe-obrazovanie/yazykovye-kursy/gosudarstvennyj-yazyk/>.

¹⁰⁰⁰ National Centre for Education of the Republic of Latvia. Basic qualification requirements // URL: <http://visc.gov.lv/profizglitiba/pkp.shtml> [Last modified - 09.10.2014].

¹⁰⁰¹ National Centre for Education of the Republic of Latvia. At the sitting of the meeting of the Trilateral Cooperation Sub-Council on Vocational Education and Employment March 20, 2013, No. 2. Basic requirements for the professional qualification of forestry worker // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0012.pdf.

¹⁰⁰² National Centre for Education of the Republic of Latvia. Vocational Education and Employment Tripartite Cooperation Sub-councils. At the sitting of January 30, 2013, the protocol Nr. 1. Basic requirements for the professional qualification of the cutter // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0001.pdf.

¹⁰⁰³ National Centre for Education of the Republic of Latvia. Vocational Education and Employment Tripartite Cooperation Sub-councils. At the sitting of January 30, 2013, the protocol Nr. 1. Basic requirements for the professional qualification of an electrician // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0004.pdf.

¹⁰⁰⁴ National Centre for Education of the Republic of Latvia. Vocational Education and Employment Tripartite Cooperation Sub-councils. At the sitting of March 20, 2013, the minutes Nr. 2. Essential requirements for professional qualification of overhead lines and cable lines // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0007.pdf.

¹⁰⁰⁵ National Centre for Education of the Republic of Latvia. Vocational Education and Employment Tripartite Cooperation Sub-councils. At the sitting of March 20, 2013, the minutes Nr. 2. Basic requirements for the professional qualification of Grimman // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0009.pdf.

¹⁰⁰⁶ National Centre for Education of the Republic of Latvia. Vocational Education and Employment Tripartite Cooperation Sub-councils. At the sitting of March 20, 2013, the minutes Nr. 2. Essential requirements for the professional qualification of perfumery and cosmetics operator // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0011.pdf.

Latvian language should be owned by specialists in restaurant and hotel services. In the management and trade and administration sector, managers of advertising services, retail managers and managers in the tourism sector should be in the third category. In the engineering industry, the third category should be owned by the technology of production of chemical materials. Professional requirements for education in various professions are prescribed in the requirements on the website of the Center for Public Education.¹⁰⁰⁷

Proceeding from the recommendations for language policy described above, the Latvian government carried out its activities in accordance with the items listed in the recommendation for the period 2005-2014. It should be noted that recommendations for the period 2015-2020 have also been developed.¹⁰⁰⁸ Thus, it was noted that one of the main problems of the state language was its insufficient application in private life and in the workplace. The precedent that occurred in early 2014 gives an idea of how the Latvian government fought against obstacles that, in the opinion of the government, hampered the conduct of language policy.

In January 2014, the State Language Center considered it unacceptable for employees to communicate with each other in a foreign language, performing official and professional duties. According to the State Language Center: "The law on the state language does not apply to the use of language in informal communication of residents of Latvia, but if communication of workers among themselves is heard by other people - public transport passengers, visitors to offices and institutions, shoppers, this communication is considered official".¹⁰⁰⁹ Prior to this precedent, applications were filed to the center stating that they communicate with each other in a foreign language (more often than not) in enterprises where employees perform their duties in the presence of others (for example, in shops, public transport, offices or other institutions) all in Russian.

Also, representatives of the Center noted that residents of Latvia are interested in why officials give interviews to mass media in foreign languages. "Public officials, when giving interviews in the media, especially those registered in the Republic of Latvia, should use only the Latvian language, thus showing respect to the State of Latvia and the state language." In this connection, representatives of the Center stated that Latvia is the only place in the world where the Latvian language can be guaranteed existence and development. In turn, the narrowing of the scope of using the Latvian language as a state language in the territory of Latvia is considered a

¹⁰⁰⁷ National Centre for Education of the Republic of Latvia. Occupational standards from 2008 // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/stand_registrs.shtml.

¹⁰⁰⁸ Cabinet of Ministers Order No 3 of 3 November 2014 630. Guidelines for the State Language Policy for 2015-2020 (informative part) the text is available by reference // URL: http://www.valoda.lv/Agenturas_darbiba/Agenturas_darbiba/653/mid_493.

¹⁰⁰⁹ State Language Center // URL: <http://www.vvc.gov.lv/advantagecms/LV/aktualitates/index.html>.

threat to its status. Proceeding from this provision, the State Language Center urged each employer to discuss with the employees the importance of using the state language in performing professional duties. As for the officials, they were called upon to use the Latvian language when communicating with the media.¹⁰¹⁰

This statement was acutely perceived by the public and demanded comments. The representative of the center S. Pavulena stated that the call to use the Latvian language in the workplace is a recommendation, not a requirement. "The State Language Center decided in this way to call upon workers and officials to respect our country and our language. If you use only a foreign language at work when communicating with one another, when the clients of the company where you work do not hear this, it is considered unofficial communication. But if a foreign language is used in the presence of clients, then the interlocutors do not express respect for the state language. Anyway, no normative act prohibits communication in a foreign language, it's just an appeal, in particular, to state officials to give media interviews in Latvian. As you know, in our country one state language is Latvian, therefore, the official persons of the country, when giving an interview to the media, should only use it".¹⁰¹¹

In turn, the financial situation of national minorities in Latvia (Russian-speaking residents). Unemployment rates in Latvia for April 2013 by age group indicate that the highest unemployment rate among women (15,511 people) and among men (14,051 people) was observed among persons aged 45 to 54 years. The next highest rate among women (12 343) and men (9 881) is recorded at the age of 34 - 44 years. The number of unemployed at the age of 24 to 34 years among women is 12 350 people, and among men of the same age, 7 899 people. At the age of 55 - 59 years, 8 693 people were registered among women in April 2013, among men - 7 511 people. The penultimate group of people aged 15 to 24 years, where the number of unemployed women was 5,812 people, among men - 4,400 people. Among those aged 60 years and over, the number of unemployed women was 2,296, among men - 2,013.¹⁰¹²

The highest rate among the unemployed with a diploma of higher education in April 2013 was recorded among economists - the number of unemployed 2,034 people. The second in this list were engineers - 1 798 people, the third teachers - 1 324. Statistics for April 2014 showed a slight decrease in the unemployment rate, so the number of unemployed at the age of 45 - 54

¹⁰¹⁰ Mixnews.lv. The center of state language called to speak in the workplace in Latvian // URL: http://www.mixnews.lv/ru/society/news/168347_centra-gosyazyka-prizval-govorit-na-rabo4em-meste-po-latyshski/ [18.01.2015].

¹⁰¹¹ Mixnews.lv. Center of state language: using Latvian at work is a call, not a requirement // URL: http://www.mixnews.lv/ru/exclusive/news/168443_centra-gosyazyka-ispolzovanie-latyshskogo-na-rabote-prizyv-a-ne-trebovanie-audio/ [19.01.2015].

¹⁰¹² Employment State Agency. Overview of the unemployment situation in the country in April 2013 // URL: <http://www.nva.gov.lv/index.php?cid=6&mid=444&txt=451&t=stat> [14.05.2013].

years among women was 13 233 people, among men - 12 072 rights. Some changes have also occurred, and among unemployed people with a diploma of higher education. So, the number of unemployed among economists in 2014 was 1 930 people, engineers - 1 570, and the third place was occupied by the profession of director / leader - 1 327 people, the fourth position - teachers - 1 188 people.¹⁰¹³

The Ministry of Welfare, commenting on the high level of youth unemployment, noted that the reason for this problem is the insufficient level of education. According to the statistical office "Eurostat" for 2013, unemployed youth with secondary or basic education - twice as much as among young people with higher education. In turn, young unemployed people who have received education or professional qualifications often lack the previous work experience required in the labor market, communication skills, knowledge of computer technologies and languages. It was also noted that not all young people have job search skills and not all information is available on the professions and vacancies on demand in the labor market. Since in the basic school young people basically get theoretical knowledge, they often do not have a clear idea of the work (work is perceived mostly only as a possible source of income), labor relations, labor law and other issues.¹⁰¹⁴

In turn, the problems faced by unemployed Russian-speaking residents of Latvia are also associated with a reduction in the number of Russian schools and the introduction of a bilingual education system, which affects their intellectual development. According to the population census for 1989 and 2000, the proportion of people with higher education among Russian-speaking residents was higher than that of Latvians, the 2011 census showed that the number of Russian-speaking residents with higher education, compared to Latvians, declined. The number of Latvians with higher education is 24%, the number of Russian-speaking people is 23%. The difference is most significant among the population aged 25 to 44, where the number of Russian-speaking people with a higher education is 27%, and Latvians - 35%.

Higher education increases the chances of obtaining a highly paid job, while its absence indicates a low level of material prosperity. That allows to speak about an existing difference between average incomes of Latvians and Russian. This problem is also aggravated by the situation of Russian-speaking non-citizens, as under the laws of the Republic of Latvia¹⁰¹⁵ this group of people is limited in being able to work in some positions in political, state,

¹⁰¹³ Employment State Agency. Unemployment figures and NVA accretion in April 2014 // URL: <http://www.nva.gov.lv/index.php?cid=6&mid=470&txt=475&t=stat> [16.05.2014].

¹⁰¹⁴ LETA. 58% of young unemployed in Latvia do not have secondary education // URL: <http://www.infotop.lv/article/ru/58-molodih-bezrobotnih-v-latvii-ne-imejut-srednego-obrazovanija> [13.10.2015].

¹⁰¹⁵ Russian Union of Latvia. The list of differences in the rights of citizens and non-citizens - permanent residents of Latvia // URL: <http://www.rusojuz.lv/ru/other/razlichija-v-pravah-grazhdan-i-negrazhdan/15031/> [12.04.2006].

administrative and scientific spheres. Thus, there are very few Russian-speaking residents of Latvia working in the administrative sphere, scientific and creative. A large number of non-citizens work as skilled manual workers.

Since the independence of Latvia, the share of the unemployed among the Russian-speaking population has been higher than that of Latvians. In the mid-1990s unemployed among the Russian-speaking population was 19%, among the Latvians - 14%. The economic crisis in 2008 increased these discrepancies in the level of incomes and employment between two groups of the population, since the majority of Russian-speakers were engaged in the most affected areas. It should also be noted that non-citizens are deprived of the opportunity to work in the countries of the European Union.

If in the first half of the 1990s the problem of unemployment of Russian-speaking residents of Latvia was mainly associated with Latvian ignorance, then in subsequent periods this problem was caused by a tightening of the language policy. Despite the fact that the education system in Latvia is almost completely translated into the Latvian language, Russian language schoolchildren can pass the state language exam to the highest category with rare exceptions. What subsequently is an obstacle to admission to budgetary places in Latvian universities, and this already leads to the inability to obtain higher education, since not all families can afford to give higher education to their children on a commercial basis. What is, as already noted above, another restriction on the labor market to receive more highly paid work.¹⁰¹⁶

Thus, in Latvia there is a situation when ethnic Russians have the status of a non-citizen and are discriminated against, namely their rights differ from those of Latvian citizens. Ethnic Russians, as a minority, do not have the right to participate in elections, and the opportunities for obtaining education in their native language are decreasing year by year. At the same time, the Republic of Latvia defined the rules of integration when, after taking the state language exams and swearing, a person is issued a passport of a citizen. The following factors often serve as an obstacle to integration: the lack of sufficient knowledge of the state language (most often the problem belongs to the older generation), along with the younger generation, who was born in Latvia before the collapse of the USSR, but consider Latvia their homeland, they are supposed to be granted citizenship automatically on the rights of citizens born in Latvia.

Discrimination of national minorities and the problem of non-citizens were the main reasons for the long consideration of Latvia as a candidate for membership in the Council of Europe and the European Union.

¹⁰¹⁶ Baltnews.lv. Solopenko A. Russians in Latvia. How many they were, is and will be // URL: <http://baltnews.lv/news/20151207/1015123139.html> [07.12.2015].

The Latvian government pursues a policy of protecting the state language, emphasizing that Latvia is the only state where the Latvian language has the opportunity to exist and develop. This provision, as well as the constant mention of the occupation of Latvia and the national policy, enable the government to introduce laws on education and on the state language, in which there are no principles for the protection of minority languages. This provision is not recognized by the Latvian government, since becoming a full member of the European Union and joining the European democratic community, it is necessary to comply with the policy of multilingualism. Thus, Latvia is in a position where it is necessary to pursue a policy within the state to protect the national language from the threat posed by the Russian language, which, based on the statements of the employees of the State Language Center, is the main threat to the existence and development of the Latvian language. At the same time, in the foreign policy arena, in cooperation with the institutions of the European Union, it is necessary to talk about the importance, support and implementation of the policy of multilingualism.

§ II.3. LATVIA'S FOREIGN POLICY TOWARDS RUSSIA AFTER THE RESTORATION OF INDEPENDENCE

As part of the USSR, Latvia, along with Lithuania and Estonia, it was perceived as a single region of the Baltic states. During the existence of the Latvian SSR, the government of the Soviet Union invested heavily in the state, and also carried out various economic experiments. This region was to be an indicator of the high achievements of the Soviet Union. Thus, the economic position of the Baltic states within the USSR was higher than that of other Union republics. Since the Baltic countries had a common border with the West, this region served mainly to show Western countries as rapidly developing Soviet Union. But Latvia, Lithuania and Estonia have always differed from other countries of the USSR mentality. By the early 1990s in this region, the idea of their common system of values with Europe has developed actively. But this does not mean that the governments of the countries of the Baltic region were the initiators of the withdrawal from the USSR. A requirement for the transfer of authority in the management of the economy and society have been put forward, as well as the decentralization of the elements of a market economy. Similar demands were put forward by other union republics. "Practical outlines the dream of secession Balts began to take shape a year later, in the spring of 1990, when it became quite obvious failures of the central leadership in the field of domestic and

foreign policy and found it almost catastrophic backlog of roughly develops the processes of democratization of society and the state".¹⁰¹⁷

Having joined the Council of Europe, the European Union, NATO, the representatives of Latvia often act with anti-Russian statements, which is caused, first of all, by the desire to hurt Russia. A big role in exacerbating relations between Latvia and Russia was played by the idea of a national radical to build a monocultural Latvian society. Also important is the foreign policy orientation to the West, which, in turn, provokes more harsh statements towards Russia, in order to show its orientation toward Washington and Brussels. Also, there is still indignation of the Latvian government about the fact that Latvia is still not fully independent of Russia's energy sector. Mutual claims also exist. At Russia to Latvia it, first of all, position of the Russian-speaking population or non-citizens. Latvia to Russia is an "occupation" by the Soviet Union. The very idea of "occupation" is the basis of the constitution and legal regulation in Latvia, which means that even if Russia recognizes the "occupation", as the government of Latvia seeks, nothing will change (the legal status of the Russian-speaking population of Latvia, Latvia's foreign policy on relation to Russia).¹⁰¹⁸ "The occupation doctrine adopted in the Baltic states serves as a legal basis for solving a number of practical as well as political and ideological problems. On its basis, hundreds of thousands of permanent residents of these countries are discriminated against (restrictions on holding positions, denial of the right to participate in the parliamentary elections in Estonia, and in Latvia in addition, and in local elections), financial claims against Russia are put forward".¹⁰¹⁹

International recognition of the restoration of Latvia's independence began on August 22, 1991.¹⁰²⁰ In the period of 22.05.1990 - 10.11.1992 Y. Yurkans was appointed Minister of Foreign Affairs of Latvia.¹⁰²¹ Y. Yurkans was one of the few who considered the issue of European identity as a security issue. The efforts of political actors in Estonia, Latvia and Lithuania, reinforced by mutual statements of representatives of the European Union, emphasizing the European identity of the Baltic countries and differences with Russia, created a border between the two sides and allowed the Baltic States to improve their security by creating

¹⁰¹⁷ Simonyan R.H. The Baltic States and the collapse of the USSR // Polis. Political Studies. 2002. № 6. P. 151 – 154.

¹⁰¹⁸ Simonyan R.KH. Russia and its Baltic neighbors: the balance of myths and mutual insults // Russia and the modern world. 2008. № 3 (60). P. 149 – 167.

¹⁰¹⁹ Simonyan R.H., Kochegarova T.M. Events of 1939 - 1940 in the Mass Consciousness of the Population of the Baltic States // New and Contemporary History. 2009. № 3. P. 19 – 33.

¹⁰²⁰ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. International recognition of the restoration of Latvia's independence in 1991 // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/izstades/latvijas-neatkaribas-atjaunosanas-starptautiska-atzisana-1991-gada> [23.11.2015].

¹⁰²¹ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Yanis Yurkans // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/janis-jurkans> [02.12.2014].

a different social reality. In this reality, the Baltic states presented themselves in the global political consciousness, as European states outside the sphere of influence of Russia. Attempts to improve their external security through the proclamation of a European identity undermined internal social cohesion and social security. Constantly emphasizing their European identity and differences with the Russian state, the Baltic countries - especially Estonia and Latvia - have strengthened ethnic and cultural borders in their own states. According to Y. Yurkans, without a single identity in all ethnic groups of Latvia, there would not be enough cohesion necessary to ensure the functioning of society. Rethinking society based on ethnicity may pose a threat to the continued existence of the state. He argued that security can only be guaranteed by stabilizing society, which would be impossible without taking into account the interests of the non-indigenous population. Thus, he criticized nationalist politicians for using inflamed discourse about Russia and Russian-speaking minorities in Latvia, since this would create the image of the "Enemies" in the minds of the Latvian people: "If I treat you like an enemy, you will become my enemy".¹⁰²²

The second Minister of Foreign Affairs of Latvia, after the restoration of independence, in the period 10.11.1992 - 07.06.1994 G. Andreevs was appointed.¹⁰²³ G. Andreevs supported the views of the Latvian government, and unlike Y. Yurkans, he did not criticize the Latvian government on the international scene. In April 1993, G. Andreevs, in response to a letter from the OSCE High Commissioner, noted that the situation in Latvia was a consequence of the long years that Latvia was going through under the Soviet occupation. At that time, recommendations were made to the Latvian government on the need to create a law on citizenship. The Latvian government, in turn, claimed that it would accept all the recommendations, and also placed great hopes on fruitful cooperation with the OSCE.¹⁰²⁴ After restoration of independence the Latvian government in foreign policy, basically carried out work which would cause trust of the European institutes and has confirmed readiness of Latvia to eurointegration. Latvia had to prove that it was a democratic country that respected human rights and freedoms. And also, there was a need to prove that Latvia is ready to do a lot of work inside the state in order to comply with common European norms.

¹⁰²² Mole R. *The Baltic States from the Soviet Union to the European Union: Identity, Discourse and Power in the Post-Communist Transition of Estonia, Latvia and Lithuania*. Routledge. 2012.

¹⁰²³ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Georgs Andreevs // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/georgs-andrejevs> [02.12.2014].

¹⁰²⁴ OSCE. REF. No 238/93/L/Rev // URL: <http://www.osce.org/hcnm/30608?download=true>.

From 1994 to 1999 the main issues of Latvia's foreign policy were integration into the EU, NATO, defense issues, relations with Russia and cooperation of the Baltic countries.¹⁰²⁵ Since 1997, the tasks of integrating the Baltic countries into Euro-Atlantic structures, as well as the development of cooperation of all countries of the Baltic region with the United States, have been identified. "This initiative of the US administration was called upon to improve cooperation with the seven Northern and Baltic countries, including Finland, through the strengthening of creeping NATO integration".¹⁰²⁶ In 1998, Russia's relations with the EU and NATO, as well as the problems of regional cooperation, were discussed.¹⁰²⁷ At the meeting in 1999 with US Ambassador J. Holmes V. Birkavs (Minister of Foreign Affairs of Latvia from 07.06.1994 to 16.07.1999)¹⁰²⁸ marked the beginning of a positive practical dialogue between Latvia and Russia.¹⁰²⁹ Latvian economic relations with Russia underwent changes.¹⁰³⁰ Taking into account the economic potential of Russia in comparison with Latvia, it was important to determine where interdependence can be transformed into Latvia's dependence on Russia.¹⁰³¹ During the diplomatic consultations within the framework of the American-Baltic Charter, the diplomats discussed issues of bilateral relations, regional cooperation and security policy, focusing on further aspects of NATO expansion.¹⁰³²

At that time, Latvia assumed the role of an intermediary in relations between Russia and international institutions. The US and European governments were interested in establishing Latvia's relations with Russia. But also it was necessary that the plans of the Latvian government on Latvia's accession to the EU and NATO could be realized. Western Europe took the desire to move away from the Soviet Union of Eastern European countries as a rejection of past values

¹⁰²⁵ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. V.Birkavs: Latvia and Lithuania have common goals // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15265-v-birkavs-latvijai-un-lietuvai-ir-kopeji-merki> [02.02.1999].

¹⁰²⁶ Novikova I.N., Mezhevich N.M., Tarakanova A.D. Finland in NATO: the discussion of 2015-2016 and the positions of political parties // In the collection: Baltic Studies in Russia Materials of the International Scientific Conference. under Ed. A.P. Klemesheva, N.M. Mezhvich, G.M. Fedorov. 2016. P. 146 – 154.

¹⁰²⁷ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Valdis Birkavs meets with Austrian and Russian foreign ministers // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15326-valdis-birkavs-tiekas-ar-austrijas-un-krievijas-arlietu-ministriem> [02.12.1998].

¹⁰²⁸ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Valdis Birkavs // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/valdis-birkavs> [02.12.2014].

¹⁰²⁹ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister meets US Ambassador // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15178-arlietu-ministrs-tiekas-ar-asv-vestnieku-799-lv> [30.04.1999].

¹⁰³⁰ Jakobsons A. The Economic Dimension of Bilateral Relationships between Latvia, Russia and Belarus – Past and Present // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities. 2012. P. 11 – 34.

¹⁰³¹ Zeltinsh A. Business Interests in the Latvia – Russia Economic Relationship // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities. 2012. P. 115 – 144.

¹⁰³² Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister meeting in Washington // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15160-arlietu-ministra-tiksanas-vasingtona> [20.05.1999].

and full acceptance of Western values.¹⁰³³ The goals of the Baltic countries, with accession to the European Union, were democratization and market reforms in the economy.¹⁰³⁴

The accession of the Baltic countries to the European Union is characterized by the mass expansion of the borders of the European Union to the East. The answer to the question why Latvia, like Estonia, and Lithuania were admitted to the EU, without achieving pan-European standards, can hide in the need for the territories of these NATO countries. As L. Shishelina points out¹⁰³⁵ "To speed up the post-Soviet Baltic region to the level of at least the appearance of prosperity, the lobbying countries were pumped into three small republics - with a population of one and a half to three million inhabitants - huge investments".

Latvia was not ready to join NATO, both technically and its domestic policy towards national minorities did not meet all the norms of democratic states, and the problem of honoring the Nazi military formations of the Second World War, which was of the nature of the prohibited propaganda of the criminal regime, was raised. Here it should be noted that the German government indicated that first it is necessary to achieve the standards that the member states of the EU and NATO should possess, and then to implement the procedure of becoming a full member of international institutions. But the situation in the Balkans in 1999 and the US's desire to expand NATO's influence on the East led to the fact that the Baltic countries were admitted to NATO without reaching the necessary domestic standards. In the late 1990s in the head of the government of all three Baltic countries, politicians concerned with the United States become politicians.¹⁰³⁶ E.S. Megem, A.N. Salikov and I.N. Tarasov¹⁰³⁷ noted that the Baltic countries play a special role in the foreign and security policy of the European Union, since they share borders with the Russian Federation and, consequently, also interstate relations, reinforcing what was once a unified territory of the USSR. Thus, the European Union initially set such goals as the European integration of Latvia, Lithuania and Estonia, reducing the energy dependence of these countries on Russia's energy, ensuring security in the region, and reducing tensions between Russia and the Baltic countries.

After joining the EU, Latvia participated in the preparations for the EU-Russia summit in 2004, and also expressed satisfaction at the eve of the summit that the issues of cooperation between Russia and the European Union with already new members were successfully resolved.

¹⁰³³ Shyshelina L. Eastern Europe: Two decades between Moscow and Brussels // *Contemporary Europe*. 2008. № 4 (36). P. 73 – 86.

¹⁰³⁴ Shyshelina L. The Visegrad Four and the European Union // *Modern Europe*. 2007. № 4 (32). P. 56 – 69.

¹⁰³⁵ Shyshelina L. European choice of Baltic states: preliminary results // *Russia and new states of Eurasia*. 2009. № 3. P. 50 – 60.

¹⁰³⁶ Vorozheina Y.A., Maksimov I.P., Tarasov I.N. Euro-Atlantic Integration of the Baltic States in the Political Discourse of Germany // *Power*. 2015. № 10. P. 208 – 212.

¹⁰³⁷ Megem M.E., Salikov A.N., Tarasov I.N. Relations between the Federal Republic of Germany and the Baltic States within the framework of the EU and NATO // *Power*. 2015. № 12. P. 165 – 171.

Also, the Latvian side expressed its gratitude to the fact that in the EU mandate for the forthcoming talks with Russia the issues concerning Latvia were included, including the ratification of the Latvian-Russian border treaty.¹⁰³⁸ At that time, the future development of relations between the EU and Russia involved cooperation in simplifying the visa regime, as well as cooperation in the fields of economy, external security, culture, science and education.¹⁰³⁹

Russia's policy towards the EU and the Baltic countries was fragmented, ambiguous and contradictory. From Russia's side, Russia's dual nature towards the EU was demonstrated in different cases. As for the countries of the "near abroad", on the part of Russia, continuous fluctuations and fluctuations between unilateral and multilateral, political and economic priorities were observed. There was also rhetorical perseverance and indifference. Thus, Russia's foreign policy was characterized as inconsistent and situational.¹⁰⁴⁰ The EU and Russia are moving in completely opposite directions, both in the interpretation of democracy and human rights, and in the energy sphere.¹⁰⁴¹ Over the years, a constant factor was the need to maintain pragmatic relations between Russia and the EU countries. Another important factor in the relations between Russia and the EU was the growing economic interdependence. And the fact that each of the parties approaches the relationship with different goals and expectations.¹⁰⁴² City and state authorities are inclined to consider Latvian enterprises and the Latvian state as small and incapable of defending their interests.¹⁰⁴³ It was important for Latvia to prove itself to be a responsible partner capable of showing solidarity, especially with regard to the member states most affected by the crisis.¹⁰⁴⁴

¹⁰³⁸ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. The Foreign Minister participates in the Intergovernmental Conference and the EU General Affairs and External Relations Council // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18513-arlietu-ministrs-piedalas-starpvaldibu-konference-un-es-visparejo-lietu-un-arejo-attiecibu-padome> [18.05.2004].

¹⁰³⁹ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Rihards Pīks participates in the General Affairs and External Relations Council of the European Union // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18508-arlietu-ministrs-rihards-piks-piedalas-eiropas-savienibas-visparejo-lietu-un-arejo-attiecibu-padome> [17.05.2004].

¹⁰⁴⁰ Spruds A. Russia's Policy Towards Europe's "New Neighbours": in Pursuit of Partnership or Domination? // An England Europe and Its Neighbourhood Policy: the Eastern Dimension – Research Project – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2004. P. 29 – 46.

¹⁰⁴¹ Leinsh A. The CFSP and the PCA: Between Realpolitik and Values // The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2006. P. 7 – 24.

¹⁰⁴² Bungs D. Toward a New EU-Russia Partnership and Cooperation Agreement // The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2006. P. 25 – 50.

¹⁰⁴³ Bukovskis K. State Institutions, Interdependence and Perceptions in Latvia's Economic Relations with the Russian Federation and Belarus // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities. 2012. P. 93 – 114.

¹⁰⁴⁴ Austers A. Immigration and Refugees in the European Union and Latvia // Latvian Foreign and Security. Yearbook. 2017. P. 112 – 126.

A. Spruds¹⁰⁴⁵ suggested that the Russian leadership believed that economic growth and potential would become a prerequisite to becoming an influential international actor. Energy resources and companies have become the main tool in achieving this goal. But the EU sees Russia as a source of instability and problems that can go beyond it.¹⁰⁴⁶ A. Spruds¹⁰⁴⁷ noted that in early 2006, the EU and the Russian Federation sought to establish their position as global players. The EU wanted to build its relations with other countries and organizations thoroughly on the basis of the common interests of the Union. Russia, in turn, adhered to a pragmatic, self-interest approach.¹⁰⁴⁸

In June 2004, at a meeting of the Russia-NATO Council, R. Pīks (09.03.2004 - 19.07.2004 Minister of Foreign Affairs)¹⁰⁴⁹ stated that Latvia supports practical military cooperation between NATO and Russia, and is interested in joint activities in the demining, rescue and planning of civil protection. Also, P. Pīks stressed that the signing of an agreement on the state border between Latvia and Russia will facilitate cooperation between the countries on issues within the competence of the Russia-NATO Council. In response to Russia's criticism of NATO's activities in the Baltic countries, R. Pīks stressed that after the restoration of independence in Latvia, no dangerous military actions occurred. The Minister also recalled that Latvia had repeatedly called on Russia to use the OSCE tools to promote military openness.¹⁰⁵⁰

A. Spruds¹⁰⁵¹ noted that since joining the EU and NATO, Latvia has found it difficult to determine the foreign policy system, to coordinate and implement foreign policy priorities. Membership in NATO indicated that the irreversibility of Latvia's independence began to carry a less important issue, as well as the security problems of the country. Membership in the EU forced Latvia to seek constructive relations and partnership with neighboring countries, including Russia.

¹⁰⁴⁵ Spruds A. EU-Russia Energy Dialogue in the Context of the Prospective Partnership and Cooperation Agreement // The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2006. P. 77 – 89.

¹⁰⁴⁶ Bungs D. EU-Russia Relations: Challenges and Perspectives after the Orange Revolution in Ukraine // The European Union's Eastern neighbours after the Orange revolution. Riga, Latvian Institute of international Affairs. 2006. P. 9 – 30.

¹⁰⁴⁷ Spruds A. Regional Ramifications of Ukraine's Orange Revolution: Transnistrian Conflict Settlement // The European Union's Eastern neighbours after the Orange revolution. Riga, Latvian Institute of international Affairs. 2006. P. 30 – 45.

¹⁰⁴⁸ Poikans Y. The Eastern Partnership – Latvia's Contribution // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 36 – 42.

¹⁰⁴⁹ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Rihards Pīks // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/rihards-piks> [02.12.2014].

¹⁰⁵⁰ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Rihards Pīks invites Russia to sign a border treaty with Latvia // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18659-arlietu-ministrs-rihards-piks-aicina-krieviju-parakstit-robezligumu-ar-latviju> [29.06.2004].

¹⁰⁵¹ Spruds A. Latvian-Russian Relations and Latvian Energy Policy in the Context of the Russian-Georgian Conflict // Georgian-Russian War: Conclusions and Homework for Latvia and Allies. 2009. P. 26 – 37.

Since 2004, Latvia has started its activities by participating in the work of international institutions. In September 2004 A. Pabriks (21.07.2004 - 28.10.2007 Minister of Foreign Affairs of Latvia)¹⁰⁵² took part in a meeting of foreign ministers of the European Union at the UN General Assembly. He stressed that Latvia is interested in active cooperation with the EU neighbors, including with Georgia in the framework of the EU's neighborhood policy. During the meeting, the ministers also discussed the more active participation of the OSCE and the EU in developing a dialogue between Georgia and Russia in order to ensure regional stability. Also, the opening of the Latvian Embassy in Astana was welcomed, and Latvia was called upon to support the participation of Bosnia and Herzegovina in the NATO Partnership for Peace program.¹⁰⁵³ Latvia is positioning itself as an expert country, which is interested in promoting changes in such countries as Moldova, Ukraine and Georgia. Latvia declares that it is very familiar with the situation of these countries. According to T. Rostoks, such a self-proclaimed status of an expert will need to be constantly confirmed, both to Russia and to the EU countries.¹⁰⁵⁴ Latvia has operated on its experience of joining European institutions, as well as its difficult history. In 2004, A. Pabriks made a statement that the duty of the Latvian government at the international level is to tell about the history of Latvia to colleagues from other countries. Since the consequences of an underestimated "occupation" at the international level are the cause of most of the problems of Latvia's foreign policy. One of the foreign policy priorities of A. Pabriks was the explanation of the history of Latvia to the international community. "The Museum of the Occupation of Latvia contributes a great deal to this work, providing an interpretation of the period of the occupation of Latvia and the damage inflicted".¹⁰⁵⁵ In October 2005 A. Pabriks presented a traveling exhibition "The History of Latvian National Minorities and Modernity" to foreign diplomatic representatives, emphasizing that a large number of minorities in Latvia demonstrate a high quality of life. A. Pabriks emphasized that Latvia in the field of minority integration is a positive example for other European countries. And also that Latvia has many years of experience in the formation of a multi-ethnic society, and the exhibition, in turn, will

¹⁰⁵² Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Artis Pabriks // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/artis-pabriks> [02.12.2014].

¹⁰⁵³ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Artis Pabriks participates in the UN General Assembly // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18845-arlietu-ministrs-artis-pabriks-piedalasanogeneralaasambleja> [22.09.2004].

¹⁰⁵⁴ Rostoks T. Augusta conflict: challenges and opportunities for the EU and Latvia // Georgian-Russian War: conclusions and homework for Latvia and allies. 2009. P. 7 – 17.

¹⁰⁵⁵ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Artis Pabriks will meet with the Occupation Council Museum // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18740-arlietu-ministrs-artis-pabriks-tiksies-ar-okupacijas-muzeja-vadibu> [10.08.2004].

help dispel misunderstandings and stereotypes associated with minorities in Latvia. The exhibition was planned to be exhibited at the embassies and representations of Latvia abroad.¹⁰⁵⁶

After Latvia became a full member of the EU and NATO, the terms "occupation", "aggressive Soviet power", "crimes of the communist regime" were actively used in official statements of the Latvian side. As for the term "occupation" and "occupation doctrine" on which relations with the Russian Federation are now built, they are still controversial from both sides. The Russian side notes that the USSR could not do otherwise than increase the number of military Red Army in the Baltic countries. It is also noted that the demands put forward by the USSR were too rigid and uncontested, but the government of all three Baltic states allowed the arrival of the military Red Army on the territory of their states. On this topic R.H. Simonyan and T.M. Kochegarova¹⁰⁵⁷ noted that "historically it happened that the Baltic" occupation "was in a long line of historical myth-concepts, which, if not based on reality, it undoubtedly forms it." Such statements were of practical importance for Latvia, as they drew attention to its closest neighbor, Russia. Russia has been elevated to the rank of state, which, through its aggressive actions in the past, can pose a threat to the security of the EU in the present. May 11, 2005. G.V. Kristovskis (03.11.2010 - 25.10.2011 Minister of Foreign Affairs of Latvia)¹⁰⁵⁸ participated in the debates of the European Parliament, where he noted that "NATO was created to promote European security in an atmosphere of fear of the invasion of the totalitarian, cynical and aggressive Soviet power. This confirms the fact that for the West, after the Second World War, there was no confidence in an ally, such as Stalin. The empire created by Stalin was unacceptable, although before that victory was successfully celebrated over the Nazi ideology ... Russia, the heiress of the USSR, still makes statements denying its influence on the countries of Eastern Europe and the occupation of Latvia, Lithuania and Estonia. This is the denial of historical truth, the deliberate upholding of the crimes of the communist regime. This is contempt for the victims of the regime. Russia is trying to keep the ability to manipulate public opinion around the world. Russia poses the problem of non-citizens in Latvia in the eyes of the public and exaggerates it, but at the same time continues to violate the human rights of victims of the totalitarian Soviet regime and their families, denying their suffering and loss. Such an attitude of Russia does not contribute to the reconciliation of Russia and the states of Eastern

¹⁰⁵⁶ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Artis Pabriks: "The large number of ethnic minorities in Latvia shows that life in our country is good" // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/20575-arlietu-ministrs-artis-pabriks-lielais-mazakumtautibu-skaits-latvija-licina-ka-dzive-musu-valsti-ir-laba> [25.10.2005].

¹⁰⁵⁷ Simonyan R.H., Kochegarova T.M. Relations of Russia with the Baltic States in the international legal context // International processes. 2014. T. 12. № 36 – 37. P. 93 – 104.

¹⁰⁵⁸ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Girts Valdis Kristovskis // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/girts-valdis-kristovskis> [02.12.2014].

Europe, which regained their freedom. The true condemnation of the crimes of communism and the resolution of their consequences are necessary in the name of the future stability of Europe. This attitude of Russia does nothing to promote reconciliation between Russia and the states of Eastern Europe and the Baltic States, which have regained their freedom. The true condemnation of the crimes of communism and the resolution of their consequences are necessary in the name of the future stability of Europe".¹⁰⁵⁹ Regarding the border agreement between Russia and Latvia G.V. Kristovskis acting in the European parliament, has noticed, that "Latvia has lost a part of the territory as a result of its occupation of the USSR. President Vladimir Putin stubbornly calls it demagogy. "G.V. Kristovskis also stressed that Latvia highly appreciates the appeal of the European Parliament to Russia to settle the border issue with Latvia fairly. Also, with respect to this situation, it was said "not to pay attention to threats and blackmail from Russia".¹⁰⁶⁰

The existence of the status of "non-citizen" is not the fault of the Latvian government, mainly because of the fault of the Russian government. R.H. Simonyan¹⁰⁶¹ notes that the Russian leaders "failed to ensure the civil status of the Russian diaspora when signing acts on recognizing the independence of Latvia and Estonia on August 24, 1991. In pursuit of power, the first president of Russia forgot about his compatriots in the Baltic. Haste (the act was signed less than three days after the coup) and the lack of professionalism shown when signing documents of such high importance led to acute problems with the withdrawal of troops, and with the demarcation of borders, and with many others". At the same time, the national-radical forces in Latvia were able to promote the idea of restoring independence without any obstacles, namely, that Latvia's independence was restored again, that is, a return to pre-war statehood occurred. That, in turn, allowed the national-radical forces to force out the Russian-speaking population from the main state and economic spheres. And the "occupation" rhetoric allowed the same national-radical forces to win the election. Presenting the Russian-speaking population as a threat to the sovereignty of Latvia, civil society and culture. G.V. Kristovskis in 2005 at a meeting of the European Parliament noted that "the repression and destruction of the indigenous Baltic peoples and the flows of economic migrants are the reasons why the ethnic composition of the inhabitants of these states changed during the occupation of Estonia and Lithuania, and that led to a significant increase in the number of non-citizens. Latvia is a very honest country and at the legislative level has granted to persons displaced during the occupation the right to

¹⁰⁵⁹ European Parliament. The future of Europe sixty years after the Second World War. P6_CRE (2005) 05-11 (16) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050511+ITEM-016+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-147> [11.05.2005].

¹⁰⁶⁰ European Parliament. EU-Russia Relations. P6_CRE (2005) 05-25 (13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050525+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-093> [25.05.2005].

¹⁰⁶¹ Simonyan R.H. Russia and the Baltic States: Difficult Relations // The World of Change. 2006. № 4. P. 80 – 95.

naturalization. The fact that many have refused naturalization is an expression of their desires, and not a complaint about the country of residence. Not only the number of citizens, but also their loyalty, respect for the country, language and values should be the criteria for obtaining citizenship. Granting citizenship under the influence of external forces will constitute discrimination against the indigenous nation, and the identity and existence of the state will be at serious risk".¹⁰⁶² Raising the question of the situation of non-citizens in Latvia in May 2007 in Strasbourg, G. Andreevs pointed out that "the European Union must understand that during the 50 years of Soviet occupation, the communist regime committed many crimes against the population of the Baltic States. The Communist regime has moved hundreds of thousands of working migrants to the territories of these occupied, former sovereign states that were members of the League of Nations and created a real threat. Threat could be the situation of Latvians and Estonians in their own country, namely, they could become minorities in their countries. "This statement was made during the events that took place in the north-eastern part of Estonia from April 26 to 28, 2007, when protesters protested against the decision of the Estonian government to move the Soviet monument to the Liberators of Tallinn from the center of Estonia's capital to a military cemetery. From 26 to 28 April, demonstrators attacked the police and committed acts of vandalism in Tallinn itself.¹⁰⁶³ G. Andreevs also stressed that, despite the fact that Latvia and Estonia, after the events of the Soviet "occupation", still agreed to accept hundreds of thousands of non-citizens in their society, integration by non-citizens does not go smoothly, as evidenced by a demonstration by the Russian-speaking population in Tallinn. G. Andreevs also noted that the Soviet period in the modern world has been replaced by the imperialist approach of Russia.¹⁰⁶⁴

In 2009 G. Andreevs in Strasbourg made a statement, where he asserted that Russians receive Latvian citizenship through naturalization, as a humanitarian act of the Latvian government, and not as a right. G. Andreevs also added that according to the UN Charter, the laws on citizenship refer to the internal affairs of the state, and other countries can not interfere in them, even the UN itself. Therefore, the position of the Latvian authorities regarding the possibility of granting voting rights to non-citizens is a firm and unchanging position of the

¹⁰⁶² European Parliament. Protection of minorities and anti-discrimination policies in an enlarged Europe. P6-CRE (2005) 07-06 (27) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050607+ITEM-027+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-307> [07.06.2005].

¹⁰⁶³ European Parliament. European Parliament resolution on Estonia. RC-B6-0205/2007 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=P6-RC-2007-0205&language=EN> [02.05.2007].

¹⁰⁶⁴ European Parliament. Estonia (debate). CRE 22/05/2007 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20070522+ITEM-018+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-360> [22.05.2007].

Latvian government: the right to vote is an integral part of citizenship. This position is in accordance with international law and practice. At the same time, Latvia, thanks to considerable financial assistance from other countries, with the exception of Russia, has made considerable efforts to promote the process of naturalization and integration of non-citizens in Latvia.¹⁰⁶⁵

Participating in the debates of 2009 on the right to vote for non-citizens of Latvia at local elections in the European Parliament, G.V. Kristovskis made the following statement: "The liberal law of Latvia has shown loyalty to the Latvian state and Western democratic values. As a result, since 1993, the number of non-citizens has decreased by 59%. The majority of Latvian enterprises are owned by Russian entrepreneurs. These arguments allow to reject complaints to the Latvian state. In addition, it is worth noting the fact that in Latvia there are people who fought against the independence of Latvia, called for the preservation of the evil empire, namely the USSR. These people deny the fact of the occupation of Latvia, continue to justify the crimes of the totalitarian regime in the Baltic countries and voted against Latvia's membership in the EU and NATO. Probably, these accusations hamper the desires of non-citizens to acquire Latvian citizenship".¹⁰⁶⁶

Discussing the issue of granting the right to vote to non-citizens in 2009 at the plenary session of the European Parliament, R. Pīks stated that granting voting rights to non-citizens would be the first step to introducing the Russian language into the status of a second or official language in Latvia. This situation would mean preserving a privileged status for people who came from Russia to Latvia, and would also sign a "death sentence" for the Latvian language culture, since the Russian-speaking population in Latvia is worth 140 million Russian citizens with nationalistic ambitions. Also P. Pīks noted that Latvia joined the EU, not in order to preserve the divided society created by the Soviet occupation, and the aim was to preserve its own identity and recreate the Latvian society.¹⁰⁶⁷ In 2009, R. Pīks issued a statement in which it was alleged that the totalitarian regime, along with Nazism, was a criminal regime. Citing arguments in which it was noted that the beginning of World War II on September 1, 1939, Hitler from the invasion of Poland was possible, because on August 23, 1939, Hitler and Stalin signed a non-aggression pact. It was also noted that within two years Stalin supplied the Hitlerite army with fuel and industrial resources so that Hitler could conquer Western Europe. Stalin's

¹⁰⁶⁵ European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). CRE 03/02/2009 – 15 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-484> [03.02.2009].

¹⁰⁶⁶ European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). P6_CRE (2009) 02-03 (15) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-485> [03.02.2009].

¹⁰⁶⁷ European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). P6_CRE (2009) 02-03 (15) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-482> [03.02.2009].

army was better prepared, so the Soviet army had 1 million paratroopers in its ranks, while Hitler's army numbered 400 skydivers. At closed meetings of the Communist Party, resolutions were adopted that the countries of Western Europe should be defeated by the Hitlerite army so that the Soviet Union could liberate them. Also during the Soviet regime, the Latvians who remained in Soviet Russia were arrested and destroyed. Thus, for 2 years 70 thousand Latvians living in the Soviet Union were killed solely because they were Latvians.¹⁰⁶⁸

Thus, after 2004, Latvia's position on the issue of non-citizens was more severe, namely, all accusations of non-observance of the rights of non-citizens were declared not relevant, created by the Russian side in the public eye. Latvia began to pursue a policy where the image of the "Enemy", which during the previous events, namely during the period of the Soviet "occupation", was clearly formulated, proved that it poses a danger. In the opinion of the Latvian side, Russia, declaring itself a successor to the USSR and acting against Georgia, Ukraine and Moldova, proves that it is a danger to its neighbors, and since 2004 and all of Europe, because of "imperial ambitions" it wants to restore former borders THE USSR.

From the side of Latvia to the Russian Federation there were statements that the European society needed the development of an economic and energy space independent of Russia so that the Russian side could not influence the decision-making of the EU leaders, and it would also contribute to the preservation of security in Latvia itself.

Interest in the development of the Baltic Sea region by the European Union began with the accession to Finland and Sweden first in 1995, and then in 2004, Latvia, Lithuania and Estonia. Thus, the "Northern Dimension" program was first launched, and then in 2008 the European Union developed a program for the Baltic Sea region. These programs affect regional development, and relations between the European Union and the Russian Federation. Thus, the Baltic Sea region became a macro region of the European Union, where a political level "located between the national state and supranational society" was introduced. The EU strategy in the Baltic Sea region is conducted without the participation of Russia, but only with the participation of the member states of the European Union. In its turn, the Northern Dimension program includes a partnership between the countries of the European Union and Russia, and this partnership was also included in the program after its renewal.¹⁰⁶⁹ E.G. Bolotnikova and N.M. Mezhevich¹⁰⁷⁰ noted that the current state and prospects for development "noted that in addition

¹⁰⁶⁸ European Parliament. European conscience and totalitarianism (debate). P6_CRE (2009) 03-25 (10) //URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090325+ITEM-010+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-399> [25.03.2009].

¹⁰⁶⁹ Bolotnikova E.G., Mezhevich N.M. "Northern Dimension" and the European Union Strategy for the Baltic Sea Region // Pskov Regionological Journal. 2012. № 13. P. 37 – 47.

¹⁰⁷⁰ Bolotnikova E.G., Mezhevich N.M. The policy of the Northern Dimension: the current state and development prospects // The Baltic region. 2010. № 4 (6). P. 115 – 126.

to the states participating in the "Northern Dimension" program, the main actors are non-state actors.

The Northern Dimension project is sometimes used to refer to the region that unites the Baltic Sea region and the Barents Euro-Arctic region. Thus, this project is being extended to projects carried out by the European Union countries, regional authorities, etc.¹⁰⁷¹

The north-western regions of Russia have always been of interest to the European Union, like "Northern Europe". The European Union finances projects in Russia at the expense of the Nordic countries, as well as from the funds of European institutions. Within the framework of this partnership, projects related to environmental protection, security in the region, etc. are being developed.¹⁰⁷² The North-West District of the Russian Federation has a huge social and economic potential, and it also provides opportunities for the development of foreign economic and international activities. Thus, in the North-West region, consisting of the water areas of the Barents, White, Kara and Baltic Seas, attractive conditions for foreign investment, as well as for conducting an active foreign policy of Russia, are determined.¹⁰⁷³

Since the 1990s the Northern Dimension is an instrument of the European Union's foreign policy. What is the priority of the development of the European Union in the development of new directions for cooperation in the regions, as well as in conducting various political studies.¹⁰⁷⁴ The Northern Dimension program works in such priority areas of cooperation in the Baltic region as demography, energy, logistics and ecology. The choice of these directions for cooperation is determined by the specifics of the region, which characterizes a large area and a small population in relation to the whole area. And also the unfavorable climate for economic development, and the vulnerability of the environment.¹⁰⁷⁵

With regard to Russia, discussing the project "Northern Dimension" G.V. Kristovskis at a meeting of the European Parliament in 2005 noted that Russia in this direction is acting only on its own interests, which is confirmed by Russia's lack of ability to abandon imperial thinking. And also the inability to recognize the independence restored by the Baltic countries and their equal membership in international organizations. G.V. Kristovskis said that the objects developed by Russia that do not comply with the objectives of the Northern Dimension policy,

¹⁰⁷¹ Bolotnikova E. The renewed policy of the Northern Dimension and its impact on international relations of the subjects of the Russian Federation of the North-West Federal District // *Vlast*. 2012. № 2. P. 137 – 140.

¹⁰⁷² Markushina N.Y. External relations of the North-West Federal District of the Russian Federation and the concept of the "New North" // *The Baltic Region*. 2011. № 2 (8). P. 102 – 111.

¹⁰⁷³ Markushina N.Y., Cerpitskaya O.L. The concept of regional institutionalism // *Scientific and analytical journal Observer - Observer*. 2010. № 4 (243). P. 7 – 14.

¹⁰⁷⁴ Markushina N.Y., Cerpitskaya O.L., Kuzmin Y.S. The Northern Dimension: Russia and the EU - Issues of Relevance // *Advances in Modern Science*.

¹⁰⁷⁵ Khudoley K.K., Novikova I.N., Lanko D.A. Innovative Education for the Baltic Region: the Experience of the Russian-Finland Cross-Border University // *The Baltic Region*. 2010. № 3 (5). P. 21 – 28.

namely transport and energy systems, new ports in St. Petersburg complicate the ecological situation and cause an increase in the cost of natural resources. "As a result, it leads to an extension of the ship routes, the movement of vessels in the Baltic Sea is constantly increasing, the cost of raw materials is increasing, and the risk of collisions in transportation increases." It was also noted that "the current Russian regime ignores the task of developing democracy in Russia. And if the Russian side decides this problem, then the "Northern Dimension" project will achieve its goals".¹⁰⁷⁶

In 2006, as part of the discussion of the European Neighborhood Policy, G.V. Kristovsky said that Russia is unlikely to become a reliable ally. I called the invitation of Russia to democratization of Belarus ridiculous, because Putin's regime is increasingly moving away from democracy every day and becomes authoritarian.¹⁰⁷⁷ At the same time, Latvia urged the EU to swiftly change the EU's energy policy. The Latvian party accompanied the applications with fears, that Russia is not the reliable partner. A. Pabriks urged the EU to actively participate in the development of a common energy policy in 2007 and drew attention to the need to eliminate the isolation situation of the Baltic countries from the EU energy networks. The Minister noted that Latvia is ready to offer its underground storage facilities for gas.¹⁰⁷⁸ R. Piks speaking about the Energy Charter, said that it was necessary to introduce a new agreement on partnership and cooperation between the European Union and Russia. R. Piks urged the EU to work hard in the energy field, referring to Latvia's experience, as evidence that Russia has never shied away from the use of force and pressure when it was able to do so. Also, P. Piks mentioned that V. Putin, when asked about Abkhazia, Georgia and South Ossetia, said that these countries are a matter of Russia. R. Piks called it a cynical statement, indicating that everyone is aware of the presence of the Russian army in Transnistria and the acting officers, and that Russia is supplying weapons there.¹⁰⁷⁹ R. Piks called on the EU to organize the security of energy supplies, citing examples of reducing Russian gas supplies to Ukraine, banning the export of wine from Moldova and canned fish from Latvia. And also recalled the explosion of the gas pipeline near the borders of Georgia

¹⁰⁷⁶ European Parliament. The Northern Dimension. P6_CRE (2005) 09-08 (4) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050908+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=4-016> [08.09.2005].

¹⁰⁷⁷ European Parliament. European Neighbourhood Policy. P6_CRE (2006) 01-18 (12) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20060118+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-389> [18.01.2006].

¹⁰⁷⁸ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Artis Pabriks invites the EC to actively develop a common energy policy // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/22518-arlietu-minstrs-artis-pabriks-aicina-ek-aktivi-izstradat-vienotu-energetikas-politiku> [14.11.2006].

¹⁰⁷⁹ European Parliament. Results of the informal summit of heads of state and government (Lahti, 20 October 2006) (debate). P6_CRE (2006) 10-25 (4) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20061025+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-071> [25.10.2006].

after disagreements with Russia.¹⁰⁸⁰ Discussing the trade relations between the EU and Russia in 2007, the Latvian side issued a statement that "Russia uses trade policy instruments to achieve foreign policy goals in a way that does not comply with WTO rules." Latvia demanded not to deviate from the standards and requirements of the EU. "Russia must understand and ensure transparent and predictable business conditions based on strict democratic values and reliability. Without compliance with these requirements, there is no hope that Russia will stop discriminating the Baltic states in the sphere of railway and export tariffs for timber, restricting the export of fish, meat and dairy products".¹⁰⁸¹

Discussing the EU strategy in Central Asia in February 2008, R. Peaks urged the EU to pay more attention to strategic aspects, pointing out that on October 10, 2007 in Vilnius the construction of a pipeline through the Caspian Sea was discussed. After that, V. Putin visited Turkmenistan, where he agreed to supply gas at a higher price from Turkmenistan and Kazakhstan via the Russian pipeline. Also, P. Pīks pointed to the similarity of the situation when after visiting the city of Andijan V. Putin, the Uzbek president demanded the closure of the US base.¹⁰⁸² When discussing in the European Parliament the preparations for the EU-Russia summit, G.V. Kristovskis said that "it is necessary to remember that Prime Minister Putin and President Putin are the same person who pursues a policy of" divide and rule "directed directly at EU member states. In the partnership agreement, the EU should not show weakness. During the negotiations, the EU should demonstrate the unity of the member states and solidarity, it is necessary to demand from Russia the readiness to fulfill the WTO requirement. It is necessary to strengthen the EU's single position on strategic issues in relation to states with undemocratic regimes. The EU must confirm that it remains a bulwark of democracy and common values".¹⁰⁸³

Questions of Latvia's economy and energy were discussed in the context of Russia-Latvia and Russia-EU relations. The Latvian side warned the European community about possible aggressive actions and about possible manipulation from the Russian side. Latvia operated on the actions of Russia in relation to Georgia, Moldova and Ukraine. Thus, warning the EU of possible

¹⁰⁸⁰ European Parliament. Russia-EU summit (debate). P6_CRE (2006) 11-29 (13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20061129+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-078> [29.11.2006].

¹⁰⁸¹ European Parliament. EU economic and trade relations with Russia. P6_CRE (2007) 06-18 (16) //URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20070618+ITEM-016+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=1-150> [18.06.2007].

¹⁰⁸² European Parliament. An EU Strategy for Central Asia (debate). P6_CRE (2008) 02-12 (13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080219+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-366> [19.02.2008].

¹⁰⁸³ European Parliament. Preparation of the EU/Russia summit (26-27 June 2008) (debate). P6_CRE (2008) 06-18 (13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080618+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-318> [18.06.2008].

actions by Russia and in Latvia itself. Since Georgia, Moldova and Ukraine are countries of the former USSR, aggressive actions on the part of Russia are also possible in Latvia.

Speaking about the relationship between the EU and Russia in 2008, G.V. Kristovskis called these relations, "the relationship between Western democracy and the Russian autocracy. They resemble the game of a cat with a mouse. It's ridiculous that two months after the military actions in Georgia, Medvedev proposes a new agreement on European security ... Russia will successfully use Western credulity, it is eager to take revenge on the West. Russia is fighting in cyberspace. It is not for nothing that the people of Russia and their media, including the Baltic countries, supported Russia's invasion of Georgia. Now we do not need to rush to resume all-round talks with Russia. Before Russia should realize the Caucasian peace plan".¹⁰⁸⁴ In 2008, during the Georgian conflict, G. Andreevs visited Tbilisi as a member of the European Parliament delegation. Then G. Andreevs noted that the Russian armed forces have a destabilizing effect in this conflict. He also advocated the replacement of Russian peacekeeping forces for the provision of a peacekeeping mission under EU control. It was also noted that internal instability increases the risks of further destructive influence on the part of neighboring states, especially from the Russian Federation.¹⁰⁸⁵ Since 2014, relations between Latvia and Russia, the EU and Russia have become even more tense. Latvia adheres to the policy of the EU and after the conflict in Ukraine, the statements and actions of the Latvian side, such as supporting the introduction of sanctions against Russia, calls for increasing the level of security in the Baltic states, speak of Latvia's position. In connection with the situation in Ukraine, S. Kalniete (07.11.2002 - 09.03.2004 Minister of Foreign Affairs)¹⁰⁸⁶ made statements at the plenary sessions of the European Parliament. Russia's actions S. Kalniete called the growing aggression from Russia, which is a danger to Latvia, Estonia, Lithuania, Poland and other states.¹⁰⁸⁷ S. Kalniete called Russia's actions an invasion of the armed forces in the Donetsk region, and V. Putin's actions a dream - to regain control over the entire former Soviet empire. The Latvian side advocated the imposition of third-level sanctions against Russia, so that the Russian government would abandon revanchist goals. Ukraine was designated by the state,

¹⁰⁸⁴ European Parliament. EU-Russia relations (debate). P6_CRE (2008) 10-21 (12) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20081021+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-313> [21.10.2008].

¹⁰⁸⁵ European Parliament. Deterioration of the situation in Georgia (debate) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080507+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-055> [07.05.2008].

¹⁰⁸⁶ Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Sandra Kalniete // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/sandra-kalniete> [02.12.2014].

¹⁰⁸⁷ European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV (2014) 07-15 (8) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-104-000> [15.07.2014].

which has the right to be the successor of Europe.¹⁰⁸⁸ The Latvian side opposed the sale of ships of the Mistral class of Russia, indicating that the Russian Federation will no longer be a strategic partner of Europe for many years, but its strategic task. And Europe will need to take joint action in the face of this problem.¹⁰⁸⁹ During the discussion of the situation in Georgia, S. Kalniete called the situation of Abkhazia and Tskhinvali region "occupation" by Russia.¹⁰⁹⁰ There were also statements about Russian disinformation, and a call to the European Commission to create a communication strategy to protect Ukraine and Europe.¹⁰⁹¹ "The indecisiveness of Europe and NATO contributed to aggression, as Putin's armed terrorists and Russian special forces soldiers continue to conquer the Ukrainian land"¹⁰⁹² - the statement of S. Kalniete in February 2014 in relation to Ukraine. The murder of B. Nemtsov was considered as "the agony of the Putin regime." In the course of which the following actions were proposed, joint purchases of gas in the European energy community, as well as the continuation of the dialogue with the population in Russia.¹⁰⁹³ In response to the Russian Federation, S. Kalniete said in June 2015 that "V. Putin wants to restore the sphere of influence in Eastern Europe and create a buffer zone in which Russia would reserve the right to decide national destinies".¹⁰⁹⁴ A. Pabriks called Russia an aggressor and called on the European community to provide support to the Ukrainian side,¹⁰⁹⁵ and also pointed to the "occupation" and annexation of the Crimea by Russia.¹⁰⁹⁶ Thus, the

¹⁰⁸⁸ European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV (2014) 07-15 (8) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-102-000> [15.07.2014].

¹⁰⁸⁹ European Parliament. Situation in Ukraine and state of play of EU-Russia relations (debate). P8_CRE-REV (2014) 09-16 (4) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140916+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-045-000> [16.09.2014].

¹⁰⁹⁰ European Parliament. Association agreement with Georgia – Conclusion of the Association agreement with Georgia (debate). P8_CRE-PROV (2014)12-17(17) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20141217+ITEM-017+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-742-000> [17.12.2014].

¹⁰⁹¹ European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV(2015)01-14(7) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150114+ITEM-007+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-285-000> [14.01.2015].

¹⁰⁹² European Parliament. Situation in Ukraine. P8_CRE-REV(2015)02-10(11) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150210+ITEM-011+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-355-000> [10.02.2015].

¹⁰⁹³ European Parliament. Murder of the Russian opposition leader Boris Nemtsov and the state of democracy in Russia (debate). P8_CRE-REV(2015)03-11(13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150311+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-387-000> [11.03.2015].

¹⁰⁹⁴ European Parliament. State of EU-Russia relations (debate). P8_CRE-REV(2015)06-09(3) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150609+ITEM-003+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-061-000> [09.06.2015].

¹⁰⁹⁵ European Parliament. Situation in Ukraine (debate) (debate). P8_CRE-REV (2015) 01-14 (7) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150114+ITEM-007+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-310-000> [14.01.2015].

¹⁰⁹⁶ European Parliament. Strategic military situation in the Black Sea Basin following the illegal annexation of Crimea by Russia (debate). P8_CRE-REV (2015) 06-10 (13) // URL:

Latvian side¹⁰⁹⁷ in the European Parliament¹⁰⁹⁸ in his statements supports the topic of "occupation" of the territories of other states by Russia, as well as aggression from the Russian government.

After the restoration of independence, Latvia began to actively use the policy of European identity. Search and find differences between Latvian and Russian society, ranking themselves in the European community. The EU, in turn, reinforced this position of Latvia. After the restoration of independence, the Latvian government embarked on a path that was aimed at joining the EU and NATO. For what Latvia had to prove its willingness to cooperate and meet the general requirements of the EU. Latvia needed to solve the problem with non-citizens, namely, to draft legislation that would meet the requirements and norms of the EU. The work on this problem was carried out by the Latvian side, but without compliance with all the requirements of European institutions. Even after Latvia's accession to the EU, the Latvian side was required to respond to the statements of the international community on the situation of non-citizens. In turn, the Latvian side made statements that spoke of the generosity of the Latvian government, which, despite the fact of the Soviet "occupation", provided the Russian-speaking population with the opportunity to integrate into Latvian society. Also, after accession to the EU, Latvia actively began to work on explaining the events of the times of the USSR. Namely, to explain the history of Latvia and to seek recognition of the fact of Soviet "occupation".

Since initially, Latvia, having declared its European identity, began to actively seek differences between the Latvian and Russian societies, it began to represent the Russian Federation in the image of the "Enemy". After the collapse of the Soviet Union, Russia became its legal successor. What gave Latvia a reason to accuse the Russian government of "occupation". The Latvian side used these accusations not only with respect to historical events, but also declaring the situation of non-citizens, making statements that it gives the right to integrate into civil society, to persons who, during the Latvian SSR, came to its territory as a force destroying the Latvian people. Thus, saying that it was already making concessions. Latvia at the international level called on Russia to study history, thereby trying to prove that it wants a fair assessment of the damage from the "totalitarian occupation regime" of the USSR.

Supporting their statements with historical events related to the "occupation" and the totalitarian regime in relation to Russia, Latvia noted that the Russian side is a dangerous,

<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150610+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-551-000> [10.06.2015].

¹⁰⁹⁷ Chegodaevs A. Chances and Challenges for the Latvian Presidency of the Council of the European Union // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 21 – 32.

¹⁰⁹⁸ Liedis I. Latvia's Foreign Policy in Times of Existential Challenges // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 7 – 18.

unreliable and aggressive partner. On the issue of energy policy, the Latvian side tried to convince the European community to include the territory of Latvia in the total energy supply of the EU without Russia's participation. As she expressed her concern that if there are disagreements in the relations between Russia and Latvia or between Russia and the EU, in the course of which the other party does not agree to the stated terms of the Russian side, Russia will block the supply of energy, thereby exerting pressure on the decision-making of the Member States of the EU. In the question of Russia joining the WTO, the Latvian side also noted the unreliability of the partner.

Russia's actions to resolve the conflict in Georgia, Moldova and Ukraine were described by Latvia as the actions of the aggressor state with "imperial ambitions" wishing to restore the former borders of the USSR, thereby impeding the development of democracy in these states, but also a threat to Latvia's sovereignty. By making such statements, Latvia convinces the international community that for the European community there is a threat of economic and political security on the part of Russia. Thus, Latvia puts itself in a favorable position to achieve political goals. Namely, Latvia has become a full member of the EU and NATO. On the territory of Latvia there is always a military contingent of NATO. According to the situation of non-citizens by European institutions, every year, there are fewer and fewer questions.

CHAPTER III. INTERNATIONAL ORGANIZATIONS AND RUSSIAN-SPEAKING MINORITY OF LATVIA

§ III.1. CLAIMS OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS TO LATVIA, IN CONNECTION WITH THE SITUATION OF THE RUSSIAN-SPEAKING MINORITY

The main work of the OSCE involves conducting missions and events on the ground for conflict resolution and prevention. Through the conduct of missions and events, the OSCE is present in countries in need of assistance and ensures the implementation of specific policy decisions aimed at resolving conflict situations. The main work of the OSCE mission is to prevent conflict, preventive diplomacy, as well as in conflict management and post-conflict reconstruction.

The mandate of the mission has two main tasks. Namely, to promote political processes aimed at preventing or resolving conflicts, and to provide the OSCE community with information on developments in the countries where missions are deployed.

Missions and other activities in the field are usually organized by the decision of the Permanent Council with the consent of the host country. As a rule, missions are initially deployed for a period of six months to one year, which, if necessary, is extended. Staff members in the mission are most often allocated by participating countries from among civilian or military specialists and work on the basis of secondment. The mission is headed by the head of the mission, who is a citizen of one of the OSCE participating countries and appointed by the Chairman-in-Office. The activities of the missions are overseen and provided by the Conflict Prevention Center, the Department of Administration and Finance, the Secretariat, as well as the Office of the Chairman-in-Office.

The very idea of missions originated in the early 90's. It was prompted by the need to settle intra-state conflicts in the post-communist transition period. In Latvia, the OSCE mission operated from November 19, 1993. The main activity of the mission was to find solutions to issues related to citizenship. And also in providing recommendations, information and advice to institutions, organizations and individuals involved in the dialogue on the topic of citizenship. The OSCE Mission also sought to fully implement the principles, norms and commitments adopted within the organization.

The mission focused on the issues of social integration of non-citizens in Latvian society. The mission's activities were aimed at closely monitoring the development of relevant laws (citizenship, language, education, employment and stateless persons) and on the provision of

appropriate advisory services, as well as monitoring the application of these laws. There were cases when the mission came forward with initiatives aimed at improving mutual understanding between communities in Latvia. The mission interacted with the Latvian government in promoting peaceful social integration in the country and welcomed the results of the referendum held on October 3, 1998, at which the population advocated the introduction of amendments to the Citizenship Act, adopted by the Diet on June 22, 1998, designed to simplify the procedure for acquiring the Latvian citizenship is not a titular population.

Since the withdrawal of Russian military personnel from Latvia in 1994, the head of the OSCE mission in Latvia has served as the OSCE representative in the joint Latvian-Russian commission for military pensioners. This commission dealt with problems relating to retired Russian servicemen who remained in Latvia after the withdrawal from it in 1994 of the main contingent of Russian troops. Another channel through which the OSCE assisted in the implementation of bilateral agreements in Latvia was the OSCE representative in the Joint Commission on the Radar in Skrunda. On April 30, 1994 Latvia and Russia signed the Agreement on the legal status of the Skrunda radar station for the period of its temporary operation and dismantling. In June 1994, Latvia and Russia applied to the CSCE for assistance in the implementation of this agreement. In May 1995, a joint Latvian-Russian commission for implementation was established under the chairmanship of the OSCE representative. The implementation of the Agreement was monitored twice a year by international groups. On August 31, 1998, the Russian Federation fulfilled its obligation to disconnect the Skrunda radar station. The dismantling of the station began on September 1, 1998 and was completed on October 19, 1999, a few months ahead of schedule. Accordingly, the mandate of the OSCE representative expired on 1 February 2000.

The mandate of the Commissioner does not contain a description or definition of the concept: "national minority". Indeed, neither in the OSCE nor elsewhere is there a common opinion about what constitutes a (national) minority. In his opening speech at the opening of the OSCE seminar on national minorities in Warsaw in 1994, High Commissioner M. van der Stoep said: "... I will not offer you my own (definition). I note, however, that the existence of a minority is not a question of definition, but a reality. In this regard, I would like to quote the Copenhagen Document of 1990, in which ... it is said that "a person's belonging to a national minority is the subject of his personal choice" ... I dare say that I can easily determine when I deal with a minority. First of all, a minority is a group characterized by linguistic, ethnic and

cultural characteristics that distinguish it from the majority. Secondly, a minority is a group that usually seeks not only to preserve its identity, but also to show it more vividly".¹⁰⁹⁹

The UN Committees for the Elimination of Racial Discrimination and Human Rights, the European Parliament, PACE, the European Commission against Racism and Intolerance, the OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights gave the following recommendations to Latvia to reduce differences in the rights of citizens and non-citizens¹¹⁰⁰:

- Taking into account the preamble to the European Charter of Local Governments and considering that a large number of Latvian residents, whose number in some cities, for example in the capital, reaches about 50% of the population, does not have political and civil rights. He believes that it is important to integrate these residents into the democratic system of the country, in turn, the local democratic structures need to provide significant opportunities for this. And also, recommends that the Latvian authorities in parliament and government recognize the right of people to vote on issues within the competence of local governments, by acceding to the rights of non-citizens to the Convention on the participation of foreigners in public life at the local level.¹¹⁰¹

- The participating country is also recommended to review the differences between citizens and non-citizens, persons belonging to ethnic groups, with a view to eliminating differences in accordance with the fifth article of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination.¹¹⁰²

- Non-citizens do not have the right to be elected and to be elected, both at parliamentary and municipal elections. Given that most non-citizens have lived in the country for most of their life or their entire lives, ECRI recommends that the Latvian authorities grant non-citizens the right to be elected and to vote in municipal elections. In its first report, ECRI pointed out that legal norms exclude certain property rights for non-citizens, the right to work in certain professions in the public and private sector and the right to receive certain social benefits. Based on the results of a study by the State Human Rights Bureau (BHRC), which determined that 10 such restrictions were contrary to international standards, some of these restrictions were eliminated. ECRI calls on the Latvian authorities to remove the rest of the unfair restrictions.¹¹⁰³

¹⁰⁹⁹ Publication of the Secretariat of the Organization for Security and Cooperation in Europe // OSCE Handbook. 2000. P. 243.

¹¹⁰⁰ UN, European Parliament and PACE against discrimination of non-citizens in Latvia // Congress of non-citizens // URL: <http://www.kongress.lv/ru/material/rospusk-sejma-vruchnuju> [31.12.2012].

¹¹⁰¹ Congress of Local and Regional Authorities (Council of Europe). Recommendation 47 (1998) on democracy at the local and regional levels in Latvia, 28.05.1998.

¹¹⁰² UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination. Concluding remarks, CERD/C/304/Add.79, 23.08.1999.

¹¹⁰³ European Commission against Racism and Intolerance (ECRI). Second report on Latvia, CRI (2002) 21, 14.12.2001.

- The issue of the rights to be elected and to be elected to non-citizens in municipal elections in Latvia - The OSCE / ODIHR supports an exhaustive and open discussion on the voting rights of non-citizens in municipal elections. The Council of Europe and the Council of the Baltic Sea States have already called on Latvia to grant the right to non-citizens to be elected and to be elected in municipal elections. Involvement of non-citizens in decision-making at the level of local governments can be the first and real step towards eliminating the existing deficit of democracy, such that 22% of the population is deprived of electoral rights, both in parliamentary and municipal elections.¹¹⁰⁴

- Regarding the status of non-citizen, the committee takes into account the government's policy aimed at integration through naturalization. Nevertheless, the Committee is concerned about the large proportion of non-citizens in the participating country, which, according to the law, are neither foreigners nor stateless persons, but a special category of people who have lived in Latvia for a long time and are closely associated with it. To the category of people who in many respects are equated to citizens, but in other aspects they do not have all those rights that presuppose the presence of citizenship. The Committee is concerned about the continuation of such an exceptional situation, as a result of which non-citizen residents are not guaranteed effective enjoyment of the rights provided for by the International Covenant on Civil and Political Rights. And also, the possibility to occupy certain state and public positions, the opportunity to work in certain professions in the private sector, there are restrictions on the ownership and land used in agriculture, as well as restrictions on social benefits. The participating country should be prevented from maintaining a situation where part of the population is classified as "non-citizens". In continuation, the participating country should promote the integration process by allowing non-citizens who have been permanent residents of Latvia for a long time to participate in local government elections and reduce the number of other restrictions related to non-citizens in order to ensure the participation of non-citizens in Latvian public life.¹¹⁰⁵

- The Committee considers it appropriate to assign political rights only to citizens. But, considering that the majority of non-citizens live in Latvia for a long time or all their life, the Committee strongly recommends that the participating country promote the integration process, giving the opportunity to participate in municipal elections to all non-citizens who have long been permanent residents. The Committee expressed concern about the restrictions faced by non-citizens in the field of employment. The Committee encourages the participating country to

¹¹⁰⁴ Bureau for Institutions of Democracy and Human Rights of the OSCE. Final report on the parliamentary elections in Latvia, 20.11.2001.

¹¹⁰⁵ UN Human Rights Committee. Concluding remarks, CCPR/CO/79/LVA, 01.12.2003.

shorten the list of occupations available only to citizens and revise it to ensure that there are no undue restrictions on the rights to work.¹¹⁰⁶

- In the light of previous conclusions and with a view to assisting Latvia in the development of human rights, the Commissioner proposes the following recommendations in accordance with Article 8 of Resolution (99) 50: "To support the process of naturalization and promote the integration of non-citizens, to increase their participation in the political life of the country, among other rights, grant them the right to vote in local elections".¹¹⁰⁷

- The European Parliament welcomes the increase in the pace of naturalization in 2003, which was mainly due to the campaign for a referendum on accession to the EU, although the process of naturalization remains too slow. Urges the Latvian authorities to promote this process and considers that a minimum of language requirements for the elderly can be a contribution to this advancement. Urges the Latvian authorities to overcome the existing split in society and to promote genuine integration of non-citizens, ensuring equal opportunities in education and employment. And also, offers the Latvian authorities to provide an opportunity to provide non-citizens who have been living in Latvia for a long time to take part in elections to local governments.¹¹⁰⁸

- The OSCE Parliamentary Assembly strongly recommends that the Latvian authorities create conditions for the participation of stateless persons in the political life of the country, namely, to give them the right to vote in local elections.¹¹⁰⁹

- All residents are required to pay local taxes, and decisions of local authorities directly affect their lives. Therefore, the right to vote and participate as candidates in local elections should be granted to all residents, regardless of their citizenship or nationality. In this regard, the Assembly calls upon the countries concerned to implement the recommendations of the Commissioner for Human Rights on granting this right to residents who have a special status of "non-citizens" in accordance with the Convention on the Participation of Foreigners in Political Life at the Local Level. In this regard, the Assembly invites the relevant member states and observer countries of the Council of Europe to sign and ratify the 1992 Council of Europe

¹¹⁰⁶ UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination. Concluding remarks, CERD/C/63/CO/7, 10.12.2003.

¹¹⁰⁷ Commissioner for Human Rights of the Council of Europe. Report on the visit to Latvia, CommDH (2004 r.) 3, 12.02.2004.

¹¹⁰⁸ The European Parliament. Resolution of the European Parliament on the report of the European Commission on the comprehensive monitoring of the Czech Republic, Estonia, Cyprus, Latvia, Lithuania, Hungary, Malta, Poland, Slovenia and Slovakia on their readiness to join the European Union. P5_TA (2004) 0180, 11.03.2004.

¹¹⁰⁹ OSCE Parliamentary Assembly. Edinburgh Declaration 2004, Resolution on the Situation of National Minorities in Latvia and Estonia (05.07.2004 – 09.07.2004).

Convention on the participation of foreigners in public life at the local level and to grant active and passive suffrage in local elections to all persons lawfully living on their territory.¹¹¹⁰

- The Parliamentary Assembly invites the authorities of Latvia to again consider the issue of existing differences in the rights of citizens and non-citizens in order to eliminate differences that are not justified or absolutely necessary. At least, by granting to aliens the same rights as those used in Latvia by citizens of other EU member states.¹¹¹¹

- In accordance with recommendations from the OSCE / ODIHR and other international organizations, the Seima should consider granting non-citizens the right to participate in municipal elections. In addition, the government should intensify its efforts to encourage non-citizens to start and undergo the naturalization procedure.¹¹¹²

- The exclusion of non-citizens from political life does not contribute to their integration. The Commissioner stressed this point in the previous report, recommending that Latvia consider the possibility of granting to non-citizens, among other things, the right to participate in local elections. It should be noted that the vast majority of non-citizens belong to minorities, and that this status excludes them from participating in the political life of the country. They can neither vote nor be elected, even at the local level. Although a bill providing non-citizens with voting rights at the local level was prepared, the text had not yet been considered by the parliament. The Commissioner hopes that the parliament will soon adopt a law that improves the participation of foreigners in political and public life.¹¹¹³

- ECRI urges the Latvian authorities to do everything possible to continue their success in the process of naturalization. In this regard, it should be possible to make the existing rules of the naturalization procedure more flexible. Also, the authorities should continue to stimulate the desire of non-citizens to obtain Latvian citizenship by naturalization. ECRI urges the Latvian authorities to delve into the issue of the status of non-citizens in order to find a quick and humane solution for those living with this status. In particular, ECRI repeatedly emphasizes that priority should be accorded to the issue of the inequality of Latvians and non-citizens in many areas and in relation to many rights. The Latvian authorities should reconsider the list of those professions that are not currently available to non-citizens. Noting that a significant number of

¹¹¹⁰ Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Resolution 1459 (2005) on the Elimination of Restrictions on the Right to Vote.

¹¹¹¹ Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Resolution 1527 (2006) "On the Rights of National Minorities in Latvia".

¹¹¹² Bureau for Institutions of Democracy and Human Rights of the OSCE. Republic of Latvia: Parliamentary elections, 08.02.2007.

¹¹¹³ Council of Europe Commissioner for Human Rights. Memorandum to the Government of Latvia, Strasbourg, CommDH (2007) 9, 16.05.2007.

non-citizens live in Latvia for a lifetime or a significant part of their life, ECRI calls on the Latvian authorities to give non-citizens the right to vote in municipal elections.¹¹¹⁴

- The Committee urges that the lack of citizenship of permanent residents does not interfere with their equality in economic, social and cultural rights, including employment, social protection, health and education. It also requests the State party to provide in its next periodic report detailed and comprehensive information on the enjoyment of all economic, social and cultural rights, regardless of the status of a citizen / non-citizen.¹¹¹⁵

- Granting the right to vote in local elections for non-citizens who are long-term residents of Latvia should be considered by the government and be subject to wide discussion in Latvian society.¹¹¹⁶

- Recommendation 257 (2008) "Local democracy in Latvia: participation of non-citizens in public and political life at the local level": "It is recommended that the Latvian authorities adopt new legislation or amendments to existing laws that give non-citizens the right to vote in order to facilitate their involvement in the political life and integration of Latvian society".¹¹¹⁷

At the end of December 2001 in Vienna, the OSCE Permanent Council announced the closure of its mission in Latvia. In connection with which the OSCE mission ceased its activities in Latvia on January 1, 2002. At the meeting of the Permanent Council, the Head of the OSCE Mission to Latvia P. Semneby spoke about the country's achievements in creating a democratic and integrated society: "The naturalization process is smooth, the State Program for the training of the Latvian language, the Public Integration Foundation began functioning, the activities of the State Bureau for Human Rights have improved".¹¹¹⁸ In December 2001, most of the OSCE participating States agreed with the assessment of the situation in Latvia that the mission's work has been carried out.

The OSCE Mission to Latvia opened in 1993, during this period the mission, according to its mandate, assisted Latvia in developing democratic legislation on citizenship and facilitated the process of naturalization, as well as the development of integration, education and language policy.

The Latvian Foreign Ministry noted that "The successful completion of the OSCE mission once again confirmed the compliance with the international standards of Latvian

¹¹¹⁴ European Commission against Racism and Intolerance (ECRI). Third report on Latvia, CRI (2008) 2, 29.06.2007.

¹¹¹⁵ UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights. Latvia. Concluding remarks (E/C. 12/LVA/CO/1), 07.01.2008.

¹¹¹⁶ Special Rapporteur on contemporary forms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance. Report on the mission in Latvia to the UN Committee on Human Rights (A/HRC/7/19/Add.3) 05.03.2008.

¹¹¹⁷ Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europe, 03.12.2008.

¹¹¹⁸ DELFI.LV. OSCE closes its mission in Latvia // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/obse-zakryvaet-svoyu-missiyu-v-latvii.d?id=2355590> [19.12.2001].

legislation and the process of its implementation in practice, and also showed Latvia's readiness to become a full member of the associations of democratic states - NATO and the European Union". At the same time, Latvia has continued and continues to participate in the work of the organization, working closely with the High Commissioner on National Minorities, the Office for Democratic Institutions and Human Rights, and other OSCE structures.

From the OSCE report in 2001 it follows that the mission in Latvia for that period continued to focus on citizenship and naturalization, seeking to support more than 500,000 Latvian residents who still did not have the status of its citizens. The mission's activities at that time were more closely connected with supporting public institutions because the previously existing legislative tasks in the country had already been solved by that time. Thus, in order to increase the pace of naturalization and to maintain the interest of non-citizens in obtaining citizenship, the OSCE Mission, together with the United Nations Development Program and the Latvian Council on Naturalization, began two projects in autumn 2001. One of which, began in September 2001 and provided for free language training for candidates for naturalization. Another project involved conducting an information and propaganda campaign among the population using advertising and sending letters to the home addresses of residents. These projects were financially supported by Germany, Canada, Norway, the United Kingdom, the United States and Sweden. The main part of the funds for their implementation in the amount of about 500 000 US dollars was collected by the OSCE mission.

In addition, the mission at that time sought to revise the procedures for naturalization. On 5 June 2001, the Government of Latvia adopted two decrees, in accordance with the recommendations of the mission. The changes they introduced in the procedures included a reduction in the general fee for applications from \$ 48 to \$ 32, as well as the recognition for the purposes of naturalization of the certificates for the passing of language exams issued by minority schools.

The Mission assisted in the settlement of individual cases relating to the right to residence and citizenship. Individual cases were considered within the tripartite commission for military pensioners, which included the head of the OSCE mission. In previous years, the number of people experiencing difficulties in connection with their legal status in Latvia began to decline.

By the end of June 2001, about 545,000 people, or about 23% of the population, belonged to the category of non-citizens of Latvia. At the time of the OSCE report for 2001, the flow of applications for naturalization declined, and the mission set a new task - to take measures that would increase the number of applications for citizenship.

In November 2000, following a series of demarches undertaken, in particular, by the mission and the OSCE High Commissioner on National Minorities, a number of changes were introduced in the instruction on the application of the law on the state language. This was done in order to restrict the application of the Law on Language in the Private Sector to only those cases where legitimate public interests were affected.

The Mission also monitored the implementation of the Law on the State Language. In connection with the shift of emphasis in its activities in support of public institutions, the OSCE mission participated in a project to develop, in cooperation with the Latvian Center for the State Language, a practical guide for language inspectors in Latvia.

The Mission monitored cases on the state language transferred to the UN Human Rights Committee established on the basis of the International Covenant on Civil and Political Rights, as well as to the European Court of Human Rights.

With regard to education, the mission supported extensive contacts with the Ministry of Education and Science, as well as with non-governmental organizations, in connection with the introduction in 2004 of the Latvian language as the main language of instruction in secondary schools. In order to verify the validity of the mission's recommendations, a study was conducted on the attitude of parents, teachers and students towards the reform of education.

Under the program of social integration, the mission participated in the work of the advisory council of this program. The adoption and implementation of a comprehensive Social Integration Program were linked to other areas of the mission's work. Thus, the projects on citizenship and naturalization prepared by her were part of the program.

In April 2001, the mission and the office of the United Nations Development Program in Latvia asked a group of international and Latvian experts to conduct an assessment of the existing mechanisms for protecting the rights of citizens and ensuring good governance practices. The functions of the secretary of this group were performed by the deputy head of the OSCE mission in Latvia. Support in this work was provided by Canada, Finland and the Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR). The experts recommended a number of short-term measures to strengthen the National Human Rights Bureau and to carry out further organizational and legal transformations in the longer term. May 31, 2001 their report was presented to the President of the country, and in early June was submitted for an open discussion at the relevant seminar. His full text was published in the official government newspaper "Latvias Vestnesis". Subsequently, the Minister of Justice, in a letter addressed to the head of the

Mission, approved of the recommendations set out in the first part of the report as a detailed practical plan to rationalize the work of the National Human Rights Bureau.¹¹¹⁹

On December 18, 2000, the OSCE Permanent Council decided not to extend the mandate of the OSCE mission in Latvia. The head of the mission in Latvia, Ambassador P. Semneby, presented his report to the Permanent Council. Ambassador Semneby informed about the steps that Latvia has taken in creating a democratic and integrated society. The report indicated that the naturalization process had continued, the State Program for Learning the Latvian Language had been successfully implemented, the work of the society integration fund and the modernization of the State Bureau for Human Rights had also been announced. Ambassador P. Semneby highly appreciated the initiative of the President of Latvia to exclude from the electoral legislation the condition for candidates for deputies about a certain level of knowledge of the state language. In conclusion, it was said that there is a stable civil society in Latvia, which actively participates in political processes.

The OSCE and the participating countries made a statement that the mission's presence does not require an extension and reflects a positive assessment of Latvia's work in the field of human rights protection since the founding of the OSCE mission in 1993. During this time, the mission helped Latvia develop democratic legislation in the field of citizenship and facilitated the process of naturalization in accordance with its mandate. The Mission also monitored the development of Latvia's integration policy, including education policy and language policy.

The state budget for 2002 provided for an increase in financial support for the integration of society. On 29 November, the Latvian Parliament adopted the state budget for 2002, which provides for a significant increase in funding for the integration of society by 40%.

For that period it was planned to introduce additional payments to teachers of national minority schools, who teach bilingual by 10%. Also, financial resources were allocated to the Naturalization Board and the State Program for Learning the Latvian Language. At 10% it was planned to increase the budget for the State Bureau for Human Rights.

In connection with the adopted recommendations, the society integration fund considered the projects on the integration of society, and within the framework of its work for the period of 2001 supported 22 projects of the State program "Integration of society in Latvia", allocating 127 000 lats from the state budget for 2001.

In 2001, the Foundation supported projects in two areas: community integration projects and ethnic integration projects, which, in turn, are divided into linguistic, cultural and other projects. Cultural projects include projects that help ethnic minorities, including those

¹¹¹⁹ Secretary General of the OSCE. Annual report 2001 on OSCE activities (1 November 2000 to 31 October 2001). 2001.

acquainting ethnic minorities with Latvian culture. Of the projects on ethnic integration, considerable funding was allocated to projects for teaching the Latvian language, such as training the language of applicants for naturalization, as well as the transition of secondary schools to education in the state language.

On December 7, 2001, the Information Center of the Naturalization Board was officially opened, within the framework of the draft project developed in 1998 by EC PHARE and the project of the Naturalization Board "Integration of Society through Information and Education". The project envisaged the creation of a modern information center serving the public interest, expanding the library, preparing information materials, carrying out pilot projects and upgrading the skills of management personnel.

Before the information center, for that period, such goals as raising public awareness and knowledge in matters of citizenship and integration, as well as promoting public participation in social and political processes in Latvia were set. In turn, the main tasks were to collect, systematize and analyze information on issues of citizenship and integration in Latvia and the world, including the preparation and dissemination of information materials, and the development of dialogue with the public.

Statistics of the Office of Naturalization noted that the number of those wishing to undergo naturalization in order to obtain Latvian citizenship in the last months of 2001 increased sharply due to the government's decision of June 5, 2001 to reduce the naturalization fee and simplify the test procedure in the Latvian language. In June 2001, 386 applications were submitted, while in July - 636, in August - 680, in September - 884, in October - 1053 and in November - 865. As of December 1, a total of 7980 applications were submitted for naturalization, 9,839 people were naturalized and received Latvian citizenship.

On the territory of the city of Aluksne (eastern Latvia), measures to integrate the society were held separately. In 2001 there was held a conference on the integration of the society under the slogan "From Separation to Participation", with the participation of the Chairman of the Naturalization Board, representatives of local governments of the Aluksnensky District, educational institutions, public groups and the Naturalization Board and other interested persons. In turn, the council of the Aluksnensky district in 2001 created a working group on the integration of society and worked on the development of a program for the integration of society for the Aluksnensky district.

The Permanent Mission of Latvia to the United Nations, OSCE and other international organizations in Vienna invited the OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (OSCE / ODIHR) to observe elections to the national parliament on October 2, 2010. Following

the recommendation of the needs assessment mission, the OSCE / ODIHR sent to Latvia A limited election observation mission (LEOM).¹¹²⁰ The OSCE / ODIHR LEOM assessed the compliance of the electoral process with OSCE commitments and other international standards for holding democratic elections, as well as with the requirements of Latvian legislation. In line with the OSCE / ODIHR standard methodology for limited election observation missions, the LILO did not fully and systematically observe election procedures, but visited a limited number of polling stations.

The results of the mission showed the following difficulties that were present in 2010 in Latvia. Since the law gives the right to vote and to be elected only to Latvian citizens, the mission estimates that about 321,000 non-citizens (who reached electoral age and lived in the country for a long time) did not have the right to vote. Although the existence of citizenship is considered an acceptable restriction of the right to vote, in particular regarding the conduct of elections for public office, the lack of opportunity for about 17% of electorate to participate in elections remained a difficult task. A number of international organizations and institutions, including the OSCE / ODIHR, have repeatedly recommended granting voting rights in local elections to non-citizens.

For the period of the elections, the mission also noted that since the political forces in Latvia are divided by language, some parties included representatives of both Latvian and Russian populations in the lists of candidates and tried to get attention of both parts of the population. The requirements of the Law on the State Language were interpreted as prohibiting printed education and informing voters in any language other than Latvian, which infringed upon the rights of voters who did not know the state language well enough.

It was also noted that the rights of candidates fall under the provisions of lustration. Candidates can not be persons who were "on payroll" in the Soviet bodies of state security, intelligence and counterintelligence. In March 2006, in the case of Zhdanok Latvia, the European Court of Human Rights ruled that "the Latvian parliament must regularly review this legislative restriction with a view to the speediest completion of this process." In accordance with this decree, the 2009 amendments narrowed the scope of this restriction, and it no longer applies to persons who are regular employees of the planned, financial and technical departments of the above-mentioned organizations.

During the period before and after Latvia's accession to the European Union in 2004, naturalization rates increased sharply, but declined after 2006. Non-citizens have the right to join

¹¹²⁰ OSCE Latvia Parliamentary elections October 2, 2010 Final report // URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/latvia/75205?download=true> [2010].

political parties, provided that they do not constitute half of all party members, and also make financial donations political parties.

Although the existence of citizenship is considered a permissible restriction of the right to vote, in particular when elections are held for public office, the lack of the possibility for about 17% of electorate to participate even in local elections and elections to the European Parliament remains a challenge. A number of international organizations and institutions, including the OSCE / ODIHR, the OSCE High Commissioner on National Minorities, the OSCE Parliamentary Assembly and the Council of Europe, have repeatedly recommended that non-citizens be granted electoral rights in local elections. After accession to the European Union and in accordance with its norms, Latvia granted the right to vote in local elections and elections to the European Parliament to all EU citizens residing in Latvia. Granting the right to vote in these elections also to other non-citizens long-term resident in the country would be consistent with the same principles.

Latvia ratified the "Framework Convention for the Protection of National Minorities" in 2005. The Declaration of the Saeima on the ratification of the Framework Convention extended the scope of the Convention to permanent residents of Latvia who do not have Latvian citizenship or citizenship of another country and who identify themselves with any national minority. Most people who do not have Latvian citizenship are Russian.

The Law on the State Language and the decisions of the Cabinet determine the level of necessary linguistic knowledge of employees of state institutions, as well as specialists working in the private sector. In September 2010, the Saeima amended the Law on the Status of Employees of Local Municipalities, which obliges courts to annul the mandates of local council electors, if they in turn can not demonstrate the proper level of knowledge of the Latvian language, within six months of their election. The 2010 mission report noted that according to the Law on Electoral Media, 65% of all programs of the regional and state television of Latvia, broadcast by terrestrial television networks, should be in Latvian in January 2011.

The authorities interpreted the Law on the State Language as prohibiting the publication of information materials for voters in languages other than Latvian, which could become an obstacle for voters with insufficient knowledge of the state language. However, the CEC published certain information in Russian on its website, and in the social advertising of the CEC, visual elements were mainly used to demonstrate the voting procedure. Russian-language print media and broadcasters distributed information about the voting procedure, and some OSCE / ODIHR LEOM interlocutors, including representatives of the Russian-speaking minority, said that this helped fill the information gap for Russian-speaking voters.

All official communications, including complaints and appeals, should have been drafted in Latvian, or accompanied by an official translation. However, 10 out of the 21 members of the FCCC, with whom the OSCE / ODIHR LEOM representatives met during the pre-election period, stated that they would accept complaints drawn up in Russian. The members of some precinct election commissions, which the OSCE / ODIHR LEOM representatives visited on election day, answered the voters' questions on the election procedure, both in Latvian and in Russian.

Following the results of the mission of Latvia, recommendations were given that are intended for holding elections in accordance with OSCE commitments and other norms of democratic elections regarding non-citizens. In recommendation number one, it was said that, in accordance with the earlier recommendations of the OSCE / ODIHR and other international organizations, consideration should be given to granting non-citizens the right to vote in local elections. Recommendation number two read as follows: "The government should continue its efforts to educate the public in the state language, using a more flexible approach to the use of minority languages in the electoral process, including printing out information materials for voters in the languages of national minorities in accordance with General Comment No. 25, and ensuring the use of minority languages in communication with representatives of the electoral administration, especially at the local level".

As the OSCE reports on the situation in Latvia show, recommendations to the Republic of Latvia were not met, although the state represented by the ruling political elites agreed that it would follow the recommendations in developing political programs and implementing projects at the legislative level. The report of the OSCE mission for 2010 showed that after joining the European Union and international organizations, upon accession to which it was necessary to prove their readiness as a democratic state for European integration, the Republic of Latvia became more independent in choosing a political vector. The situation with the slowing down of naturalization growth also ceased to be a serious problem for Latvia.

The Russian-speaking population, who does not have the citizenship of Latvia, has a problematic character in statements made by politicians only in the conduct of election campaigns. In turn, the political leadership of Latvia, after integration into European society and accession to international organizations, began to react not so sharply to the recommendations of international human rights organizations that discrimination of the Russian-speaking population occurs in the country. One of the main requirements for the Latvian government, on the part of international organizations, was to give non-citizens the opportunity to participate in the political life of the country. This option would be relevant, because non-citizens of Latvia are taxpayers

and should have the right to vote in elections, at least to local self-government, which would be in accordance with the norms of a democratic state. But Latvia did not grant this right to non-citizens either before or after joining the European Union.

§ III.2. VIOLATIONS OF POLITICAL AND CIVIL RIGHTS OF THE RUSSIAN-SPEAKING MINORITY OF LATVIA BEFORE AND AFTER JOINING THE EUROPEAN UNION

In October 2003, the human rights commissioner A. Gil-Robles of the Council of Europe prepared a memorandum on a visit to Latvia, reflecting the problems that were relevant at the time.¹¹²¹

The paragraph on the protection of minorities noted that, like most Council of Europe member states, Latvia's population included several significant minority groups. Nevertheless, the majority of people belonging to minorities did not have Latvian citizenship, which was a real problem for Latvian society as a whole.¹¹²² In a memorandum to the Government of Latvia dated May 16, 2007, "Evaluation of progress made in implementing the recommendations of the Commissioner for Human Rights of the Council of Europe for 2003"¹¹²³ it was noted that Latvia has made some progress in the field of naturalization. At the same time, it was noted that the main problem still remained, namely the continuation of the non-citizen status, which was mainly enjoyed by representatives of national minorities. What was the problem, in terms of equality and social cohesion.¹¹²⁴ Thus, there was a speech on the part of the Latvian government aimed at desecurization of the aspects outlined in the memorandum of 2003. Is it possible to consider the desecurization conducted by the Latvian government to be successful, a memorandum from 2007 says this?

In the memorandum of the High Commissioner of 2003, problems relating to questions of citizenship were highlighted. Where it was noted that Latvia's desire for European integration after the restoration of independence should have been common for the whole society. Latvia was in a position where it was necessary to avoid the situation when certain groups of society were excluded from the process of integration into the European community. The High

¹¹²¹ Memorandum of the Human Rights Commissioner, Alvaro Gil-Robles, on a visit to Latvia from 5 to 8 September 2003 for the attention of ministers and the Parliamentary Assembly.

¹¹²² In the memorandum of 2003, section 23.

¹¹²³ Memorandum to the Government of Latvia "Assessment of progress achieved in implementing the recommendations of the Council of Europe Commissioner for Human Rights from 2003". Strasbourg. May 16, 2007.

¹¹²⁴ In the memorandum of 2003, section 29.

Commissioner noted the importance of uniting the society, without memories of the painful past, in the construction of the state.¹¹²⁵

When Latvia regained its independence, citizenship was obtained only by those persons who had citizenship before 1940, and their descendants. All other persons who arrived in Latvia after 1940 had the right to obtain citizenship, only through the procedure of naturalization. At the same time, there were about 740,000 such people by 2003, which, with a relatively small state territory, was a serious problem. The state could not ignore this problem, which led to the introduction of a specific status for some population groups.¹¹²⁶

On April 22, 1995, the Law on the Status of Former Citizens of the Soviet Union was adopted, which did not possess either Latvian citizenship or citizenship of another state. In the course of this law, it was established that persons residing in the territory of Latvia without the right to Latvian citizenship could exchange their former USSR passport or another document certifying that they lived in Latvia on the non-citizen passport. Thus, a passport with an unusual status appeared on the territory of Europe.¹¹²⁷

According to official data, on July 1, 2003, the number of non-citizens was 494,319 people, or 21% of the population. If this group of people lived in Latvia as foreigners, it would not be an unusual situation in Europe. Nevertheless, the situation was exceptional in that all non-citizens did not have citizenship, having lost the citizenship of the Soviet Union.¹¹²⁸ Consequently, a question arose about the actual status of this population group, and also whether the situation with stateless persons was a classic case of international public law. In accordance with the first article of the 1954 Convention on the Status of Stateless Persons, the term "stateless persons" means a person who is not a citizen of any state, because Latvian non-citizens did not have the citizenship of either Latvia or the citizenship of another state.¹¹²⁹

In turn, the government of Latvia has considered it not appropriate to compare the status of non-citizens and stateless persons. As noted in the memorandum by the Latvian government, the rights of non-citizens were more extensive than those of stateless persons. Latvian non-citizens enjoy basic human rights, as citizens, except the right to elect and be elected, as well as non-citizens have the same social protection, to be eligible for international passports, as well as being abroad, enjoyed consular protection in Latvia. Their legal status and rights remained fixed in the law of 1995. At the same time, stateless persons were on the territory of Latvia, whose status was determined by another law. The number of stateless persons in Latvia is 173,000 as of

¹¹²⁵ In the memorandum of 2003, section 24.

¹¹²⁶ In the memorandum of 2003, section 25.

¹¹²⁷ In the memorandum of 2003, section 26.

¹¹²⁸ In the memorandum of 2003, section 27.

¹¹²⁹ In the memorandum of 2003, section 28.

January 1, 2004.¹¹³⁰ This issue did not arise in the memorandum of 2007, which is proof that this desecuritization speech act was successful for the Latvian government. Namely, the OSCE adopted the position of the Latvian government that the legal status of non-citizens was not violated, both at the legislative and civil levels.

The problem of the status of a non-citizen attracted the attention of the Council of Europe, as soon as Latvia joined the organization, which led to numerous recommendations to the Latvian government. In particular, various bodies of the Council of Europe called on the Latvian authorities to simplify the procedure for obtaining citizenship in order to accelerate the integration of non-citizens into the civil society. Recommendations were given in accordance with international law, the main purpose of which was to reduce the number of stateless persons.¹¹³¹

In the memorandum of 2003 it was noted that Latvia made great efforts in this direction. After the adoption of the Law on Citizenship in 1994, the Latvian authorities expressed their interest in ensuring that non-citizens acquired Latvian citizenship. The 1994 Act sets out the basic requirements for naturalization, both for foreigners and for non-citizens. The main requirements were proof of legal residence for five years in Latvia, legal sources of income, knowledge of the Latvian language, the constitution and history of Latvia. These requirements corresponded to the European standards adopted in the overwhelming number of member countries of the Council of Europe.¹¹³²

Nevertheless, this assessment should have been qualified in the light of the fact that the situation faced by Latvia had an important feature. It was concluded that the overwhelming majority of foreigners residing in Latvia belonged to a special category of citizens recognized by the authorities as a special group that could not be considered as foreigners in the usual definition of this concept. In conversations with representatives of power structures, the fact that the status of non-citizens and the status of foreigners could not be equated was not once stipulated, since the Latvian law gave them a status very similar to the status of a citizen who included consular protection abroad. On this basis, the status of non-citizens was unusual, and yet taking into account the 1954 Convention, the main characteristics of the non-citizen status coincided with stateless persons.¹¹³³

The High Commissioner agreed that the history of Latvia in the twentieth century was tragic, and the situation with non-citizens was a direct result of this story. At the same time, the representative of the Council of Europe expressed his opinion that history should not be an

¹¹³⁰ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2003, regarding section 28.

¹¹³¹ In the memorandum of 2003, section 30.

¹¹³² In the memorandum of 2003, section 31.

¹¹³³ In the memorandum of 2003, section 32.

obstacle to the development of a democratic and prosperous state for Latvian society. In turn, such a move is impossible if the country is constantly looking back at its past.¹¹³⁴ The Soviet era in Latvia was brutal, and many residents continue to view this period as a huge injustice, which marked the repression and cleansing of Stalin, characteristic of this inhuman totalitarian regime. During this period the demography of the country radically changed, which aggravated the situation caused by the Nazi "occupation", which led to the destruction of Jewish and Gypsy communities. All this is a part of history and should not be forgotten, but from this it is necessary to learn lessons that will prevent the recurrence of such events.¹¹³⁵

As noted by the High Commissioner, the vast majority of non-citizens are either of Latvian descent or have lived most of their lives in Latvia and they should not be held accountable for the events of the past, although they themselves are victims of these same historical events.¹¹³⁶ Despite the progress, the process of naturalization in 2003 was still rather slow. The process of naturalization was rather complicated and expensive, which was an obstacle to achieving the goals set out in the Citizenship Act.¹¹³⁷

The Latvian government commented on this remark by the fact that Latvian legislation allows virtually every non-citizen to undergo naturalization at any moment. The government continues to encourage non-citizens to apply for citizenship by adopting legislative measures that facilitate naturalization, as well as through information companies that have already yielded positive results. The Latvian government noted that interest in obtaining Latvian citizenship has recently increased significantly. Since September 2003, the number of applications for naturalization has increased significantly compared to the same period in previous years. One of the reasons for the growth is the policy of openness and encouragement of the government, as well as allocation of resources for training Latvian applicants for naturalization. Another reason is that with the accession to the European Union in Latvia there will be more differences in the opportunities for citizens and non-citizens, namely Latvian citizens will automatically become EU citizens.¹¹³⁸

Since the beginning of naturalization, in February 1995, according to statistics provided by the authorities in 2003, the number of non-citizens living in Latvia has decreased from 740,000 to 490,000. Nevertheless, naturalization statistics did not show all the reasons for the reduction in the number of non-citizens (69 000 people passed the naturalization procedure by 2003), other factors affecting the reduction of the number of non-citizens are related to mortality

¹¹³⁴ In the memorandum of 2003, section 33.

¹¹³⁵ In the memorandum of 2003, section 34.

¹¹³⁶ In the memorandum of 2003, section 35.

¹¹³⁷ In the memorandum of 2003, section 36.

¹¹³⁸ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2003, regarding section 36.

and emigration. In November 1998, the Citizenship Act was amended in Latvia to simplify the procedure for naturalization. In the course of which the "window system" was abolished, which allowed non-citizens to undergo naturalization at any time. Also, the 1998 amendments automatically granted citizenship to children born in Latvia after the restoration of independence on 21 August 1991, and language tests were simplified, and the number of questions about history was reduced.¹¹³⁹ In resolution 1236 of 23 January 2001, the Parliamentary Assembly of the Council of Europe approved these changes.¹¹⁴⁰

Other changes were related to a reduction of one-third of naturalization fees, which opened the door to naturalization for the elderly, unemployed, disabled and school-age children. The requirements of knowledge of the Latvian language were also simplified, and schoolchildren who passed the general examination in Latvian in minority schools were released from the test in the Latvian language qualification.¹¹⁴¹

When communicating with representatives of civil society and government agencies in Riga and Daugavpils, it was noted that the society was well aware of the positive changes in the naturalization procedure, since there was a danger that if the goals of naturalization were not achieved, this could exacerbate tensions between representatives of national minorities and the Latvian government, since the result would not have been achieved, despite the efforts made.¹¹⁴² Therefore, it was extremely important to establish a frank, open dialogue in the interests of social harmony, since without mutual understanding there could not be mutual respect and recognition. At the same time, in communicating with people on the street and in various institutions, harmonious relations between different strata of the population were observed. At the same time, a number of political leaders would like to preserve and strengthen these relations within the nation.¹¹⁴³

There were a number of steps that should be taken to improve the existing situation.¹¹⁴⁴ As it was seen from the statistics in 2003, in the process of naturalization, the goals were not achieved, as the number of persons who were naturalized was low, and the trend of the last two years showed that the process indicators were declining. While in 2000, 14,900 people were naturalized, the same figure in 2001 was 10,637, and in 2002, 9,844 people.¹¹⁴⁵ On the basis of the research it was found out that the overwhelming majority of respondents were not naturalized, because they believed that citizenship should be granted automatically, either

¹¹³⁹ In the memorandum of 2003, section 37.

¹¹⁴⁰ In the memorandum of 2003, section 38.

¹¹⁴¹ In the memorandum of 2003, section 39.

¹¹⁴² In the memorandum of 2003, section 40.

¹¹⁴³ In the memorandum of 2003, section 41.

¹¹⁴⁴ In the memorandum of 2003, section 42.

¹¹⁴⁵ In the memorandum of 2003, section 43.

because they were afraid of examinations in the state language, or because they had financial difficulties.¹¹⁴⁶

In the opinion of the Latvian authorities, the low number of applications for naturalization was due to the fact that non-citizens did not believe that naturalization would significantly change the current situation.¹¹⁴⁷ In addition, one of the main factors, due to which people refrained from undergoing the naturalization procedure, was the possibility of non-citizens on more favorable terms than citizens, to travel to the CIS countries.¹¹⁴⁸ The Latvian government stated that the main deterrent to applying for naturalization was the fact that Russia was an important area for tourist, business and family trips for the inhabitants of Latvia. The visa fee for citizens of Latvia was many times higher than for non-citizens. The Latvian government also announced that the Russian Federation could in turn neutralize visa fees, which would be a positive step in facilitating the naturalization of non-citizens who were of Russian origin. In order to receive a single visa for travel to Russia, non-citizens had to pay a fee of \$ 8, in turn for citizens, the fee was 20 US dollars. To obtain a multiple entry visa to Russia, non-citizens paid a fee of \$ 12, and citizens - \$ 80.¹¹⁴⁹ This provision was not contested in the memorandum of 2007, which indicates that these comments satisfied the OSCE.

In a memorandum from 2003, the Latvian government was advised to introduce additional changes to give a new impetus to the naturalization process. To begin with, it was necessary to simplify tests on the state language for the most vulnerable groups of the population, which should be started to do for the elderly. Despite the fact that Article 21 of the Law on Citizenship released persons aged 65 years from the written examination in the Latvian language.¹¹⁵⁰ During the visit to the Department of Naturalization in Daugavpils, where officials explained the order of naturalization at all its stages, it was also found out that the test on the state language is quite complicated. There was agreement that the official language of the country should be known to everyone, but this statement is not fair to the older generation, since it was not appropriate to demand knowledge from them at the level of requirements for young people and schoolchildren. The authorities were advised to come to understand that some groups of people have difficulties in learning a new language, especially at a certain age.¹¹⁵¹

Similar difficulties were caused by payment for the passage of naturalization. According to some groups of the population, the cost of naturalization represented a significant amount for

¹¹⁴⁶ In the memorandum of 2003, section 44.

¹¹⁴⁷ In the memorandum of 2003, section 45.

¹¹⁴⁸ In the memorandum of 2003, section 46.

¹¹⁴⁹ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2003, regarding section 46.

¹¹⁵⁰ In the memorandum of 2003, section 47.

¹¹⁵¹ In the memorandum of 2003, section 48.

them, which was one of the reasons that prevented their application for the procedure. It was positively accepted to reduce the cost of the procedure for pensioners, but at the same time there were requests for cancellation of fees for pensioners and children.¹¹⁵² This problem was noted in the memorandum of 2007, where it was noted that in the memorandum of 2003, the Latvian authorities were advised to make the naturalization procedure free of charge for all non-citizens. Although this recommendation was not fully implemented, some significant changes were made. Namely, a decrease in the fee for this procedure, which implied a decrease in the value of up to 20 lats and the cancellation of fees in the event of a retransmission. Retired, disabled 2 and 3 groups, as well as disadvantaged people living alone, were allowed to pay a fee of 3 lat. The naturalization procedure was free of charge for recognized victims of political repression during the Soviet era, disabled people of the first group, orphans and children left without parental care.¹¹⁵³

Thus, the desecurization of the complexity of language tests from 2003 was not successful for the Latvian government. The newly noted problem in 2007 showed that the Latvian could not close the issue of the complexity of the naturalization examinations. At the same time, comments from the Latvian government in 2007 noted only the problem of value. The Latvian government commented that according to data provided by the Naturalization Board, more than 41% of applicants for naturalization are paid either at reduced tariffs or are exempted from paying for the naturalization procedure.¹¹⁵⁴

The process of naturalization before Latvia's accession to the EU and in the first years after accession was successful, as there were a large number of applications for naturalization from non-citizens. This positive trend was noted in the memorandum of 2007, where it was also noted that the Latvian government actively conducted information campaigns that had a positive impact on the increase in the number of persons who had been naturalized. On April 1, 2006, there were 1,836,609 citizens and 411,054 non-citizens in Latvia. The last figure was almost 18% of the population, and 66.5% of them belonged to the Russian minority, according to data provided by non-governmental organizations. The process of naturalization has significantly accelerated since 2004, after Latvia joined the European Union. 16,064 people were naturalized in 2004, compared with 10,046 people in 2003, in turn, 19,169 people were naturalized in 2005, and in 2006, 15,794 people.¹¹⁵⁵

¹¹⁵² In the memorandum of 2003, section 49.

¹¹⁵³ In the memorandum of 2007, section 39.

¹¹⁵⁴ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 39.

¹¹⁵⁵ In the memorandum of 2007, section 30.

The Government of Latvia referred to data provided by the Office for Citizenship and Migration Affairs on 12 April 2007, there were 386,632 non-citizens living in Latvia, which was less than 17% of the Latvian population.

Despite the fact that the Russian minority was the largest minority in Latvia, the report ignored other representatives of national minorities living in Latvia. According to official data, only 28.2% of the population belonged to ethnic Russians and 56.6% of them were Latvian citizens. The Government of Latvia has made considerable efforts to strengthen the identity of minorities throughout Latvia, including those who suffered most during the policy of Russification under the Soviet "occupation", such minorities include Ukrainians and Belarusians.

According to data provided by the Naturalization Board, 16,439 non-citizens were naturalized in 2006, which was the highest rate since 2005. Latvian legislation allowed almost every non-citizen to become a citizen of Latvia, which in turn is a personal decision for each member of society.¹¹⁵⁶

In a memorandum from 2007 it was noted that the department responsible for naturalization, which worked under the direction of the Ministry of Justice, received from 1,200 to 1,400 applications for naturalization per month. The Department carried out a number of measures to inform non-citizens of the formalities that had to be performed for the naturalization procedure. Days of information and awareness-raising campaigns were organized, organized in cooperation with public organizations. And also on the site it was arranged to receive information online in the Department's website, and information booklets were published. The budget of the events has been constantly increasing, starting from 2004, an additional 180 000 lats were planned to be allocated in 2007 to conduct a language test for residents who applied for naturalization. What was one of the recommendations of the Commissioner and was partially observed. The Commissioner called on the Latvian authorities to continue to undertake the efforts launched in 2004 in the field of naturalization.¹¹⁵⁷

The Government of Latvia indicated that the naturalization process was under the supervision of the Ministry of Justice, and in 2005 the Ministry accepted an average of 1,650 applications per month. The budget of naturalization has been constantly increasing since 2004, it was planned that an additional 180 000 lats will be provided in 2007, including 7 000 lats for the verification of the language test.

The conclusion in the memorandum that in 2005 there was a decrease in the number of people who had undergone the naturalization procedure, according to the statement of the Latvian authorities, did not correspond to reality. So in 2004 - 16,064 people were naturalized, in

¹¹⁵⁶ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 30.

¹¹⁵⁷ In the memorandum of 2007, section 31.

2005 - 19,169 people, and in 2006 - 16,439 people. Consequently, in 2005 a record was reached with respect to persons who acquired citizenship. In 2006, although the number of persons who were naturalized was lower than in 2005, compared to 2004, the second highest rate since the start of naturalization was achieved.¹¹⁵⁸

Desecurization of the Republic of Latvia was not successful on the issue of granting citizenship to vulnerable groups of the population. The Latvian government was not able to convince the OSCE in the absence of this problem in 2003 and it was not possible to carry out a reform that would create simplified conditions for naturalization for this population group, which led to Latvia's recommendations in the memorandum of 2007. In the memorandum of 2003 It was recommended to promote the procedure for the naturalization of particularly vulnerable groups such as the elderly, disabled and young people.¹¹⁵⁹ According to official statistics, 38.1% of non-citizens are people between the ages of 41 and 60, and 28.9% are people over the age of 60. Information and propaganda campaigns were conducted for the elderly, who constitute a large percentage of non-citizens. Nevertheless, language and history tests have not been simplified by 2006. The problem is that, together with the lack of information and initiative in some population groups, language and history tests have been a serious obstacle for people who are ill or not spoke in Latvian. The delegation was informed that the Cabinet was going to consider in the near future a proposal to simplify state language and history tests for the elderly and people with disabilities. This proposal seems to have been supported by some ministries. The commissioner, in turn, hoped that the measures would be adopted and implemented in the near future, which would allow those who wanted to integrate into Latvian society, but at the same time considered themselves too old or did not find the strength to participate in a new learning process, nevertheless do it.¹¹⁶⁰

The Latvian government cited the following data, on August 8, 2006, amendments were made to the rules of the Cabinet of Ministers concerning persons wishing to undergo the naturalization process, which came into force on August 15, 2006. The amendments provided conditions for passing the Latvian language test, the constitution of Latvia, as well as testing knowledge of the national anthem and the history of Latvia. The amendments stipulated that the following categories of citizens would be released from examinations: first group with aphasia; people with mental disabilities; invalids with double deafness and deaf-mutes; disabled persons of the first category who are not mentioned above, as well as persons with physical disabilities who have sight, could pass a test of oral language skills; invalids of the second and third group

¹¹⁵⁸ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 31.

¹¹⁵⁹ In the memorandum of 2007, section 32.

¹¹⁶⁰ In the memorandum of 2007, section 33.

who do not have a right hand or right hand (for left-handed people, respectively, left hand or left hand), are exempted from passing a written examination in the Latvian language; invalids of the second and third group with violation of articulation and hearing are exempt from part of the exam by language, namely from listening and interviewing.

The head of the Naturalization Board had the right to establish a facilitated procedure for examinations in the state language for persons who are recognized as disabled and to exempt them from examinations, taking into account applications from the doctors of the State Commission on Health and Labor Expertise.¹¹⁶¹

Another problem outlined in the memorandum of 2003 was the situation of children in the families of non-citizens. The children of non-citizens, who were born after the restoration of Latvia's independence, also received the status of non-citizens. This provision contributed to an increase in the number of persons of non-citizens, which contradicted the basic requirements of the European institutions for Latvia, namely, the reduction in the number of persons having the status of a non-citizen.¹¹⁶² The Latvian party in 1998 has accepted amendments to the Law on citizenship. These amendments have granted the children of non-citizens the right to automatically obtain citizenship. This was an important step, which was positively received by the Council of Europe. But at the same time, at the time of writing the report in 2003, statistics showed that of the more than 20,000 children who fall under these amendments to the Citizenship Act, more than 16,000 did not have citizenship.¹¹⁶³

In a memorandum from 2003 it was noted that in accordance with Article 3.1 of the Law on Citizenship, parents of children could apply for citizenship before the 15th birthday of the child, after 15 years the child has the right to do it themselves. But in the latter case, the child had to demonstrate the knowledge of the state language by providing evidence of studies in Latvian or by passing a state examination.¹¹⁶⁴ That is, children under the age of 15 had the right, without complying with certain requirements, to obtain citizenship. In addition, after the 18th anniversary, the children did not fall under Article 3.1 and the rules of the general procedure for naturalization began to apply to them.¹¹⁶⁵ Article 3.1 was a progress in the issue of citizenship. But, nevertheless, the fact that more than 80% of children in accordance with Article 3.1 did not use these advantages was of a problem nature. The existence of a large number of non-citizens in any democratic country was not normal and this problem was included in the list of priority ones. One of the steps on the way to solving this problem was to create conditions under which the

¹¹⁶¹ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 33.

¹¹⁶² In the memorandum of 2003, section 50.

¹¹⁶³ In the memorandum of 2003, section 51.

¹¹⁶⁴ In the memorandum of 2003, section 52.

¹¹⁶⁵ In the memorandum of 2003, section 53.

number of non-citizens would decrease. To avoid the increase in the number of non-citizens - was the main goal of amendments to the Law on Citizenship in 1998, but after 5 years this problem remained relevant.¹¹⁶⁶

These statistics could be an indicator of the low activity of parents in using the right of children to obtain citizenship, which was surprising, since parents had to act in the interests of children for whom it is necessary to become full citizens of the society in which they live. At the same time, based on surveys, it turned out that many parents did not have enough information about what it was necessary to do. What was unacceptable and was subject to immediate correction.¹¹⁶⁷

The state needed to monitor cases when children did not have citizenship, under whatever classification they fell, stateless persons or non-citizens. To this end, the state needed to create an incentive at the legislative level.¹¹⁶⁸ An ideal condition would be to allow one of the child's parents to obtain citizenship in accordance with Article 3.1.¹¹⁶⁹ However, if another interpretation of Article 3.1 was not adopted, it would be necessary to introduce an application form in which the parents of the newborn could indicate whether they would like or not, so that their newborn received Latvian citizenship. The very moment of indicating their desire would be equivalent to an application for citizenship.¹¹⁷⁰ Some people did not want their child to obtain Latvian citizenship, since they would like to apply for a child to receive the citizenship of another state. But the goal of the state was to be a situation when in its territory ultimately there would be stateless persons. Accordingly, those parents who did not want their child to obtain Latvian citizenship should have been obliged to indicate in the application the citizenship of the country of which their child will be a national. In this case, they should have provided evidence to the national registration authorities that they had passed the relevant procedures in the consulate of a foreign country whose citizen their child would become in the future. This provision would ensure that the child at birth is registered as a citizen of a state, which would subsequently ensure that the number of stateless persons will not increase.¹¹⁷¹

Since children are the future of the country, Latvia should be given special attention in the issue of granting citizenship to children. In the case of children in the care of the state, the obligation to grant citizenship to such children has increased.¹¹⁷² The Latvian authorities were

¹¹⁶⁶ In the memorandum of 2003, section 54.

¹¹⁶⁷ In the memorandum of 2003, section 55.

¹¹⁶⁸ In the memorandum of 2003, section 56.

¹¹⁶⁹ In the memorandum of 2003, section 57.

¹¹⁷⁰ In the memorandum of 2003, section 58.

¹¹⁷¹ In the memorandum of 2003, section 59.

¹¹⁷² In the memorandum of 2003, section 60.

called upon to resolve this issue as soon as possible, since the current situation, with a huge number of non-citizens, was unacceptable for the construction of civil society in Europe.¹¹⁷³

Thus, for the period of 2003 in Latvia there was a situation when during 5 children of non-citizens born after the restoration of independence of the republic had the right to obtain citizenship outside the general rules of naturalization, but, in spite of this provision, the number of children of non-citizens grew. This provision showed that Latvia did not achieve the goals set by the Council of Europe to reduce the number of non-citizens, which was the reason for not sufficiently informing and encouraging parents to register children in the status of citizens.

The Latvian government claimed the opposite, namely, that the Naturalization Board had published lists on naturalization. The lists contained basic information on naturalization, naturalization tests, registration of the status of a Latvian citizen, recognition of a stateless person and a non-citizen child born after 21 August 1991, as well as information on how to become a citizen of Latvia and the European Union. This was done to facilitate the registration of children of non-citizens born after 21 August 1991, so the number of children reached 16,000, whose parents applied for citizenship.¹¹⁷⁴ Proceeding from the comments of the Government of Latvia it follows that Latvia denied the situation when the government did not take the necessary actions aimed at reducing the number of non-citizens among children. This desecuritization act was not successful in 2003, which was shown by the OSCE comments in the memorandum of 2007. So, again, problems related to the citizenship of children born after August 21, 1991 were noted. It was said that in 2003 Latvia was recommended to change registration form at the birth of children. Namely, change the registration form, which noted the requirement for parents to assign the child the citizenship of Latvia or another state.¹¹⁷⁵ But this provision was not adopted at the legislative level, although discussions on this issue continued at the time of writing the memorandum. The Latvian authorities emphasized respect for the choice of parents in order to justify their approach to solving this issue. Interviewed among politicians and civil servants believed that some of the parents did not want their children to automatically obtain Latvian citizenship at birth.¹¹⁷⁶

Despite statements by the Latvian party in 2003 about carrying out of a campaign to inform parents of children of non-citizens, in 2004 Latvia was forced to conduct information activities, that is, the speech act of desecuritization of this provision was not successful on the part of the Latvian government. Information activities were carried out by the Ministry of Integration and the Ministry of Family Affairs. In the course of which official letters from both ministries

¹¹⁷³ In the memorandum of 2003, section 61.

¹¹⁷⁴ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2003, regarding section 51.

¹¹⁷⁵ In the memorandum of 2007, section 35.

¹¹⁷⁶ In the memorandum of 2007, section 36.

explaining the naturalization procedure for children born after 21 August 1991 were sent out to all interested parents. The campaign did not bring good results, although 5,000 children were registered. At the same time, the development received a different position. Since August 21, 2006, all children born after August 21, 1991, with the onset of the fifteenth anniversary, could independently submit applications for naturalization. According to these statements, a simplified procedure was adopted.¹¹⁷⁷

For the period of 2006, there were 13,000 children of non-citizens, in turn, the continuation of the birth of children of non-citizens, was a problem that was never solved. This provision indicated that the Latvian authorities did not pay enough attention to the resolution of this issue. The Commissioner did not call for systematic registration against the will of the parents. It was recommended to conduct intensive information campaigns aimed at young parents, in order to develop a dialogue. Legislation had to be changed in such a way that parents had the opportunity to assign any status to their child at birth.¹¹⁷⁸

A comparison of the OSCE recommendations and Latvia's comments in 2003 and in 2007 show that in 2003 the Latvian government did not convince the commission's representatives that the problem of the non-citizens' children's status was irrelevant. And at the time of writing the memorandum in 2007, although the Latvian side held informational and motivating campaigns, but they proved to be insufficient, according to the OSCE.

The problem of granting citizenship to children is also related to the problem of citizenship of children born before August 21, 1991. In a memorandum from 2007 it was noted that young people attending school in which subjects were taught in Latvian and those who studied at the school of national minorities, at the time of the centralized examination in the Latvian language at the end of the ninth grade, were released from the test on language with naturalization. In turn, students of national minority schools could pass a centralized exam at the end of the twelfth grade. Despite the fact that these provisions facilitated the procedure of naturalization, during the interviews, some of the interviewed children noted the problems associated with training and information.¹¹⁷⁹ Proceeding from the fact that these comments followed without recommendations and actions on the part of the Republic of Latvia in the future on the reform of education, it follows that this problem was solved positively through the desecurization of the problem by the Latvian side.

Memorandums from 2003 and from 2007 noted the problem of depriving non-citizens of political rights, namely the right to vote and the right to run for elections. For OSCE

¹¹⁷⁷ In the memorandum of 2007, section 37.

¹¹⁷⁸ In the memorandum of 2007, section 38.

¹¹⁷⁹ In the memorandum of 2007, section 34.

representatives in 2003, a number of issues represented a situation in which non-citizens did not have the right to participate in local elections.¹¹⁸⁰ The OSCE representatives in 2003 pointed out that local elections were not related to the work of state sovereignty and related to the work of municipal organizations. Thus, it seemed reasonable for the OSCE that people who had lived in a certain place for many years, paid taxes, brought up children, should have the right to participate in organizing the work of local governments. For the granting of such rights to persons without citizenship in 2003, both the Council of Europe and the European Union acted.¹¹⁸¹

Since this issue was raised prior to Latvia's accession to the EU, the Latvian government stated that as of May 1, 2004, when Latvia joined the European Union, all citizens of the European Union will have the right to participate in local elections. In addition, the Latvian authorities were recommended to take action against all residents of Latvia in order to give them the right to participate in local elections.¹¹⁸² In a memorandum from 2003 it was noted that in different layers of society there was much talk about the need to speed up the process of integration of non-citizens into the national society. In this connection, it was necessary to give non-citizens more grounds for undergoing the naturalization procedure, and the right to participate in local elections would be the first step towards this goal. This would be an indication that people are listening to their opinion in society.¹¹⁸³

In 2003, the Latvian government, despite promises to grant all non-citizens the right to participate in local elections after accession to the EU, stated that granting voting rights to non-citizens of Latvia would not be an incentive for naturalization, the situation, in their opinion, would most likely be the opposite. As evidence of its position in Latvia in 2003, the Ministry of Naturalization conducted an extensive research project entitled "The Impact of Regional Aspects in Resolving Issues of Citizenship." According to the results, it was revealed that one of the main obstacles to applying for Latvian citizenship was lack of motivation, as well as minor differences in rights between citizens and non-citizens. In turn, Latvia would like to have more full citizens than non-citizens with a large number of rights, while for entering any restrictions there must be corresponding serious justifications in accordance with international standards. In addition, the Latvian government indicated that there were no international standards for voting rights for non-citizens, and that such rights were not widespread among the member countries of the European Union.¹¹⁸⁴ Such were the comments of the Latvian side, the comments of the OSCE in 2003, the problem of the lack of the right of non-citizens to participate in the political life of the

¹¹⁸⁰ In the memorandum of 2003, section 62.

¹¹⁸¹ In the memorandum of 2003, section 63.

¹¹⁸² In the memorandum of 2003, section 64.

¹¹⁸³ In the memorandum of 2003, section 65.

¹¹⁸⁴ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2003, regarding section 65.

country. But this problem was also noted in the memorandum of 2007, which speaks of the failed act of desecuritization of the Latvian government on this issue.

On the part of the OSCE, in a memorandum from 2007 it was noted that the exclusion of non-citizens from the political life of the Latvian state did not contribute to their integration. The High Commissioner stressed this provision in his report, and also recommended that the Latvian government consider giving non-citizens the right to vote in local elections. It was stressed that the vast majority of non-citizens belonged to minorities, and this status excluded them from participating in the political life of the country of residence. This group of people did not have the right to vote, and to be elected. In 2007, the Latvian government drafted a bill where non-citizens were given the opportunity to vote in elections to local governments, but at that time the text of the document had not yet been considered by the parliament.¹¹⁸⁵ These actions on the part of the Latvian government were the result of an unsecured act of desecuritization in 2003 on this issue. Based on this provision, at the time of 2007, the Latvian government was forced to work on organizing activities to involve the public in policy development and in the legislative process. Every member of society and non-governmental organizations could take part in the political processes of Latvia. It is important that representatives of national minorities, both citizens and non-citizens, as well as representatives of Latvian communities, could take part in the process of forming non-governmental organizations. For this purpose, an extensive legal framework was provided. The main forms of political participation of citizens and non-citizens in Latvia were: active participation in the activities of political parties; active participation in the activities of non-governmental organizations; participation in political demonstrations and workers' strikes; participation in government advisory councils and committees; participation in consumer unions of the public sector; participation of representatives of a particular group of the population in the implementation of social policy; various forms of social activity. Also about the inconclusive statements of the Latvian authorities in 2003 is the position that the secretariat of the special purpose, attached to the Ministry of Society Integration, began to occupy by 2007. The special purpose secretariat attached to the minister of integration of the society promoted the participation of Latvian national minorities in civil society, and ensured their participation in areas directly affecting the interests of national minorities. The Secretariat worked Advisory Council on ethnic and social integration of the main objectives of which is to carry out consultations and informing the special minister of state of social integration, analysis and recommendations on issues related to ethnic policy and the rights of national minorities in Latvia. Of the 109 advisory councils that existed in 2007, this council was the only one in which

¹¹⁸⁵ In the memorandum of 2007, section 43.

minority communities were represented. A draft was prepared that regulated the charter of the society of non-governmental organizations of national minorities. The task of the society was to support the secretariat in coordinating the implementation of the standards enshrined in the framework convention for the protection of national minorities. Citizens and non-citizens of Latvia, as well as associations of representatives of national minorities of non-governmental organizations, enjoyed equal opportunities to participate in the advisory council of nationalities and social integration.

Special Secretariat to the Minister for Society Integration provides an intensive exchange of information and the work of educational projects to raise awareness of the culture of national minorities and ethnic identity, as well as carry out regular projects to inform the non-governmental organizations of national minorities on the legislative amendments concerning the structure and the basic principles of national minority organizations activities.

Advisory support was provided to non-governmental organizations of national minorities. In turn, taking into account the proposals made by public organizations, the staff of the secretariat regularly consulted visitors. Each month, about 40 - 68 consultations were held and information support was provided to more than 500 people per month, and on-site consultative meetings were organized with local authorities.¹¹⁸⁶

Thus, the desecuritization act on the lack of political rights of non-citizens of Latvia in 2003 was not successful, as evidenced by the recommendations provided by the OSCE Memorandum of 2007, as well as the comments of the Latvian side in 2007, providing information on the work already done for solutions to this problem. That is, the Latvian government was forced to work on involving non-citizens in the political life of the country and to draft bills that allowed at least partial participation in non-citizens in Latvia's policies.

The basic positive speech act of desecuritization is that the OSCE commission has accepted the arguments of the Latvian side on compliance with basic human rights and social guarantees of non-citizen status.

In a 2003 memorandum, the OSCE noted a positive trend in addressing the problem of reducing the number of non-citizens, while noting the lack of dialogue between the government and non-citizens, which would help to identify obstacles to naturalization. The Latvian government also noted that the main obstacle to the passage of naturalization by non-citizens was the fact that Russia provided a simplified regime for the entry of non-citizens into its territory. This provision also corresponded to the fact that for non-citizens this direction was the

¹¹⁸⁶ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 43.

main one for tourist, business and family trips. The fact that the OSCE memorandum was not challenged in 2007 showed that the desecuritization speech of the problem was successful.

Another problem that was relevant for Latvia, both before joining the EU, and after is the cost of passing the naturalization procedure and the complexity of the tests. Particular attention was paid to the fact that these problems are relevant for the elderly and for people with disabilities. This issue was not resolved either before or after 2003. Thus, this situation shows that the Latvian government still managed to convince the European institutions that Latvia's actions are sufficient to be a full-fledged member of the EU, despite not implementing the recommendations OSCE. Desecuritization of the problem associated with the complexity of language tests conducted in the Republic of Latvia in 2003 was not successful, so in the memorandum of 2007 this problem was again identified.

The situation in which there was an increase in the number of Latvian citizens in 2004 and in 2005, who were naturalized, was welcomed positively by the OSCE. That spoke, about creation of an incentive by the Latvian government and granting of the information to aliens for passage of procedure of naturalization. This positive trend is characterized not by the speech act of desecuritization, but by the possibility of free visits of Latvian citizens to EU countries for any purpose. Thus, this was the main stimulus for the passage of the naturalization procedure by non-citizens.

Latvia failed to implement reforms that satisfy the OSCE to simplify the rules of naturalization for a vulnerable group of the population. This provision speaks of the failed desecuritization from the Latvian side in 2003, as well as the inaction to address this issue by 2007.

Desecuritization did not bring positive successes for the Latvian government on the issue of providing information in full and at the proper level to the parents of children born after the restoration of independence. Latvia in 2007 recommended conducting intensive information campaigns for parents and changing the legislation so that parents could assign any status to their child at birth.

A successful act of desecuritization of the Latvian government is to solve the problem of conducting centralized examinations in schools of national minorities and matching the results of examinations in the state language at school with naturalization. This provision was adopted by the representatives of the OSCE commission without any recommendations.

The Latvian government failed to conduct a successful desecuritization speech on the displacement of non-citizens from the political life of the Republic of Latvia in 2003, which led

to recommendations from the high commissioner in 2007, the government was recommended to conduct work aimed at attracting non-citizens to the political life of the republic.

§ III.3. LANGUAGE PROBLEMS OF THE RUSSIAN-SPEAKING MINORITY OF LATVIA BEFORE AND AFTER ACCESSION TO THE EUROPEAN UNION

As noted above, Latvia is a country whose population is largely made up of national minorities - Russians, Poles, Byelorussians, Ukrainians and others. Most people belonging to these minorities know the Russian language as their native language. What is the result of the historical process of the last 60 years and the legacy of the Soviet Union.¹¹⁸⁷

Because of the large number of minorities in Europe, the Council of Europe has developed a special tool for the protection of minorities living in the territories of the member states of the European Union. This instrument is the Framework Convention for the Protection of National Minorities. But for the period of 2003, Latvia has not yet ratified a framework convention that could ensure the protection of national minorities. In this connection, Latvia was recommended to ratify this document.¹¹⁸⁸

The Latvian government noted that the parliament and the government will continue their work towards ratifying the framework convention on the protection of national minorities. On January 22, 2004, the commission on human rights in the Latvian parliament decided to establish a commission for the integration of society. One of the main tasks of the commission was to consider the issue of ratification of the framework convention. The Ministry of Justice and the secretariat of the Minister for Society Integration prepared a comprehensive analysis of the conformity of national legislation in accordance with the Convention.

On 13 February 2004, a seminar on the ratification of the framework convention in Latvia was to take place. The seminar was organized by the Latvian Center for Human Rights and Ethnic Studies in cooperation with the Council of Europe. The seminar was planned to be attended by representatives of the Latvian parliament and relevant ministries, as well as representatives from the Council of Europe advisory committee on the framework convention on the protection of national minorities, as well as the OSCE High Commissioner on National Minorities.¹¹⁸⁹ But these actions were not enough to convince the representatives of the OSCE commission to implement this recommendation. In 2007, the Memorandum noted that the Convention was adopted on May 26, 2005, entered into force in October 2005, but ratification

¹¹⁸⁷ In the memorandum of 2003, section 66.

¹¹⁸⁸ In the memorandum of 2003, section 67.

¹¹⁸⁹ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2003, regarding section 67.

was accompanied by three declarations. The first declaration defined the scope of the convention, the second and the third related to articles 10 (2) and 11 (3) of the convention. The first declaration determines that the concept of "national minorities" applies to Latvian citizens who differ from Latvians in terms of their culture, religion or language, which have traditionally lived in Latvia for several generations, and consider themselves to belong to the state and society, and also for those who wish to preserve and develop their culture, religion or language. In addition, persons who are not citizens of Latvia or another state but who permanently and legally reside in Latvia, and also identify themselves with a national minority on the basis of the definition given in the convention, should enjoy the rights provided for in the framework convention.¹¹⁹⁰

The second and third declarations stipulated that Latvia would apply the provisions set forth in Article 10 (2) and Article 11 (3), without prejudice to the Constitution of the Republic of Latvia and the legislative acts governing the use of the state language that were in place at the time of the adoption of the framework Convention. Article 10 (2) stated that the language of minorities should be used in the area of their residence in a traditional form or in a significant number. In turn, in Article 11 (3) it was noted that the indication of traditional local names, street names and other topographic indexes for the population should be in the language of minorities. The declarations adopted by the Latvian government confirmed their position that the Latvian language is the only language that can be used in official documents. The declarations were sharply criticized by representatives of the Russian minority and non-governmental organizations.¹¹⁹¹

Some representatives of non-governmental organizations in 2006 noted that the convention did not have any positive effect. Moreover, some representatives of the society believed that no steps were taken to support the Russian minority, both in the cultural, political and economic fields. Many characterized the policy of the Latvian authorities towards the Russian-speaking minority as discriminatory. The reasons for these statements were both political in nature and the reasons for the problems in the field of human rights.¹¹⁹²

In turn, the Latvian government noted that in 2002 the post of minister of special assignments for the integration of society and the post of his secretariat was created. The issue of the rights of national minorities, the preservation and development of their ethnic identity was taken into account in conjunction with the creation of the post of secretariat for integration.

¹¹⁹⁰ In the memorandum of 2007, section 40.

¹¹⁹¹ In the memorandum of 2007, section 41.

¹¹⁹² In the memorandum of 2007, section 42.

Within the secretariat, the Department for Ethnic Minorities, the Department of Culture and Information of National Minorities, and the Advisory Council were established.

The main objectives in the work of the secretariat were: the development of legislative projects and other normative acts in the field of social integration and the rights of ethnic minorities; implementation and coordination of such state programs as "integration into the Latvian society" and "livelihoods in Latvia"; implementation and coordination of activities aimed at reducing the incidence of discrimination; assistance in the development of civil society; implementation and coordination of state support for cultural associations of ethnic minorities; ensuring the implementation of international treaties signed by Latvia, as well as ensuring the participation of the state in the activities of international programs and organizations; informing and educating society.

In 2006, 99 non-governmental organizations of national minorities from 17 ethnic groups received 336 grants from the state budget for a total of 144 600 lats in order to preserve national identity, thus increasing the importance of inter-ethnic dialogue and promoting the potential of non-governmental organizations. The organizations of Russian minorities received 20% of the total subsidy during the year. There were about 15 active non-governmental organizations of Russian ethnic minorities who cooperated with the secretariat and submitted project proposals to it, due to which they received financial support from the secretariat.

The above information was evidence that the Latvian government was not in agreement with the fact that Latvia's ratification of the framework convention on the protection of national minorities could "preserve for a long time the impression of institutionalized marginalization among minority representatives", since Latvia was a member of all minorities living in its territory, equal conditions. In addition, Latvia has expanded the scope of application of the framework convention and has included in it the protection of the rights of persons who are neither Latvian citizens nor any other state, but permanently and legally residing in Latvia and identifying themselves with a national minority. In October 2006, Latvia submitted its first state report on the implementation of the Convention, the compliance of the work with the objectives and principles of the convention is assessed by an independent body, an advisory committee.¹¹⁹³

Thus, the Latvian government in 2003 carried out a successful act of desecurisation, which allowed it to become a full-fledged EU participant, and questions that arose already in 2007 were commented on by Latvia as ungrounded, and the objectives and principles of the concession were observed in the course of its work.

¹¹⁹³ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 42.

For the period of 2003, in Riga and Daugavpils it was noted that Latvia made efforts to preserve the identity and culture of national minorities. It was noted that there were schools for minority children, where some programs were taught in Russian, Polish, Estonian, Lithuanian, Belarusian and Hebrew, or special classes for such children were provided. In Daugavpils it was noted that the municipal authorities participated in the cultural life of minorities and provided them with free assistance.¹¹⁹⁴ At the same time, civil society was waiting for the decision of the authorities on many issues.¹¹⁹⁵

One of the principles of the Law on the official language in Latvia was that the Latvian language was compulsory when applying to state institutions. The law provided for the use of the Latvian language by private enterprises dealing with issues of public interest, namely public safety, health, public policy, medicine, labor protection and consumer issues.¹¹⁹⁶

The law on the official language prohibited municipal organizations and courts from accepting documents from individuals in a language other than Latvian. Documents in other languages were not accepted if they were not provided together with a notarized translation into the Latvian language. At the same time it was allowed to accept applications in extreme cases, which could be connected with calling an ambulance or in case of a fire.¹¹⁹⁷

In some parts of Latvia, where Russian-speaking minorities lived in large numbers (Latgale), the ban on using the minority language in appeals to state bodies created problems. This problem was especially of a nature for the elderly who did not have a good command of the Latvian language in order to formulate an official application or conduct official correspondence with the authorities.¹¹⁹⁸ In turn, the mayoralty of Daugavpils recognized, that use of Russian caused problems for minorities. Proceeding from what, the mayor's office, with the help of interpreters, accepted and responded to statements from minorities in Russian and Latvian. But the services of translators were not enough with the population of the city more than 100,000 people - 85%, of which Russian-speaking minorities.¹¹⁹⁹ In addition, in small, mostly rural settlements, the population was not helped by translators of municipal institutions. This problem was identified by the High Commissioner in 2003 as a priority for resolution.¹²⁰⁰

The Latvian government was recommended to provide more support to linguistic minorities, with the possibility of applying to state institutions in their native language, which would be in line with Article 10 of the framework convention. This support from the state will

¹¹⁹⁴ In the memorandum of 2003, section 68.

¹¹⁹⁵ In the memorandum of 2003, section 69.

¹¹⁹⁶ In the memorandum of 2003, section 70.

¹¹⁹⁷ In the memorandum of 2003, section 71.

¹¹⁹⁸ In the memorandum of 2003, section 72.

¹¹⁹⁹ In the memorandum of 2003, section 73.

¹²⁰⁰ In the memorandum of 2003, section 74.

also help to strengthen national unity. In addition, it can become a motivation for minorities to improve the knowledge of the Latvian language.¹²⁰¹ In turn, the Government of Latvia noted that the expansion of the use of minority languages, when applying to administrative bodies, as well as allowing the use of minority languages, for official business registration is not justified to improve the situation with the teaching of the Latvian language of national minorities. Experience during the Soviet "occupation" showed that the population did not stimulate the study of the Latvian language without the need to use the Latvian language.¹²⁰²

This interpretation of the position of Latvia was not accepted by the OSCE unconditionally, which led to the raising of this issue in a memorandum from 2007, where it was noted that the situation in Latvia with the use of minority languages in this area was not a betrayal and was not subject to review. In official statements of the Latvian authorities it was noted that only the Latvian language can be used in communication with the state authorities and administrative departments. Such a rigid legal position was an obstacle to the integration of minorities. There were some deviations from official statements in practical life. Some local authorities and government agencies agreed to consider applications in minority languages. Thus, more than half of the complaints to the National Human Rights Bureau were filed in Russian. Some institutions in Daugavpils in 2007 provided translation services for working with minorities. The High Commissioner reiterated his recommendation on this issue in 2007.¹²⁰³ But despite the recommendations of the High Commissioner, the Latvian side defended its position on this issue.

The Government of Latvia in 2007 under this item noted that the Latvian language is the only official state language and Latvia is the only country in the world where the Latvian language can develop and perform its functions. Taking into account the political and demographic processes in the region, Latvia is one of the countries where the consistent implementation of reasonable principles of language policy would be essential for maintaining the language. The main objectives of the Law on the State Language were adopted: the preservation, protection and development of the Latvian language, the integration of national minorities into Latvian society while respecting the rights to use the native and other languages.¹²⁰⁴

Whether in this case the desecurization of the Republic of Latvia is successful, says the fact that Latvia has not changed the provisions on the languages of national minorities since 2007. This position, as well as the further development of the Law on the State Language, aimed

¹²⁰¹ In the memorandum of 2003, section 75.

¹²⁰² Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2003, regarding section 75.

¹²⁰³ In the memorandum of 2007, section 44.

¹²⁰⁴ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 44.

at its dissemination and popularization, shows that the desecurization of this problem in 2003 was not successful, but in 2007 the invariability of the situation spoke of the non-acceptance by the Latvian side of a different position on this issue.

In 2003, there were also questions about the use of minority languages in television and radio broadcasting. Representatives of minorities complained of discrimination in relation to broadcasting in Russian and other languages that were not official. The Law on Radio and Television provides for a system for the allowed percentage of broadcasting in minority languages and in the official language.¹²⁰⁵ This problem was solved by the decision of the Constitutional Court of Latvia of June 6, 2003.¹²⁰⁶ The decision was taken in accordance with Article 19.3 of the Law on Television and Radio Broadcasting. The court ruled that the desire to increase the influence of the Latvian language was positive, but, nevertheless, the quota system adopted by the legislation on the language of broadcasting was not appropriate. The National Television and Radio Broadcasting Council was to weigh the consequences of the decision and take appropriate measures.¹²⁰⁷ The Broadcasting Council undertook to inform the relevant authorities about the changes in the quota system and about the language requirements governing broadcasting.¹²⁰⁸

In this connection, Latvia has given the following comments. After the decision of the Constitutional Court that the norm in the Law on Radio and Television, which limited the use of minority languages in broadcasting, to 25% of the total air time was not in accordance with the Constitution, the National Broadcasting Council allowed many radio stations and television to change the percentage of minority languages used broadcasting. In the course of which, some stations increased the use of minority languages in their programs, some broadcast exclusively in the minority language.¹²⁰⁹ This situation was resolved and the OSCE was no longer returning to the issue of its demise. What is the positive moment of the act of desecurization from Latvia.

In 2003, the High Commissioner identified the goal of motivating national minorities to study the Latvian language.¹²¹⁰ The study of the state language, as noted in the memorandum, had to go through self-esteem, respect for the country of residence, through respect for one's own and the future of their children.¹²¹¹ Daugavpils has always been a multi-ethnic and multi-ethnic city. From the history of the city it is known that the population of the city spoke three or more

¹²⁰⁵ In the memorandum of 2003, section 76.

¹²⁰⁶ In the memorandum of 2003, section 77.

¹²⁰⁷ In the memorandum of 2003, section 78.

¹²⁰⁸ In the memorandum of 2003, section 79.

¹²⁰⁹ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2003, regarding section 79.

¹²¹⁰ In the memorandum of 2003, section 80.

¹²¹¹ In the memorandum of 2003, section 81.

languages, which was a manifestation of good-neighborly relations.¹²¹² In this connection, it would be expedient to motivate minorities to study the Latvian language and speak Russian.¹²¹³ The Latvian authorities were called upon to render the maximum assistance to those who wished to learn the Latvian language or improve their knowledge of it.¹²¹⁴

The main problem of civil society in the study of the Latvian language was the cost of language courses. According to the information provided, the state budget for the study of the Latvian language was reduced, while additional funding was provided from EU funds. However, if the state has set a goal to improve the knowledge of the state language among the population, it must provide the necessary resources to achieve this goal.¹²¹⁵ In this connection, the Latvian authorities were recommended to pay special attention to the support of the population in the study of the Latvian language. In turn, the introduction of the post of minister of integration since 2002 spoke of the authorities' determination to do everything possible to achieve these goals.¹²¹⁶

The problems of the training programs in the Latvian language were also noted in the memorandum of 2007. The study of the Latvian language was one of the most effective instruments for integration, but this tool should not oppress the languages of national minorities. On the contrary, the official state language and minority languages were to coexist harmoniously within the framework of one state. In order to promote integration, the report from 2003 noted the recommendation to increase funding to ensure that the free Latvian language courses are available for all interested persons in language learning or improving their language skills.¹²¹⁷ The decision of this problem was carried out by the Latvian government together with the European funds. The work of the national agency for teaching the Latvian language was positive. Several programs of the agency were funded by the European Social Fund and the Phare program. Additionally, professional courses of the state language (for doctors, police officers, etc.) have been created in three main categories, namely for elementary school teachers, for parents whose children attend minority schools and for the elderly.¹²¹⁸

In 2005, the National Agency for Learning the Latvian Language developed a curriculum for secondary school teachers. The purpose of this program was to allow teachers belonging to national minorities to improve their knowledge of the Latvian language, to help them organize a system of teaching for students, and to help in preparing examinations and to establish relations

¹²¹² In the memorandum of 2003, section 82.

¹²¹³ In the memorandum of 2003, section 83.

¹²¹⁴ In the memorandum of 2003, section 84.

¹²¹⁵ In the memorandum of 2003, section 85.

¹²¹⁶ In the memorandum of 2003, section 86.

¹²¹⁷ In the memorandum of 2007, section 45.

¹²¹⁸ In the memorandum of 2007, section 46.

between minority schools and Latvian schools. There was also a campaign for parents, whose children attend minority schools. As a result, in 2005, 100 courses for parents were held on the territory of schools. That has allowed parents to improve their knowledge of the Latvian language, but also to change the attitude to the Latvian language and school in a positive way. Through the Phare program, a number of language and history courses were conducted, in which children were able to visit the summer camp with courses that met the requirements of naturalization.¹²¹⁹

The Latvian government made the following comments. In 2005, the National Agency for the Education of the Latvian Language developed a two-year training program (2006-2008) for secondary school teachers. The main objective was to increase the professional mobility of secondary school teachers, as well as providing methodological support to teachers of minority secondary schools and teachers who worked with students, graduates of minority schools; allow teachers to improve their knowledge of the Latvian language; help teachers in the implementation of the methodology of education; support in preparation for examinations and establish cooperation between minority schools and Latvian schools.¹²²⁰

Elderly people were granted the right to take courses of the Latvian language for the year. Also, a bilingual magazine "Klyuchi" was created, with publication twice a month and distribution in post offices. The magazine provided information explaining the new laws and European directives that have an impact on the daily life of the population, as well as interviews with government officials explaining the terminology used.¹²²¹

The Government of Latvia stated that the magazine under the name "Klyuchi" was published twice a month and distributed free of charge in post offices. The target audience of this publication were older people who did not fit other motivation programs for the naturalization procedure, they had difficulty in obtaining and understanding official public information. The bilingual journal explained the new laws and European directives that have an impact on people's daily lives. And also, he included interviews with officials and explained the terminology used by them. The circulation of the magazine was 50,000 copies of one publication, 25 editions per year.¹²²²

These projects were under threat of underfunding. The money provided by Latvia and the European Union was not sufficient to support projects in the future. In 2007, the budget of the agency for the study of the Latvian language allowed for no more than seventy courses for parents and teachers. Financing the summer camp did not allow it to be held in 2007. The

¹²¹⁹ In the memorandum of 2007, section 47.

¹²²⁰ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 47.

¹²²¹ In the memorandum of 2007, section 48.

¹²²² Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 48.

publication of the journal was planned only until July of the same year. The problem related to financing had serious consequences for carrying out activities that have a positive impact on the target population. The same teachers needed constant improvement of knowledge of the Latvian language. In this connection, the High Commissioner in 2007 urged the Latvian authorities to allocate funding for the agency's programs.¹²²³

The Latvian government noted that, according to information on the state budget for 2007, the national agency for teaching the Latvian language received additional funding in the amount of 235 000 lats, which allowed the agency to continue implementing its projects, namely, to provide Latvian language courses for parents of children school age, the training of teachers in the teaching methodology, the development of educational materials for adults, the development of a program to support the Latvian diaspora abroad, and The continuation of the publication of the bilingual journal "Klyuchi".¹²²⁴

Other programs were financed by the department responsible for naturalization and at the expense of institutions financed from third countries or international organizations. At the same time, these organizations also needed additional funding. That indicated the revision of the funding system for the Latvian language training programs. The High Commissioner expressed the desire that the European Union, in turn, should support the organization of events for such programs.¹²²⁵

The Latvian authorities stated that in 2000 the Naturalization Board, in cooperation with UNDP, developed a project called "introducing intensive Latvian language training to promote the naturalization process in Latvia". Within the framework of this project in 2001, 1,692 persons were informed about the citizenship of Latvia and started the naturalization procedure; in 2002 there were 532 people. During the implementation of the project, the collection of benefits for the training program was implemented. In 2002, the integration fund in Latvian society allocated LVL 32,000 for training 250 applicants for citizenship who previously did not know the Latvian language. In 2003 the Diet has allocated 50 000 lats on the organization of language courses for persons who wished to receive citizenship of Latvia. Latvian language courses were organized in the largest cities of Latvia. This funding was used to train 77 groups of 15 people each. In 2003, foreign financing was received in the amount of US \$ 238 454. These funds were used to train 125 groups of 15 people each.

¹²²³ In the memorandum of 2007, section 49.

¹²²⁴ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 49.

¹²²⁵ In the memorandum of 2007, section 50.

In 2004, 191 groups were organized through foreign funding. In 2005 - 133 groups, in which 1,995 applicants for Latvian citizenship improved their knowledge of the Latvian language.

In 2004, the fund for integration into Latvian society, financed by the state, allocated 217 000 lats for training the Latvian language of adults. In 2005, the amount increased to 261 000 lats. In 2005, the integration fund for Latvian society announced a project competition, during which 32 projects were supported aimed at educating adults. The support of projects of non-governmental organizations in the field of ethnic integration, including the promotion of naturalization, is one of the priorities of the integration fund in the society of Latvia. In 2007, funding for Latvian language courses could be obtained through projects submitted to the society integration fund.¹²²⁶

The Education Act of 1998 provided for the transition to education in the Latvian language. Since September 2004 it was planned that 60% of the training will take place in the Latvian language and 40% in the minority language. By 2007, it was planned to pass the final examinations in the Latvian language.¹²²⁷

The comments of the Latvian government were as follows. On February 5, 2004, the parliament adopted in the final reading amendments to the Law on Education, which legally enshrined norms that had previously been provided for in government regulations. The amendments provided for long-term guarantees for the formation of national minorities. For secondary school teachers, a considerable amount of time was envisaged to prepare for the reform and begin to implement curricula for minorities with an increase in the use of the Latvian language from September 2004. This meant that in 10 to 12 classes of state and municipal general educational institutions, the number subjects taught in Latvian should have increased from three to five. Up to 40% of subjects from the total number were still planned to be taught in the minority language. The schools were given the opportunity to choose subjects that they would teach in Latvian, and which are in the language of an ethnic minority. This increase was planned to be carried out in stages, beginning with the 10th grade in 2004, and then the 11th class in 2005 and the 12th grade in 2006. The Ministry of Education planned to establish individual plans for schools to maintain a high level of teaching, with taking into account sufficient skills of teachers.¹²²⁸

In a memorandum from 2003 it was noted that parents of children were concerned about this situation. In the opinion of stakeholders, the system was not ready for such a transition. At

¹²²⁶ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 50.

¹²²⁷ In the memorandum of 2003, section 92.

¹²²⁸ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2003, regarding section 92.

that time, the schools lacked teachers, knowledge of the Latvian language, which would be allowed to teach their subjects in Latvian. These changes could lead to a lower level of teaching.¹²²⁹

Latvia, in turn, stated that the issues of dialogue between state institutions and parents on the organization of reform were resolved through several channels. There were mechanisms of the school council, through which managers could communicate with teachers, students and their parents. And there was also another important mechanism for dialogue - an advisory council under the auspices of the Ministry of Education, which was attended by representatives from minority schools, non-governmental organizations, parent organizations and independent experts. In 2004, it was planned to expand the council with new members, such as minorities from non-profit organizations, to promote a broader and more effective dialogue. The question of providing adequate information was to be solved at the expense of the information company on education reform. To this end, the Society Integration Fund financed 18 projects worth about 50,000 euros from the state budget.¹²³⁰

The Minister of Education of Latvia explained the reasons for the introduction of the 60/40 teaching language so that it would allow pupils to better and faster learn the Latvian language, which would guarantee a worthy place in society and allow higher education where all subjects were studied in the state language.¹²³¹

In the memorandum of 2003 it was noted that on the one hand the provision of the possibility of obtaining a higher education in the state language in preparation for school was a positive development. At the same time, there were concerns about lowering the level of education.¹²³² Fears also caused future standards of teaching the mother tongue of minorities, since most educational institutions did not provide instruction in the minority language. A similar problem occurred in textbooks that were not translated into Russian.¹²³³

The Government of Latvia noted that for the period of 2004 there was no shortage of teachers of the Russian language as a native language, who were trained in two higher educational institutions - the University of Latvia and the University of Daugavpils. It was also noted that these educational institutions recognized that there was a low demand for these teachers, as the number of students decreased because of the demographic situation. At that time there were 559 teachers who taught Russian as their native language in Latvia. Annually about 15 teachers of the Russian language as a native language are trained at the University of Latvia at

¹²²⁹ In the memorandum of 2003, section 93.

¹²³⁰ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2003, regarding section 93.

¹²³¹ In the memorandum of 2003, section 96.

¹²³² In the memorandum of 2003, section 97.

¹²³³ In the memorandum of 2003, section 98.

the Department of Slavic Languages and at the University of Daugavpils at the departments of Russian literature and culture, and the linguistics of the Russian language. Teachers of other minority languages, as a rule, had the origin of "related countries".¹²³⁴

The authorities were advised to exercise caution in the planned changes, in order to preserve the comfort and respect among the national minorities in the society.¹²³⁵

On the reform of education, the memorandum noted the implementation of educational reform, which was discussed in 1998, began in September 2004. This reform assumed that the Latvian language will become the main language of teaching in schools. Since 2004, 60% of all classes in schools were to be conducted in Latvian. The reform, first of all, exerted its influence on the schools of national minorities. Students of minority schools, mostly students of Russian-speaking schools, held protests against the education reform, and also because of the lack of dialogue during the development and implementation of the law on education.¹²³⁶

The Government of Latvia noted that education in the languages of national minorities was a prerequisite for preserving the cultural identity of national minorities in Latvia. The Latvian government continued to provide public education in 2007 in eight languages of national minorities, even in cases where the number of children of national minorities was small.

Knowledge of the Latvian language was a prerequisite for a successful career in both the public and private sectors. The goal of the reform of the education of national minorities is the creation of an educational system capable of providing equal opportunities in the labor market and in higher education institutions for graduates, both Latvian schools and graduates of national minority schools.

The Government of Latvia has made continuous efforts to facilitate dialogue with representatives of national minorities, with a view to improving existing education programs and educational reform programs. Amendments to the Education Act in 2004 were discussed before they entered into force. Also, an advisory council of the Ministry of Education and Science, which includes representatives of non-governmental organizations, societies, universities, education of national minorities and parents of students, has been coordinated with the formation of national minorities. The Ministry of Education and Science promoted the development of a dialogue with teachers, students and parents, representatives of non-governmental organizations and the public on the issues of making changes in the structure of education.

¹²³⁴ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2003, regarding section 98.

¹²³⁵ In the memorandum of 2003, section 99.

¹²³⁶ In the memorandum of 2007, section 51.

The Government of Latvia drew attention and noted the fact that the final memorandum of the Office of the Commissioner for Human Rights of the Council of Europe did not include information on the educational reform process after September 2004.¹²³⁷

In a 2003 report, the High Commissioner recommended that dialogue be established and consultations between the Ministry of Education and teachers, as well as parents of pupils of minority schools, to determine the best model for reform and the time frame for reform. But in the end, the reform was carried out without any dialogue.¹²³⁸

In 2007, there were about 280 secondary schools, which by that time had already implemented the learning process in two languages, Latvian and Russian. The reform was characterized by such problems as the lack of textbooks in some subjects, the quality of teaching materials, and the lack of training of Russian-speaking teachers. Problems related to the training process itself, when the teacher could not explain the educational material in the Latvian language, and also during the inspections, there were cases when the inspector conducted the lesson in the Latvian language, but after he left, he was again taught in the language of national minorities. Thus, the problem identified by representatives of national minorities, related to the quality of teaching in the Latvian language has become relevant.¹²³⁹

Latvia stated that the examination center approved the content of textbooks and teaching aids for general education institutions, and also worked with authors and reviewers of textbooks. And there is no reason to assert that the educational institutions of national minorities were not provided with educational material in the languages of national minorities.

With regard to teacher training in Latvian, the Government of Latvia refers to its comments in accordance with article 47.

In addition, it should be noted that in 2007, during the last ten years, the national agency for the issues of the Latvian language conducted continuous training courses for teachers of national minority schools on education in two languages. The Agency's priorities in conducting pedagogical programs were: training of a bilingual methodology of teacher education for schools of national minorities; Latvian as a second language in the development of methodology and teacher training; the development of a methodology for bilingual education in the training of teachers for primary schools. The Agency provided an opportunity for all teachers of secondary schools of national minorities to attend Latvian language courses free of charge. The corresponding textbooks and methodological materials, for grades 1 to 12, were published in both Latvian and Russian.

¹²³⁷ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 51.

¹²³⁸ In the memorandum of 2007, section 52.

¹²³⁹ In the memorandum of 2007, section 53.

The state's participation in the provision of educational material was regulated by the Cabinet of Ministers No. 97 of March 6, 2001, "the procedure for the organization, allocation of funds and the acquisition of educational material by the state". After the amendments to the regulation of May 23, 2006, the rules stipulated that the Ministry of Education and Science should allocate funds to school regional councils in the amount of 10% of the funds provided for by the law on the current state budget for the current year, with the purpose of purchasing educational literature that then it should be sent to educational institutions. Educational institutions, in turn, were determined by local authorities that implemented national primary and secondary education programs for minorities.

The number of pupils of schools studying the Latvian language as the second grew. The National Agency for Latvian Language Affairs has developed methodological courses for teachers of Latvian schools. Thus, teachers will have high quality due to the appropriate methodology and experience.¹²⁴⁰

These comments of the Latvian government, are desecuritization of the indicated problems. This desecuritization speech act was successful for the reason that Latvia did not change the approach to this issue and did not deviate from the planned policy of educational reform, despite the fact that the above problems were actually relevant. In 2003, the position of the Latvian government to deny the possible problems of the education reform did not hamper the future accession to the EU, and denial in 2007 helped convince the OSCE representatives that the situation was under control, and some problems did not correspond to reality.

The 2007 memorandum also noted cases of filing complaints to the Constitutional Court in 2005 against the law on education reform, which were rejected. At the same time, in its decision, the court ruled that the lack of a mechanism to verify the quality of education would lead to problems. In October 2005, based on the court's decision, the Latvian authorities created an agency for the quality of education. The main task of the agency was the accreditation of schools, the assessment of the quality of education, as well as the provision of educational materials and quality control of the materials provided.¹²⁴¹

Latvia noted that the State Agency for Quality Assurance in matters of general education did not evaluate textbooks. When conducting accreditation or assessing the quality of schools, the state agency for public control of the quality of education assessed the work of teachers and students. Accreditation also included an assessment of the resources available in schools, including the provision of textbooks. The quality of the content of textbooks and their compliance with educational standards was assessed by another institution of the Ministry of

¹²⁴⁰ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 53.

¹²⁴¹ In the memorandum of 2007, section 54.

Education and Science, namely the Education Content Center and the Examination Center (ISEC). In ISEC, two experts evaluated the text of textbooks and the preparation of publishers. As a rule, one of them was a practicing teacher, and another was an assistant professor at the university. Thus, the correspondence between theory and practice was preserved. In Latvia, in all textbooks, except textbooks on language, information was published in Latvian and Russian. The translation was usually consistent. At the same time, textbooks in Russian were also available.¹²⁴² In the resulted comment of the Latvian government the speech act of desecuritization with the help which the Latvian party denied presence of the given problems is noted. This facilitated Latvia's planned policy, despite claims from European institutions.

The act of desecuritization was also conducted in relation to the ISEC agency. In a memorandum from 2007 it was noted that for the first time months of work, the ISEC agency inspected 165 schools, paying special attention to four areas. Namely, the administrative area, the assistance that schools provided to students, the quality of teachers' work and the learning process itself. During the audit it was revealed that one of the main problems was the lack of textbooks, which the students themselves complained about. Preliminary findings of the agency showed that the quality of education was higher in schools with teaching in the languages of national minorities. Students of Russian minority schools wanted to achieve the best results in such subjects as history and geography.¹²⁴³

Latvia stated that in order for pupils of national minority schools to be able to receive education in the state language and in the languages of national minorities, schools need to purchase a textbook in two languages with funds from the state, local governments or the founders of schools. Primary schools since 1999 and secondary schools since 2004 have benefited from a replenished library, thanks to subsidies from the state budget and financial support from local authorities.¹²⁴⁴

Nevertheless, during the audit it was revealed that minority schools also faced the problem of the quality of textbooks. The reason for this problem was that some books in Latvian and translations of works were originally published in Russian or other languages. This applied to such subjects as biology, chemistry and physics. Some teachers and students reported serious inaccuracies in the literature in the Latvian language. Latvian translations of textbooks required prior approval from the Ministry of Education, since it appears that this problem arose due to insufficient monitoring and verification. Similar problems were found in workbooks in the Latvian language intended for schoolchildren of national minorities. Despite the fact that during

¹²⁴² Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 54.

¹²⁴³ In the memorandum of 2007, section 55.

¹²⁴⁴ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding the section 55.

the first few years there could be a difference between the educational material for Latvian children and for the children of national minorities, the quality of education for children speaking in both Russian and Ukrainian and Tatar languages should also be guaranteed by textbooks that must not contain errors. In the memorandum it was noted that children belonging to minorities should have enjoyed the same quality of education as Latvian children.¹²⁴⁵

Latvia, in turn, noted that in the implementation of the reform of primary education, considerable attention was paid to the preparation and provision of textbooks. On the assessment of the quality of the content of textbooks, the Government of Latvia referred to its comments in section 54.¹²⁴⁶

To solve this problem was the main goal of the agency on the quality of education. According to the representatives of the agency, the main function of the agency was to check textbooks in the Latvian language, which should be standardized, rather than checking textbooks in minority languages, some of which were published outside of Latvia. In 2007, there was an agreement on cooperation between Latvia and Poland, according to which it was possible to evaluate the textbooks used in the schools of the Polish minority. But such an agreement was an exception, not a rule. There was not developed a mechanism for testing textbooks in Russian, as they were considered as additional information, and not as textbooks. Thus, there was a situation when books in Russian were classified as additional resources, used as teaching aids in 40% of lessons in Russian minority schools. That, in turn, was an indicator of low supervisory culture.¹²⁴⁷ On this issue, the Latvian government also gave comments in which it did not recognize the existence of this problem. Despite the fact that the state agency for general quality control of education did not evaluate the quality of textbooks, during school accreditation in 2006/2007, additional information was collected in school libraries as one of the resources, and the possibility of access to computers was assessed.¹²⁴⁸

The High Commissioner regretted that there was no dialogue on the issues between the Ministry of Education and teachers, as well as the parent committees and schoolchildren.¹²⁴⁹ In addition, there was an acute shortage of teachers in the teaching of minority languages, in kindergartens.¹²⁵⁰

Comments from Latvia sounded as follows. The Latvian government in 2007 reported that the center for the content and control of education has developed standards for school

¹²⁴⁵ In the memorandum of 2007, section 56.

¹²⁴⁶ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding the section 56.

¹²⁴⁷ In the memorandum of 2007, section 57.

¹²⁴⁸ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 57.

¹²⁴⁹ In the memorandum of 2007, section 58.

¹²⁵⁰ In the memorandum of 2007, section 59.

subjects in Russian and Polish. Typical programs were approved for the study of Hebrew and Yiddish, Lithuanian, Estonian, Belarusian, Ukrainian and Gypsy languages in general educational institutions.¹²⁵¹

In general, the situation in 2007 showed that it was difficult to find teachers who could teach minority languages. One of the reasons was that the education at the university was mainly in the Latvian language. Thus, those who wanted to choose a specialization in minority language education had to do this in their first year of schooling, or initially to study in minority schools. But at the same time, the first option did not guarantee proper preparation for teaching not in two languages, but the second option, presupposed narrow training and limited candidates for instruction exclusively in minority schools.¹²⁵² The High Commissioner in 2007 recalled that state protection and support for the functioning of secondary schools, with teaching in the languages of national minorities, requires a policy of training teachers in minority languages.¹²⁵³

Following the memorandum of 2007, Latvia was recommended to allow the use of minority languages in written communications between people belonging to national minorities and the administration. Ensure the work of the agency that assesses the quality of education in such a way that the quality of education and the quality of textbooks in minority languages are given the same attention as in the Latvian language. Provide teacher training in minority languages, in order to support the functioning of secondary schools that implement the education process in minority languages.¹²⁵⁴

The ratification of the Framework Convention for the Protection of National Minorities in Latvia did not go smoothly. This issue was raised both in 2003 and in 2007. The fact that the Latvian government ratified the convention with certain amendments that were discriminatory showed that the Latvian party in 2003, prior to its accession to the EU, conducted a successful desecuritization speech act, and already in 2007 operated on the fact that the convention was carried out in accordance with the goals set.

In 2003, the OSCE noted the limitation of the use of the Russian language in the treatment of national minorities in state institutions as a problem. Latvia was recommended to support linguistic minorities and comply with Article 10 of the Convention. In turn, the Latvian government led the situation associated with the Soviet "occupation", where the population was allowed to address all state structures in Russian. The given experience, according to the Latvian government, has shown, that such position would not be an incentive to studying of the Latvian language. In the opinion of the OSCE in 2007, this provision was an obstacle to the integration

¹²⁵¹ Comments of the Government of Latvia in the memorandum of 2007, regarding section 59.

¹²⁵² In the memorandum of 2007, section 60.

¹²⁵³ In the memorandum of 2007, section 61.

¹²⁵⁴ Conclusions and recommendations in the memorandum of 2007.

of minorities. Thus, the desecuritization speech act on this issue was not successful. Latvia operated with the Law on the State Language, where the main objectives were to preserve, protect and develop the Latvian language, integrate national minorities into Latvian society while respecting the rights to use the native and other languages.

In 2003, there were also questions about the use of minority languages in television and radio broadcasting. Where problems with a low amount of broadcasting time in minority languages were identified. The Latvian government noted that it will make changes to increase the percentage of broadcasting in minority languages. Further discussion of this problem did not arise, which is a successful act of desecuritization of the Latvian government.

Another problem in 2003 was the problem associated with insufficient motivation of the society to improve the knowledge of the Latvian language. Here, too, the problem of insufficient funding by the state in organizing minority language training in the state language was noted, as well as the high cost of Latvian language courses. This problem was noted in 2007, as its solution was an effective tool for integration. The decision of this problem was carried out by the Latvian government together with the European funds. Thus, Latvia's work on this issue was not only a speech act, but had the character of a fruitful teamwork. Work was also carried out to improve the knowledge of the state language among teachers. This provision is also a continuation of the fact that the OSCE initially positively accepted the idea of introducing education in schools and other educational institutions in the state language.

On the issue of teaching the state language, as well as informing various groups of the population about the rules and opportunities, the Latvian government, together with European funds, carried out programs to provide the necessary conditions for the implementation of this program. There was no act of desecuritization, instead, real work was being done.

In 2003, the reform of education was only in the plans, but even then it occupied a special place in the memorandum. This issue was not of a recommendatory nature, and only meant possible problems. It was noted that the dialogue between parents and supporting organizations was not established, and it was also noted that, in the opinion of parents and teachers, the system was not ready for reforms. In 2003, the main concerns were the possible decline in the level of education, the lack of new standards and relevant textbooks. In carrying out the reform of education, Latvia designated the goal not only to introduce education in the state language, but also to provide an opportunity for education in the languages of national minorities, to ensure equal opportunities in the labor market and in universities for graduates, both Latvian schools and graduates of national minority schools. This provision was not observed, since it initially contradicted the goals of the Latvian government for creating conditions for the Latvian

language, where there would be no competition from other languages. In a 2003 report, the High Commissioner recommended that dialogue be established and consultations between the Ministry of Education and teachers, as well as parents of pupils of minority schools, to determine the best model for reform and the time frame for reform. But in the end, the reform was carried out without any dialogue.

In 2007, problems were identified that in 2003 were just fears, so problems arose with insufficient knowledge of the teachers of the Latvian language, lack of the necessary methodological material. In general, the Latvian desecuritization of the problems of non-citizens and the Russian-speaking minority in Latvia was successful. Since the goal of joining the EU and pursuing the national policy was achieved, proceeding from the goals outlined by the government, despite the failure to meet the requirements of international institutions.

This situation shows that Latvia in its quest for European integration has succeeded, thanks to the fact that it promised to solve all the above problems without infringement of this or that group of the population. But as it turned out, Latvia began the process of building a national state. The promises that were given to the European Union were not fulfilled. Those measures that were introduced before joining the EU, in fact, did not bring those results, the purpose of which they were. The institution of non-citizens continues to exist, and there are also differences in the legal status between citizens and non-citizens of Latvia, language problems are an obstacle for minorities in obtaining both education and improving their financial situation.

CHAPTER IV. SECURIZATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LATVIA'S FOREIGN POLICY

§ IV.1. SECURITIZATION OF COMMUNISM

This chapter examines how the securitization of the Russian Federation in Latvia takes place, namely how the topics related to Russia become security issues. The process of the formation of such politicized topics as history (communism), the Russian-speaking population, the media, information (hybrid war), has been going on for a long time to the security sphere and today it has its influence both in Latvia's domestic and foreign policy.

History today is often politicized and used by political elites in their political programs and directions. Facts and historical events were rewritten before for their further use in politics and ideology. Thus, very often a revision and a fair assessment of historical knowledge is needed, along with which the problem of myth creation and falsification arises.

One of the ways of falsifying historical knowledge today is the transfer of forged information via the Internet. The information flow aimed at rapid perception and memorization is the most productive in that it is simple for learning and memorizing. Falsification is necessary when it is necessary to change attitudes towards something positive or negative. Myth does not bear any coloring, but is a story about a certain time interval. By definition, O.A. Plotnikova "... it is necessary to separate the concepts" myth "and" historical falsification ". If under the myth in a positive context is usually understood the heroic images of the past, which are perceived as moral guidelines, models of perception and behavior, the basis for the formation of historical memory, then under historical falsifications, it is necessary to understand the distortion of historical facts for a specific purpose".¹²⁵⁵

The coming to power of new political elites entails the creation and propagation of new myths. One of the functions of the myth is the creation of guidelines for the organization of society and public consciousness, in the course of which value orientations and social behavior are formed. Myths can be of various kinds, myths of political and public life created by political elites and the media, as well as ethnic myths associated with ethnic self-identification, are one of the myths. The main goal of the modern myth is to create a certain image of reality. The ability of myths to penetrate into the public consciousness without any criticality, indicates the

¹²⁵⁵ Alekseev S.V., Plotnikova O.A. Myths and Falsifications in Russian History // Knowledge. Understanding. Skill. 2015. № 1. P. 162 – 171.

acceptance of a certain myth without any justification. Myth-making is now politically-legal and has such forms as television, cinema, photography, advertising.¹²⁵⁶

Modern society can be represented as a communication system, social action is a communicative action, a person is a communicative person, a speech act is a communicative act, knowledge is a communicative rationality. Thus, the myth can be viewed from the point of view of the communicative mechanism. The myth and ideology of social life are part of the political system. The political system, in turn, is aimed at manipulating the mass consciousness. The role of the myth is to regulate the life of society, where ideology is the final stage of the myth.¹²⁵⁷ The role and character of the myth in society is determined by the mentality and historical events that preceded it. Myths are created after changes associated with the reassessment of public values, which may be the result of a change in the political regime and other global changes in society. Mass communications contribute to the rapid and qualitative dissemination of myth in society, which is due to the boundless Internet space and the mechanism of the action of information flows aimed at mass consciousness.¹²⁵⁸

When a political system is formed in the state to attract support from the society of programs of political elites, a model is used in which the basis is formed by ideology or myth. Thus, national ideas in the state are supported by political programs based on ideology created by various myths of national orientation. With the restoration of independence in Latvia, ethnocracy was the basis in creating myths. "Ethnocracy" is defined "as a form of political power, under which economic, political, social and spiritual processes are managed from the standpoint of the primacy of the national interests of the dominant ethnic group to the detriment of representatives of other nations, nationalities and nationalities." So the myth of "occupation" is the basis of ideology in Latvia's foreign and domestic policy and was used by the political elite when joining the Council of Europe, the European Union and NATO.¹²⁵⁹ In the future, the mythologization of historical events was used in relations with the EU also when funding was received. In 2006, the deputy of the European Parliament from "TB / DNNL" G.-V. Kristovskis spoke that Latvia is the poorest country of the European Union, because of violent inclusion in the totalitarian system which has destroyed the country and for half a century has excluded from the European economic structure. According to the deputy, this explanation helps to get funding

¹²⁵⁶ Kobleva E.A. The Meaning of the Myth in Modern Socium // Theory and Practice of Social Development. 2009. № 1. P. 68 – 71.

¹²⁵⁷ Savelova E.V. Myth and social reality: socio-communicative paradigm of interpretation // Bulletin of Tomsk State University. 2009. № 321. P. 80 – 81.

¹²⁵⁸ Pitonova G.I. The Role of the Myth in the Communication System of Modern Society // Almanac of Modern Science and Education. 2007. № 7 – 1. P. 142 – 145.

¹²⁵⁹ Vorotnikov V.V. Baltic ethnocracies between Russia and Europe: A search for consensus in the conditions of the economic crisis // Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations. 2013. № 6 (33). P. 25 – 33.

from European funds for the elimination of the Soviet military heritage, the renovation of military bases and other similar programs.¹²⁶⁰

The relations between Russia and Latvia are affected by problems associated with historical events, which are interpreted differently by representatives of Latvia's political elites through the media, textbooks, etc. There is a certain sample of events and their change, on the basis of which the national identity of political events is built.¹²⁶¹ In October 2013, the European Parliament deputy S. Kalniete from the party "Unity" announced the preparation of a number of proposals for the resolution of the European Parliament "On historical memory in the education and culture of the EU." The proposals boil down to the fact that in the educational institutions of Western Europe the history of Eastern Europe, which suffered from the communist dictatorship, was studied more seriously. Also, a proposal was made to fund history projects in the media, to understand the crimes of totalitarian communism was as deep as understanding the crimes of Nazism. Critical analysis should be conducted for all totalitarian regimes.¹²⁶²

In the construction of ideology based on myth, not historical events themselves are used, but their specific interpretation and how events are covered in the media, namely, alongside with what events of the present time historical moments are mentioned. In Latvia, after the end of the Cold War, the program of national political elites was based on opposition to communism and the legacy of the USSR.¹²⁶³

The theme of the Second World War in Latvia has become politicized and has been used in national identity since 1991. The political elites of Latvia have laid an equals sign between the fascist and Soviet totalitarian regimes. In modern history textbooks there are a number of falsifications aimed at creating a negative attitude towards both regimes.¹²⁶⁴ In February 2007, Latvia raised the issue of condemnation at the world level of crimes committed by the communist regime. Minister of Justice G. Berzinsh noted the following: "Latvia believes that along with the condemnation of Nazism, it is necessary to condemn the crimes of the communist regime." This statement was made when Estonia made a proposal, to attach to the framework convention on combating racism and xenophobia a political declaration condemning the crimes

¹²⁶⁰ Chas. Girts Valdis Kristovskis: "We want to change the opinion of Europe about Latvia" // URL: <http://rus.delfi.lv/archive/girt-valdis-kristovskis-my-hotim-izmenit-mnenie-evropy-o-latvii.d?id=14967882> [17.08.2006].

¹²⁶¹ Grekova Y.S. International scientific seminar "Love and hatred: Relations between the Russian and Baltic countries in cultural and communicative memory" // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant.2010. № 12. P. 1 – 2.

¹²⁶² DELFI.LV. Kalniete: Europe knows too little about the crimes of the Communists // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/kalniete-evropa-slishkom-malo-znaet-o-prestupeniyah-kommunistov.d?id=43761540> [26.10.2013].

¹²⁶³ Leontiev A.N. The Second World War in Contemporary Ideological Discourse // Izvestiya Volgograd State Technical University. 2015. T. 20. № 2 (155). P. 40 – 42.

¹²⁶⁴ Strokovskaya T.E. World War II in history textbooks of EU countries in the context of national identity // Historical psychology and sociology of history. 2015. T. 8. № 1. P. 21 – 32.

of Nazism and communism.¹²⁶⁵ In February 2008, the President of Latvia, V. Zatlers, called on the countries of Europe to condemn the crimes of communism. Equating Nazism and communism, the president noted that "One ideology has received condemnation, a friend - no".¹²⁶⁶ In October 2009, the Speaker of the Saeima G. Daudze called on the European Parliament to introduce responsibility for the denial of the crimes of totalitarian communism along with condemnation of Nazi acts. The importance of the Museum of Occupation was emphasized by the fact that the museum is a reminder of: "Suffering that creates totalitarian, aggressive regimes".¹²⁶⁷ According to the systematic statements of representatives of political structures in Latvia, one can judge that the topic related to historical politicization and mythologization of historical events has not lost its relevance in the political communicative mechanism.

In Latvia, along with other Eastern European states in the politicized history of the USSR, it is viewed as a criminal totalitarian regime, while Russia is very often referred to as the successor to this regime. Statements by representatives of political elites carry rhetoric of "occupation" of Latvia, as well as crimes of Soviet power against the Latvian people. Such an active politicization of history in the post-Soviet states can be considered as a problem caused by the identity crisis that occurred during the collapse of the USSR and the socialist system. Strategies of historical politics are important in matters of national security, since the strategies themselves are as follows: "the legitimation of the modern political regime through historical arguments and new approaches to understanding the past; the consolidation of society on the basis of symbols of a glorious historical past, a common historical destiny; the construction of new historical symbols and myths in order to strengthen national identity (new holidays, new symbols and objects of national pride, the creation of a new pantheon of national heroes); deconstruction of old myths about the historical past under the slogan of restoring historical justice; control over the system of historical education of the nation (museum and memorial policy, programs of historical and political education); counteraction to falsification of history and development of an active position in "memory wars"."¹²⁶⁸ The recognition of the crimes of communism, as well as the introduction of the communist regime in Latvia today, is taking place by calling on the European community to condemn the communist regime. Statements about the

¹²⁶⁵ DELFI.LV. Latvia asks Germany to support condemnation of communist crimes // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/latviya-prosit-germaniyu-podderzhat-osuzhdenie-prestuplenij-kommunizma.d?id=16811809> [07.02.2007].

¹²⁶⁶ DELFI.LV. President: Europe should condemn communism // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/prezident-evropa-dolzha-osudit-kommunizm.d?id=20197996> [07.02.2008].

¹²⁶⁷ Telegraf.lv. Daudze calls for equating Nazism and communism // URL: <http://www.telegraf.lv/news/daudze-prizval-priravnyaty-nacizm-i-kommunizm> [14.10.2009].

¹²⁶⁸ Rusakova O.F. Discourse of Historical Politics in the Context of National Security // Discourse-Pi. 2013. T. 10. № 1-2. P. 187 – 190.

need to condemn the actions of the communist regime are still valid today, despite the fact that in 2010 they were rejected by the European Commissioner because of the disunity of opinions among representatives of the European community. In December 2010, the European Commission, citing the lack of the necessary conditions for the creation of a law on the denial of the crimes of the communist regime, denied the petition of the countries of Central and Eastern Europe. European Commissioner for Law M. Newman noted that "There is no agreement on this issue. The attitude of different countries varies greatly".¹²⁶⁹ But already in 2015, statements from Eastern Europe sounded again. In August 2015, representatives of the Ministries of Justice of Estonia, Latvia, Lithuania, Poland, the Czech Republic, Slovakia, Hungary and Georgia issued a joint statement on the need to investigate the crimes of communism and establish a special international court for this.¹²⁷⁰ Thus, the creation of myths is involved in the process of introducing into security issues any issues.

The securitization of communism in Latvia is no longer a new topic, but the ruling circles are still voicing it, with the goal of legitimizing their power, legitimizing certain actions, both in domestic politics and in the external. In relation to Russia, Latvia also seeks recognition and condemnation of the "occupation" of the communist regime. If we talk about the study of the totalitarian regime, the Latvian government asks for the financing of such projects from the EU funds. In turn, Latvia today is part of the European security system. Her entry into the European security institutions has become a kind of guarantor that there will be no repetition of the totalitarian regime on her territory. The territorial integrity of the country was in danger, mainly because its territory was inhabited by a large number of Russian-speaking population, supposedly to be protected, which Russia could come. Accordingly, Latvia put the repetition of the communist regime as the main threat to its security.

K.A. Karnaukhov¹²⁷¹ noted that the beginning of the Second World War and the loss of independence of the three Baltic countries are interlinked. First of all, in order to ensure the security of the Union republics of the USSR, it was necessary to protect as much of the borders as possible. Latvia, along with Lithuania and Estonia, fell into the zone of influence of the USSR after signing a non-aggression treaty with Germany on August 23, 1939. Further, the mutual assistance agreement of September 28, 1939 allowed the USSR to deploy a military contingent in Latvia.

¹²⁶⁹ Telegraf.lv. The European Commission refused to punish the denial of the crimes of communism // URL: <http://www.telegraf.lv/news/evrokomissiya-otkazalasy-nakazyvaty-za-otricanie-prestuplenii-kommunizma> [22.12.2010].

¹²⁷⁰ Tarasov A. Latvia will judge the Communists // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/latviya-budet-sudity-kommunistov> [23.08.2015].

¹²⁷¹ Karnaukhov K.A. The reaction of the Baltic press to the introduction of Soviet troops in Lithuania, Estonia and Latvia in June 1940 // News of the Altai State University.2014. № 4 – 1 (84). P. 110 – 114.

In the face of the military threat of the USSR, it was necessary to strengthen its borders and expand the possibility of the Red Army. Assuming that Latvia does not voluntarily agree to expand the military garrison of the Red Army on its territory, Moscow has put forward an ultimatum about the appointment by the leadership of the Baltic states, including Latvia, of people ready to fulfill the terms of the mutual assistance agreement. It was also necessary not only to expand the army's garrisons, but also to prevent provocations against them. Thus, being afraid of force measures of the ultimatum K. Ulmanis agreed to fulfill the required conditions.

Then political propaganda began to play its role, and it was in the press that information began to appear that these events have the character of positive transformations. In 1937, the censorship department was established in Latvia, which also confirms that the information in the press was dictated by the government.

Often the press of Latvia, Lithuania and Estonia made reports about the alleged sharing of a positive opinion on an event. Negotiations and actions of the USSR were presented as legitimate in the framework of law. At the same time, newspapers were urged to deal with rumors of a negative nature. As for the army of the USSR itself, information was printed about how smoothly the contingent entered with an illustration of the meeting of the people of the army. On the contrary, there was a sense of delight and tranquility.

There is an opinion that if the ultimatum was not accepted, then the Red Army would enter the territory of Latvia by force. But the fact that the Baltic States implemented the terms of the ultimatum had consequences for limiting the power of the political elite of these countries. The presence of the Red Army on their territory was a weighty argument that one should not go against the policy of the USSR.

A. Sytin¹²⁷² noted that in October 1986 in Jurmala counselor of the US White House on relations with the USSR said that the United States did not recognize and did not recognize the incorporation of Latvia into the USSR. USA and Canada since the 1980s the question of incorporation of Latvia in its foreign policy against the USSR was used. The US actively used this issue at international meetings. At the OSCE meeting in March 1982, M. Kaltelman called for the granting of independence to the three Baltic republics, operating Resolution 147 of the House of Representatives of the Congress on June 26, 1979, on the basis of the Helsinki Final Act on the illegality and violation of international law on the acquisition of territories. July 14, 1982 in the United States was declared the day of independence of the Baltic peoples. In the US, the so-called Baltic Committee was also established, in turn, the US Congress adopted a resolution demanding that the Baltic states be granted independence.

¹²⁷² Sytin A.N. The Baltics: twenty years of independence // Free thought. 2010. № 12 (1619). P. 35 – 48.

The states of Western Europe raised the Baltic question, and as a result, in January 1985 the General Assembly of the Council of Europe issued a demand that the USSR restore the freedom of Latvia, Lithuania and Estonia. A Baltic tribunal was also held in Copenhagen, where hearings were held on Russification, militarization and human rights violations. In the course of which the International Court condemned the "occupation" and annexation of the Baltic countries of the USSR.

Inside Latvia since the 1980s there was a situation characterized by protests against the power of the USSR, namely dissatisfaction with the influx of new workers, dictate on economic and political issues. The forces opposing the USSR in Latvia historical, cultural, spiritual, political intelligentsia, with the support of the states of Europe and the United States, together represented a certain force.

Society and government, pursuing the course of M. Gorbachev, focused on democracy and perestroika, united in popular fronts. At the initial stage, the participants in the fronts of the fronts were both Russian-speaking residents of Latvia, as well as the title population, but over time, the anti-Soviet sentiment was of great strength and acquired a national character, which led to the division of the population according to nationality. There were also committees of citizens who later merged with the "Popular Front". Consolidation of the national population of Latvia and its cohesion against the USSR made us talk about national hatred in Latvia in relation to Russian-speaking residents. At that time, statements began to be made about the unfair encouragement of new Soviet citizens from other republics, as well as speeches about the deportation of the Russian-speaking population.

The solidarity of the people against the visible "Enemy" and the timely actions of political elites with the support of compatriots in the US and Europe, as well as assistance from these states are also one of the provisions that ensured the restoration of Latvia's independence.

V.I. Guschin¹²⁷³ is of the view that the US and European countries' assessment of Latvia's position in 1940 as "occupied" is political, not legal. Here also V.I. Guschin notes that the purpose of this assessment was the ideological opposition of the USSR to the capitalist world, with the aim of destroying the Soviet Union. In its turn, with the termination of the existence of the USSR, this point of view became an explanation of the policy after 1991, conducted by the Baltic countries in relation to Russian-speaking residents.

Also V.I. Guschin made an analysis of the Declaration on the Occupation of Latvia, where he noted two main conclusions. The first conclusion is that "in the events of 1940 in Latvia only external forces are guilty." The second conclusion indicates that "the actions of the

¹²⁷³ Guschin V.I. To the events of 1940 in Latvia // Space and time. 2011. №1. P. 223 – 232.

USSR against Latvia led first to the occupation, and then to the liquidation of the independent Latvian state". In general, this should justify the creation of the institution of Latvian citizenship, with the division of society into citizens and non-citizens.

The thesis about the "occupation" of Latvia can be attributed to the creation of political myths, for the legitimation of the government and actions on its part. If we approach this issue in order to support any point of view, then there are some difficulties connected, first of all, with the analysis of information. Representatives of the US and European countries indicate that Latvia was "occupied" by the USSR, since there was an illegal entry of troops into the territories of the three Baltic countries. If we consider the point of view of the representatives of Russia, the successor of the USSR, the main idea here is that there was no "occupation" of Latvia, Lithuania and Estonia. The author of this work is of the opinion that the introduction of troops into the territory of Latvia is possible and had violent actions, but they were necessary for the USSR in order to ensure security. The communist system of the Soviet Union determined the further fate of Latvia, where industrial objects were created. In turn, it should be noted that the Russification of Latvia also had a place to be. But Russification was not avoided here, not only because of the policy of the USSR, but also because it was necessary to introduce one language for the majority of the population to communicate in the same manufacturing enterprises. Accordingly, to ensure in the future workers in the enterprises it was necessary that the Russian language was owned by all residents of Latvia without exception. These processes are irreversible for any state that is part of a particular economic union. The fact that in the aftermath, after the restoration of Latvia's independence, the ruling elite began to use in their political programs statements and slogans about "occupation" and the communist regime is a mechanism for national politics and a way to retain power, recognizing its legitimacy by the majority of the population.

The entry of Latvia into the USSR is called not only "occupation", opposing views also have a place to be. So there is the concept of the survival of small states, in which small states need to join large alliances in order to gain the advantages of security, development and economy with the loss of some of the sovereignty. Such conditions can be attributed and called the reason for Latvia's entry into the USSR. Specialists on international law also operate with terms, namely, they note that Latvia's forced entry into the Soviet Union can not be compared with the wording of enforced entry. Also, the concepts of the application of "military actions" and "threats of the use of military force" are shared. From this it follows that the threat of action and the action itself can not be identical. Operating these terms when communicating with the audience enhances the emotional flow of information. The very process of Latvia's entry into the USSR is not the subject that the political elite seeks to discuss with the population. More often it

is the starting point after which Stalinist repressions began to take place on the territory of Latvia.

The Soviet Union - in the understanding of the Latvian population - is above all communism and mass terror. Latvia demands that not only the fascist regime be recognized as criminal, but, along with it, also the communist regime. In 2005, Lithuania spoke at a meeting of the General Assembly from the three Baltic states - Estonia, Latvia and Lithuania. The representative of Lithuania G. Šerkšnis noted that "Marking the end of the Second World War, we also remember the legacy of this war and restore the historical truth. The end of World War II marked the end of one totalitarian ideology - fascism. However, another ideology - totalitarian communism - expanded its sphere of domination. The cessation of the war led to the occupation and the new annexation of the three Baltic states by the Soviet Union. Therefore, the struggle for national freedom and justice in our countries continued. Recalling those who died during the Second World War, we must not forget about the crimes against humanity committed by both totalitarian regimes".¹²⁷⁴

The declaration of the Saeima of the Republic of Latvia on the occupation of Latvia of August 22, 1996 noted that "all the time of occupation of the USSR purposefully carried out genocide against the people of Latvia". And also that the Latvian national partisans, after the end of the Second World War, for ten years, waged armed resistance against "occupation" actions on the part of the Soviet Union.¹²⁷⁵

In turn, on May 12, 2005, the Declaration on the condemnation of the totalitarian communist occupation regime of the USSR in Latvia was adopted. The Declaration emphasizes that after signing the non-aggression pact with Germany, as well as "secret additional protocols to it, the USSR occupied and annexed the Republic of Latvia, destroyed its state structure, killed, tortured and deported hundreds of thousands of its inhabitants, unlawfully took their property and carried out forced collectivization, persecuted people because of their political views, religious beliefs and nationality, tried to destroy and Russify the national culture of Latvia, sending in hundreds of thousands of residents of Latvia to the USSR. " It was also noted that the Russian Federation not only did not take any action to eliminate the consequences of the "occupation", but also did not condemn the "occupation" actions of the Soviet Union. The text of the Declaration states that the crimes of the "communist occupation" regime of the USSR in Latvia do not have a statute of limitations.¹²⁷⁶

¹²⁷⁴ UN. Speech by Lithuania - Special Commemorative Meeting of the General Assembly // URL: <http://www.un.org/ru/events/remembranceday/ref/reconciliation/lithuania.pdf> [09.05.2005].

¹²⁷⁵ Chairman of the Seimas I. Kreytuse, Riga, August 22, 1996. Published: "Latvian Journal". 27.08.1996 № 143 (628).

¹²⁷⁶ Chairman of the Seimas I. Udre, Riga, 12 May 2005. Published on: "Latvian Journal". 17.05.2005. № 77 (3235).

"The Russian factor" threatens good political relations between Latvia and Russia. Since, as a result of almost 50 years of communism, the prospects for cooperation have changed and focused on historical grievances related to the experience with Russia.¹²⁷⁷

Y. Berzinsh¹²⁷⁸ noted that Russia considers any process of democratization as a NATO attack against itself. The Russian military openly views transatlantic communities, especially the US, as Russia's main geopolitical enemy. In addition, Russia reserves the right to use nuclear weapons in conventional aggression, including at the regional level. Y. Berzinsh called it the reason why NATO needs to develop a pragmatic approach in relations with Russia. And also be prepared for increased instability on the borders of Europe. It is for this reason that there is a need to increase the presence of NATO in the territory of border states, such as the Baltic States. Before the events in Ukraine, Latvia and Russia tried to reduce contradictions in relations, avoided controversial historical facts, the relationship became more pragmatic and based on the principles of mutual interest and respect, which helped in the promotion of cooperation in political and economic fields. But the events in Ukraine, again called on the Baltic states to review foreign policy towards Russia.¹²⁷⁹ The invasion of Russia and the annexation of the territory of a sovereign country, as well as the subsequent military attack on eastern Ukraine, had a strong impact on Latvia's foreign policy. The falsification of history, the pretext for taking measures to protect Russian citizens, organizing forged referendums and elections, all this had an impact on the population of Latvia as a possible repetition of the events of the Soviet era. The main political objectives of Latvia were to ensure the safety of the population and increase the costs allocated to the protection of the state.¹²⁸⁰ After the events in Ukraine, political analysts of Latvia agreed that Russia would continue to destabilize the situation in Latvia and other Baltic countries.¹²⁸¹

After the events in Ukraine, the Baltic States paid the most attention to ensuring security, both in individual countries and throughout the Baltic region. The priority for all Baltic countries

¹²⁷⁷ Bukovskis K. From Diplomacy to Routine Partnership: The Bilateral Relations of Latvia and Germany in the XXI Century // *Friendship in the Making: Transforming Relations between Germany and the Baltic-Visegrad Countries*. 2012. P. 93 – 115.

¹²⁷⁸ Berzinsh Y. NATO: Russia's Main Geopolitical Enemy // *Ten Years in the Euro-Atlantic Community: Riga Conference Papers*. 2014. P. 21 – 32.

¹²⁷⁹ Beitane A. A Reassessment of Latvia's Foreign Policy Strategy Towards Russia After the Ukraine Crisis // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2015. P. 55 – 70.

¹²⁸⁰ Liedis I. Latvia's Foreign Policy 2014/2015: Players, Events and Challenges // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2015. P. 7 – 15.

¹²⁸¹ Kazhocinsh Y. Will Latvia be Putin's Next Victim in 2015? // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2015. P. 71 – 78.

was the need to increase government funding to improve security and implement certain protection programs.¹²⁸²

The fact that Latvia, at the time of accession to European institutions, mainly operated on the events of the Second World War, namely that it prevented the repetition of the "occupation" by the communist regime again, was one of the reasons why Latvia became a member of the OSCE, NATO and the European Union end of the recommendations of the parties. Fearing the recurrence of events in the second quarter of the 20th century, Western European countries deliberately abandoned much of state sovereignty in favor of supranational institutions of European integration.

§ IV.2. SECURITIZATION OF RUSSIAN PROPAGANDA IN LATVIA

Russian propaganda in Latvia has become one of the security threats, due to the large number of Russian-speaking residents. The information flow that is formed in Russia to the Russian-speaking population of Latvia, in the opinion of the Latvian government, can not be positive or neutral. Assuming that Russian propaganda aims to create a positive attitude towards Russia and a negative attitude towards Latvia in the Russian-speaking population of Latvia, the Latvian government has become more serious about the information flow from the neighboring state. The fact that the information about what is happening inside the country, the population learns from local media, and what is happening in another country from foreign media, focuses on this issue. The Latvian media coverage of events taking place in Russia, but they are not of the main character, since the domestic component of the state to which they belong predominates in the priority of local publications.

The population of any state belongs to certain social groups, from which each individual takes for himself certain beliefs and values. With the development of means of communication, propaganda began to be the most widespread form of psychological influence on society.

In modern society, the role of information increases, which also has an impact on the strengthening of the role and change in the nature of propaganda. Today there is a tendency for the emergence of propaganda at the global level, as well as the tendency to change the moral and legal requirements for propaganda. In turn, the information space has become multicultural, multi-level and supra-state.

Modern propaganda is the nature of a deliberately created fact, which is then broadcast and perceived as a worldwide event. Further, the national media adopt this fact and interpret it

¹²⁸² Poikans Y., Zeltinsh A. Latvian Foreign Policy in 2014/2015: The Greater the Challenge the Greater the Incentive // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 16 – 20.

according to the political interests of this or that state. Thus, the mass consciousness is manipulated through the constructed reality.¹²⁸³

During the Soviet times, political propaganda carried out all political functions. Propaganda is an instrument, the propagation of ideology. The mass consciousness is the address of propaganda. Thus, propaganda is a method of influencing mass consciousness.

In the 1930's and 1940's Soviet authorities used methods of political propaganda, such as "gluing labels"; use of emotional, positive characteristics; use of other people's slogans and symbols in their own interests; distraction of the public's attention from their own problems in the economy or politics; lighting some information, while hiding the other; the creation of positive or negative associations; citation of a well-known public or political figure who, depending on the task in question, has a positive or negative reputation; the presentation of information that is supposedly approved by the majority of the population; use of words that can be attributed to "common people".¹²⁸⁴

A.Y. Livshin, A.S. Lozhkina¹²⁸⁵ noted that the people, the nation, any social group have their own identification, based on this identification, their attitude to the world, to other members of society is also built. The simplest model of identification is the division of members of society, both in terms of the state and globally, into "one's own" and "we are they". This division is present for each individual member of a social group. In the course of which everyone independently, under the influence of his own group, chooses a model of behavior, attitudes toward the so-called "Alien".

State foreign and domestic policy assumes the presence of the image of the "Enemy", also a kind of "Alien", but its image is most often created through propaganda. Methods of propaganda with the creation of slogans, agitation appeals and pressure on feelings were used to create the image of the "Enemy" in the 1930s. The historical and cultural memory of the people was also touched upon. The greatest success from propaganda was noted, when using symbols to which the people were ready.

With the disclosure of the archives of the Second World War, as well as the previous period, a new interdisciplinary approach to the study of the propaganda "The New History of Propaganda" appeared. Thus, experts in the field of propaganda operate with materials from archives, which indicates a certain authenticity of information.

¹²⁸³ Zazaeva N.B. Propaganda as a phenomenon of political culture in the information society // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2015. № 5 (50). P. 95 – 101.

¹²⁸⁴ Krestov A.V., Petrushina G.S. Political propaganda and political PR // Complex problems of the development of science, education and economy of the region: scientific and practical journal of the Kolomna Institute (branch) MGIMU (MAMI). 2012. №1. P. 100 – 104.

¹²⁸⁵ Livshin A.Y., Lozhkina A.S. "The image of power" and "the image of another" in the 1930s: political tasks and propaganda // Public administration. Electronic bulletin. 2012. № 35. P. 17.

From the 1960s to the 1970s they also began to talk about a dialogic approach to propaganda. Soviet propaganda was also based on this approach. Namely on the interaction between the state actor, which is propagated by people who consume this information flow. The form of dialogue present at various meetings, parades and other events where the masses of the people gathered before the leader's speech was one of the methods of propaganda. Information was presented clearly, with an orientation to the feelings of people. The main purpose of propaganda was to ensure the legitimacy of power and its positive image among the people.

In the Soviet Union, one of the main means of propaganda was the press. By means of which it was possible to influence the mass consciousness, using both actual information and some sensual images. Radio also created some artistic images that were perceived by the population, as moral, ethical and moral criteria of behavior. Thanks to broadcasting, it was possible to overcome the size of the country and reach out to the uneducated population. Political broadcasting promoted military-patriotic education and prepared the population for the defense of the country. These ideas were in both political and artistic programs.

1930's. can be called a revolutionary years of propaganda, as the development of communication tools, allowed to overcome the barriers associated with poor education of the population, the speed of transmission and the size of the distribution.

Cinema, music culture and literature were also used as a means of conveying the necessary propaganda information. The "image of the enemy" and "the image of the defender" were created. These funds differ from the above-mentioned topics, which were art works, and therefore, a more complex mechanism of manipulation. The complexity of this mechanism lies in the fact that it is difficult to distinguish between artistic visions and ideas from politically dictated ones.

By means of cinema, literature, songs, certain symbols were transmitted to the population, which, in turn, formed new ideals, standards and stereotypes of behavior. Emotionally-sensual perception was one of the main means of propaganda of that time. The cinema helped to strengthen the influence of the necessary image, thanks to the movie hero, thus creating an illusion and presenting it as a reality. Cinematography in those days was a new kind of art and popular with propagandists and the public. Ideological installations by means of cinema were perceived by the population in the period of viewing of a film as were experienced during viewing. Created with the help of the cinema "image of the enemy" was much more quickly absorbed in the memory of a person, regardless of his literacy.

Folk songs, popular in mass culture, as well as political and ideological education, were a means of propaganda, which played an important role in the formation of Soviet consciousness.

In the wars of the 21st century, the civilian population suffers heavy losses. In conflicts, the population is actively involved, which is accompanied by access to demonstrations and protest actions of the civilian population. For example, during the Second World War, the losses of the armed forces of Italy and Austria were 560,000 people, civilians 190,000.¹²⁸⁶ According to the British medical journal *The Lancet* during the war in Iraq from 2003 to 2011, killed 4,800 soldiers of the coalition, and the number of victims, among civilians, at least, is 116,000.¹²⁸⁷ Precise information on the number of dead among civilians and militiamen in the Donbas is not yet, but sources of information confirm that the death toll among civilians exceeds the losses among militias. It is reported that among the civilian population, losses can range from 6,000 to 10,000 people, while among the armed formations the number of deaths is less.¹²⁸⁸ By the beginning of the Second World War, an opinion had already been formed that propaganda would play a decisive role in the war, proceeding from the success of the Entente propaganda in the First World War, as well as due to technical progress, the development of communication tools (radio) and the experience of ideological leadership of the masses.

Propaganda can be labeled as a lie, which is a weapon of war. Lie, as a weapon of war, the countries use deliberately to mislead their own people, to call on their side neutral countries and to deceive the enemy. Open propaganda was more common during the First World War, later in the years of the Second World War, with the development of technical progress, the countries moved away from open propaganda and began to use methods with distortion of concepts and open battle. This method, we can observe in modern conditions.

During the Second World War, belligerent countries possessed equal technical capabilities, the main one of which was the use of radio. There were two kinds of propaganda, one aimed at raising the morale of one's own people, the other aimed at weakening the enemy to resistance. This requires knowledge of the way of thinking of their people and how to address it. For someone else's people, additional knowledge, experience and art are needed.

The purpose of military propaganda was to convince the people of the need for military action and to exacerbate it. It was after the war that propaganda began to carry a heavy burden on itself. In the First World War, propaganda was a weapon with the help of which the strength of resistance of the central powers of Europe was broken and the end of the war was accelerated. In the Second World War, new methods of propaganda only delayed the end of the war. That is,

¹²⁸⁶ Arntz G. Human losses in the Second World War // Military literature // URL: <http://militera.lib.ru/h/ergos/27.html>.

¹²⁸⁷ NEWSru.com. Results of the war in Iraq: 120 thousand people were killed, and the US threatens to strike with force by three trillion dollars // URL: <http://newsru.com/world/15mar2013/iraq.html> [15.03.2013].

¹²⁸⁸ Russian newspaper. In Donbass counted the number of victims of the conflict among civilians // URL: <http://rg.ru/2015/05/10/purgin-anons.html> [10.05.2015].

propaganda has evolved from a weapon that accelerates the course of the war, into a weapon of defense and the prolongation of the end of the war.¹²⁸⁹

T.S. Melnikova¹²⁹⁰ gives the following definition: manipulation is a psychological influence, the main purpose of which is to control people, their thoughts and actions. The basis of this process is the trust of people, to this or that information. In turn, the success of manipulating the public consciousness depends on how much, the process of manipulation itself is invisible. One way to manipulate policy is to create a positive image. It can concern any political sphere, participants, and also actions on the part of the government. We also practice the method of selecting and changing the information flow, namely distortion, selection of certain facts and, if necessary, their silence. The designation of some information as secret, so that in the future there was the opportunity to strengthen its influence in the course of its deliberate leakage. Also, a method of throwing in information is used, which would create some information noise, in order to complicate the analysis of what is happening. The methods of manipulating public consciousness are used in the conduct of political propaganda. Hence it follows that propaganda is, above all, a means of manipulating the mass consciousness. In turn, the purpose of manipulation can vary depending on the political objectives.

The attitude of a person to various events is built up of those ideological, emotional and sensual beliefs that could be formed under the influence of propaganda directed both at him personally and on that social group by the part he is. The ideology of an individual person is his emotional attitude to the ideology of the state. In addition to ideological attitudes, each state seeks to create also a political attitude that will be expressed by the attitude of citizens towards its foreign and domestic policies. In turn, the attitude of citizens to public norms and standards is formed through social attitudes.

The psychological effect of propaganda is directed, first of all, on emotions, then the nature of propaganda is divided, namely, positive or negative. The functions of positive propaganda are informational in nature, which contributes to harmony in society. In turn, negative propaganda creates a kind of parallel reality, the main goal, which is the creation of beliefs and views of the society, beneficial to a certain group of political figures. This propaganda contributes to the dissociation of society, which leads to the creation and escalation of conflicts.

Propaganda can use such a technique as the "halo effect", this method is promoted by the propensity of a person to apply false analogies. Propaganda also uses human perception of primary information as authentic. With the help of contrast, which is created through the

¹²⁸⁹ Propaganda as a weapon in the war // Military literature // URL: <http://militera.lib.ru/h/ergos/24.html>.

¹²⁹⁰ Melnikova T.S. Propaganda as a technology of political manipulation // Power. 2010. № 8. P. 47 – 51.

perception of a particular person or group on a specific social background. It is also impossible to exclude counter-propaganda. When submitting information, they also take into account the influence of popular, well-known personalities on public consciousness. Depending on which known person is preferred in particular social circles, her opinion is used as evidence of previous information in the media. Simplicity and repetition of certain information are the most effective method of propaganda. The media often presents this or that information as an action or fact that has already taken place, and together with the provision of sociological surveys, this reduces the criticality of the perception of the masses. Persuasion of the population in the existence of a real threat or the creation of an imaginary threat is the action of propaganda aimed at the emotions of the society. In addition to the above, there are other types of propaganda, but all of them are of a strategic nature, namely they serve to create the necessary perception of a particular political group by society.

The essence of the propaganda strategy is to group the individuals with the subsequent involvement of the already established groups in the desired activity. Mass propaganda requires space, time and word. In a limited territory it is possible to gather the masses, to rally them and to influence them. In this case, everyone present will feel united with others, which makes you feel some support and strength. Creation or popularization of already existing symbols also strengthens the influence on the masses. Also, the authority of the one who descends information to the masses is important.

The main condition of propaganda is a statement without the possibility of objection. The degree of determination and accuracy of judgment is directly proportional to belief. In turn, the audience accepts such statements without any objections, thus, and the correctness of the actions of a certain person is not questioned. In turn, the repetition of information is a barrier through which no other point of view will be perceived.¹²⁹¹

One of the popular political technologies is the creation of a mythological image of the "Enemy". A prerequisite for this work is that the created "Enemy" should satisfy the interests of as many people as possible with its status. It can be not only external, but also internal. The image of the "Enemy" is presented to society through the same mechanisms of manipulating the public consciousness, but it also has the goal of uniting the society around a leader who is represented as a "fighter" with the "enemy". Also, the mythologized image of the "Enemy" distracts the public from any internal problems of the state.¹²⁹²

¹²⁹¹ Moskovichi S. Century Crowd. Text from the textbook of Raigorodsky D.Y. "Psychology of the masses" M.:1996.

¹²⁹² Khoruzhenko V.A. Formation of the mythologized image of the enemy in political journalism and propaganda // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. 2010. № 2. P. 223 – 227.

Propaganda used in the media is aimed at a wide audience. In turn, specialized mass media are used for a smaller group of the population. Propaganda can be directed to both the internal audience and the friendly one. In the event that subsequent political actions can lead to deprivation for the population of the state, the objectives of propaganda can be as follows: reducing the possible strain of the population; the creation of a model of a certain reaction among the population; declining the society to the requirements of the state; the creation of a moral justification for the upcoming events on the part of the state; preparation for understanding what is happening, using preliminary assessments and expectations, for subsequent approval by the population of certain actions of the state.

In the event that subsequent political actions will have an endorsement effect among the population, the objectives of propaganda will be as follows: control of the power of jubilation of society; monitoring the expectations of society in order to prevent the spread of unrealistic hopes; control of society's expectations for the soft nature of the upcoming events, with a view to getting the society more satisfaction; increase the authority of structures related to upcoming events; increase of the morale of the population, promises of positive results of this or that action; manipulating a sense of gratitude for some future action; use of gratitude to support the political regime; preparation of the population for a possible response of another state. In the event that the ultimate goal of propaganda is not defined, the goal of propaganda is to prevent the population's frustration in the actions of their own government.

Propaganda can also be directed at states or social groups that are on the opposite side of friendly groups. In this case, with the planned actions that should have an overwhelming effect on these groups, the propaganda aims are as follows: to hide the time, place and nature of the action, to create a surprise action; demoralize the enemy, using the terms that underline his impotence; assure the enemy group of the futility of countermeasures; approve the mood of demoralization; prepare an unfriendly group to the most destructive effect in order to avoid its rallying; prepare an excuse for their actions of the enemy and the neutral side.

If propaganda is planned to create an endorsement effect for an unfriendly group, its goal will be the following: permission to provide information on the unrealistic evaluation of the advantages of the attacking party, and approval of an overly optimistic reaction from the counter group to an action that will ultimately be destructive.¹²⁹³

Given the relevance of the problematic of the formation of public opinion, the purpose of this material is to analyze the situation of Russian-language print media in Latvia and their impact on public opinion on foreign policy issues in Latvia. Modern society depends on the

¹²⁹³ Alexander L. George, Kuzina Y.V., Shustrova E.V. Prediction of political actions through analysis of propaganda // *Political Linguistics*. 2012. № 4 (42). P. 249 – 258.

opinions of political elites, namely politicians, statesmen, experts (political scientists), journalists, as well as people surrounded by a certain person who forms a society. So J. Zaller¹²⁹⁴, pointed out that citizens depend on invisible and often not known "Others" who provide them with most of the information about the world in which they live.

Information intended for the general public passes a lot of institutions, is censored and selective, so everything that is presented in the media in both print and radio, television, video, newsreel programs does not reflect the completeness, accuracy and reality of what is happening in world.¹²⁹⁵

Each political elite has a certain political vector, which is adhered to throughout its work (in this case, the political elite is understood as representatives of state power). The political vector also influences how and what information in the media is provided by this or that elite. The public can both have and have no choice between solving a particular issue. The choice is to provide it, if the political elites do not provide it, then the population follows the already given decision.¹²⁹⁶

In the event that political elites are divided in their views, the public is also given the choice of the position of one or another elite group, whose beliefs are closest to it. Information provided by political elites is never neutral, and the submission is easy to understand for all segments of the population.¹²⁹⁷ In view of this, this provision of information is an expression of what is happening in reality, but at the same time is a profitable political group, since the simplest expression of what is happening with a certain solution of the problem means the policy pursued by an individual elite. In this regard, it is easier for the public to make a choice in favor of that political unit, information that is more simple to understand, since it expresses only the essence of what is happening.¹²⁹⁸

Public opinion is not the best mechanism that reflects the reaction of the population, on the policy pursued in the state. Since public opinion implies equal political awareness of the whole society, taking into account the divergence of political views that are subject to change.¹²⁹⁹ At the same time, public opinion researchers conduct polls, based on the belief that all respondents are equally informed. To date, opinion polls in the territory of the Republic of Latvia unite people in social groups, the main factor of the association are such characteristics as a citizen and a non-citizen, age and area of residence, which affects the results of public opinion.

¹²⁹⁴ Zaller J. Origin and nature of public opinion. M.: Public opinion. 2004.

¹²⁹⁵ Konetskaya V.P. Sociology of communication. Moscow: International University of Business and Management. 1997.

¹²⁹⁶ Bobneva M.I., Shorokhova E.V. Psychological mechanisms of regulation of social behavior. M.: Science. 1979.

¹²⁹⁷ Lebon G. Psychology of the peoples and the masses. SPb.: Layout. 1995.

¹²⁹⁸ Grishin N.V. Fundamentals of conducting election campaigns. M.: RIP-holding. 2003.

¹²⁹⁹ Dmitriev A.V., Latynov V.V., Khlopyev A.T. Informal political communication. M.: Rosspin. 1997.

The reaction of the population to the policy pursued in the state is revealed through opinion polls conducted by independent research centers. The leading research company in Latvia is the research center "SKDS". The reaction of a certain group of people, with public opinion, is influenced by their involvement in the political life of the country, awareness, predisposition to a particular political elite (political party and political leader), social level, level of education, surrounding society, level of well-being.¹³⁰⁰ As P. Bourdieu writes, the French sociologist, proposed by public opinion studies, is subject to political interests, and this has a profound effect on both the importance of the answers and the importance that results are given to the publication of the results. The semblance of public opinion in its present form is an instrument of political action; its perhaps the most important function is to induce the illusion that there is public opinion as an imperative obtained solely by adding individual opinions: and in embedding the idea that there is something like average arithmetical opinions or average opinion.¹³⁰¹

Individual and public opinion is the result of the work of the media, as the main tool for communicating information to the public.¹³⁰² The media are united as a special type of communication (discourse), which can be characterized as distant, retinal (communication of the message to an unknown and not quantified recipient of information), with an individual-collective subject (this implies not only co-authorship, but, for example, the general position of the newspaper, television or radio channel) and a mass dispersed addressee. It is necessary to note also such a feature of communication in the media as its conditioning by the socio-cultural situation, on the one hand, and the ability (within certain limits) to cause a change in this situation, on the other.¹³⁰³

M.B. Bokov¹³⁰⁴ notes that communication as a form of communication is necessarily a subject-object relationship with feedback.¹³⁰⁵ In this study, the communicator and the recipient are political elites and the population. The result of their interaction is public opinion. The effectiveness of the media's performance of the communicative function is based on ensuring dialogue, openness and the provision of independent, most complete information.¹³⁰⁶

The media provides, as well, a dialogue on its pages, media space and other information sites, and there are always certain limits. The boundaries, in this case, are determined by the

¹³⁰⁰ Yadov V.A. Sociological research: methodology, programs, methods. M.: Science.1972.

¹³⁰¹ Bourdieu P. Sociology of Politics. M.: Socio-Logos. 1993.

¹³⁰² Korkonosenko S.G. Fundamentals of journalism. Moscow: Aspect Press. 2004.

¹³⁰³ Graudina L.K., Shiryaev E.N. Culture of Russian speech. M.: NORMA-INFRA. 1999.

¹³⁰⁴ Ionin L.G. Foundations of socio-cultural analysis. Moscow: RSUH. 1995.

¹³⁰⁵ Bokov M.B. Communicative function of the media // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2009. № 5. P. 31 – 52.

¹³⁰⁶ Losenkov V.A. Social information in the life of the urban population. L.: Science. 1983.

political vector. The role of the media is also to bring public opinion to the political elites, after communication and discussion. The informativeness of the media society about the political life of the state depends on the whole system, that is, on how much political elites are open to society, how much, the level of publicity and the level of trust between representatives of politics and the public is high. The level of trust in the media of the society consists of the society's preference for this or that publication, based on their interests, also including their political preferences.

In the modern world, the emotions we experience are largely the result of induction, caused by the media. Creation of emotional resonance is one of the main tasks of the majority of information messages and entertainment shows. The media always try to arouse strong emotions in a wide audience, and if necessary, these emotions lead them to cramps.¹³⁰⁷ Thus, the media play an active role in shaping public opinion, especially on foreign policy issues, since if domestic issues are familiar to the majority of the population in practice, and not just from the media, people learn about the problems of international relations mainly, and sometimes exclusively, from MASS MEDIA. This determines the importance of media ownership research in Latvia, since the results of such a study will make it possible to draw conclusions about the foreign policy interests of interested groups owning individual media whose interests are reflected in the relevant media.

Political psychology in foreign policy and international relations proceeds from the premise that psychological science has a limited but important significance in the theory and practice of international relations. Since in our time it is impossible to ignore or belittle the role of the leaders of states, public opinion of different countries, propaganda, situational factors and the psychological consequences caused by them, they have all become more or less the objects of political and psychological analysis.¹³⁰⁸

The main directions of foreign policy of any state are formed under the influence of two groups of factors. The first refers to the political, economic and military situation in the international arena as a whole, and especially in those areas where the strategic, vital interests of the state are concentrated. It, in turn, is formed as a result of actions of the governments of other countries, first of all the most important partners or opponents of this state; is determined by the balance of economic, political and military forces of the main subjects of world politics, as well as by the mechanisms and principles of the functioning of the system of international relations, both at the global and regional levels. The second group of factors seems to be no less, and

¹³⁰⁷ Sorochenko V.A. Encyclopedia of methods of propaganda // URL: <http://psyfactor.org/propaganda.htm>. 2002.

¹³⁰⁸ Olshansky D.V. Fundamentals of political psychology. M.: The Business Book. 2001.

perhaps even more important, internal motivations and motivations conducive to the actions of the state outside its national borders.¹³⁰⁹

In the opinion of the Government of Latvia, Russian propaganda is a threat to Latvia's security. This problem for the state is of a special nature, because of the residence of the Russian-speaking population on its territory. Geographic proximity and ethnic minorities make Latvia's position vulnerable to possible intentions of Russia.¹³¹⁰ The Russian-speaking population has not only a linguistic ability, but also on a mental level to disassemble the information flow from the Russian side. Speaking about Russian propaganda in Latvia, it means the negative impact of the information flow on the population. Propaganda manifested itself in different ways, beginning with historical references to the high standard of living in the Baltic States in the USSR in comparison with the current position of Latvia in the EU and the promotion of Russia, or rather its market, as a viable way to solve economic problems.¹³¹¹ M. Vargulis¹³¹² noted that the long-term presence of Allied forces was one of the key interests in the defense sphere after NATO accession. Mainly, this was facilitated by Russia's aggressive behavior in the international arena, in particular its activities near the borders of Latvia. In the context of these historical events, the role of strategic communication is important in the field of security policy, in order to inform the public about the impact and importance of this decision on national security. And also in order to propagate and disseminate messages to a potential aggressor, thereby restraining him from any kind of activity against the state and reducing the possible escalation.

There were also fears that the "soft power" policy pursued by Russia could change identity to targeted communities.¹³¹³ A. Kudors¹³¹⁴ noted that Russia's rhetoric about the Orthodox civilization did not interfere with the war against Orthodox Ukrainians and Georgians. This is proof that the theme of civilizations is another ideological camouflage for achieving the Kremlin's goals in realpolitik. The construction of Russian propaganda in the rank of security threats, gives the possibility of the requirements for the closure of information channels on the part of Russia, reducing the flow in Russian within the country. Russia wants to consolidate the

¹³⁰⁹ Torkunov A.V. *Modern international relations*. Moscow: ROSSPEN. 1999.

¹³¹⁰ Banka A. *Saving Distant Lands: From Washington's View // Latvian Foreign and Security Policy*. Yearbook. 2015. P. 95 – 103.

¹³¹¹ Kudors A., Pelnens G. *Diverging Faces of 'Soft Power' in Latvia between the EU and Russia // The different faces of "soft power": the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU*. 2015. P. 220 – 242.

¹³¹² Vargulis M. *Importance of Strategic Communication Matters and their Development in the Latvian Security Policy // Latvian Foreign and Security*. Yearbook. 2017. P. 76 – 85.

¹³¹³ Rostoks T., Potjomkina D. *Soft power of the EU and Russia in Eastern Europe: Soft power vs (not so) Soft Manipulation? // The different faces of "soft power": the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU*. 2015. P. 243 – 255.

¹³¹⁴ Kudors A. *A Multipolar World from a Russia View // Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community*. Riga Conference Papers. 2015. P. 95 – 103.

world of its compatriots living abroad, and this directly affects Latvia and a significant part of its inhabitants. The use of Russian media to achieve foreign policy goals is one of the most important foreign policy aspects, which has a significant impact on the processes in Latvia.¹³¹⁵ Russia, will demonstrate that it has ambitions to restore its "right place in the world", and also asserting that "as a great power, it has a zone of its legitimate interests".¹³¹⁶

No printed media outlets in Latvia in Russian are public. Owners are private publishing houses. The main Russian-language print media, until recently, in Latvia were "Vesti Segodnya", "Chas" and "Telegraph", which belonged to publishing houses (ID), such as "Fenster" and "Petits".

Situation of Petits Publishing House for 2007: The main purpose of the Petits Publishing House is to improve the society by creating, collecting and disseminating high-quality news, information and entertainment materials. The mission of Petits Publishing House is the production of high-quality periodicals and the provision of advertising services to a wide range of consumers to meet their information and advertising needs, which will allow Petits to thrive as a profitable business.

The crisis changed the situation in the Russian-language media in Latvia. In 2009 V. Belokon gave the newspaper *Telegraf* for the debts of an offshore company, Ventspils entrepreneur O. Stepanov. After that, Stepanov transferred the newspaper to the Russian banker V. Antonov because of his debts. In 2011, the publishing house's revenue fell by 80%. The newspapers "Chas", "Vesti Segodnya" and "Business & Baltics" began to bear losses. And "Telegraph" lost the oligarch-sponsor. Vladimir Antonov lost all his assets in the Baltic States. Another Russian capital came to Latvia through offshore.¹³¹⁷ The Latvian publishing house Petits controlled the structures, member of the Council of the Federation of the person involved in the Forbes list, A. Molchanov, who in 2013 headed the LSR group, one of the largest construction companies in Russia. A. Molchanov founded the group "LSR" and headed the company from 1993 to 2007. In the upper house of the Russian parliament, the senator was elected from the Leningrad region and represented the party "United Russia".¹³¹⁸ Molchanov's structures, together with businessmen E. Yanakov and A. Yeresko, were controlled by the Latvian publishing house Petits.

¹³¹⁵ Kudors A. Latvia-Russia Relations: the Cool Stability // *Latvian Foreign and Security. Yearbook.* 2017. P. 127 – 140.

¹³¹⁶ Reboka G., Ozolinya J. Security Cooperation in the Baltic Sea Region under the Nordic Defense Cooperation (NORDEFECO): A Way Forward? // *Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community.* Riga Conference Papers. 2015. P. 167 – 174.

¹³¹⁷ Bernshtam B.E. Features of the "flight of capital" from Russia // *Bulletin of Tomsk State University. Economy.* 2013. № 3. P. 113 – 119.

¹³¹⁸ Shilov V.N. The United Russia party and the ideology of conservatism // *Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Computer science.* 2010. T. 1. № 13. P. 210 – 218.

The merger of the Russian-language press of Latvia in 2012 was called the end of the Russian press. The merger of the editorial offices became the absorption of publications. In November 2013 the last issue of the newspaper "Chas" was published. In March 2014 - the last issue, which by that time turned into a weekly, Telegraph, and on August 27 the last issue of the newspaper Business & Baltia. Former owner of the publishing house "Fenster" A. Kozlov now works as a manager in the printing house. The former editor-in-chief of the Telegraf newspaper, who had previously worked in both Chas and Business & Baltics, A. Krasnitsky believes that the problems of the Russian press lie not only in financial circumstances. Most Russian newspapers in Latvia simply ceased to be considered a quality press. And it's not just the frequent change of owners, who sometimes filled up the lists of political parties, not only in the practice of selling newspaper pages for custom interviews, but in losing influence. The remaining "Vesti Segodnya", presumably, is controlled by E. Yanakov. On the spot, the cases are followed by the same A. Scheinin - the former owner of the publishing house Petits.

Considering the Russian-language media in Latvia as a foreign policy component, the above provision on the ownership of the publishing houses "Fenster" and "Petits" by Russian business elite representatives allows us to conclude that the problems of Latvia-Russia international relations were displayed and displayed on the basis of foreign policy interests of interested persons.¹³¹⁹ Due to lack of media financing by the state, dependence on political and business elites increases, which leads to a lack of freedom of speech of journalists, according to the international non-governmental organization Reporters Without Borders, the World Press Freedom Index in Latvia for 2010 was 8.50, and for 2014 - 2015 - 18.12.

The mass media have a significant influence on the formation of public opinion on foreign policy issues. Issues of the domestic policy of the state are familiar to most of its residents from everyday life, and they have the opportunity to compare information from the media with their own observations. The influence of the mass media is great here, but this influence is stronger in matters of foreign policy. After all, in conditions when the majority of the population of Latvia lacks the opportunities and motivation for frequent trips abroad, with the exception of neighboring Estonia and Lithuania, they do not have their own observations on those political processes that occur in other countries.

A fundamentally important factor for forming an opinion on international politics for the Russian-speaking population of Latvia is how international events are covered by the Russian-language press of Latvia. Prior to the beginning of the global financial crisis of 2008, the Russian-language press of Latvia was controlled mainly by two publishing houses: Fenster and

¹³¹⁹ Voitasik L. Psychology of political propaganda. M.: Progress. 1981.

Petits, which carried out an independent publishing policy. Accordingly, it was possible to talk about the pluralism of opinions, when representatives of the Russian-speaking population of Latvia could often receive different estimates of the same international events, referring to different sources.

The crisis of 2008 and its consequences caused a painful blow to the Latvian economy, including the publishing business. As a result of the restructuring of this sector of the Latvian economy, almost all the Russian-language media of the country were concentrated in the same hands. This could not but affect the variety of published estimates of international events. When, in 2014, a crisis broke out between Russia and the European Union, including Latvia, this was the main reason for unilateral coverage in the Russian-language press of Latvia of the most important issues of relations between Russia and the rest of Europe. In turn, one-sided assessments of the main points of contention in relations between Russia and the European Union in the acute phase of the conflict have affected the corresponding changes in the public opinion of the Russian-speaking population of Latvia on foreign policy issues. The reason for concern on the part of the government of Latvia, as well as the Russian-speaking media, is the fact that not a single Russian-language print media in Latvia was state-sponsored, but financed by Russian private individuals. This situation indicates that they are not independent. The Russian-language press also informs the people of Latvia about what is happening in the world. Therefore, there is always the possibility that the Russian-language media will provide the information flow as a targeted propaganda. Propaganda by Russia, in Latvia is a strategic threat not only against the Russian-speaking population, with the goal of dividing society. But also a threat in cyberspace. Latvia sees in the threat of Russian propaganda the call of the Russian-speaking population to fight against state policy inside the country. Thus, the Latvian government explains its actions on the reduction of broadcasting in Russian, the closure of printed publications and the reduction of the information flow from Russia.

§ IV.3. SECURITIZATION OF THE RUSSIAN CYBER THREAT IN LATVIA

State and regional security, and protection in the 21st century comes with new security challenges. In addition to the geopolitical problems that may be associated with the ambitions of individual states, and regions where problems with the transition economy are occurring, there is the Challenge umbrella, which unites the entire planet at one particular moment - a hybrid war and cyber problems. Western society faces cyber and hybrid threats from day to day. A wider discussion of hybrid threats is mandatory. To maintain the security and protection of states it is

not enough to have armed forces and intelligence, it is necessary to take into account the public, education and the media.¹³²⁰

The issues of European security and the future of NATO consisted in the fact that the Baltic countries were the most vulnerable within the framework of the North Atlantic Alliance. Various scenarios were envisaged, ranging from a full-scale attack to applying hybrid combat techniques developed by the Kremlin's military planners for the Baltic region. Russian-speaking minorities in Latvia and Estonia were one of the discussed tools that Russia could use to destabilize the situation in the Baltic countries.¹³²¹

Currently, the term "hybrid war" is widely used to describe Russia's strategy in Ukraine, usually as a combination of regular methods of military intelligence and leakage, as well as information and cyber war.¹³²² In modern conditions, there is a struggle for information space within the state, region and union. Due to the fact that modern technologies allow you to erase the boundaries of the impact of information through the Internet, international actors create various programs and mechanisms for studying and protecting information impact. Thus, NATO develops and implements various methods of studying the information component of modern confrontation. In Latvia, the Center for Strategic Communications of NATO has been established to implement these methods. As part of the Center's work, all components of the information impact and the development of protection against enemy information are investigated. The NATO Center for Excellence in Strategic Communications in Riga, thanks to the monitoring function, has learned significant lessons from the disinformation company used by Russia during the accession of the Crimea and subsequent military participation in Eastern Ukraine.¹³²³

Latvia in its statements has repeatedly said that cyber threats are a new threat to security on the part of the Russian Federation. The activities of the NATO Strategic Communication Center in Riga are an indicator of how seriously this threat is perceived. It should also be noted that the government of the Republic of Latvia has taken the initiative to establish similar centers in Estonia and Lithuania. Thus, the Baltic States identified a common security threat, which is the cyber-actions from Russia, aimed at spreading the Russian information flow, as well as all

¹³²⁰ Daugulis M. The Challenges of Hybrid-Warfare and Cyber-Threats: The Role of Self-Defense in a Changing Security Environment // Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers. 2015. P. 151 – 156.

¹³²¹ Romanovs U. Keeping a strong focus on Russia: UK Strategic Defence and Security Review and the Baltic // Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers. 2015. P. 175 – 182.

¹³²² Daugulis M. The Role of Cyber Defence in Hybrid Warfare Conditions: Proper Way for Latvia in Redefinition of Defence and Educational Policy Areas Under the Changing Security Circumstances // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 89 – 96.

¹³²³ Liedis I. Transatlantic Community and Russia: Elements of Dialogue 2016 // Riga Dialogue Afterthoughts 2016: Building Bridges for Euro-Atlantic Security. P. 17 – 26.

forms of cyber operations. A. Kudors¹³²⁴ stressed that it is necessary to remember that the Baltic countries are at the forefront of the information field of Russia, and Russia, using the example of Ukraine, has shown that it is ready to use not only an information war, but also annex territories of independent countries. All this has affected the Latvian society as a whole.¹³²⁵ There were fears that Russia could choose the Baltic region as a battlefield to confront the West and the US militarily.¹³²⁶ The situation prevailing in Ukraine was perceived as a challenge.¹³²⁷ The American organizations of the Latvian diaspora together with other organizations of the Baltic, Central and Eastern Europe in the United States called for ensuring security in the Baltic region to the US government, thereby supporting the goals of the security policy.¹³²⁸ Forecasts in 2016 were related to possible Russian aggression, as well as possible dangers of a hybrid war in Latvia and the Baltic states.¹³²⁹ The security issues of the Baltic States in the context of NATO-Russia relations throughout 2016 remained the focus of analysts and researchers of international relations, making negative conclusions about NATO's ability to guarantee the protection of the territories of states most susceptible to the possible aggression of Russia.¹³³⁰

L.N. Kunakova¹³³¹ notes that cyber threats associated with the information flow also apply to information wars. When a previously prepared information flow of one state, for certain purposes, is introduced into the information flow of another state. Within the framework of the psychological paradigm, information warfare is understood as the latent impact of information on individual, group and mass consciousness through methods of propaganda, disinformation, manipulation with the aim of forming new views on the socio-political organization of society through changing the value orientations and basic attitudes of the individual. In the psychological context, its object is the cognitive-emotional sphere of individuals, and the goal is the management of intellectual-psychological and socio-cultural processes, the obligatory element of which is the unconsciousness of this influence by persons subject to veiled influence and the following lines of programmed behavior. Researchers of psychological theories of

¹³²⁴ Kudors A. *Baltic Security Over the Decade: Political Threats and Russia Factor // Ten Years in the Euro-Atlantic Community: Riga Conference Papers*. 2014. P. 41 – 52.

¹³²⁵ Kazhocinsh Y. *Has Russia's Syrian Adventure Made Latvia Safer? // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2016. P. 80 – 88.

¹³²⁶ Romanovs U. *The Means and Ends of Russia's Security Strategy // Riga Dialogue: Towards a Shared Security Environment. Afterthoughts from the Riga Security Seminar*. 2015. P. 44 – 51.

¹³²⁷ Brude I. *Latvia's Ukraine Policy: the Ukraine Crisis and Bilateral Relations in 2015 // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2016. P. 71 – 79.

¹³²⁸ Krapane A. *Latvia's Cooperation with Diaspora in 2015 // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2016. P. 107 – 128.

¹³²⁹ Liedis I. *Latvia's Foreign Policy – Predictable Pragmatism in Unpredictable Times // Latvian Foreign and Security. Yearbook*. 2017. P. 51 – 62.

¹³³⁰ Skudra O. *Latvian Foreign Policy: Defending National Interests in the World Structured by Politics of Realism // Latvian Foreign and Security. Yearbook*. 2017. P. 37 – 50.

¹³³¹ Kunakova L.N. *Information war as an object of scientific analysis (concept and main characteristics of information war) // Almanac of modern science and education*. 2002. № 6. P. 93 – 96.

information superiority, are divided in views. Some assess it as a system of subversive ideological influences of imperialism aimed at the consciousness of people, mainly through the sphere of social psychology. Others - as psychological actions carried out at the interstate or strategic, operational and tactical levels in peacetime and wartime, in the information and spiritual sphere, among their servicemen, or among enemy troops.

Information superiority is a special form of relations between two states, when one of them performs an act that it would not otherwise do, thanks to the dissemination of specially prepared information. Modern scientists consider information superiority at a socially communicative level, where the information itself is mainly studied, which influences the interactive reality and forms cognitive orientations. L.N. Kunakova noted a number of scientists, such as M.Y. Pavlyutenkova and D.A. Shvets, who represent the information war as a communicative technology, whose main goal is to achieve information superiority in the interests of the national strategy. Those who hold similar views view information war as a form of combating the use of social means and methods of influencing foreign information resources with the protection of their own, as well as conducting intelligence and political-psychological actions of the enemy. G.G. Pocheptsov considers the information war as public relations with unauthorized work in another's information space. His work focuses on the development of methods for influencing the behavior of social groups. The subject of information wars in this aspect are - nations, states, companies, and the object - mass consciousness.

Scientists who consider information superiority within the framework of globalization, relate to geopolitical relations, when some actors of the international process seek to gain excellence in the economic, military, political and other fields by actively influencing the information space of others. A number of scientists consider the information war through the prism of the military-strategic direction, where information superiority is in the form of a military conflict that can act either as an independent form or in the form of military operations with the formation of a network and cyber war. Domination in this context is achieved through the computerization of military equipment and the formation of a network organization of the armed forces, using their own electronic technologies, as well as the destruction of enemy information systems. Supporters of this theory, the main reason for this process is the increment of power capital and the protection of one's own interests. The channels here are the mass media, and political entities - individual social groups (elites of the region and the federal center), the media audience, and the mass social subject.

The above concepts were formed based on the direction of the action of information. Initially, information superiority or information warfare, was used in military operations and was

aimed primarily at military personnel. In the modern world, there have been some changes when information is directed towards mass consciousness. The concept of "mass" - a group of individuals, among which the prevalence of people with vague social orientation, without awareness of their own interests and, consequently, their implementation, for these reasons, the mass does not have an internal structure. In view of what the mass itself is destructive and destructive. The individual outside the masses, because of his social experience, can reject stereotypical judgments of the mass, but when it gets into the mass, it dissolves in it, guided by the judgments of the masses.¹³³²

In the modern world, a person does not have enough ways to master reality, habitual landmarks, social ideals, which were aimed at creating the ideological integrity of man, are absent. It is important to note the fact that the lack of reliable information about the processes taking place in the world community also disorients the person, which allows political elites, state and non-state actors to manipulate the mass consciousness. Manipulation, in turn, is a method of influencing a person whose goal is to determine the direction of the person's ideas, tastes and behavior.¹³³³ The very essence of manipulation is defined as a secretly carried out psychic influence on the consciousness of a person and groups of people without regard for their interests.¹³³⁴ Manipulation of public consciousness is also closely related to the function of power, which adheres to the goal of maintaining stability, social order and the socio-cultural identity of the system.¹³³⁵ The regulative function of public consciousness is related to the evaluation function, which makes it possible to create a coherent image of the world.¹³³⁶ Control of mass consciousness of citizens is manifested in the form of public opinion, stereotypes of behavior, norms and values of public consciousness.¹³³⁷

The main form of communication between young and active people is social networks that play a role not only as a means of communication, but also as a tool for expressing a life position, own opinion, opinion of groups of people, organizing a group of "pressure" or

¹³³² Volvach V.G. Mass Consciousness and Social Structure // *Innovative Education and Economics*. 2011. T. 1. № 8. P. 37 – 40.

¹³³³ Vasiliev S.S. Mechanisms and levels of the introduction of myth into mass consciousness: the media as an instrument of social mythmaking // *Historical and socio-educational thought*. 2009. № 2. P. 37 – 47.

¹³³⁴ Kolesnikova G.I., Astvatsaturov A.E. The Social Mechanism of Manipulation of the Person's Consciousness in the Modern Russian Society // *Vestnik of the Don State Technical University*. 2012. T. 12. № 1 – 2. P. 150 – 155.

¹³³⁵ Knyazeva I.V. To the question of the social basis for the emergence of manipulation of the public consciousness // *Bulletin of the Tambov University. Series: The humanities*. 2010. № 6. P. 175 – 180.

¹³³⁶ Belkin A.I. The Role of Regular-Managerial Consciousness in the Psychological Dimension of Social Space // *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2015. T. 15. № 1. P. 78 – 84.

¹³³⁷ Rustamov A.O. Social control as a means of influencing mass consciousness in the management system // *Vector of science of Tolyatti State University. Series: Economics and Management*. 2011. № 2. P. 28 – 30.

"lobbying" way to influence political decisions.¹³³⁸ Massive interactive communications, namely the Internet and social networks are used by political elites in the organization and coordination of movements aimed at changing power in a revolutionary way.¹³³⁹ A social network is a complex social system consisting of a multitude of agents (entities) and a set of relationships (relations) between agents.¹³⁴⁰ In the risk zone of the influence of social networks, young people singled out, as this social group has an unstable system of values, maximalism, unstable social situation and lack of social experience, and young people are a little protected group of the population, and the most active Internet user.¹³⁴¹ One of the main advantages of social networks is the mass nature of their participants, the high speed of information dissemination, the presence of feedback makes it possible to adjust information throws in order to create a certain mood among users. Internet resources today are a tool that allows revolutionary groups to reduce the costs of participation, organization, recruitment and training.¹³⁴² The main "proofreaders" are supranational organizations, transnational corporations and individuals with power.¹³⁴³

It should be noted that the place of the media in the social system of society is associated with an organized communication system, also interconnected with social networks and Internet resources. In the modern world there is a tendency when the information space is divided into territories that are controlled by certain groups. These groups prevent the media under their control from presenting positions that do not correspond to their own.¹³⁴⁴

Managing the mass consciousness can have different consequences, so according to J. Myers, the efforts made to convince people of anything can be - noble, effective and vain. J. Myers speaks of persuasion in the form of propaganda or enlightenment, both in politics, and in marketing, actions of relatives, and commerce. In this case, people can simply draw their opinions from sources of information, or do not take information at all. Studies referred to by J. Myers¹³⁴⁵, show that people recognize the influence of the media on others, but not on themselves. It should also be noted that the personal qualities of people do not always allow you

¹³³⁸ Shelest V.S. Methods of influencing public opinion and political consciousness of youth through social networks and the Internet network // Search: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture. 2012. № 5 – 6. P. 138 – 142.

¹³³⁹ Minaev V.A., Ovchinsky A.S., Skryl S.V., Trostiansky S.N. Social security and management of mass consciousness in emergency situations // Annual international scientific and technical conference of the security system. 2013. № 22. P. 299 – 303.

¹³⁴⁰ Kornev P.A. Technologies of Monitoring Situations of Managing the Consciousness of Participants in Social Networks // Prospects for the Development of Information Technologies. 2013. № 15. P. 47 – 51.

¹³⁴¹ Panfilova Y.S. Extremism in a virtual environment as a social problem: reflection in the minds of young people // Almanac of modern science and education. 2014. № 9. P. 101 – 104.

¹³⁴² Ananyeva A.G., Bryantsev I.N. Social networks and their influence on the formation of public consciousness // Information technology security. 2011. № 3. P. 109 – 115.

¹³⁴³ Chashchin EV Phenomenon of unstable consciousness as the concept of modern social epistemology // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2013. T. 11. № 3. P. 11 – 15.

¹³⁴⁴ Krylov G.O. Doctrinal and normative provision of information superiority in geopolitical information operations // Information Technologies Security. 2007. № 1. P. 20 – 22.

¹³⁴⁵ Myers J. Social psychology. St. Petersburg: Peter. 2003.

to accurately predict their reaction to what is happening in society. J. Myers notes that a certain feature can simultaneously favor one stage of the persuasion process and negatively affect the other. Informing about certain facts and all kinds of propaganda is carried out by many states (or actors), but there are no exact guarantees that the management of the mass consciousness has been carried out successfully. Many social and psychological factors influence the individual and mass consciousness, and there remain options that informing about individual facts and propaganda as a result will have other consequences than planned.

With the development of technology, with the acquired experience, information was used as a manipulative mechanism of mass consciousness, forming certain opinions and general moods of societies. Mass consciousness in the modern world has become the object of conquest. Modern geopolitical information operations developed during the interstate confrontation between the USSR and the US, which was based on an ideological and state-political basis with well-established mechanisms. On the American side, an informational confrontation was designated as an information tool. Later this concept began to be designated as an impact on information resources and systems or on strategic resources of the state.

Ideas of modern confrontation are formed with the development of the global information environment and the information sphere of society with the participation of the highest state officials, as well as with the participation of governmental and non-governmental structures. Information confrontation in modern conditions is considered together with armed struggle, political and diplomatic confrontation, economic competition, interstate scientific and technical rivalry. Where the objects of information impact are the highest political and military leadership, public opinion, information and telecommunication systems, means and systems of communication between the opposing states, information resources, weapons and military hardware informatization, information systems of government bodies, banking and economic sphere. Information superiority now is, first of all, the ability of management bodies to collect, process and disseminate a continuous flow of information. Psychological readiness of troops with simultaneous difficulty of control and controllability of the enemy, which became possible thanks to the technologies of the modern world, expanding the conflict places, through social networks, electronic databases and television screens.¹³⁴⁶

Modern technologies have made it possible to create new ways of conducting military operations. One such method is the hybrid war. Hybrid war is a modern way of conducting military operations, combining classical methods of military operations with guerrilla warfare,

¹³⁴⁶ Komleva E.V. The social role of nuclear technologies and social consciousness // *Philosophy of Science*. 2003. № 2. P. 9.

terrorism, information (cyberwar), biological war.¹³⁴⁷ V.A. Romanova notes that the increasing role of information has led to an increase in the growth of information confrontations. Political and military elites realized the fact that in the modern world, society depends on information and telecommunications systems, which is taken into account when developing technologies to influence people's consciousness. American analysts have long accepted the fact that information can be a weapon, as a mass impact on people's minds.

At present, various methods of information war have been put into operation, one of which can be considered the creation of false information for disinformation of society. This can be observed not only in countries leading the hybrid war directly, but also indirectly related to them, which allows to form a false opinion of society on various issues, as well as to form the consciousness of the world community in the right direction. In the information war, such goals as disinformation of public consciousness, propagation of ideology, attraction of supporters, access to information resources, reducing or increasing the role of the state, creating negative public attitudes toward certain issues, spreading false opinions are achieved. The agitational and propaganda sector is actively developing in the Internet. The mass media are also actively working with Internet resources, both with sources of information. Information in the Internet network is gaining strength every day in the impact on society, forming the opinion of the population on various issues. This is facilitated by the general availability and rapid dissemination of information without any restrictions. All this makes it possible to achieve the goals of information warfare, such as changing the consciousness of society, shaping its worldview and attitudes toward certain issues.

It should be noted that the information component of a hybrid war can be dangerous and destructive. A.V. Manoilo¹³⁴⁸ it was noted that "in the hybrid war it is information operations that can be decisive for compelling the enemy to surrender, and military operations can play a service role, providing information warfare organizers with the PR material necessary for information attacks on the consciousness and subconscious of the enemy in order to inflict to him direct damage (information weapon), and for the purpose of the hidden control of his consciousness and behavior. "

The information component of the hybrid war is comprehensive, namely, it is conducted in various countries, which become indirect participants in military operations. So let us give the concept of "limitroph" N.A. Komleva¹³⁴⁹, where "limitroph" is a combination of states and non-

¹³⁴⁷ Romanova V.A. Information component of hybrid wars of the present // State and municipal management. Scientific notes SKAGS. 2015. № 2. P. 293 – 299.

¹³⁴⁸ Manoilo A.V. The role of color revolutions in modern hybrid wars // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2015. № 8. P. 13 – 18.

¹³⁴⁹ Komleva N.A. War in the Limitrophe: the evolution of technology // Space and time. 2015. № 1 – 2. P. 32 – 42.

state actors whose geopolitical spaces are firmly controlled by a powerful actor who in this case acts as a geopolitical tutor. Tutor, in turn, is the one who directs the lessons, trains. A tutor can be either a state or an actor of a non-state nature.

The Latvian ruling elite, along with representatives of the authorities of Lithuania and Estonia, determined the ability of the Russian Federation to conduct cyber warfare on its territory. The result of this was the creation of NATO centers opposing this threat in the territory of Latvia and Estonia. Latvia was one of the countries that in 2008 supported the establishment of a center in Tallinn NATO Cooperative Cyber Defense Center of Excellence¹³⁵⁰ and is currently working closely with him.¹³⁵¹ He is a joint work in this area of the three Baltic republics based on NATO. The NATO Cyber Defense Center in Estonia (Tallinn) is an international military organization with a mission to strengthen the capacity, cooperation and exchange of information among NATO member states. The Center works in the field of cyber defense, research and development. NATO Cooperative Cyber Defense Center of Excellence is accredited at the international level, and is a think tank and training center. The International Military Organization focuses on interdisciplinary applied research and development, training and exercises in the field of cyber security. International experts, lawyers, politicians, strategy specialists, and specialists in the field of military, governmental and industrial technologies take part in the work of the center. The sponsors are NATO member countries: the Czech Republic, Estonia, France, Germany, Hungary, Italy, Latvia, Lithuania, Netherlands, Poland, Slovakia, Spain, Turkey, United Kingdom and the United States. The countries that are not members of NATO are Austria and Finland.¹³⁵²

The terms and definitions given on the website of the Tallinn Center are the basis for understanding cyber space, as well as possible threats in this area. The main threat in the field of international information security is the use of communication technologies as an information weapon for political and military purposes, counteraction to international law, national sovereignty of states, violation of the territorial integrity of states and a threat to international peace, security and strategic stability; the use of information weapons for terrorist purposes; and interference in the affairs of sovereign states, the violation of public order, the incitement of national, racial and religious hatred, the propaganda of racist and xenophobic ideas or theories to incite violence; to commit crimes, including those connected with unauthorized access to computer information, with the creation, use and distribution of malicious computer programs.

¹³⁵⁰ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence // URL: <https://ccdcoc.org/index.html>.

¹³⁵¹ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Latvian Minister of Defence Briefed on Cyber Security // URL: <https://ccdcoc.org/latvian-minister-defence-briefed-cyber-security.html> [19.08.2015].

¹³⁵² NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Angela Merkel Briefed on Cyber Security // URL: <https://ccdcoc.org/AngelaMerkel.html> [24.08.2016].

Information is any message or representation of knowledge, such as facts, data or opinions in the media, including text, numeric, graphic, cartographic, descriptive or audiovisual form. Based on the definition of Oxford University, information is all that can make the human mind change its mind about the current state of the real world. In the field of science and technology, information is all that contributes to reducing the uncertainty of the state of the system. Providing information is a measure that protects and defends information and information systems by ensuring their accessibility, integrity, authentication, confidentiality and reliability. These measures include ensuring the recovery of information systems by incorporating protection, detection and response capabilities.

Information security, the definition that is adopted in the US and Russia, is the property of the information space, the ability to withstand threats, as well as the ability to respond to threats and the ability to recover. The definition of information security adopted in Russia - the state of protection of national interests in the information space, is determined by a balanced combination of the interests of the individual, society and the state.

The information space, for the US and Russia, is any medium with which information is created, data is transmitted and received, and stored, processed or deleted. The definition adopted in Russia says that it is activity related to the formation, creation, transformation, transmission, use, storage of information, affecting the information infrastructure, the information itself, as well as on the individual and public consciousness.

The information war in the framework of research in the US and Russia is an escalation of the information conflict between states in which information operations are carried out by state actors for military and political purposes. The Russian definition is that an information war is a confrontation between two or more governments in the information space in order to damage systems, processes and resources that are critical for the counterparty. In turn, the definition of information weapons adopted by the United Nations and Russia are means and methods used to damage the information resources, processes and systems of another state; the use of information to the detriment of the defense of a state, administrative, political, social, economic or other vital systems, as well as the means of mass manipulation of the population of a state with the aim of destabilizing society and the state.¹³⁵³ Proceeding from the fact that most of the above terms and definitions in the glossary are put forward and identified in Russia, the main cyber-threat to study is the activity and mechanisms of the Russian Federation. NATO centers in Riga and Tallinn, based on research, draw conclusions and create mechanisms that are able to withstand the cyber threat from the Russian Federation.

¹³⁵³ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Terms and Definition // URL: <https://ccdcoe.org/cyber-definitions.html>.

Within the framework of the Center's work, a guide was developed in the field of international law and cyber security. This leadership was approved by representatives of 50 countries in The Hague.¹³⁵⁴ The manual is available on the center's website.¹³⁵⁵ The guide, created in Tallinn, is the most powerful tool for legal advisors dealing with cyber issues. It is also planned to create a second manual, a more extensive version, which will indicate the most common cases of cyber crimes that States face daily outside the battlefield.¹³⁵⁶

Against the backdrop of military operations on the territory of Ukraine, the center published the book *Cyber War in the Future: Russian Aggression Against Ukraine*. The book provides information that the cyber operations conducted by Russia were part of the information war and served as a collection of intelligence in the war between Russia and Ukraine. The director of the center in Tallinn S. Sakkov pointed out that at present computer technologies are inseparable from military actions, these technologies are integrated into military operations and are a means of achieving power. Professor of cyber security at the University A.Y. Linnell, one of the authors of the book, stressed that "the world is moving towards the strategic use of cyber-opportunities to persuade opponents to change their behavior." This study was conducted to study the cyber dimension in the geopolitical conflict between Russia and Ukraine in order to establish how cyber attacks can affect international crises in the Internet age. In the book "Cyber Wars in the Perspective: Russian Aggression Against Ukraine" 18 chapters are presented, where there is information on the consequences of cyber-operations in politics and law. The study of the crisis in Ukraine in 2013 - 2015. affects digital propaganda, information leakage, ultra-modern cyber espionage, attacks on the Internet infrastructure and an attempt to interfere in the presidential elections in Ukraine.¹³⁵⁷

The book notes that despite the fact that known cyber attacks are attributed to certain countries, they are also hotly contested. But there is some evidence that shows that the strategic culture and organizational preferences of the US, China and Russia force their countries to use their cyber-power. The US used cyber operations in Iran. China, in turn, is working to protect its residents within the country. Russian cyber operations were most vividly represented during the

¹³⁵⁴ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Experts: Multiple International Law Regimes Apply to Cyber Operations // URL: <https://ccdcoe.org/experts-multiple-international-law-regimes-apply-cyber-operations.html> [11.02.2016].

¹³⁵⁵ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Tallinn Manual Process // URL: <https://ccdcoe.org/tallinn-manual.html>.

¹³⁵⁶ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Over 50 States Consult Tallinn Manual 2.0 // URL: <https://ccdcoe.org/over-50-states-consult-tallinn-manual-20.html> [02.02.2016].

¹³⁵⁷ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Cyber Warfare Integral Part of Modern Politics, New Analysis Reaffirms // URL: <https://ccdcoe.org/cyber-warfare-integral-part-modern-politics-new-analysis-reaffirms.html> [01.12.2015].

conflict in Ukraine and the annexation of the Crimea, which allowed the Russian authorities to form a full political course.

In Russia, the notion of information war contains a broad definition, which includes intelligence, counterintelligence, deception, misinformation, electronic warfare, deteriorating communications, deteriorating navigation support, psychological pressure, deteriorating information systems and propaganda. Computers are an instrument of the Russian information war. Attacks on information and intelligence services, technical methods and television "Russia Today" - all these are tools of information war. Russia is an international actor in cyber space, which has created a way to integrate cyber war into a great strategy capable of leading to the achievement of political goals. The book notes that Soviet espionage during the Cold War was mainly connected with the theft of scientific, technical and military information from the West. But in the end it ended in failure for the Soviet Union, because of the lagging behind more progressive opponents. So during the Cold War, America focused on technology and their integration, and Russia, in turn, considered the strategic implications of the emergence of a new type of weapon.

Russia sees the nature of politics in the war. War is a political act. The purpose of which is to change the political judgment of opponents, to meet their own interests. Thus, in order to achieve a strategic effect, cyber force must be the way that will shape the political outcome of the war. So, thanks to the connection between technology, military actions, and strategy, Russia achieves final political results. In the Soviet era, Russian officials, like today, had the opportunity to discuss at special venues the strategic implications of new technologies. This is also one of the reasons why today Russia takes the leading place in the use of cyber forces in military operations. In the days of the Soviet Union, it was they who produced the technologies applicable in the information war.

As noted in the book, in turn, the goal of NATO's work in the strategic direction is to reduce and eliminate the possibility of war. Russia today has the goal not of a military victory over NATO, but of a strategic victory over NATO. Thus, Russia realized that it was able to win the strategy with NATO at the initial stage of confrontation and change the political perception. NATO was vulnerable in the information war and cyber-attacks from Russia. Cyber attacks can create confusion in the command and control networks, as it was during the war in Ukraine, where there were many cyber attacks from Russia.

Thus, for Russia, war is political activity, and cyber-power is a strategic effect through which one can influence the formation of political results. And to change their political perception of opponents to achieve their interests. With the annexation of Crimea and pressure

against Ukraine, cyber potential was used, both in the form of direct attacks and in the form of information campaigns, which allowed Russia to strategically defeat the enemy without using force.¹³⁵⁸

The Center for Strategic Communications in Riga (Strategic Communications Center of Excellence)¹³⁵⁹ works in various areas, such as public diplomacy, public relations, and information and psychological operations. He is actively working on strategic planning at the strategic and tactical levels. A virtual network is used to improve communications.

The main feature of the center is its cooperation with various sectors, both military and civilian, academic with the use of modern technologies, including virtual ones. The Council of Europe cooperates with the center to develop a common policy with NATO, and also facilitates the work of the center, creating a virtual working environment for attracting international experts and increasing flexibility and accessibility under modern conditions. The Council of Europe uses advanced technology and an Internet system to collect, process and disseminate information, and also supports NATO's objectives for developing an online learning environment. The state-of-the-art research center and laboratory is a platform for acceptance, study and understanding of the decision-making process in crisis and conflict situations.

The creation of this center and its focus may be evidence that at the present time a hybrid war is being waged in the territories of states that are not direct participants in the military actions of the hybrid war. One of its main components is information technology, which in its turn has no boundaries and is constantly being modernized. Information operations are conducted by specialized military and civilian structures, and include all types of information and information systems.¹³⁶⁰

The center is an international organization uniting Latvia, Lithuania, Estonia, Great Britain, Italy, Germany and Poland. The US does not participate in the project, but Senator J. McCain visited its opening. According to J. McCain, the work of NATO's Strategic Communication Center is aimed at spreading the truth, which was said in the context that the Russian President V.V. Putin carries out a program of propaganda and disinformation, especially in the Baltic countries, as well as in Ukraine and in NATO countries. It was also noted that, first of all, the Russian-speaking audience is exposed to disinformation. In this case, according to J. McCain, Russian-speaking residents of the Baltic countries are loyal to their countries and do not

¹³⁵⁸ NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. James J. Wirtz Cyber War and Strategic Culture: The Russian Integration of Cyber Power into Grand Strategy // URL: https://ccdcoc.org/sites/default/files/multimedia/pdf/CyberWarinPerspective_Wirtz_03.pdf.

¹³⁵⁹ NATO Stratcom Centre of Excellence // URL: <http://www.stratcomcoe.org>.

¹³⁶⁰ Balabin V.I. On Some Aspects of Gaining Information Excellence over a Potential Enemy // Problems of Security of Russian Society. 2013. № 2 – 3. P. 76 – 84.

pose a threat to security. So in August 2015 the center of research journalism "Re: Baltica" found about 40 organizations in Latvia, which for three years received 1.5 million euros from the funds of the Russian Federation. In the course of which the chief of the security police N. Mezhviets explained that these organizations are used by Russia as agents of information influence, and their main task is the formation of public opinion, beneficial to Russia to promote their interests.¹³⁶¹

In June 2015, the Center conducted research on the use of manipulative techniques by Russia in the information campaign against Ukraine.¹³⁶² July 16, 2015 the center presented preliminary results of the study "Internet trolling as a hybrid instrument of warfare: the case of Latvia". The research, commissioned by the center, was conducted by the Latvian Institute of International Affairs in cooperation with the Riga University Stradynia. The research focuses on identifying organized trolling in the Internet media and measuring its impact on public discourse, using Latvia as an example. Analyzing trolling as a manipulative tool in the context of a hybrid war, the Center for Strategic Communications of NATO discovered several new angles in the course of the study, which will answer the question of the vulnerability caused by the use of the Internet, social networks and the Internet media. How the Internet trolling is used in the context of a hybrid war; what manipulative methods of trolling are used to influence public opinion; which groups of society are most vulnerable to trolling; how to define a "hybrid troll", and what are its distinguishing features; what are the possible defense strategies for mitigating trolling activities.

To understand the phenomenon of trolling and its impact on public perception, an interdisciplinary approach was used-including communication science, social anthropology, political science, and the experience of information technology. Researchers analyzed comments on the most popular Latvian Internet portals (Delfi, TVnet, Apollo), which tests are held in focus groups in Latvian and Russian. Scientific results are an opportunity to assess the potential of trolling, as well as the possibility of developing a recommendation on how to mitigate its consequences, when it is used as a hybrid tool for warfare.¹³⁶³

According to the head of the John Hamra Center for Strategic and International Studies in the spring of 2015, NATO is strengthening its cyber defense and clearly indicates that a cybernetic attack could lead to collective retaliatory measures. NATO is also actively working

¹³⁶¹ Rus.TVNET. Research: seven Latvian organizations could receive from Russia more than 680 thousand euros // [URL:http://rus.tvnet.lv/novosti/obschjestvo/300932-issledovanije_sjem_latviyskih_organizacij_mogli_poluchit_ot_rossii_boljeje_680_tis_jevro](http://rus.tvnet.lv/novosti/obschjestvo/300932-issledovanije_sjem_latviyskih_organizacij_mogli_poluchit_ot_rossii_boljeje_680_tis_jevro).

¹³⁶² NATO STRATCOM. Centre present research to the Latvian Audience // URL: <http://stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/6/17.aspx>.

¹³⁶³ NATO STRATCOM. Centre present preliminary results of the study on internet trolling // URL: <http://stratcomcoe.org/lv/NewsandEvents/News/2015/7/30.aspx>.

on the issue of how to reflect the hybrid threats, including through closer cooperation with the EU, speeding up the decision-making process and deepening the exchange of information.¹³⁶⁴

Ambassador of Canada to Latvia A. Hauser and Secretary of State for Defense of Latvia J. Sarta launched a training program at the NATO Strategic Communications Center in Riga on the teaching of counter propaganda on May 8, 2015 to help NATO member states and Eastern European countries assess actions in the field of counter-propaganda of the Russian Federation. Analysts, psychologists, military, intelligence and defense personnel will be trained in the analysis of the target audience, the study of groups and the formation of activities aimed at changing attitudes and behavior. This methodology also makes it possible to withstand the effect of counter propaganda. The program will be funded by the Government of Canada through a contribution to the Strategic Communications Center in Riga. Canadian support, according to Prime Minister S. Harper, will help Ukrainians better protect themselves from the Russian threat and strengthen the ability of NATO centers to confront regional security problems in the fields of energy, communications and cyber defense.

According to Canadian Ambassador A. Hauser, Canada recognizes the threat posed by a new type of war with Russia and, in connection with this, finances this project. The program will be delivered to the UK-based strategic communications laboratory, which for many years has been working for the UK Department of Defense and the US Department of Defense. This program is the only licensed and consists of experts in the field of information warfare from seven countries and is called IOTA GLOBAL.

According to M. Laiti, the chief of strategic communications of NATO, the threat of ordinary war has changed, and information can be a weapon. And regardless of how it is used, like misinformation, deception or as a false story, NATO must be able to respond to this challenge. As a result, this course will improve the ability to act in the information space effectively and in accordance with the values of a free and open society. Similarly, according to M. Laiti, Russia continues to spread disinformation among Russian-speakers about the alleged threat to the EU, which is a confirmation for NATO members in the need to create new instruments of confrontation.

K. Giles, who wrote about the operations of the Russian information war for Chatham House in London, said: "Many people in the West are now familiar with some outrageous propaganda that comes from Moscow and does not look plausible. But the problem is that this is only part of the multilayered and multifaceted offensive of Russia. At the same time, there are

¹³⁶⁴ NATO. Adapting to changed security conditions // URL: http://nato.int/cps/ru/natohq/opinions_120166.htm?#top.

more delicate works of distribution companies aimed at the population of the front-line zone of Estonia, Latvia and Lithuania, which is important for effective opposition to NATO".¹³⁶⁵

Canada cooperates with the center, supporting Ukraine and NATO allies to counter the Russian threat in the region, namely, supporting the center in effectively addressing regional security issues related to information and cyber defense. The Center for Strategic Communications with the support of Canada is designed to strengthen the security of NATO allies and partners in Eastern Europe. This project helps to strengthen NATO's capabilities in strategic communications applicable to all scenarios that shape the information environment and govern perception. Strategic communications are crucial in resolving conflicts, raising public diplomacy, reducing violence, fighting terrorism and maintaining peace.¹³⁶⁶

On the site of the NATO Strategic Communications Center in Riga in 2016, information was published on a conference entitled: "Russian soft power: Moscow's struggle for influence in Europe and how the EU should react." The main theme of the event was Russia's soft strategy, which is provided through non-military instruments. The main goal, which is the impact on the perception of the elite and public opinion in European countries. The Russian "soft power" in the EU is manifested through the support of Moscow for populist right-wing and leftist political parties and movements, the strengthening of anti-EU and anti-Western information campaigns, the strengthening of Russia's influence in the strategic sectors of the economy of some EU countries.

According to some experts, Moscow perceives the "soft" Western force as a form of "non-linear war," which is a threat to Russia. In the Kremlin there is an opinion that the West seeks to destabilize Russia, by fomenting pro-Western movements in the states that constitute the sphere of Russia's interests, and in Russia itself. This perception of the threat, can induce the Kremlin to activate its own soft power.

Since the beginning of the Ukrainian crisis, which has led to growing tensions between Russia and the West, Russia has stepped up various activities using soft power to establish its influence in the EU. Some of these events have caused concern in the West due to possible negative consequences for the stability of European democracies and the cohesion of the EU. The communications campaigns directed against the EU and the West are implemented through the use of disinformation, both in traditional and in social media. Russia also provides financial, political and ideological support to populist right-wing and left-wing political parties.

¹³⁶⁵ NATO STRATCOM. Countering propaganda: NATO spearheads use of behavioural change science // URL: <http://stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/5/12.aspx>.

¹³⁶⁶ NATO STRATCOM. Canada contributes to capabilities of NATO Strategic Communications Centre of Excellence // URL: <http://stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/2/20.aspx>.

Russia has increased its influence through financial instruments, including through investments in areas of strategic importance in some EU countries. And also by establishing business relations with some members of the political and economic elite. Russia also finances research institutes and non-governmental organizations that unite Russian diasporas in Europe.

According to some analysts, Moscow seeks to use a deep and multidimensional crisis in Europe to conduct operations using soft power. Thus, Russia seeks to achieve the following strategic goals of foreign policy: to undermine the credibility and credibility of European institutions and the European government, to undermine the effectiveness of NATO and EU decision-making processes, to weaken the transatlantic relations, and to contribute to a growing public distrust of the Western liberal model.¹³⁶⁷

NATO and the alliance members are working to protect their own information space. The activities of the centers in Riga and Tallinn show that the main work is carried out in the field of the information field of the Russian Federation. Where special attention is paid to information from Russia in the media and the Internet space on the territory of other countries. The territory of the Republic of Latvia was chosen not casually, as well as the territories of other Baltic countries, where NATO centers were established, and the historical heritage (the countries of the former USSR), the geopolitical component and the composition of the population (Russian-speaking population). All these components make it possible to study the information impact in Latvia and other countries on the part of the Russian Federation more accurately and qualitatively than on the territories of other countries located remotely from the borders of Russia. Of no small importance is the Russian-speaking population living in Latvia, capable of perceiving information attacks from Russia, not only without a language barrier, but also from an ideological point of view. Thus, the territory and the population of Latvia is an active participant in the process not only of the very achievement of information superiority of NATO, but also is the object of research, which can be under the influence of information superiority on the part of another state that has a different information component. Recognition by the security structures of Latvia and the European Union of the fact that the Russian Federation is currently conducting a hybrid war has led to the creation of opposing institutions whose main goal, based on statements by representatives of the political elites of Latvia and the European Union, is to prevent a threat from Russia.

¹³⁶⁷ NATO Strategic Communications Centre of Excellence Riga. Centre's experts speak at international conference 'Russian Soft Power' in Rome // URL: <http://www.stratcomcoe.org/centres-experts-speak-international-conference-russian-soft-power-rome> [09.06.2016].

CONCLUSION

Using communication channels, the Latvian government gradually introduced the Russian-speaking population into a security issue. When the Russian-speaking population was introduced into the security issue, the Latvian government used the mechanism of political communication, thereby influencing public opinion and creating tension between the two ethnic groups. The mechanism of political communication, which affects the interests, questions, topics and problems of more than one state, and also when certain issues go beyond the domestic policy of one state, introduces certain provisions into the sphere of international relations. In the Republic of Latvia, problems associated with the Russian-speaking population and the institution of non-citizens are identified. In this case, the indicated problem is internal, but also has the nature of the problem of foreign policy. In the interaction of Latvia with international institutions, this problem was and is one of the main and requiring problems. The second factor that gives the international character to this problem is the belonging of the Russian-speaking population to the Russian Federation. So the Russian-speaking population residing in the territory of Latvia, is in the interests of Russia.

In the framework of the securitization theory, it should be noted that the model of political communication most appropriate to the notion of securitization is the model of H. Lasswell, a supplement by R. Braddock. On an example of the Latvian Republic the model look as follows. The actions of the Latvian government, under which the secularization of the Russian-speaking population took place, its introduction into the image of the "Enemy", and of the Latvian society into the image of "Victims", had the goal of giving legitimacy to the actions of the Latvian government. In the above model, the important elements are such questions as: who says what informs, to whom, by what channel, what effect, under what circumstances and for what purpose. Regarding this model, the Latvian government carried out the following actions. Nationally-minded political elites of Latvia created political programs based on the protection of national values. Pointing out that the regime of the Soviet Union was the "occupation regime", and the Russian-speaking population in the territory of modern Latvia as its consequence, and since the Russian Federation declared itself the successor of the USSR, there is a threat of "occupation" by Russia in order to restore the borders of the USSR and to protect the Russian-speaking population in the territory of the independent Republic of Latvia. This information was communicated to the entire civil society through mass media, national holidays, cultural events in Latvia, as well as in the speeches of Latvian politicians in international institutions. What also gave a duality to this phenomenon, namely the Russian-speaking

population of Latvia was a matter of domestic and foreign policy. Thus, the mood in civil society changed, tension between the two national groups in Latvia grew. On the international stage, the political leaders of the EU and the US began to talk about the changes that the Latvian government should resort to, for the speedy entry into the Council of Europe, the EU and NATO, in order to ensure Latvia's security by the Russian Federation. This discourse took place in conditions when the government of Latvia was headed by nationally minded politicians. Also, the European identity of Latvian society was proclaimed, and that the Latvian people were "occupied" until the restoration of independence. The purpose of these actions of the Latvian government was the early entry into international institutions. The government of Latvia needed to convince the international community that there was a real threat from Russia, and that all civil society wanted to see their state as a member of the Council of Europe, the European Union and NATO.

Latvia aspired to join the EU and NATO, since joining the North Atlantic Alliance meant achieving security guarantees. Accession to the EU made it possible to improve the economic well-being of the state. But it also meant the possibility of a distance from the Soviet past and the possibility of creating new benchmarks in politics. The main change of landmarks and the creation of new directions touched mainly on the themes of ideology and culture, and only then it concerned the themes of interstate and economic relations.

Proceeding from the set purposes, the Latvian government began to work actively on creation of tools through which it was possible to explain this or that position. After the restoration of the independence of the Republic of Latvia, research in the field of history was mainly a public and political order. There was a need to construct a new version of the national history. History in Latvia became the center of political debate and was subject to politicization and ideologization. Political mythology after the restoration of Latvia's independence is served by the academic and historical community, and is used by the ruling political elites as a historical policy. That contributes to the legitimization of the institution of non-citizens, as well as the representation of Latvians as "Victims of the Soviet occupation."

The conditions under which the securitization of the Russian-speaking population and the Russian Federation took place in the Republic of Latvia are a direct legacy of the Soviet Union and the subsequent construction of a national state. Securitization instruments are moments that are spoken about in public and political discourse, in order to create an image of the "Enemy" or to present those or other events in a negative manner. In Latvia there are a number of places and issues that national elites have been raising in political discourse for a long time. Namely, the question of equating communism with Nazism, as well as the role of the Museum of Occupation

- as an information source on the history of Latvia. The situation with the territory of Abrene is also often touched upon in political discourse and is a tool of securitization. The fact of the "occupation" of Latvia gave the Saeima the right to regulate the consequences of the "occupation" in such a way that persons who entered Latvia during the Soviet period were not automatically granted the status of a citizen. The act of securitization in Latvia proceeds from the fact that Latvia's political membership in the USSR was called the "occupation", and the Russian-speaking population, as a legacy of the Soviet Union, was declared a threat to national sovereignty. So the Latvian government has achieved a situation of securitization, when the population of Latvia, both ethnic Latvians, and the Russian-speaking population became an integral part of the usual negotiation process. A process of mobilizing public opinion and a sense of identity has begun to happen - the conflict has become a security issue. As part of this security problem, Latvian political elites allow themselves to introduce laws that violate international human rights. On the example of the policy on the state language, such actions of political elites look like this. The Latvian government pursues a policy of protecting the state language, emphasizing that Latvia is the only state where the Latvian language has the opportunity to exist and develop. This provision, as well as the constant mention of Latvia's "occupation" and national policy, enable the government to introduce laws on education and on the state language, in which there are no principles for protecting the languages of national minorities. This provision is not recognized by the Latvian government.

Also after the restoration of independence, Latvia began to actively use the policy of European identity. Search and find differences between Latvian and Russian society, ranking themselves in the European community. The EU, in turn, reinforced this position of Latvia. After the restoration of independence, the Latvian government embarked on a path that was aimed at joining the EU and NATO. For what Latvia had to prove its willingness to cooperate and meet the general requirements of the EU. Latvia needed to solve the problem with non-citizens, namely, to draft legislation that would meet the requirements and norms of the EU. The work on this problem was carried out by the Latvian side, but without compliance with all the requirements of European institutions. Even after Latvia's accession to the EU, the Latvian side was required to respond to the statements of the international community on the situation of non-citizens. In turn, the Latvian side made statements that spoke of the generosity of the Latvian government, which, despite the fact of the Soviet "occupation", provided the Russian-speaking population with the opportunity to integrate into Latvian society. Also, after accession to the EU, Latvia actively began to work on explaining the events of the times of the USSR. Namely, to explain the history of Latvia and to seek recognition of the fact of Soviet "occupation".

Since initially, Latvia, having declared its European identity, began to actively seek differences between the Latvian and Russian societies, it began to represent the Russian Federation in the image of the "Enemy". After the collapse of the Soviet Union, Russia became its legal successor. What gave Latvia a reason to blame for the "occupation" is the modern Russian government. The Latvian side used these accusations not only with respect to historical events, but also declaring the situation of non-citizens, making statements about what gives the right to integrate into civil society, to persons who, in the times of the Latvian SSR, came to its territory as a force destroying the Latvian people. Thus, saying that it was already making concessions. Latvia at the international level called on Russia to study history together, thereby trying to prove that it wants a fair assessment of the damage from the "totalitarian occupation regime" of the USSR.

It should be noted that the Latvian government makes loud statements not only to protect its internal interests, but also voices its position vis-à-vis the Russian Federation and at the pan-European level regarding international problems. Supporting their statements with historical events related to the "occupation" and the totalitarian regime in relation to Russia, Latvia noted that the Russian side is a dangerous, unreliable and aggressive partner. On the issue of energy policy, the Latvian side tried to convince the European community to include the territory of Latvia in the total energy supply of the EU without Russia's participation. As she expressed her concern that if in the relations between Russia and Latvia or between Russia and the EU there are disagreements, during which the second party will not agree to the stated terms on the Russian side, Russia will block the supply of energy, thereby exerting pressure on the adoption of decisions of the EU Member States. In the question of Russia joining the WTO, the Latvian side also noted the unreliability of the partner.

Russia's actions to resolve the conflict in Georgia, Moldova and Ukraine were described by Latvia as the actions of an aggressor state with "imperial ambitions" wishing to restore the former borders of the USSR, thereby hampering the development of democracy in these states, and also threatening the sovereignty of Latvia itself. By making such statements, Latvia convinces the international community that for the European community there is a threat of economic and political security on the part of Russia. Thus, Latvia puts itself in a favorable position to achieve political goals. Namely, Latvia has become a full member in international institutions. On the territory of Latvia there is constantly a military contingent of NATO, permanent military exercises are taking place, and the military contingent is expanding. According to the situation of non-citizens on the part of European institutions, every year, there are fewer and fewer questions, despite a number of unresolved problems. It can not be said that

European institutions have accepted Latvia unconditionally, and some or other problems were not noticed. It should be noted here that the Latvian government, along with the securitization act, also used desecuritization of a particular issue, and promising that it would take action to resolve the problems.

As the OSCE reports on the situation in Latvia show, recommendations to the Republic of Latvia were not met, although the state represented by the ruling political elites agreed that it would follow the recommendations in developing political programs and implementing projects at the legislative level. The report of the OSCE mission for 2010 showed that after joining the European Union and international organizations, the Republic of Latvia became more independent in choosing a political vector.

The Russian-speaking population, who did not have the citizenship of Latvia, had a problematic character in the statements of political figures only during the conduct of election campaigns. In turn, the political leadership of Latvia, after integration into European society and accession to international organizations, began to react not so sharply to the recommendations of international human rights organizations that discrimination of the Russian-speaking population occurs in the country. One of the main requirements for the Latvian government, on the part of international organizations, was to give non-citizens the opportunity to participate in the political life of the country. In the opinion of the OSCE representatives, this possibility would be relevant, since non-citizens of Latvia are taxpayers and should have the right to vote in elections, at least to local self-government, which would be in accordance with the norms of a democratic state. But Latvia did not grant this right to non-citizens either before or after joining the European Union.

The Latvian government conducted an act of desecuritization, namely denied certain problems related to the situation of the Russian-speaking population, although not always successfully. The act of desecuritization on the problem of the lack of political rights of non-citizens of Latvia in 2003 was not successful, as evidenced by the recommendations given to the OSCE Memorandum of 2007, as well as the comments of the Latvian side in 2007, providing information on the work already done to solve this problem. That is, the Latvian government was forced to work on involving non-citizens in the political life of the country and to draft bills that allowed at least partial participation in non-citizens in Latvia's policies.

The fundamental positive result of the desecuritization speech act is that the OSCE commission accepted the arguments of the Latvian side about the compliance with basic human rights and social guarantees of non-citizen status.

In a 2003 memorandum, the OSCE noted a positive trend in addressing the problem of reducing the number of non-citizens, while noting the lack of dialogue between the government and non-citizens, which would help to identify obstacles to naturalization. The Latvian government also noted that the main obstacle to the passage of naturalization by non-citizens was the fact that Russia provided a simplified regime for the entry of non-citizens into its territory. This provision also corresponded to the fact that for non-citizens this direction was the main one as tourist, business and family trips. The fact that the OSCE memorandum was not challenged in 2007 showed that the desecuritization speech of the problem was successful.

Another problem that was relevant for Latvia, both before joining the EU, and after is the cost of passing the naturalization procedure and the complexity of the tests. Particular attention was paid to the fact that these problems are relevant for the elderly and for people with disabilities. This issue was not resolved either before or after 2003. Thus, this situation shows that the Latvian government still managed to convince the European institutions that Latvia's actions are sufficient to be a full-fledged member of the EU, despite not implementing the recommendations OSCE. Desecuritization of the problem associated with the complexity of language tests conducted in the Republic of Latvia in 2003 was not successful, so in the memorandum of 2007 this problem was again identified.

The situation in which there was an increase in the number of Latvian citizens in 2004 and in 2005, who were naturalized, was welcomed positively by the OSCE. That spoke, about creation of an incentive by the Latvian government and granting of the information to aliens for passage of procedure of naturalization. This positive trend is characterized not by the speech act of desecuritization, but by the possibility of free visits of Latvian citizens to EU countries for any purpose. Thus, this was the main stimulus for the passage of the naturalization procedure by non-citizens.

Latvia failed to implement reforms that satisfy the OSCE to simplify the rules of naturalization for vulnerable groups (persons with disabilities, the elderly). This provision speaks of the failed act of desecuritization from the Latvian side in 2003, as well as the inaction of the Latvian government to address this issue by 2007.

Desecuritization did not bring positive successes for the Latvian government on the issue of providing information in full and at the proper level to the parents of children born after the restoration of independence. Latvia in 2007 recommended conducting intensive information campaigns for parents and changing the legislation so that parents could assign any status to their child at birth.

A successful act of desecuritization of the Latvian government is to solve the problem of conducting centralized examinations in schools of national minorities and matching the results of examinations in the state language at school with naturalization. This provision was adopted by the representatives of the OSCE commission without any recommendations.

The ratification of the Framework Convention for the Protection of National Minorities in Latvia did not go smoothly. This issue was raised both in 2003 and in 2007. The fact that the Latvian government ratified the convention with certain amendments that were discriminatory showed that the Latvian party in 2003, prior to its accession to the EU, conducted a successful desecuritization speech act, and already in 2007 operated on the fact that the adoption of the convention was carried out in accordance with the goals set.

In 2003, the OSCE noted the limitation of the use of the Russian language in the treatment of national minorities in state institutions as a problem. Latvia was recommended to support linguistic minorities and comply with Article 10 of the Convention. In turn, the Latvian government led the situation associated with the Soviet "occupation", where the population was allowed to turn to all state structures in Russian. The given experience, according to the Latvian government, has shown, that such position would not be an incentive to studying of the Latvian language. In the opinion of the OSCE in 2007, this provision was an obstacle to the integration of minorities. Thus, the desecuritization speech act on this issue was not successful. Latvia operated with the Law on the State Language, where the main objectives were to preserve, protect and develop the Latvian language, integrate national minorities into Latvian society while respecting the rights to use the native and other languages.

In 2003, there were also questions about the use of minority languages in television and radio broadcasting. Where problems with a low amount of broadcasting time in minority languages were identified. The Latvian government noted that it will make changes to increase the percentage of broadcasting in minority languages. Further discussion of this problem did not arise, which is a successful act of desecuritization of the Latvian government.

In general, the Latvian desecuritization of the problems of non-citizens and the Russian-speaking minority in Latvia was successful. Since the goal of joining the EU and pursuing the national policy was achieved, proceeding from the goals outlined by the government, despite the failure to meet the requirements of international institutions.

This situation shows that Latvia in its quest for European integration has succeeded, thanks to the fact that it promised to solve all the above problems without infringement of this or that group of the population. The promises that were given to international institutions were not fulfilled. Those measures that were introduced before joining the EU, in fact, did not bring the

results they sought to solve the problems. The institution of non-citizens continues to exist, and there are also differences in the legal status between citizens and non-citizens of Latvia, language problems are an obstacle for national minorities in obtaining education, and in improving their financial situation.

In addition to politicizing such topics related to the situation of the Russian-speaking population, a process of politicizing and introducing themes related to history (communism), the media and information (hybrid war) is taking place in security issues. This process has been going on for quite a long time and today it has its influence both in Latvia's domestic and foreign policy. All these topics are related. The connecting factor is the Russian-speaking population and the Russian Federation.

The relations between Russia and Latvia are influenced by problems related to historical events, which are interpreted differently by representatives of Latvia's political elites through the media, textbooks, etc. In the construction of ideology based on myth, not historical events themselves are used, but their specific interpretation and how events are covered in the media, namely, alongside with what events of the present time historical moments are mentioned. In Latvia, after the end of the Cold War, the program of national political elites was based on opposition to communism and the legacy of the USSR.

In Latvia, along with other Eastern European states in the politicized history of the USSR, it is viewed as a criminal totalitarian regime, while Russia is very often referred to as the successor to this regime. Statements by representatives of political elites speak of the "occupation" of Latvia, as well as of the crimes committed by the Soviet authorities against the Latvian people. Such an active politicization of history in the post-Soviet states can be considered as a problem caused by the identity crisis that occurred during the collapse of the USSR and the socialist system. The recognition of the crimes of communism, as well as the introduction of the communist regime in Latvia today, is taking place by calling on the European community to condemn the communist regime.

The securitization of communism in Latvia is no longer a new topic, but the ruling circles are still voicing it, with the goal of legitimizing their power, legitimizing certain actions, both in domestic politics and in the external. In relation to Russia, Latvia also seeks recognition and condemnation of the "occupation" of the communist regime. In turn, Latvia today is part of the European security system. Her entry into the European security institutions has become a kind of guarantor that there will be no repetition of the totalitarian regime on her territory. The territorial integrity of the country was in danger, mainly because its territory was inhabited by a large

number of Russian-speaking population, supposedly to be protected, which Russia could come. Accordingly, Latvia put the repetition of the communist regime as the main threat to its security.

Also according to the Latvian government, Russian propaganda in Latvia has become one of the security threats, due to the large number of Russian-speaking residents. The information flow that is formed in Russia to the Russian-speaking population of Latvia, in the opinion of the Latvian government, can not be positive or neutral. Assuming that Russian propaganda aims to create a positive attitude towards Russia and a negative attitude towards Latvia in the Russian-speaking population of Latvia, the Latvian government has become more serious about the information flow from the neighboring state. The fact that the information about what is happening inside the country, the population learns from local media, and what is happening in another country from foreign media, focuses on this issue.

The Russian-speaking population has not only a linguistic ability, but also a mental level is capable of analyzing the information flow from Russia. Speaking about Russian propaganda in Latvia, it means the negative impact of the information flow on the population. The construction of Russian propaganda as a security threat enables the Latvian government to demand the closure of information channels on the part of Russia, reducing the flow of information in Russian within the country. Latvia sees in the threat of Russian propaganda the call of the Russian-speaking population to fight against state policy inside the country. Thus, the Latvian government explains its actions to reduce broadcasting in Russian, the closure of printed publications and the reduction of information flow from Russia.

Latvia in its statements has repeatedly said that cyber threats are a new threat to security on the part of the Russian Federation. The activities of NATO's Strategic Communication Center in Riga are an indicator of how seriously this threat is perceived. It should also be noted that the government of the Republic of Latvia has taken the initiative to establish similar centers in Estonia and Lithuania. Thus, the Baltic States identified a common security threat, which is the cyber-actions on the part of Russia aimed at disseminating the Russian information flow, as well as all forms of cyber operations. The Latvian ruling elite, along with representatives of the authorities of Lithuania and Estonia, determined the ability of the Russian Federation to conduct cyber warfare on its territory. The result of this was the creation of NATO centers opposing this threat in the territory of Latvia and Estonia.

NATO and the alliance members are working to protect their own information space. The activities of the centers in Riga and Tallinn show that the main work is carried out in the field of the information field of the Russian Federation. Where special attention is paid to information from Russia in the media and the Internet space on the territory of other countries. The territory

of the Republic of Latvia was chosen not casually, as well as the territories of other Baltic countries, where NATO centers were established, and the historical heritage (the countries of the former USSR), the geopolitical component and the composition of the population (Russian-speaking population). All these components make it possible to study the information impact in Latvia and other countries on the part of the Russian Federation more accurately and qualitatively than on the territories of other countries located remotely from the borders of Russia. Of no small importance is the Russian-speaking population living in Latvia, capable of perceiving information attacks from Russia, not only without a language barrier, but also from an ideological point of view. Recognition by the security structures of Latvia and the European Union of the fact that the Russian Federation is currently conducting a hybrid war has led to the creation of opposing institutions whose main goal, based on statements by representatives of the political elites of Latvia and the European Union, is to prevent a threat from Russia.

REFERENCES

Articles in periodicals and collections

1. Avetyan. A.L. The process of securitization in the use of information and communication technologies // *Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace*. 2011. № 2. P. 3 – 12.
2. Akopov S.V., Proshina E.M. "An unfinished adventure" of the enemy's image: from the theory of securitization to the theory of "distant local" // *Power*. 2011. № 01. P. 89 – 92.
3. Aksyuchenko G. Immigration as a source of security challenges // *Power*. 2007. № 8. P. 19 – 22.
4. Arsenyan A.Z. Evolution of the concepts of "national security" in contemporary international relations // *Bulletin of the Russian State Humanitarian University*. 2012. № 19 (99). P. 23 – 35.
5. Apryshchenko V.Y. Memory as security // *New past*. 2016. № 3. P. 86 – 108.
6. Arenas I., Dzenovskaya D. To make "people": Political imaginary and materiality of barricades in Mexico and Latvia. Summary // *Laboratorium. Journal of Social Research*. 2010. № 2. P. 399 – 402.
7. Alekseev S.V., Plotnikova O.A. Myths and Falsifications in Russian History // *Knowledge. Understanding. Skill*. 2015. № 1. P. 162 – 171.
8. Alexander L. George, Kuzina Y.V., Shustrova E.V. Prediction of political actions through analysis of propaganda // *Political Linguistics*. 2012. № 4 (42). P. 249 – 258.
9. Ananyeva A.G., Bryantsev I.N. Social networks and their influence on the formation of public consciousness // *Information Technology Security*. 2011. № 3. P. 109 – 115.
10. Alpatov V.M. Language Policy in the Modern World // *Scientific Dialogue*. 2013. № 5 (17). P. 8 — 28.
11. Borisov D.A. Human Security in the Modern Theory and Practice of International Relations // *Bulletin of Tomsk State University*. 2011. № 343. P. 79 – 82.
12. Berendeev M.V. Development of nationalistic identities in the Baltic countries: the Latvian aspect // *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant*. 2014. № 6. P. 82 – 94.
13. Berendeev M.V. Modern trends of the Baltic States in the discourse of identity: between sovereignty and eurointegration // *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant*. 2013. № 6. P. 50 – 57.

14. Brodovskaya E.V., Vlodarska A. Socio-political factors of post-communist transformation in the Baltic countries // *Izvestiya of Tula State University. Humanitarian sciences*. 2009. № 2. P. 152 – 162.
15. Babadzhanov A.Y. Formation of the dialogue space "NATO post-Soviet states" // *Bulletin of MGIMO University*. 2011. № 6. P. 42 – 46.
16. Bolotnikova E.G., Mezhevich N.M. "Northern Dimension" and the European Union Strategy for the Baltic Sea Region // *Pskov Regionological Journal*. 2012. № 13. P. 37 – 47.
17. Bolotnikova E.G., Mezhevich N.M. The policy of the Northern Dimension: the current state and development prospects // *The Baltic region*. 2010. № 4 (6). P. 115 – 126.
18. Bolotnikova E.G. The updated policy of the Northern Dimension and its impact on international relations of the subjects of the Russian Federation in the North-West Federal District // *Vlast*. 2012. № 2. P. 137 – 140.
19. Bokov M.B. Communicative function of the media // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2009. № 5. P. 31 – 52.
20. Bernshtam B.E. Features of the "flight of capital" from Russia // *Bulletin of Tomsk State University. Economy*. 2013. № 3. P. 113 – 119.
21. Belkin A.I. The Role of Regular-Managerial Consciousness in the Psychological Dimension of Social Space // *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2015. T. 15. № 1. P. 78 – 84.
22. Bogaturov A.D. The temptation is Reagan. Limitrophs become a significant factor in US policy on the Russian direction // *Nezavisimaya gazeta*. [22.05.2006].
23. Balabin V.I. On Some Aspects of Gaining Information Excellence over a Potential Enemy // *Problems of Security of Russian Society*. 2013. № 2 – 3. P. 76 – 84.
24. Volkova A.I. Features of the functioning of the mechanisms of communicative impact and personal safety in crisis situations // *Izvestia Southern Federal University. Technical science*. 2005. T. 48. № 4. P. 221 – 224.
25. Voinov A.S. Features of communication in the process of political decision-making // *Actual problems of the humanities and natural sciences*. 2013. № 4. P. 1 – 3.
26. Vinogradova S.M., Melnik G.S. Problems of overcoming inequality in international information exchange // *Humanitarian vector*. 2012. № 2 (30). P. 239 – 246.
27. Vinogradov A.V. Problems of national security // *Law and safety*. 2003. № 3 – 4 (8 – 9). P. 66.

28. Volvach V.G. Mass Consciousness and Social Structure // Innovative Education and Economics. 2011. T. 1. № 8. P. 37 – 40.

29. Vasiliev S.S. Mechanisms and levels of the introduction of myth into mass consciousness: the media as an instrument of social mythmaking // Historical and socio-educational thought. 2009. № 2. P. 37 – 47.

30. Vorozheina Y.A., Maksimov I.P., Tarasov I.N. Euro-Atlantic Integration of the Baltic States in the Political Discourse of Germany // Power. 2015. № 10. P. 208 – 212.

31. Vorotnikov V.V. Baltic ethnocracies between Russia and Europe: A search for consensus in an economic crisis // Bulletin of the University of Moscow State University of International Relations. 2013. № 6 (33). P. 25 – 33.

32. Gerasimova N.I. Peculiarities of the phenomenon of business communication as a communicative type of activity // Uchenye zapiski. Electronic scientific journal of the Kursk State University. 2011. № 2 (18). P. 1 – 5.

33. Gogoleva E.N. Peculiarities of communication relations between government and society: theoretical and methodological aspect // Izvestiya of Tula State University. Humanitarian sciences. 2008. № 1. P. 110 – 120.

34. Ganaeva E.E. Terrorism, nationalism and extremism as threats to national security and the state // International scientific publication modern fundamental and applied research. 2016. № 1 (20). P. 200 – 204.

35. Gushchin V.I. To the events of 1940 in Latvia // Space and time. 2011. № 1. P. 223 – 232.

36. Grekova Y.S. International scientific seminar "Love and hatred: Relations between the Russian and Baltic countries in cultural and communicative memory" // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. 2010. № 12. P. 1 – 2.

37. Devyatkov A.V. Securitization or desecuritization in modern socio-political processes // In the collection: Security in the West, in the East and in Russia: representations, concepts, situations. Scientific editors S.A. Panarin, D.I. Polivyanniy. 2013. P. 103 – 107.

38. Eremina N.V. National and political instability of the modern state: the problem of the influence of ethno-cultural communities on state development (European experience) // In the collection: Society and ethnopolitics materials of the Fifth International Scientific and Practical Internet Conference. SibAgs; under the scientific. Ed. L.V. Savinova. 2012. P. 60 – 69.

39. Eremina N.V. National-political rift // Free thought. 2010. № 12 (1619). P. 21 – 34.

40. Eremina N.V. Growth factors of European ethnoradicalism on the example of the Scottish National Party and the Northern Ireland Party "Shinn Feyn" // *Political Expertise: Politex*. 2010. T. 6. № 1. P. 179 – 193.
41. Zepa B., Supule I. Latvian Submarine // *Expert North-West*. 2005. № 34. P. 239.
42. Zazaeva N.B. Propaganda as a phenomenon of political culture in the information society // *Bulletin of the Volga Institute of Management*. 2015. № 5 (50). P. 95 – 101.
43. Ilyin M.V. Is the universal typology of states possible? // *Political Science*. 2008. № 4. P. 8 – 41.
44. Kuznetsova L.V. Discursive parameters of a pragmatic decision-making situation in political communication // *Vestnik of the Irkutsk State Linguistic University*. 2014. № 2 (27). P. 293 – 299.
45. Kasyanov L.Y. A new word as a result of cognitive-discursive mastery and interpretation of reality // *Modern problems of science and education*. 2012. № 3. P. 1 – 8.
46. Kolesnikova S.V. Theoretical analysis of communication problems in psychology // *Bulletin of Tomsk State University*. 2011. № 352. P. 183 – 186.
47. Kanunnikova N.G., Shkhagapsoev Z.L. International experience of administrative and legal support of public security // *Army and society*. 2014. № 4 (41). P. 1 – 8.
48. Kirchanov M.V. The main directions and features of the development of the historiographic situation in modern Latvia // *Modern problems of science and education*. 2015. № 1 – 1. P. 1 – 9.
49. Kirchanov M.V. "Great narratives" as a universal form of reproduction of historical myths in modern Latvian historiography // *Modern problems of science and education*. 2015. № 1 – 1. P.1 – 8.
50. Kiseleva M.A. Documents in the new districts of the Pskov region (1944 - 1945) // *Pskov. Scientific and Practical, Historical and Local History Magazine*. 2015. № 43. P. 177 – 187.
51. Kaledin N.V. Post-Soviet space: the premise and results of regionalization // *The Baltic region*. 2009. № 1. P. 1 – 23.
52. Kobleva E.A. The Meaning of the Myth in Modern Socium // *Theory and Practice of Public Development*. 2009. № 1. P. 68 – 71.
53. Karnaukhov K.A. The reaction of the Baltic press to the introduction of Soviet troops into Lithuania, Estonia and Latvia in June 1940 // *Izvestiya Altai State University*. 2014. № 4 – 1 (84). P. 110 – 114.

54. Krestov A.V., Petrushina G.S. Political propaganda and political PR // Complex problems of the development of science, education and economy of the region: scientific and practical journal of the Kolomna Institute (branch) MG MU (MAMI). 2012. № 1. P. 100 – 104.

55. Kunakova L.N. Information war as an object of scientific analysis (concept and main characteristics of information war) // Almanac of modern science and education. 2002. № 6. P. 93 – 96.

56. Kolesnikova G.I., Astvatsaturov A.E. The Social Mechanism of Manipulation of Personality Consciousness in the Modern Russian Society // Vestnik of the Don State Technical University. 2012. T. 12. № 1 – 2. P. 150 – 155.

57. Knyazeva I.V. To the question of the social basis for the emergence of manipulation of the public consciousness // Bulletin of the Tambov University. Series: The humanities. 2010. № 6. P. 175 – 180.

58. Kornev P.A. Technologies for Monitoring Situations of Managing the Consciousness of Participants in Social Networks // Prospects for the Development of Information Technologies. 2013. № 15. P. 47 – 51.

59. Krylov G.O. Doctrinal normative support of information superiority in geopolitical information operations // Information Security. 2007. № 1. P. 20 – 22.

60. Komleva E.V. The Social Role of Nuclear Technologies and Public Consciousness // Philosophy of Science. 2003. № 2. P. 9.

61. Komleva N.A. War in the Limitrophe: the evolution of technology // Space and time. 2015. № 1 – 2. P. 32 – 42.

62. Lukin A.L. Theory of Regional Security Complexes and East Asia // Oikumena. Regional studies. 2011. № 2 (17). P. 7 – 19.

63. Latkina V.A. Politics of the European Union in the Mediterranean in the context of the Arab Spring // Political Science. 2014. № 2 (35). P. 139 – 149.

64. Lord Acton. The principle of national self-determination // Nation and nationalism. M.: Praxis. 2002. P. 26 – 51.

65. Leontiev A.N. The Second World War in Contemporary Ideological Discourse // Izvestiya Volgograd State Technical University. 2015. T. 20. № 2 (155). P. 40 – 42.

66. Livshin A.Y., Lozhkina A.S. "The image of power" and "the image of another" in the 1930s: political tasks and propaganda // Public administration. Electronic Herald. 2012. № 35. P. 17.

67. Morozova E.V. Dehumanization as a technology for forming the image of another / foreign in politics // *Srednerussky Vestnik Social Sciences*. 2015. T. 10. № 6. P. 121 – 128.
68. Morozova N.N. Security as a speech act and discursive practice: to the question of constructing a political identity // *Political Linguistics*. 2016. № 1 (55). P. 111 – 120.
69. Makarychev A.S. Security and the Return of Political: Critical Debates in Europe // *Security Index*. 2008. T. 14. № 4 (87). P. 25 – 40.
70. Mezhevich N.M. Russia and the Baltic states: some results and prospects of interstate relations // *The Baltic region*. 2015. № 2 (24). P. 7 – 8.
71. Mezhevich N.M. Identity and Boundary: Some Theoretical Questions and Practices in the Eastern Part of the Baltic Sea // *The Baltic Region*. 2014. № 3 (21). P. 95 – 106.
72. Mezhevich N.M., Sazanovich L.S. Modern Problems of Russian-Latvian Relations // *The Baltic Region*. 2013. № 3 (17). P. 93 – 106.
73. Mezhevich N.M. Eastern Europe. To the 100th Anniversary of the Political Project // *The Baltic Region*. 2016. T. 8. № 1. P. 26 – 47.
74. Mezhevich N.M. Foreign policy of the Baltic States and major infrastructure projects 2010 - 2014 // *The Baltic region*. 2014. № 1 (19). P. 7 – 28.
75. Megem M.E., Salikov A.N., Tarasov I.N. Relations between the Federal Republic of Germany and the Baltic States within the framework of the EU and NATO // *Power*. 2015. № 12. P. 165 – 171.
76. Markushina N.Y. External relations of the North-West Federal District of the Russian Federation and the concept of the "New North" // *The Baltic Region*. 2011. № 2 (8). P. 102 – 111.
77. Markushina N.Y., Cerpitskaya O.L. The concept of regional institutionalism // *Scientific and analytical journal Observer - Observer*. 2010. № 4 (243). P. 7 – 14.
78. Markushina N.Y., Cerpitskaya O.L., Kuzmin Y.S. Northern Dimension: Russia and the EU - Issues of Relevance // *Advances in Modern Science*. 2016. T. 9. № 12. P. 182 – 185.
79. Melnikova T.S. Propaganda as a technology of political manipulation // *Power*. 2010. № 8. P. 47 – 51.
80. Minaev V.A., Ovchinsky A.S., Skryl S.V., Trostiansky S.N. Social security and management of mass consciousness in emergency situations // *Annual international scientific and technical conference of security system*. 2013. № 22. P. 299 – 303.

81. Manoilo A.V. The role of color revolutions in modern hybrid wars // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2015. № 8. P. 13 – 18.

82. Naumov A.A. Priorities of the Foreign Policy of Latvia at the Present Stage // Power. 2012. № 10. P. 117 – 120.

83. Nemechkin V.N. Ways to improve the mechanism for realizing the rights of national minorities in the Russian Federation // Socio-political sciences. 2011. № 1. P. 122 – 125.

84. Novikova I.N., Mezhevich N.M., Tarakanova A.D. Finland in NATO: the discussion of 2015 - 2016 and the position of political parties // In the collection: Baltic Studies in Russia Materials of the International Scientific Conference. under. Ed. A.P. Klemesheva, N.M. Mezhevich, G.M. Fedorova. 2016. P. 146 – 154.

85. Pantserev K.A. Information society: Evolution of the concept in the historical perspective // Bulletin of St. Petersburg State University. 2010. Series 6. Issue 1. P. 65 – 72.

86. Pantserev K.A. Information Imperialism: The Obstacle to Independent Development in the Tropical African Countries // Political Science. 2009. № 114. P. 355 – 362.

87. Panarin S.A. National state before the challenge of transboundary impacts: preface // Cross-border challenges to the national state. Article in the collection of articles. 2015. P. 7 – 36.

88. Potapov A.K. Development of the processes of sovereignization in the socio-political activities of the Supreme Councils of the Baltic Republics (1988-1991) // The Political Network Electronic Journal of the Kuban State Agrarian University. 2015. № 111. P. 1 – 14.

89. Popov F.A. The principle of the national state as a threat to the existence of a national state // In the collection: Cross-border Challenges to the National State St. Petersburg. 2015. P. 224 – 243.

90. Pecherskikh O.I. Nationalism as a factor of internal instability // Vestnik of the South Ural State University. Series: Social and Human Sciences. 2007. № 8 (80). P. 53 – 55.

91. Pitonova G.I. The Role of Myth in the Communication System of Modern Society // Almanac of Modern Science and Education. 2007. № 7 – 1. P. 142 – 145.

92. Panfilova Y.S. Extremism in a virtual environment as a social problem: reflection in the minds of young people // Almanac of modern science and education. 2014. № 9. P. 101 – 104.

93. Rustamov A.O. Social control as a means of influencing mass consciousness in the management system // Vector of science of Tolyatti State University. Series: Economics and Management. 2011. № 2. P. 28 – 30.

94. Romanova V.A. Information component of hybrid wars of the present // State and municipal management. Scientific notes of SKAGS. 2015. № 2. P. 293 – 299.

95. Rusakova O.F. Discourse of Historical Politics in the Context of National Security // Discourse-Pi. 2013. T. 10. № 1-2. P. 187 – 190.

96. Smirnov V.A. On the role of small countries in the restructuring of the post-Soviet space (on the example of the Baltic) // The Baltic region. 2014. № 4 (22). P. 48 – 56.

97. Smirnov V.A. On the issue of crisis trends in the sphere of legitimacy of political regimes in the Baltic countries // The Baltic region. 2015. № 4 (26). P. 51 – 72.

98. Smirnov V.A. The Role of Political Elites in the Formation of Historical Politics in the Baltic Countries // The Baltic Region. 2015. № 2. P. 78 – 97.

99. Smirnov V.A. Recruiting political elites in the Baltics: The role of ethnic factor // The Baltic region. 2013. № 4. P. 146 – 159.

100. Smirnov V.A., Sutyurin V.V. Russia as an Irritant Factor for the Political Elite of the Baltic States in the Context of Electoral Campaigns 2010-2011: Expert View // The Baltic Region. 2011. № 2. P. 146 – 153.

101. Salikov A.N., Tarasov I.N., Urazbayev E.E. Baltic vector of FRG foreign policy at the present stage of development of international relations // The Baltic region. 2016. T. 8. № 1. P. 86 – 96.

102. Seregina A.I. Foreign trade policy of the EU and economic development of Latvia // Potential of socio-economic development of the Russian Federation in the new economic conditions. Materials of the II International Scientific and Practical Conference in 2 parts. 2016. P. 955 – 964.

103. Sytin A.N. Accession to the European Union and new foreign policy priorities of the Baltic States // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2009. № 2. P. 143 – 149.

104. Sedunov A.V. "To evict for ever" (deportation of the population from the western regions of the Pskov region in 1950) // Pskov. Scientific and Practical, Historical and Local History Magazine. 2009. № 31. P. 211 – 217.

105. Scrinnik V.M. Russian Diaspora in the Baltic States: Socio-Political Discourse and Problems of Consolidation // Uchenye zapiski Rossiyskogo Social'nogo Universiteta. 2009. № 2. P. 126 – 131.

106. Simonyan R.H. The Baltic States and the collapse of the USSR // *Polis. Political Studies*. 2002. № 6. P. 151 – 154.
107. Simonyan R.H. Russia and its Baltic neighbors: the balance of myths and mutual insults // *Russia and the modern world*. 2008. № 3 (60). P. 149 – 167.
108. Simonyan R.H., Kochegarova T.M. Events of 1939 - 1940 in the Mass Consciousness of the Population of the Baltic States // *New and Contemporary History*. 2009. № 3. P. 19 – 33.
109. Simonyan R.H., Kochegarova T.M. Relations of Russia with the Baltic States in the international legal context // *International processes*. 2014. T. 12. № 36 – 37. P. 93 – 104.
110. Simonyan R.H. Russia and the Baltic States: Difficult Relations // *The World of Change*. 2006. № 4. P. 80 – 95.
111. Savelova E.V. Myth and Social Reality: a Socio-Communicative Paradigm of Interpretation // *Bulletin of Tomsk State University*. 2009. № 321. P. 80 – 81.
112. Sytin A. The Baltics: twenty years of independence // *Free thought*. 2010. № 12 (1619). P. 35 – 48.
113. Strokovskaya T.E. World War II in history textbooks of EU countries in the context of national identity // *Historical psychology and sociology of history*. 2015. T. 8. № 1. P. 21 – 32.
114. Tukhvatulina L.R. Principles of classification of communication models // *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2006. № 7. P. 49 – 53.
115. Tereshina E.A. Security problems in the Eastern European states of the post-Soviet space // *Theory of International Relations. Foreign Policy and Diplomacy*. 2012. № 3. P. 123 – 133.
116. Filippova I.G., Totskaya I.V. Istoriko-legal aspect of development of safety // *Science and the present*. 2015. № 36. P. 276 – 289.
117. Filey A.V. Problems of bilingualism and a survey of the sociolinguistic situation in Latvia // *Socio- and psycholinguistic studies*. 2014. № 2. P. 69 – 73.
118. Khudoley K.K., Novikova I.N., Lanko D.A. Innovative Education for the Baltic Region: the Experience of the Russian-Finland Cross-Border University // *The Baltic Region*. 2010. № 3 (5). P. 21 – 28.
119. Khoruzhenko V.A. Formation of the mythologized image of the enemy in political journalism and propaganda // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. 2010. № 2. P. 223 – 227.

120. Tsygankov P.A. The theory of human security: political consequences and lessons for Russia // *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science*. 2010. № 4. P. 78 – 83.
121. Chudinov S.I. The problem of objective and subjective aspects of security // *Society: Philosophy, History, Culture*. 2015. № 6. P. 47 – 50.
122. Chashchin E.V. Phenomenon of unstable consciousness as the concept of modern social epistemology // *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. 2013. T. 11. № 3. P. 11 – 15.
123. Shishelina L. Eastern Europe: two decades between Moscow and Brussels // *Modern Europe*. 2008. № 4 (36). P. 73 – 86.
124. Shishelina L. The Visegrad Four and the European Union // *Modern Europe*. 2007. № 4 (32). P. 56 – 69.
125. Shishelina L. European choice of the Baltic states: preliminary results // *Russia and the new states of Eurasia*. 2009. № 3. P. 50 – 60.
126. Shelest V.S. Methods of influencing public opinion and political consciousness of youth through social networks and the Internet network // *Search: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture*. 2012. № 5 – 6. P. 138 – 142.
127. Shilov V.N. The United Russia party and the ideology of conservatism // *Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Computer science*. 2010. T. 1. № 13. P. 210 – 218.
128. Eyvazov D. The West and Post-Soviet Central Asia: Some Aspects of US and EU Security Strategy in the Region // *Central Asia and the Caucasus*. 2011. T. 14. № 4. P. 7 – 25.
129. Eyvazov D. From the traditional state to the postindustrial: on the interrelation between geopolitics and security in the era of globalization // *Caucasus and globalization*. 2007. T. 1. № 4. P. 6 – 13.
130. Bordewijk J.L., Kaam B. van. Towards a classification of new teleinformation services // *Intermedia*. 1986. Vol. 14. P. 16 – 21.
131. Baldwin D. The Concept of Security // *Review of International Studies*. 1997. Vol. 23.
132. DeFleur M.L. Diffusing Information // *Society*. 1988. V. 2.
133. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society // *The Communication of Ideas* / Ed. L. Bryson. New York: Harper and Brothers. 1948. P. 37 – 51.

134. Sinne K. *Communication: Mass Political Behavior // Political Communication and Strategies for Research*. Ed.: S.H. Chaffee. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications. 1975. Vol.4.
135. Waever O. *Securitization and Desecuritization // On Security / Ed. by R.D. Lipschutz*. New York: Columbia University Press. 1995. P. 46 – 86.
136. Austers A. *Immigration and Refugees in the European Union and Latvia // Latvian Foreign and Security. Yearbook*. 2017. P. 112 – 126.
137. Brude I. *Latvia's Ukraine Policy: the Ukraine Crisis and Bilateral Relations in 2015 // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2016. P. 71 – 79.
138. Banka A. *Saving Distant Lands: From Washington's View // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2015. P. 95 – 103.
139. Beitane A. *A Reassessment of Latvia's Foreign Policy Strategy Towards Russia After the Ukraine Crisis // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook*. 2015. P. 55 – 70.
140. Berzinsh Y. *NATO: Russia's Main Geopolitical Enemy // Ten Years in the Euro-Atlantic Community: Riga Conference Papers*. 2014. P. 21 – 32.
141. Bukovskis K. *From Diplomacy to Routine Partnership: The Bilateral Relations of Latvia and Germany in the XXI Century // Friendship in the Making: Transforming Relations between Germany and the Baltic-Visegrad Countries*. 2012. P. 93 – 115.
142. Bukovskis K. *State Institutions, Interdependence and Perceptions in Latvia's Economic Relations with the Russian Federation and Belarus // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities*. 2012. P. 93 – 114.
143. Bungs D. *The EU and NATO, Their Policies Toward Neighbouring Countries, Especially Countries of Central Europe, the South Caucasus, and the Russian Federation // An England Europe and Its Neighbourhood Policy: the Eastern Dimension – Research Project – Riga, Latvian Institute of International Affairs*. 2004. P. 6 – 28.
144. Bungs D. *Toward a New EU-Russia Partnership and Cooperation Agreement // The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs*. 2006. P. 25 – 50.

145. Bungs D. EU-Russia Relations: Challenges and Perspectives after the Orange Revolution in Ukraine // The European Union's Eastern neighbours after the Orange revolution. Riga, Latvian Institute of international Affairs. 2006. P. 9 – 30.
146. Bleiere D. The Role of Central Europe in Baltic State Policies // The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 102 – 138.
147. Bleiere D. The Role of Central Europe in Baltic State Policies // Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 51 – 70.
148. Chegodaevs A. Chances and Challenges for the Latvian Presidency of the Council of the European Union // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 21 – 32.
149. Daugulis M. The Challenges of Hybrid-Warfare and Cyber-Threats: The Role of Self-Defense in a Changing Security Environment // Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers. 2015. P. 151 – 156.
150. Daugulis M. The Role of Cyber Defence in Hybrid Warfare Conditions: Proper Way for Latvia in Redefinition of Defence and Educational Policy Areas Under the Changing Security Circumstances // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 89 – 96.
151. Yakobsons A. The Economic Dimension of Bilateral Relationships between Latvia, Russia and Belarus – Past and Present // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities. 2012. P. 11 – 34.
152. Kudors A. Baltic Security Over the Decade: Political Threats and Russia Factor // Ten Years in the Euro-Atlantic Community: Riga Conference Papers. 2014. P. 41 – 52.
153. Kudors A., Pelnens G. Diverging Faces of 'Soft Power' in Latvia between the EU and Russia // The different faces of "soft power": the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU. 2015. P. 220 – 242.
154. Kudors A. A Multipolar World from a Russia View // Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers. 2015. P. 95 – 103.
155. Kudors A. Latvia-Russia Relations: the Cool Stability // Latvian Foreign and Security. Yearbook. 2017. P. 127 – 140.
156. Kazhocinsh Y. Will Latvia be Putin's Next Victim in 2015? // Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 71 – 78.

157. Kazhocinsh Y. Has Russia's Syrian Adventure Made Latvia Safer? // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 80 – 88.*
158. Krapane A. Latvia's Cooperation with Diaspora in 2015 // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 107 – 128.*
159. Leinsh A. The "Twin Enlargements" and Baltic Security // *The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 8 – 40.*
160. Leinsh A. Joining the EU and NATO: Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century // *Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 9 – 50.*
161. Leinsh A. The CFSP and the PCA: Between Realpolitik and Values // *The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs. 2006. P. 7 – 24.*
162. Liedis I. Latvia's Foreign Policy 2014/2015: Players, Events and Challenges // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 7 – 15.*
163. Liedis I. Latvia's Foreign Policy in Times of Existential Challenges // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 7 – 18.*
164. Liedis I. Transatlantic Community and Russia: Elements of Dialogue 2016 // *Riga Dialogue Afterthoughts 2016: Building Bridges for Euro-Atlantic Security. P. 17 – 26.*
165. Liedis I. Latvia's Foreign Policy – Predictable Pragmatism in Unpredictable Times // *Latvian Foreign and Security. Yearbook. 2017. P. 51 – 62.*
166. Ozolinya J. Latvian Security Policy // *The Baltic States: Search for Security. 1996. P. 29 – 57.*
167. Ozolinya J. The Impact of EU and NATO Enlargement on Baltic-Nordic Cooperation // *The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security. 2 (19)/3 (20). P. 41 – 101.*
168. Ozolinya J. The Impact of EU and NATO Enlargement on Baltic-Nordic Cooperation // *Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century. 1999. P. 71 – 122.*
169. Poikans Y., Zeltinsh A. Latvian Foreign Policy in 2014/2015: The Greater the Challenge the Greater the Incentive // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2015. P. 16 – 20.*
170. Poikans Y. The Eastern Partnership – Latvia's Contribution // *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook. 2016. P. 36 – 42.*

171. Rostoks T. Augusta conflict: challenges and opportunities for the EU and Latvia // *Georgian-Russian War: Conclusions and Homework for Latvia and Allies*. 2009. P. 7 – 17.
172. Rostoks T., Potjomkina D. Soft power of the EU and Russia in Eastern Europe: Soft power vs (not so) Soft Manipulation? // *The different faces of “soft power”: the Baltic States and Eastern Neighborhood between Russia and the EU*. 2015. P. 243 – 255.
173. Romanovs U. The Means and Ends of Russia’s Security Strategy // *Riga Dialogue: Towards a Shared Security Environment. Afterthoughts from the Riga Security Seminar*. 2015. P. 44 – 51.
174. Romanovs U. Keeping a strong focus on Russia: UK Strategic Defence and Security Review and the Baltic // *Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers*. 2015. P. 175 – 182.
175. Reboka G., Ozolinya J. Security Cooperation in the Baltic Sea Region under the Nordic Defense Cooperation (NORDEFECO): A Way Forward? // *Towards Reassurance and Solidarity in the Euro-Atlantic Community. Riga Conference Papers*. 2015. P. 167 – 174.
176. Stranga A. The Baltic States in the European Security Architecture // *Small States in a Turbulent Environment: The Baltic Perspective*. 1996. P. 11 – 59.
177. Stranga A. Baltic-Russian Relations: 1997 // *The First Round Enlargements – Implications for Baltic Security*. 2 (19)/3 (20). P. 139 – 196.
178. Stranga A. Baltic-Russian Relations 1998 – 99 // *Baltic Security Prospects at the Turn of 21st Century*. 1999. P. 123 – 148.
179. Spruds A. Russia’s Policy Towards Europe’s “New Neighbours”: in Pursuit of Partnership or Domination? // *An England Europe and Its Neighbourhood Policy: the Eastern Dimension – Research Project – Riga, Latvian Institute of International Affairs*. 2004. P. 29 – 46.
180. Spruds A. EU-Russia Energy Dialogue in the Context of the Prospective Partnership and Cooperation Agreement // *The EU Common Foreign and Security Policy Toward Russia: The Partnership and Cooperation Agreement as a Test Case – Riga, Latvian Institute of International Affairs*. 2006. P. 77 – 89.
181. Spruds A. Regional Ramifications of Ukraine’s Orange Revolution: Transnistrian Conflict Settlement // *The European Union’s Eastern neighbours after the Orange revolution. Riga, Latvian Institute of international Affairs*. 2006. P. 30 – 45.

182. Spruds A. Latvian-Russian Relations and Latvian Energy Policy in the Context of the Russian-Georgian Conflict // Georgian-Russian War: Conclusions and Homework for Latvia and Allies. 2009. P. 26 – 37.

183. Skudra O. Latvian Foreign Policy: Defending National Interests in the World Structured by Politics of Realism // Latvian Foreign and Security. Yearbook. 2017. P. 37 – 50.

184. Vargulis M. Importance of Strategic Communication Matters and their Development in the Latvian Security Policy // Latvian Foreign and Security. Yearbook. 2017. P. 76 – 85.

185. Zeltinsh A. Business Interests in the Latvia – Russia Economic Relationship // The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities. 2012. P. 115 – 144.

Abstracts of dissertations

186. Vozhennikov A.V. National security in the context of the current political process in Russia: the theory and policy of ensuring: avtoref. diss. Doct. polit. sciences. - M. 2002.

Monographs, educational publications, collections and separate editions

187. Arntz G. Human losses in the Second World War // Military literature // URL: <http://militera.lib.ru/h/ergos/27.html>.

188. Anderson B. Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. Moscow: KANON-PRESS-C KUCHKOVO FIELD. 2001.

189. Broyi J. Approaches to the study of nationalism // Nation and nationalism / B. Anderson, O. Bauer, M. Hroch et al. M.: Praxis. 2002.

190. Bobneva M.I., Shorokhova E.V. Psychological mechanisms of regulation of social behavior. M.: Science. 1979.

191. Bourdieu P. Sociology of politics. M.: Socio-Logos. 1993.

192. Volodenkov S.V. Internet communications in the global space of modern political management // Prospect LLC. 2015.

193. Voitasik L. Psychology of political propaganda. M.: Progress. 1981.

194. Gellner E. Nation and Nationalism. M.: Progress. 1991.

195. Grishin N.V. Fundamentals of conducting election campaigns. M.: RIP-holding. 2003.
196. Graudina L.K., Shiryaev E.N. Culture of Russian speech. M.: NORMA-INFRA. 1999.
197. Dmitriev A.V., Latynov V.V., Khlopyev A.T. Informal political communication. M.: Rosspen. 1997.
198. Ionin L.G. Foundations of socio-cultural analysis. Moscow: RGGU. 1995.
199. Kolobov O.A. Security of the individual, society, state. Nizhny Novgorod: FMO / ISI UNN; Publishing house AGPI them. A.P. Gaidar. 2008 г.
200. Korf S.A. Nationalities and the state // Russian political science in 5 volumes. I. I. XIX - the beginning of the XX century. / Otv. Ed. and aut. entry. Art. Yu.S. The Brewers. Moscow: ROSSPEN. 2008.
201. Konetskaya V.P. Sociology of communication. Moscow: International University of Business and Management. 1997.
202. Korkonosenko S.G. Fundamentals of journalism. Moscow: Aspect Press. 2004.
203. Lippman U. Public opinion / Trans. with English. T.V. Barchanova. Translation editors Levinson, K.V. Petrenko. - Moscow: Institute of the Foundation "Public Opinion". 2004.
204. Lebon G. Psychology of the peoples and the masses. SPb.: Layout. 1995.
205. Losenkov V.A. Social information in the life of the urban population. L.: Science. 1983.
206. Moskovichi C. Century Crowd. Text from the textbook of Raigorodsky D.Ya. "Psychology of the masses" M.: 1996.
207. Myers D. Social psychology. St. Petersburg: Peter. 2003.
208. Olshansky D.V. Fundamentals of political psychology. M.: The Business Book. 2001.
209. Propaganda as a weapon in the war // Military literature // URL: <http://militera.lib.ru/h/ergos/24.html>.
210. Popper K.R. Open society and its enemies. T. 2: Time of the false prophets: Hegel, Marx and other oracles. Moscow: Phoenix, Int. Fund "Cultural Initiative". 1992.
211. Smith E. Nationalism and Modernism. A critical review of modern theories of nations and nationalism. M.: Praxis. 2004.

212. Sorochenko V.A. Encyclopedia of methods of propaganda // URL: psyfactor.org/propaganda.htm. 2002.
213. Smorgunov L.V. Government policy and management. Textbook. At 2 o'clock Part II. Levels, technologies, foreign experience of state policy and management // Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2007.
214. Setton-Watson H., Urban J. Nationalism and its aspects // Problems of Eastern Europe. № 5 – 6 // URL: [https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1994-41-42/1994-41-42%20\(7-51\).pdf](https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1994-41-42/1994-41-42%20(7-51).pdf). 1982.
215. Tishkov V.A. Essays on the theory and policy of ethnicity in Russia. M.: Russian world. 1997.
216. Torkunov A.V. Modern international relations. Moscow: ROSSPEN. 1999.
217. Fuco M. The birth of biopolitics. SPb.: Science. 2010.
218. Hobsbaum E. Nations and nationalism after 1780 / trans. with English. A.A. Vasilyeva. St. Petersburg: Aleteya. 1998.
219. Zaller J. Origin and nature of public opinion. M.: Public opinion. 2004.
220. Yadov V.A. Sociological research: methodology, programs, methods. M.: Science. 1972.
221. Buzan B., Waever O., Wilde J., de. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, London: Lynnie Rienner. 1998.
222. Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. New York. 2009.
223. Cotteret J.-M. Gouvernants et gouvernes: La communication politique. 1973.
224. Deibert R.J. Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation // New-York: Columbia University Press. 1997.
225. Mole R. The Baltic States from the Soviet Union to the European Union: Identity, Discourse and Power in the Post-Communist Transition of Estonia, Latvia and Lithuania. Routledge. 2012.
226. Shannon K., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication // Urbana: University of Illinois Press. 1949.
227. Zimele I. International law and human rights in Latvia: abstraction or reality. Riga: Court House Agency. 2005.

Normative legal acts of Latvia

228. Legal acts of the Republic of Latvia. Education Law. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=50759> [17.11.1998].
229. Legal acts of the Republic of Latvia. Citizenship Law. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57512> [11.08.1994].
230. Legal acts of the Republic of Latvia. Law On Stateless Persons. URL: <https://likumi.lv/ta/id/84393-bezvalstnieku-likums> [17.02.2004].
231. Legal acts of the Republic of Latvia. On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State. URL: <https://likumi.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas> [25.04.1995].
232. Legal acts of the Republic of Latvia. Immigration Law. URL: <https://likumi.lv/ta/id/68522-imigracijas-likums> [20.11.2002].
233. Legal acts of the Republic of Latvia. The Constitution of the Republic of Latvia. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=57980> [01.07.1993].
234. Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the Citizenship Law, 315/316 (1376/1377) URL: <https://likumi.lv/ta/id/50382-grozijumi-pilsonibas-likuma> [27.10.1998].
235. Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State, 171/174 (886/889) URL: <https://likumi.lv/ta/id/96472-grozijums-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [04.07.1997].
236. Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State, 256/266 (1326/1327) URL: <https://likumi.lv/ta/id/49688-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [11.09.1998].
237. Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State, 123/124 (2034/2035) URL: <https://likumi.lv/ta/id/4067-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [06.04.2000].
238. Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any

Other State, 336/338 (2247/2249) URL: <https://likumi.lv/ta/id/11112-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [27.09.2000].

239. Legal acts of the Republic of Latvia. Amendments to the On the Status of those Former U.S.S.R. Citizens who do not have the Citizenship of Latvia or that of any Other State, 90 (3038) URL: <https://likumi.lv/ta/id/89490-grozijumi-likuma-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas-> [04.06.2004].

240. Legal acts of the Republic of Latvia. General Education Law // URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=20243> [30.06.1999].

241. Legal acts of the Republic of Latvia. Vocational Education Law // URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=20244> [30.06.1999].

242. Legal acts of the Republic of Latvia. Law On Institutions of Higher Education. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=37967> [17.11.1995].

243. Legal acts of the Republic of Latvia. Official Language Law // URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=14740> [21.12.1999].

244. Cabinet of Ministers Order No 3 of 3 November 2014 630. Guidelines for the State Language Policy for 2015-2020 (informative part) // URL: http://www.valoda.lv/Agenturas_darbiba/Agenturas_darbiba/653/mid_493.

245. National Centre for Education of the Republic of Latvia. At the sitting of the meeting of the Trilateral Cooperation Sub-Council on Vocational Education and Employment March 20, 2013, No. 2. Basic requirements for the professional qualification of forestry worker // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0012.pdf.

246. National Centre for Education of the Republic of Latvia. Vocational Education and Employment Tripartite Cooperation Sub-councils. At the sitting of January 30, 2013, the protocol Nr. 1. Basic requirements for the professional qualification of the cutter // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0001.pdf.

247. National Centre for Education of the Republic of Latvia. Vocational Education and Employment Tripartite Cooperation Sub-councils. At the sitting of January 30, 2013, the protocol Nr. 1. Basic requirements for the professional qualification of an electrician // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0004.pdf.

248. National Centre for Education of the Republic of Latvia. Vocational Education and Employment Tripartite Cooperation Sub-councils. At the sitting of March 20,

2013, the protocol Nr. 2. Essential requirements for professional qualification of overhead lines and cable lines // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0007.pdf.

249. National Centre for Education of the Republic of Latvia. Vocational Education and Employment Tripartite Cooperation Sub-councils. At the sitting of March 20, 2013, the protocol Nr. 2. Basic requirements for the professional qualification of Grimman // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0009.pdf.

250. National Centre for Education of the Republic of Latvia. Vocational Education and Employment Tripartite Cooperation Sub-councils. At the sitting of March 20, 2013, the protocol Nr. 2. Essential requirements for the professional qualification of perfumery and cosmetics operator // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/dokumenti/prof_kval_pamatprasibas/PKP0011.pdf.

251. National Centre for Education of the Republic of Latvia. Professional standards from 2008 // URL: http://visc.gov.lv/profizglitiba/stand_registrs.shtml.

252. National Centre for Education of the Republic of Latvia. State language proficiency test // URL: <http://visc.gov.lv/valval/norise.shtml>.

253. National Centre for Education of the Republic of Latvia. Essential requirements for professional qualifications // URL: <http://visc.gov.lv/profizglitiba/pkp.shtml>.

254. Guidelines for the State Language Policy 2005-2014 // URL: http://www.valoda.lv/images/stories/Guidelines_of_the_State_Language_policy_for_2005-2014.pdf.

Other documents

255. Secretary General of the OSCE. Annual report 2001 on OSCE activities (1 November 2000 to 31 October 2001). 2001.

256. Memorandum of the Human Rights Commissioner, Alvaro Gil-Robles, on his visit to Latvia from 5 to 8 September 2003 for the attention of Ministers and the Parliamentary Assembly.

257. Memorandum to the Government of Latvia "Assessment of progress achieved in implementing the recommendations of the Council of Europe Commissioner for Human Rights from 2003". Strasbourg. May 16, 2007.

258. OSCE. Latvia Parliamentary elections October 2, 2010 Final report // URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/latvia/75205?download=true> [2010].
259. UN. Convention on the Status of Stateless Persons // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml.
260. OSCE. Annual report 1994. // URL: <http://www.osce.org/ru/secretariat/14573?download=true> [14.11.1994].
261. United Nations Development Program // URL: <http://www.un.org/ru/ga/undp/>.
262. Publication of the Secretariat of the Organization for Security and Cooperation in Europe // OSCE Handbook. 2000. P. 243.
263. Congress of Local and Regional Authorities (Council of Europe). Recommendation 47 (1998) on democracy at the local and regional levels in Latvia, 28.05.1998.
264. UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination. Concluding remarks, CERD/C/304/Add.79, 23.08.1999.
265. European Commission against Racism and Intolerance (ECRI). Second report on Latvia, CRI (2002 г.) 21, 14.12.2001.
266. Bureau for Institutions of Democracy and Human Rights of the OSCE. Final report on the parliamentary elections in Latvia, 20.11.2001.
267. UN Human Rights Committee. Concluding remarks, CCPR/CO/79/LVA, 01.12.2003.
268. UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination. Concluding remarks, CERD/C/63/CO/7, 10.12.2003.
269. Commissioner for Human Rights of the Council of Europe. Report on the visit to Latvia, CommDH (2004 г.) 3, 12.02.2004.
270. The European Parliament. Resolution of the European Parliament on the report of the European Commission on the comprehensive monitoring of the Czech Republic, Estonia, Cyprus, Latvia, Lithuania, Hungary, Malta, Poland, Slovenia and Slovakia on their readiness to join the European Union. P5_TA (2004 г.) 0180, 11.03.2004.
271. OSCE Parliamentary Assembly. Edinburgh Declaration 2004, Resolution on the Situation of National Minorities in Latvia and Estonia (05.07.2004 – 09.07.2004).
272. Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Resolution 1459 (2005) on the Elimination of Restrictions on the Right to Vote. Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Resolution 1527 (2006) "On the Rights of National Minorities in Latvia".

273. Bureau for Institutions of Democracy and Human Rights of the OSCE. Republic of Latvia: Parliamentary elections, 08.02.2007.
274. Council of Europe Commissioner for Human Rights. Memorandum to the Government of Latvia, Strasbourg, CommDH (2007 r.) 9, 16.05.2007.
275. European Commission against Racism and Intolerance (ECRI). Third report on Latvia, CRI (2008 r.) 2, 29.06.2007.
276. UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights. Latvia. Concluding remarks (E/C. 12/LVA/CO/1), 07.01.2008.
277. Special Rapporteur on contemporary forms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance. Report on the mission in Latvia to the UN Committee on Human Rights (A/HRC/7/19/Add.3) 05.03.2008.
278. Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europe; 03.12.2008.

Speeches of politicians of Latvia

279. European Parliament. The future of Europe sixty years after the Second World War. P6_CRE (2005) 05-11 (16) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050511+ITEM-016+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-147> [11.05.2005].
280. European Parliament. EU-Russia Relations. P6_CRE (2005) 05-25 (13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050525+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-093> [25.05.2005].
281. European Parliament. Protection of minorities and anti-discrimination policies in an enlarged Europe. P6-CRE (2005) 07-06 (27) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050607+ITEM-027+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-307> [07.06.2005].
282. European Parliament. European Parliament resolution on Estonia. RC-B6-0205/2007 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=P6-RC-2007-0205&language=EN> [02.05.2007].

283. European Parliament. Estonia (debate). CRE 22/05/2007 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20070522+ITEM-018+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-360> [22.05.2007].
284. European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). CRE 03/02/2009 – 15 // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-484> [03.02.2009].
285. European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). P6_CRE (2009) 02-03 (15) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-485> [03.02.2009].
286. European Parliament. Voting rights for non-citizens of Latvia in local elections (debate). P6_CRE (2009) 02-03 (15) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090203+ITEM-015+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-482> [03.02.2009].
287. European Parliament. European conscience and totalitarianism (debate). P6_CRE (2009) 03-25 (10) //URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20090325+ITEM-010+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-399> [25.03.2009].
288. European Parliament. The Northern Dimension. P6_CRE (2005) 09-08 (4) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20050908+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=4-016> [08.09.2005].
289. European Parliament. European Neighbourhood Policy. P6_CRE (2006) 01-18 (12) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20060118+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-389> [18.01.2006].
290. European Parliament. Results of the informal summit of heads of state and government (Lahti, 20 October 2006) (debate). P6_CRE (2006) 10-25 (4) // URL:

[http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20061025+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-071)

[//EP//TEXT+CRE+20061025+ITEM-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20061025+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-071)

[004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-071](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20061025+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-071) [25.10.2006].

291. European Parliament. Russia-EU summit (debate). P6_CRE (2006) 11-29

(13) // URL: [http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20061129+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-078)

[//EP//TEXT+CRE+20061129+ITEM-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20061129+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-078)

[013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-078](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20061129+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-078) [29.11.2006].

292. European Parliament. EU economic and trade relations with Russia.

P6_CRE (2007) 06-18 (16) //URL:

[http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20070618+ITEM-016+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=1-150)

[//EP//TEXT+CRE+20070618+ITEM-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20070618+ITEM-016+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=1-150)

[016+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=1-150](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20070618+ITEM-016+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=1-150) [18.06.2007].

293. European Parliament. An EU Strategy for Central Asia (debate). P6_CRE

(2008) 02-12 (13) // URL: [http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080219+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-366)

[//EP//TEXT+CRE+20080219+ITEM-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080219+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-366)

[013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-366](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080219+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-366) [19.02.2008].

294. European Parliament. Preparation of the EU/Russia summit (26-27 June

2008) (debate). P6_CRE (2008) 06-18 (13) // URL:

[http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080618+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-318)

[//EP//TEXT+CRE+20080618+ITEM-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080618+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-318)

[013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-318](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080618+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-318) [18.06.2008].

295. European Parliament. EU-Russia relations (debate). P6_CRE (2008) 10-21

(12) // URL: [http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20081021+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-313)

[//EP//TEXT+CRE+20081021+ITEM-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20081021+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-313)

[012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-313](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20081021+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-313) [21.10.2008].

296. European Parliament. Deterioration of the situation in Georgia (debate) //

URL: [http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080507+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-055)

[//EP//TEXT+CRE+20080507+ITEM-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080507+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-055)

[012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-055](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20080507+ITEM-012+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-055) [07.05.2008].

297. European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV (2014)

07-15 (8) // URL: [http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-104-000)

[//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-104-000)

[008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-104-000](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-104-000) [15.07.2014].

298. European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV (2014) 07-15 (8) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140715+ITEM-008+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-102-000> [15.07.2014].
299. European Parliament. Situation in Ukraine and state of play of EU-Russia relations (debate). P8_CRE-REV (2014) 09-16 (4) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20140916+ITEM-004+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-045-000> [16.09.2014].
300. European Parliament. Association agreement with Georgia – Conclusion of the Association agreement with Georgia (debate). P8_CRE-PROV (2014)12-17(17) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20141217+ITEM-017+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-742-000> [17.12.2014].
301. European Parliament. Situation in Ukraine (debate). P8_CRE-REV(2015)01-14(7) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150114+ITEM-007+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-285-000> [14.01.2015].
302. European Parliament. Situation in Ukraine. P8_CRE-REV(2015)02-10(11) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150210+ITEM-011+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-355-000> [10.02.2015].
303. European Parliament. Murder of the Russian opposition leader Boris Nemtsov and the state of democracy in Russia (debate). P8_CRE-REV(2015)03-11(13) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150311+ITEM-013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-387-000> [11.03.2015].
304. European Parliament. State of EU-Russia relations (debate). P8_CRE-REV(2015)06-09(3) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150609+ITEM-003+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=2-061-000> [09.06.2015].
305. European Parliament. Situation in Ukraine (debate) (debate). P8_CRE-REV (2015) 01-14 (7) // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=->

[//EP//TEXT+CRE+20150114+ITEM-](#)

[007+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-310-000](#) [14.01.2015].

306. European Parliament. Strategic military situation in the Black Sea Basin following the illegal annexation of Crimea by Russia (debate). P8_CRE-REV (2015) 06-10

(13) // URL: [\[013+DOC+XML+V0//EN&language=en&query=INTERV&detail=3-551-000\]\(#\) \[10.06.2015\].](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+CRE+20150610+ITEM-</p>
</div>
<div data-bbox=)

307. Synthesis Report. Conclusions and Recommendations on the Situation of Fundamental Rights in the European Union and its Member States in 2003. P. 90 [04.02.2004].

308. Chairman of the Seimas I. Kreytuse, Riga, August 22, 1996. Published on: "Legal acts of the Republic of Latvia" 27.08.1996 № 143 (628).

309. Chairman of the Seimas I. Udre, Riga, 12 May 2005. Published on: "Legal acts of the Republic of Latvia". 17.05.2005. № 77 (3235).

Internet resources

310. Andreevna E. "Says and shows the Museum of occupation" // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/govorit-i-pokazyvaet-muzei-okkupacii> [18.02.2015].

311. Archive of the Ministry of Foreign Affairs of Latvia. "" Attention to the statehood of Latvia "Foreign employees of the service of Latvia in exile during the years of occupation June 17, 1941 - August 21, 1991" // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/about-the-ministry/history-of-the-foreign-service/on-guard-for-latvia-s-statehood-latvia-s-foreign-service-staff-in-exile-during-the-years-of-occupation-june-17-1941-august-21-1991> [02.12.2014].

312. Vesti segodnya. "The version of the vanquished, or the Short Course of Feldmanism" // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/versiya-pobezhdennyh-ili-kratkii-kurs-feldmanizma> [25.02.2016].

313. Vesti segodnya. "Who is not with us, that" agent of the Kremlin ": disassembly" // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/kto-ne-s-nami-tot-agent-kremlya> [03.11.2015].

314. Ignatiev O. What awaits non-citizens in the European Union // AS DELFI // URL: <http://rus.delfi.lv/archive/chto-zhdet-negrazhdan-v-evrosoyuze.d?id=4838159> [20.02.2003].

315. Kolchanov B. The rights of national minorities are not among the priorities of the EU // AS DELFI // URL: <http://rus.delfi.lv/archive/prava-nacmenshinstv-ne-vhodyatv-chislo-prioritetov-es.d?id=2479509> [16.01.2002].
316. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Integration of society in Latvia // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration> [05.11.2015].
317. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Education of minorities in Latvia // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia> [19.02.2015].
318. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Minority education: statistics and trends // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia/minority-education-statistics-and-trends> [21.03.2016].
319. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Why the reform of education of national minorities was necessary in Latvia // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia/why-national-minority-education-reform-was-needed-in-latvia> [19.02.2015].
320. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Results of reforms // URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/policy/society-integration/minority-education-in-latvia/changes-in-the-educational-content-and-students-exam-performance> [05.11.2015].
321. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Integration of society in Latvia: from plans to their implementation N. 20, December 2001. // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ru/periodicheskie-izdaniya/integraciya-obshchestva-v-latvii-ot-planov-k-ih-vypolneniyu/integraciya-obshchestva-v-latvii-ot-planov-k-ih-vypolneniyu-n-20-dekabr-2001-goda> [02.12.2014].
322. UN. Speech by Lithuania - Special Commemorative Meeting of the General Assembly // URL: <http://www.un.org/ru/events/remembranceday/ref/reconciliation/lithuania.pdf> [09.05.2005].
323. UN. European Parliament and PACE against discrimination of non-citizens in Latvia // Congress of non-citizens // URL: <http://www.kongress.lv/ru/material/rospusk-sejma-vruchnuju> [31.12.2012].
324. Russian newspaper. In Donbass counted the number of victims of the conflict among civilians // URL: <http://rg.ru/2015/05/10/purgin-anons.html> [10.05.2015].
325. Sergeeva A. Researcher: Latvia has treated tough Russians // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/issledovately-latviya-oboshlasy-s-russkimi-zhestko> [04.03.2016].

326. Sokolova O. We are in the 90's. Week 2 - November 8, 1993 in the Latvian press // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/my-v-90-e-nedelya-2-8-noyabrya-1993-goda-v-latviiskoi-presse> [03.11.2009].
327. Sokolova O. We are in the 90's. Week of 19 - 25 October in the Latvian press // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/my-v-90-e-nedelya-19-25-oktyabrya-1993-goda-v-latviiskoi-presse> [18.10.2009].
328. Tarasov A. Latvia will judge the Communists // Telegraf.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/latviya-budet-sudity-kommunistov> [23.08.2015].
329. Chas. Girts Valdis Kristovskis: "We want to change the opinion of Europe about Latvia" // URL: <http://rus.delfi.lv/archive/girt-valdis-kristovskis-my-hotim-izmenit-mnenie-evropy-o-latvii.d?id=14967882> [17.08.2006].
330. Baltnews.lv. Solopenko A. Russians in Latvia. How many they were, is and will be // URL: <http://baltnews.lv/news/20151207/1015123139.html> [07.12.2015].
331. DELFI.LV. OSCE closes its mission in Latvia // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/obse-zakryvaet-svoyu-missiyu-v-latvii.d?id=2355590> [19.12.2001].
332. DELFI.LV. Kalniete: Europe knows too little about the crimes of the Communists // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/kalniete-evropa-slishkom-malo-znaet-o-prestupleniyah-kommunistov.d?id=43761540> [26.10.2013].
333. DELFI.LV. Latvia asks Germany to support condemnation of communist crimes // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/latviya-prosit-germaniyu-podderzhat-osuzhdenie-prestuplenij-kommunizma.d?id=16811809> [07.02.2007].
334. DELFI.LV. President: Europe should condemn communism // URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/prezident-evropa-dolzha-osudit-kommunizm.d?id=20197996> [07.02.2008].
335. Ministry of Education and Science. Laws // URL: <http://www.izm.gov.lv/lv/normativie-akti/likumi>.
336. Ministry of Education and Science // URL: <http://www.izm.gov.lv/lv/>.
337. The Latvian Language Agency // URL: http://www.valoda.lv/Agenturas_darbiba/Agenturas_darbiba/653/mid_493.
338. The Latvian Language Agency. Goal and tasks // URL: http://www.valoda.lv/Agenturas_darbiba/Merkis_un_uzdevumi/758/mid_565.

339. Latvijas Avīze. Rose: Russians do not have a common culture in Latvia // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/roze-u-russkoyazychnyh-v-latvii-net-obshtei-kulytury> [02.09.2010].
340. Russian Union of Latvia. The list of differences in the rights of citizens and non-citizens - permanent residents of Latvia // URL: [http://www.rusojuz.lv/ru/other/razlichija-v-pravah-grazhdan-i-negrazhdan/15031/-/](http://www.rusojuz.lv/ru/other/razlichija-v-pravah-grazhdan-i-negrazhdan/15031/) [12.04.2006].
341. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. International recognition of the restoration of Latvia's independence in 1991 // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/izstades/latvijas-neatkaribas-atjaunosanas-starptautiska-atzisana-1991-gada> [23.11.2015].
342. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Janis Jurkans // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/janis-jurkans> [02.12.2014].
343. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Georgs Andrejevs // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/georgs-andrejevs> [02.12.2014].
344. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Sandra Kalniete // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/sandra-kalniete> [02.12.2014].
345. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Valdis Birkavs meets with Austrian and Russian foreign ministers // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15326-valdis-birkavs-tiekas-ar-austrijas-un-krievijas-arlietu-ministriem> [02.12.1998].
346. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Valdis Birkavs // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/valdis-birkavs> [02.12.2014].
347. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister meets US Ambassador // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15178-arlietu-ministrs-tiekas-ar-asv-vestnieku-799-lv> [30.04.1999].
348. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister meeting in Washington // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15160-arlietu-ministra-tiksanas-vasingtona> [20.05.1999].

349. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. The Foreign Minister participates in the Intergovernmental Conference and the EU General Affairs and External Relations Council // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18513-arlietu-ministrs-piedalas-starpvaldibu-konference-un-es-visparejo-lietu-un-arejo-attiecibu-padome> [18.05.2004].
350. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Rihards Pīks participates in the General Affairs and External Relations Council of the European Union // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18508-arlietu-ministrs-rihards-piks-piedalas-eiropas-savienibas-visparejo-lietu-un-arejo-attiecibu-padome> [17.05.2004].
351. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Rihards Pīks // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/rihards-piks> [02.12.2014].
352. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Rihards Pīks invites Russia to sign a border treaty with Latvia // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18659-arlietu-ministrs-rihards-piks-aicina-krieviju-parakstit-robezligumu-ar-latviju> [29.06.2004].
353. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Artis Pabriks // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/artis-pabriks> [02.12.2014].
354. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Artis Pabriks participates in the UN General Assembly // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18845-arlietu-ministrs-artis-pabriks-piedalas-ano-generalas-asambleja> [22.09.2004].
355. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Artis Pabriks will meet with the Occupation Council Museum // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/18740-arlietu-ministrs-artis-pabriks-tiksies-ar-okupacijas-muzeja-vadibu> [10.08.2004].
356. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Artis Pabriks: "The large number of ethnic minorities in Latvia shows that life in our country is good" // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/20575-arlietu-ministrs-artis-pabriks-lielais-mazakumtautibu-skaitis-latvija-liecina-ka-dzive-musu-valsti-ir-laba> [25.10.2005].

357. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Girts Valdis Kristovskis // URL: <http://www.mfa.gov.lv/ministrija/arlietu-dienesta-vesture/latvijas-arlietu-ministri-un-latvijas-diplomatiska-dienesta-vaditaji/girts-valdis-kristovskis> [02.12.2014].
358. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. Foreign Minister Artis Pabriks invites the EC to actively develop a common energy policy // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/22518-arlietu-minstrs-artis-pabriks-aicina-ek-aktivi-izstradat-vienotu-energetikas-politiku> [14.11.2006].
359. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. V.Birkavs: Latvia and Lithuania have common goals // URL: <http://www.mfa.gov.lv/aktualitates/zinas/15265-v-birkavs-latvijai-un-lietuvai-ir-kopeji-merki> [02.02.1999].
360. Saeima of the Republic of Latvia. On the North Atlantic Treaty (second reading: Urgent). 26.02.2004. 09:36:48 bal013 // URL: http://www.saeima.lv/steno/2002_8/st_040226/Balsoj/013.htm [09.11.2014].
361. LETA. 58% of young unemployed in Latvia do not have secondary education // URL: <http://www.infotop.lv/article/ru/58-molodih-bezrabotnih-v-latvii-ne-imejut-srednego-obrazovaniya> [13.10.2015].
362. Mixnews.lv. The center of state language has called to speak in the workplace in Latvian // URL: http://www.mixnews.lv/ru/society/news/168347_centrgosyazyka-prizval-govorit-na-rabo4em-meste-po-latyshski/ [18.01.2015].
363. Mixnews.lv. Center of state language: using Latvian at work is a call, not a requirement // URL: http://www.mixnews.lv/ru/exclusive/news/168443_centrgosyazyka-ispolzovanie-latyshskogo-na-rabote-prizyv-a-ne-trebovanie-audio/ [19.01.2015].
364. The State Employment Agency. Overview of the unemployment situation in the country in April 2013 // URL: <http://www.nva.gov.lv/index.php?cid=6&mid=444&txt=451&t=stat> [14.05.2013].
365. The State Employment Agency. Unemployment figures and NVA accretion in April 2014 // URL: <http://www.nva.gov.lv/index.php?cid=6&mid=470&txt=475&t=stat> [16.05.2014].
366. NEWSru.com. Results of the war in Iraq: 120 thousand people were killed, and the US threatens to strike with force by three trillion dollars // URL: <https://newsru.com/world/15mar2013/iraq.html> [15.03.2013].
367. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence URL: <https://ccdcoe.org/index.html>.

368. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Latvian Minister of Defence Briefed on Cyber Security // URL: <https://ccdcoe.org/latvian-minister-defence-briefed-cyber-security.html> [19.08.2015].
369. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Angela Merkel Briefed on Cyber Security // URL: <https://ccdcoe.org/AngelaMerkel.html> [24.08.2016].
370. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Terms and Definition // URL: <https://ccdcoe.org/cyber-definitions.html>.
371. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Experts: Multiple International Law Regimes Apply to Cyber Operations // URL: <https://ccdcoe.org/experts-multiple-international-law-regimes-apply-cyber-operations.html> [11.02.2016].
372. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Over 50 States Consult Tallinn Manual 2.0 // URL: <https://ccdcoe.org/over-50-states-consult-tallinn-manual-20.html> [02.02.2016].
373. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. Cyber Warfare Integral Part of Modern Politics, New Analysis Reaffirms // URL: <http://ccdcoe.org/cyber-warfare-integral-part-modern-politics-new-analysis-reaffirms.html> [01.12.2015].
374. NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. James J. Wirtz Cyber War and Strategic Culture: The Russian Integration of Cyber Power into Grand Strategy // URL: https://ccdcoe.org/sites/default/files/multimedia/pdf/CyberWarinPerspective_Wirtz_03.pdf.
375. NATO Stratcom Centre of Excellence // URL: <http://www.stratcomcoe.org>.
376. NATO STRATCOM. Centre present research to the Latvian Audience // URL: <https://stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/6/17.aspx>.
377. NATO STRATCOM. Centre present preliminary results of the study on internet trolling // URL: <https://stratcomcoe.org/lv/NewsandEvents/News/2015/7/30.aspx>.
378. NATO STRATCOM. Countering propaganda: NATO spearheads use of behavioural change science // URL: <https://stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/5/12.aspx>.
379. NATO STRATCOM. Canada contributes to capabilities of NATO Strategic Communications Centre of Excellence // URL: <https://stratcomcoe.org/NewsandEvents/News/2015/2/20.aspx>.

380. NATO Strategic Communications Centre of Excellence Riga. Centre's experts speak at international conference 'Russian Soft Power' in Rome // URL: <http://www.stratcomcoe.org/centres-experts-speak-international-conference-russian-soft-power-rome> [09.06.2016].
381. NATO. Adapting to changed security conditions // URL: http://nato.int/cps/ru/natohq/opinions_120166.htm?#top.
382. OSCE. REF. No 238/93/L/Rev // URL: <http://www.osce.org/hcnm/30608?download=true>.
383. Rus.TVNET. Research: seven Latvian organizations could receive from Russia more than 680 thousand euros // URL: https://rus.tvnet.lv/novosti/obschjestvo/300932-issljedovaniye_sjem_latviyskih_organizacij_mogli_poluchit_ot_rossii_boljeje_680_tis_jevro [27.08.2015].
384. Telegraf.lv. Valdis Zatlers will help the Museum of the Occupation: it is very important // URL: <http://www.telegraf.lv/news/valdis-zatlers-reshil-pomochy-muzeyu-okkupacii> [03.09.2010].
385. Telegraf.lv. Museum of occupation will show a movie about forest brothers // URL: <http://www.telegraf.lv/news/muzei-okkupacii-reklamiruet-lesnyh-bratyev> [23.05.2010].
386. Telegraf.lv. Museum of occupation is gaining popularity among tourists // URL: <http://www.telegraf.lv/news/muzei-okkupacii-nabiraet-populyarnosty-u-turistov> [17.10.2012].
387. Telegraf.lv. Latvia nevertheless has appropriated Abrene // URL: <http://www.telegraf.lv/news/latviya-gotova-possoritsya-s-rossiei> [17.06.2009].
388. Telegraf.lv. Museum of the occupation will remind of Abrene // URL: <http://www.telegraf.lv/news/muzei-okkupacii-napomnit-ob-abrene> [11.11.2011].
389. Telegraf.lv. Scandalous doctor Slutsis again accused the Russians // URL: <http://www.telegraf.lv/news/skandalnyi-vrach-slucis-snova-obvinil-russkih> [02.10.2012].
390. Telegraf.lv. Ushakov: I know that Latvia will be saved from the Crimean scenario // URL: <http://www.telegraf.lv/news/ushakov-garant-bezopasnosti-latvii-edinenie-lyudei> [04.04.2014].
391. Telegraf.lv. Telegraph preserves objectivity // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/v-latvii-esty-nezavisimaya-prensa> [09.07.2009].
392. Telegraf.lv. "Go home, enemy!" // Vesti.lv // URL: <http://www.telegraf.lv/news/uezzhai-domoi-vrag> [20.05.2009].

393. Telegraf.lv. Daudze calls for equating Nazism and communism // URL: <http://www.telegraf.lv/news/daudze-prizval-priravnyaty-nacizm-i-kommunizm> [14.10.2009].
394. Телеграф.lv. The European Commission refused to punish the denial of the crimes of communism // URL: <http://www.telegraf.lv/news/evrokomissiya-otkazalasy-nakazyvaty-za-otricanie-prestupenii-kommunizma> [22.12.2010].
395. Tallinn Manual Process // URL: <https://ccdcoe.org/tallinn-manual.html>.
396. Ventspils University College. Official language // URL: <http://venta.lv/ru/nepreryvnoe-obrazovanie/yazykovye-kursy/gosudarstvennyj-yazyk/>.
397. The State Language Centre // URL: <http://www.vvc.gov.lv/advantagecms/LV/aktualitates/index.html>.